UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00099646 2

Многоуважаемому А. Е. Преснякову отъ автора

Проф. Мих. Грушевскій.

КІЕВСКАЯ РУСЬ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Введеніе. Территорія и населеніе въ эпоху образованія государства.

Извлечено изъ 2-го украинскаго изданія.

1911.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ КНИЖНЫХЪ СКЛАДАХЪ:

Н. П. Карбасниковъ, С.-Петербургъ, Гостинный дворъ. № 19.

Тов. Обществ. Польза, С.-Петербургъ, Б. Подъяческая, 39.

„Літературно-Науковий Вістник“. Кіевъ, Б. Владимірская, 28.

...да съ древнѣйш...

Тип. Императорскаго училища глухонѣмыхъ (М. Аленевой), Спб., Мойка, 54.

Приступая къ настоящему изданію, я имѣлъ въ виду отсутствіе въ русской исторической литературѣ книги, которая бы вводила интересующагося въ основные вопросы исторіи культурнаго и общественнаго процесса древней Руси. Хотя за послѣднія десятилѣтія появилось немало весьма цѣнныхъ монографій и болѣе общихъ работъ, посвященныхъ различнымъ сторонамъ древнерусской жизни, среди нихъ даже нѣсколько весьма замѣчательныхъ по своимъ научнымъ и литературнымъ достоинствамъ, все таки онѣ не могли замѣнить книги, которая бы вводила такъ сказать въ лабораторію историческаго изученія, знакомила бы съ тѣми основаніями, на которыхъ покоятся основныя положенія и выводы, обращающіеся въ современной научной литературѣ, оріентировала бы въ достигнутомъ историческимъ изученіемъ и томъ, что является еще только искомымъ для него. Между тѣмъ для древнерусской эпохи, предназначенной служить пробнымъ полемъ для поколѣній историковъ, такія работы особенно желательны и необходимы, и ихъ отсутствіе заставляетъ себя чувствовать.

То, что предлагаю я, не писалось съ цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ и теперь не претендуетъ на полное удовлетвореніе указанныхъ нуждъ. То, что заключаетъ или, точнѣе, имѣетъ заключать въ себѣ это изданіе, изъ котораго предлагается лишь первая, вступительная часть—покрывается лишь отчасти съ обычнымъ понятіемъ „древнерусской исторіи". Это извлеченіе того, что входитъ въ это послѣднее понятіе, изъ моей исторіи украинскаго народа, предпринятой много лѣтъ тому назадъ. Имѣя въ виду прослѣдить процессъ историческаго развитія культурной и общественной жизни украинскаго народа съ древнѣйшихъ,

доступныхъ изученію временъ, я долженъ былъ удѣлить много мѣста кіевской эпохѣ, съ которой въ самой тѣсной связи стоитъ послѣдующая культурная и общественная эволюція Украины, а также и предшествующимъ временамъ, когда зарождались и формировались условія, въ которыхъ развилась политическая и культурная жизнь Кіевской Руси. Въ результатѣ первые томы моей „Исторіи Україны-Руси", начавшіе выходить съ 1898 г., заключали въ себѣ весьма многое изъ того, что обнимается понятіемъ „исторіи древней Руси"—до нѣкоторой степени покрывали его. Такъ какъ именно югъ былъ колыбелью культурнаго и общественнаго уклада Кіевской Руси, то древнѣйшая эпоха украинской жизни почти совпадаетъ съ понятіемъ исторіи этой послѣдней: въ моемъ изложеніи отсутствовала *мѣстная* исторія сѣверозападныхъ и сѣверовосточныхъ областей (лежащихъ внѣ украинской колонизаціи), но должно было самымъ подробнымъ образомъ разсматриваться общее культурное наслѣдіе, которымъ располагали восточно-европейскія племена въ эпоху созиданія Кіевскаго государства, и тѣ общія условія, въ которыхъ развивался культурный и общественный процессъ, захватившій провинціи Кіевскаго государства.

Въ виду этого многіе изъ моихъ ученыхъ друзей издавна понуждали меня къ изданію русскаго перевода этихъ томовъ. Въ своемъ украинскомъ оригиналѣ, даже и послѣ того какъ съ него снято было запрещеніе, тяготѣвшее на всѣхъ вообще заграничныхъ украинскихъ изданіяхъ (въ 1904 г.), эти томы не могли получить распространенія внѣ тѣснаго круга спеціалистовъ, и если въ этомъ послѣднемъ они заняли свое мѣсто въ числѣ курсовъ, посвященныхъ эволюціи древнерусской жизни, то внѣ ихъ (и внѣ украинской интеллигенціи), въ болѣе широкихъ кругахъ лицъ, интересующихся вопросами древнерусской исторіи, они съ этой стороны оставались неиспользованными.

Все это понудило меня въ концѣ концовъ подумать объ изданіи извлеченія, которое могло бы сослужить свою службу древне-русской дисциплинѣ, для меня самого бывшей настоящей alma mater въ моихъ исторических изу-

ченіяхъ. Въ полномъ своемъ составѣ эти извлеченія должны были бы образовать приблизительно такую серію:

I. Введеніе въ исторію Кіевской Руси. Территорія и населеніе въ эпоху образованія государства.

II. Образованіе Кіевскаго государства.

III. Разложеніе Кіевскаго государства и провинціальная жизнь южнаго Поднѣпровья XI—XIV в.

IV. Общественный строй, культура и бытъ Кіевской Руси.

V. Галицко-Волынское государство XIII—XIV вв., какъ непосредственное продолженіе Кіевскаго.

По крайней мѣрѣ изданіе трехъ выпусковъ (I, II и IV) хотѣлось мнѣ осуществить, выпустивъ ихъ по возможности одновременно, и приступая къ пересмотру для новаго изданія своего украинскаго курса, я расчитывалъ издать эти томы, которые бы заключали обзоръ наиболѣе важныхъ и характерныхъ сторонъ эпохи. Но обстоятельства сложились такъ неблагопріятно, что я долженъ былъ ограничиться пока выпускомъ лишь перваго тома, за которымъ, впрочемъ, въ скоромъ времени послѣдуетъ второй, заключающій исторію образованія Кіевскаго государства.

Предлагаемый томъ посвященъ территоріи и населенію Южной, Кіевской Руси. Онъ заключаетъ въ себѣ исторію, съ древнѣйшихъ временъ и до эпохи образованія государства включительно, территоріи, колонизированной южной группой восточно-славянскихъ племенъ и послужившей главнымъ образомъ ареной политическаго и культурнаго процесса кіевскаго періода, далѣе исторію славянскаго разселенія на этой территоріи и обзоръ культурной и общественной эволюціи мѣстнаго славянскаго населенія, насколько изученіе этой эволюціи возможно по наличнымъ даннымъ—отчасти въ ея движеніи, отчасти въ конечныхъ результатахъ эпохи созданія государства. Это какъ бы введеніе въ исторію Кіевскаго государства. Моей задачей при этомъ было вывести исторію народной жизни изъ тѣсныхъ рамокъ историко-литературнаго преданія, на которомъ исключительно опирается исторія политической жизни, и при помощи всѣхъ причастныхъ дисциплинъ дать образъ куль-

турно-общественной эволюціи, вѣнчаемой созданіемъ Кіевскаго государства: очеркъ культурнаго наслѣдія, даннаго территоріей, и культурно-общественныхъ пріобрѣтеній, созданныхъ предшествующей жизнью народа на прародинѣ и затѣмъ дополненныхъ и видоизмѣненныхъ въ новой обстановкѣ разселенія, запечатлѣвшихся въ языкѣ и бытѣ эпохи созданія государства. При этомъ, конечно, менѣе всего эта часть моего труда—вообще далекаго отъ догматизма, можетъ претендовать на сообщеніе окончательныхъ выводовъ по даннымъ вопросамъ. Историку въ этой области приходится опираться на данныя цѣлаго ряда дисциплинъ новыхъ, еще не установившихся, часто не только не пришедшихъ къ какимъ либо прочнымъ и незыблемымъ выводамъ, но не выработавшимъ даже опредѣленныхъ методовъ и критеріевъ изслѣдованія. Моею цѣлью было не столько сообщеніе какихъ либо окончательныхъ выводовъ этихъ дисциплинъ, сколько указаніе на пути и перспективы, открываемыя ими. Какъ бы несовершенны ни были сообщаемые ими результаты,—подверженные еще большимъ колебаніямъ, нуждающіеся весьма часто въ провѣркѣ и поправкахъ,—въ высокой степени цѣнна сообщаемая ими истинно-историческая точка зрѣнія, для которой то, что такъ недавно являлось первымъ началомъ, исходнымъ пунктомъ (и до сихъ поръ служитъ имъ для нѣкоторыхъ дисциплинъ), становится результатомъ безконечно долгаго предшествующаго развитія, — для которой вообще всякій, даже наиболѣе удаленный отъ насъ моментъ развитія народной или вообще человѣческой жизни является не начальнымъ, а сравнительно позднимъ пунктомъ на пути развитія и движенія, и такъ называемая историческая жизнь является не болѣе, какъ самымъ новымъ, послѣднимъ актомъ эволюціи жизни человѣка. Вообще ставя цѣлью своей работы не столько сообщеніе читателю возможно удовлетворительныхъ и успокаивающихъ объясненій по каждому возникающему вопросу, сколько опорныхъ точекъ для самостоятельнаго сужденія и самостоятельнаго оріентированія въ немъ, я въ особенности въ настоящемъ томѣ желалъ обратить вниманіе приступающихъ къ

историческимъ изученіямъ на тѣ неизмѣримыя и благодарныя перспективы въ изученіи прошлаго, какія открываются историку при содѣйствіи географіи и археологіи, лингвистики и фольклора, этнологіи и соціологіи.

Конечно, если бы книга писалась спеціально для нынѣшней своей цѣли, выборъ матеріала и система была бы въ томъ или другомъ случаѣ иная. Въ данномъ случаѣ читатель имѣетъ передъ собою извлеченіе изъ работы, ставившей себѣ другія цѣли, — хотя и приноровленное по возможности къ настоящему изданію. Пропущены мѣста, имѣвшіе значеніе для освѣщенія эволюціи спеціально украинской жизни, сокращены мѣстами библіографическія указанія (при болѣе значительныхъ сокращеніяхъ это спеціально оговорено). Приготовляя I томъ „Історіи Украïни-Руси" для новаго изданія, я имѣлъ возможность въ нѣкоторыхъ случаяхъ значительно освѣжить указанія на литературу, а мѣстами и самое изложеніе, сравнительно со вторымъ изданіемъ, съ котораго сдѣланъ переводъ. Ссылки на другія части работы, трактующія тотъ или другой вопросъ, сдѣланы по украинскому изданію (т. II—IV по 2 изданію, т. V—VII по 1 изд.), такъ какъ я не имѣлъ увѣренности, что дальнѣйшія части перевода появятся въ скоромъ времени—кромѣ II тома настоящаго изданія, который надѣюсь выпустить въ непродолжительномъ времени. Выпускаемый теперь томъ соотвѣтствуетъ первымъ четыремъ главамъ I тома „Історіи Украïни-Руси" по 2 изд. 1904 г. Ссылки на слѣдующіе томы сдѣланы простою нумераціей томовъ.

Печатаніе настоящей книги за глазами было причиною значительнаго числа погрѣшностей, въ которыхъ мнѣ приходится извиниться передъ читателемъ. Вѣроятно, вкралось также немало неправильностей и въ языкѣ, несмотря на всѣ старанія мои и переводчиковъ, моихъ слушателей В. Дорошенка и Н. Желѣзняка, съ любовью потрудившихся надъ переводомъ.

Искреннею благодарностью обязанъ я также своимъ ученымъ друзьямъ, дѣлившимся со мною извѣстіями о своихъ изслѣдованіяхъ, и въ особенности многоуважаемому

акад. Ф. Ѳ. Фортунатову, любезно просмотрѣвшему для настоящаго изданія лингвистическій матеріалъ оригинала; къ сожалѣнію техническія условія не дали возможности вездѣ передать этотъ матеріалъ въ принятой современною лингвистикою орѳографіи.

Криворівня, 18 (31) VIII. 910.

I.

Территорія и ея прошлое.

§ 1. Общій видъ. Передъ нами обширная равнина юго-восточной Европы. Орографическій скелетъ ея составляютъ Карпаты и рядъ возвышенностей, тянущихся отъ нихъ вдоль сѣвернаго побережья Чернаго моря къ Каспійской низменности. На западѣ эта равнина перерѣзана узкой и довольно легко проходимой въ средней части дугой Карпатъ, въ своей западной и южной части развѣтвляющейся въ цѣлыя системы хребтовъ и возвышенностей. На югѣ къ ней въ ея центральной части непосредственно примыкаетъ средне-дунайская низменность. На сѣверѣ переходомъ къ низменности Припети - Десны является галицко-волынская возвышенность—плоскогорье, размытое водой до такой степени, что кое гдѣ оно имѣетъ почти гористый видъ. Въ юго-восточномъ направленіи, къ Днѣстру, эта возвышенность продолжается гранитнымъ хребтомъ, понижаясь въ этомъ направленіи и перегораживая порогами ложе Днѣстра и Днѣпра. За Днѣпромъ этотъ хребетъ снова поднимается въ видѣ Донецкой возвышенности, встрѣчаясь съ южнымъ краемъ центральной восточно-европейской возвышенности, а далѣе теряется за Дономъ въ Каспійской низменности.

Къ югу отъ этой гряды, по черноморскому побережью, а далѣе на востокъ (за Днѣпромъ) захватывая и самую эту южную возвышенность, разстилаются травяныя степи—высокая равнина, перерѣзанная рѣчными долинами и оврагами („балками") и покрытая толстымъ слоемъ чернозема. Эта степная полоса служитъ непосредственнымъ продолженіемъ среднеазіатскихъ степей, но въ своей западной части она менѣе дика. Клиномъ врѣзы-

вается она изъ Азіи въ Европу: граница ея тянется въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ, захватывая среднее и нижнее Подонье, нижнее Поднѣпровье и Поднѣстровье. Не только своей поверхностью, но и въ климатическомъ отношеніи она связана съ Азіей и находится подъ вліяніемъ восточныхъ вѣтровъ, и только мѣстности средняго Поднѣпровья и Поднѣстровья лежатъ уже въ сферѣ вліянія западнаго климата.

Сѣверная часть территоріи входитъ въ лѣсную полосу съ песчаной, малоплодородной почвой. Линія лѣса въ главныхъ своихъ очертаніяхъ и теперь еще совпадаетъ съ границами песчаной полосы; она тянется въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ, захватывая Подесенье, бассейны Ирпеня и Тетерева, среднія части Горыни и Случи, Побужье и болотистую Припетскую низменность. Лѣсъ и теперь еще, несмотря на продолжительное уничтоженіе, занимаетъ здѣсь громадныя пространства. Эти мѣстности мало пригодны для земледѣльческой культуры, но издавна богаты разными лѣсными промыслами.

Пространство между лѣснымъ и степнымъ поясами заполняетъ предстепная полоса, съ сильно размытой рѣками волнистой поверхностью и плодородной почвой, богатой лѣсными зарослями и водой. Въ центрѣ ее пересѣкаетъ широкая долина Днѣпра. Правое побережье Днѣпра занимаютъ отроги западной гряды, лѣвое — отроги центральной возвышенности, заполняющіе междурѣчье Десны и Дона.

Главная перемѣна, произведенная въ теченіе вѣковъ человѣческою жизнью во внѣшнемъ видѣ этого края—это уменьшеніе лѣса. Вмѣстѣ съ этимъ уменьшилась влажность почвы и обмелѣли рѣки. Самъ по себѣ это былъ естественный процессъ—послѣдствіе неустанно продолжающагося высыханія земли. Онъ былъ только ускоренъ различными проявленіями человѣческой „культуры", въ родѣ усиленнаго уничтоженія лѣса. Въ теченіе ста лѣтъ, со времени генеральнаго межеванія въ Россіи (въ 1784—8 годахъ) констатировано уменьшеніе площади лѣсовъ въ нѣкоторыхъ центральныхъ лѣсныхъ губерніяхъ отъ 20 до 30%; аналогическое явленіе должно было имѣть мѣсто и въ нашемъ лѣсномъ поясѣ. Но еще сильнѣе уменьшеніе лѣса со времени человѣческаго обитанія должно было сказаться въ среднемъ поясѣ, между степной и лѣсной полосой. Даже историческія извѣстія трехъ-четы-

рехъ послѣднихъ вѣковъ говорятъ о большихъ пространствахъ теперь уже уничтоженныхъ зарослей. Это уменьшеніе лѣса сильно повліяло на высыханіе земли и уменьшеніе водъ. Остатки большихъ лодокъ или кораблей въ различныхъ небольшихъ украинскихъ рѣчкахъ, теперь уже не судоходныхъ, показываютъ, что не такъ давно онѣ были гораздо богаче водою; нѣкоторыя рѣки уже на памяти исторіи совершенно обмелѣли, какъ напримѣръ историческая кіевская Лыбедь. Что касается степного пояса, то относительно его были большіе споры, дѣйствительно ли онъ былъ всегда степнымъ и не уничтожены ли и здѣсь пребываніемъ людей прежніе лѣса. Но изслѣдованія показали отсутствіе тутъ слѣдовъ болѣе значительныхъ лѣсныхъ пространствъ: были только отдѣльные лѣсные острова, а степной черноземъ образовался изъ травяныхъ остатковъ.

Въ орошеніи края важное значеніе имѣетъ галицко-волынская возвышенность: она и ея продолженія отдѣляютъ бассейнъ Днѣпра и Зап. Буга отъ бассейновъ Днѣстра и Дуная (Прута и Серета). Днѣстръ съ его безчисленными извилинами и слабо развитой системой притоковъ не имѣлъ важнаго значенія для сообщенія въ древности, какъ и теперь, особенно въ верхней своей части, гдѣ его лѣвые притоки близко подходятъ къ системамъ Сана, З. Буга, Припети, Ю. Буга. Его правые притоки были лишь важными колонизаціонными путями, въ гористомъ Карпатскомъ поясѣ, связывая Поднѣстровье непосредственно съ Потисьемъ и Подунавьемъ. За то колосальная водная система разстилается по другой сѣверо-восточной сторонѣ галицко-волынской возвышенности. Главной водной артеріей является тутъ Днѣпръ, собирающій воды съ всего пространства между галицко-волынской и центральной восточно-европейской возвышенностью. Издавна былъ онъ главной торговой дорогой для этой обширной территоріи. Главные притоки Днѣпра—Припеть и Десна, съ рядомъ меньшихъ притоковъ своихъ и днѣпровскихъ покрываютъ это пространство густою сѣтью путей и соединяютъ его съ сосѣдними рѣчными системами (не забудемъ, что въ древнее время далеко большее число этихъ рѣкъ было судоходно). Система верхняго Днѣпра тѣсно связана съ системою верхней Волги, Западной Двины и системой сѣверныхъ озеръ. Система Припети—съ системой Нѣмана и Западнаго Буга и Вислы, система Десны—

съ системой Оки, среднимъ Поволжьемъ и верхнимъ Подоньемъ, а Посемье и средніе притоки Днѣпра—Воркла и Самара близко подходитъ къ системѣ Донца. Въ результатѣ мы имѣемъ громадную систему путей, а ея главныя артеріи сходятся въ среднемъ Поднѣпровье и его природномъ центрѣ—древнемъ Кіевѣ, отъ времени первыхъ человѣческихъ поселеній, осѣвшихъ здѣсь на приднѣпровскихъ холмахъ, сосредоточивавшемъ въ себѣ движеніе со всѣхъ главныхъ притоковъ Днѣпра.

§ 2. Вліяніе физическихъ условій на историческую эволюцію. Описанныя географическія особенности страны имѣли громадное вліяніе на экономическую, культурную и политическую исторію населенія и даже на его этническую эволюцію. Я укажу тутъ только главнѣйшіе моменты:

На западѣ гористый карпатскій поясъ, а на сѣверѣ лѣсной, съ непроходимыми пущами и болотами, оба малодоступные для болѣе живыхъ сношеній, мало удобные для жизни, были наиболѣе консервативными частями, гдѣ болѣе всего сохранялось и сохранилось до нашего времени остатковъ прошедшаго. Они никогда не играли особенно выдающейся роли въ политической и культурной жизни, но имѣли важное значеніе, служа хранилищами, резервуарами, куда собиралось и укрывалось населеніе изъ слабѣе защищенныхъ мѣстностей въ опасныя времена.

Степная полоса на югѣ служила широкой дорогою изъ Азіи въ центральную Европу, на которой развивались широкія культурныя сообщенія, но по которой также безъ конца двигались различныя кочевыя орды въ своемъ вольномъ и невольномъ походѣ съ востока на западъ. Осѣдлая славянская колонизація только время отъ времени урывками овладѣвала степями и лишь въ самое послѣднее время (XVIII—XIX в.) овладѣла окончательно. Такимъ образомъ если временами степи имѣли важное значеніе въ культурномъ развитіи, то гораздо чаще были опаснымъ, вреднымъ сосѣдомъ даже для болѣе отдаленныхъ земель, и благодаря ихъ опасному сосѣдству часто лежали пустыней и предстепныя пространства.

Промежуточныя области между степью и „лѣсной стороной“—Галицкая плоскость, южная Волынь, среднее Поднѣстровье и Подонье, благодаря удобству сношеній и другимъ благопріятнымъ особенностямъ, были самой природой предназначены для главной роли въ культурномъ и общественномъ развитіи этого края. Но

чѣмъ ближе на востокъ, къ Азіи, тѣмъ далѣе на сѣверъ подвигаются границы степи и опасной предстепной полосы, отнимая благословенныя пространства у осѣдлой колонизаціи. Колонизація Подонья не была прочнѣе колонизаціи черноморскихъ побережныхъ степей. Даже среднее Поднѣпровье жило неспокойной тревожной жизнью, переживая время отъ времени сильныя колонизаціонныя бури и катастрофы. Главные культурные центры его находились на границѣ лѣсной полосы, и тутъ, на пограничьѣ между безопаснымъ лѣсомъ и богатымъ, удобнымъ предстепьемъ наиболѣе интенсивно проявлялась и держалась мѣстная жизнь—культурная и политическая. Кіевъ уже находится въ лѣсномъ поясѣ, на южной его границѣ, но и онъ—еще только форпостъ культурной жизни: и на него набѣгаютъ степныя волны, а иногда даже захватываютъ его.

Далѣе на западъ было безопаснѣе—далѣе отъ Азіи, отъ степи, ближе къ лѣсу, между лѣсомъ и горами. Поэтому въ Галиціи и на Волыни могла развиваться безпрерывно культурная и общественно-политическая традиція. Но здѣсь она не имѣла соотвѣтственныхъ условій для своего широкаго развитія. Не разъ, когда Приднѣпровье падало подъ напоромъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, Волынь и Галиція спасали, сохраняли его традиціи до лучшихъ временъ: но только въ Поднѣпровьѣ, этомъ естественномъ центрѣ нашей территоріи, политическая и культурная жизнь развивалась широко, загоралась сильнымъ пламенемъ.

То обстоятельство, что большая часть этой территоріи, къ къ тому же наилучше одаренная природой, подвергалась нѣсколько разъ совершенному запустѣнію вслѣдствіе натиска кочевниковъ, оказывало громадное вліяніе на всю колонизацію. Оно вызывало громадныя движенія населенія, которыя иногда поддерживались и усиливались еще спеціальными общественными и политическими обстоятельствами. Когда юго-восточная часть территоріи, степной поясъ обращался въ кочевье азіатскихъ ордъ, а предстепная полоса подвергалась ихъ разрушительнымъ нападеніямъ,—осѣдлое населеніе отливало въ сѣверныя и сѣверо-западныя области, лучше защищенныя горами, лѣсами и болотами. Но едва только проходилъ или по крайней мѣрѣ ослабѣвалъ тюркскій натискъ, какъ потомки эмигрантовъ и просто массы населенія изъ этихъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ областей неудержимо стремились

въ пустынныя, опасныя, но богатыя дарами природы южныя области, снова пріобщали ихъ къ осѣдлой колонизаціи, и жизнь закипала тутъ сильнымъ ключемъ. На памяти исторіи мы знаемъ нѣсколько такихъ большихъ приливовъ и отливовъ, не говоря о меньшихъ. Отливъ осѣдлаго населенія изъ степей и предстепныхъ мѣстностей подъ напоромъ Печенѣговъ въ X ст. и новое движеніе въ степи въ половинѣ XI в., когда ослабѣла печенѣжская орда. Новый отливъ въ концѣ XI в. подъ натискомъ Половцевъ и новое движеніе въ степи въ XII в., съ упадкомъ половецкаго могущества и хищности. Татарская гроза XIII в., принесшая страшное опустошеніе для всего Поднѣпровья, и затѣмъ колонизаціонные успѣхи XIV—XV вв., когда татарская орда подъ вліяніемъ разложенія и усобицъ утрачиваетъ всякую активность и силу. Крымскія опустошенія конца XV и первой половины XVI в. обращаютъ въ пустыню всю предстепную территорію, но съ развитіемъ военныхъ силъ населенія (козачества) развивается въ концѣ XVI и въ XVII столѣтіи новое колонизаціонное движеніе въ опустошенной области.

Эти приливы и отливы осѣдлой колонизаціи въ степь и предстепье составляютъ одно изъ основныхъ явленій, своими могущественными вліяніями на всю историческую эволюцію юго-восточной Европы обусловливавшее характеръ культурной и политической жизни ея. Чередованіе приливовъ и отливовъ поглощало огромную массу энергіи, труда и матеріальныхъ средствъ населенія. Массы народа въ продолженіе цѣлаго ряда столѣтій не могли подняться выше элементарнѣйшихъ интересовъ самосохраненія и не имѣли возможности удѣлить свободныхъ средствъ и силъ для удовлетворенія высшихъ культурныхъ потребностей. Эта же неустойчивость здѣшней жизни лишала прочнаго основанія политическія организаціи, созидавшіяся здѣсь. Отливы осѣдлой колонизаціи оставляли на мели политическіе центры или заставляли передвигаться въ томъ направленіи, куда двигалось это осѣдлое населеніе.

Этими отливами и причинявшими ихъ кочевыми наводненіями степей разрывались также и драгоцѣнныя связи съ центрами цивилизаціи, предназначенными питать своимъ культурнымъ запасомъ эти территоріи. Море и степное побережье его, столь удобное для караваннаго сообщенія, связывало этотъ край съ Передней

Азіей и Средиземнымъ бассейномъ, мѣсторожденіями древнѣйшихъ и богатѣйшихъ цивилизацій. Но сообщеніе съ ними развивалось только урывками, прерываемое или затрудняемое степными бурями. Обходные пути на востокъ и особенно на западъ были въ тѣ времена затруднены: массы дикихъ, непроходимыхъ лѣсовъ и отсутствіе сколько нибудь удобныхъ путей сообщеній тамъ, гдѣ прерывалась рѣчная дорога, заставляли прибѣгать къ этимъ обходнымъ путямъ только въ крайности, когда безнадежно закупоривались болѣе прямые и близкіе пути.

Эта картина могущественнаго воздѣйствія географическихъ условій на культурную и политическую эволюцію, которую развертываетъ передъ нами тысячелѣтіе исторической жизни этихъ странъ, уходитъ въ глубину предшествующихъ тысячелѣтій. Потокъ народовъ движется по побережью. Широкіе культурные связи съ востокомъ и югомъ то развиваются широко и могущественно, то слабѣютъ и прерываются. Углубляясь еще далѣе, замѣчаемъ, что эти передвиженія осѣдлаго населенія, вызываемыя колонизаціонными процессами, составляютъ лишь ослабленное продолженіе безконечно древнихъ, еще болѣе рѣзкихъ передвиженій, вызванныхъ физическими измѣненіями условій человѣческаго существованія въ этихъ краяхъ.

Къ сожалѣнію доступный намъ матеріалъ пока даетъ только весьма общіе намеки на эти древнѣйшія пертрурбаціи.

§ 3. Прошлое территоріи. Исторія этого края, какъ территоріи, какъ обширнаго материка, начинается только со времени послѣднихъ геологическихъ формацій. Что является сѣдой стариной для исторіи, то лишь недавнее прошлое для геологіи. Не только человѣческая и вообще животная жизнь является не болѣе какъ свѣжимъ мхомъ на старомъ камнѣ старыхъ геологическихъ формацій земли, но и самые нынѣшніе материки—явленіе сравнительно очень недавнее.

Юго-восточная Европа въ своемъ нынѣшнемъ видѣ обширнаго материка, окаймленнаго морями и горными хребтами и перерѣзаннаго рѣчными долинами, выступаетъ только въ третичную формацію, одну изъ наиболѣе молодыхъ (или даже самую молодую—вѣдь позднѣйшія формаціи являются собственно верхними

слоями этой третичной формаціи) [1]. Третичная формація въ нашихъ краяхъ характеризуется медленнымъ отступленіемъ моря на югъ и образованіемъ нынѣшняго континента, постепенно приближавшагося къ своему современному орографическому и гидрографическому виду. Въ началѣ третичной формаціи (въ такъ называемомъ эоценѣ) южная часть восточно-европейской равнины была большей частью покрыта водою, хотя и не безъ исключеній, не безъ перерывовъ, въ видѣ острововъ, выдвигавшихся изъ этого восточно-европейскаго моря. Позднѣе становится сушей теперешнее среднее Поднѣпровье и Донецкая возвышенность. А въ послѣднюю эпоху формаціи (пліоценъ) море уже очень немного выступало за границы нынѣшнихъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей, составлявшаго одно большое море вмѣстѣ съ Каспійскимъ. Этотъ процессъ—уменьшенія или отступленія морей одно время пошелъ даже дальше нынѣшняго, такъ что въ половинѣ диллювіальной

---

[1]) Для неосвѣдомленныхъ пояснимъ геологическую терминологію, съ которой намъ придется имѣть дѣло. Верхніе слои земли называются „аллювіемъ“, т. е. „наносомъ“ диллювіальныхъ водъ; эти слои возникли въ эпоху, когда физическая обстановка земной поверхности и ея жизнь не отличались сколько нибудь значительно отъ современныхъ. Подъ аллювіальными отложеніями залегаютъ „диллювіальныя“, „послѣпотопныя“—это названіе, данное подъ вліяніемъ библейскихъ традицій о потопѣ и допотопной жизни, соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности массамъ водъ отъ таявшихъ гигантскихъ ледниковъ того времени. Диллювіальныя напластованія носятъ слѣды большихъ климатическихъ перемѣнъ: сильнаго охлажденія температуры, въ связи съ широкимъ распространеніемъ ледниковъ въ центральной Европѣ, и вслѣдствіе этого—большихъ измѣненій во флорѣ и фаунѣ. Аллювій и диллювій вмѣстѣ взятые составляютъ такъ называемую четвертичную формацію. Подъ нею находятся слои третичной формаціи, нижняя (древнѣйшая) ея часть называется эоценомъ, вторая—олигоценомъ, третья—міоценомъ, четвертая, верхняя—пліоценомъ. Такъ какъ диллювіальныя отложенія не отличаются рѣзко отъ верхнихъ третичныхъ, то диллювій иногда причисляютъ къ третичнымъ слоямъ какъ наиболѣе высокій и послѣдній изъ нихъ (плейстоценъ)—тѣмъ болѣе, что и въ хронологическомъ отношеніи четвертичная эпоха представляетъ относительно короткій эпилогъ гораздо болѣе продолжительной третичной эпохи, какъ и эта послѣдняя впрочемъ въ свою очередь была гораздо короче предшествующихъ эпохъ: мѣловой и юрской.

эпохи, берега Чернаго и Азовскаго морей значительно отступили на югъ и только позже приняли свой современный видъ [1]).

Такимъ образомъ третичная эпоха—ея средина и вторая половина, и эпоха диллювія—вотъ то время, когда въ теченіе длинныхъ десятковъ и сотенъ тысячелѣтій формировалась и принимала свой нынѣшній видъ наша территорія. Тектоническіе процессы второй половины третичной эпохи приготовили современные горные хребты ея. Другія измѣненія земной коры значительно приблизили ея видъ къ современному уже наканунѣ диллювіальной эпохи. Но она должна была претерпѣть еще рѣзкую метаморфозу, очень сильно отразившуюся и на формѣ ея поверхности и на всей ея органической жизни. Это былъ ледниковый періодъ въ срединѣ диллювіальной эпохи.

Третичная эпоха вообще характеризуется постепеннымъ уменьшеніемъ теплоты. Эоценъ отличался высокой температурой и влажнымъ воздухомъ, сильной растительностью и необыкновеннымъ богатствомъ животнаго міра. Это была эпоха развитія высшихъ родовъ животныхъ, выступающихъ въ необыкновенномъ обиліи и разнообразіи родовъ, такъ что позднѣйшій и современный животный міръ представляетъ лишь скудные, убогіе остатки его—наиболѣе выносливые, съумѣвшіе приспособиться къ тяжелой жизненной обстановкѣ позднѣйшаго времени. Климатъ Европы въ то время носилъ чисто тропическій характеръ, и этому соотвѣтствовала ея растительность и фауна. Затѣмъ въ средніе періоды третичной эпохи климатъ охлаждается, и это вмѣстѣ съ орографическими перемѣнами, съ появленіемъ среднеевропейскихъ горныхъ системъ, отражается на органической жизни восточной Европы: она становится все болѣе бѣдною. Но все же, даже въ послѣднее время третичной эпохи климатъ нашего края былъ мягче сравнительно съ теперешнимъ: растительность и фауна были разнообразнѣе: представители современныхъ родовъ смѣшивались съ представителями болѣе теплыхъ поясовъ. и съ такимъ характеромъ органическая жизнь переходитъ и въ диллювіальную эпоху, которая вначалѣ не отдѣляется рѣзко отъ третичной. Но затѣмъ наступаютъ рѣзкія климати-

[1]) Краткій обзоръ геологіи восточной Европы можна найти напр. въ академической рѣчи ак. Карпинскаго въ Запискахъ петербургской академіи, т. LV.

ческія перемѣны. Подъ вліяніемъ причинъ еще не выясненныхъ окончательно, температура сѣверной Европы понижается, увеличивается количество атмосферныхъ осадковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и влажность [1]). Развиваются огромные ледники, накопляются громадныя массы льда и снѣга и, расширяясь, овладѣваютъ все большими и большими пространствами центральной и восточной Европы. Восточная, а отчасти и центральная Европа были захвачены громаднымъ ледникомъ финско-скандинавскимъ: въ финско-скандинавскихъ краяхъ онъ принялъ такіе громадные размѣры, что расширяясь отсюда, двинулся на югъ и юго-западъ и захватилъ огромныя пространства. Въ моменты наибольшаго своего расширенія онъ занималъ весь бассейнъ Вислы, Нѣмана, Припети, среднее Поднѣпровье. Свидѣтелями его распространенія остались валы моренъ, глыбы сѣверныхъ породъ, принесенныя ледникомъ, и разные слѣды отъ большихъ массъ камня, передвигавшихся ледникомъ. На основаніи этихъ слѣдовъ полагаютъ, что въ моментъ своего наибольшаго распространенія ледникъ доходилъ чуть ли не до Днѣпровскихъ пороговъ, вдаваясь широкимъ клиномъ въ долину Днѣпра, а другимъ такимъ клиномъ въ бассейнъ Дона, въ то время какъ волынско-подольское плато (почти вся Галиція и южная часть Волыни) не были захвачены имъ [2]). Весьма вѣро-

---

[1]) Обыкновенно причину этого видѣли въ пониженіи температуры, но теперь изслѣдователи не находятъ возможнымъ объяснять это явленіе одной указанной причиной и ищутъ болѣе сложныхъ причинъ, метереологическихъ и даже тектоническихъ (перемѣнъ поверхности земли). Впрочемъ само это явленіе не было вполнѣ новымъ, и въ древнѣйшихъ геологическихъ эпохахъ встрѣчаются слѣды ледниковыхъ періодовъ, аналогичныхъ диллювіальному. Новѣйшія работы, посвященныя диллювіальной ледниковой эпохѣ: Penck und Brückner Die Alpen im Eiszeitalter, 1901—1908; Hess Die Gletscher, 1904, Брауншвейгъ; F. Geinitz Die Eiszeit, 1906 (въ серіи Die Wissenschaft, вип. 16, Брауншвейгъ.) Wahnschaffe Verflächengestaltung des Norddeutschen Flachlandes, 1909. Также Kayser Lehrbuch der Geologie, т. II, изд. 1908 г.

[2]) Точнѣе границы ледника, на основаніи собраннаго Никитинымъ матеріала, опредѣляются слѣдующимъ образомъ: отъ верховьевъ Вислы на Овручъ, оттуда на Умань или Звенигородку, Кременчугъ и Полтаву, отъ Полтавы на сѣверъ къ Козельску и Лихвину и снова на югъ къ Острогожску и Раздорской станицѣ на Дону.

ятно однако, что и въ долинахъ Днѣпра и Дона за слѣды ледника приняты слѣды его размыва, отложенные водами во время таянія ледника (такъ называемые флювіо-гляціальныя отложенія), и въ дѣйствительности днѣпровскій ледникъ не выдвигался такъ далеко на югъ [1]).

Нельзя опредѣлить въ точности, какъ долго продолжалось такое широкое распространеніе ледника. Въ связи съ повышеніемъ температуры и иными климатическими перемѣнами безпрестанно мѣнялись и его размѣры и границы. Временами процессъ таянія бралъ верхъ надъ процессомъ нарастанія массъ льда и снѣга, и тогда ледникъ отступалъ къ сѣверу, оставляя различные слѣды своего распространенія въ видѣ моренъ, отложеній камня, песку и глины. То таяніе ослабѣвало, усиливалось нарастаніе, и ледникъ снова двигался на югъ, нагромождая на старыя слѣды свои новыя морены, новыя массы сѣверныхъ породъ. На основаніи этихъ чередованій, этихъ наслоеній ледниковыхъ отложеній предполагаютъ существованіе болѣе или менѣе продолжительныхъ междуледниковыхъ періодовъ, когда обширныя пространства восточной и центральной Европы совершенно очищались ото льда и органическая жизнь входила въ свои права. Такихъ между-ледниковыхъ періодовъ насчитываютъ въ различныхъ мѣстностяхъ разное число: для центральной Европы считаютъ четыре періода расширенія ледника и три между-ледниковыхъ періода, для Англіи пять періодовъ расширенія ледника и четыре между-ледниковыхъ періода, для Скандинавіи шесть ледниковыхъ періодовъ. Все это однако еще въ очень значительной мѣрѣ гипотетично—и числа ледниковыхъ и между-ледниковыхъ періодовъ, и исчисленія продолжительности ихъ расширенія [2]). Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ даже возмож-

---

[1]) Такія соображенія высказаны относительно этихъ отложеній проф. Рудницкимъ, въ его очеркѣ географіи Украины (Коротка ґеоґрафія України, изданія „Лана“).

[2]) Гильдебрандтъ, напримѣръ, принимая четыре ледниковыхъ періода, даетъ такое исчисленіе:

1 ледниковый періодъ 20 тыс. лѣтъ.

1 между-ледниковый періодъ 85 тыс. лѣтъ.

2 ледниковый періодъ 40 тыс. лѣтъ.

2 между-ледниковый періодъ 120 тыс. лѣтъ (въ томъ числѣ 50—60 тыс. лѣтъ приходится на таяніе ледника).

нымъ принимать собственно одинъ ледниковый періодъ, но считаются при этомъ съ извѣстнымъ измѣненіемъ его границъ, съ моментами расширенія и уменьшенія покрытыхъ льдомъ пространствъ, такъ что въ концѣ концовъ вопросъ—какъ значительны были свободныя ото льда пространства въ извѣстные періоды въ промежуткахъ между распространеніемъ ледника, и какъ продолжительны были эти промежутки,—требуетъ еще продолжительнаго и детальнаго изученія въ отдѣльности для каждой страны, и въ частности относительно юго-восточной Европы. Что ледникъ въ моментъ своего наибольшаго развитія занималъ своими периферіями значительныя части ея, это фактъ (по общепринятой схемѣ это соотвѣтствуетъ второму ледниковому періоду центральной Европы). Но захватывалъ ли ледникъ юго-восточную Европу и позже, послѣ своего отступленія, во время новыхъ расширеній на югъ, это остается неяснымъ и сомнительнымъ.

Появленіе этого грандіознаго ледника здѣсь, какъ и вездѣ, оказало громадное вліяніе на условія мѣстной жизни. Таяніе громадныхъ массъ льда и снѣга, особенно въ періоды, когда ледникъ таялъ интенсивнѣе и отступалъ, производило громадныя массы почвенной воды. Бурныя потоки лились изъ подъ ледника, неся массы осадковъ—камень, песокъ и глину. Глубокія и широкія рѣчныя долины, теперь безводныя, или съ потоками ничтожными по сравненію съ размѣрами долинъ—это памятники тѣхъ бурныхъ, могучихъ водъ временъ таянія ледника. Слои диллювіальнаго песка и желтой диллювіальнй глины (такъ называемаго лесса), мѣстами залегающей пластами толщиной въ нѣсколько саженъ—

---

3 ледниковый періодъ 15 тыс. лѣтъ.
3 между-ледниковый періодъ 195 тыс. лѣтъ.
4 ледниковый періодъ 25 тыс. лѣтъ.
Послѣледниковый періодъ 30 тыс. лѣтъ.

Всего 530 тыс. лѣтъ. Еще вдвое болѣе продолжается этотъ періодъ по исчисленіямъ Пильгрима. Ср. также недавнюю статью Пенка Das Alter des Menschengeschlechtes (Ztschr. f. Ethn. 1908). Но появляются въ геологической литературѣ и голоса противъ такихъ щедрыхъ исчисленій: считаютъ возможнымъ исчислять періоды расширенія и отступанія ледника и вообще всю ледниковую эпоху гораздо болѣе короткими періодами, не десятками и сотнями тысячъ, а простыми тысячами и десятками тысячъ лѣтъ.

это отложенія ледниковыхъ потоковъ. Озера, болота и болотца— остатки массъ воды, застаивавшихся за неимѣніемъ выхода. Вся физіономія страны получила новый видъ подъ вліяніемъ этой массы осадковъ, этой массы водъ. Можно сказать, что вся позднѣйшая эпоха, была медленнымъ процессомъ высыханія земли, освобожденія отъ чрезмѣрной влажности ледниковаго періода.

Въ связи съ этимъ происходили большія измѣненія и въ органической жизни. Каковы бы не были причины развитія ледниковъ, само по себѣ это явленіе должно было сильно повлiять на климатъ, а затѣмъ и на растительность и животную жизнь этихъ странъ. Въ періодъ развитія ледниковъ климатъ становился все болѣе холоднымъ и влажнымъ. Растительные и животные роды сѣверныхъ подарктическихъ областей проникали въ болѣе южныя пространства, вытѣсняя древнѣйшіе роды, не умѣвшіе приспособиться къ болѣе суровому климату и болѣе тяжелымъ условіямъ жизни [1]).

Измѣненія въ распространеніи ледника такимъ образомъ вызывали рѣзкія измѣненія въ характерѣ флоры и фауны и въ ихъ распространеніи, внося все новыя перемѣны въ этой сферѣ—хотя они и происходили постепенно, въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій. То побѣждала флора и фауна теплаго пояса, вѣчно зеленыхъ лѣсовъ, то холодныхъ степей, то сѣверныхъ тундръ. Но древнѣйшіе представители теплой растительности и фауны въ концѣ концовъ убывали, и флора и фауна все болѣе приближались къ современной [2]).

И вмѣстѣ съ этими измѣненіями измѣнялась обстановка жизни человѣка.

---

[1]) Не надо себѣ представлять однако, что вблизи ледниковъ природа принимала совершенно видъ сѣверныхъ тундръ. Въ близкомъ сосѣдствѣ съ современными ледниками мы видимъ пастбища и луга, растительность и животныхъ умѣреннаго пояса. Не неизбѣжно должны были разстилаться однѣ лишь тундры и около старыхъ ледниковъ, особенно когда они шли на убыль.

[2]) Однимъ изъ характерныхъ проявленій этого процесса, имѣющихъ значеніе для археологической хронологіи, была напр. смѣна и угасаніе слоновыхъ породъ Европы. Elephas Meridionalis въ третичной эпохѣ; потомъ рядомъ съ нимъ появляется El. Antiquus, а Meridionalis исчезаетъ—это доледниковая эпоха; рядомъ съ El. An-

§ 4. Начатки человѣческой жизни. Ледниковый періодъ интересенъ еще въ томъ отношеніи, что это первая, несомнѣнная эпоха человѣка, засвидѣтельствованная совершенно ясными и безспорными слѣдами его существованія. До этой эпохи существованіе человѣка болѣе или менѣе гипотетично или даже сомнительно.

Человѣкъ пережилъ продолжительный процессъ развитія отъ человѣкоподобной обезьяны до того, что мы называемъ человѣкомъ, homo sapiens. Третичная эпоха, какъ обыкновенно думаютъ, была именно эпохой этого развитія, оставившаго намъ свои слѣды въ видѣ побочныхъ вѣтвей родословнаго дерева человѣка—человѣкоподобныхъ приматовъ, современныхъ (какъ шимпанзе, гиббонъ, орангъ) и вымершихъ, извѣстныхъ только по находкамъ, какъ pliopithecus, dryopithecus и наконецъ такъ называемый pithecanthropos erectus, наиболѣе драгоцѣнный переходный типъ отъ обезьяны къ человѣку. Лишь приблизительно, болѣе или менѣе условно можно опредѣлить моментъ, когда изъ человѣкоподобныхъ приматовъ, или „гоминидовъ", какъ ихъ еще называютъ, выдвигается существо, которое можно признать человѣкомъ. Неяснымъ остается и моментъ, когда это произошло [1]). Въ послѣдніе годы этотъ вопросъ обсуждался особенно живо и были сдѣланы попытки подойти къ разрѣшенію его не только при помощи антропологическихъ и палеонтологическихъ наблюденій, но и археологическимъ путемъ, при помощи такъ называемыхъ эолитовъ, каменныхъ издѣлій третичной этохи [2]). Этотъ старый вопросъ въ послѣдніе годы дебатировался съ небывалымъ до сихъ поръ ожив-

---

tiquus El. Primigenius (мамонтъ), Antiquus исчезаетъ—ранній ледниковый періодъ; El. Primigenius исчезаетъ—поздній ледниковый періодъ.

[1]) Изъ огромной литературы послѣднихъ годовъ назову напримѣръ Klaatsch Entstehung und Entwickelung des Menschengeschlechtes, въ серіи Weltall und Menschheit, 1902. Schwalbe Die Vorgeschichte des Menschen, Брауншвейгъ 1904 и Studien zur Vorgeschichte des Menschen, Штутгартъ, 1906. Haeckel Unsere Ahnenreihe Іена 1908. Buschan Menschenkunde, Штутгартъ 1909 (в серіи Naturwissenschaftl. Wegweiser). Günther Vom Urtier zum Menschen, 1909. P. Mahoudeau L'origine de l'homme à point de vue experimental, 1909 (Revue de l'école d'anthropologie).

[2]) Названіе довольно затѣйливое, отъ греческаго eos—разсвѣтъ и lithos камень—каменныя издѣлія временъ разсвѣта человѣческой жизни.

леніемъ, съ массой спеціальныхъ опытовъ, экскурсій, изслѣдованій, и гипотеза третичнаго человѣка пріобрѣла себѣ много сторонниковъ. Рядъ изслѣдователей призналъ кремневые фрагменты третичныхъ отложеній въ различныхъ мѣстностяхъ искусственными издѣліями (такъ наз. артефактами), употреблявшимися человѣкомъ орудіями, и существованіе человѣка во второй половинѣ третичной эпохи— міоценѣ и пліоценѣ [1]), многими стало считаться фактомъ. Но критическая оцѣнка выдвинутаго матеріала не преминула поставить рядъ сомнѣній и относительно искусственной обработки того, что защитники эолитической культуры считали человѣческими издѣліями, „артефактами", и относительно третичнаго происхожденія наиболѣе интересныхъ эолитическихъ находокъ [2]). Въ результатѣ существованіе третичнаго человѣка и въ настоящее время, какъ и четверть столѣтія тому назадъ, остается гипотетическимъ и несомнѣнно засвидѣтельствованной остается лишь культура человѣка диллювіальнаго, особенно ледниковаго періода. Разумѣется, здѣсь мы имѣемъ уже документы довольно высокаго развитія человѣческой жизни, человѣческой культурности,—только благодаря этой сравнительно высокой культурности слѣды человѣческой жизни становятся замѣтными и несомнѣнными. A priori нужно допустить продолжительный періодъ предшествующей человѣческой жизни на границѣ третичной и диллювіальной эпохи. Но эти предшествующія ступени не поддаются непосредственному изученію и конста-

---

[1]) Тенейскіе эолиты олигоцена признаются сомнительными самими сторонниками эолитической теоріи.

[2]) Изъ большой литературы послѣднихъ годовъ укажу Rutot Eolithes et pseudoeolithes, Брюссель, 1906. Un grand problème. Une industrie humaine datant de l'epoque oligocène (Bull. d. l. Soc. Belg. de Géologie, 1907), егоже Qu'est ce qu'un Eolithe и Une industrie eolithique, 1908 (Congres prehist. de France). Obermeyer Zur Eolithenfrage (Archiv für Anthr. 1906). Verworn Archäeolithische und paläolithische Reisestudien in Frankreich und Portugal (Ztschr. f. Ethn. 1906) и Ein objectives Kriterium für d. Beurteilung d. Manufaktur geschlagener Feuersteine (ib. 1907). Wiegers Die natürliche Entstehung der norddeutschen Eolithen (ibid. 1906). Obermaier Das geologische Alter des Menschengeschlechtes (Mit. geol. Ges. Wien, 1908). Sarasin Einige Bemerkungen zur Eolithologie (Jrb. d. Geol. Ges. in Zürich, 1909). Библіографію вопроса до 1905 г. далъ Curdy The eolithic problem (Americ. Anthropol. 1906).

тированію, по крайней мѣрѣ при наличныхъ данныхъ и средствахъ изслѣдованія.

На западѣ Европы особенно много сохранилось слѣдовъ жизни диллювіальнаго человѣка въ пещерахъ, служившихъ ему мѣстомъ жительства. Въ ихъ отложеніяхъ, въ слояхъ отбросовъ можно слѣдить мѣстами все постепенное развитіе этой геологической культуры, кромѣ древнѣйшихъ типовъ, не встрѣчающихся въ пещерахъ [1]). Эти западныя находки диллювіальной культуры, особенно на территоріи Франціи, гдѣ ледникъ и во время своего наибольшаго расширенія оставлялъ большія пространства для человѣческой жизни и гдѣ поэтому остатки древнѣйшей диллювіальной культуры наиболѣе богаты и лучше изучены, не только даютъ довольно полную картину жизни и культуры диллювіальнаго человѣка, но и исторію ея развитія [2]). Диллю-

---

[1]) О диллювіальномъ человѣкѣ и его бытѣ см. G. et A. Mortillet Le préhistorique, origine et antiquité de l'homme, новое изд. 1900 (о восточноевропейскихъ находкахъ здѣсь стр. 657); M. Hoernes Der dilluviale Mensch (о восточноевропейскихъ находкахъ с. 181-2, 187-8). L. Reinhardt Der Mensch zur Eiszeit in Europa und seine Kulturentwickelung bis zum Ende der Steinzeit, 1906, новое изд. 1908. Pohlig Eiszeit und Urgeschichte des Menschen 1907. Driesmanns Der Mensch der Urzeit, 1907. Behlen Der dilluviale (paläolithische) Mensch in Europa nach den geolog., paläolont. u. anthrop. Forschungen, 1907 (Mitt. d. anthrop. Ges. in Wien). Kollmann Die Neandertal-Spy-Gruppe, 1908 (Bericht über Prähistorikersammlung in Köln). Forrer Urgeschichte des Europäers von der Menschwerdung bis zum Anbruch der Geschichte, 1908. Также археологическіе словари—Шлемма, Форрера, Дешелета. О палеолитической техникѣ еще G. et A. Mortillet Musée préhistorique, 1901, Hoernes Urgeschichte der bildenden Kunst, 1898.

[2]) Схема ея развитія, выведенная на основаніи французскихъ находокъ, и послѣдовательность типовъ или эпохъ (носящихъ названія наиболѣе типичныхъ французскихъ находокъ),—виработаны главнымъ образомъ трудами пок. Габріэля Мортилье и широко принимаются въ наукѣ какъ универсальныя для Европы и даже для всего земного шара. Эта, т. ск. классическая схема такова:

Древнѣйшая эпоха диллювіальной культуры—Шелльская (Chelléen), иногда подраздѣляемая на двѣ—Шелльскую (старшую и Сэнтъ-ашельскую (младшую), относится къ доледниковому періоду, съ теплымъ климатомъ и подтропической растительностью и фауной; человѣкъ еще не жилъ въ пещерахъ; орудія исключительно изъ мѣстнаго кремня безъ всякой спеціализаціи инструментовъ.

віальный человѣкъ еще совсѣмъ не имѣетъ домашнихъ животныхъ, не умѣетъ выдѣлывать глиняной посуды, онъ кочевой звѣроловъ и рыбакъ, лишенный религіозныхъ идей (это проявляется между прочимъ въ отсутствіи погребальнаго обряда) [1].

Эпоха Мустье (Mousterien)—время распространенія ледника; эпоха мамонта; зачатки спеціализаціи кремневаго орудія.

Эпоха Солютрэ (Solutréen)—ледникъ начинаетъ отступать. Главное значеніе имѣетъ сѣверный олень. Кремневое орудіе тонко обработано. Въ концѣ эпохи издѣлія изъ кости.

Эпоха Маделенъ (Magdalénien)—послѣ отступленія ледника. Сѣверная фауна. Мамонта нѣтъ. Широко развиты издѣлія изъ кости и рога, иногда художественно орнаментированныя.

Переходный періодъ отъ геологической (палеолитической) къ новѣйшей—неолитической культурѣ—Tourassien (конецъ палеолита) и Tardenoisien (начало неолита)—фауна современная, издѣлія изъ кости, мелкое кремневое орудіе съ правильными формами.

Новѣйшая ревизія этой схемы: A. de Mortillet Classification paleolithique, 1908. Къ центральной и еще болѣе восточной Европѣ эта схема не можетъ быть приложена вполнѣ въ виду иныхъ физическихъ и культурныхъ условій мѣстной жизни. Вѣнскій археологъ Гернесъ, изслѣдовавъ палеолитическій матеріалъ центральной Европы (Германіи, Швейцаріи и Австро-Венгріи) даетъ схему Мортилье въ такой видоизмѣненной формѣ:

Первый между-ледниковый періодъ, Elephas merid., antiquus и primigenius, Шелльско-Мустьерская культура.

Перерывъ—второй ледниковый періодъ.

Второй между-ледниковый періодъ, эпоха мамонта, Солютрейская культура.

Третій ледниковый періодъ, послѣ него:

Третій между-ледниковый періодъ, соотвѣтствующій Маделенской культурѣ (эпоха сѣвернаго оленя) и Турасьенской (эпоха благороднаго оленя).

Четвертый ледникъ—перерывъ.

Но и этой исправленной схемы нельзя слѣпо примѣнять къ восточно-европейскимъ находкамъ. Она приспособлена къ физическимъ условіямъ приальпійскихъ областей съ ихъ четырмя ледниками; у насъ съ достовѣрностью можно говорить лишь объ одномъ ледниковомъ періодѣ, который долженъ былъ вытѣснить не долгое время всякую органическую жизнь въ непокрытые людьми края. Были ли потомъ какіе нибудь перерывы—относительно этого мы пока еще не имѣемъ никакихъ достовѣрныхъ указаній.

[1]) Въ послѣднее время нѣкоторое сомнѣніе вызвала находка человѣческихъ останковъ въ Дордони, въ обстановкѣ культуры Мустье,

Своимъ физическимъ видомъ онъ долженъ былъ отличаться отъ современнаго человѣка, благодаря нѣкоторымъ отличіямъ въ формѣ костей (правда, второстепеннымъ), и вообще имѣлъ болѣе грубую и тяжелую физическую организацію. Но въ матеріальной культурѣ въ концѣ диллювіальной эпохи онъ поднялся уже высоко, не смотря на то, что имѣлъ въ распоряженіи для своихъ издѣлій только дерево, кость и камень. Техника этихъ издѣлій стоитъ высоко, и въ орнаментаціи ихъ человѣкъ конца диллювіальной эпохи доходитъ до настоящей художественности.

Такъ какъ главнымъ рессурсомъ этой культуры былъ камень (особенно кремень), то она называется палеолетической, то-есть древне-каменной, въ отличіе отъ новѣйшей каменной культуры позднѣйшаго времени.

§ 5. Слѣды палеолетическаго человѣка въ юго-восточной Европѣ. На нашей территоріи каменныя пещеры встрѣчаются рѣдко, а на открытыхъ мѣстахъ остатки человѣческой жизни могли сохраниться только благодаря стеченію счастливыхъ обстоятельствъ; не удивительно поэтому, что остатки диллювіальнаго человѣка въ юго-восточной Европѣ встрѣчаются сравнительно рѣдко. Все же ихъ извѣстно теперь около десятка: въ Кіевѣ (нѣсколько), около с. Селища, надъ Днѣпромъ (въ Каневск. у.); въ Полтавской губ. на р. Удаѣ (въ с. Гонцахъ); въ Черниговской губ. надъ Десною около с. Мизыня и въ с. Шаповаловкѣ, Конотопскаго у.; въ Екатеринославской губ. около Кривого Рога; на Поднѣстровьѣ въ двухъ мѣстахъ, около Каменца и около м. Студеницы; на Волыни около с. Городка (Ровенскаго у.); сюда же можно прибавить еще сосѣднія находки надъ Вислой, около Н. Александріи (Пулавъ), на р. Воронежѣ (въ с. Костенкахъ) и въ пещерахъ Крыма [1]). Далѣе на сѣверо-востокъ слѣдовъ диллювіальнаго человѣка не обнаружено.

и съ извѣстными намеками на погребеніе. Фактъ этотъ однако не обслѣдованъ и не оцѣненъ достаточно.

[1]) О находкахъ кіевскихъ, мизыньскихъ и гонецкихъ см. ниже. О находкахъ волынскихъ говорю на основаніи устныхъ сообщеній. О находкѣ около с. Селища было сообщеніе проф. Криштафовича на XI съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей и въ Древностяхъ моск. археол. общ. XXI с. 178. О находкѣ въ с. Шаповаловкѣ—рефератъ Само-

Изъ перечисленныхъ находокъ кромѣ крымскихъ пещеръ только одна—въ м. Студеницѣ надъ Днѣстромъ свидѣтельствуетъ о обитателяхъ пещеръ; остальныя находки расположены просто на берегахъ рѣкъ. Изъ нихъ подробнѣе изучена одна изъ кіевскихъ стоянокъ, мизыньская и гонецкая, и поэтому онѣ наиболѣе интересны. Кіевская относится къ раннему послѣледниковому или даже между-ледниковому времени; она залегаетъ подъ толстымъ наносомъ лесса, въ слоѣ песка, на глубинѣ 13—20 метровъ подъ поверхностью, и до сихъ поръ являются наиболѣе древнимъ документомъ человѣческой жизни въ восточной Европѣ [1]). Остатки человѣческой жизни занимаютъ здѣсь довольно значительное пространство (около десятины) и покрываютъ его въ большомъ количествѣ. Судя по ихъ положенію и по различіямъ въ остаткахъ животныхъ, встрѣчающихся вмѣстѣ съ издѣліями

квасова въ книгѣ Антропологическая выставка, т. III, с. 338—9 (Извѣстія общества любителей естествозн., антроп. и этнографіи, т. XXXV). О подольскихъ—Уваровъ Археологія Россіи стр. 111 (изъ окрестностей Каменца), Труды VI археологич. съѣзда I с. 95 і Древности моск. общ. l. с. с. 21 (Студеница). О екатеринославской—К. Мельникъ Каталогъ коллекціи А. П. Поль въ Екатеринославѣ т. I, 1893 с. 4 (Ковальская балка около Кривого Рога, однако нѣкоторыя изъ зареестрованныхъ здѣсь предметовъ должны быть отнесены къ позднѣйшему времени, попытки провѣрки не удались). О пулавской—Криштафовичъ Послѣтретичныя образованія въ окрестностяхъ Н. Александріи, 1896. О воронежской: Кельсіевъ—Палеолитическіе кухонные остатки въ с. Костенкахъ Ворон. у. (Древности моск. арх. общества, т. IX, II). О крымскихъ Уваровъ Археологія Россіи I, с. 282, II с. 144, Древности моск. археол. общ. XII, 1 (статья Мережковскаго), Извѣстія геогр. общ. XVI, 2. О находкахъ еще менѣе достовѣрныхъ или еще менѣе извѣстныхъ см. во второмъ изд.

[1]) О кіевской находкѣ—Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева проф. Армашевскаго и Антоновича 1897 и протоколы XI съѣзда—Труды II с. 141—3. Федор Вовк (Волковъ) Передісторичні знахідки на Кирилівській улиці в Київі (Матеріяли до українсько-руської етнольоґії т. I) й Маґдаленське майстерство на Україні (объ орнаментированыхъ бивняхъ мамонта)—Записки Наукового товариства імени Шевченка т. XLVI. В. Хвойко Каменный вѣкъ средняго Приднѣпровья—Труды XI археол. съѣзда т. I, его-же отвѣтъ на статью Вовка о Маделенской культурѣ: Кіево-Кирилловская палеолитическая культура и культура эпохи Маделенъ (Археологическая

человѣка [1]), они накопились сдѣсь въ продолженіи довольно длиннаго періода времени. Мизыньская стоянка лежитъ между двумя слоями лесса, въ слоѣ вывѣтрившагося ледниковаго щебня, подъ довольно толстымъ слоемъ лесса (однако далеко не такъ глубоко, какъ кіевская находка) и надъ слоемъ лесса толщиною около одного метра, такъ что это одно указываетъ на значительно позднѣйшее время ея происхожденія. Фауна здѣсь также моложе кіевской; рядомъ съ остатками мамонта и носорога встрѣчаемъ лося и сѣвернаго оленя [2]). Наконецъ стоянка гонецкая расположена уже выше слоя лесса, значитъ относится къ позднему послѣ-ледниковому періоду, когда населеніе уже совершенно овладѣло свободными отъ льда и воды пространствами [3]). Такимъ образомъ эти находки, вмѣстѣ взятыя, подтверждаютъ существованіе человѣка въ нашихъ краяхъ въ продолженіе очень длиннаго промежутка времени, на протяженіи десятковъ тысячъ лѣтъ диллювіальной эпохи, второй ея половины, во время, соотвѣтствующее поздней палеолитической культурѣ центральной и западной Европы—эпохамъ Солютрэ-Маделенъ и переходнымъ къ неолиту [4]). Человѣческія орудія высту-

---

лѣтопись Южной Руси 1903, I—при переводѣ статьи Вовка) и замѣчанія Гернеса (см. выше). Не смотря на большой интересъ, вызванный кіевской находкой, и на то, что она была открыта въ такомъ научномъ центрѣ, какъ Кіевъ, изучены кіевскія раскопки очень плохо, и поэтому относительно самихъ раскопокъ существуетъ еще много недостовѣрнаго. Нѣтъ ни подробныхъ ситуаціонныхъ плановъ, ни дневниковъ раскопокъ. О другой кіевской находкѣ, надъ Днѣпромъ же, но на другомъ концѣ современнаго Кіева, около такъ называемаго Протасоваго яра,—краткое сообщеніе въ Кіевской Старинѣ 1903 кн. X.

[1]) Въ то время, какъ въ нижнихъ слояхъ въ большомъ количествѣ находятъ остатки мамонта (однихъ только бивней найдено болѣе 100 штукъ) въ верхнихъ выступаютъ останки пещернаго медвѣдя (ursus spelaeus), гіэны (hyaena spelaea), льва (felis spelaea).

[2]) О мизыньской стоянкѣ статья Ф. Вовка (Волкова) въ Запискахъ кіевскихъ: Палеолітичні знахідки в с. Мізині на Чернигівщині в т. IV (обѣщана вторая статья).

[3]) О гонецкихъ находкахъ—рефераты Каминскаго и Ѳеофилактова въ Трудахъ III археол. съѣзда, т. I (это была первая палеолитическая находка, вызвавшая большой интересъ).

[4]) Ф. К. Волковъ зачисляетъ одинаково и кіевскую и мизыньскую стоянку къ „Маделенской эпохѣ“, принимая во вниманіе рѣз-

паютъ въ нихъ вмѣстѣ съ остатками мамонта и нѣкоторыхъ иныхъ геологическихъ родовъ животныхъ: ихъ кости носятъ на себѣ иногда слѣды употребленія ихъ тогдашнимъ человѣкомъ: онѣ разбиты для извлеченія изъ нихъ мозга, иногда обожжены, имѣютъ надрѣзы, слѣды обработки и даже орнаментированы.

Человѣкъ, оставившій свой слѣдъ въ этихъ остаткахъ, сдѣлалъ уже значительные успѣхи въ культурной сферѣ: я впрочемъ уже указалъ, что вообще слѣды человѣческой жизни, какъ бы стара она ни была, могутъ быть константированы лишь благодаря значительному уже развитію человѣческой культуры. Присутствіе угля на стоянкахъ показываетъ, что этотъ человѣкъ умѣлъ уже пользоваться огнемъ, великимъ культурнымъ пріобрѣтеніемъ человѣчества. Онъ употреблялъ его для приготовленія пищи, значитъ пересталъ быть исключительно сыроядцемъ: объ этомъ свидѣтельствуютъ обожженныя кости животныхъ. Не довольствуясь примитивнымъ оружіемъ, какимъ могъ служить ему необработанный камень, сукъ дерева или кость, онъ научился хорошо расчитанными ударами отбивать отъ камней кристаллическихъ породъ острія нужной ему формы; особенно часто для этой цѣли употреблялся кремень, легко поддающійся обработкѣ при помощи ряда ловкихъ ударовъ, и притомъ крѣпкій, прочный, могущій колоть, рѣзать, рубить. Въ нашихъ находкахъ видимъ уже нѣсколько спеціализированныхъ родовъ кремневаго орудія: большія и меньшія острія, употреблявшіеся для удара отъ руки, такъ назыв. coup de point, и острія для насадки—копья; затѣмъ рѣзцы, скребки (для сдиранія и очищенія кости, кожи или дерева), ножи, пилы. Но орудія эти еще очень примитивны, сдѣланы при помощи простого отбиванія, нѣсколькими ударами, безъ мелкой оббивки, безъ полировки, безъ сверленныхъ отверстій, характеризующихъ лучше сдѣланные инструменты позднѣйшей эпохи. Кромѣ камня человѣкъ этой эпохи обрабатывалъ также, дерево кость (костяныя стрѣлы и шила въ находкахъ на Удаѣ и Деснѣ). Осо-

---

ные предметы изъ мамонтовой кости, характеристичные дни Маделенской эпохи Франціи. Гернесъ по аналогіи съ болѣе близкими подунайскими находками, принимая во вниманіе фауну и глубокое залеганіе находки, зачисляетъ кіевскую стоянку къ эпохѣ Солютрэ. Выше я указалъ уже, какъ трудно подводить восточно-европейскія находки подъ эти французскія подраздѣленія.

бенно интересны орнаментированныя издѣлія изъ мамонтовой кости— въ кіевской находкѣ имѣемъ большой бивень мамонта, орнаментированный линейнымъ рисункомъ, очень грубымъ впрочемъ; въ мизыньской находкѣ оказалось много предметовъ вырѣзанныхъ изъ мамонтовой кости и орнаментированныхъ.

Мѣстами поселенія служили, какъ сказано, естественныя пещеры, гдѣ онѣ были—какъ напр. на Поднѣстровьѣ. Относительно остальныхъ находокъ нельзя опредѣленно судить, имѣемъ ли мы мѣста поселеній, или только мѣста, гдѣ ловилась и потреблялась разная дичь.

§ 6. Неолитическій человѣкъ. Такъ представляются намъ, на основаніи нашихъ немногихъ находокъ, результаты достигнутые жизнью человѣка въ продолженіи долгихъ тысячилѣтій диллювіальной эпохи [1]). Незамѣтно переходила она въ новѣйшую и болѣе развитую культуру послѣдней, современной намъ геологической эпохи, какъ незамѣтно переходила самая жизнь на земли изъ диллювіальной эпохи въ современную аллювіальную.

Въ западныхъ находкахъ можно этотъ переходъ прослѣдить довольно обстоятельно. Еще недавно существовало предположеніе, что между палеолитической и этой новѣйшей культурой въ Западной Европѣ былъ извѣстный перерывъ (hiatus), и это привело было ученыхъ къ догадкѣ, что повышеніе температуры въ концѣ диллювіальной формаціи, заставивъ животныхъ уходить на сѣверъ, принудило и человѣка двигаться вслѣдъ за ними, и средне-европей-

---

[1]) Всѣ хронологическія исчисленія ея, конечно, могутъ быть только приблизительны, гипотетичны, и тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе они заходятъ въ глубину прошедшаго. Приводимъ напримѣръ такія исчисленія изъ новѣйшей археологической литературы: Поздній палеолитъ, культура Солютрэ и Маделенъ 40000—15000 лѣтъ до Р. Хр. Переходные типы 15000—5000. Ранній неолитъ 5000—3500. Поздній неолитъ 3500—2100. Мѣдный вѣкъ 2100—1800, бронзовый 1800—1000. Ранняя желѣзная культура (Галльштатъ) 1500—500. Культура Тенъ отъ 500 гг. и до Р. Хр. Римская культура отъ Р. Хр. до 300 гг. Но въ карпатско-днѣпровскія края новыя культурныя теченія проникали съ значительнымъ опозданіемъ: римскія вліянія доходятъ сюда въ II—IV по Р. Хр., культура Тенъ около 200 г. передъ Р. Хр., галльштатская культура около половины послѣдняго тысячелѣтіе передъ Р. Хр., и болѣе значительные начатки металлической культуры едвали появились тутъ до начала этого же тысячелѣтія.

скія пространства заняло новое население, съ высшей культурой. Но новѣйшія находки дали промежуточные типы между этими двумя культурами, доказавъ такимъ образомъ. что новая культура развилась изъ диллювіальной посредствомъ медленной эволюціи. На нашей территоріи, при небольшомъ числѣ находокъ, невозможно прослѣдить подробно переходъ старой культуры въ новѣйшую, высшую: мы можемъ лишь констатировать существованіе этой послѣдней.

Эта новѣйшая культура существовала уже среди физическихъ условій, болѣе или менѣе одинаковыхъ съ современными. среди современнаго животнаго и растительнаго царства. Въ своемъ распоряженіи она имѣла все еще каменныя, главнымъ образомъ, орудія, только значительно усовершенствованныя, лучше обработанныя. Поэтому она носитъ названіе неолитической (ново-каменной) въ отличіе отъ предыдущей, диллювіальной каменной культуры, отличающейся большей примитивностью своихъ издѣлій и носящей названіе древне-каменной.

Если для палеолитической эпохи мы имѣли на нашей территоріи лишь нѣсколько разрозненныхъ находокъ, то съ неолитической культурой дѣло обстоитъ гораздо лучше. Многочисленные остатки ново-каменной культуры покрываютъ, можна сказать, всю нашу страну, а если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они намъ неизвѣстны, то это прежде всего зависитъ отъ того, что до сихъ поръ эти мѣста обращали на себя слишкомъ мало вниманія; не были заселены можетъ быть только болотистыя части лѣсного пояса, въ то время гораздо болѣе неприступныя, чѣмъ теперь, или мало приступныя гористыя мѣстности. Наряду съ многочисленными спорадически встрѣчающимися предметами этой культуры имѣемъ большія гнѣзда поселеній этой эпохи и цѣлыя группы ихъ съ различными остатками культуры того времени. Они называются стоянками, если содержатъ остатки пищи, орудій, посуды, и мастерскими—если въ нихъ сохранились слѣды выдѣлки орудій или посуды. Изъ этой же эпохи имѣются также погребенія: отдѣльные курганы и цѣлые могильники.

Цѣлыя группы такихъ поселеній мы находимъ напримѣръ на территоріи современнаго Кіева, точнѣе его предмѣстій [1]) (въ

[1]) Кирилловская ул., Флоровская гора, Юрковица, Преорка, Соломенка, Лысая гора.

самомъ городѣ эти слѣды исчезли). Особенно богатые и разнородные остатки того времени найдены въ сѣверной части Кіева (около Кирилловской улицы). Неолитическій человѣкъ жилъ здѣсь въ длинныхъ и узкихъ пещерахъ, въ одинъ метръ шириною, вырытыхъ въ толстомъ слоѣ глины (лесса) нарочно для обитанія. Одну изъ этихъ пещеръ, около теп. Кирилловскаго монастыря, удалось захватить неопустошенной, и въ ней нашлись остатки пищи: масса рѣчныхъ ракушекъ и кости рыбъ и животныхъ: рогатаго скота, лошадей, свиней: эти кости разбиты для добыванія мозга. Въ общемъ однако костей по сравненію съ ракушками было немного. Тутъ же сохранились пережженные камни отъ очага, каменныя орудія и остатки глиняной посуды, сдѣланной плохо, отъ руки, и слабо обожженной. По сосѣдству съ этой пещерой, около Кирилловской улицы, въ верхнихъ слояхъ земли, надъ вышеупомянутыми остатками палеолитической культуры отыскались слѣды неолитическихъ поселеній, древнѣйшихъ, съ болѣе примитивной культурой, и болѣе позднихъ. Люди жили здѣсь на поверхности земли, въ землянкахъ: въ ямахъ или выкопанныхъ въ землѣ жилищахъ. Здѣсь также были найдены остатки пищи, кремневыя и костяныя орудія, много издѣлій изъ оленьяго или лосьяго рога: здѣсь же оказались довольно хорошо сдѣланныя печи и гончарскіе горны для обжиганія посуды. Различная степень давности и культуры этихъ поселеній лучше всего проявляется въ гончарныхъ издѣліяхъ; въ древнѣйшихъ поселеніяхъ (въ глубоко выкопанныхъ въ землѣ жилищахъ) встрѣчается очень примитивно сдѣланная и очень плохо орнаментированная глиняная посуда, въ то время какъ въ поселеніяхъ позднѣйшихъ посуда гораздо лучшей выдѣлки, лучше орнаментированная: попадаются начатки раскрашиванія посуды, а въ наиболѣе позднихъ жилищахъ—уже очень хорошо раскрашенные сосуды, очень хорошей выдѣлки, близкой къ терракоттѣ: они относятся къ поздне-неолитической, такъ называемой домикенской культурѣ, о которой будемъ говорить ниже. Наряду съ прогрессомъ въ техникѣ видимъ измѣненія и въ самомъ бытѣ: измѣняются остатки пищи, массы ракушекъ древнѣйшихъ поселеній уступаютъ мѣсто костямъ рыбъ, звѣрей и и птицъ, улучшается обстановка жилищъ и т. д. [1]).

---

[1]) О неолитическихъ пещерахъ Кіева—Антоновичъ Археологическія находки и раскопки въ Кіевѣ и Кіевской губерніи въ

Вообще берега средняго Днѣпра, можна сказать, усѣяны остатками неолитической эпохи—стоянками и мастерскими, въ суммѣ свидѣтельствующими о существованiи въ то время уже довольно значительнаго населенiя. На пространствѣ какихъ нибудь пятидесяти верстъ, между Кiевомъ и Трипольемъ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра (здѣсь было легко дѣлать эти наблюденiя, такъ какъ вѣтеръ, разметая несчаныя дюны, обнажаетъ эти вѣковые остатки человѣческой жизни) неолитическихъ стоянокъ насчитано до двадцати. Подобныя же пещеры, выкопанныя въ мощныхъ слояхъ глины, какiе мы видимъ подъ Кiевомъ, идутъ далѣе по побережью Днѣпра: между Вышгородомъ и Терехтемировымъ въ приднѣпровскихъ обрывахъ извѣстно болѣе 50 такихъ пещеръ, хотя онѣ сильно подвержены уничтоженiю—вслѣдствiе обваловъ [1]). Какъ особенно богатыя остатками неолитической культуры, назову окрестности с. Вишенекъ подъ Кiевомъ, изобилующiя кремневыми орудiями очень тонкой, изящной работы.

Немного ниже по теченiю Днѣпра, въ бассейнѣ рр. Стугны и Красной, въ окрестностяхъ Триполья открыты слѣды многочисленныхъ поселенiй домикенской культуры (по мѣсту нахожденiя называемой трипольскою). Люди жили здѣсь въ жилищахъ, углубленныхъ въ землѣ, а сверху надстроенныхъ деревомъ, обмазан-

---

1876 г. (Чтенiя кiевскiя I), Антоновичъ и Армашевскiй ор. с. с. 31—3, Уваровъ ор. с. с. 276, Труды IV съѣзда т. I. О богатыхъ, хотя и плохо использованныхъ находкахъ Хвойки около Кирилловской улицы—прежде всего его собственная публикацiи: Каменный вѣкъ средняго Поднѣпровья с. 754 и далѣе. Болѣе научно, но лишь на основанiи сообщенныхъ ему извѣстiй и рисунковъ, изучаетъ ихъ Волковъ ор. с. (Матерiалы I). Болѣе короткiя замѣтки, но основанныя на автопсiи, цѣликомъ или отчасти—Антоновичъ и Армашевскiй ор. с. 29—30, Записки Наукового Тов. iм. Шевченка т. IX, Труды XI съѣзда II с. 141.

[1]) О неолитическихъ гнѣздахъ въ окрестностяхъ Кiева и по Днѣпру—Археологическая карта Кiевской губ. В. Антоновича, статьи М. Бѣляшевского: Первобытный человѣкъ на берегахъ Днѣпра вблизи Кiева, въ Кiевской Старинѣ 1890, IV, Нѣсколько новыхъ стоянокъ—ibid. 1891, III и Слѣды первобытнаго человѣка—Труды VIII съѣзда т. III; К. Мельникъ въ Трудахъ IX Съѣзда, т. II и Каталогъ коллекцiи Поль (таб. I—Вишенки), Т. Кибальчичъ въ Сборникѣ археолог. института т. III, Самоквасовъ въ кн. Антропологическая выставка III (с. 339—400).

нымъ глиною съ примѣсью соломы или отрубей. Попытки реконструкціи такого жилища представляютъ его въ видѣ неглубокаго углубленія, сдѣланнаго въ землѣ, отъ 3 до 5 метровъ въ длину и ширину, съ болѣе глубокой ямой въ центрѣ, гдѣ помѣщался очагъ. Стѣны устраивались изъ частокола или плетня и обмазывались глиной, смѣшанной съ хлѣбной шелухой. Центральную яму, по сосѣдству съ очагомъ, наполняютъ остатки пищи—особенно кости животныхъ (оленя, козы, свиньи, коровы, овцы, лошади), кости и чешуя рыбъ, раковины, перемѣшанныя съ золою, черепками разбитой посуды и фрагментами орудій изъ кремня, рога и кости. Остатки золы встрѣчались также и внѣ жилища, на дворѣ. Отличный отъ этихъ жилищъ типъ представляютъ такъ называемыя площадки въ окрестностяхъ Триполья, встрѣчающіяся рядомъ съ этими жилищами. Въ нихъ отсутствуютъ эти обильные остатки пищи, зато попадается масса цѣлой или разбитой глиняной посуды, иногда со слѣдами золы и необугленныхъ человѣческихъ костей. Центральная яма отсутствуетъ. Полъ покрытъ жженной глиной, стѣны также были обмазаны глиной. Высказано было предположеніе, что этотъ второй типъ представляетъ могильники обитателей домикенскихъ поселеній. Но не всегда возможно точно отграничить эти два рода сооруженій, встрѣчающихся то рядомъ одни около другихъ, то каждыя отдѣльно и исключительно въ данной мѣстности, и погребальное назначеніе этихъ глиняныхъ „площадокъ" вообще еще требуетъ спеціальнаго выясненія [1]).

По мѣрѣ того, какъ памятники первобытной культуры обращаютъ на себя вниманіе, открываются богатые слѣды неолитической культуры и въ другихъ мѣстностяхъ. Такъ, напримѣръ, оказывается, что сорными кучами этой эпохи, остатками неолитической культуры, покрыты берега р. Уша и его притоковъ, особѣнно р. Норыни, гдѣ видимъ многочисленные слѣды поселеній и мастерскихъ каменныхъ орудій (въ особенности пряселъ для веретенъ, выдѣлывавшихся здѣсь изъ шифера и отсюда широко распространявшихся еще въ историческія времена). Нео-

[1]) О трипольскихъ находкахъ: Хвойка Каменный вѣкъ ср. Приднѣпровья, и его же: Раскопки 1901 г. въ области трипольской культуры (Записки отд. русской и слав. археологіи русскаго археолог. общ. т. V). Объ остальныхъ ниже.

литическіе остатки открыты также и по сосѣдству съ нижнимъ Ушемъ, въ порѣчьи Припети и нижняго Тетерева. Въ большомъ количествѣ констатированы они въ порѣчьѣ З. Буга (изслѣдованы берега между Берестьемъ и Володавой). Большое гнѣздо поселеній и мастерскихъ выступаетъ въ южной Волыни, въ окрестностяхъ верхней Горыни и Иквы, гдѣ извѣстно уже около сорока мѣстонахожденій неолитическихъ остатковъ, и между ними нѣсколько необыкновенно богатыхъ мастерскихъ, главнымъ образомъ полированныхъ каменныхъ орудій (напр. Б. и М. Мощаница, Радиминъ). Изъ другихъ мѣстностей, особенно выдающихся богатствомъ остатковъ неолитической культуры, упомяну о Юрьевой горѣ около Смѣлы, гдѣ было собрано около полуторы тысячи орудій: о большой мастерской отбивныхъ и полированныхъ каменныхъ орудій, костяныхъ издѣлій и посуды около с. Волосскаго на Днѣпрѣ (ниже Екатеринослава). Богатыя остатками стоянки открыты въ с. Пироговкѣ на Деснѣ (Новгородсѣверскаго у.), въ Хайловщинѣ на Донцѣ, и вообще на песчанныхъ берегахъ Донца, и др. [1]).

Слѣды поселеній съ раскрашенной посудой (такъ наз. доминенской культуры) тянутся отъ окрестностей Кіева [2]) черезъ предстепной поясъ далеко на юго-западъ въ бассейнъ Дуная: гнѣзда этихъ поселеній открыты въ порѣчьѣ р. Гнилого Тикича, около с. Колодистаго, Звенигородскаго у. Затѣмъ въ порѣчьи Кодымы, около с. Криничекъ (Балтскаго у.), въ порѣчьи Ушицы около с. Крутобородинецъ (Летичев. у.). Далѣе во множествѣ эти поселенія встрѣчаются въ Галиціи, въ области лѣвыхъ притоковъ Днѣстра—Збруча, Ничлавы, Серета, Джурина (около Василько-

---

[1]) Антоновичъ Археологическая карта Волынской губ. (здѣсь и болѣе мелкая литература), его-же О каменномъ вѣкѣ въ Зап. Волыни (Труды XI съѣзда, т. I). Якимовичъ Дюнныя стоянки неолитической эпохи въ Радомысльскомъ уѣздѣ Кіевской губ. (Археологическая лѣтопись Южной Россіи, 1903). Н. Бѣляшевскій Дюнныя стоянки неолитической эпохи на берегахъ Зап. Буга (Труды XI съѣзда, I). Бобринскій Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы I с. 122 (Юрьева гора). Каталогъ коллекціи Н. Поль (с. 113—Волосское). Самоквасовъ—Антропологическая выставка III, с. 339. Городцовъ Труды XII съѣзда, с. 175, 249 и др.

[2]) Въ литературѣ появились глухія извѣстія о находкахъ въ порѣчьѣ Десны (у Хвойки), но ближе о нихъ ничего неизвѣстно.

вецъ, Зеленчи, Капустинецъ, Золотого Бильча и послѣднія находки—около Кошиловецъ) и надъ самымъ Днѣстромъ (около Городницы и Мильныцы). Обнаружены они также въ порѣчьѣ Прута на Буковинѣ (около с. Шипинецъ) и въ Бессарабіи (Петрены въ Бѣлецкомъ у.); отсюда слѣды аналогичной культуры идутъ дальше на западъ [1]). Вездѣ въ этихъ находкахъ выступаютъ на ряду съ характерной расписной посудой характерныя также остатки глиняныхъ мазанокъ (обмазанныя глиною стѣны, иногда глиняный полъ, и глиняный же потолокъ) съ обстановкой поздняго неолита—орудіями изъ камени, рога и кости, съ вполнѣ опредѣленными слѣдами прирученія животныхъ и зачатковъ земледѣлія.

На Поднѣстровьи слѣды неолитическаго человѣка обнаружены въ скалистыхъ пещерахъ, какъ и во время палеолита. Пещеры со слѣдами неолитической обстановки найдены также на галицкомъ Подольѣ (около Золотого Бильча) [2]).

§ 7. Культура неолитической эпохи. И въ этой стадіи культуры камень оставался главнымъ матеріаломъ для всякаго рода орудій, но техника его стоитъ значительно выше въ сравненіи съ палеолитомъ. Отбитое хорошо расчитаннымъ ударомъ кремневое орудіе выравнивается и оббивается мелкими ударами—такимъ образомъ придается ему болѣе правильная форма, и большая цѣлесообразность. Нѣкоторыя орудія, какъ напримѣръ, молоты, топоры, долота, клинья, искусно полируются. Въ топорахъ,

[1]) Свѣдѣнія объ этихъ находкахъ до 1903—4 гг. собраны въ 2 изд. моей книги и въ статьѣ Волкова: Вироби передмікенського типу у неолїтичних становищах на Українї (Материяли до українсько-руської етнольоґії VI). Ее надлежитъ дополнить слѣдующими публикаціями: Хвойка Раскопки 1901 г. (см. выше); R. Kaindl Prähistorisches aus der Bukowina (Jahrbuch der Zentral-Kommission, 1903 и 1904); А. Спицынъ Раскопки глиняныхъ площадокъ близъ с. Колодистаго (Извѣстія археологической ком. XII); Штернъ Доисторическая греческая культура на югѣ Россіи (Труды XIII археол. съѣзда, 1907). О крутобороднецкихъ находкахъ: Извѣстія XIV арх. съѣзда с. 47. О находкахъ криницкихъ, произведенныхъ г. Гамченкомъ, знаю изъ любезнаго сообщенія А. А. Спицына. О кошиловецкихъ знаю по коллекціи львовскаго унив. (очень кратко въ Kwart. hist. 1908 с. 797).

[2]) Materyały antropologiczno-archeologiczne IV с. VII—VIII. Osterreichische Monarchie in Wort und Bild, Galizien, с. 118.

молотахъ, булавахъ изъ другихъ каменныхъ породъ для насаживанія на ручку просверливаются правильныя отверстія, чего не знала палеолитическая техника. Самыя орудія становятся болѣе разнообразными, появляются новыя формы ихъ, напр. булавы, долота; топоры и молотки принимаютъ различныя специализированныя формы. Кромѣ камня обрабатывался рогъ и кость: кіевское поселеніе при Кирилловской улицѣ дало особенно богатую коллекцію издѣлій изъ оленьяго или лосинаго рога: узкіе и широкіе полированные топоры, долота, спицы, острія, шила и т. под. Въ большомъ количествѣ встрѣчаются подобныя костяныя и роговыя издѣлія рядомъ съ каменными въ поселеніяхъ домикенской культуры. Очень важнымъ культурнымъ пріобрѣтеніемъ была выдѣлка посуды изъ глины и обжиганіе ея на огнѣ; я упомянулъ уже, что въ кіевскихъ поселеніяхъ были найдены горны для обжиганія посуды, выкопанные въ землѣ, густо обтыканные палочками и обмазанные глиной, а сверху покрытые глиняными черепками и также смазанные глиной. Выдѣлка и орнаментированіе посуды достигаютъ въ эту эпоху очень значительнаго развитія и высоты.

Эти техническія пріобрѣтенія прежде всего бросаются въ глаза въ неолитическихъ находкахъ. Но и въ матеріальной и въ духовной культурѣ человѣка замѣчаемъ еще иныя, гораздо болѣе важныя перемѣны. Человѣкъ не удовлетворяется уже естественными убѣжищами, а устраиваетъ себѣ искусственныя жилища, шагъ за шагомъ улучшая ихъ. Онъ выкапываетъ пещеры въ землѣ, ставитъ стѣны изъ свай и кольевъ, обмазывая ихъ глиной, заводитъ различныя улучшенія въ устройствѣ очага, печи и т. п. Глиняныя постройки открытыхъ въ окрестностяхъ Триполья поселеній иногда расположены кругомъ, иногда разбросаны группами, образуя довольно большую деревню (хотя не вездѣ ясно, имѣемъ ли мы дѣло съ жилищами или какими-то похоронными постройками). Находки въ южной Волыни въ нѣкоторыхъ городищахъ многочисленныхъ остатковъ неолитической культуры (Будеражъ, Радиминъ, Васьковичи) показываютъ, что человѣкъ того времени строилъ уже городки для защиты, а можетъ быть и для иныхъ цѣлей, и большіе размѣры нѣкоторыхъ изъ этихъ городищъ (занимающихъ иногда площадь въ десятину или даже нѣсколько десятинъ) указываютъ на значительную величину общинъ, строившихъ эти городки. Они расположены въ сосѣдствѣ рѣкъ, окружены

высокимъ круглымъ валомъ и обыкновенно за этимъ главнымъ валомъ имѣютъ еще второй концентрическій неполный валъ, защищающій слабѣйшую, болѣе доступную сторону городка [1]).

Охота, рыболовство и простое собираніе съѣдобнаго матеріала перестали быть единственными способами пропитанія человѣка. Онъ уже ведетъ хозяйство. Западно-европейскія неолитическія находки не оставляютъ мѣста сомнѣнію, что неолитическій человѣкъ имѣлъ уже домашнихъ животныхъ: не только самое раннее изъ нихъ—собаку, но и овцу, козу, быка, свинью. Кости этихъ животныхъ въ большомъ количествѣ встрѣчаются въ нашихъ мазанкахъ съ раскрашенной посудой поздненеолитической эпохи и очевидно также принадлежатъ животнымъ домашнимъ. Болѣе всего возбуждаютъ сомнѣній многочисленныя кости лошадей—была ли это прирученная или дикая лошадь (дикія лошади въ большомъ числѣ жили въ нашихъ степяхъ, и самое прирученіе лошади нѣкоторые изслѣдователи выводятъ изъ восточно-европейскихъ степей). Не подлежитъ сомнѣнію существованіе земледѣлія: въ тѣхъ же глиняныхъ мазанкахъ въ значительномъ количествѣ встрѣчаются хлѣбныя зерна (ячменя и въ особенности пшеницы), въ цѣломъ видѣ и въ раздробленномъ, въ видѣ крупы, а также пшеничная, просяная и ячменная шелуха. Для очищенія и раздробленія зерна служили углубленные камни съ другимъ круглымъ камнемъ для растиранія, очень часто встрѣчающіеся въ неолитическихъ поселеніяхъ Поднѣпровья и Поднѣстровья—эти зернотерки были прототипомъ ручныхъ жернововъ [2]).

---

[1]) Антоновичъ. Каменный вѣкъ въ Зап. Волыни, и его же карта Волыни, sub vocibus.

[2]) Объ упомянутыхъ находкахъ статьи Хвойки, Волкова, Штерна. О прирученіи животныхъ и началѣ земледѣлія кромѣ новаго, дополненнаго изданія классическаго труда Гена (V. Hehn Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Ubergang aus Asien nach Griechenland und Italien sowie in das übrige Europa, 7 изд. 1902) еще: E. Hahn Die Haustiere und ihre Beziehung zur Wirtschaft des Menschen, 1896. C. Keller Die Abstammung der altesten Haustiere, Цюрихъ, 1902, его же Naturgeschichte der Haustiere, Берлинъ 1905. M. Much Vorgeschichte Nähr-und Nutzpflanzen Europas, 1908 (Mit. d. anthrop. Ges. in Wien). O. Albrecht Zur ältesten Geschichte des Hundes, Мюнхенъ, 1903. Hahn Zur Entstehung des Getreidebau,

Въ цѣломъ картина матеріальной культуры поздняго неолита, на основаніи нашихъ раскопокъ, подходитъ близко къ тому образу, какой лингвистическія изслѣдованія даютъ для индо-европейской культуры на границахъ неолита и металлической культуры, передъ разселеніемъ индо-европейскихъ племенъ (объ этомъ ниже).

О высокомъ эстетическомъ развитіи неолитическаго населенія нашего края свидѣтельствуетъ расписная и гравированная керамика конца этой эпохи (такъ наз. домикенскаго типа). Если она и была не мѣстнаго происхожденія, то во всякомъ случаѣ развилась у насъ на обширной территоріи, работой мѣстныхъ мастеровъ; объ этомъ вполнѣ опредѣленно свидѣтельствуютъ многочисленные гончарные горны и сорныя кучи съ неудавшеюся посудой и слѣдами обжиганія. Способы выдѣлки очень примитивны: посуда выдѣлывается еще безъ гончарнаго колеса, самое большее—выглаживается дощечкой или выдѣлывается на глиняныхъ правилахъ: но при этомъ отличается уже большимъ искусствомъ приготовленія и обжиганія глины, приближаясь въ нѣкоторыхъ образцахъ по обработкѣ къ терракоттѣ. Кромѣ посуды очень разнообразной, иногда очень оригинальной и необычной формы (сосуды въ формѣ груши или бомбы, миски для привѣшиванія, двойныя подставки въ формѣ бинокля и т. д.), въ большомъ количествѣ находятся здѣсь и глиняныя фигурки, представляющія изображенія людей и животныхъ. Особенно распространены фигурки людей въ стоячемъ положеніи, грубо моделированныя, по большей части очень схематическія, грубо расписанныя, въ голомъ видѣ (рѣже съ грубо означенною одеждою). На посудѣ также встрѣчаются, хотя и рѣже, рисунки людей и животныхъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ вполнѣ опредѣленныя зачатки артистическаго творчества, очень наивно, но смѣло берущагося за рѣшеніе задачъ пластики,

---

1903 (Ztschr. f. Ethn). Hoops Waldbäume und Kulturpflanzen im germanischen Altertum, 1905 и Die Haustiere als Menschlicher Kulturerwerb (въ серіи Der Mensch u. d. Erde Кремера). Matschie Die Verbreitung der Haustiere (тамже). Спеціально для восточной Европы: Д. Анучинъ Изъ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи — Труды VI съѣзда т. I, особ. с. 20, Ѳ. Кеппенъ Къ исторіи тарпана (дикаго коня) въ Россіи і Д. Анучинъ Къ вопросу о дикихъ лошадяхъ и ихъ прирученіи въ Россіи—Журналъ Мин. Нар. Просв. 1896 кн. I і VI.

схватывая реальныя формы и движенія (особенно рисунки собакъ). Но все же наиболѣе поразителенъ богатый и полный красоты орнаментъ и полихромія раскрашенной посуды. Орнаментація состоитъ главнымъ образомъ изъ разнообразныхъ комбинацій кривыхъ и спиральныхъ линій: на однихъ сосудахъ, не раскрашенныхъ, эти линіи выдавлены или гравированы, и узоръ составляется изъ комбинаціи такихъ концентрическихъ линій; на раскрашенной посудѣ разноцвѣтный орнаментъ выступаетъ на естественномъ фонѣ или на цвѣтномъ. Въ томъ и другомъ случаѣ этотъ спиральный орнаментъ отличается большимъ вкусомъ, правильностью, разнообразіемъ и смѣлостью комбинацій. Сочетаніе красокъ—бѣлыхъ, красныхъ, черныхъ, коричневыхъ (на красномъ фонѣ черные или коричневые узоры, на бѣломъ—красные и т. под.) очень красиво. Этотъ художественный орнаментъ и изящная форма посуды среди убогой обстановки неолита поражаютъ какъ что то невѣроятно высокое, особенно въ виду принятыхъ обыкновенно понятій о некультурности и примитивности человѣка того времени. Но сумма нашихъ свѣдѣній, все болѣе увеличиваясь со временемъ, все громче протестуетъ противъ такихъ взглядовъ на бытъ того времени какъ на нѣчто очень примитивное.

Находимъ уже культъ умершихъ, это необычайно характерное для человѣка явленіе, указывающее на цѣлую эволюцію въ кругѣ идей связанныхъ съ смертью, съ матеріальнымъ и духовнымъ существомъ человѣка и т. под. Погребеніе покойниковъ—по крайней мѣрѣ во второй половинѣ неолитической эпохи (для ранней неолитической культуры у насъ до сихъ поръ нельзя навѣрно установить типовъ и самого обычая погребенія), сложилось уже въ извѣстныя выработанныя ритуальныя формы, и эти погребальные обряды, требовавшіе иногда довольно большихъ расходовъ, времени и труда (высокіе курганы, погребальныя глиняныя постройки), указываютъ на большое значеніе, какое придавалось этимъ обрядамъ—выраженіямъ уваженія къ покойнику или страха передъ нимъ, создававшаго такіе сложные способы для защиты отъ злобы умершихъ и всякаго вреда отъ нихъ.

Въ ритуалѣ этомъ происходили съ теченіемъ времени болѣе или менѣе рѣзкія измѣненія, распространявшіяся на большія пространства. Это заимствованіе обрядовъ, какъ и различныя культурныя теченія, также охватывающія иногда большія территоріи,

дають характерное указаніе на существованіе широкихъ сношеній, обмѣнъ продуктовъ и идей между населеніемъ того времени,—потому что теперь уже совершенно невозможно объяснять всѣ эти измѣненія (какъ то дѣлалось до послѣдняго времени, да и теперь часто дѣлается) одними лишь переселеніями, движеніемъ племенъ, будто бы переносившихъ съ собою всѣ эти обряды и культурныя формы [1]).

§ 8. Погребальные типы; культурная дифференціація въ неолитической эпохѣ. Въ археологіи принято, что древнѣйшимъ обрядомъ было погребеніе покойника въ землѣ, а сожиганіе трупа—новѣйшимъ. Это само по себѣ вполнѣ вѣроятно и для нашей территоріи, но изъ нашихъ находокъ пока еще невозможно вывести такой послѣдовательности, такъ какъ погребеній ранняго неолита мы не можемъ указать навѣрно, а въ позднѣйшей неолитической эпохѣ выступаютъ рядомъ обрядъ погребенія и обрядъ сожженія.

Наиболѣе древній обрядъ, какой можно у насъ констатировать—это погребеніе такъ назыв. скорченныхъ скелетовъ. Покойника хоронятъ въ ямѣ (рѣже на поверхности земли); наиболѣе типическое положеніе трупа—покойникъ лежитъ на боку съ поджатыми ногами, съ прижатыми къ лицу руками; но это положеніе не всегда выдерживается: часто трупъ лежитъ лишь незначительно скорченный, или даже выпрямленный. Особенныхъ ритуальныхъ подробностей въ погребеніи незамѣтно: встрѣчаются каменныя орудія и глиняная посуда; иногда яма имѣетъ слѣды деревяннаго сруба или выложена камнями; вообще же обстановка погребенія очень бѣдна, хотя сооруженіе могилы требуетъ значительной затраты времени и труда. Надъ могилой насыпаютъ курганъ, иногда довольно высоко: до сихъ поръ еще встрѣчаются курганы до 10 м. вышиною, хотя время конечно, очень уменшило эту высоту. Съ такими особенностями этотъ типъ погребенія выступаетъ на большомъ пространствѣ юго-восточной Европы (въ Поднѣпровьи и далѣе къ востоку до кавказскаго предгорья, а на западъ до нижняго Поднѣстровья). Въ западной части (въ Галиціи) извѣстно нѣсколько

---

[1]) Объ этомъ моя статья: Етноґрафічні катеґорії і культурно-археольоґічні типи в сучасних студіях Східньої Европи, 1904 (Статьи по славяновѣдѣнію, изд. петербургской академіи, I).

случаевъ такого погребенія, но уже безъ могильныхъ насыпей, и такія похоронныя формы извѣстны и далѣе, въ центральной Европѣ. Тамъ, гдѣ въ могильныхъ насыпяхъ встрѣчается нѣсколько наслоеній, описанный типъ обыкновенно наиболѣе древній. Мѣстами этотъ ритуалъ продержался до начала металлической культуры (бронзы и даже желѣза) [1]). Совершенно условно и неосновательно его теперь называютъ иногда „киммерійскимъ".

Въ концѣ неолитической культуры въ этомъ погребальномъ типѣ замѣчается новый очень характерный обрядъ: обсыпанія или обмазыванія умершаго красной краской (охра, окись желѣза) [2]). Находки этихъ такъ называемыхъ окрашенныхъ скелетовъ указываютъ на широкое распространеніе этого обряда, особенно въ приморскомъ и степномъ поясѣ: такіе курганы извѣстны въ очень большомъ числѣ, иногда большими гнѣздами, по нѣсколько десятковъ, или даже сотенъ, отъ Кубани до Бессарабіи; на сѣверѣ они достигаютъ южныхъ частей Кіевской губ. и области средняго

---

[1]) Брандебургъ Объ аборигенахъ Кіевскаго края—Труды XI съѣзда т. I (тамъ и кое что изъ прочей литературы этихъ находокъ); Раскопки кургановъ въ Херсонской губ.—ibid.; Кнауэра —бессарабскія раскопки, ibid. т. II и въ Чтеніяхъ Кіевскаго истор. общества т. III—IV. Антоновича Каменный вѣкъ въ Западной Волыни (Труды XI съѣзда т. I) и Археол. карта Волынской губ.—указатель с. 126—7; Demetrykiewicz Neolityczne groby szkieletów t. zw. siedzących (Hockergräber) w Przemyskiem i Krakowskiem (Materyały antrop.-archeologiczne т. III, 1898); болѣе мелкія извѣстія въ Археол. лѣтописи Юж. Россіи, 1899, с. 212, 1900, с 19 и др. О распространеніи этого типа въ другихъ краяхъ и разныхъ объясненіяхъ необычайнаго положенія трупа см. Andree Ethnologische Betrachtungen über Hockerbestattungen (Archiv f. Anthr 1907; самъ Андре объясняетъ это положеніе связываніемъ мертвеца (чтобы не дать ему возможности выйти и вредить живущимъ), практиковавшимся у разныхъ племенъ.

[2]) Переходъ къ этому новому обряду очень хорошо замѣтенъ напр. въ раскопкахъ Еварницкаго—Труды XI съѣзда т. I. Наоборотъ въ харьковскихъ раскопкахъ г-жи Мельникъ-Антоновичъ (Труды XII съѣзда), окрашенные скелеты видимъ въ нижней части кургана, а въ насыпяхъ неокрашенные; но это еще не значитъ, что самый обрядъ окрашиванія не имѣлъ за собою болѣе раннихъ погребеній безъ окрашиванія.

Донца, в Харьковской [1]). Хронологически этотъ обрядъ относится къ концу неолита и началу металлической культуры [2]). Относительно происхожденія окраски были предложены различныя объясненія: теперь уже можна считать этотъ вопросъ вполнѣ выясненнымъ. Очевидно, положенный въ могилу трупъ посыпался или обмазывался сверху краской, иногда лишь отчасти (голова и верхняя часть), иногда весь цѣликомъ: съ разложеніемъ тѣла краска осѣдала на костяхъ [3]). Такое или подобное окрашиваніе покойни-

---

[1]) Находки на нашей территоріи (съ Кавказомъ и Крымомъ включительно) до 1898 года довольно полно собраны и описаны г. Спицынымъ въ статьѣ: Курганы съ окрашенными костяками (Труды отдѣленія русск. и слав. археологіи т. IV, 1899). О находкахъ позднѣйшихъ годовъ см. въ статьяхъ Бранденбурга, Кнауэра, Эварницкаго въ Трудахъ XI съѣзда, г-жи Мельникъ, Данилевича, Городцова, Покровскаго, Янчука въ Трудахъ XII съѣзда, Городцова и Эварницкаго въ Трудахъ XIII съѣзда, Бобринскаго и Спицына въ Извѣстіяхъ археологич. ком., XII, XX, также Археологическая Лѣтопись Южной Россіи 1899 г. с. 58, 116—212, 1900 г. с. 8, 151, 1901 г. с. 91, 177 и др.

[2]) Веселовскій пробовалъ доказать, что онъ относится къ бронзовой эпохѣ, и что каменныя орудія здѣсь имѣли лишь ритуальное значеніе. Подобное доказывалъ Бранденбургъ относительно погребенія съ неокрашенными (скорченными) скелетами (ор. с.) Но эти доказательства трудно принять: во первыхъ, маловѣроятно, чтобы отъ недолгой бронзовой эпохи осталась такая масса этихъ погребеній, во вторыхъ—весьма невѣроятно, чтобъ металлическая культура не выдала себя ничѣмъ въ такой массѣ погребеній съ обстановкой каменной культуры. См. относительно этого вопроса еще дебаты на XII археол. съѣздѣ—Труды XII съѣзда III с. 363.

[3]) Наблюденія Антоновича, Спицына, Кулаковскаго, Кнауэра и Городцова покончили съ прежними догадками: что покойники погребались въ красномъ одѣяніи или окрашивались очищенныя отъ мяса кости покойника. Антоновичъ указалъ на находку скелета, у котораго краска лежала на глинѣ, закрывавшей глаза умершаго; Кулаковскій указалъ на одно крымское погребеніе въ кистѣ, гдѣ земля не покрила покойниковъ, и на нихъ и на подстилкѣ видна была полоса насыпанной красной краски. Спицынъ упоминаетъ объ аналогичномъ фактѣ, когда кости скелета были сверху посыпаны краской, а снизу были бѣлы и т. под. Естествоиспытатели-химики выяснили, что кость приняла краску лишь долгое время спустя послѣ погребенія, не только обгнивши, но уже высохши. См. резюме рефератовъ Антоновича въ Трудахъ VIII

ковъ извѣстно и въ другихъ странахъ—напримѣръ въ Италіи, Франціи, сѣверной Африкѣ, сѣверной и южной Америкѣ, Океаніи. Его съ большимъ вѣроятіемъ ставятъ въ связь съ ритуальнымъ значеніемъ краснаго цвѣта, какъ траурной краски, весьма распространеннымъ (включительно до „червоноï китайки“ позднѣйшихъ козацкихъ погребеній).

Въ южной Волыни и на Подольѣ окрашенныхъ скелетовъ не найдено, взамѣнъ ихъ выступаетъ такой варіантъ: покойника клали на поверхности земли, подсыпая ему подъ голову свѣтлой глины; сдѣланные изъ этой же глины валики клались на трупъ; съ нимъ закапывались каменныя орудія и глиняные сосуды и насыпалась могила [1]).

На галицкомъ Подольѣ и кое-гдѣ на Волыни встрѣчается погребеніе труповъ въ каменныхъ ящикахъ (кистахъ), сложенныхъ изъ тщательно притесанныхъ каменныхъ плитъ; дномъ и крышкой служатъ такія же плиты. Вмѣстѣ съ трупами была находима посуда и каменныя орудія. Къ сожалѣнію до сихъ поръ

съѣзда, т. III, с. 91—2, Трудахъ IX съѣзда, т. II, с. 109, Веселовскаго въ Запискахъ имп. археол. общ. 1901 (новая серія т. XII). Бобринскій Курганы близъ Смѣлы I с. 58, II с. 59 и Отчетъ о раскопкахъ въ Черкас. и Канев. у. въ 1901 г. (Извѣстія археолог. Коммиссіи, IV). Кулаковскій Къ вопросу объ окрашенныхъ костякахъ—Труды XI съѣзда т. I и Sur la question des squelettes colorées въ Кіевскихъ Универс. извѣстіяхъ, 1905. Якимовичъ—Объ окрашенныхъ костякахъ, находимыхъ при археологическихъ раскопкахъ и О микроскопическомъ строеніи молочныхъ зубовъ нижней челюсти человѣка каменнаго періода (Универс. изв. кіевскія, 1900 кн. XII, с. 302 и слѣд.—въ обоихъ рефератахъ рѣчь шла о микроскопическомъ изслѣдованіи окрашенныхъ костей). E. Krause Zur Frage von der Rothfärbung vorgeschichtlichen Skeletknochen—Globus т. 80, и Menschliche und Tierknochen mit rothen Flecken—Verhandl. d. Berlin anthr. Ges. 1901. Knauer Menschlichen Knochen mit rothen Flecken aus bessarabischen Gräbern (ib.). Dühn Rot und Tot (Archiv f. Religionswiss. 1906) и замѣтка Сонни тамже.

[1]) Раскопки Любы Радзиминскаго—отчеты въ Zbior'ѣ wiadomości do antropologii krajowej, т. I - III; результаты, съ многочисленными иллюстраціями, собраны въ Трудахъ IX съѣзда т. II—Памятники каменнаго вѣка части Зап. Волыни. Добытыя изъ этихъ могилъ кости описалъ Копернишкій въ I и II томахъ Zbior'a. Для Каменецкаго у. см. Pułaski Poszukiwania archeologiczne na Podolu rosyjskiem—Zbiór т. XIV.

не удалось еще открыть ни одного вполнѣ уцѣлѣвшаго погребенія. гдѣ этотъ ящикъ не былъ бы испорченъ или опустошенъ [1]).

Погребальный обрядъ съ сожиганіемъ покойника также встрѣчается въ различныхъ формахъ.

Въ лѣсной полосѣ—въ Кіевскомъ Полѣсьѣ и на Волыни встрѣчаются урны съ пепломъ умершаго, погребенныя въ каменныхъ ящикахъ. Погребеніе это попадается изслѣдователямъ довольно рѣдко, такъ какъ эти ящики не имѣютъ надъ собою могилъ и открываются лишь случайно: въ нѣсколькихъ случаяхъ эти гробы удалось осмотрѣть. Въ неглубокой ямѣ. подъ верхнимъ слоемъ земли были уставлены въ формѣ длиннаго четыреугольника. въ одинъ-два метра длиной. нѣсколько притесанныхъ сверху плитъ и накрыты одною большою плитою. Въ такомъ ящикѣ (кистѣ) стояло по нѣсколько сосудовъ съ пепломъ и лежали полированные каменные топоры [2]).

На востокѣ въ бассейнѣ Донца недавно открыты похоронныя поля съ сожженіемъ труповъ: они характеризуются грубо выдѣланною глиняной посудой и грубо сработанными (можетъ быть спеціально для погребенія) каменными орудіями [3]).

Въ поселеніяхъ съ раскрашенной посудой, какъ мы видѣли, встрѣчаются площадки съ похоронными урнами. содержащими въ себѣ сожженныя кости покойниковъ: при нихъ посуда и различныя орудія. Однако отсутствіе болѣе подробныхъ изслѣдованій не даетъ еще возможности отличить жилища отъ подобныхъ погре-

---

[1]) Kirkor—O grobach kamiennych na Podolu galicyjskiem въ Zbiorѣ wiadomości т. I, его-же Sprawozdanie z wycieczki w r. 1874, въ т. II Zbior'a. Также Zbior т. III, с. 67. Археологическая лѣтопись Южн. Россіи 1901 с. 30 и 163, ср. 1902 с. 59 (Подонье). Извѣстія археолог. комис. XXIX с. 54 (Южная Волынь).

[2]) Вишевичи и Глинница Радомысльскаго у., Жидовцы Сквирскаго, Збранка Овручскаго у.. Окницы, Новий Малинъ, Верховъ Острожскаго у. — Антоновичъ Раскопки въ странѣ Древлянъ (Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Археолог. Комиссіею) с. 21, 49—51 и его-же Археологическая карта Кіевской губ. с. 58, Археол. карта Вол. губ. с. 90, 95, 96 (подробно описаны только находки изъ Вишевичъ).

[3]) Данилевичъ Раскопки кургановъ около Будъ и Березовки Ахтырскаго у.—Труди XII съѣзда (они называются здѣсь „могилами", но могильныя насыпи почти незамѣтны).

бальныхъ строеній, ни выработать представленіе относительно устройства этихъ похоронныхъ „площадокъ", какъ ихъ называютъ [1]).

§ 9. Культура глиняныхъ мазанокъ (передмикенская). Различныя типы и варіаціи погребальнаго обряда указываютъ на этнографическія или культурныя различія и измѣненія, на движеніе въ жизни той эпохи, не всегда еще понятное въ своихъ причинахъ, но во всякомъ случаѣ очевидное. Однако самымъ краснорѣчивымъ проявленіемъ движенія въ культурной жизни того времени все же является культура глиняныхъ мазанокъ и раскрашенной посуды. Независимо отъ своей собственной цѣнности (сравнительно высокой техники издѣлій, богатства формъ, первыхъ безспорныхъ зачатковъ художественнаго творчества, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—большихъ успѣховъ его), эта культура ставитъ рядъ интересныхъ вопросовъ изъ жизни нашей территоріи этого времени. Рѣзко отличаясь отъ предшествующихъ и смежныхъ типовъ неолитической культуры, она съ характерными признаками однородности проявляется вдругъ на обширной территоріи, отъ нижней Десны до средняго Днѣстра и Прута. Въ аналогическихъ находкахъ раскрашенныхъ сосудовъ и глиняныхъ статуэтокъ проникаетъ на западъ, въ Молдавію и Трансильванію; въ поразительно сходныхъ чертахъ выказали ту же культуру недавнія находки Өессаліи [2]); далѣе аналогіи для нея видимъ въ находкахъ среднедунайскихъ областей и адріатическаго побережья, съ другой стороны—въ памятникахъ древней эгейской культуры въ домикенской эпохи. Эти черты сходства вызывали предположеніе, что въ нашей культурѣ раскрашенной посуды мы имѣемъ отблески домикенской или даже микенской культуры эгейскаго побережья: предположеніе очень заманчивое, но встрѣчающее противорѣчіе въ томъ, что домикенская культура эгейскаго побережья, процвѣтавшая около 2.000 лѣтъ передъ Рожд. Хр., по общепринятому

---

[1]) О находкахъ въ урнахъ площадокъ непережженныхъ человѣческихъ костей—Хвойка ор. с.; онъ утверждаетъ однакожъ, что находилъ на площадкахъ и цѣлые костяки, черепа и т. под. и одинъ разъ скелетъ съ горѣлыми костями—все это могло произойти просто и отъ пожара. Споры о погребальномъ характерѣ „площадокъ" см. Археол. лѣтопись Южной Россіи, 1904, № 3 и 4. Въ ихъ погребальномъ характерѣ сомнѣваются и другіе изслѣдователи.

[2]) Αἱ προϊστορικαὶ ἀκροπόλεις Διμηνίου καὶ Σέσκλου, ὑπὸ Χ. Τσούντα, 1908.

мнѣнію, имѣла въ своемъ распоряженіи уже высоко-развитую бронзовую технику. Вѣдь трудно себѣ представить, чтобы населеніе нашей страны переняло орнаментъ и технику расписыванія посуды, но не заимствовало отъ своихъ учителей или посредниковъ металлическихъ орудій, ни даже гончарнаго круга, хорошо извѣстнаго домикенской эпохѣ. Поэтому нѣкоторые изслѣдователи склонны видѣть въ нашей культурѣ культуру болѣе древнюю, предшественницу домикенской культуры Эгейскаго моря: они относятъ ее ко времени около 3-го тысячелѣтія передъ Рож. Хр., и готовы считать ее прототипомъ домикенской культуры, перенесеннымъ въ южныя области какимъ нибудь переселеніемъ со побережья Чернаго моря въ балканскіе края [1]). Тотъ фактъ, что эта культура исчезаетъ у насъ въ началѣ металлической эпохи, не оставляя въ позднѣйшемъ бытѣ никакихъ слѣдовъ, никакого преемства, дѣйствительно можетъ служить подтвержденіемъ догадки о выселеніи представителей этой культуры. Съ другой стороны, если считать эту культуру независимою отъ эгейской, то возникнетъ вопросъ— подъ какими же вліяніями развивалась она у насъ, гдѣ ея исходныя точки? Какъ на такое другое возможное отечество ея пробовали указать на переднюю Азію, древнюю Месопотамію и Персію [2]). Наконецъ нѣкоторые готовы видѣть въ нашихъ находкахъ культуру самостоятельную, оказавшую вліяніе на позднѣйшую европейскую культуру [3]). Недавнія находки на Сѣверномъ Кавказѣ и

[1]) Кромѣ цитированныхъ статей Штерна см. еще Huber Schmidt: Troja-Mykene-Ungarn (Ztschr. f. Ethnol. 1904), M. Hoernes: Die neolithische Keramik in Oesterreich (Jahrbuch der Zentral-Kommission, 1905) и Les premières ceramiques en Europe centrale (Compt. ren. XIII Congrès d'anthr. 1908). О распространеніи раскрашенныхъ сосудовъ и спиральнаго орнамента въ центральной Европѣ см. Much Heimat der Indogermanen, глава III.

[2]) См. Извѣстія XIV археол. съѣзда с. О древнѣйшихъ типахъ раскрашенной посуды изъ Месопотаміи и вліяніяхъ ихъ на керамику Средиземнаго бассейна: J. de Morgan Observations sur les origines des arts ceramiques dans le bassin méditerranéen (Revue de l'Ec. d'anthr. 1907).

[3]) Такое положеніе занялъ напр. въ послѣднее время, подъ вліяніемъ трипольскихъ и петренскихъ находокъ, Эд. Мейеръ въ послѣдней обработкѣ своей исторіи древности (Geschichte des Altertums, I, 2 изд. 1909, § 533, 537, 543, 545, 570). Онъ признаетъ за этой культурой большую оригинальность; считая европейскую культуру вообще пассивною, совершенно зависимою отъ культуры южнаго Востока, онъ въ нашей культурѣ „на Востокъ отъ Кар-

въ Туркестанѣ [1]) сосудовъ и фигурокъ, представляющихъ весьма близкія аналогіи съ нашими, и подобныхъ глиняныхъ мазанокъ, вмѣстѣ съ кремневыми и мѣдными орудіями (въ туркестанскихъ находкахъ) дѣлаютъ это послѣднее заключеніе сомнительнымъ и придаютъ болѣе вѣроятности догадкамъ объ азіатскомъ происхожденіи культуры. Но было бы преждевременно теперь стараться разрѣшить этотъ вопросъ, когда мы еще такъ мало знаемъ объ этой культурѣ у себя, когда въ нашемъ распоряженіи лишь нѣсколько разрозненныхъ гнѣздъ ея, отрытыхъ болѣе или менѣе случайно, въ большей части плохо обслѣдованныхъ и плохо описанныхъ. Я остановился на этомъ вопросѣ лишь для того, чтобы отмѣтить, какія интересныя перспективы открываютъ передъ нами эти находки.

§ 10. Физическій типъ. Менѣе чѣмъ для изученія неолитической культуры сдѣлано до сихъ поръ для выясненія физическаго типа неолитическаго населенія нашей территоріи. До сихъ поръ можно констатировать лишь одно: это было населеніе длинноголовое [2]). Остальныя антропологическія особенности до сихъ

натъ“ видитъ одинъ изъ немногихъ (счетомъ двухъ) моментовъ, когда въ Европѣ развилось нѣчто самостоятельное отъ вліяній Юга. Въ особенности въ погребальномъ обрядѣ—сожженіи умершаго, видитъ онъ эту оригинальность и готовъ отсюда выводить позднѣйшее распространеніе этого обряда въ эгейской культурѣ.

[1]) R. Pampelly Explorations in Turkestan, Вашингтонъ, 1905. Находки Н. В. Веселовскаго около ст. Лабинской и Ладыженской, 1902 г.

[2]) Для поясненія тѣмъ, кто въ этомъ нуждается: Форма черепа измѣряется отношеніемъ его ширины (выступовъ надъ ушами) къ длинѣ (отъ выступа лба надъ носомъ до затылка); это отношеніе, умноженное на 100, даетъ „показатель черепа“: если, допустимъ, голова на одну треть длиннѣе сравнительно съ шириной, то это отношеніе $= 3/4$, и показатель такимъ образомъ $= 75$. Показатель этотъ для человѣческихъ череповъ колеблется между 58 и 98, но чаще всего между 70 и 85. Черепа съ показателемъ выше 80 называются короткоголовыми (брахицефалическіе); граница длинноголовости опредѣляется различно: 77 (показатель Брока́), теперь чаще 75. Черепа съ показателемъ 75 (или 77) и ниже будутъ длинноголовые (долихоцефалическіе), между 75 и 80—средніе или ортоцефалическіе; кромѣ того иногда еще отличаютъ продолговатые (субдолихоцефалическіе) и широковатые (суббрахицефали-

поръ отмѣчались слишкомъ рѣдко, чтобы можно было дѣлать какія нибудь обобщенія; но гдѣ обращалось вниманіе на форму черепа (и разумѣется—гдѣ погребальный обрядъ оставилъ скелетъ цѣлымъ—гдѣ его не сожгли), оказывалось обыкновенно, что неолитическіе черепа длинноголовы [1]). Исключенія рѣдки, единичны, и къ тому же встрѣчаются въ погребеніяхъ уже переходнаго времени, напримѣръ въ погребеніяхъ съ окрашенными скелетами, стоящими уже на рубежѣ металлической культуры [2]).

§ 11. Начатки металлической культуры; мѣдь и бронза. Я упомянулъ выше, что въ нѣкоторыхъ глиняныхъ мазанкахъ съ раскрашенной посудой въ окрестностяхъ Триполья были найдены при урнахъ мѣдные топорики. Это не единственный у насъ случай, когда среди обстановки неолитической культуры выступаютъ, какъ первые металлическіе предметы, издѣлія изъ чистой мѣди. Напр. извѣстна такая находка въ Угорской Руси (Лучка въ Угоркой столицѣ), гдѣ въ похоронномъ полѣ каменной эпохи былъ найденъ мѣдный топорикъ; въ нѣкоторыхъ подольскихъ курганахъ рядомъ съ каменными фигурируютъ также мѣдные предметы; тоже самое мы видимъ и въ курганахъ съ окрашенными скелетами

ческіе—81 и 82). Ясно, что голова тѣмъ шире, чѣмъ высшій имѣетъ показатель, и тѣмъ длиннѣе, чѣмъ ниже показатель.

[1]) См.: Богданова. О черепахъ каменнаго вѣка, найденныхъ въ Россіи (Антропологическая выставка, т. IV) и Quelle est la race la plus ancienne de la Russie Centrale (Congrés internat. à Moscou т. I). Антоновичъ О каменномъ вѣкѣ въ Зап. Волыни (l. c.). Talko-Hryncewicz Przyczynek do poznania świata kurhanowego Ukrainy (Materiały antropologiczno-archeologiczne, IV) (тутъ однако соединены вмѣстѣ курганы каменнаго вѣка съ курганами переходного времени и начала металлической культуры). Менѣе цѣнны общія, голословныя характеристики, даваемыя неолитическому населенію различными изслѣдователями, хотя бы и на основаніи автопсіи, но безъ измѣреній: напр. Бранденбургъ Объ аборигенахъ Кіевскаго края (с. 158)—о длинноголовости скорченныхъ скелетовъ. Спицынъ Курганы съ окрашенными костяками (с. 80)—о длинноголовости окрашенныхъ костяковъ. Пулавскій Археологическія находки въ Подольской губ. (Труды XI съѣзда II, с. 147)—о длинноголовости въ мѣстныхъ погребеніяхъ, и т. под.

[2]) Напр. у Бобринскаго, Курганы II с. 54 и 140 опубликовано одно погребеніе, гдѣ окрашенный костякъ былъ короткоголовый—показатель 82,3.

въ Харьковщинѣ [1]). Находки изъ альпійскихъ областей, изъ свайныхъ построекъ не оставляютъ мѣста сомнѣнію, что первымъ металломъ, начавшимъ входить въ употребленіе въ неолитическую эпоху въ Европѣ, была чистая мѣдь, и только позднѣе начала распространяться бронза, т. е. сплавъ мѣди съ оловомъ (болѣе или менѣе въ пропорціи одной десятой олова на девять десятыхъ мѣди). Явленіе понятное. Мѣдь самый доступный, самый легкій для примитивной обработки металлъ. Правда, она гораздо менѣе практична, менѣе прочна и пластична, чѣмъ бронза: но для полученія бронзы нужно знать два металла—мѣдь и олово, и къ тому же въ ихъ чистой формѣ, такъ какъ не существуетъ такого естественнаго соединенія мѣди и олова, которое давало бы непосредственно при обработкѣ бронзу, и даже мѣдная и оловянная руда очень рѣдко встрѣчаются вмѣстѣ [2]). Такимъ образомъ изготовленіе бронзы требуетъ уже довольно значительнаго развитія металлической техники, и она появляется въ употребленіи значительно позже, чѣмъ чистая мѣдь [3]).

---

[1]) Находки изъ Прикарпатья указаны въ работѣ Much'a: Die Kupferzeit in Europa und ihr Verhältniss zur Kultur der Indogermanen, 2 изд. 1893, i Pulszky Die Kupferzeit in Ungarn, 1884. Для Поднѣпровья—Ханенко Древности Приднѣпровья I с. 14; Антоновичъ Археологическая карта Кіевской губ. с. 78; Хвойко Начало земледѣлія и бронзовый вѣкъ въ среднемъ Поднѣпровѣ (Труды XII съѣзда); Сѣцинскій Археологич. карта Подольской губ. с. 45, 81, 97. Извѣстіе о мѣдныхъ „серповидныхъ“ ножахъ и топорикахъ въ Елисаветградскомъ у. см. въ Археологическихъ Извѣстіяхъ 1895 с. 371. Безъ сомнѣнія и среди остальныхъ коллекцій „бронзовыхъ вещей“ найдется много мѣдныхъ, тѣмъ болѣе, что химическій анализъ обыкновенно не производится, и очень часто мѣдные предметы не отдѣляются отъ бронзовыхъ. Такъ въ томъ же изданіи Ханенка одна изъ таблицъ имѣетъ надпись: предметы изъ мѣди и бронзы. Въ богатой публикаціи Штукенберга Матеріалы для изученія мѣднаго (бронзоваго) вѣка восточной полосы Европейской Россіи (Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при казанскомъ университетѣ, 1891 т. XVII) также перемѣшаны мѣдныя и бронзовые предметы.

[2]) Собственно говоря, естественное соединеніе мѣди и олова извѣстно только въ одномъ мѣстѣ—въ Корнуэльсѣ въ Англіи; но примѣсь олова здѣсь гораздо большая, чѣмъ нужно для бронзы, и для того, чтобы добыть изъ этой руды бронзу, надо сперва выдѣлить изъ нея особо олово и мѣдь.

[3]) О мѣдной техникѣ вообще см. цитированныя выше работы Муха и Пульскаго.

Правда, мѣдныя издѣлія извѣстны и въ другихъ мѣстахъ, а у насъ въ особенности, въ довольно небольшомъ количествѣ. На это есть свои причины. Мѣдь гораздо хуже сохранятся въ землѣ, чѣмъ бронза, а съ развитіемъ бронзовыхъ издѣлій мѣдные предметы въ большомъ количествѣ должны были переплавливаться на бронзу. На мѣдныя издѣлія очень недавно обращено вниманіе и ихъ только въ послѣднее время начинаютъ выдѣлять въ отдѣльную отъ бронзовыхъ категорію: поэтому и число извѣстныхъ находокъ мѣдныхъ издѣлій увеличивается съ каждымъ годомъ. Замѣтно выступаетъ мѣдная культура на югъ онъ Карпатъ. Довольно богатое гнѣздо мѣдной культуры открывается и на востокѣ, въ Подоньѣ, въ нынѣшней Воронежской г. [1]). Однако слѣдуетъ тщательно отличать предметы начала мѣдной техники, когда бронза была еще неизвѣстна, отъ позднѣйшихъ мѣдныхъ издѣлій, выдѣлывавшихся вмѣсто бронзовыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не доставало олова: а такое различіе не всегда проводится.

Мѣдь, затѣмъ бронза и золото—металлы ранней металлической культуры. Значительно позже въ употребленіе входятъ желѣзо и серебро.

§ 12. Переходные типы; вопросъ о бронзовой культурѣ. Своимъ появленіемъ металлы не произвели внезапнаго переворота. Даже тамъ, гдѣ бронза позже входитъ въ очень широкое употребленіе и становится главнымъ матеріаломъ для всякаго рода издѣлій, отъ оружія до различныхъ украшеній, создавая вполнѣ опредѣленную эпоху бронзовой культуры,—и тамъ мѣдь, а затѣмъ бронза встрѣчаются нѣкоторое время, и даже довольно долго, рядомъ съ издѣліями изъ камня и кости, лишь постепенно вытѣсняя ихъ изъ обихода. Мѣдныя и бронзовыя издѣлія

---

[1]) Раскопки и находки въ Задонскомъ и Землянскомъ у. Воронежской губерніи (с. Скорняковка и Скакунъ)—о нихъ Сизовъ Скорняковскіе курганы Воронежской губ.—Древности моск. арх. общ. т. XIII, Спицынъ Обозрѣніе—Труды отд. слав. арх. т. I, с. 134; предметы (копья, топоры, долота) въ Московскомъ историческомъ музеѣ (въ Указателѣ изд. 1893 г. с. 46—7 и 600 скаKуновскія находки записаны бронзовыми). Особенно интересны здѣшніе курганы, гдѣ оказались однѣ лишь каменыя и мѣдныя издѣлія. Такіе же курганы были открыты, очевидно, и въ недавнихъ раскопкахъ Городцова, но онъ не отдѣляетъ мѣди отъ бронзы.

всегда были рѣдки, дороги, и не могли сразу войти въ широкое употребленіе. Прежде чѣмъ мѣдныя издѣлія успѣли достигнуть соотвѣтствующаго распространенія, появлялась бронза. У насъ же и бронза не успѣла еще утвердиться, какъ появилось желѣзо.

Довольно распространенное въ археологической культурѣ мнѣніе вообще отрицаетъ существованіе бронзовой культуры въ восточной Европѣ, кромѣ крайней восточной части, азіатскаго пограничья, входившаго въ область бронзовой культуры азіатской, сибирской и средне-азіатской [1]). Такъ огульно отрицать ее нельзя; но для центральныхъ частей юговосточной Европы, вѣроятно, будетъ справедливо мнѣніе, что дѣйствительно настоящей бронзовой эпохи здѣсь не было. Такъ какъ на мѣстѣ ни мѣдь ни олово не добывались, то бронзовыя издѣлія были и остались предметомъ привознымъ [2]). Поэтому бронзовыя издѣлія и бронзовая культура могли имѣть большее значеніе только въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя находились въ близкомъ сосѣдствѣ странъ съ болѣе развитой бронзовой культурой. Такъ Прикарпатье входило въ область вліянія средне-дунайской или адріатической бронзовой культуры: вліянія эти были вѣроятно гораздо болѣе сильны, чѣмъ мы могли бы предполагать на основаніи немногочисленныхъ извѣстныхъ намъ бронзовыхъ находокъ на галицкомъ предгорьѣ и въ горахъ (тогда еще въ большей части

---

[1]) Самымъ авторитетнымъ и рѣшительнымъ представителемъ мнѣнія, что въ восточной Европѣ не было бронзовой культуры, былъ пок. Антоновичъ; къ сожалѣнію, его рефераты относительно этого вопроса не напечатаны (краткіе резюме см. въ Чтеніяхъ кіевск. истор. общества т. V, с. 4—5, Трудахъ IX съѣзда т. II протоколы с. 74—5, Историческое Обозрѣніе 1894 г.). Въ первомъ изъ упомянутыхъ рефератовъ онъ считалъ приднѣпровскую бронзу остатками ордъ, переходившихъ черезъ нашу страну— Гунновъ, Аваровъ, Угровъ; во второмъ онъ выводилъ ее изъ торговыхъ сношеній, опредѣляя пути этихъ послѣднихъ; существованіе бронзовой культуры онъ признавалъ только на западѣ нашей территоріи (за линіей Смотрича и Западнаго Буга) и на Черноморьѣ. Остальная, менѣе важная литература вопроса была указана мною во 2-мъ изданіи.

[2]) Слухи о слѣдахъ древней разработки мѣдной руды (Бурачкова Объяснительная записка—Древности Моск. общ. с. 12, Ястребова Обозрѣніе древностей Херсонской губ. с 28, Нидерле с. 208) до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, не подтвердились.

совершенно пустынныхъ или очень слабо населенныхъ)[1]. Съ другой стороны недавнія раскопки въ порѣчьѣ Донца (въ Изюмскомъ у.) наводятъ на мысль, что здѣсь въ промежуткѣ между каменной и желѣзной культурой мѣдныя и бронзовыя орудія были довольно распространены, и это могло стоять въ связи съ довольно высокой бронзовой техникой Подонья, находившейся подъ вліяніемъ или уральской или скорѣе можетъ быть—кавказской бронзовой культуры. Курганы этой эпохи очень бѣдны инвентаремъ, бронзовыхъ предметовъ встрѣчается мало, но отсутствіе каменныхъ и желѣзныхъ орудій, существованіе формъ для отливки бронзовыхъ предметовъ и слѣды употребленія при работѣ хорошихъ металлическихъ орудій наводятъ на мысль, что бронзовыя орудія имѣли здѣсь въ извѣстное время довольно большое значеніе[2]. Въ центральныя мѣстности,—въ бассейнъ средняго Днѣпра и З. Буга бронзовыя предметы могли проникать какъ съ запада, такъ и съ востока (изъ уральскихъ и кавказскихъ областей), и еще въ болѣе значительномъ количествѣ должны были притекать съ черноморскаго побережья. Очевидный параллелизмъ въ бронзовой культурѣ сѣвернаго Кавказа и средняго Подунавья, констатированный въ послѣднее время на значительныхъ массахъ матеріала[3], не оставляетъ сомнѣнія, что между этими двумя очагами

[1]) О находкахъ въ Галиціи бронзовыхъ предметовъ среднедунайской или адріатической техники, такъ наз. гальштаттской —Demetrykiewicz Vorgeschichte Galiziens (Oesterreichische Monarchie im Wort und Bild, Galizien, c. 120—2), моя статья: Бронзові мечи з Турецького пов. въ Записках Наукового Товариства ім. Шевченка т. XXXIII, Przybysławski - Skarb bronzowy znaleziony pod Uniżem (Teka kons. I), також Pułaski Wiadomość o dwu zabytkach bronzowych znalezionych na Podolu (Pamiętnik Fizyograficzny т. IX) и Труды XI съѣзда II, с. 150. О находкахъ въ Угорской Руси—Undset Etudes sur l'âge du bronze de la Hongrie, 1880: Hampel Trouvailles de l'âge du bronze en Hongrie, 1886, его-же Alterthümer der Bronzezeit in Ungarn, 2-е изд. 1890; въ венгерскомъ изданіи его работы: A bronzokor emelékei magyarhonban (Памятники бронзовой эпохи въ Венгріи), т. I—III собраны извѣстія о позднѣйшихъ находкахъ, до 1896 года.

[2]) См. раскопки Городцова и г-жи Мельникъ-Антоновичъ въ Трудахъ XII и XIII археол. съѣзда.

[3]) См интересныя параллели въ статьяхъ Wilke Archäologische Parallelen aus dem Kaukasus und den unteren Donauländern

бронзовой культуры существовала связь, а такимъ соединительнымъ звеномъ между ними должно было служить черноморское побережьѣ съ аналогическою бронзовою культурой. Дѣйствительно, въ побережьѣ нижняго Днѣпра слѣды фабрикаціи бронзы довольно многочисленны.

Не имѣя мѣстныхъ источниковъ, бронзовая культура на обширныхъ пространствахъ нашей территоріи могла распространяться лишь очень постепенно. Камень и кость должны были сохранять свое значеніе въ мѣстной культурѣ еще долгое время послѣ того, какъ начали расширяться бронзовыя издѣлія: прежде чѣмъ успѣли они овладѣть ею и вытѣснить изъ употребленія камень, появились уже желѣзныя издѣлія. Этимъ нужно пояснить такія явленія, что между тѣмъ какъ въ однихъ находкахъ мы видимъ въ обстановкѣ неолитической культуры предметы изъ мѣди (какъ въ приведенныхъ выше), — въ другихъ каменную культуру смѣняетъ бронзовая, напр. въ нѣкоторыхъ могилахъ съ окрашенными костяками, гдѣ рядомъ съ камнемъ начинаетъ выступать бронза,—и на ряду съ ними встрѣчаются и такія находки, гдѣ рядомъ съ камнемъ непосредственно выступаетъ уже желѣзо, какъ его преемникъ. Таковы напримѣръ курганы с. с. Гатнаго и Янковичъ около Кіева, гдѣ желѣзныя издѣлія оказались при покойникахъ на ряду съ каменными орудіями и очень примитивной посудой[1]). Такимъ образомъ, за исключеніемъ такъ слабо еще обслѣдованныхъ западныхъ и восточныхъ окраинъ,—мы можемъ говорить скорѣе о переходномъ періодѣ отъ камня къ металлу, относя сюда и находки металлическихъ издѣлій совмѣстно съ предметами неолитической культуры и находки мѣдныхъ и бронзовыхъ орудій[2]).

При всемъ томъ бронзовыя издѣлія были довольно распостранены даже въ центральныхъ частяхъ этой юго-восточной Европы. Кромѣ стрѣлокъ, зеркалецъ и разнообразныхъ украшеній, державших-

---

(Ztschr. f. Ethnol. 1904), и Vorgeschichtliche Beziehungen zwischen Kaukasus und dem unteren Donaugebiete (Mitt. der anthrop. Ges. in Wien, 1908).

[1]) Труды III съѣзда т. I, протоколы с. 80 и слѣд. и рисунки къ нимъ, и Археологическая карта Кіевск. губ. с. 21.

[2]) Эту переходную эпоху называютъ иногда „энеолитической“ (мѣдно-каменной).

ся долго и въ эпоху развитія желѣзной культуры,—въ этомъ переходномъ періодѣ въ довольно широкомъ распространеніи были и такія характерныя для бронзовой культуры издѣлія, какъ топоры, копья, мечи, ножи,—вытѣсненныя желѣзными, какъ только желѣзо начало распространяться[1]). Эти бронзовыя издѣлія не только привозились готовыми, но и выдѣлывались на мѣстѣ, какъ показываютъ находки каменныхъ формъ для отливки бронзовыхъ топоровъ, копій, серповъ, или куски приготовленнаго матеріала, встрѣчающіеся даже въ среднемъ Поднѣпровьѣ[2]). Но курганы съ типической бронзовою культурой почти неизвѣстны здѣсь и вообще въ этихъ центральныхъ мѣстностяхъ, и даже относительно встрѣченныхъ[3]) можетъ быть вопросъ, не случайно ли оказались въ нихъ одни лишь бронзовыя издѣлія и не принадлежатъ ли эти погребенія собственно уже ранней желѣзной культурѣ.

§ 13. Ранняя желѣзная культура въ сѣверной полосѣ. Ранней желѣзной культурѣ нашего края въ археологіи часто даютъ названіе скиѳской. Но это названіе совершенно условное; оно обозначаетъ вообще первыя стадіи желѣзной культуры, когда среди другихъ народовъ жили на нашей территоріи и Скиѳы. Подъ этимъ названіемъ ранняя желѣзная культура противопоставляется позднѣйшей желѣзной культурѣ, главнымъ образомъ славянской. Но вообще говоря, очень богатый и разнообразный матеріалъ доисторической желѣзной культуры нашей страны далеко еще не использованъ и не изученъ въ такой степени, чтобы его можно было подвести подъ подробную хронологическую схему. Поэтому лучше обходить этнографическія обозначенія тамъ, гдѣ нѣтъ увѣренности относительно этнографической принадлежности, и придерживаться фактовъ самой культуры.

---

[1]) Находки бронзы см. въ археологическихъ картахъ Кіевской губ. (около двадцати характерныхъ находокъ), также Волынской и Подольской — см. указатели. Каталогъ Коллекціи Поля, гл. II (самая богатая коллекція украинской бронзы). Ястребовъ ор. с. с. 11 (Херсонская губ.). См. еще во 2 изд.

[2]) Важнѣйшія находки указаны во 2 изд.

[2]) Курганы с. Должика и Романовки въ Кіевской г.—Археологическая карта, с. 57 и 68; нѣкоторые курганы Гермесовой Близницы и Большой Бѣлозерки—Забѣлинъ Исторія русской жизни I с. 617—8: Бобринскій Курганы III с. 23—5 и др.

Я уже упоминалъ, что мы имѣемъ такія находки—главнымъ образомъ въ сѣверной полосѣ, гдѣ желѣзо наступаетъ непосредственно послѣ каменной культуры. Таковы упомянутые курганы сѣверной части Кіевской губ. (с. Гатное, Янковичи), гдѣ желѣзное оружіе фигурируетъ вмѣстѣ съ каменными орудіями и очень примитивными глиняными издѣліями. Въ нѣкоторыхъ другихъ находкахъ древніе культурные типы неолитической эпохи переходятъ въ желѣзную культуру черезъ большую или меньшую примѣсь мѣдной или бронзовой. Такъ въ курганахъ въ порѣчьѣ Дона погребенія съ окрашенными костяками, безъ значительныхъ измѣненій, встрѣчаются то въ обстановкѣ одной лишь неолитической культуры, то съ каменными и бронзовыми (или мѣдными) орудіями, то кромѣ бронзы появляются уже представители желѣзной культуры—желѣзное оружіе, стекло, серебро [1]). Погребальныя поля, въ большихъ размѣрахъ открытыя недавно въ порѣчьи З. Буга, даютъ предметы отъ неолитической эпохи до довольно поздней желѣзной культуры, безъ замѣтной разницы въ типахъ погребенія или въ прочей культурной обстановкѣ. Впрочемъ ихъ изученіе оставляетъ еще желать многаго.

Въ сѣверномъ лѣсномъ поясѣ эти погребальныя поля теперь являются самыми типическими представителями изъ временъ ранней желѣзной культуры и болѣе поздней—до великаго славянскаго разселенія. Погребенія въ нихъ встрѣчаются большими группами, безъ могильныхъ насыпей, подъ поверхностью земли, причемъ рядомъ оказываются погребенные и сожженные покойники. Болѣе древнія поля, какъ побужскія, наряду съ пережитками неолитической культуры даютъ издѣлія бронзовыя (украшенія главнымъ образомъ), желѣзныя и стеклянныя, съ очевидными слѣдами вліянія ранней желѣзной культуры Запада (т. н. гальштаттской культуры). Болѣе позднія, какъ открытыя до сихъ поръ поднѣпровскія, характеризуются типичными предметами послѣднихъ столѣтій передъ Р. Хр. и первыхъ по Р. Хр., какъ фибулы (застежки) такъ называемыхъ римскихъ провинціальныхъ или кельтскихъ типовъ, стеклянная посуда и бусы; рядомъ съ примитивными глиняными издѣліями встрѣчаются сосуды очень красивой, правильной формы, выдѣланные уже на гончарномъ кругѣ.

---

[1]) Раскопки Городцова и г-жи Мельникъ-Антоновичъ, какъ выше.

Орнаментъ этой посуды не богатъ, иногда представляетъ лишь далекую аналогію пышной орнаментаціи неолитическихъ площадокъ: раскрашенные сосуды не встрѣчаются: культура глиняныхъ мазанокъ, какъ сказано, не оставила здѣсь преемства въ позднѣйшихъ культурныхъ отложеніяхъ [1]).

Культурныя отложенія этого сѣвернаго пояса, гдѣ каменныя орудія выступаютъ наряду съ желѣзными, или съ бронзовыми и желѣзными, или среди бронзовыхъ и каменныхъ предметовъ попадаются такіе показатели позднѣйшей культуры, какъ золото, стекло, выдѣланная при помощи гончарнаго круга посуда—хронологически должны соотвѣтствовать, очевидно, старшей желѣзной культурѣ средиземнаго бассейна, такъ называемому гальштаттскому періоду (болѣе или менѣе до конца VI ст. ст. до Р. Хр.) [2]). Къ этой категоріи относится и самая богатая и блестящая находка этого времени—золотой кладъ, найденный на днѣ р. Збруча около с. Михалкова (найденъ еще въ 1870-хъ годахъ, но долго сохранялся въ секретѣ и опубликованъ только теперь). Онъ содержитъ въ себѣ діадему изъ золотой бляхи, много застежекъ (фибулъ), нѣсколько браслетъ, круглыхъ бляхъ конскаго убора (фаларовъ), пуговицъ и иныхъ украшеній. Нѣкоторые предметы вполнѣ аналогичны съ украшеніями гальштаттскаго типа изъ золотыхъ кладовъ сосѣдней Венгріи [3]). Бронзовыя украшенія гальштаттскихъ типовъ встрѣчаются въ погребальныхъ поляхъ Побужья

---

[1]) Хвойко. Поля погребеній въ среднемъ Приднѣпровьѣ (Записки рус. археол. общ. т. XII, вып. 1)—очень краткія замѣтки съ общими характеристиками. Предметы изданы у Ханенка Древности Приднѣпровья, в. IV. Изданы хорошо, но тоже лишь съ суммарными замѣтками, такъ что иногда нельзя выдѣлить ихъ изъ другихъ. О похоронныхъ поляхъ у верховьевъ Буга—Шараневича Cmentarzyska przedhistoryczne we wsiach Czechach i Wysocku (Teka konserwatorska II) i Das grosse prähistorische Gräberfeld zu Czechy (Mitteilungen der Central-Commission, 1901), и мое Похоронне поле в с. Чехах—Записки Наук. Тов. ім. Шевченка т. XXX.

[2]) Относительно хронологіи см. выше с. 22.

[3]) Muzeum imienia Dzieduszyckich: Złote skarby Michałkowskie, opracował K. Hadaczek, 1904. О нихъ K. Hadaczek Zum Goldschatz von Michałkow (Jahreshefte des archäol. Institut), Hoernes Goldfunde aus der Hallstattperiode in Österreich-Ungarn (Jahrbuch der Zentral-Kommission, 1906).

и Поднѣпровья[1]). Чего нибудь оригинальнаго, мѣстнаго изъ этой сѣверной полосы мы пока еще не можемъ указать, какъ для этого болѣе ранняго, такъ и для позднѣйшаго періода охватывающаго послѣднія столѣтія до Р. Хр. и на Западѣ характеризуемаго такъ называемой культурой la Tène[2]), въ нѣкоторыхъ типическихъ своихъ издѣлія проступающей и у насъ, не только на Поднѣстровьи, но и далѣе на востокъ—конечно уже въ самыя послѣднія столѣтія передъ Р. Хр.[3]).

Весь этотъ сѣверный поясъ (болѣе или менѣе на сѣверъ отъ Кіева и Львова)—насколько, разумѣется можно судить по имѣющемуся въ нашемъ распоряженіи, пока еще очень бѣдному матеріалу—какъ въ предыдущую, неолитическую, такъ и въ новую, металлическую эпоху, до самаго великаго славянскаго разселенія, жилъ вообще очень неподвижной жизнью, безъ рѣзкихъ культурныхъ и этнографическихъ пертурбацій. Не видно ничего, что указывало бы на какія нибудь рѣзкія измѣненія, новыя могучія теченія, которыя захватывали бы старую жизнь. Отзвуки большихъ культурныхъ переломовъ издалека, въ безмѣрно ослабленныхъ формахъ проникали сюда и тихо осѣдали на старую жизнь, на старыя формы, не имѣя силъ овладѣть ими вполнѣ и замѣнить ихъ новыми, высшими. Такое, повторяемъ, впечатлѣніе отъ наличнаго нашего матеріала. Можетъ быть, неожиданная находка откроетъ намъ совершенно новыя перспективы.

§ 14. Типы желѣзной культуры въ степной и предстепной полосѣ. Гораздо опредѣленнѣе и интенсивнѣе, чѣмъ въ этихъ сѣверныхъ областяхъ, выступаетъ эволюція желѣзной культуры послѣднихъ 500—600 лѣтъ до Р. Хр. въ приморскомъ степномъ поясѣ и передстепномъ Поднѣпровьѣ (съ южной частью

---

[1]) Напр. находки въ Кіевск. губ.—Древности Поднѣпровья I, табл. XII, № 60, Бобринскій III, с. 23 и табл. II и др.

[2]) Названа такъ по имени богатой, типичной находки на мели (tène—мель) Нейбергскаго озера въ Швейцаріи.

[3]) Бѣляшевскій Поле погребальныхъ урнъ la Tène въ Радомысльскомъ у. (Археол. лѣтопись Ю. Р. 1904). Спицынъ Памятники латенской культуры въ Россіи (Извѣстія археол. ком. XII). О галицкихъ находкахъ—Деметрикевичъ въ Oesterreichische Monarchie, Galizien.

Кіевской и Полтавской г. включительно). Здѣсь мы видимъ нѣсколько рѣзко обозначенныхъ культурныхъ теченій, встрѣчающихся и скрещивающихся между собою.

Первый типъ—это желѣзная культура съ ясными слѣдами античныхъ вліяній: находки и курганы съ предметами греческаго происхожденія или сдѣланными по греческимъ образцамъ. Наиболѣе извѣстны богатые типичные курганы этой категоріи—Куль-оба около Керчи, Карагодеуашхъ около ст. Крымской на Кавказѣ, Чертомлыцкій курганъ около Пороговъ, Рыжановскій въ южной части Кіевской губ. (Звенигородскій у.). Все это курганы, безспорно, варварскіе, но съ богатыми коллекціями греческихъ издѣлій, иногда спеціально приспособленныхъ къ варварской жизни и варварскимъ вкусамъ въ выборѣ декораціонныхъ темъ, орнамента и въ самомъ назначеніи предметовъ, какъ напр. знаменитыя куль-обская и чертомлыцкая ваза со сценами изъ скиѳской жизни; какъ выбитыя изъ золота пластинки для нашиванія на одежду, по варварской модѣ; какъ различныя богатыя украшенія, необычайныя для греческаго туалета, требовавшіяся для любящаго золото варварскаго населенія. Эти курганы могутъ быть датированы лишь очень приблизительно, на основаніи стиля и техники издѣлій, и относятся къ V—II в. до Р. Хр., т. е. къ скиѳо-сарматскому періоду. Кромѣ такихъ особенно богатыхъ погребеній, болѣе разрозненные слѣды вліянія греческой, затѣмъ греко-римской культуры, появляются въ большомъ количествѣ въ курганахъ и остаткахъ поселеній, въ видѣ металлическихъ издѣлій, посуды или монетъ. На Поднѣпровьѣ они почти достигаютъ линіи лѣсовъ; на водораздѣлѣ Дона, въ бассейнѣ Донца доходятъ до такого глубокаго предстепья, какъ Харьковская губ. [1]).

Рядомъ съ этимъ античнымъ вліяніемъ проявляются другія, стилемъ своихъ издѣлій и предметовъ указывающія на Переднюю Азію, Туркестанъ и Сибирь. Они характеризуются бо-

---

[1]) Главнѣйшая литература: Ашикъ Воспорское царство, 1848, Antiquités du Bosphore Cimmérien, 1854, Древности Геродотовой Скиѳіи т. II, 1873, Zbiór wiadomości do antropologii krajowej т. XII, Лаппо-Данилевскій и Мальмбергъ Курганъ Каргодеуашхъ (Матеріалы по археологіи Россіи № 13). Болѣе общаго характера: Толстой и Кондаковъ Русскія древности т. I и II. О находкахъ античной посуды и монетъ ниже.

гатствомъ бронзовыхъ предметовъ, особенно украшеніями для коней и колесницъ, и характерны звѣринымъ орнаментомъ (цѣлыя животныя и ихъ отдѣльныя части: конскія, бараньи, звѣриныя, птичьи головки, клювы, лапы и т. д.). Исполненіе этого орнамента, въ противуположность элегантному реализму греческаго искусства, сухо, схематично и утрированно. Тотъ же стиль и тотъ же орнаментъ встрѣчается и на украшеніяхъ изъ золота, серебра и кости. Наиболѣе типично выступаетъ онъ въ находкахъ кургановъ Лугового, Александропольскаго и Краснокутскаго, недалеко отъ пороговъ, на правомъ берегѣ Днѣпра (въ Екатеринославскомъ у.), Аксютинецкаго и другихъ около Роменъ [1]).

Эти два теченія встрѣчаются на нашей территоріи и скрещиваются между собою: бронзовыя, костяныя и другія издѣлія этого восточнаго стиля встрѣчаются часто въ однихъ курганахъ съ предметами античнаго стиля; попадаются темы среднеазіатскаго стиля въ античномъ исполненіи, модифицированныя, облагороженныя, какъ съ другой стороны видимъ эллинистическіе темы, варваризованныя работой мѣстныхъ мастеровъ [2]).

Отграничить хронологически и этнографически эти два культурные типа мы не можемъ, хотя и видимъ ясно ихъ различное происхожденіе. Они безспорно встрѣчались у однихъ и тѣхъ же народовъ. Вмѣстѣ взятые, ихъ можно характеризовать богатствомъ бронзы и золота и рѣдкостью серебра (есть находки, гдѣ при богатствѣ золотыхъ и бронзовыхъ вещей не нашлось ничего серебрянаго) [3]), а въ исполненіи этими двумя теченіями—античнымъ (греческимъ) и азіатскимъ.

Изъ всѣхъ типовъ ранней желѣзной культуры (повторяю—всѣхъ ея многочисленныхъ варіантовъ далеко еще нельзя подвести подъ какую нибудь систему) эти смѣшанные типы скорѣе всего можно назвать скиѳо-сарматскими, но и то больше съ хронологической и культурной, чѣмъ съ этнографической точки зрѣ-

---

[1]) Древности Геродотовой Скиѳіи т. I, Бобринскій—Курганы близъ м. Смѣлы, II—III, Ханенко Древности Приднѣпровья, вып. III—IV (здѣсь и смѣшанныя, еллинистическо-восточныя находки).

[2]) Напр. въ нѣкоторыхъ аксютинецкихъ находкахъ—см. Самоквасова Основанія хронологической классификаціи 1892 с. 28 и далѣе, также въ Чертомлыцкомъ и Луговомъ Курганѣ.

[3]) Ср. Дарьевка, Аксютинцы—Бобринскій II с. 128—9, 162.

нія, такъ какъ эта культура проникала несомнѣнно не только къ ближайшимъ, но и къ болѣе отдаленнымъ сосѣдямъ Скиѳовъ и Сарматовъ. Даже похоронный обрядъ могъ заимствоваться благодаря политическому преобладанію, и находки скиѳо-сарматскаго типа въ среднемъ Поднѣпровьѣ нельзя считать слѣдами народности Скиѳовъ или Сарматовъ.

Непосредственно передъ великою славянскою миграціей—во II—IV вв. послѣ Р. Хр. мы видимъ новое теченіе въ техникѣ и стилѣ, такъ называемый стиль готскій или (какъ называютъ его въ западномъ искусствѣ) меровингскій. Названіе это справедливо лишь въ томъ отношеніи, что стиль этотъ, развившійся въ нашихъ краяхъ непосредственно передъ миграціей Готовъ на западъ, былъ ими усвоенъ, и получилъ затѣмъ на западѣ, въ новооснованныхъ германскихъ государствахъ, широкое развитіе. Происхожденія онъ безусловно восточнаго и шелъ изъ Персіи и Туркестана. Онъ также характеризуется любовью къ золоту и бронзѣ, но украшаетъ издѣлія не пластикой, а разноцвѣтными каменьями, стекломъ или эмалью. Мѣсто пластической орнаментаціи занимаетъ инкрустація: прежній, болѣе реалистическій, животный орнаментъ исчезаетъ, господствуютъ схематическія или геометрическія формы. Прототипы этого стиля, относящіеся ко времени за нѣсколько вѣковъ до Р. Хр., открываютъ намъ новѣйшія раскопки въ Персіи [1]). Интересная находка въ Керчи открыла погребеніе съ предметами готскаго стиля, цѣнное тѣмъ, что оно имѣетъ дату въ видѣ оттиска римской монеты—конца III или начала IV ст. [2]): это время, когда этотъ новый стиль начинаетъ распространяться въ нашихъ краяхъ.

---

[1]) Таковы напр. изданные изъ раскопокъ Моргана инкрустированные предметы изъ ахеменидскихъ могилъ—La delegation en Perse 1897 à 1902, par J. de Morgan, 1902 с. 30, 92.

[2]) Э. Штернъ Къ вопросу о происхожденіи „готскаго стиля“ предметовъ ювелирнаго искусства—Записки одес. общества исторіи т. XX. О готскомъ стилѣ въ нашемъ краѣ—Толстой и Кондаковъ Русскія древности кн. III, Ханенко Древности Приднѣпровья кн. IV, de Bay La bijouterie des Goths en Russie, 1892. Ср. находки слѣдующаго за нашими степями этапа—среднедунайской равнины: Hampel Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, 1905, т. III, „первая группа“.

Съ славянскимъ разселеніемъ въ лѣсномъ поясѣ и передстепьѣ обозначаются новые славянскіе культурные типы—въ погребеніяхъ и поселеніяхъ. Они характеризируются богатствомъ серебра и его перевѣсомъ надъ золотомъ; бронза имѣетъ довольно небольшое значеніе—лишь какъ замѣна болѣе дорогихъ металловъ для болѣе бѣдныхъ слоевъ населенія; орнаментъ и стиль совершенно отличны отъ скиѳо-сарматскихъ и готскихъ. Объ этой культурѣ мы будемъ говорить далѣе. Въ степномъ поясѣ движеніе турецкихъ ордъ (VI—XII вв.) приноситъ новые типы погребеній и погребальныхъ памятниковъ: это такъ называемыя каменныя бабы—грубо вытесанныя изъ камня фигуры различныхъ типовъ, характерные монументы турецкихъ народовъ,—и погребенія съ конемъ, покрывающія собою степныя пространства нашей территоріи, кончая южной частью Кіевской губ. (Поросьемъ) на сѣверѣ. Это чаще всего погребенія впускныя, то-есть выкопанные въ верхушкѣ уже готоваго, древнѣйшаго кургана. Въ степномъ поясѣ курганы болѣе древняго періода (со скорченными и окрашенными костяками, или скиѳо-сарматскими погребеніями) очень часто имѣютъ сверху такія позднѣйшія погребенія кочевниковъ съ конемъ, цѣлымъ или его частями (чаще всего головою и ногами коня). Курганы съ такими погребеніями вѣнчаются иногда каменными бабами: въ послѣднее время раскопано нѣсколько такихъ кургановъ, и связь этихъ погребеній съ каменными бабами уже несомнѣнна[1]). Значеніе этихъ памятниковъ и ихъ этнографическая

[1]) На назначеніе и принадлежность каменныхъ бабъ пролили свѣтъ открытія въ сѣверной Монголіи, сдѣланныхъ въ 1890-хъ годахъ. Уже Радловъ въ своихъ Alttürkische Inschriften указалъ на сходство каменныхъ бабъ съ найденными тамъ старо-турецкими „балбалами", намогильными статуями VIII ст., и высказалъ предположеніе, что само слово „баба"—это только измѣненное „балбалъ". Это подтвердило извѣстіе, данное еще Рюйсброкомъ, что каменныя бабы—намогильные памятники Половцовъ (Recueil de voyages IV, с. 237). Новѣйшія изслѣдованія подтверждаютъ связь ихъ съ могилами кочевниковъ; остается лишь точнѣе опредѣлить ихъ хронологію и эволюцію типовъ. См. Бранденбургъ Къ вопросу о каменныхъ бабахъ—Труды VIII съѣзда т. III; Кулаковскій Къ вопросу о каменныхъ бабахъ, Археол. Извѣстія, 1898; Мустафинъ Каменныя бабы (Проток. туркест. общ. люб. археол., 1898); Трифильевъ Курганы съ каменными бабами въ Купянскомъ у. и Веселовскаго Новый типъ каменныхъ бабъ—Труды XII съѣзда, I и

принадлежность такимъ образомъ выяснилась, хотя лишь въ последнее время. Очень недавно еще въ погребеніяхъ съ конемъ видѣли погребенія славянскія (Полянъ)[1]; однако, когда такія погребенія начали открываться большими массами во всемъ черноморскомъ степномъ поясѣ, это должно было рѣшительно пошатнуть такое объясненіе. Теперь неясности остаются только относительно нѣкоторыхъ подробностей: въ какое именно время появились у насъ эти погребенія, какимъ именно ордамъ принадлежатъ: въ основномъ—что здѣсь мы имѣемъ остатки турецкихъ ордъ, нельзя сомнѣваться. Также ясенъ вопросъ относительно сѣверныхъ могилъ этого типа—въ южной части Кіевской губ.: это курганы Черныхъ Клобуковъ, XII ст.[2]).

Съ этими памятниками мы вступаемъ уже въ вполнѣ историческія времена.

§ 15. Новые элементы въ физическомъ типѣ населенія. Съ антропологической точки зрѣнія погребенія, относящіяся ко времени металлической культуры, открываютъ предъ нами существованіе въ нашей странѣ новаго—короткоголоваго типа[3]). Длин-

Ш. Миллеръ Археологическія изысканія въ окрестностяхъ Таганрога—Археол. лѣтопись 1903 и въ Bulletin de la Soc. d'anthropologie, 1903.

[1]) Теорія Антоновича—его Раскопки въ странѣ Древлянъ и многочисленные рефераты, напр. въ Трудахъ VIII съѣзда IV, с. 69.

[2]) Защитникомъ новаго взгляда выступилъ особенно пок. Бранденбургъ, въ рефератѣ: „Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ Кіевской губ., въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остовы убитыхъ лошадей"—Труды X съѣзда, т. I, пренія тамъ же т. Ш, с. 67—8, и на XII съѣздѣ по поводу реферата Городцова: Погребеніе съ конемъ въ Европейской Россіи (Труды XII съѣзда, Ш, с. 286). Также Спицынъ Курганы Кіевскихъ Торковъ и Берендѣевъ—Труды отд. слав. археол. т. IV, Ханенко Древности Приднѣпровья т. IV.

[3]) Обыкновенно говорится о скиѳскомъ или „скиѳо-сарматскомъ" типѣ, но это понятіе настолько неопредѣленно, характеризирующіе его элементы настолько широко распространены, къ тому же погребенія этихъ типовъ такъ часто встрѣчаются одновременно съ позднѣйшими въ однихъ курганахъ, что объ антропологическомъ типѣ приходится говорить съ очень большою осторожностью. Первыя научныя наблюденія принесла статья Бера въ Древностяхъ Геродотовой Скиѳіи т. I, О черепахъ изъ Лугового кургана (повто-

поголовое население, какое мы видимъ здѣсь въ неолитическую эпоху, не исчезло, мы и далѣе видимъ его напр. въ погребальныхъ поляхъ, и въ болѣе или менѣе чистыхъ формахъ длинноголовость выступаетъ затѣмъ въ позднѣйшихъ погребеніяхъ славянской эпохи. Короткоголовые встрѣчаются въ степныхъ скиѳо-сарматскихъ погребеніяхъ и въ впускныхъ курганахъ съ конемъ (въ то время какъ древнѣйшія, первоначальныя погребенія принадлежатъ въ большей части длинноголовому населенію). Короткоголовый типъ выступаетъ иногда, какъ позднѣйшая спорадическая примѣсь, и въ погребеніяхъ болѣе древнихъ типовъ. Недавнія раскопки въ порѣчьи Донца показали, что въ то время какъ въ древнихъ типахъ погребенія, съ окрашенными костяками, преобладаютъ длинноголовые, въ позднѣйшихъ берутъ верхъ средне-головые, а покойники впускныхъ погребеній съ конемъ—уже чистые коротко-головые [1]).

рено съ различными дополненіями въ Archiv fur Anthropologie 1877). Беръ измѣрилъ 5 череповъ, изъ нихъ было 3 широкихъ и 2 длинныхъ. Богдановъ въ своемъ изслѣдованіи О могилахъ скиѳосарматской эпохи въ Полтавской губерніи и о краніологіи Скиѳовъ (Антропологическая выставка, III и затѣмъ въ Quelle est la race), имѣлъ въ своемъ распоряженіи матеріалъ изъ Посулья (аксютинецкіе курганы), то-есть изъ территоріи, лежавшей далеко за границами Скиѳіи. Не удивительно, что здѣсь рѣшительно преобладаютъ длинноголовые (10 длинноголовыхъ и 1 короткоголовый); наоборотъ, это фактъ очень цѣнный, указывающій на необходимость отличить скиѳо-сарматскую культуру отъ скиѳо-сарматской народности; не обративъ на это вниманія, Богдановъ сдѣлалъ неправильное заключеніе, что Скиѳы были длинноголовой расой. Талько-Гринцевичъ въ своемъ трудѣ къ скиѳской категоріи причислилъ отъ 15 до 18 череповъ изъ имѣвшихся у него въ распоряженіи (въ различныхъ мѣстахъ своего труда онъ даетъ различныя цифры), изъ нихъ 6 длинныхъ, 4 короткихъ, 2 среднихъ (75 до 77); но всѣ они найдены въ южной части Кіевской губ. (курганы около Холоднаго Яра и Рыжановки—см. с. 6), и въ нѣкоторыхъ изъ этихъ могилъ скиѳскій типъ не выраженъ въ достаточной мѣрѣ сильно. Прибавить можно еще кое что изъ II т. раскопокъ Бобринскаго—напр. стр. 224 и др. Во всякомъ случѣ матеріалъ до такой степени невеликъ, мало-характеристиченъ и не отдѣленъ отъ всякихъ возможныхъ постороннихъ примѣсей, что о короткоголовой скиѳской расѣ нельзя еще говорить такъ огульно, какъ говорятъ (напр. Бобринскій, op. c. III c. VII).

[1]) См. Покровскаго О черепахъ кочевниковъ—Труды XI съѣз-

§ 16. Вопросъ этнографической принадлежности. Опыты лингвистическаго освѣщенія вопроса. Обозрѣвъ такимъ образомъ слѣды культурной жизни на нашей территоріи, вполнѣ естественно будетъ поставить вопросъ: въ какомъ отношеніи стоятъ описанныя смѣны культуры и различныя ея формы къ тѣмъ этнографическимъ группамъ, которыя занимали нѣкогда данную территорію? стоятъ ли эти смѣны въ какой-либо связи съ движеніями, переселеніями помянутыхъ древнѣйшихъ насельниковъ? и въ какихъ именно культурныхъ формахъ въ этомъ археологическомъ матеріалѣ проявляли себя представители славянскаго и, въ особенности, восточно-славянскаго населенія, предки современной колонизаціи?

Археологія сама по себѣ не въ состояніи дать отвѣтъ на эти вопросы, поэтому слѣдуетъ обратиться къ другимъ дисциплинамъ. Исторія можетъ дать очень неполный отвѣтъ, такъ какъ не проникаетъ далеко въ глубь этихъ странъ и ихъ прошлаго. Поэтому, раньше чѣмъ обратиться къ ея даннымъ, попробуемъ прибѣгнуть къ помощи иныхъ источниковъ, прежде всего къ помощи сравнительнаго языковѣдѣнія, которое старается разрѣшить поставленные вопросы съ своей стороны и своими средствами, и опираясь на изученіе языковъ, не только устанавливаетъ отношенія и сродство послѣднихъ, но и пытается выяснить уровень культуры данныхъ народовъ въ прошломъ, ихъ культурныя отношенія, и вообще ставитъ себѣ задачи изъ области исторіи ихъ культуры.

Но и лингвистика, какъ это часто бываетъ, отвѣчала на эти вопросы гораздо легче на первыхъ порахъ своего развитія, чѣмъ позже, когда поставлены были болѣе строгія требованія относительно методовъ такого изученія [1]).

да П. Анучинъ О черепахъ изъ кургановъ и могильниковъ Изюмскаго у.—Труды XII съѣзда I.

[1]) Исторія научной разработки этихъ попросовъ основательно представлена у О. Шрадера, Sparchvergleichung und Urgeschichte (3 изд. 1906 г., Іена), E. de Michelis, L'origine degli Indo-Europei, Туринъ, 1903, также C. I. Tylor, The Origin of the Aryans, Лондонъ, 1889 (французскій переводъ Varigny 1895, русскій—1897), I. Schmidt, Die Urheimath der Indogermanen und das europäische Zahlsystem (Abhandlungen der Berliner Akademie 1890).

Еще очень недавно считалось вполнѣ установленнымъ и перешло даже въ учебники положеніе, что великое индоевропейское племя [1]) (называемое также индо-германскимъ или арійскимъ) [2]), въ составъ котораго входили и предки, или ассимиляторы, современныхъ славянскихъ народовъ, передъ своимъ распаденіемъ на отдѣльныя вѣтви и группы жило въ Азіи, на западныхъ склонахъ Болортага и Мустага, къ сѣверу отъ Гиндуку. Тамъ достигло оно значительнаго культурнаго развитія: знало важнѣйшіе металлы (бронзу, золото, серебро, желѣзо), хорошо было ознакомлено съ земледѣліемъ, имѣло значительно развитое семейное и общественно-политическое устройство. Въ такомъ высокомъ культурномъ состояніи отдѣльные члены индоевропейской семьи переходили затѣмъ оттуда въ Европу. Такіе выводы весьма облегчали оріентировку въ археологическомъ матеріалѣ: признавалось несомнѣннымъ, что каждый индоевропейскій народъ пришелъ въ Европу съ культурой металла, слѣдовательно колонизація палеолитическая или неолитическая была не индоевропейскою, а болѣе древнею, и оставалось только въ желѣзной культурѣ отыскивать культуру того или другого индоевропейскаго народа.

Однако противъ этихъ выводовъ, наиболѣе полно выраженныхъ въ нашумѣвшемъ въ свое время трудѣ Пикте [3]), выступили позднѣйшіе изслѣдователи съ цѣлымъ рядомъ замѣчаній и поправокъ. Прежде всего сталъ спорнымъ вопросъ о прародинѣ индоевропейскихъ народовъ. Начиная съ конца 1850-хъ годовъ

[1]) Обще-принятыя названія „индоевропейское племя“, „арійскіе народы“ можно употреблять лишь съ извѣстной оговоркой для обозначенія народовъ, *говорящихъ на индоевропейскихъ языкахъ*, хотя и принадлежащихъ несомнѣнно къ различнымъ ассимилированнымъ расамъ; М. Миллеръ остроумно замѣтилъ, что если говорить объ арійской расѣ, то съ равнымъ правомъ можно бы говорить о долихоцефалической лексикѣ к брацефалической граматикѣ

[2]) Наболѣе подходящимъ названіемъ для группы вышеупомянутыхъ языковъ я считаю „индоевропейское“, а „арійское“ совершенно не пригодно, такъ какъ оно обозначаетъ лишь восточную вѣтвь этой группы—языки иранскихъ и индійскихъ Аріевъ, хотя употребляется часто и въ общемъ значеніи.

[3]) Pictet, Les origines indo-européenes ou les Aryas primitifs, т. I вышелъ въ 1859 г.; новое, оставшееся безъ измѣненій въ основныхъ взглядахъ изданіе вышло въ 1877 г. въ трехъ томахъ.

до нашего времени цѣлый рядъ ученыхъ выступилъ противъ азіатской теоріи, перенося индоевропейскую прародину въ Европу и помѣщая ее въ различныхъ краяхъ послѣдней, и нынѣ европейская теорія рѣшительно преобладаетъ [1]).

Еще строже отнеслась критика къ вопросу объ индоевропейской культурѣ. Въ то время, какъ Пикте, а за нимъ и другіе представляли себѣ индоевропейское населеніе съ значительно развитою металлическою культурою, новѣйшіе изслѣдователи признали за нимъ изъ всѣхъ металловъ знакомство лишь съ мѣдью (даже не съ бронзой), но употребленіе и этого металла считаютъ еще мало развитымъ передъ эпохою разселенія, такъ что индоевропейскіе народы во времена своего разселенія находились собственно въ неолитической и уже на новыхъ поселеніяхъ перешли къ металлической културѣ. На прародинѣ это былъ народъ главнымъ образомъ пастушескій, кочевой, и хотя былъ знакомъ съ начатками земледѣлія, но все же свое познѣйшее значеніе получило оно лишь на новыхъ обиталищахъ [2]).

§ 17. Приблизительность результатовъ лингвистическаго изслѣдованія. Вопросъ объ индоевропейской прародинѣ. Если-бы культурно-историческія изслѣдованія языковѣдовъ могли дать несомнѣнныя указанія относительно исходнаго пункта индоевропейской колонизаціи, ея развитія и того культурнаго уровня на какомъ это разселеніе развивалось, то все это много помогло бы намъ въ изученіи доисторичеекаго заселенія нашей территоріи и начатковъ славянской колонизаціи. Пока же имѣемъ лишь однѣ вѣроятности. Такой вѣроятностью можно считать слѣдующія выводы (принятые рядомъ выдающихся изслѣдователей): во-первыхъ, что древнѣйшимъ мѣстопребываніемъ индоевропейскихъ племенъ являлась восточная Европа; во вторыхъ, что эти племена начали выдѣляться еще во времена неолитической культуры. Послѣднее выводятъ изъ того, что названій

[1]) Различные взгляды высказанные въ литературѣ были указаны во 2-мъ изд., теперь ихъ опускаю. Подробную библіографію до 1899 г. см. у W. Ripley, Selected Bibliography of the Anthropology and Ethnology of Europe, Бостонъ, 1899 г. Главнѣйшее въ курсахъ Шрадера и Микелиса.

[2]) Къ такимъ выводамъ пришли два авторитетныхъ историка культуры, Генъ (V. Hehn) і О. Шрадеръ.

для предметовъ высшей культуры, общихъ индоевропейскимъ народамъ, въ ихъ языковомъ запасѣ не оказывается, а такъ какъ трудно допустить, чтобы подобныя общія названія могли исчезнуть совершенно, не сохранившись хотя бы у нѣкоторыхъ группъ, то отсюда выводъ, что названій для предметовъ металлической культуры не существовало до разселенія, слѣдовательно не было и ея самое. Что же касается прародины, то вопросъ о ней гораздо сложнѣе, а потому необходимо нѣсколько остановиться на немъ. Прежде всего нужно замѣтить, что ничто не говоритъ въ пользу азіатской прародины: теорія эта сложилась въ силу традиціонной привычки смотрѣть на Азію, какъ на колыбель человѣческаго рода. Единственный моментъ, какой могъ бы говорить въ ея пользу—это лингвистическія связи Индоевропейцевъ съ Семитами, но такихъ древнихъ связей до сихъ поръ не установлено, и эта теорія потеряла кредитъ. За то все болѣе обращаютъ на себя вниманіе и получаютъ значеніе связи Индоевропейцевъ съ Финнами. Относящіеся сюда факты еще не проанализированы и не оцѣнены окончательно, но они несомнѣнно существуютъ и указываютъ на восточную Европу, какъ на мѣсто извѣчнаго сосѣдства Индоевропейцевъ съ Финнами [1]). Въ восточной же Европѣ сохранились и наиболѣе архаическіе языки индоевропейской семьи (литовско-латышская группа). Весь процессъ колонизаціи индоевропейскихъ народовъ гораздо легче уяснить себѣ съ точки зрѣнія прародины европейской, и что особенно важно: лингвистическія связи различныхъ группъ между собой указывали бы, что на прародинѣ, передъ разселеніемъ размѣщеніе этихъ группъ соотвѣтствовало современному ихъ размѣщенію, а это очень трудно, даже невозможно примирить съ миграціей въ Европу изъ подъ Болортага.

[1]) Объ этомъ и о генетической связи Индоевропейцевъ съ Финнами, принимаемой изслѣдователями на основаніи этихъ взаимоотношеній—Andersen Studien zur Vergleichung der indogerm. u. finnisch-ugrischen Sprachen, 1879; Thomsen Beröringer mellem de finske og de baltiscke Sprog, 1890; Веске, Славяно-финнскія культурныя отношенія по даннымъ языка, 1890; I. Mikkola Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen I, 1894; H. Sweet, The history of language, 1900 (с. 112 и сл.); Wiklund, Finnisch-ugrisch und Indogermanisch (Le monde oriental, 1906). Прочую литературу см. во 2 изд. См. еще ниже о финско-иранскихъ соприкосновеніяхъ.

Ввиду этихъ обстоятельствъ наиболѣе вѣроятной является прародина восточно-европейская.

Прародина эта должна была занимать значительное пространство, такъ какъ скотоводческій преимущественно, кочевой образъ жизни Индоевропейцевъ требовалъ большихъ пространствъ, и этотъ пранародъ долженъ былъ быть многочисленнымъ въ виду позднѣйшаго его распространенія. Конечно, онъ ассимилировалъ при разселеніи, а можетъ быть еще и передъ разселеніемъ, въ значительномъ количествѣ другія народности; на это совершенно опредѣленно указываетъ смѣшанный антропологическій типъ индоевропейскихъ племенъ—смѣшеніе типовъ свѣтлыхъ и темныхъ, короткоголовыхъ и длинноголовыхъ, да и самая дифференціація индоевропейскихъ языковъ была несомнѣнно ускорена ассимиляціей чужеродныхъ елементовъ. Но такая ассимиляція возможна сама лишь при значительной ассимилирующей массѣ. Отсутствіе общаго названія для обозначенія моря указывало бы, что прародина не лежала у морского берега и лишь нѣкоторыя племена могли доходить до моря (Чернаго или Балтійскаго). Скотоводческое хозяйство съ одной стороны, а съ другой знакомство съ медомъ, пчелами и медвѣдемъ, доказанное фактами языка, указывало бы, какъ на наиболѣе вѣроятный край для индоевропейской прародины, на пограничье степи и лѣса, проходящее въ юго-западномъ направленіи черезъ восточно-европейскую равнину. Въ такомъ случаѣ Славяне, и даже еще точнѣе—Славянство Восточное можетъ быть автохтономъ на извѣстной части своей настоящей территоріи, и его позднѣйшія передвиженія были относительно не велики.

Все это, очевидно, только вѣроятности. Но мы дѣйствительно не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобы индоевропейскіе народы емигрировали въ Европу изъ Азіи. До сихъ поръ нѣтъ никакихъ фактовъ, которые указывали бы, что на нашей территоріи передъ индоевропейскою колонизаціею существовала какая-либо иная [1]). Нужно только при этомъ имѣть въ виду одно существенное ограниченіе—нѣтъ ихъ въ нашемъ матеріалѣ, при тѣхъ сред-

[1]) Довольно распространенная финская теорія, всю восточную Европу передъ Индоевропейцами отводившая Финнамъ, не имѣетъ никакихъ реальныхъ основаній. Лишь въ сѣверо-восточной Европѣ при позднѣйшемъ разселеніи Славяне несомнѣнно оттѣснили Финновъ далѣе къ сѣверу.

ствахъ изслѣдованія, какими мы теперъ располагаемъ. И считаясь цѣликомъ со всѣми тѣми вѣроятностями, какія даетъ намъ изслѣдованіе, необходимо помнить объ этомъ и не особенно настаивать на нихъ. Открывая намъ извѣстную перспективу культурнаго развитія народовъ индоевропейской группы, сводя ихъ широкорасходящіеся лучи къ опредѣленному правѣковому ядру, матеріалы языка даютъ лишь весьма общія указанія на ту конкретную территорію, на тѣ реальныя условія, въ какихъ происходило это развитіе. Какъ и историческое изученіе разселенія, оно только приближаетъ насъ къ тѣмъ, все же широкимъ, ближе не опредѣлимымъ исходнымъ пространствамъ, откуда должно было итти разселеніе.

По отношенію къ своей цѣли мы оказываемся на этомъ пути изслѣдованія при помощи индоевропейской лингвистики или индоевропейскихъ древностей въ концѣ концовъ въ такомъ же положеніи, какъ и на пути изученія археологическаго и антропологическаго матеріала.

Тутъ даны народъ и его культура, требовалось найти территорію; тамъ территорія и культура и физическій типъ, искомое — народъ, носитель этой культуры и физическихъ особенностей, насельникъ территоріи. Единственная общая величина, которая могла бы помочь намъ свести къ одному результату эти проблемы,—культура. Но она слишкомъ обща. Еслибы мы еще могли имѣть при этомъ точкой отправленія вполнѣ опредѣленный физическій типъ—но этого въ сущности нѣтъ.

§ 18. Затрудненія, связанныя съ антропологическимъ типомъ. Археологія, какъ мы уже видѣли, на территоріи юговосточной Европы передъ славянскимъ разселеніемъ указываетъ намъ вполнѣ опредѣленно два типа: длинноголовый—неолитическій, и короткоголовый, выступающій рядомъ съ длинноголовымъ въ эпоху металлической культуры. Вопросъ, какой изъ нихъ типъ индоевропейскій или спеціально славянскій? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить опредѣленно. Народы индоевропейской семьи имѣютъ смѣшанный типъ: встрѣчаются типы темные и свѣтлые, короткоголовые и длинноголовые. Это смѣшеніе встрѣчаемъ даже на территоріи однихъ и тѣхъ же народовъ; оставивъ въ сторонѣ цвѣтъ, видимъ что напр. сѣверные Германцы длинноголовые, южные—коротко-

головые; южные итальянцы длинноголовы, а сѣверные—коротко-головы и т. п.; въ результатѣ одни считаютъ первичнымъ индо-европейскимъ типомъ—длинноголовый („германскій“), другіе—короткоголовый (такъ наз. „кельто-славянскій“)[1]). Въ дѣйствительности же вполнѣ возможно, что это смѣшеніе типа у индоевропейскихъ народовъ древнѣе самихъ временъ разселенія, то есть, что эти племена еще передъ разселеніемъ, на прародинѣ не представляли чистаго типа, однородной антропологической расы[2]). Етническій и языковой типъ индоевропейскій могъ сложиться въ результатѣ смѣшенія, метизаціи расъ, какъ и впослѣдствіи подобное смѣшеніе, ассимиляція чужеродцевъ вліяла безъ сомнѣнія на разложеніе индоевропейской группы и обособленіе отдѣльныхъ индоевропейскихъ группъ и образованіе внутри нихъ отдѣльныхъ народовъ. Такимъ образомъ „чистаго“ индоевропейскаго типа быть можетъ никогда не было вовсе, какъ не было вѣроятно и „первичнаго славянскаго“ однороднаго типа[3]). Современные Славяне преимущественно короткоголовы; на западѣ и на юго-востокѣ короткоголовый типъ выраженъ очень сильно, по направленію къ

---

[1]) Что касается Славянъ, то самымъ энергичнымъ защитникомъ ихъ первоначальной длинноголовости въ настоящее время является Нидерле; его теорія, изложенная въ книгѣ: O původu Slovanů, 1896, вызвала протесты, но встрѣтила и значительное число сторонниковъ (см. его Slov. starož. I, стр. 87). Прочая литература во 2 изд.

[2]) Такое мнѣніе со всей рѣшительностью выразилъ Вирховъ еще въ 1883 г. (Korrespondenzblatt der deut. Ges. für Anthropologie), и къ нему все болѣе склоняются изслѣдователи.

[3]) О вліяніи этническаго смѣшенія, метизаціи на языковую дифференціацію—см. напр. Ascoli Sprachenwissenschaftliche Briefe (пер.), 1887, Тейлор. op. c., Hirt Die Verwandschaftsverhältnisse der Indogermanen (Indogerm. Forschungen, 1894) и болѣе новый его трудъ, Die Indogermanen, 1905, т. I; Бодуенъ-де Куртене, О смѣшанномъ характерѣ всѣхъ языковъ (Ж. М. Н. П. 1901, IX). Противъ злоупотребленія этимъ объясненіемъ справедливыя замѣчанія высказалъ Ягичъ (Einige Streitfragen, Archiv XXII), указывая, что діалектологическія различія въ каждой крупной лингвистической массѣ необходимо должны быть и помимо того. Но это вовсе не уменьшаетъ значенія вліяній смѣшенія на дифференціацію индоевропейскихъ языковъ, которое пытался въ послѣднее время ослабить Шрадеръ (op. c., изд. 3-е).

сѣверу и востоку онъ слабѣетъ—значительно преобладаетъ у Украинцевъ, но у Поляковъ и Великороссовъ уже борется съ нимъ типъ среднеголовый, съ значительною примѣсью длинноголовыхъ [1]). Матеріалъ древнихъ могилъ даетъ большій процентъ длинноголовыхъ, и въ языческихъ могилахъ юговосточной Европы, по культурнымъ признакамъ признаваемыхъ славянскими, длинноголовость рѣшительно преобладаетъ; но типъ уже и тутъ не цѣльный, а смѣшанный: есть и короткоголовые и средніе типы. Въ такихъ условіяхъ выбрать какой-либо антропологическій признакъ, напримѣръ длинноголовость, и принять его за этнографическій признакъ Индоевропейцевъ, признать ихъ особенностью извѣстные культурные признаки, извѣстный похоронный обрядъ и связавъ ихъ съ предпосылкой индоевропейской прародины, возсоздавать картину индоевропейскаго разселенія—съ точки зрѣнія методологіи было бы полнымъ произволомъ [2]). Какія различія народностей и расъ могли скрываться подъ покровомъ одной, или одинаковой культуры, и наоборотъ—какъ значительно могли различаться бытовыми формами Индоевропейцы передъ своимъ окончательнымъ раздѣленіемъ! Какое этническое разнообразіе могъ покрывать собой напр. типъ погребенія съ скорченнымъ скелетомъ, тянущійся на такихъ громадныхъ пространствахъ безъ особо характерныхъ отличій!

§ 19. Комбинированный историко-лингвистическій методъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что при современномъ

---

[1]) Объ этомъ I. Deniker, Les races de l'Europe. I. Indice céphalique en Europe, 1899. W. Ripley, The races of Europe, London, 1900. Niederle, O původu Slovanů и Slovanské Starožitnosti, гл. III, Talko Hryncewicz, W kwestyi pochodzenia Słowian—Wisła, 1902.

[2]) Такимъ путемъ была десять лѣтъ тому назадъ создана популярная теорія германско-индоевропейской прародины Муха и Коссинны. Отожествивъ культуру доисторической Германіи съ культурой индоевропейской, длинноголовый германскій типъ принявши за первичный индогерманскій, сдѣлавъ Германію прародиною индоевропейскихъ народовъ, а Германцевъ—непосредственными преемниками и продолжателями индоевропейской культуры, она попала въ тонъ національному самолюбію нѣмецкаго общества и пріобрѣла много сторонниковъ. Но съ научной точки зрѣнія осталась совершенной фантазіей.

положенiи нашихъ знанiй ни археологiя съ антропологiею съ одной стороны, ни лингвистика съ другой, ни всѣ вмѣстѣ не могутъ разрѣшить непререкаемо проблемъ индоевропейской старины, не даютъ вполнѣ достовѣрныхъ указанiй для этнической орiентировки въ археологическихъ остаткахъ. Въ виду этого для орiентированiя въ доисторической этнографiи нашей территорiи все еще приходится пользоваться главнымъ образомъ историческими извѣстiями. Но скомбинировавъ ихъ съ фактами лингвистики, археологiи и антропологiи, можно достигнуть лучшихъ результатовъ: вмѣстѣ взятые, они въ многихъ случаяхъ смогутъ выяснить намъ гораздо больше, бросивъ свѣтъ на болѣе отдаленныя эпохи и болѣе широкiя пространства, куда совершенно или почти совсѣмъ не проникаетъ историческая традицiя. Этимъ путемъ и должны мы пойти въ изслѣдованiю этнографическихъ отношенiй нашей территорiи, въ этнографической орiентировкѣ въ ея культурномъ матерiалѣ: по возможности установить исходные пункты разселенiя интересующихъ насъ племенъ, культурную обстановку и время, въ которыхъ разселенiе проходило, и опираясь на эти данныя, разбираться въ исторiи колонизацiи нашей территорiи.

§ 20. Дифференцiацiя индоевропейскихъ племенъ. Принимая, что конецъ совмѣстной жизни индоевропейской семьи и полное выдѣленiя изъ нея отдѣльныхъ народовъ и языковыхъ группъ имѣли мѣсто въ началѣ металлической культуры, приблизительно опредѣляютъ этотъ моментъ временемъ за два тысячелѣтiя слишкомъ до нашей эры. Не позже, такъ какъ въ первой половинѣ второго тысячелѣтiя видимъ арiйскiе народы уже на югѣ Азiи далеко отъ ихъ прародины; не раньше—въ виду появленiя у Индоевропейцевъ первыхъ металлическихъ издѣлiй еще передъ разселенiемъ[1]). Очевидно, дата все же очень общая и приблизительная, гипотетическая. Точно также только въ самыхъ общихъ чертахъ можно представить себѣ самый процессъ раздѣленiя индоевропейской семьи, обозначившiйся въ то время. Въ

[1]) Съ лингвистической точки зрѣнiя противъ этой даты иногда возражаютъ, что за такое сравнительно короткое время не могла развиться языковая дифференцiацiя, какую наблюдаемъ позже. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду возможности, что ассимиляцiя чужеродцевъ и болѣе быстрое культурное развитiе въ новыхъ условiяхъ могли значительно ускорить языковую дифференцiацiю.

языкознаніи, до сихъ поръ единственно рѣшавшемъ этотъ вопросъ, еще до недавняго времени стояли двѣ теоріи—теорія генеалогическая, признающая выдѣленіе цѣлыхъ группъ и существованіе въ теченіе нѣкотораго времени общихъ языковъ для этихъ группъ до дальнѣйшаго распаденія каждой группы на языки или группы языковъ,—и теорія волнъ или переходовъ, объяснявшая выдѣленіе языковъ медленнымъ процессомъ дифференціаціи еще въ тѣ времена, когда связь между народами не была разорвана, и одинъ языкъ служилъ посредствующимъ звеномъ въ переходахъ между двумя сосѣдними[1]). Въ настоящее время эти теоріи чаще всего комбинируются. Дѣйствительно, обособленіе лингвистическо-этнографическихъ атомовъ не разрывало сразу языковой и этнографической связи. Это обособленіе должно было начаться еще въ эпоху этнической „индоевропейской общности“ и обнаруживалось между прочимъ въ языкѣ; но этнографическое единство брало нѣкоторое время перевѣсъ надъ этимъ процессомъ выдѣленія, дифференціаціи. Усиливался онъ вслѣдствіе расширенія территоріи, ассимиляціи все новыхъ и новыхъ чужеродцевъ на новыхъ окраинахъ — въ связи съ этимъ стояло нарастаніе различій въ бытѣ и языкѣ; съ ростомъ ихъ все слабѣе становилась однородность всей семьи, но все же вполнѣ была жива и значительна связь между отдѣльными группами тѣхъ атомовъ, на которые распадалось цѣлое. И даже послѣ того, какъ миграція давала, наконецъ, начало рѣшительному отдѣленію данной племенной особи, ея связь съ своею группой, а при посредствѣ ея и съ другими, не исчезала совершенно. Территоріальное разстояніе и ослабленіе географическихъ связей съ прежними земляками—съ одной стороны, сожительство съ новыми чужеродцами и смѣшеніе съ ними—съ другой, развиваясь параллельно, съ обоихъ концовъ надрывали старыя этническія связи, но рвали ихъ постепенно, и извѣстныя связи съ ближайшими сосѣдями изъ прежней семьи могли еще долго жить.

§ 21. Древнѣйшія дѣленія индо-европейской семьи. Замѣчательное языковое явленіе—измѣненіе палатальныхъ звуковъ въ двухъ различныхъ направленіяхъ, обозначившееся несомнѣнно еще во времена „индоевропейской общности“, осталось слѣдомъ весьма древней трещины, расколовшей индоевропейскую семью

---

[1]) Пересмотръ вопроса—см. Schrader, Sprachvergleichung I³ стр. 63 и слѣд.

на двѣ вѣтви—восточную и западную еще до окончательнаго обособленія [1]). Къ восточной принадлежали племена арійскія (иранскія и индійскія), ѳракійско-албанскія (между ними предки соврем. армянскаго), славянскія и литовскія (можетъ быть еще какія-либо неизвѣстныя намъ): къ западной группѣ—греческія, италійскія, кельтскія и германскія. Но между группами не было недостатка въ переходныхъ членахъ, переплетавшихъ посредствующими связями обѣ половины индоевропейскаго міра. Славяно-литовская группа стоитъ съ одной стороны въ близкихъ отношеніяхъ къ группѣ арійской, съ другой—приближается къ германской. Если бы живы были языки ѳракійской группы, то мы, быть можетъ, увидѣли бы, что они составляли переходное звено между группой славянской, греческой и иранской; но языки эти угасли, и въ этомъ мѣстѣ у насъ не достаетъ посредствующаго звена (подобные промежутки должны вообще объясняться въ значительной степени тѣмъ, что нѣкоторыя посредствующія звенья индоевропейской семьи исчезли безслѣдно). Зато близкія связи славянскаго языка съ иранскимъ къ счастію для насъ не погибли и свидѣтельствуютъ о ближайшихъ связяхъ между славянскими и иранскими племенами, даже по разселеніи арійскихъ племенъ, когда индоевропейская семья начала распадаться. Съ другой стороны подобныя же связи между славянскими и литовскими племенами—съ одной стороны, и племенами германскими—съ другой, свидѣтельствуютъ о томъ, что по разселеніи южной, арійской группы, сѣверныя племена жили нѣкоторое время въ тѣсномъ сосѣдствѣ.

Такимъ образомъ извѣстная общность языка связываетъ между собою европейскія группы индо-европейской семьи (нѣкоторые изслѣдователи допускали даже существованіе общаго западнаго европейскаго языка по отдѣленіи восточной, арійской, т. е. ирано-индійской группы). Далѣе, славянская группа съ одной стороны находится въ близкомъ родствѣ съ литовской и германской, съ другой—извѣстныя связи соединяютъ ее съ иранской, указывя тѣмъ самымъ на близкое и довольно продолжительное соприкасаніе Славянъ съ Иранцами уже по раздѣленіи индо-европейской семьи.

---

[1]) Это такъ называемая группа сатемъ и группа кентумъ, по тѣмъ формамъ, въ какія сложилось слово сто (въ санскрит. çatem, въ латинск. centum, произносилось kentum).

Для славяно-литовской группы вмѣстѣ съ германскою представители генеалогической теоріи принимали даже существованіе общаго языка (это такъ называемая у нихъ сѣверная или сѣверо-восточная группа), но въ настоящее время это предположеніе потеряло кредитъ. Но тѣсныя связи Славянъ съ литовской (иначе —балтійской) группой не подлежатъ сомнѣнію, и лингвисты всѣхъ направленій сходятся на признаніи тѣснаго родства славяно-литовской группы, указывающаго, что по отдѣленіи другихъ родственныхъ народовъ и группъ группа славяно-литовская составляла извѣстное цѣлое. Цѣлое, разумѣется, лишь относительное, такъ какъ необходимо допустить извѣстную дифференціацію въ то время даже внутри самого Славянства, а не только между группами славянскою и литовскою.

§ 22. Славяно-литовская общность и ея разложеніе. Большая близость славянскихъ и литовскихъ племенъ въ области языка наводитъ на мысль, что сожительство указанной группы продолжалось очень долго, и это вполнѣ правдоподобно въ виду условій колонизаціи. Въ то время какъ передвиженіе Германцевъ на западъ, а Иранцевъ на востокъ ослабило связи ихъ со Славянами и сталкивались они между собой лишь на сравнительно-незначительной линіи сосѣдства,—Славяне съ литовскими племенами жили въ тѣсномъ географическомъ сосѣдствѣ очень долго, вплоть до начала великаго историческаго разселенія Славянъ. Принимаютъ, хотя гипотетически, что лишь въ половинѣ послѣдняго тысячалѣтія до Р. Х. вполнѣ обозначилось обособленіе славянскихъ племенъ отъ литовскихъ [1]). Въ историческомъ матеріалѣ выступаетъ оно передъ нами, какъ совершившійся фактъ въ I в. послѣ Р. Хр., когда славянскія и литовскія племена выступаютъ съ особыми именами (Венеды и Эсты). Наконецъ, великая славянская миграція въ III—IV вв. послѣ Р. Хр. разрушила оконча-

---

[1]) Языковые критеріи не надежны, останавливаться на нихъ не буду (объ одномъ, довольно популярномъ,—названіи пѣтуха у Славянъ,—была рѣчь во 2 изд., о другой—формѣ имени Невровъ, см. у Шрадера, ор. с.). Болѣе важнымъ представляется то обстоятельство, что въ это время, съ движеніемъ германскихъ, племенъ на западъ, дѣйствительно должны были происходить сильныя пертурбаціи и въ славяно-литовской колонизаціи.

тельно эту славяно-литовскую общность, а вмѣстѣ съ тѣмъ дала послѣдній толчекъ обособленію отдѣльныхъ славянскихъ народовъ.

За время протекшее до полнаго обособленія отъ другихъ индо-европейскихъ народовъ и наконецъ отъ Литовцевъ (время это можно бы назвать дославянскимъ или славяно-литовскимъ)—предки Славянъ сдѣлали дальнѣйшіе шаги въ области матеріальной и духовной культуры сравнительно съ бытомъ индоевропейской эпохи [1]). Въ то же время должны были обнаружиться извѣстныя различія въ нѣдрахъ самого будущаго Славянства, ставшіе затѣмъ исходнымъ пунктомъ распаденія на вѣтви и народы. Причины должны были вліять тѣже, что и въ процессѣ дифференціаціи индоевропейской семьи: расширеніе территоріи, увеличившееся разстояніе между различными частями, смѣшеніе съ чужеродцами, различіе въ развитіи матеріальной и духовной культуры отдѣльныхъ частей.

Всѣ эти процессы продолжали затѣмъ развиваться въ самомъ Славянствѣ, когда единство его съ литовской группой ослабѣло и оно обособилось отъ нея въ отдѣльную группу. Въ эту эпоху—можемъ ее назвать праславянской—назрѣвалъ процессъ распаденія славянской группы, развиться которому во всей полнотѣ дало затѣмъ возможность великое славянское разселеніе.

§ 23. Древнѣйшая славяно-литовская территорія. Для эпохи славяно-литовской, а еще болѣе для эпохи праславянской мы можемъ опредѣлить съ значительной вѣроятностью, конечно въ самой общей формѣ, территорію славянскаго разселенія того времени. Какъ бы не разрѣшался вопросъ о прародинѣ индоевропейской семьи, гдѣ бы ни находилась она, въ концѣ концовъ славяно-литовская эпоха была во всякомъ случаѣ пережита не въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, а въ восточной Европѣ: славяно-литовскія племена свою совмѣстную жизнь безспорно провели здѣсь. Съ движеніемъ Германцевъ на западъ, въ центральную Европу, обо-

[1]) Литература общаго словеснаго запаса „сѣверо-восточной“ и затѣмъ славяно-литовской группы и открываемой имъ картины культуры во 2 изд. Въ самой основѣ здѣсь много противорѣчиваго, и для славяно-литовскихъ отношеній сдѣлано еще очень мало. Не касаюсь здѣсь ближе указаннаго вопроса, тѣмъ болѣе что для насъ важнѣе культурное состояніе Праславянства, о которомъ будемъ говорить ниже (глава IV).

значилась западная граница ихъ территоріи; южная опредѣлилась съ разселеніемъ въ черноморскихъ степяхъ иранскихъ племенъ; на югозападѣ предки Славянъ сталкивались съ народами, принадлежавшими, всего вѣроятнѣе, къ ѳракійской семьѣ. Все это были родичи. Лишь на широкой линіи, перерѣзывавшей восточно-европейскую равнину съ сѣверо-запада на юго-востокъ, встрѣчались границы славяно-литовской колонизаціи съ чуждой—финнской.

Въ историческихъ извѣстіяхъ прежде всего обозначается южная граница. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы обстоятельнѣе разсмотримъ относящійся сюда историческій матеріалъ, теперь же пока отмѣчу общій выводъ, вытекающій изъ этого матеріала: Не говоря уже о древнѣйшихъ, общихъ упоминаніяхъ, начиная съ V вѣка до Р. Хр. мы имѣемъ болѣе обстоятельныя извѣстія о колонизаціи черноморскихъ степей и изъ нихъ вытекаетъ вполнѣ опредѣленно, что кочевое, иранское либо иранизированное скиѳо-сармато-аланское населеніе не переходило къ сѣверу далѣе порѣчья нижняго Днѣстра—Буга—Днѣпра. Геродотъ, самый важный нашъ историкъ въ этомъ вопросѣ, опредѣленно указываетъ, что народы, жившіе далѣе къ сѣверу, въ районѣ средняго Днѣпра, верхняго Днѣстра и Буга—это народы не скиѳскіе.

На югозападѣ карпатское подгорье покрыто съ II в. до Р. Хр. миграціею Бастарновъ; ихъ поселенія тянулись отсюда до нижняго Дуная; тамъ были они „пришельцами“ (ἐπήλυδες), и такими же были, очевидно, и въ прикарпатскихъ краяхъ. Передъ ихъ приходомъ съ сѣвера, славянскія поселенія могли доходить и до Карпатскихъ горъ, въ бассейнахъ верхняго Днѣстра, Сана и Вислы; точно также и съ упадкомъ бастарнской колонизаціи могли простираться туда. Самый горный поясъ Карпатскій занимала группа народовъ, вѣроятнѣе всего—ѳракійскихъ.

Такъ выясняется передъ нами древнѣйшая территорія славянскихъ и литовскихъ племенъ, какую можемъ прослѣдить. Постараемся опредѣлить ее точнѣе.

§ 24. Западные предѣлы праславянской территоріи. На западѣ передъ послѣднею, уже историческою миграціею Германцевъ (такъ наз. великимъ переселеніемъ народовъ) германская колонизація граничила со славянскими и литовскими народами въ бассейнѣ Вислы. Видимъ это изъ извѣстій I в. по Р. Хр., Плинія, Тацита и Птолемея. Послѣдній, писалъ, правда, во II вѣкѣ, но осно-

вывался главнымъ образомъ на трудѣ Марина Тирскаго, писателя I вѣка, дополняя и поправляя его новыми источниками [1]). Изъ нихъ наиболѣе точныя свѣдѣнія для опредѣленія этнографической границы даетъ Птолемей. У него Висла отдѣляетъ „Германію“ отъ „Сарматіи“, на протяженіи своемъ отъ верховья до моря. Между „великими народами“ (ἔθνη μέγιστα) Сарматіи называетъ онъ „Венедовъ вдоль всего Венедскаго залива“, возлѣ „Венедскихъ горъ“; среди меньшихъ народовъ упоминаетъ Готовъ (Γύθωνες) при Вислѣ, на югъ (ὑπό) отъ Венедовъ; еще далѣе къ югу отъ нихъ—Финновъ и рядъ народовъ съ искаженными или неясными именами [2]). Отсюда явствуетъ, что восточной границей германскихъ народовъ была Висла, но на нижней Вислѣ Готы сидѣли уже на правомъ берегу ея (что сидѣли они на нижней, а не верхней Вислѣ, видно изъ того, что Тацитъ помѣщаетъ ихъ непосредственно на сѣверъ отъ Лугіевъ—германскихъ народовъ по Одеру) [3]). На востокъ отъ Вислы и на сѣверо-востокъ отъ Готовъ сидѣлъ „превеликій“ народъ Венедовъ—Славянъ, и племена литовскія, обозначенныя у Тацита общимъ нѣмецкимъ названіемъ Aestii, Eisten [4]). Такъ размѣщаетъ ихъ Птолемей; Плиній и Тацитъ, не давая болѣе точныхъ указаній, потверждаютъ

---

[1]) О Птолемеѣ: Schwarz, Der Geograph Cl. Ptolemaeus (Rheinisches Museum 1893). Glazebrook Rylands The geography of Plolemy, 1893, Дублинъ. Boll, Studien über Cl. Ptolemaeus (Jahrbücher für Cl. Phil., 1894). Holz, Uber die germanische Völkertafel des Ptolemäus, 1894. Berger Die Grundlagen des Marinisch-Ptolemäischen Erdbildes (Verhandl. d. säch. Gesell. d. Wis. 1898). Анализъ его свѣдѣній о Восточной Европѣ: Müllenhof Deutsche Altertumskunde II, стр. 17 и слѣд. Kràliček, Die Sarmatische Berge, der Berg Peuke und Karpaten des Cl. Ptolemaios, 1894 (Kremsier, Programm). Браунъ, Разысканія въ области готославлянскихъ отношеній, I, 1899, Спб. Кулаковскій, Карта Европейской Сарматіи по Птолемею, К., 1894, и дополненія въ „Филологич. Обозр.“ 1899. Niederle Slov. Star. I гл. X.

[2]) Βουλανες (лучшее чтеніе: Σουλανες), Φρουγουνδίωνες и у верховья Вислы—Αὐαρηνοί (или Αβαρηνοί), на востокъ отъ Венедовъ—Γαλίνδαι, Σουδινοί, Σταυανοί—Ptolemaei III 5.

[3]) Germ. 43—4.

[4]) Позже, въ IX—XI в. названіе это перенесено было на финскихъ эстовъ.

извѣстія Птолемея: Плиній упоминаетъ о Вислѣ, какъ границѣ Сарматіи, и Венедовъ помѣщаетъ гдѣ-то возлѣ нее; Тацитъ упоминаетъ о Венедахъ на восточныхъ границахъ Германіи, за Готами [1]). Переходили ли поселенія Славянъ за Вислу, хотя бы мѣстами, предъ позднѣйшимъ движеніемъ ихъ на западъ, какъ какъ это часто предполагаютъ на основаніи хорографическихъ и археологическихъ данныхъ, это остается сомнительнымъ [2]).

Хотя Птолемей относитъ Венедовъ—Славянъ къ крупнымъ народамъ Сарматіи наряду съ Бастарнами, Языгами, Роксоланами. однако на его картѣ восточная Европа такъ загромождена различными народами, что для этого „великаго" народа остается очень небольшое мѣсто. Причиною этого была большая путаница въ именахъ и та форма, въ какой Птолемей представлялъ себѣ восточную Европу—форма узкаго перешейка между океаномъ и Меотидой. Устранивъ имена, перешедшія въ формѣ дублетовъ съ лѣвой стороны Вислы на правый, а также тѣ, что протянулись на Птолемеевой картѣ изъ подкарпатскихъ и донецко-кавказскихъ областей далеко на сѣверъ, получаемъ пустое пространство за Вислой, на Поднѣпровьѣ и далѣе на сѣверъ, гдѣ Птолемей, или его источникъ—Маринъ изъ Тира, не зналъ въ дѣйствительности никакого народа, кромѣ упомянутыхъ Венедовъ.

Какъ мы видѣли, Птолемей вполнѣ опредѣленно помѣщаетъ венедскія поселенія вдоль морского берега, „по Венедскому заливу", простирающемуся у него на значительное пространство, на нѣсколько градусовъ. Этого приходится держаться. Правда, у Тацита за германскими народами на лѣвой сторонѣ Вислы упоминаются „на правой сторонѣ Свебскаго моря" Литовцы, Aestii. торгующіе янтаремъ. Но извѣстіе это не исключаетъ извѣстія Птолемея: Венеды и Литовцы могли быть сосѣдями на этомъ побережьѣ [3]). Нѣтъ также основанія отодвигать Славянъ отъ мо-

---

[1]) Hist. Nat. IV. 27; Germania, 46.

[2]) Защитники различныхъ „славянскихъ" теорій указываютъ, что Германія имѣетъ географическое, а не этнографическое значеніе, какъ и Сарматія; но въ этой части „Германіи" Птолемей называетъ рядъ народовъ, которые трудно не признать германскими.

[3]) Браунъ (Разысканія, стр. 334), чтобы примирить Птоломея съ извѣстіемъ Тацита, дѣлаетъ иное предположеніе—что Венеды обозначаютъ и Славянъ и Литву. Но взглядъ этотъ, принятый еще

ря, чтобы помѣстить тамъ Готовъ, какъ это дѣлаютъ иные [1]).

Изъ упомянутыхъ у Птолемея сосѣдей Венедовъ не трудно отгадать въ Галиндахъ позднѣйшихъ прусскихъ Галиндовъ (Голядь нашихъ лѣтописей), въ Судинахъ—можетъ быть прускихъ же Судавовъ. Эти народы соотвѣтствовали бы общему упоминанію объ Aestii на балтійскомъ побережьи у Тацита. Только у Птолемея они отодвинуты отъ балтійскаго побережья поселеніями Венедовъ. Ὄσσιοι напоминаютъ рѣку Оссу въ Пруссіи. Нѣсколько иныхъ именъ, остающихся на Птолемеевой картѣ между Вислою и „океаномъ“, мы не можемъ удовлетворительно объяснить, и самое ихъ существованіе остается подъ сомнѣніемъ [2]).

§ 25. Сѣверные и сѣверовосточные предѣлы праславянской территоріи. Для опредѣленія болѣе точной границы славянскаго міра съ финскимъ нѣтъ историческихъ извѣстій. Тацитъ и Птолемей лишь упоминаютъ о Финнахъ; Птолемей даже помѣстилъ ихъ какъ одинъ изъ „меньшихъ“ народовъ надъ Вислой, выше Готовъ; очевидно, онъ не зналъ о нихъ нечего, кромѣ имени. Извѣстія этихъ писателей свидѣтельствуютъ только томъ, что въ I вѣкѣ по Р. Хр. Финновъ знали недалеко отъ Балтійскаго моря [3]). На другомъ концѣ пограничной линіи усматриваютъ

кое-кѣмъ (напр. Нидерле, Stároveké zprávy, стр. 44) противорѣчитъ всей суммѣ нашихъ свѣдѣній и вызвалъ рѣшительный отпоръ.

[1]) Упоминаніе Питеаса о Готахъ у моря (у Плинія XXXVII § 35—Gutones) перестала служить аргументомъ съ тѣхъ поръ, какъ Мюлленгофъ поправилъ его на Teutones (Deutsche Alterumskunde I стр. 479). Нѣкоторые историки (напр. Wietersheim-Dahn, Geschichte per Völkerwanderung I, стр. 145) мотивировали локализацію Готовъ у моря тѣмъ, что они тоже обнаруживаютъ знакомство съ моремъ; но въ дѣйствительности обнаруживаютъ они полное незнакомство. Браунъ (Разысканія, стр. 29, ср. 331) помѣщалъ Готовъ у моря, основываясь на разсказѣ Іордана (гл. 3), но этотъ источникъ весьма сомнителенъ (самъ Б. видитъ въ немъ различныя неточности). Подробнѣе во 2 изд.

[2]) Въ Βουλανοί видѣли польскихъ Полянъ, а еще чаще въ Ставанахъ—„Славянъ“ (противъ этого см. Müllenhof, стр. 21,. Krek стр. 293). Вельтовъ, Οὐέλται Мюлленгофъ (II стр. 25) поправлялъ на Λετοῦαι, и такъ далѣе.

[3]) Большую важность для исторіи колонизаціи имѣло бы сдѣланное лингвистами наблюденіе, что въ древнѣйшее время Финны сталкивались съ готскими и литовскими народами (гдѣ то, слѣдо-

слѣды присутствія Финновъ въ финскомъ имени Волги у Птолемея (Ῥα—у Финновъ и до сихъ поръ Rhav, Rava); также названіе Урала—Δάιξ выводятъ изъ финскаго). Болѣе достовѣрное указаніе на финскую колонизацію на югѣ даютъ лингвистическіе слѣды долгой культурной связи между финскими языками средняго Поволжья (Пермяковъ, Вотяковъ) и языкомъ осетинскимъ—остаткомъ черноморскихъ Иранцевъ; эти факты языка показываютъ, что во времена разселенія Иранцевъ въ прикаспійскихъ степяхъ Финны жили въ среднемъ или даже нижнемъ Поволжьи. Средину пограничной линіи между этими крайними пунктами заполнялъ каталогъ народовъ державы Германариха, гдѣ видѣли имена поволжскихъ финскихъ племенъ Мери и Мордвы, не говоря о другихъ еще менѣе ясныхъ. Но остается неяснымъ, дѣйствительно ли имѣемъ здѣсь эти имена, а не простыя созвучія, и ужъ во всякомъ случаѣ отсюда нельзя извлечь никакихъ указаній относительно территоріи упомянутыхъ племенъ [1]). Археологическія и антропологическія изслѣдованія до сихъ поръ также не

вательно, возлѣ Балтійскаго моря) и ужъ позже, послѣ распаденія на свои главныя вѣтви—западную и восточную, встрѣтились со Славянами. Готскіе элементы въ финнскомъ языкѣ признаются старшими сравнительно съ готскомъ языкомъ Ульфилы, слѣдовательно принадлежатъ ко времени передъ переселеніемъ Готовъ, а въ такомъ случаѣ готская и литовская колонизація должна бы итти клиномъ между финнской и славянской, отрѣзывая Славянъ отъ моря. См. цитированный трудъ Томсена, Доннера Vergleich. Wörterbuch der finnischen Sprache; Aspelin, La Rosomonorum gens et le Ruotsi. Однако эти наблюденія еще требуютъ основательной и разносторонней провѣрки, чтобы на основаніи ихъ можно было уяснить себѣ колонизаціонныя отношенія передъ великимъ переселеніемъ.

[1]) Были сдѣланы попытки опереться на наблюденіяхъ относительно распространенія длинноголовой рассы въ древнѣйшихъ находкахъ, но длинноголовость по отношенію къ Финнамъ можетъ также мало служить критеріемъ, какъ и въ иныхъ случаяхъ: и Финны, и Славяне съ физической точки зрѣнія—народы смѣшанной расы. Такъ же сомнительны и нѣкоторые археологическіе признаки въ роли этнографическихъ критеріевъ. См. статьи Европеуса Die Verbreitung der Finnen in älterer Zeit (Verhand. d. berlin. anth. Ges. 1875), также Ztschr. f. Ethnol. 1878 и др. А. Богданова Антропологическая выставка т. IV, I, стр. 141—142, и Compte rendu du congrès à Moscou, I (Quelle est la race la plus ancienne de la Russie centrale). Голубовскій Исторія Смоленской земли, и др.

успѣли дать ничего для разъясненія этого вопроса [1]). Были еще пробы использовать неславянскія названія въ хорографіи верхняго Днѣпра и Десны, а еще болѣе въ бассейнѣ Волги, Оки и Дона [2]), но всѣ эти указанія основательно не провѣрены и кромѣ того лишены хронологіи; они указываютъ на неславянское населеніе (предположимъ—финское) во время непосредственно предшествовавшее славянской колонизаціи IX—XI в., но не доказательны для древнѣйшаго времени, такъ какъ во время славянскаго передвиженія на западъ и югъ области славянскихъ прародинъ могли (хотя бы отчасти) опустѣть, и Финны могли овладѣть ими на нѣкоторое время. Такимъ образомъ здѣсь мы не можемъ указать предѣловъ колонизаціи болѣе точно. Бассейнъ Волги и великихъ озеръ былъ главнымъ образомъ территоріею финскою. Болѣе сказать—трудно.

§ 26. Славянская прародина. Исключивъ территорію другихъ племенъ, получаемъ для древней славяно-литовской колонизаціи четвероугольникъ, ограниченный линіею Вислы на западѣ, Балтійскимъ моремъ на сѣверѣ, на югѣ занимающій области по верхнему Днѣстру и Ю. Бугу, а на востокѣ—бассейнъ Днѣпра (кромѣ, можетъ быть, верховьевъ самаго Днѣпра и его главныхъ восточныхъ притоковъ). Здѣсь съ наибольшею вѣроятностью можетъ быть помѣщена славяно-литовская территорія передъ разселеніемъ. Литовскіе народы занимали сѣверную ея часть. Какъ мы видѣли, Тацитъ вполнѣ опредѣленно помѣщаетъ ихъ на восточномъ берегу Балтійскаго моря, и это подтверждается хорографическими и лингвистическими наблюденіями. Правда, у Птолемея Галинды и Судины помѣщаются не на самомъ побережьи, а отдѣлены отъ него поселеніями Венедовъ; но это либо такая же ошибка, какъ перенесеніе на той же картѣ Финновъ на среднюю Вислу, либо на балтійскомъ побережьи необходимо предполагать иныя литовскія племена, пропущенныя Птолемеемъ. Точнѣе обо-

---

[1]) О каталогѣ этомъ см. ниже.

[2]) Надеждинъ, Опытъ исторической географіи русскаго міра. Барсовъ, Географія начальной лѣтописи, стр. 74 и слѣд., 258—9. Голубовскій, Исторія Смоленской земли, стр. 31 и слѣд. Новѣйшіе авторы (Браунъ, Погодинъ, Нидерле) не подвинули этого вопроса впередъ.

значить тогдашнюю литовскую территорію можно лишь гипотетически [1]). Оріентироваться въ тогдашней литовской колонизаціи на основаніи позднѣйшихъ этнографическихъ границъ можно только приблизительно, тѣмъ болѣе, что и въ обозначеніи позднѣйшихъ этнографическихъ границъ много сомнительнаго. Въ позднѣйшее время восточное побережье Балтійскаго моря вплоть до Куришгафа занимаютъ Финны (Корсь и Либь начальной лѣтописи), они вытѣснили оттуда Литовцевъ. Литовцы занимаютъ весь бассейнъ Нѣмана; даже въ бассейнѣ Березины и Припети (на лѣвомъ берегу ея) пытались указать неславянскіе (яко-бы литовскіе) элементы [2]). До сихъ поръ однако литовскіе элементы въ порѣчьяхъ Припети и Березины не констатированы, и если даже допускать ихъ, то еще большой вопросъ: что надлежало бы отнести здѣсь къ колонизаціи пра-литовскаго времени и что можетъ быть слѣдомъ болѣе поздняго распространенія Литвы на югѣ. Подобно Славянамъ, литовскіе народы могли одновременно съ славянскимъ движеніемъ въ IV—V в. передвинуться на юго-западъ, предоставивъ финскимъ племенамъ сѣверо-восточную часть своей территоріи; могли тогда овладѣть прежней славянской территоріей, а спустя нѣкоторое время снова ихъ утратить съ возвратной волной славянской колонизаціи—когда сомкнулись юго-западныя границы славянскаго разселенія, и славянское колонизаціонное движеніе, по реакціи, отхлынуло къ сѣвернымъ границамъ.

---

[1]) См. труды: Bielenstein, Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im XIII Iahrh., 1891. Bezzenberger Bemerkungen zum dem Werke von A. Bielenstein (Извѣстія спб. акад., т. IV 1895). Погодинъ, Изъ древнѣйшей исторіи, 1889. Kurschat, Die Verbereitung des litauisch-lettischen Volksstammes (Mittheil. der lit. litter. Ges., XXIV, 1899).

[2]) Уже Надеждинъ указывалъ неславянскіе элементы на сѣверѣ отъ Припети—Опытъ географіи русскаго міра; за нимъ пошелъ Барсовъ, Географія [2] с. 74 и слѣд. Пробовали выдѣлить ихъ позже Филевичъ, Исторія древней Руси, стр. 123 и слѣд., Кочубинскій, Территоріи доисторической Литвы—Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, I, стр. 62, 78, Погодинъ, Изъ исторіи, гл. IX. Къ сожалѣнію какихъ-либо опредѣленныхъ результатовъ эти попытки не дали (см. рецензіи въ „Запискахъ“, т. XVIII и XXI). Во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія категорически исключать изъ славянской прародины земли за Припетью (какъ это иногда дѣлаютъ).

Выдѣливъ, болѣе или менѣе приблизительно, для литовской группы, по ея обособленіи, балтійское побережье и по меньшей мѣрѣ—земли между Нѣманомъ и Двиною, мы получимъ для пра-славянской территоріи пространство отъ Карпатскаго подгорья до Алаунской (Валдайской) возвышенности, области верхняго и средняго Днѣпра (при чемъ однако территоріи къ востоку отъ Днѣпра, а также по сосѣдству съ бассейномъ Немана будутъ нѣсколько спорны) и край между Вислой и Нѣманомъ, вплоть до моря (поскольку области эти не были заняты готскими и литовскими поселеніями). Такое опредѣленіе пра-славянской территоріи въ главныхъ чертахъ (съ различными второстепенными отличіями), довольно распространенное въ наукѣ, дѣйствительно опирается на всю сумму нашихъ извѣстій и имѣетъ за собою значительную, для настоящаго времени—наибольшую вѣроятность [1]).

§ 27. Другія теоріи прародины славянства. Не можемъ обойти молчаніемъ того обстоятельства, что устанавливая такимъ образомъ славянскую прародину мы расходимся съ нашею историческою традиціею, представленной авторомъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ". Исходнымъ пунктомъ славянской колонизаціи было въ его глазахъ среднее и нижнее Подунавье, и разселеніе Славянъ шло по его мнѣнію на сѣверъ, сѣверовостокъ и востокъ:

---

[1]) Въ главныхъ чертахъ встрѣчаемъ это обозначеніе уже у Суровецкаго (Sledzenie początku narodów słowianskich—Dzieła, изд. Туровскаго, стр. 382) и затѣмъ Шафарика Slov. starožit. I. 10 § 1. Многочисленныхъ новѣйшихъ трудовъ, стоящихъ на этой точкѣ зрѣнія, не стану перечислять, упомяну лишь о нѣкоторыхъ отличіяхъ. Отличія эти у отдѣльныхъ писателей главнымъ образомъ таковы: нѣкоторые распространяютъ праславянскую территорію на востокѣ въ районъ верхней Волги и Дона. Иные, расширяя праславянскую территорію къ сѣверо-востоку, ограничиваютъ ее на юго-западѣ, предоставляя бассейнъ Дона инородцамъ. Нѣкоторые ведутъ славянскія границы далѣе на западъ—въ водораздѣлъ Вислы и Одера, либо до самаго Одера. Однако расширять ихъ къ сѣверу препятствуютъ неславянскіе хорографическіе элементы, хотя возможность такого расширенія и нельзя отрицать категорически. Западную границу точно устанавливаетъ Птоломей. Неосторожно высказанная догадка Нидерле (Starověké zprávy стр. 69, Sl. starož I стр. 30), что славянскія поселенія по Днѣпру могли достигать моря, взята потомъ имъ назадъ (ib. I с. 260).

„По многѣхъ же временехъ,—говоритъ онъ,—сѣли суть Словени по Дунаеви, где есть нынѣ Угорская земля и Болгаръская: отъ тѣхъ Словенъ розидошася по земьли и прозвашася имены своими“ [1]). Но традиція эта противорѣчитъ всей суммѣ нашихъ извѣстій о славянской колонизаціи. Это неудачная гипотеза кіевскаго книжника. Возникла она въ то время, когда память о славянскомъ разселеніи уже была утрачена; навели на нее различные факты, какъ напр. упоминанія народной поэзіи о Дунаѣ, библейскій разсказъ о всеобщемъ разселеніи народовъ съ юга, а главнымъ образомъ навѣяна она была, вѣроятно, болѣе свѣжими фактами вытѣсненія Руси изъ средняго и нижняго Подунавья въ X—XI вв. Даже въ народныхъ преданіяхъ не имѣла она, повидимому никакого основанія и не можетъ имѣть никакого значенія для исторіи славянскаго разселенія [2]).

Наконецъ чтобы покончить съ вопросомъ о славянской прародинѣ, нужно упомянуть еще о новѣйшей теоріи—популярной главнымъ образомъ въ русской исторіографіи,—помѣщающей славянскую прародину въ Прикарпатьи: въ Галиціи и сосѣднихъ частяхъ Волыни. Главнымъ и, собственно говоря, единственнымъ основаніемъ этой теоріи (которую впрочемъ никто не постарался до сихъ поръ обосновать точнѣе) послужило наблюденіе, что наибольшую чистоту славянскихъ элементовъ въ хорографіи обнаруживаетъ территорія къ югу отъ Припети и къ западу отъ Днѣпра, особенно теперешняя Волынь и Галиція [3]). Хорографическія наблюденія такимъ образомъ не даютъ сами по себѣ основанія ограничивать эту прародину западной, прикарпатской частью: нѣтъ никакихъ

---

[1]) Ипат. лѣт. стр. 3.

[2]) О традиціи дунайской прародины въ позднѣйшей литературѣ и противоположной ей теоріи сарматской, выступающей у западныхъ писателей еще раньше (у равеннскаго космографа VII в.: Scytharum patria, unde Sclavinorum exorta est prosapia), полнѣе у Нидерле „Slovanské starožitnosti“, гл. I. Тутъ же критика аргументовъ дунайской теоріи, выдвинутые немногочисленными ея сторонниками (Дриновъ, Самоквасовъ, Ф. К. Волковъ и др.).

[3]) Надеждинъ, op. c., Барсовъ Географія стр. 73 и новѣйшія соч.: Ист. древней Руси Филевича (стр. 98 и слѣд.), цитированная монографія о Смоленской землѣ Голубовскаго, и особенно Курсъ русской исторіи Ключевскаго (I стр. 122)—наиболѣе авторитетнаго представителя этой теоріи.

причинъ исключать приднѣпровскія области, также съ точки зрѣнія хорографической чисто славянскія[1]). Слѣды неславянской колонизаціи на сѣверъ отъ Припети и на востокъ отъ Днѣпра мы тоже не имѣемъ права, какъ я уже говорилъ, относить къ праславянскому времени и исключать эти земли изъ славянской прародины, потому что въ этихъ неславянскихъ элементахъ могли отразиться перемѣны временъ славянскаго разселенія.

Конечно нѣтъ основанія абсолютно исключать и Прикарпатье изъ состава славянской прародины; но класть во главу угла этой прародины именно прикарпатскія области чрезвычайно трудно въ виду того, что тутъ именно имѣемъ ясные слѣды иной колонизаціи въ ближайшемъ сосѣдствѣ: горныя области Карпатъ занимаютъ племена несомнѣнно неславянскія (по всей вѣроятности ѳракійскія)[2]), и въ современной хорографіи Карпатъ мы дѣйствительно имѣемъ массу элементовъ неславянскихъ, можетъ быть позднѣйшихъ, волошскихъ, но можетъ быть и болѣе древнихъ. Во время стараго германскаго разселенія подкарпатское подгорье занимаетъ германская колонизація Бастарновъ (они были тутъ въ III—II вв. до Р. Хр.). Славянская колонизація могла предшествовать ей, но могла быть тутъ и иная, напримѣръ кельтская колонизація, какъ въ иныхъ областяхъ тогдашняго разселенія Германцевъ[3]). Южная часть подгорья—порѣчья средняго Днѣстра, какъ мы видѣли, во времена индо-европейскаго разселенія занята характерной культурой глиняныхъ мазанокъ распространяющейся отсюда вовсе не въ направленіи позднѣйшаго славянскаго разселенія на сѣверо-западъ и сѣверо-востокъ, а на юго-востокъ; въ районѣ позднѣйшаго славянскаго разселенія она не оставляетъ послѣ себя никакого преемства.

Всѣ эти факты дѣлаютъ для Прикарпатья роль славянской прародины почти невозможной. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ небольшой анализъ можетъ послужить иллюстраціей, на сколько трудно пе-

---

[1]) Историческія извѣстія—напр. текстъ Іордана, на который ссылается Ключевскій—также не даютъ никакого основанія для того, чтобы исключительно держаться Прикарпатья. Да и извѣстія эти болѣе позднія, идутъ уже изъ временъ славянскаго разселенія.

[2]) Объ этомъ ниже въ гл. II.

[3]) О Кельтахъ см. тамъ-же.

редвигать славянскую прародину въ какомъ-либо направленіи съ той территоріи, какую мы выше для нея обозначили [1]).

§ 28. Славянскія имена. Появленіе особаго имени для извѣстнаго народа является обыкновенно однимъ изъ характерныхъ симптомовъ совершившагося обособленія. Для Славянъ мы имѣемъ его въ чужеземныхъ извѣстіяхъ, начиная съ I-го в. по Р. Хр. У авторовъ I—II в. по Р. Хр. Славяне выступаютъ подъ именемъ Венедовъ: Venedi у Плинія, Veneti у Тацита, Οὐενέδαι у Птолемея [2]). Значеніе этого имени—Venedi, не ясно: очевидно, не было оно названіемъ туземнымъ [3]); чрезъ посредство

---

[1]) Не нахожу нужнымъ останавливаться на различныхъ, вовсе ненаучныхъ и фантастическихъ расширеніяхъ славянской территоріи въ различныхъ теоріяхъ, считавшихъ Славянъ аборигенами въ Германіи, на Балканахъ и т. п. Основаніемъ для нихъ служило тожество или сходство именъ; такимъ образомъ къ Славянамъ причислялись, напр., Венеты италійскіе и арморикскіе; далѣе шло переиначиваніе на славянскій ладъ различнихъ чужихъ именъ, напр. Свебовъ—Свевовъ на Славянъ, Семноновъ на Ziemian и т. д. Попытки обосновать эти теоріи болѣе ранняго славянскаго разселенія на западѣ и югозападѣ доказательствами археологическими, какъ это встрѣчаемъ въ особенности у чешскихъ археологовъ, не имѣютъ положительнаго значенія, такъ какъ сами эти доказательства требуютъ подтвержденія. Обзоръ этихъ теорій и ихъ литературы см. у Крека [2], стр. 313—6, обзоръ болѣе новыхъ соч. этого направленія—Записки Наук. Тов. ім. Шевченка, т. LIII и XIV (Наукова хроніка); изъ нихъ ближе относятся къ нашей исторіи: многочисленныя изслѣдованія Ом. Партицкаго, сведенныя въ его „Стариннiй історії Галичини", т. I, 1894, Самоквасова Изслѣдованія по исторіи русскаго права, I—II (1896—7), Филевича Исторія древней Руси, т. I, 1896 (о нихъ „Записки", т. V и XVIII).

[2]) Болѣе ранія извѣстія относимыя иногда къ Славянамъ, сомнительны, о нихъ Нидерле, Slov. Star. стр. 190 и слѣд.

[3]) Цейссъ (стр. 67) объяснялъ это слово изъ готскаго vinja= пастбище, лугъ, Венеды—жители луговъ; это объясненіе принималось часто за неимѣніемъ лучшаго. Въ послѣднее время стали выводить это имя изъ кельтскаго vindos—бѣлый. Указываютъ на дѣйствительно любопытный фактъ—широкое распространеніе корня Vend, Vind въ хорографическихъ и личныхъ именахъ кельтской территоріи. Но существованіе Кельто-славянскихъ непосредственныхъ соприкосновеній до сихъ поръ не доказано. Объясняли имя Вендовъ и изъ славянскаго vęt, вящии—большій, слѣд. „великаны" (противъ этого вывода Брикнеръ въ Archiv für sl. Phil. XXII, стр. 236). Связывали съ именемъ Вятичей (Гильфердингъ, Браунъ, Веселовскій), и т. п.

Германцевъ перешла она въ античную литературу, и къ финскимъ народамъ: западные Финны и до сихъ поръ называютъ Русскихъ Venäjä: Нѣмцы тоже до сихъ поръ зовутъ Вендами нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ (Лужичанъ и Словинцевъ)[1].

Прокопій (VI вѣка) разсказываетъ, что прежде Славянъ звали вообще Σπόροι: это слово объясняетъ онъ изъ греческаго σπείρω, разсѣиваю, „ибо они заселяютъ страну разбросанными поселаніями". Отбрасывая эту ошибочную этимологію, самое слово нѣкоторые связывали со славянскимъ *Сербъ* и считали его прежнимъ собственнымъ именемъ Славянства[2]). Усматривали его и въ Птолемеевыхъ Σέρβοι (варіантъ: Σέρωι): но эти Σέρβοι сидятъ далеко на востокѣ, въ окрестностяхъ Волги[3]). Документально же имя славянскихъ Сербовъ выступаетъ лишь въ памятникахъ IX—X в. Что могло оно имѣть нѣкогда болѣе широкое общее значеніе, на это могъ бы указывать тотъ фактъ, что позже совершенно различныя славянскія племена носили это имя (Сербы балканскіе и лужицкіе); но одинаковыя народныя названія у Славянъ встрѣчаются очень часто.

Собственно говоря нѣтъ необходимости предполагать, чтобы ужъ въ тѣ времена Славяне имѣли свое собственное общее имя для обозначенія своей національности: такія имена вырабатываются часто лишь съ теченіемъ времени. Названіе „Славенъ", „Словенъ" въ первыхъ литературныхъ извѣстіяхъ (VI в.) также имѣетъ скорѣе характеръ частнаго имени—для Славянъ западныхъ[4]). Наиболѣе вѣроятнымъ остается толкованіе этого имени изъ *слу*, *слово*: люди, говорящіе понятно, въ противоположность инородцамъ—Нѣмцамъ.

---

[1]) Sclavos, quos nos Vionudos dicimus, говоритъ Алкуинъ о побѣдахъ Карла Великаго (Monum. Germ., Epist. IV, стр. 32).

[2]) Такъ думали уже Добровскій и Шлецеръ, потомъ Шафарикъ и Цейссъ. Этимологія слова Сербъ неясна, см. о ней эксурсъ у Крека[2] стр. 248 и слѣд. Новѣйшее объясненіе у Нидерле—Σπόροι изъ Βοσπόροι (Über die Sporoi des Prokopios, Archiv т. XXIII) было встрѣчено въ наукѣ единодушной опозиціею. Замѣчу еще, что со словомъ Сербъ связываютъ укр. и бѣлор. себр, сябр= соучастникъ въ хозяйствѣ. О тождествѣ Сербы=Σπόροι=Spali, допускавшемся нѣкоторыми, см. ниже.

[3]) Прокопій de b. Got. III, 14. Птолемей V. 9 § 21.

[4]) Болѣе раннія упоминанія не свободны отъ сомнѣній.

не умѣющимъ говорить [1]). Въ чужеземной письменной традиціи выступаетъ оно однако съ замѣной о а и со вставной согласной *к*: Σκλαυηνοί, Σκλαβηνοί, Sclaveni, Sclavini, арабское Сакалиба, позже также съ *т*—Σθλαβινοί.

§ 29. Славянскія племена на прародинѣ и въ разселеніи. Сколько-нибудь обстоятельныя извѣстія о Славянахъ мы вообще начинаемъ имѣть лишь со времени ихъ окончательной дифференціаціи, законченной великимъ славянскимъ разселеніемъ: вызваннымъ имъ ослабленіемъ территоріальной связи, приспособленіемъ къ новымъ и отличнымъ условіямъ, сожительствомъ и смѣшеніемъ съ инородцами. Но какъ въ свое время среди народовъ индоевропейской семьи, такъ и въ семьѣ славянской этнографическая дифференціація началась задолго еще до разселенія.

Исходя изъ данныхъ языка, нельзя сомнѣваться въ томъ, что лингвистическая дифференціація среди славянства началась еще на прародинѣ, задолго до великаго славянскаго разселенія. Отличія же въ языкѣ были только однимъ изъ симптомовъ этнографическаго раздѣленія. Хотя попытки опредѣленія времени, когда стало вполнѣ совершившимся фактомъ обособленіе главныхъ вѣтвей славянства—западной, съ одной стороны, южной и восточной, съ другой,—не дали положительныхъ результатовъ [2]), но фактъ очень ранней дифференціаціи не подлежитъ сомнѣнію. Будемъ ли держаться генеалогической теоріи, которая предполагаетъ обособленіе изъ праславянской массы прежде всего двухъ или трехъ отдѣльныхъ вѣтвей, изъ которыхъ уже гораздо позже выдѣлились отдѣльныя племена, или гораздо болѣе реальной теоріи „переходовъ“ или „волнъ“, указывающей на переходныя явленія и связи между отдѣльными народами всѣхъ группъ,—это безразлично [3]). Въ обоихъ случаяхъ можно сказать

---

[1]) Славянъ изъ слово выводили уже старые книжники, а въ научный оборотъ ввелъ Добровскій; наиболѣе существенное возраженіе—что суффиксъ *енинъ* указываетъ на мѣстность, имѣетъ географическое значеніе; но едва ли можна стоять на такой исключительной точкѣ зрѣнія; напомню хотябы народную форму: Нѣмчинъ вмѣсто Нѣмецъ. Всѣ другіе выводы уступаютъ въ вѣроятности этому старому объясненію. [2]) О нихъ, напр., у Нидерле O původu, стр. 122—3.

[3]) Генеалогическая теорія грѣшитъ схематичностью, которой нѣтъ въ живой эволюціи; крупная этнографическая единица складывается вездѣ и всегда изъ суммы мѣстныхъ мелкихъ варіацій,

съ увѣренностью, что еще до разселенія среди славянства сложились тѣ этнографическія и лингвистическія различія, которыя затѣмъ лишь рѣзче обнаружились по разселеніи, благодаря территоріальному отдаленію и новымъ этнографическимъ вліяніямъ и связямъ.

Но при этомъ наблюдается интересное явленіе: современное географическое размѣщеніе славянства вполнѣ соотвѣтствуетъ его діалектическому раздѣленію, а отдѣльные славянскіе народы уже очень скоро по разселеніи выступаютъ какъ сложившіяся этнографическія и лингвистическія особи. Этотъ фактъ указываетъ,— и въ настоящее время это указаніе является общепризнаннымъ— что великое славянское разселеніе происходило безъ особаго замѣшательства, безъ большихъ скачковъ, сохраняя въ значительной степени прежнія сосѣдскія отношенія отдѣльныхъ племенъ и группъ. [1]) Славянская масса растекалась въ различныхъ направ-

---

переходящихъ изъ одной группы въ другую съ извѣстными посредствующими отличіями. Славянскія вѣтви—восточная, южная и западная, объединяютъ въ себѣ при посредствѣ общихъ признаковъ группы отдѣльныхъ діалектовъ, дифференціація которыхъ можетъ быть такъ же древня, какъ и отличительные признаки самыхъ вѣтвей. Справедливо говоритъ Бругманнъ (Grundriss der vergl. Grammatik der indogerm. Sprachen I, стр. 2): нельзя себѣ даже представить языкъ какой-либо крупной народной массы, имѣющей за собою значительный процессъ развитія, лишеннымъ діалектическихъ отличій. Теорія однообразнаго языка—индоевропейскаго ли, или праславянскаго—это фикція, ибо прежде чѣмъ такой языкъ успѣетъ сформироваться окончательно, онъ уже имѣетъ въ себѣ зародышъ различенія. На это въ свое время указалъ со всей рѣшительностью Дельбрюкъ относительно индоевропейскаго языка, а въ славистикѣ подобный взглядъ столь же рѣшительно развилъ Ягичъ въ статьѣ Eine einheithliche slavische Ursprache? (Archiv, XXII). Раздѣлая славянство на языковыя группы: западную, восточную и южную, онъ смотритъ на это дѣленіе не съ генетической точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія статики, и такое воззрѣніе принимается все болѣе и болѣе.

[1]) Въ виду повторенія одинаковыхъ этнографическихъ названій въ различныхъ областяхъ славянскаго міра, сравнивали нѣкогда славянскую колонизацію съ разсыпанною карточною колодою. Но одинаковыя этнографическія названія не значатъ еще, что единое племя разбилось на части, и какъ разъ въ славянствѣ вовсе нельзя указать слѣдовъ такой этнографической „разсыпки“.

леніяхъ изъ праславянскаго центра въ его периферіи безъ значительныхъ смѣшеній и перерывовъ. Отсюда вытекаетъ важное слѣдствіе: значитъ, направленія колонизаціи довольно близко соотвѣтствовали первоначальному размѣщенію славянскихъ племенъ на прародинѣ, а ихъ современное размѣщеніе соотвѣтствуетъ ихъ группировкѣ на прародинѣ. Такое мнѣніе со всей рѣшительностью выразилъ одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ и талантливыхъ представителей новѣйшаго языкознанія: „Сравнивая колонизаціонныя отношенія Славянъ во времена доисторическія (по теоріи переходовъ) съ историческими, замѣчаемъ, что несмотря на значительныя измѣненія въ занятой Славянами территоріи во времена историческія,—взаимоотношенія (сосѣдства) и въ настоящее время тѣ же, какія мы должны предполагать для эпохи доисторической“ [1]).

§ 30. Общій характеръ разселенія; исходныя точки славянскаго заселенія юго-восточной Европы. Выводъ, сдѣланный на основаніи лингвистическихъ фактовъ, находитъ себѣ подтвержденіе въ исторіи славянской колонизаціи. Славяне занимали главнымъ образомъ области, оставленныя ихъ населеніемъ, опустѣвшія, безъ борьбы, по большей части мирно. Объ этомъ говоритъ сама неосвѣдомленность и молчаніе источниковъ о томъ, какъ совершилось славянское разселеніе. Опустѣвшія, не занятыя пространства открывались въ теченіе III—V в. на славянскомъ пограничьѣ на громадныя разстоянія къ западу, югу и юговостоку. Поэтому колонизаціонное распространеніе Славянъ могло совершаться правильно, безъ замѣшательства, безъ большихъ скачковъ. Племена, сидѣвшія далѣе отъ колонизаціонной периферіи, занимали земли, которыя оставили имъ, подвигаясь впередъ, племена, выдвинувшіяся дальше на западъ или югъ. Въ противномъ случаѣ изъ смѣшенія возникла бы болѣе однородная этнографическая и лингвистическая масса, и дифференціація должна была бы начаться вновь ужь послѣ разселенія.

Эти наблюденія очень важны: они даютъ намъ возможность на основаніи позднѣйшаго размѣщенія дѣлать хотя бы приблизительныя заключенія относительно размѣщенія отдѣльныхъ славян-

---

[1]) I. Schmidt, Zur Geschichte des indogerm. Vocalismus II, стр. 198. Этотъ взглядъ былъ подкрѣпленъ затѣмъ Ягичемъ въ его полемикѣ съ Лескинымъ (Einige Streitfragen—Archiv, XX, стр. 22).

скихъ вѣтвей до разселенія, на прародинѣ, и угадывать порядокъ и направленія славянской миграціи.

Сообразно положенію восточнаго славянства на современной картѣ славянскаго міра, мы должны помѣстить его предковъ въ восточной части праславянской территоріи, а южную вѣтвь восточно-славянской группы—въ юго-восточныя части прародины; слѣдовательно, если мы правильно опредѣлили территорію славянской прародины, то на долю племенъ юго-восточной группы отойдетъ юговосточная часть указанной праславянской территоріи, а именно —порѣчье средняго Днѣпра. Какъ вся славянская колонизація шла по направленію къ западу, юго-западу и югу, такъ и заселеніе юговосточной Европы должно было итти по тѣмъ же направленіямъ—на западъ и югъ. Этотъ выводъ вполнѣ согласуется съ фактами славянской колонизаціи, которые будутъ нами разсмотрѣны ниже.

Конечно, совершенно неизмѣнною въ своихъ границахъ эта прародина не могла оставаться. Движеніе южныхъ сосѣдей, земляковъ изъ сатемъ-группы, иранскихъ и ѳракійскихъ народовъ, на юговостокъ и югозападъ, освободивъ значительныя пространства по сосѣдству съ праславянской территоріей, могло въ свое время вызвать расширеніе славянской колонизаціи на югъ. Позднѣйшій отливъ изъ Азіи, довольно замѣтный по фактамъ археологическимъ и историко-этнографическимъ, вызвавъ пертурбаціи въ степной полосѣ, могъ вызвать обратное движеніе этой праславянской колонизаціи, и т. под.

§ 31. Границы разселенія и границы культуры. Съ помощью указанныхъ данныхъ можемъ дѣлать скромныя попытки оріентированія въ культурно-археологическомъ матеріалѣ. Мы видѣли выше, что какъ разъ на границѣ предстепнаго пояса съ лѣснымъ на Поднѣпровьѣ можно замѣтить извѣстную культурную границу. Въ предстепной полосѣ развивается упомянутая выше характерная культура глиняныхъ мазанокъ—и затѣмъ обрывается, не оставляя преемства въ позднѣйшей культурѣ данной области. Тутъ же распространяется похоронный обрядъ посыпанія покойника красной краской; позже—среднеазіатскія теченія въ желѣзной культурѣ, перекрещивающіяся съ культурными вліяніями греческой колонизаціи прибрежья. На границѣ лѣснаго пояса и далѣе, за линіей лѣса, видимъ похоронныя поля, тянущіяся отъ

Поднѣпровья дальше къ западу; отъ предстепнаго культурнаго матеріала отличаются они, какъ мы видѣли, сравнительною бѣдностію и однообразіемъ жизни, отсутствіемъ рѣзкихъ перемѣнъ и потрясеній—такъ по крайней мѣрѣ представляются они намъ на основаніи собраннаго до сихъ поръ матеріала. И если данныя историческія и лингвистическія говорятъ намъ, что этотъ лѣсной поясъ былъ по всей вѣроятности мѣстопребываніэмъ Славянъ, а области степныя заняты были инымъ, между прочимъ иранскимъ населеніемъ, то въ культурѣ похоронныхъ полей и въ болѣе раннихъ культурныхъ остаткахъ лѣсной полосы мы можемъ видѣть остатки славянскаго быта и по нимъ возсоздавать образъ культурной эволюціи праславянства, а въ длинноголовомъ населеніи этихъ культурныхъ остатковъ видѣть представителей этого праславянства. Однако встрѣчаемый здѣсь антропологическій типъ не отличается рѣзко, какъ мы видѣли, отъ болѣе отдаленнаго предстепнаго и степнаго населенія эпохи, предшествовавшей арійской миграціи. Примѣсь короткоголоваго типа намекаетъ на позднѣйшую чужеродную примѣсь, можетъ быть азіатскихъ, тюркскихъ элементовъ. Но антропологическій матеріалъ пока весьма скуденъ и потому трудно здѣсь дѣлать какія-либо опредѣленные выводы. Если культура глиняныхъ мазанокъ не будетъ обнаружена ни далѣе на западъ, ни далѣе на сѣверъ, то довольно правдоподобной станетъ догадка, высказанная въ послѣднее время, что это культура ѳракійская, исчезнувшая изъ нашихъ областей съ миграціею въ балканскія и закарпатскія области ѳракійскихъ племенъ. Но границы культуръ не совпадаютъ неизбѣжно съ племенными границами, или совпадаютъ въ самыхъ общихъ чертахъ,—независимо даже отъ колонизаціонныхъ колебаній, когда одна колонизація захватывала старые слѣды жизни и культуры своихъ сосѣдей. Поэтому обыкновенно одинъ культурный типъ до нѣкоторой степени покрывается другимъ,—какъ это и видимъ мы въ археологическихъ находкахъ.

Это немногое считалъ я возможнымъ сказать для оріентировки въ археологическихъ слѣдахъ человѣческой жизни на нашей территоріи, начиная съ поздняго неолита. Дальше, въ ранній неолитъ или въ палеолитическую эпоху не проникаютъ никакіе этнографическіе критеріи, никакія выводы лингвистическіе, изъ языковъ индоевропейскихъ или иныхъ группъ, и пока совершенно напрасно было бы искушаться фантазіями въ этомъ направленіи.

§ 32. Культурная еволюція славянской прародины. Эволюцію человѣческой жизни на территоріи первоначальныхъ славянскихъ поселеній со времени неолита обрисовали намъ въ общихъ чертахъ археологическія открытія. Они показали намъ, съ какимъ трудомъ подвигалась здѣсь впередъ жизнь въ глухихъ трущобахъ лѣсного пояса вдали отъ болѣе живой жизни побережья и степныхъ областей, съ ихъ болѣе легкими и живыми сношеніями съ культурными странами. По сравненію съ культурной жизнью Эгейскаго поморья, напр., жизнь лѣсного Поднѣпровья опаздывала чуть не на цѣлое тысячелѣтіе. Бронзовая культура, занявшая тамъ почти цѣлое тысячелѣтіе и достигнувшая высокой степени развитія, почти не коснулась нашей области—оказала болѣе сильное вліяніе на Черноморское прибрежье. Подонье, Прикарпатье, а въ области славянской прародины, въ томъ числѣ въ Поднѣпровье, едва доходили ея слабые отголоски. Въ эпоху Гомера эти области еще жили въ обстановкѣ неолита: отблески бронзовой и желѣзной культуры, долетавшіе сюда, примѣшивались къ старой неолитической культурѣ, но все же камень и дерево оставались тутъ главнымъ матеріаломъ, въ то время какъ даже въ центральной Европѣ металлическая культура была въ полномъ развитіи. Болѣе тщательное изслѣдованіе здѣшнихъ могильниковъ (пока—наиболѣе заброшенныхъ, какъ разъ благодаря бѣдности и неказистости ихъ культурной обстановки) дастъ со временемъ возможность лучше прослѣдить эволюцію здѣшней жизни. [1]) Конечные результаты этой эволюціи—въ видѣ картины культуры восточнаго славянства въ эпоху разселенія и непосредственно послѣ нея мы представимъ ниже на основаніи данныхъ археологическихъ, лингвистическихъ и историческихъ. Нѣкоторое понятіе о тѣхъ внѣшнихъ факторахъ, подъ вліяніемъ которыхъ развивалась жизнь славянскихъ областей въ теченіе тысячелѣтія, отдѣляющаго эпоху славянскаго разселенія отъ первыхъ историческихъ извѣстій о Востокѣ Европы,—дадутъ намъ извѣстія изъ исторіи Черноморья. Скрытая въ глубинѣ лѣсовъ Славянщина была глухимъ захолустьемъ, куда медленно, въ ослабленномъ видѣ долетали отзвуки поли-

---

[1]) Это должно быть самой важной задачей восточно-славянской археологіи, которая, наоборотъ, хватается за болѣе блестящіе памятники античной и такъ наз. скиѳской культуры.

тической и культурной жизни болѣе культурнаго Черноморья и сосѣднихъ степей—гдѣ встрѣчались и переплетались культурныя вліянія средиземной и переднеазіатской культуры съ теченіями среднеазіатскими. Непосредственно на территорію праславянской жизни наши историческія извѣстія почти совершенно не проникаютъ, тоесть даютъ лишь нѣсколько отдѣльныхъ, полусомнительныхъ именъ, нѣсколько намековъ, въ связи съ болѣе точными извѣстіями о южной, черноморской колонизаціи.

Въ этой связи мы и разсмотримъ ихъ ниже.

II.

Передъ славянскимъ разселеніемъ.

§ 33. Греческая колонизація черноморскаго побережья, ея происхожденіе и значеніе. Всѣми имѣющимися у насъ историческими извѣстіями о восточной Европѣ за тысячелѣтіе до разселенія Славянъ обязаны мы лишь исключительно античной традиціи, а этой послѣдней перспективу въ эти далекія „гиперборейскія“ страны открыла греческая колонизація черноморскаго побережья. Правда, изъ этихъ глухихъ и далекихъ черноморскихъ поселеній тоже лишь изрѣдка и скудно доходили вѣсти въ крупные центры греческой и римской жизни и въ ту литературу, которая тамъ развивалась. Но этимъ скуднымъ и блѣднымъ отзвукамъ античной литературы и убогимъ остаткамъ мѣстной эпиграфики — фрагментамъ надписей изъ черноморскихъ колоній, пощаженнымъ временемъ, обязаны мы большею частью того, что вообще знаемъ о жизни восточной Европы того времени. Вслѣдствіе этого свой обзоръ извѣстій должны мы начать съ греческой колонизаціи, — тѣмъ болѣе, что была она не только источникомъ извѣстій о восточной Европѣ, но и источникомъ культурнымъ, изъ котораго отблески культуры шли въ глубину восточно-европейскаго материка. Это было его окно въ Европу, въ культурный міръ, почти единственное въ тѣ времена.

Колонизація эта развилась подъ вліяніемъ торговли, развившейся на берегахъ Чернаго моря. Торговля эта весьма древняго происхожденія. Слѣды иноземнаго, южнаго привоза на нашей территоріи мы можемъ наблюдать уже съ конца неолитической культуры: екзотическія раковины очень раннихъ могилъ (каменной культуры и ранней металлической), чужеземные роды каменныхъ

мѣдныхъ и бронзовыхъ издѣлій указываютъ совершенно опредѣленно на существованіе такихъ сношеній и торговли. Хотя при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній нельзя категорически утверждать, что все это шло какъ разъ съ черноморскаго побережья, но многое несомнѣнно приходило именно оттуда. Такимъ образомъ начальныя стадіи черноморской торговли въ нашихъ странахъ лежатъ всецѣло внѣ границъ исторіи. Древнѣйшими, какихъ можетъ указать исторія, проводниками черноморской торговли были Финикіяне и малоазіатскіе Карійцы. Торговыя сношенія ихъ съ сѣвернымъ берегомъ Черноморья не могутъ подлежать сомнѣнію, принимая во вниманіе то, что намъ извѣстно объ ихъ сношеніяхъ съ южнымъ побережьемъ Чернаго моря. Но за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ и финикійская и карійская торговля лежатъ пока внѣ границъ нашего изученія. Историческія времена застаютъ эту черноморскую торговлю уже въ рукахъ Грековъ.

§ 34. Колоніи Милета и другихъ метрополій. Въ традиціи наиболѣе выдающуюся роль въ колонизаціи нашего побережья играетъ знаменитая азіатская республика Милетъ. Основанная Іонійцами на территоріи Карійцевъ, съ значительною примѣсью Карійцевъ, Финикіянъ и знаменитыхъ мореплавателей Критянъ, эта колонія сдѣлалась естественно участницей въ финикійско-карійской торговлѣ, особенно на Черномъ морѣ, и съ теченіемъ времени заняла въ ней мѣсто своихъ предшественниковъ. Начавъ съ торговли, Милетяне впослѣдствіи основываютъ на черноморскомъ побережьи свои постоянныя факторіи (о финикійскихъ и карійскихъ факторіяхъ на сѣверномъ берегу извѣстій не имѣемъ). Въ благопріятныхъ условіяхъ эти факторіи превращаются въ постоянныя поселенія. Среди наиболѣе значительныхъ колоній сѣвернаго черноморскаго побережья милетскими называются Тира, Ольвія, Ѳеодосія и Пантикапей: къ нимъ же принадлежала, вѣроятно, большая часть меньшихъ, основанныхъ или непосредственно самими Милетянами или же милетскими поселенцами болѣе раннихъ, старшихъ колоній. Страбонъ говоритъ, что Милетъ заселилъ весь Эвксинскій Понтъ и Пропонтиду, и вообще Милетяне считались главными колонизаторами Понта. Но въ этой традиціи сохранилось воспоминаніе главнымъ образомъ объ иниціативѣ Милетянъ въ основаніи факторій и колоній; заселялись

же онѣ колонистами различныхъ городовъ: заселить собственными силами все колоніи, считавшія Милетъ своей митрополіей (насчитывали ихъ до восьмидесяти!), милетская община, конечно, была не въ силахъ. Нѣкоторыя же изъ черноморскихъ колоній и были основаны совершенно независимо отъ Милетянъ. Такъ одну изъ самыхъ важныхъ колоній—Херсонесъ основали выходцы изъ Гераклеи Понтійской, дорійской колоніи, основанной въ VI в. главнымъ образомъ Мегарянами, игравшими послѣ Милетянъ вообще наиболѣе важную роль въ исторіи колонизаціи Понта. Фанагорію основали выходцы изъ Теоса[1]).

Начало этой колонизаціи восходитъ къ весьма отдаленнымъ временамъ. Единственная милетская колонія на сѣверномъ побережьи Чернаго моря, для которой имѣемъ опредѣленную дату,—Ольвія, датируется срединой VII в. до Р. Хр. Но такими датами обозначается обыкновенно уже окончательное сформированіе колоніи; начало же факторій и первоначальныхъ поселеній слѣдуетъ относить къ гораздо болѣе раннимъ временамъ. Если основаніе нѣкоторыхъ колоній на южномъ берегу (какъ напр. Кизика, Синопа) датируется VII вѣкомъ, даже началомъ его, то вѣроятно уже тогда существовали, хотя бы въ зачаточной формѣ, поселенія на сѣверномъ побережьи. VIII—VI вѣка были эпохой наиболѣе интенсивной милетской колонизаціи; причиною этого было безотрадное положеніе республики: VII в. прошелъ въ тяжелой борьбѣ съ Лидійскимъ царствомъ, послѣ чего наступила ожесточенная, безчеловѣчная внутренняя борьба. Эти войны демократическихъ и аристократическихъ партій могли многихъ Милетянъ побудить искать счастья въ сѣверныхъ краяхъ.

§ 35. Общее развитіе греческой колонизаціи и торговли по археологическимъ даннымъ. Въ археологическомъ матеріалѣ Черноморья первая, милетская эпоха колонизаціи до недавняго времени была представлена очень слабо. Но за послѣднее время памятники іонійской культуры выходятъ на явь все въ большихъ массахъ, не только въ остаткахъ самихъ колоній, но и за ихъ предѣлами, и указываютъ на значительную интентенсивность торговыхъ сношеній и культурныхъ вліяній уже въ VII в. При свѣтѣ этихъ фактовъ получаютъ соотвѣтствующее

[1]) Страбонъ XIV, 1. 6. Арріанъ у Евстаѳія 549.

значеніе и тѣ пережитки греческаго архаизма, долго державшіеся въ черноморскомъ бытѣ и техникѣ и ведущіе свое начало непосредственно отъ микенскихъ временъ. Очевидно, эти архаическія теченія были пересажены и закрѣплены въ черноморскій жизни первыми кадрами колонистовъ.

Съ VI-го вѣка, съ эпохи Пизистрата, становится замѣтнымъ вліяніе аттическое, аѳинское; оно оставило по себѣ многочисленные памятники въ видѣ аѳинской чернофигурной посуды того времени, часто встрѣчающейся въ развалинахъ Ольвіи, Ѳеодосіи, Босфора Киммерійскаго. И впослѣдствіи аѳинская торговля и культурныя вліянія господствуютъ на нашемъ побережьи въ теченіе V, IV и начала III вѣка, хотя и съ извѣстными моментами ослабленія или перерывами (во время одного изъ такихъ перерывовъ V вѣка весьма значительную роль въ черноморской торговлѣ игралъ островъ Ѳазосъ). Чрезвычайно богатые слѣды аттическаго вліянія и торговли въ видѣ аѳинской посуды съ красными фигурами остались не столько въ мѣстностяхъ черноморскихъ колоній, но встрѣчаются въ большемъ количествѣ въ могилахъ и остаткахъ поселеній даже средняго Поднѣпровья (въ южной Кіевщинѣ). Даже въ языкѣ надписей іонійскихъ колоній нашего побережья замѣтно въ эту эпоху сильное аѳинское вліяніе (только Херсонесъ крѣпко придерживается своего дорійскаго діалекта).

Не довольствуясь господствомъ на здѣшнемъ рынкѣ, Аѳины пытались стать твердой ногой на этомъ побережьи. Въ V в. имѣемъ извѣстія о нѣсколькихъ морскихъ экспедиціяхъ Аѳинянъ въ черноморскія воды (Аристида, Перикла), и представляется довольно вѣроятнымъ, что въ эпоху наибольшаго развитія морскихъ силъ Аѳинъ сѣверное побережье Черноморья было введено въ сферу аѳинской гегемоніи [1]). Опорнымъ пунктомъ аѳинскаго вліянія былъ Нимфей на Керченскомъ проливѣ, къ югу отъ Пантикапея: тамъ находился аѳинскій гарнизонъ. Но во время разгрома аѳинской державы въ концѣ V в. исчезла эта опорная база: Босфоряне захватили Нимфей, аѳинскій комендантъ сдалъ эту крѣпость босфорскому владѣтелю [2]), и Аѳины, повидимому, примирились съ этой потерей: они довольствовались выгодами торговли и поддер-

---

[1]) Объ этомъ см. особенно въ статьяхъ Брандиса (см. литературу въ прим. 1). [2]) Aeschini III. 171.

живали дружескія отношенія съ босфорскими владѣтелями, взамѣнъ за особыя торговыя льготы, предоставляемыя послѣдними аѳинской торговлѣ. Такъ было IV в.

Съ паденіемъ Аѳинъ въ III—II в. въ археологическомъ матеріалѣ выступаютъ на первый планъ мотивы и фабрикаты Малой Азіи, Родоса, Александріи. Затѣмъ, уже съ II вѣка выступаютъ италійскія, спеціально римскія вліянія и все болѣе укрѣпляются съ распространеніемъ политическаго вліянія Рима на нашемъ побережьи (въ I в. до Р. Хр.). Они господствуютъ вплоть до паденія Римскаго государства, и лишь впослѣдствіи, послѣ перерывовъ бурнаго періода переселенія народовъ, болѣе или менѣе значительныхъ смотря по мѣстности, выступаетъ наслѣдникъ и преемникъ этихъ римскихъ вліяній—византизмъ, достигающій своего расцвѣта и наибольшей силы въ эпоху Юстиніана и служащій здѣсь главнымъ культурнымъ факторомъ вплоть до XI—XII в.

Таковы главныя направленія торговли и культурныхъ вліяній и связанныхъ съ ними колонизаціонныхъ теченій въ этихъ греческихъ поселеніяхъ [1]). Теперь вкратцѣ прослѣдимъ судьбы главнѣйшихъ черноморскихъ колоній.

§ 36. Тира и побережье до Ольвіи. Начиная съ запада первою изъ колоній сѣвернаго побережья была Тира, на мѣстѣ теперешняго Аккермана, на лиманѣ Днѣстра. Старое ея названіе было Офіусса („Змѣиная“), позже называлась она Тирою по имени рѣки [2]), жители звались Тирянами (Τυρανοί). Это была милетская колонія, неизвѣстно когда основанная: упоминается она впервые въ источникахъ IV в. (у такъ наз. Скилака). Она представляла собой самостоятельную республику, съ народнымъ собраніемъ, сенатомъ (βουλή) и четырьмя архонтами во главѣ. Въ срединѣ I в. послѣ Р. Хр. переходитъ она подъ власть Рима и

---

[1]) См. статью проф. фонъ-Штерна: Значеніе керамическихъ находокъ на югѣ Россіи для выясненія культурной исторіи черноморской колонизаціи (одесскія Записки XXII, 190),—интересный опытъ исторіи черноморской торговли на основаніи главнымъ образомъ керамическихъ находокъ.—и новѣйшія публикаціи егоже: Музей Одесскаго Общества I—III, Die griechische Kolonisation и др. см. литературу колоній въ примѣчаніяхъ (1).

[2]) Плиній—Hist. Nat. IV, 12,

входитъ въ составъ провинціи Мизіи: послѣднія извѣстія о ней имѣемъ со второй четверти III в. (монеты съ именемъ Александра Севера); предполагаютъ, что она погибла во времена готскихъ набѣговъ [1]). Послѣдній отблескъ ея лучшихъ временъ— монументальныя надписи императорскихъ декретовъ 201 года, подтвердившихъ Тирѣ свободу отъ пошлинъ при ввозѣ и вывозѣ товаровъ [2]). Такъ назв. Скимнъ, писатель II или скорѣе I в. до Р. Хр., хвалитъ удобства Днѣстра для плаванія, прекрасныя пастбища по его берегамъ и обиліе рыбы. Деметра съ колосьями (или же одни колосья) и Діонисъ съ лозою на монетахъ Тиры указываютъ на другіе источники ея благосостоянія и торговли—хлѣбъ и вино.

На томъ же лиманѣ, противъ Тиры лежалъ другой, менѣе значительный городъ, извѣстный также съ IV в.—*Никоніонъ*. Дальше къ востоку, между Днѣстромъ и Днѣпромъ—*портъ Исіаковъ* (какъ полагаютъ, на мѣстѣ Одессы), *портъ Истрянъ* и *Одесъ* или Ордесъ (къ востоку отъ нынѣшней Одессы).

Современный островъ Березань у устья Днѣпровско-Бугскаго лимана въ тѣ отдаленныя времена былъ мысомъ—полуостровомъ, связаннымъ съ сѣвернымъ берегомъ, и служилъ въ первыхъ стадіяхъ греческой колонизаціи довольно важною факторіею. Произведенныя въ послѣдніе года изслѣдованія открываютъ на немъ интересные слѣды поселенія тѣхъ временъ, кончая V вѣкомъ до Р. Хр. [3]). Вѣроятно, съ развитіемъ торговаго значенія Ольвіи, лежавшей далѣе въ глубинѣ лимана, березанское поселеніе утратило свое значеніе, и островъ сталъ простой морской станціей, какою видимъ его позже.

§ 37. Ольвія. Ольвія расположена была у лимана Гипаниса-Буга, на правомъ берегу, вблизи теперешняго села Парутина-Ильинскаго. Ольвіей называла свой городъ сама община въ надписяхъ и монетахъ, а себя—Ольвіополитами; посторонніе называли Ольвію Борисѳеномъ вслѣдствіе близости Борисѳена-Днѣпра, а жителей ея звали Борисѳенитами; такъ же называла себя

---

[1]) Моммзенъ, Römische Geschichte V стр. 217—8.

[2]) Inscr. Ponti Eux. I, № 3.

[3]) Объ этихъ раскопкахъ см. извѣстія Штерна въ Запискахъ одесскаго общества XXVII и статью его же въ Klio, 1909.

иногда и сама община [1]). Наряду съ Пантикапеемъ Ольвія была самою значительною милетскою колоніею на нашемъ побережьи. Основаніе ея античные источники (т. наз. Скимнъ) относятъ ко временамъ „мидійскаго господства“ (VII в.), а въ каталогѣ Евсевія-Іеронима оно датируется 645/4 г. до Р. Хр. Какъ уже было упомянуто выше, эту дату можно считать временемъ окончательнаго сформированія данной колоніи, а начало ея могло быть положено еще значительно раньше. Систематическія раскопки, начатыя въ послѣдніе годы, обнаружили архаическія стѣны стараго города, сложенныя изъ хорошо пригнанныхъ каменныхъ глыбъ, а надъ ними—типичную, очень хорошую постройку V—IV в. Стѣны необыкновенной крѣпости, толщиною около 3 метровъ, построенныя очень солидно и богато и обложенныя тщательно обтесаннымъ камнемъ, свидѣтельствуютъ не только объ укрѣпленности, но и состоятельности, богатствѣ города. Въ половинѣ V в., когда Ольвію посѣтилъ Геродотъ, она была богатымъ и значительнымъ городомъ. Не только выросла сама, но и успѣла уже подчинить своему культурному вліянію сосѣднихъ варваровъ: вокругъ Ольвіи видимъ эллинизованныхъ Скиѳовъ Каллипидовъ, да и болѣе отдаленные и дикіе Скиѳы и ихъ цари не могли устоять противъ чаръ греческой культуры, какъ напр. несчастный Скиллъ, погибшій, по словамъ Геродота, благодаря своей привязанности къ греческой культурѣ. Эти вліянія не ограничивались ближайшими мѣстностями, но шли далѣе, вглубь варварскихъ странъ, по порѣчьямъ обѣихъ великихъ рѣкъ, сливавшихся въ ближайшемъ сосѣдствѣ Ольвіи—Днѣпра и Буга. То, что узналъ Геродатъ во время своего пребыванія въ Ольвіи, указываетъ на широкія торговыя связи, проникавшія далеко вглубь страны, и несомнѣнно изъ Ольвіи главнымъ образомъ шли культурныя вліянія въ среднее Поднѣпровье. Во вторую половину послѣдняго тысячелѣтія до Р. Хр. она была главнымъ очагомъ греческой, вообще средиземной культуры, оставившей свои слѣды въ находкахъ Поднѣпровья.

Пятый вѣкъ и первая половина четвертаго были временемъ наибольшей силы и развитія Ольвіи. Источниками ея богатства

---

[1]) См. изслѣдованіе фонъ-Штерна въ XVI т. одесскихъ Записокъ.

были торговля и хозяйство: хлѣбъ, рыба, скотъ, какъ и для Тиры[1]). По словамъ Геродота, въ днѣпровскимъ лиманѣ добывали соль, а это представляло громадныя удобства для соленія рыбы—важного предмета торговли.

Въ политическомъ отношеніи городъ былъ независимою республикой, управлялся народнымъ собраніемъ и сенатомъ (βούλη); исполнительная власть принадлежала архонтамъ и стратегамъ; казну вѣдали коллегіи „девяти“ и „одиннадцати“, а надзоръ за торговлей и промышленностью вели коллегіи агораномовъ и астиномовъ. Вообще благодаря многочисленнымъ надписямъ устройство Ольвіи извѣстно намъ лучше другихъ городовъ черноморскаго побережья.

§ 38. Упадокъ Ольвіи. Послѣ того расцвѣта, въ какомъ видимъ Ольвію при Геродотѣ, наступили для нея худыя времена. Во II-й половинѣ IV в. ей пришлось выдержать тяжелую войну съ какимъ то Зопиріономъ: обыкновенно полагаютъ, что былъ то полководецъ Александра В. Ольвіополиты принуждены были напречь всѣ свои силы и изыскивать чрезвычайныя средства. „Борисѳениты, осажденные Зопиріономъ, дали свободу рабамъ, признали чужеземцамъ права гражданства, составили новыя книги (вѣроятно списали долги взамѣнъ пожертвованій на защиту города) и такимъ путемъ устояли противъ врага“,— разсказываетъ позднѣйшій писатель[2]). Но за этимъ потрясеніемъ наступили новыя бѣдствія для Ольвіи. Тяжело приходилось отъ сарматскихъ и скиѳскихъ ордъ и отъ новаго варварскаго движенія въ придунайскихъ странахъ—отъ „Галатовъ“, какъ называются они въ мѣстныхъ надписяхъ (думаютъ, что то были Бастарны или дунайскіе Кельты), а также отъ Скиѳовъ, позже отъ Гетовъ. Изъ декрета въ честь Протогена, ольвійскаго гражданина,—самой значительной и интересной ольвійской надписи (время ея составленія неизвѣстно—относятъ ее то къ III, то къ II в. до Р. Хр.)[3]), видимъ, что Ольвія принуждена была тогда откупаться отъ сарматскихъ ордъ ежегодными „подарками“, или по-просту—данью. Вѣчная тревога и войны привели въ полный

---

[1]) Геродотъ IV. 53, Скимнъ. [2]) Macrobii Saturn. I. 11, 13.
[3]) Inscriptiones Ponti Eux. I, № 16. Пересмотръ вопроса о времени декрета у Латышева, Изслѣдов. гл. III.

упадокъ ея хозяйство: благодаря войнамъ и неурожаямъ городъ совершенно обѣднѣлъ, такъ что архонты были принуждены закладывать храмовую утварь, а въ городѣ былъ голодъ. Болѣе поздній источникъ говоритъ, что Ольвіею неразъ овладѣвали враги [1]). Довольно продолжительное время, хотя можетъ быть и съ перерывами, она принуждена была признавать надъ собой верховную власть скиѳскихъ царей. На это указываютъ монеты Ольвіи съ именами нѣсколькихъ варварскихъ владѣтелей [2]), но къ сожалѣнію, онѣ лишены хронологіи. Наконецъ, во 2-й четверти I в. до Р. Хр. Геты совершенно разорили Ольвію, „какъ и всѣ иные города на лѣвомъ (сѣверномъ) берегу Понта вплоть до Аполлоніи“ (возлѣ теперешняго Бургаса). По словамъ Діона Хризостома, Ольвіополиты тогда разбѣжались и возвратились на старыя пепелища лишь позже,—„какъ кажется по иниціативѣ самихъ Скиѳовъ, нуждавшихся въ торговлѣ и сношеніяхъ (торговыхъ) съ Греками, переставшими пріѣзжать къ нимъ послѣ разоренія города“. Однако эта новая, реставрированная Ольвія и сто лѣтъ спустя имѣла очень жалкій видъ, судя по тому какъ описываетъ ее Діонъ, посѣтившій ее въ 80-хъ гг. по Р. Хр. Она занимала лишь незначительную часть стараго города: кучка лачугъ тѣснилась у остатковъ старыхъ укрѣпленій, обнесенная плохенькой стѣною: въ храмахъ нельзя было увидѣть ни одной цѣлой статуи: все было изувѣчено. Это дѣйствительно подтверждается и новѣйшими раскопками: новый городъ, бѣдный и жалкій, занималъ лишь часть стараго. Само населеніе измѣнилось, говоритъ Діонъ,—оно имѣло теперь очень сильную варварскую примѣсь, и это подтверждаютъ надписи, гдѣ видимъ смѣсь греческихъ и варварскихъ, особенно иранскихъ именъ [3]). По словамъ того же Діона, такова была обычная судьба разоренныхъ городовъ побережья: если нѣкоторые изъ нихъ и возродились, то въ очень плохомъ видѣ и съ большою примѣсью варварскихъ элементовъ.

---

[1]) Dionis Chrysostomi oratio XXXVV.

[2]) Фарзоя, Инисмея, Канита, Саріи, Скилура; изъ нихъ Скилуръ правилъ вѣроятно во второй половинѣ II в. до Р. Хр.

[3]) Анализъ варварскихъ именъ надписей нашего побережья далъ В. Миллеръ въ изслѣдованіи: Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи—Ж. М. Н. Пр. 1886, IX и, въ сокращеніи, въ т. III Осетинскихъ этюдовъ.

Возвратиться къ прежнему цвѣтущему состоянію Ольвіи, очевидно, уже не пришлось; не такъ складывались обстоятельства: приходилось жить среди тревогъ, среди дальнѣйшаго непрекращавшагося движенія въ степяхъ. Діонъ, какъ очевидецъ, даетъ намъ картину тревожной жизни этого города въ концѣ I в. послѣ Р. Хр., среди непрерывнаго страха вражескихъ нападеній. Борисѳениты сходятся послушать заѣзжаго ритора на любимую тему о Гомерѣ, объ Ахиллѣ, бывшемъ предметомъ мѣстнаго культа,—но приходятъ вооруженные; ворота заперты, а на стѣнахъ развѣвается военное знамя, ибо Скиѳы наканунѣ нападали на ольвійскія земли. Это иллюстрація ольвійской жизни всѣхъ этихъ столѣтій. На эту вѣчную борьбу съ варварскими сосѣдями Ольвіи не хватало своихъ силъ. Когда главной силой въ Понтійскихъ странахъ сдѣлался Митридатъ, Ольвія наряду съ другими черноморскими колоніями ищетъ у него помощи и защиты: недавно найденная ольвійская надпись пролила свѣтъ на эти сношенія съ Митридатомъ [1]) Затѣмъ, когда Митридатъ погибъ въ борьбѣ съ Римомъ, Ольвія ищетъ помощи и покровительства Римлянъ. Подробностей ея отношеній къ Риму не имѣемъ; источники не говорятъ объ Ольвіи спеціально. Но нѣтъ сомнѣнія, что при Неронѣ, когда римское правительство энергично вмѣшалось въ черноморскія отношенія, и римскія войска защищали отъ варваровъ Херсонесъ, а римское правительство стремилось поставить въ непосредственную зависимость отъ себя далекій Босфоръ,—ближайшія колоніи, какъ Тира, Ольвія и проч. тѣмъ болѣе должны были стоять подъ покровительствомъ Рима. Позже знаемъ, что при Антонинѣ Ольвія обращалась къ Риму за помощью противъ „Тавроскиѳовъ“ и эту помощь получила. При Септиміи Северѣ (между 196 и 198 гг.) перешла она формально подъ верховную власть Рима, войдя, подобно Тирѣ, въ составъ провинціи Мизіи. И Римъ, поскольку иныя заботы не парализовали его восточной политики, въ интересахъ своего престижа и вліянія не отказывалъ въ помощи и покровительствѣ здѣшнимъ греческимъ общинамъ. Недавно найденная ольвійская надпись 248 года указываетъ, что еще тогда, предъ самой готской бурей, находился въ Ольвіи римскій гарнизонъ [2]). Вѣроятно,

---

[1]) Извѣстія археол. ком. XXII.
[2]) Извѣстія арх. ком. X ст. 6.

она была разрушена вскорѣ послѣ того, въ періодъ готскихъ набѣговъ, но не исчезла сразу: она еще возрождалась, какъ указываютъ находки раскопокъ, но въ совершенно жалкомъ видѣ— пока совершенно не обратилась въ груду развалинъ.

§ 39. Херсонесъ. На востокъ отъ Ольвіи до Перекона не было значительныхъ греческихъ поселеній. Заливъ у Перекопа (между Днѣпровскимъ лиманомъ и Крымомъ) назывался Каркинитскимъ (иначе—Тамиракскимъ) по имени *Каркины*, города на его сѣверномъ берегу. Торговаго значенія весь этотъ заливъ не имѣлъ, какъ и нѣсколько незначительныхъ колоній на его побережьи. На западномъ побережьи Крыма находился городъ *Керкинитъ* (гдѣ теперь Евпаторія)[1], ничѣмъ особеннымъ не выдѣлявшійся. Важное значеніе имѣлъ лишь крайній юго-восточный выступъ полуострова, между заливомъ Ктенунтомъ (теперь Севастопольскій) и Символовъ (теперь Балаклавскій): образованный этими заливами полуостровъ назывался Херсонесомъ, какъ и весь Крымъ. Въ отличіе отъ большого Херсонеса—Крыма, вышеупомянутый небольшой полуостровъ обыкновенно назывался Херсонесомъ Гераклейскимъ, по колонистамъ, пришедшимъ сюда изъ Понтійской Гераклеи. Херсонесомъ Гераклейскимъ, Таврическимъ, либо Мегарскимъ[2]) назывался и самъ городъ, лежавшій на этомъ полуостровѣ.

Основали Херсонесъ, какъ сказано, выходцы изъ Понтійской Гераклеи, мегарской колоніи на южномъ берегу Чернаго моря (теперь по турецки Эрегли). Недавно найденная надпись, гдѣ Херсониты называютъ Гераклейцевъ своими „почтеннѣйшими отцами“[3]), подтвердила литературную традицію, по которой Гераклея была метрополіею Херсонеса. Такъ наз. Скимнъ говоритъ, что въ основаніи Херсонеса принималъ участіе также и Делосъ, но это извѣстіе ничѣмъ не подтверждается. Главное ядро населенія было во всякомъ случаѣ дорійскимъ—на это указываетъ характерный дорійскій діалектъ мѣстныхъ надписей[4]). Время основанія

---

1) См. о его мѣстонахожденіи новѣйшія замѣчанія Романченка въ „Извѣстіяхъ археол. ком.“ т. XXV.

2) Plinii Hist. Nat. IV. 12, 26.

3) Inscr. P. E. IV № 72.

4) Это же, кромѣ свидѣтельствъ авторовъ, рѣшительно отни-

неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ Херсонесъ принадлежалъ къ числу позднѣйшихъ, а не старшихъ колоній. Сама Гераклея была основана во времена Кира, то есть въ VI в.; Херсонесъ могъ явиться значительно позже. Геродотъ молчитъ о немъ, впервые упоминаетъ такъ наз. Скилакъ (IV в.); высказывались догадки, что во времена Геродота Херсонесъ уже существовалъ, а историкъ только не вспомнилъ о немъ, но такое предположеніе маловѣроятно, и во всякомъ случаѣ изъ херсонесскихъ находокъ пока нельзя указать ничего опредѣленнаго для V в.

Поселяясь по сосѣдству съ дикими и суровыми Таврами, о которыхъ разсказывались всякіе ужасы, колонисты на первыхъ порахъ искали не столько торговыхъ удобствъ, сколько безопасности. Поэтому городъ построенъ былъ сначала не у какой-либо изъ двухъ упомянутыхъ бухтъ, а на крайнемъ выступѣ полуострова, у такъ наз. Козацкой бухты, гдѣ поселеніе легче было защитить. Двойная стѣна защищала этотъ небольшой мысъ со стороны суши. Но изъ этого безопаснаго угла городъ уже издавна сталъ разселяться и далѣе къ сѣверу, у теперешней Карантинной бухты, гдѣ теперь Севастополь, и тутъ также открыты старыя стѣны первой эпохи города, изъ превосходнаго тесанаго камня. Однако стѣны эти, повидимому, не были окончены въ то время, и лишь позже, уже въ римскую эпоху былъ обведенъ кругомъ стѣнами этотъ новый городъ, ставшій потомъ главнымъ центромъ мѣстной жизни. Вообще же жизнь этого далекаго эллинскаго уголка въ теченіе первыхъ вѣковъ его существованія не отличалась ни блескомъ ни богатствомъ. Энергическія раскопки послѣднихъ двадцати лѣтъ не обнаружили ни артистическихъ памятниковъ, ни богатыхъ погребеній; херсонесская монета—этотъ первый показатель торговаго развитія—не встрѣчается въ большомъ количествѣ. Херсонесская община жила главнымъ образомъ хозяйственными интересами, требовавшими массы энергіи и труда. Каменистый и непривѣтливый полуостровъ былъ дѣйствительно прекрасно обработанъ трудомъ и культурою пришельцевъ: до сихъ поръ сохранились остатки искусственныхъ водопроводовъ (трубы для воды); полуостровъ покрыли искуственные огороды и виноградники. Труд-

---

маетъ всякое значеніе у показанія Страбона, очевидно ошибочнаго, что Гераклея была милетскою колоніею.

нѣе было, повидимому, обезпечить себя хлѣбомъ, судя по тому, что въ присягѣ гражданъ встрѣчалось обязательство „не продавать никуда хлѣба съ равнины кромѣ Херсонеса“ [1]); западное побережье Крыма и тогда, какъ и теперь, было не изъ плодородныхъ.

Шагъ за шагомъ овладѣвъ ближайшей окрестностью, Херсонесъ постепенно забралъ въ свои руки все западное побережье, отъ Каркинитскаго залива до „бухты Символовъ.“ Выдающихся городовъ однако кромѣ самого Херсонеса здѣсь не было: помянутая присяга упоминаетъ какъ провинціальныя мѣста только Керкинитъ, „Прекрасный портъ“ (гдѣ-то возлѣ Каркинитскаго залива) и кромѣ того глухо—„всѣ прочія укрѣпленія.“ Такіе слѣды укрѣпленій перерѣзываютъ перешеекъ между Ктенунтомъ и бухтою Символовъ.

И здѣсь, какъ въ Ольвіи, сосѣднее варварское населеніе не только подчинялось вліянію греческой культуры, но и само воспринимало ее. Въ спискахъ дельфiйскихъ проксеновъ конца II в. до Р. Хр. встрѣчаемъ „Гимна Скиѳа Херсонесца“, и въ недавно-найденномъ херсонесскомъ спискѣ распроданныхъ городскихъ участковъ дѣйствительно встрѣчаемъ среди херсонесскихъ горожанъ упомянутаго Гимна Скиѳа“, а рядомъ съ нимъ еще другого Скиѳа [2]).

§ 40. Внѣшняя исторія Херсонеса. Первоначально Херсонесъ находился подъ покровительствомъ своей метрополіи, которая, кажется, изъ за него даже начала войну съ Пантикапеемъ въ первой полов. IV в. въ виду завоевательныхъ попытокъ послѣдняго. Но постепенно Херсонесъ выростаетъ и, какъ центръ и столица западнаго Крыма, уже въ III в. играетъ роль въ черноморской политикѣ. Случайно сохранившееся извѣстіе о договорѣ, заключенномъ малоазіатскими государями, среди государствъ, включенныхъ въ этотъ договоръ, называетъ рядомъ съ Гераклеей также Херсонесъ [3]). Въ эту эпоху былъ онъ независимой, демократической республикой. Въ недавно найденной вышепомянутой граж-

---

[1]) Inscriptiones P. E. IV № 79. Возможно, впрочемъ, что тутъ были какіе-либо фискальные мотивы.

[2]) Dittenberger, Sylloge inscriptionum Graecarum № 268, Inscriptiones P. E. IV, № 80.

[3]) Polybii XXV. 2. 12.

данской присягѣ начала III в. (какъ полагаютъ по письму) гражданинъ Херсонеса присягаетъ: „вмѣстѣ со всѣми буду заботиться о благѣ и свободѣ города и гражданъ, не предамъ Херсонеса, ни Керкинита, ни Прекраснаго порта, ни иныхъ укрѣпленій, ни иныхъ земель, какими Херсонеситы владѣютъ или владѣли, ничего никому, ни Эллину, ни варвару, но буду беречь для народа (общины) Херсонесцевъ, а также и народовластія (демократіи) не нарушу, ни буду пособникомъ, если кто будетъ предавать или уничтожать, и не утаю, а извѣщу держателей города (деміурговъ)“ [1]). Но изъ внѣшней исторіи города того времени ничего не знаемъ вплоть до конца II в. до Р. Хр. когда Херсонесъ, притѣсняемый сосѣдними Скиѳами, прибѣгнулъ къ покровительству знаменитаго и широко извѣстнаго въ тѣхъ краяхъ понтійскаго царя Митридата VI Евпатора—этотъ фактъ, точно не датированный, относятъ изслѣдователи ко времени около 110 г. Скиѳы, занявъ степныя части Крыма, тѣснили тогда Грековъ, захватили провинціи Херсонеса, и самый городъ держали въ осадѣ, и Херсониты не видѣли другого выхода кромѣ помощи и протекціи понтійскаго царя. Для колонистовъ малоазіатской Гераклеи, всегда находившихся въ тѣсной связи съ южнымъ берегомъ Чернаго моря, это былъ вполнѣ естественный шагъ, но онъ повлекъ за собою важныя послѣдствія въ жизни нашего Чорноморья. Побудивъ Митридата къ живому участію въ крымскихъ дѣлахъ, онъ привелъ къ объединенію всѣхъ греческихъ общинъ сѣвернаго побережья подъ властью понтійскаго царя, а затѣмъ,—что оказалось еще важнѣе по своимъ результатамъ—ввелъ греческія общины нашего побережья въ кругъ римской политики, перебросивъ борьбу Рима съ Митридатомъ на сѣверный берегъ, и въ результатѣ—привелъ послѣдній подъ власть и опеку Рима, подъ вліяніе римской государственной и культурной жизни.

Митридатъ не остался глухъ къ призыву Херсонесцевъ. Его генералъ Діофантъ энергично занялся борьбою съ притѣснителями. Отъ Страбона и изъ херсонесскаго декрета въ честь этого Діофанта (наибольшая и самая важная изъ херсонесскихъ надписей) узнаемъ, что Діофантъ нѣсколько разъ разбилъ „скиѳскаго“ царя Палака и союзниковъ его „Ревксиналовъ“ (очевидно Роксоланъ)

---

[1]) Inscr. P. E. № 81.

и освободилъ Херсонесъ. Послѣ этого Херсонесъ вмѣстѣ съ Босфоромъ и сѣвернымъ побережьемъ (Ольвіей, Тирой и проч.) вошелъ въ составъ Понтійскаго царства[1]). Послѣ паденія Митридата онъ нѣкоторое время принадлежалъ къ Босфорскому царству подъ верховною властью Рима, впослѣдствіи былъ признанъ автономной республикой, подъ номинальнымъ римскимъ верховенствомъ. На монетахъ его читаемъ Χερσοννήσου ἐλευθέρας (Херсонесъ независимый) и имѣетъ онъ, какъ вполнѣ самостоятельное государство, не только собственую серебрянную, но и золотую монету, безъ всякихъ императорскихъ именъ, такъ что положеніе его было гораздо выше положенія Тиры и Ольвіи—провинціальныхъ городовъ Римскаго государства. Но de facto и Херсонесъ въ сильной степени зависѣлъ отъ комендантовъ римскихъ военныхъ силъ, державшихъ здѣсь для обороны свои гарнизоны, а иногда и флотъ въ херсонесскомъ портѣ, и собиравшихъ различные доходы съ городскихъ платежей на содержаніе военной силы[2]).

§ 41. Херсонесъ въ римско-византійскую эпоху. Перипетіи, переживавшіяся Херсонесомъ въ эпоху римскаго верховенства (I вѣкъ до Р. Хр.—III в. послѣ Р. Хр.), остаются все еще въ значительной степени невыясненными[3]). Въ надписи на

---

[1]) Страбонъ VII. 4. 3, Inscriptiones Ponti Eux. I и № 185 IV, № 67. Детальный историческо-топографическій коментарій декрета см. въ Запискахъ Одесск. Общ. т. XII и Извѣстіяхъ археол. том. XXI. [2]) Inscr. P. E. IV № 81.

[3]) Обыкновенно принимали, за Бекомъ, что херсонесская эра, съ которой велось лѣтосчисленіе—24/5 г. по Хр., какъ принимаютъ теперь—была моментомъ, когда Херсонесъ получилъ ἐλευθερία отъ Римлянъ и освободился отъ Босфора. Однако наиболѣе раннее извѣстіе объ ἐλευθερία Херсонеса имѣемъ у Плинія Hist nat. IV. 12 (26), а Страбонъ (VII. 4. 7) вполнѣ опредѣленно говоритъ, что въ его время, въ 1-й четверти по Р. Хр., Херсонесъ еще принадлежалъ къ Босфорскому царству. Это извѣстіе считалось сомнительнымъ, но въ настоящее время все болѣе увеличивается число указаній, что ἐλευθερία Херсонеса дѣйствительно могла явиться позже и что вообще въ отношеніяхъ Херсонеса къ Риму были и впослѣдствіи фазы большихъ и меньшихъ автономныхъ правъ. Литературу этого вопроса и обозрѣніе ея даетъ статья Бертье Делагардъ: Надпись времени императора Зенона (на этой надписи основаны исчисленія херсонесской эры) и Ростовцева Римскіе гарнизоны.

мавзолеѣ Плавція Сильвана читаемъ упоминаніе о томъ, какъ онъ между прочимъ, среди иныхъ своихъ подвиговъ на Черноморьи (въ 60-хъ гг. послѣ Р. Хр.) прогналъ скиѳскаго царя, осадившаго Херсонесъ[1]). Въ другой надписи въ честь херсонесскаго дѣятеля, ѣздившаго въ Римъ по дѣламъ херсонесской ἐλευθερία, упоминается объ интригахъ какого-то „тиранна", пытавшагося захватить власть надъ городомъ, опираясь на сочувствующую партію въ немъ[2]),—можетъ быть, босфорскаго царя. У позднѣйшаго историка есть извѣстіе, что при царѣ босфорскомъ Котисѣ (124—131) Херсонесъ принадлежалъ къ Босфору[3]). Длинныя исторіи о войнахъ Херсонеса съ Боспоромъ разсказываетъ Константинъ Порфирородный[4]), но въ совершенно легендарной формѣ.

Слѣды римскаго гарнизона и римскаго покровительства надъ Херсонесомъ обрываются, какъ и въ Ольвіи, на срединѣ III в., и Херсонесъ тогда былъ предоставленъ самому себѣ, какъ и все побережье, ввиду готской бури. Какъ пережилъ онъ это бурное время, не знаемъ. Первые слѣды возобновленныхъ связей съ Римскимъ государствомъ-патрономъ имѣемъ лишь съ конца IV в.[5]) Извѣстія о возобновленіи стѣнъ римско-византійскимъ правительствомъ при имп. Ѳеодосіи въ концѣ IV в., потомъ при имп. Зенонѣ въ концѣ V в.[6]) и снова при Юстиніанѣ, въ VI в., указываютъ по всей вѣроятности на періоды упадка, по миновавніи которыхъ городъ съ удвоенной энергіею, при помощи имперіи, принимался за мѣры обезпеченія отъ враговъ. При Юстиніанѣ Византія энергично принялась за реставрацію южнаго крымскаго побережья: были возобновлены укрѣпленія въ Херсонесѣ и въ другихъ мѣстахъ—Горзувитахъ, Алустѣ, Пантикапеѣ[7]). Херсонесъ становится административнымъ центромъ всего Крыма, столицею его византійской администраціи. Наступаетъ эпоха наивысшаго его процвѣтанія. Начинаются монументальныя церков-

1) Corpus Inscr. Lat. XIV № 3608.
2) Inscr. P. E. IV № 68.
3) Fragm. Hist. Graec. III, стр. 602.
4) De adm. 53. См. Моммзена Röm. Gesch. V стр. 291.
5) Inscr. Pon. E. IV № 465.
6) Сборн. христ. надп. № 7. Извѣстія арх. ком. 22.
7) Прокопій De aedif. III 7.

ныя постройки, открываемыя въ настоящее время изъ подъ развалинъ все въ большемъ количествѣ, начиная съ недавно открытой крестовой церкви VI в. Не обходилось, правда, безъ смутъ. Хазары, овладѣвшіе восточнымъ Крымомъ въ началѣ VIII в., владѣли и Херсонесомъ: здѣсь сидѣлъ ихъ намѣстникъ, „тудунъ“ [1]). Но послѣ этого Херсонесъ уже безъ перерывовъ принадлежитъ Византіи, какъ главный городъ и столица Крыма.

И въ это время видимъ въ немъ автономное устройство [2]): во главѣ города стоялъ мѣстный πρωτεύων. Но въ IX в. византійское правительство для укрѣпленія своей власти начало присылать сюда своихъ стратиговъ [3]). Это, вѣроятно, очень не понравилось общинѣ: въ концѣ IX в. произошло возстаніе, стратигъ былъ убитъ, а Константинъ Порф. въ своемъ поученіи сыну подробно перечисляетъ средства, какими можно принудить Херсонитовъ къ послушанію въ случаѣ, если бы они взбунтовались или стали противиться велѣніямъ императора. Эти средства—препоны въ торговлѣ и доставкѣ въ Херсонесъ хлѣба, вина и иныхъ необходимыхъ предметовъ.

Въ этотъ византійскій періодъ Херсонесъ пріобрѣтаетъ особое значеніе для насъ, такъ какъ онъ былъ ближайшимъ очагомъ византійской культуры для восточнаго славянства по разселеніи, когда не существовали уже иныя греческія колоніи, какъ Тира, Ольвія. Въ нашихъ глазахъ это придаетъ Херсонесу большой интересъ сравнительно съ другими греческими колоніями Черноморья: онъ былъ метрополіею той культуры, которая имѣла такое значеніе во всей эволюціи Восточной Европы IX—XI вв.

Съ паденіемъ Византіи и переходомъ черноморской торговли

---

[1]) Nicephorus, ed. de Boor p. 45, Theophanes ed. de Boor I p. 379.

[2]) При различныхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ Херсонеса и въ степени его зависимости отъ Рима, а въ послѣдствіи отъ Византіи, только въ извѣстные моменты можно констатировать опредѣленное устройство херсонесской общины.

[3]) Константинъ, De adm. 42 относитъ это событіе ко времени имп. Θеофила; противъ такой датировки см. Успенскаго, Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чорнаго моря. Кіев. Старина 1889, V. Херсонесскій стратигъ упоминается впервые по поводу возстанія при имп. Львѣ: Continuator Theophanis, имп. Левъ, гл. 16. Амартолъ изд. Муральта 774—5 (подъ 892 г.).

въ руки Генуезцевъ пришелъ въ упадокъ и Херсонесъ. Его тѣснили тюркскія орды: Половцы, позже Татары. Уже въ 1-й пол. XIV в. (1333 г.) папа, основывая въ Херсонесѣ латинское епископство, говоритъ о немъ, какъ бывшемъ городѣ[1]). Въ XVI в. путешественникъ Броневскій засталъ его совершенно пустымъ—однѣ развалины[2]).

§ 42. Южный берегъ Крыма и Босфоръ Киммерійскій. На южномъ побережьи Крыма изъ нѣсколькихъ извѣстныхъ намъ поселеній (Харакъ, Лампадъ, Атеней и т. д.) наиболѣе выдающеюся была Θеодосія (на мѣстѣ теперешней). Это была, какъ уже упоминалось, старая милетская колонія. Время основанія ея намъ неизвѣстно; въ 1-й пол. IV в. завоевалъ ее босфорскій архонтъ Левконъ, и съ тѣхъ поръ она входила въ составъ Босфорскаго царства. Демосѳенъ хвалитъ ея большой портъ, „какъ говорятъ корабельщики—не хуже Босфорскаго"; Страбонъ отмѣчаетъ плодородность окрестностей Θеодосіи[3]). Но несмотря на свой дѣйствительно превосходный портъ, она въ античное время не имѣла особаго значенія: только лишь въ средніе вѣка (XIV—V). Генуезцы, поселившись здѣсь, сообщили Θеодосіи міровую славу подъ именемъ Кафы.

Несравненно большее значеніе въ древнее время имѣлъ Пантикапей, колонія на мѣстѣ теперешней Керчи, „метрополія всѣхъ милетскихъ колоній Киммерійскаго Босфора[4]) (обычная форма имени Παντικάπαιον, житель назывался Παντικαπαΐτης, Παντικαπεύς, Παντικάπαιος).

Исторія Пантикапея становится извѣстна намъ лишь въ концѣ V вѣка, но имѣя въ виду его первенствующую роль среди здѣшней колонизаціи, полагаютъ, что и основаніе его (то есть окончательное устройство) имѣло мѣсто раньше, самое позднее — въ срединѣ VI вѣка. Сначала это была аристократическая республика, во главѣ которой съ 480/79 года стоялъ родъ Археанактидовъ[5]). Впослѣдствіи, въ срединѣ V в. (438/7) за-

[1]) Theiner Monumenta Poloniae et Lituaniae I, стр. 457.

[2]) Tatariae descriptio, 1595, выдержки см. въ одесскихъ Запискахъ, т. VI, стр. 341—2.

[3]) Демосѳенъ противъ Лептина § 33, Страбонъ VII 4. 4.

[4]) Амміанъ XXII, 8, 26.

[5]) Діодоръ XII, 31.1; онъ вообще сообщаетъ изъ литератур-

хватила власть династія Спартокидовъ, какая-то чуждая, не-греческая по происхожденію, какъ указываютъ имена ея членовъ. Она правила здѣсь въ теченіе трехъ столѣтій. Но и Спартокиды довольно долго именуются только архонтами Босфора и Өеодосіи, а царями называютъ себя только по отношенію къ подвластнымъ варварскимъ народамъ. Лишь позже (въ III в.) сглаживается эта разница титула, Спартокиды тутулуютъ себя вообще царями.

Власть этихъ династовъ не ограничивалась Пантикапеемъ: своей власти впослѣдствіи подчинили они греческія колоніи по обѣимъ сторонамъ Киммерійскаго Босфора. Наиболѣе важными среди нихъ на европейскомъ берегу были Нимфей и Өеодосія, на азіатскомъ—Фанагорія (въ углу Таманскаго залива, возлѣ ст. Сѣнной) и Горгиппія (теп. Анапа). Это государство называлось Босфоромъ, а жители его Босфорянами. На западъ, въ Крыму оно сначала не простиралось дальше Керченскаго полуострова, который былъ для безопасности отгороженъ отъ остального Крыма валомъ. Но Спартокидъ Левконъ въ IV в. перешелъ эту первоначальную границу и присоединилъ къ Босфору Өеодосію. Кромѣ греческихъ городовъ боспорскимъ династамъ подчинялись, по крайней мѣрѣ временами, и сосѣдніе варварскіе народы кавказскаго берега—Синды и Меоты съ болѣе мелкими ихъ племенами. Наконецъ, Босфору принадлежалъ Танаисъ—колонія Босфорянъ при устьѣ Дона—Танаиса [1]). Танаисъ, по словамъ Страбона, былъ самымъ значительнымъ торжищемъ для варваровъ послѣ Пантикапея: тамъ боспорскіе греки торговали съ кочевниками европейскими и азіатскими (то есть жившими на

ныхъ источниковъ наибольшую сумму извѣстій для древнѣйшей исторіи Боспора (кн. VII—XX 2, выдержки въ сборникѣ Латышева II стр. 473 и далѣе).

[1]) Точно мѣстоположеніе Танаиса не разслѣдовано и систематическихъ раскопокъ не произведено. На основаніи прежнихъ находокъ 1850 гг. мѣстомъ Танаиса считалась окрестность хут. Недвиговки на Мертвомъ Донцѣ. Съ другой стороны обращаетъ на себя вниманіе большое городище возлѣ ст. Елисаветской на устьѣ Дона. Съ 1908 г. производятся въ обоихъ пунктахъ систематическія раскопки и, вѣроятно, выяснятъ этотъ вопросъ. Въ Елисаветской ст. открыты слѣды города III в. до Хр. и многочисленные слѣды греческой культуры. См. докладъ Миллера въ Извѣстіяхъ XIV арх. съѣзда 136.

западъ и востокъ отъ Дона). Кромѣ торговли, тутъ на азовскомъ побережьи въ большихъ количествахъ ловилась и солилась рыба [1]). Въ концѣ I в. до Р. Хр. боспорскій царь Полемонъ совсѣмъ было разрушилъ Танаисъ за непокорность, но какъ видно изъ многочисленныхъ надписей, колонія эта возродилась и во II—III в. по Р. Хр. получила снова значительное развитіе. Другая важная торговая колонія, Фанагорія, по словамъ Страбона, была центромъ „азіатскихъ Босфорянъ“: сюда прибывали товары изъ кавказскихъ областей сухопутьемъ, въ то время какъ Пантикапей держалъ въ своихъ рукахъ морскую торговлю: въ немъ имѣлись доки на 30 кораблей [2]).

Кромѣ торговли и рыболовства Босфоряне занимались хозяйствомъ, имѣли виноградники и плодородныя нивы. Страбонъ превозноситъ плодородность почвы Ѳеодосіи и Пантикапея. Босфоръ располагалъ большими массами хлѣба, собирая ихъ съ собственныхъ хозяйствъ и при посредствѣ торговли съ сосѣдними варварами. Отъ Демосѳена узнаемъ, что въ срединѣ IV в. половина всего привозного хлѣба въ Аттику, около 400 тыс. медимновъ (приблизительно 400 т. гектолитровъ) шла изъ Босфора.[3]). Въ періоды дороговизны хлѣба въ Аѳинахъ въ IV и III в. босфорскіе Спартокиды неразъ посылали значительныя количества хлѣба въ качествѣ подарка: Страбонъ говоритъ, что Левконъ послалъ однажды изъ Ѳеодосіи Аѳинянамъ милліонъ гектолитровъ (2. 100.000 медимновъ): цифра, быть можетъ, и преувеличенная, но во всякомъ случаѣ даетъ понятіе о размѣрахъ хлѣбной торговли Босфора. По словамъ того же Страбона, хлѣбомъ же платилъ Босфоръ и часть своей дани Митридату: посылалъ 180.000 медимновъ хлѣба и 200 талантовъ деньгами[4]). А извѣстный уже намъ Пл. Сильванъ прославился между прочимъ и тѣмъ, что приведя крымскія области въ болѣе тѣсную зависимость отъ Рима,

---

[1]) Страбонъ VII. 46 і XI. 2. 4.

[2]) Страбонъ XI. 2. 10 і VII. 4. 4.

[3]) Противъ Лептина § 31—3.

[4]) Страбонъ VII, 4. 6, Демосѳенъ противъ Лептина § 33; относительно этого текста см. примѣчаніе Перро въ Revue historique 1877, IV, стр. 53: онъ полагаетъ, что это былъ подарокъ. См. еще рѣчь Исократа Τραπεζιτικός 57.

прислалъ „изъ этой провинціи большое количество пшеницы римскому народу [1])".

§ 43. Босфорское государство въ римскую эпоху. Во II столѣтіи до Р. Хр. Босфоръ, такъ же какъ и Херсонесъ, много терпѣлъ отъ сосѣднихъ варваровъ. Подобно Ольвіи онъ долженъ былъ откупаться отъ нихъ ежегодной данью, и когда Херсонесъ отдался подъ покровительство Митридата, его примѣру послѣдовалъ и послѣдній Спартокидъ Перизадъ, „не будучи въ состояніи ладить съ варварами, требовавшими все большей дани". Онъ сохранилъ свою власть подъ верховенствомъ Митридата; но вскорѣ погибъ вслѣдствіе возстанія своего воспитанника Савмака и его союзниковъ „Скиѳовъ" [2]). Послѣ этого Босфоръ перешолъ подъ непосредственную власть понтійскихъ царей, а послѣ паденія Митридата—подъ римскую протекцію. Въ римскія времена онъ представлялъ изъ себя вассальное государство, со своими царями, сначала изъ династіи Митридата (по женской линіи), а съ третьей четверти I в. послѣ Р. Хр. изъ какой-то, повидимому также варварской, династіи Рескупоридовъ (была ли это совершенно новая династія, или родственная предыдущей, собственно говоря неизвѣстно). Отношенія къ Риму напоминаютъ херсонесскія: римское правительство заботилось о Босфорѣ, когда и поскольку могло, держало здѣсь по временамъ свои гарнизоны, иногда даже флотъ, но оставляло довольно широкую автономію. При Неронѣ, какъ я упоминалъ, Римъ попытался было подчинить Босфоръ непосредственно своей власти, но это оказалось повидимому, непрактичнымъ, и автономія была ему возвращена, подъ управленіемъ старой династіи. Впрочемъ, отношенія и степень зависимости могли быть различны въ различное время. Исторія Босфорскаго царства въ римскую эпоху вообще очень мало извѣстно. Главнымъ источникомъ служатъ монеты и надписи: по нимъ династію босфорскихъ царей можно прослѣдить до первой половины IV в. Впродолженіе всего этого времени царство оставалось подъ покровительствомъ Рима —очевидно, само держалось этой протекціи даже въ тѣ времена, когда Римъ не могъ ни дать болѣе реальной помощи, ни защищать свое господство надъ этимъ вассальнымъ государствомъ. Само Босфорское государство переходило различныя фазы усиленія и

---

[1]) Corpus Inscr. Lat. XIV № 3608. [2]) Inscr. I № 185.

упадка. Мѣриломъ его силы и значенія въ цвѣтущіе моменты можетъ служить фрагментъ надписи изъ Танаиса[1]), конца II в. послѣ Р. Хр., гдѣ упоминается о побѣдахъ босфорскаго царя Савромата надъ Скиѳами и Сираками (на восточномъ берегу Меотиды), о присоединеніи земли Тавровъ и освобожденіи отъ пиратовъ моря въ Понтѣ и Виѳиніи.

О стремленіяхъ Босфорскаго государства овладѣть западнымъ побережьемъ, вмѣстѣ съ Херсонесомъ, я упоминалъ выше.

§ 44. Босфорскія колоніи въ эпоху византійскую. Послѣдній разъ Босфоръ упоминается, какъ принадлежащая Риму провинція, въ 366 г.[2]). Монеты босфорской династіи обрываются еще до того, на 340-хъ годахъ, и это заставляетъ предполагать какую-то катастрофу, —быть можетъ въ связи съ движеніемъ Готовъ на Крымъ. Впослѣдствіи овладѣли Босфоромъ Гунны и въ рукахъ гуннскихъ династовъ оставался онъ въ теченіи полутора столѣтія. Лишь въ VI в., при имп. Юстинѣ (518—527) Босфоръ снова вернулся подъ власть Византіи: здѣсь былъ помѣщенъ византійскій гарнизонъ, и старый Пантикапей вмѣстѣ съ другими крымскими городами укрѣпленъ снова[3]). Однако власть Византіи уже не была прочна: въ концѣ VII в. Пантикапей (Босфоръ) и Фанагорію, принявшую новое имя Таматархи (русская Тмутороканъ), видимъ въ рукахъ Хозаръ[4]). Въ ихъ владѣніи оставались они долго, приблизительно до половины X вѣка. Хозары сами разселились здѣсь по обѣимъ сторонамъ Босфорскаго пролива и въ восточномъ Крымѣ, и это обстоятельство приготовило интересное культурно-историческое явленіе — распространеніе между Хозарами юдаизма, проявлявшаго затѣмъ отсюда, изъ хозарскихъ поселеній, свои вліянія въ разныхъ направленіяхъ. Босфоръ издавна сталъ однимъ изъ очаговъ еврейской діаспоры (разсѣянія). Въ надписи 81 года послѣ Р. Хр. мы уже встрѣчаемся здѣсь съ общиною эллинизированныхъ Евреевъ и ихъ синагогою въ Пантикапеѣ[5]), а среди надгробныхъ надписей Бос-

---

[1]) Inscr. Ponti Eux. II № 423. [2]) Am. Marcellinus XXVI, 10. 6.
[3]) Malalas ed. Bonn. 431, Theophanes ed. de Boor I p. 175, Procopii de bello Persico I. 12, De b. G. IV, 5, De aedif. III. 7.
[4]) Nicephorus ed. de Boor. p. 40—1, Theophanes ed. de Boor, I, p. 373. [5]) Inscr. II, 53.

фора римской и позднѣйшей эпохи встрѣчаемъ довольно много слѣдовъ еврейскаго культа. Рядомъ съ чистымъ юдаизмомъ встрѣчаемъ въ различныхъ городахъ Босфорскаго царства слѣды общинъ свободныхъ монотеистовъ, почитателей „вышняго Бога“— явленіе вообще широко распространенное и по инымъ городамъ, гдѣ еврейскія общины вступали въ близкія отношенія съ языческимъ міромъ [1]). Впослѣдствіи юдаизмъ изъ Босфора настолько распространился среди Хозаръ, что сталъ прдворной религіею хозарскаго кагана и его двора [2]) и болѣе поздніе слѣды и проявленія юдаизма въ различныхъ областяхъ и моментахъ восточно-европейской жизни въ значительной степени связаны генетически съ этимъ босфорско-хозарскимъ іудействомъ (вплоть до „жидовствующихъ“ XV—XVI в.).

Отъ Хозаръ съ паденіе Хозарскаго государства Тмуторокань перешла подъ власть русскихъ князей; въ X в. они держали въ своихъ рукахъ, повидимому, и восточную часть Крыма. Затѣмъ въ XII в., при имп. Мануилѣ, мы видимъ Керченскій проливъ снова въ зависимости отъ Византіи, судя по ея договорамъ съ Генуею (1167—70). Въ концѣ XII в. (1190) Босфоръ во всякомъ случаѣ фактически принадлежалъ Византіи: Херсонскій дуксъ возобновлялъ здѣсь фортификаціи [3]).

§ 45. Черноморская торговля. Какъ видимъ, черноморскія колоніи жили очень тревожной жизнью, и приходится удивляться той стойкости, съ какой эти культурные оазисы держались въ такихъ опасныхъ позиціяхъ въ продолженіи цѣлаго тысячелѣтія, при очень незначительной или почти безъ всякой поддержки со стороны метрополіи и своихъ политическихъ союзереновъ.

Промышленность и торговля—вотъ тѣ силы, которыя привлекали греческихъ колонистовъ въ эти далекія края, соблазняли ихъ поселяться на чужбинѣ среди дикихъ и враждебныхъ на-

---

[1]) Schürer, Die Iuden im bosporanischen Reiche und die Genossenschaften der σεβόμενοι θεὸν ὕψιστον ebendaselbst—-Sitzungsb. berl. Ak. 1897.

[2]) Марквартъ (Osteuropäische Streifzuge с. 284 и сл.) указываетъ еще на возможность распространенія юдаизма въ Хозаріи инымн путями, изъ Арменіи.

[3]) Corpus Inscr. Graec. № 8740. О договорѣ съ Генуею см. т. IV гл. III нашей Історії України.

родовъ, поощряли держаться здѣсь въ теченіи цѣлыхъ столѣтій среди всякихъ неудобствъ и опасностей, въ виду преобладающихъ вражескихъ силъ дѣйствовать то оружіемъ, то дипломатіею, то деньгами, и дѣйствительно—давали возможность этимъ оторваннымъ и разбросаннымъ среди варварскаго моря островкамъ держаться подъ натискомъ варваровъ въ продолженіи цѣлаго тысячелѣтія.

Предполагаютъ, что первой приманкой для заморскихъ торговцевъ, привлекавшей ихъ къ нашимъ берегамъ, была торговля янтаремъ; догадка эта остается не провѣреной гипотезой, и во всякомъ случаѣ позднѣйшія греческія колоніи сѣвернаго черноморскаго побережья имѣли цѣлью болѣе насущные предметы. Въ широкихъ размѣрахъ эксплоатировали онѣ богатые, неистощенные еще естественные запасы сырья и еще въ болѣе широкихъ—обмѣнивали на предметы греческой культуры сырые продукты у сосѣднихъ народовъ и посылали ихъ, съ большой, конечно, выгодою для себя, въ греческія страны. Краткую, но исчерпывающую характеристику понтійской торговли даетъ Полибій въ своемъ разсказѣ о старой Византіи: „изъ припонтійскихъ странъ идетъ къ намъ скотъ и большія массы рабовъ, при томъ рабовъ безусловно наилучшихъ, а изъ съѣстныхъ припасовъ доставляютъ они медъ, воскъ, соленую рыбу въ большемъ количествѣ; изъ продуктовъ, которыми богаты наши края, получаютъ онѣ всякаго рода вино, а хлѣбомъ обмѣниваются, то присылая, то получая отъ насъ“. Дополненіемъ этой характеристики можетъ служить разсказъ Страбона о босфорской торговлѣ въ Танаисѣ: „кочевники привозили сюда невольниковъ, шкуры и разные продукты кочевого хозяйства, Босфоряне взамѣнъ этого— одежду, вино и иные предметы культурнаго быта“. Или еще такое мѣсто изъ одной рѣчи Демосѳена: корабль изъ Пантикапея везъ въ Ѳеодосію шерсть, нѣсколько корчагъ съ соленой рыбой и козьи шкуры [1]).

Хлѣбъ и рыбу—два главныхъ предмета древне-греческаго потребленія черноморскіе, Греки добывали и вывозили въ очень большихъ количествахъ. Я уже упоминалъ, что въ VI в. босфорскій хлѣбъ считали на половину всего ввоза Аттики. Разумѣется, во время смутъ или неурожаевъ могъ случаться недостатокъ въ

[1]) Полибій IV. 38, Страбонъ XI. 2. 3. Демосѳенъ противъ Лакрита § 34. Литературу понтійской торговли см. въ примѣчаніяхъ (1).

хлѣбѣ и въ черноморскихъ колоніяхъ: нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. Херсонесъ, едва-ли и сѣяли хлѣбъ въ достаточномъ для своего пропитанія количествѣ. Это вѣроятно и имѣетъ въ виду Полибій, когда говоритъ, что хлѣбъ иногда вывозился изъ колоній, а иной разъ ввозился. Но въ общемъ хлѣбъ у черноморскихъ Грековъ былъ предметомъ вывоза. О рыбномъ промыслѣ есть довольно много извѣстій. Рыба вялилась и сушилась въ черноморскихъ факторіяхъ и въ такомъ видѣ высылалась въ Грецію. Въ значительной степени и земледѣліе и рыболовство были въ рукахъ Грековъ, но не исключительно: эти продукты шли и отъ туземнаго населенія.

§ 46. Вліяніе греческой черноморской торговли на культуру материка. Участіе туземнаго населенія Восточной Европы въ торговлѣ греческихъ колоній для насъ особенно интересно. Геродотъ, какъ увидимъ ниже, вполнѣ опредѣленно говоритъ о Скиѳахъ, сѣющихъ хлѣбъ на продажу. О хлѣбопашествѣ у различныхъ сарматскихъ народовъ, въ особенности по Дунаю и у Меотиды, упоминаетъ Страбонъ. Онъ же разсказываетъ о рыболовствѣ Меотовъ, которые занимались нимъ на азовскомъ побережьѣ наряду съ Греками, по всей вѣроятности также на продажу [1]). Возможно, что и болѣе отдаленные народы, среди нихъ даже Славяне, могли принимать участіе въ этой торговлѣ, чрезъ посредство сосѣдей. Относительно торговли медомъ, воскомъ, кожами и рабами можно сказать довольно увѣренно, что въ ней принимали участіе и Славяне: эти продукты должны были собираться въ греческіе города съ громадныхъ пространствъ восточной Европы, и это именно тѣ товары, которые выступаютъ позже спеціально въ русской торговлѣ, въ качествѣ восточно-европейскихъ товаровъ, посылавшихся въ греческіе города въ обмѣнъ на предметы греческой торговли. Кромѣ того, черезъ славянскія земли могла итти транзитная торговля нѣкоторыми продуктами, напр. янтаремъ, сѣверными мѣхами и рабами. Всѣ эти предметы могли привозиться въ греческія колоніи самими варварами, могли вывозиться изъ ихъ странъ и греческими агентами и купцами. Геродотъ упоминаетъ о греческой факторіи Гелонъ въ землѣ Будиновъ, описываетъ караванную торговлю черезъ Уралъ въ центральную Азію, сообщаетъ извѣстія о плаваніи

[1]) Геродотъ IV. 17, Страбонъ VII. 3. 17, XI. 2. 1 и 4.

по Днѣпру[1]). О судоходствѣ по Днѣпру упоминаетъ такъ наз. Скимнъ. Все это указываетъ на то, что греческіе купцы не ограничивались торговлей на побережьи.

Со стороны Грековъ въ качествѣ предметовъ ввоза упоминается вино, оливковое масло, различныя матеріи и другіе предметы промышленности и греческаго искусства. Виноградъ, какъ я упоминалъ, культивировался Греками въ Крыму и по Днѣстру (въ Тирѣ); слѣды культуры оливы сохранились кое-гдѣ въ Крыму. Но этого мѣстнаго производства не хватало и для себя, не только для торговли. Ввозъ вина изъ острововъ Средиземнаго моря, особенно изъ Родоса, Тазоса, Книда, оставилъ богатые слѣдые въ видѣ ручекъ отъ амфоръ съ надписями и марками, въ мѣстахъ черноморскихъ колоній. По словамъ Демосѳена, вино въ Понтъ везли еще изъ Пепареѳа, Коса (Κῶς), Менды и иныхъ городовъ[2]). Вино это въ значительномъ количествѣ шло далѣе на сѣверъ; Скиѳы, напр., славились, какъ большіе пьяницы. Въ связи съ этимъ находилось, можетъ быть, и перенесеніе типа глиняной амфоры въ области средняго Поднѣпровья, гдѣ такая глиняная посуда, иногда весьма большихъ размѣровъ, встрѣчается довольно часто и независимо отъ греческаго ввоза. О вывозѣ греческаго вина и масла свидѣтельствуетъ также широкое распространеніе греческой посуды на черноморскомъ побережьѣ и далѣе вглубь материка.

О широкой распространенности греческой керамики въ странахъ даже весьма отдаленныхъ—какъ южная Кіевщина, я уже упоминалъ. Древнѣйшія изъ здѣшнихъ находокъ доходятъ до VII—VI в., но въ наибольшемъ количествѣ выступаетъ главнымъ образомъ посуда черполаковая, съ красными фигурами IV—III в. Такія находки посуды, и артистической работы, и болѣе обыденной, въ южной Кіевщинѣ насчитываются десятками[3]). Ювелирныя

---

[1]) Геродотъ IV. 22—7, 53, 109.

[2]) Противъ Лакрита § 35. Ручки амфоръ описывались Беккеромъ и Юргевичемъ въ рядѣ статей—Mélanges Gréco-Romaines I, Записки одесскаго историческаго об-ва V, VII, XI, XV, XVIII, XXI, XXII, также въ Извѣстіяхъ ар. ком. III; собраніе ихъ марокъ имѣетъ войти въ III т. Inscr. Ponti Euxini.

[3]) Объ этихъ керамическихъ находкахъ статья фонъ-Штерна: Къ вопросу о воздѣйствіи античной культуры на области, располо-

греческія издѣлія, особенно богатыя въ степной полосѣ, также заходятъ въ южную Кіевщину и Подолію [1]). Еще далѣе простираются монетныя находки, которыя могутъ указывать если не на прямыя сношенія съ черноморскими городами и Подунавьемъ, то на торговлю веденную съ ними при посредствѣ южныхъ и западныхъ сосѣдей. Эти находки заходятъ глубоко въ лѣсной поясъ, но относятся преимущественно къ болѣе позднему времени, I—III в. послѣ Р. Хр., изрѣдка къ IV—I в. до Р. Хр. [2]).

Особенно сильны, разумѣется, были вліянія греческой культуры на степное населеніе прибрежныхъ областей. Если съ одной стороны видимъ, что греческіе мастера колоній, а вѣроятно (судя по высокому изяществу нѣкоторыхъ издѣлій), и столичныя мастерскія приспособлялись въ своихъ издѣліяхъ ко вкусамъ и требованіямъ варварскаго населенія, работая на продажу или на заказъ,—то съ другой стороны видимъ, какъ мотивы греческаго искусства, греческаго ремесла переходили въ искусство варварское, какъ проникается греческими издѣліями вся обстановка степного вождя. Ужъ одинъ этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о высокой степени вліянія греческой культуры на туземное населеніе нашихъ областей. Но и въ историческихъ источникахъ находимъ указанія на это: таково вышеупомянутое извѣстіе Геродота объ эллинизированномъ населеніи Каллипидовъ въ окрестностяхъ Ольвіи. О смѣшанномъ, или эллинизированномъ варварскомъ населеніи—Μιξέλληνες въ окрестностяхъ Ольвіи въ позднѣйшее время упоминаетъ декретъ Протогена. Страбонъ констатируетъ, что Меоты живщіе ближе къ Босфору (слѣдовательно болѣе близкіе къ греческимъ вліяніямъ) отличаются большею культурностью по сравненію со своими сѣверными земляками [3]). О варварской примѣси среди населенія самихъ колоній я также уже упоминалъ выше: она возростаетъ особенно въ римскія времена, но и въ болѣе раннюю эпоху варварскіе элементы не были рѣдкостью [4]).

женныя внѣ района древнихъ поселеній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря, въ Одесскихъ Запискахъ, т. XXIII, 1901, а также цитированная на стр. 93 статья: Значеніе керамическихъ находокъ.

[1]) См. выше, стр. 51. [2]) См. ниже—гл. IV.

[3]) Inscr. Ponti Eux I № 16, Страбонъ XI. 2. 4.

[4]) Къ упомянутому выше можно добавить еще каталогъ побѣдителей на публичныхъ играхъ въ Горгиппіи, приблизительно

Съ меньшею силою, въ ослабленныхъ формахъ, эти культурныя влiянiя проникали и въ области, занятыя славянскою колонизацiею, или сосѣднiя съ нею, какъ явственно указываютъ намъ археологическiя находки. Несомнѣнно они не оставались безъ слѣда въ развитiи матерiальной культуры здѣшняго населенiя: широкая распространенность греческой керамики и ювелирныхъ издѣлiй въ указанныхъ областяхъ можетъ ручаться намъ за это [1]).

§ 47. Древнѣйшiя извѣстiя о населенiи степей. Киммерiйцы. Въ связи съ извѣстiями о жизни греческихъ колонiй на Черноморьѣ узнаемъ изъ античной традицiи кое-что и о болѣе отдаленныхъ, степныхъ областяхъ нашей территорiи, отъ начала историческихъ извѣстiй въ продолженiе тысячелѣтiя занятыхъ полукочевымъ —полуосѣдлымъ варварскимъ населенiемъ, зловѣщей тучею висѣвшимъ надъ греческой жизнью Черноморья. Къ этимъ извѣстiямъ теперь переходимъ.

Древнѣйшее извѣстiе о черноморскомъ кочевомъ населенiи находимъ мы въ Илiадѣ, однако въ одной изъ частей не принадлежащихъ къ древнѣйшему составу эпоса, и въ весьма общей формѣ: изображается здѣсь Зевсъ глядящiй „далеко на землю славныхъ ѣздоковъ Ѳракiйцевъ, Мизiйцевъ сильныхъ въ рукопашномъ бою и славныхъ кобылодоителей, питающихся молокомъ, бѣдныхъ и самыхъ справедливыхъ между людьми“ [2]). Позднѣйшiе писатели сдѣлали изъ этихъ гомеровскихъ эпитетовъ названiя народовъ (Ἱππημολγοί, Ἄβιοι, Γαλακτοφάγοι). Но уже Страбонъ понималъ, что тутъ идетъ рѣчь о черноморскихъ кочевни-

---

III в. до Р. Хр., гдѣ среди преобладающей массы греческихъ именъ встрѣчаемъ „Скиѳовъ“, „Синдовъ“ или сыновей, прозываемыхъ такъ по имени отца. Inscr. P. E. IV № 432.

[1]) Соболевскiй Věstnik sl. star. IV, стр 192, Липовскiй—Труды XII съѣзда, т. III указываютъ на полное отсутствiе въ славянскихъ языкахъ заимствованiй изъ греческаго языка этой эпохи, какъ на доказательство, что Славяне въ то время не сталкивались съ Греками непосредственно. Но это подтверждало бы лишь, что торговля и влiянiя были посредственныя, чрезъ степныя племена.

[2]) νόσφιν ἐφ' ἱπποπόλων Θρῃκῶν καθορώμενος αἶαν
Μυσῶν τ' ἀγχεμάχων καὶ ἀγαυῶν ἱππημολγῶν
γλακτοφάγων ἀβίων τε δικαιοτάτων τ' ἀνθρώπων—XIII. 6.

кахъ. Гезіодъ знаетъ уже и имя ихъ—Скиѳы, и прилагаетъ къ нимъ тотъ же гомеровскій эпитетъ кобылодоителей: Σκύθαι ἱππημολγοί [1]).

Больше разсказывалъ о тѣхъ краяхъ поэтъ VII в. Аристей изъ Проконеса, авторъ Аримаспейской поэмы (Ἀριμάσπεα), посвященной спеціально сѣверо-восточнымъ странамъ. Его географическія свѣдѣнія, вплетенныя въ эту поэму, не пользовались доброй славой въ античной литературѣ, вѣроятно благодаря своеобразной поэтической формѣ, а также и недоступности ихъ для провѣрки позднѣйшихъ писателей. Страбонъ просто называетъ Аристея лжецомъ [2]). Но въ современной научной литературѣ высказывались догадки, что Аристей со скиѳскими караванами дѣйствительно могъ побывать въ средней Азіи и тамъ собрать свои свѣдѣнія [3]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, исключивъ поэтическія прикрасы, его извѣстія дѣйствительно имѣютъ всѣ признаки вѣроятія. Во всякомъ случаѣ его поэма на долгое время стала источникомъ извѣстій о дальнемъ сѣверовостокѣ. Его свѣдѣніями пользовался и Геродотъ, сохранивъ наиболѣе извѣстій изъ этой утраченной для насъ поэмы.

§ 48. Извѣстія Геродота и малоазіатскихъ источниковъ о Киммерійцахъ. Геродотъ въ срединѣ V в. побывалъ въ Ольвіи самъ лично, какъ можно судить изъ его разсказа [4]). На основаніи собственныхъ наблюденій на мѣстѣ онъ дополнилъ свои литературныя свѣденія и на всѣ позднѣйшія времена сдѣлался главнымъ источникомъ свѣдѣній о степномъ населеніи нашего края. Его не правдоподобныя извѣстія, вызвавшія осужденіе уже въ ан-

---

[1]) Это упоминаніе въ текстѣ Гезіода нѣкоторые датируютъ также гораздо болѣе позднимъ временемъ, чѣмъ VIII в.—См. Müllenhof, Deutsche Altertumskunde III с. 22.

[2]) XIII. 1. 16.

[3]) См. спеціальныя изслѣдованія Турнье (Tournier De Aristea Proconesio, 1863) и Томашека (W. Tomaschek—Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden. I. Über das Arimaspische Gedicht des Aristeas—Sitzungsberichte der Wiener Akademie т. 116. стр. 478). Другіе, скептически принимая извѣстія Аристея, и самое время его подвигаютъ впередъ—на VI в.

[4]) Объ этомъ спеціальная статья Мищенка — К. Старина, 1886, VI.

тичной литературѣ, такъ что Плутархъ написалъ даже специальный трактатъ о недостовѣрности Геродота,—въ новѣйшее время, чѣмъ далѣе всѣ больше, находятъ себѣ подтвержденія, и въ настоящее время въ научной литературѣ достовѣрность Геродота не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію тамъ, гдѣ онъ разсказываетъ, какъ свидѣтель. Иное дѣло тамъ, гдѣ разсказываетъ онъ съ чужихъ словъ: эти разсказы весьма неравнаго достоинства [1]).

На основѣ слышанныхъ легендъ пытается Геродотъ разсказать кое-что и о древнѣйшей, до-скиѳской колонизаціи черноморскихъ областей. Говоритъ, что области эти впервые заняты были Киммерійцами, и Скиѳы вытѣснили ихъ оттуда. Ссылается на указанія о Киммерійцахъ въ мѣстныхъ топографическихъ названіяхъ, на существованіе Киммерійскаго Босфора (Керченскій проливъ), Киммерійскихъ бродовъ, Киммерійскихъ стѣнъ, на могилу киммерійскихъ царей на Днѣстрѣ. Но свѣдѣнія его объ этомъ народѣ крайне бѣдны, и онъ ему самому представляется, повидимому, въ такомъ же „киммерійскомъ туманѣ“, какой въ Одиссеѣ окутываетъ царство этого полумиѳическаго народа:

Тамъ Киммеріанъ печальная область, покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являетъ
Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліос, землю ль
Онъ покидаетъ, всходя на звѣздами обильное небо,
Съ неба ль звѣздами обильнаго сходитъ, къ землѣ обращаясь [2]);
Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ.

это и неудивительно, такъ какъ сами греческіе колонисты, когда начали устраиваться на Черноморьи, этого доскиѳскаго населенія, по всей вѣроятности, уже не застали.

Имя Киммерійцевъ хорошо извѣстно изъ малоазіатскихъ источниковъ (еврейское Gomer, армянское Gamir, въ ассирійскихъ надписяхъ Gimirri) [3]). Въ греческихъ источникахъ находимъ из-

---

[1]) Геродотъ IV 11—3. Литература Геродотовыхъ извѣстій о Скиѳіи въ примѣчаніяхъ (2).

[2]) Одиссея XI, 14 (пер. В. Жуковскаго). Въ литературѣ расходятся во взглядахъ, считать ли Гомеровыхъ Киммерійцевъ этнографическимъ понятіемъ или просто поэтическимъ образомъ туманнаго царства. Ср. Bury The Homeric and the historic Kimmerians (Klio, 1906).

[3]) Это же имя усматриваютъ въ осетинскомъ гумирита=великанъ, грузинскомъ gmiri=герой, лазскомъ gomóri=смѣлый

вѣстіе о нападеніяхъ Киммерійцевъ вмѣстѣ съ ѳракійскими дружинами въ VIII—VII в. на греческія владѣнія на малоазіатскомъ берегу. Но именно эта широкая распространенность имени вызываетъ подозрѣніе, не имѣемъ ли здѣсь какого либо общаго названія, скорѣе географическаго, чѣмъ этнографическаго (подобно тому, какъ позже случилось со Скиѳами). Въ такомъ общемъ, не этнографическомъ значеніи это имя Греками, или быть можетъ, еще ихъ предшественниками въ черноморской торговлѣ (Финикіянами либо Карійцами) могло быть перенесено на Черноморье для обозначенія здѣшняго до-скиѳскаго населенія[1]). На имя слѣдовательно нѣтъ основанія особенно полагаться. Оно обозначаетъ степное населеніе до прихода Скиѳовъ въ черноморскія степи,—населеніе, которое могло различно называться и принадлежать къ различнымъ племенамъ. Поэтому отгадывать, къ какому именно племени принадлежали Киммерійцы,—праздныя усилія, по крайней мѣрѣ при теперешнемъ состояніи нашихъ свѣдѣній[2]).

(В. Миллеръ, Черты старины въ пред. Осетинъ, стр. 199, Томашекъ, Kritik der ältesten Nachrichten, стр. 64).

[1]) Мюлленгофъ пошелъ еще далѣе и вообще отрицалъ существованіе на нашемъ Черноморьѣ какого-либо киммерійскаго населенія (даже въ вышеупомянутомъ значеніи—вообще до-скиѳской колонизаціи). Онъ видѣлъ здѣсь комбинацію Аристея и другихъ, вытѣсненіемъ Киммерійцевъ съ сѣвернаго побережья Чернаго моря въ Малую Азію объяснявшихъ приходъ ихъ сюда и вмѣстѣ съ тѣмъ перенесшихъ на югъ отъ Каспійскаго моря борьбу Скиѳовъ (Саковъ) съ Массагетами, которая въ дѣйствительности имѣла мѣсто на сѣверъ отъ Каспія,—такъ по его мнѣнію создалась исторія прихода Скиѳовъ въ наши степи (Deutsche Altertumsk. II с. 26). Противъ такого гиперкритицизма можно указать, во-первыхъ на то, что мы не имѣемъ никакихъ причинъ считать Скиѳовъ автохтонами въ противность греческимъ извѣстіямъ, во вторыхъ, что нѣтъ поводовъ полагать, будто бы орда Массагетовъ не могла вызвать миграціи иранскаго населенія и въ Европѣ и въ Азіи, на сѣверъ и югъ отъ Чернаго моря.

[2]) Чаще всего считаютъ ихъ Ѳракійцами—такъ думалъ еще Аделунгъ Mithridates II, 163, изъ новѣйшей литературы см. Томашека, Ueber das Arimaspische Gedicht, стр. 776—7; Lehmann, Verhandlungen des XIII Orientalischen Kongresses; Kossina, Zeitschrift für Ethnologie, 1902 стр. 210; Hubert Schmidt op. c., ibid. 1904 с. 632. Иранцами считалъ ихъ изъ новѣйшихъ ученыхъ напр. Бремеръ (ор. с. стр. 754). Шрадеръ недавно выступилъ съ тюрко-татар-

§ 49. Движеніе Скиѳовъ. Киммерійцевъ въ греческой традиціи смѣняютъ Скиѳы. Греческіе писатели изображаютъ этихъ послѣднихъ пришельцами съ востока. Геродотъ говоритъ, что Скиѳовъ вытѣснили изъ-за Аракса (т. е. Яксарта. теперь Сыръ-Дарьи) соплеменники ихъ Массагеты, и добавляетъ, что такъ разсказываютъ и Греки и сами Скиѳы, но Аристей де давалъ еще болѣе широкое объясненіе этому движенію, связывая его съ движеніями въ средней Азіи: Аримаспы потѣснили Исседоновъ, Исседоны Скиѳовъ [1]). Такое объясненіе скиѳской миграціи вполнѣ допустимо: въ немъ могъ отразиться дѣйствительный этническій переворотъ въ Центральной Азіи. Придерживаясь теоріи европейской прародины Индоевропейцевъ, эту миграцію слѣдуетъ считать обратнымъ движеніемъ кочевыхъ Иранцевъ на западъ, вызваннымъ пертурбаціями въ центральной Азіи [2]).

Что касается времени этого движенія, то по соображеніямъ Геродота, оно должно было совершиться около второй половины VIII или въ началѣ VII вѣка, но эта датировка его основана на фантастическомъ объясненіи набѣга Скиѳовъ на Малую Азію: Скиѳы якобы гнались за Киммерійцами, которые пришли въ Малую Азію, будучи вытѣснены Скиѳами изъ Черноморья, въ половинѣ VII в. [3]). Такимъ образомъ его датировка не имѣетъ значенія.

скою теоріею происхожденія Киммерійцевъ (Sprachvergleichung³ II стр. 529); онъ обратилъ вниманіе на древнее подраздѣленіе Тюрко-татаръ на кочевыхъ и осѣдлыхъ, jürük и ćomru, и видитъ здѣсь Геродотовскихъ Іурковъ и Киммеріевъ; примѣсью Киммерійцевъ объясняетъ онъ тюрко-татарскія особенности скиѳскаго быта. За то Эд. Мейеръ указываетъ интересный фактъ, что въ вавилонскихъ надписяхъ персидское Saka, Саки (другая форма имени Скиѳовъ) передается черезъ Gimiri. Что въ русской археологіи совершенно условно принято неолитическую культуру называть киммерійскою, я уже упоминалъ (см. стр. 34). Киммерійское населеніе Черноморскаго побережья во время скиѳскаго разселенія жило во всякомъ случаѣ не въ неолитической культурѣ,—скиѳское переселеніе отъ „киммерійскаго“ похороннаго типа отдѣляетъ, быть можетъ, цѣлое тысячелѣтіе. [2]) Городотъ IV 12—3

[1]) Изъ скиѳской генеалогіи, приводимой Геродотомъ (IV, 5), вытекало бы однако, что сами Скиѳы считали себя автохтонами (производили себя отъ дочери Борисѳена).

[3]) Разсказъ Геродота о погонѣ Скиѳовъ изъ Европы за Киммерійцами является, конечно, комбинаціею ученыхъ Грековъ. Его

Въ дѣйствительности Скиѳы могли появится раньше, а разселеніи ихъ могло тянуться долгое время. Но очень возможно и то, что Геродотъ попалъ на истинную дату, и натискъ восточныхъ Иранцевъ на своихъ западныхъ земляковъ приблизительно въ одно и тоже время далъ себя почувствовать и въ Европѣ и въ Азіи: однѣ скиѳскія орды подъ этимъ натискомъ двинулись въ наши степи, иныя—извѣстныя подъ именемъ Саковъ въ Малую Азію. Точно также и позже, въ II в., видимъ снова одновременный наплывъ иранскихъ ордъ въ нашихъ степяхъ и въ Азіи.

Но принимая такое движеніе Скиѳ ской орды изъ передней Азіи, не слѣдуетъ понимать его такъ, что оно дало степямъ совершенно новое населеніе. Появилась лишь новая верховная орда, которая покрыла своимъ именемъ прежнее степное населеніе, и даже могла принять въ свою среду нѣкоторые элементы этого прежняго населенія. И если эта верховная и иныя орды были иранскими, то это еще не исключаетъ присутствія въ степяхъ въ то же самое время населенія иныхъ народностей, жившихъ здѣсь раньше Скиѳовъ. Здѣсь могли быть остатки иранскаго кочевого населенія прежняго передвиженія, остатки ѳракійской и Богъ вѣсть какой еще колонизаціи. Подобное явленіе наблюдаемъ и позже въ нашихъ степяхъ, когда со смѣной верховной орды степное населеніе получаетъ новое имя, между тѣмъ какъ составъ его вовсе не измѣняется такъ ради кально.

§ 50. Скиѳія Геродота. Вотъ какъ изображается черноморское степное населеніе у Геродота послѣ Скиѳскаго движенія [1]). На

исправляютъ различнымъ образомъ—что Киммерійцы дѣйствительно пришли въ Малую Азію, вытѣсненные Скиѳами, только не черезъ Кавказъ, какъ у Геродота, а черезъ балканскія земли, и тамъ присоединились къ нимъ ихъ товарищи по малоазіатскимъ походамъ Ѳракійцы, или будто бы Киммерійцы изъ нашихъ краевъ нападали на малоазіатскія земли. Но всѣ эти поправки не могутъ спасти этого фантастическаго разсказа Геродота.

[1]) Точное размѣщеніе перечисленныхъ Геродотомъ народовъ на современой картѣ встрѣчаетъ мѣстами непреодолимыя затрудненія, потому что нѣкоторыхъ рѣкъ, названныхъ у него, никакъ нельзя отгадать; объ этомъ много писалось, но безъ осязательныхъ результатовъ; напр. неизвѣстно, былъ ли Пантикапъ на правой или на лѣвой сторонѣ Днѣпра (одни видятъ въ немъ Ингулецъ, другіе Конку). Герръ представлялъ себѣ Геродотъ вытекающимъ

востокъ отъ Танаиса (Дона) живутъ Савроматы, народъ родственный Скиѳамъ, но особый отъ нихъ. На западъ отъ Танаиса живетъ скиѳскій народъ, раздѣляющійся на четыре племени: между Танаисомъ и Герромъ (неизвѣстною рѣкою къ востоку отъ Днѣпра) живутъ „Царскіе Скиѳы", Βασιλήιοι, „самые сильные и многочисленные Скиѳы, считающіе остальныхъ Скиѳовъ своими рабами" [1]). Между Герромъ и Пантикапомъ на разстояніи 14 дней пути (на лѣвомъ берегу Днѣпра) живутъ „Скиѳы кочевники", „которые ничего не сѣютъ и не пашутъ". Между Пантикапомъ и Гипанисомъ (Бугомъ), по обѣимъ сторонамъ Днѣпра живутъ „Скиѳы-земледѣльцы" (Γεωργοί); ихъ поселенія тянутся съ запада на востокъ на три дня пути, а на сѣверъ ихъ страна простирается на 10—11 дней плаванія Борисѳеномъ (Днѣпромъ). На верхнемъ Бугѣ (въ дѣйствительности, вѣроятно, на среднемъ, потому что свѣдѣнія Геродота объ этой рѣки не доходили до ея верховья) [2]). обитаютъ „Скиѳы-Пахари" (Ἀροτῆρες), „сѣющіе хлѣбъ не для своего употребленія, а для продажи"

Кромѣ этихъ четырехъ народовъ, составляющихъ Скиѳскій народъ въ тѣсномъ значеніи слова, Геродотъ причисляетъ къ Скиѳамъ племена Алазоновъ, южныхъ сосѣдей Скиѳовъ паха-

---

изъ Днѣпра, гдѣ-то ниже пороговъ, и впадающимъ въ р. Гипакиръ, которая впадала въ Черное море. Но во всякомъ случаѣ изъ разсказа Геродота совершенно ясно выступаетъ, что Скиѳы—земледѣльцы обитали по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, и Пантикапъ долженъ находиться на лѣвой сторонѣ (IV. 18 и 53).

[1]) Вмѣсто Βασιλήιοι проэктировали читать Βαρσιλήιοι и связывали это съ Барсиліями, (ср. Βερζιλία). извѣстными намъ въ гунн. ско-хозарское время; но и поправка рискованная, и эта связь, при общемъ движеніи Скиѳовъ на западъ, мало вѣроятна.

[2]) Уже въ виду того, что извѣстія о Днѣпрѣ у Геродота не идутъ далѣе пороговъ (или собственно говоря и до нихъ не доходятъ), приходится сомнѣваться, зналъ ли онъ дѣйствительное начало Буга. Не считалъ ли онъ началомъ то мѣсто, до котораго Бугъ былъ судоходенъ, или не принималъ ли за это начало какого либо изъ притоковъ Буга? Дѣйствительно, у Геродота Бугъ имѣетъ всего девять дней пути, въ то время какъ по Днѣпру до пороговъ насчитываетъ онъ 14 дней. Свѣдѣнія Геродота о верховьяхъ Буга и Днѣстра очень сбивчивы и неточны: очевидно, верховье Днѣстра представлялъ онъ себѣ прямо на сѣверъ противъ его устья, къ сѣверу отъ верховья Буга (IV. 51—52).

рей, на среднемъ Бугѣ, и эллинизированныхъ Скиѳовъ Каллипидовъ[1]) на нижнемъ Бугѣ. Они отличаются отъ остальныхъ (то есть кочевыхъ) тѣмъ, что сѣютъ и употребляютъ въ пищу хлѣбъ и огородныя растенія, а въ прочемъ имѣютъ скиѳскіе обычаи. Эти Каллипиды аналогичны съ Μιξέλληνες ольвійскаго декрета Протогена, жившими въ окрестностяхъ Ольвіи.

На западѣ скиѳская территорія простиралась до Дуная (Истра)[2]). Правда, у Геродота о всемъ пространствѣ къ западу отъ Буга нѣтъ положительно никакихъ извѣстій, но тамъ должно было находиться скиѳское населеніе, такъ какъ придунайская территорія называлась „старою Скиѳіей". На сѣверѣ живутъ уже народы нескиѳскіе: Невры на сѣверѣ отъ Днѣстра и Буга, Людоѣды (Ἀνδροφάγοι) и Черноризцы (Μελάγχλαινοι) далѣе на востокъ отъ нихъ. Въ Крыму также сохранилось прежнее, до-скиѳское населеніе (Тавры)—главнымъ образомъ въ горахъ, между тѣмъ какъ степную часть полуострова занимали Скиѳы.

Кромѣ указаннаго территоріально-культурнаго дѣленія Скиѳовъ, Геродотъ знаетъ еще генеалогическое. Отъ трехъ сыновей перваго человѣка Таргитая, родившагося отъ Зевса и дочери Борисѳена,—Липоксая, Арпоксая и Колаксая, произошли скиѳскіе роды Авхатовъ, Катіаровъ и Траспіевъ съ Паралатами; при этомъ родъ младшаго—Паралаты считался старшею династіею[3]). Повидимому легенда эта относилась къ племени царскихъ Скиѳовъ и дѣленію его на колѣна: имена этихъ племенъ у Геродота болѣе не выступаютъ, лишь позже встрѣчаемъ подобныя названія народовъ[4]).

---

[1]) Геродотъ VI, 17—21, 100—1.

[2]) Καλλιππίδαι ἐόντες Ἕλληνες Σκύθαι—IV 17. У такъ наз. Скимна (цитирующаго въ этомъ мѣстѣ Эфора, IV в.) вмѣсто того упоминаются Карпиды, благодаря чему нѣкоторые связываютъ этотъ народъ съ карпатскими Карпами, но, очевидно, это только ошибка Эфора въ передачѣ извѣстія Геродота.

[3]) Маркварть Untersuch. zur Gesch. Erans, II, недавно далъ толкованіе этого имени въ смыслѣ „перворорідныхъ".

[4]) Авхеты (Auchetae, Euchetae) и Котіеры у Плинія, I. V. 7. 17, который при этомъ ссылается на полководца III в. Демодама; но выступаютъ они на далекомъ востокѣ: Нейманнъ (108—9) и Мюлленгофъ (III, стр. 23) считали ихъ Скиѳами, оставшимися на своихъ первоначальныхъ кочевьяхъ. Другіе Авхеты (IV. 12) выступаютъ около Гипаниса.

§ 51. Національность Скиѳовъ. Названіе Скиѳовъ обнимаетъ у Геродота всѣ народы, подвластные „Царской“ ордѣ. Ужь это одно наводитъ на мысль, что нѣкоторые изъ подвластныхъ народовъ причислялись къ Скиѳамъ на основаніи ихъ политической, а не этнографической принадлежности. Названіе Скиѳовъ имѣло этнографическое значеніе только по отношенію къ главной ордѣ (поэтому Геродотъ говоритъ о языкѣ и обычаяхъ скиѳскихъ), а затѣмъ употреблялось въ политическомъ значеніи—о населеніи подвластномъ Скиѳамъ. При этомъ Геродотъ замѣчаетъ, что сами Скиѳы называютъ себя Сколотами, по имени царя, Скиѳами же ихъ зовутъ Греки. Въ дѣйствительности же это двѣ формы одного и того же имени[1]). У Персовъ Скиѳы фигурировали подъ общимъ названіемъ Саковъ: черноморскіе Скиѳы въ надписи гробницы Дарія называются „заморскими Саками“.

Относительно національности Скиѳовъ Геродотъ даетъ лишь нѣкоторыя указанія. Онъ говоритъ, что Савроматы говорятъ на языкѣ скиѳскомъ, съ нѣкоторыми отличіями, и родственны имъ (по легендѣ ихъ родили Амазонки отъ Скиѳовъ). Отмѣчаетъ также нѣкоторое сходство Скиѳовъ съ Массагетами и говоритъ, что другіе причисляютъ Массагетовъ къ Скиѳамъ[2]). Позднѣйшіе писатели отъ черноморскихъ Скиѳовъ производятъ Пароянъ[3]), а Амміанъ, источникъ, правда, совсѣмъ поздній, но опирающійся повидимому на болѣе ранней традиціи, называетъ Персовъ одноплеменниками Скиѳовъ[4]). Въ новѣйшей научной литературѣ объ этомъ много писали и спорили, причисляли Скиѳовъ и къ монгольской или вообще сѣверной, уралоалтійской семьѣ, видѣли въ нихъ и Славянъ и Германцевъ, наконецъ—смѣсь арійскихъ и монгольскихъ элементовъ. На наблюденія надъ языкомъ Скиѳовъ и родственныхъ имъ Сарматовъ, черты связывающія ихъ между собою, а съ другой стороны—съ

---

1) Имя Скиѳъ считаютъ лишь стянутой формой имени Сколотовъ. Этимологія обоихъ именъ до сихъ поръ неудавалась; попытки объясненія изъ иранскихъ корней khud — skud („стрѣлки“) см. у Мюлленгофа, D. A. III стр. 112 и 120, также Tomaschek, Sitzungsb., т. 116, стр. 778.

2) Геродотъ I, 201. 215, 3) Амміанъ XXXI. 2. 20.

4) Curtii Rufi Hist. Alexandri IV. 12, VI. 2, Iustini II. 1, Iordanis Get. 6. Марквартъ считаетъ источникомъ этихъ извѣстій историка Азіи II в. Агатархида (Untersuch. I с. 35 и II с 39).

единственнымъ въ настоящее время остаткомъ иранскаго населенія въ этихъ странахъ—кавказскими Осетинами, наконецъ нѣкоторыя характерныя особенности скиѳской культуры—все указываетъ, что въ скиѳской ордѣ мы имѣемъ иранское племя, хотя, быть можетъ, и съ чуждыми примѣсями [1]).

Прежде всего нужно отмѣтить, что этнографическая близость Сарматовъ со Скиѳами не подлежитъ сомнѣнію. Кромѣ словъ самого Геродота имѣемъ еще и другія указанія: слѣды иранства въ языкѣ (особенно въ личныхъ именахъ) обоихъ племенъ, сходство культуры и быта выступаютъ у верховныхъ ордъ одинаково и во времена скиѳскаго и во времена сарматскаго господства. Между тѣмъ на родство Сарматовъ съ иранскими народами мы имѣемъ непосредственное указаніе, переданное древними авторами. Діодоръ называетъ ихъ „Колоніею изъ Мидіи, основанною возлѣ Танаиса и названною у народовъ Сарматами"; Плиній упоминаетъ о существовавшемъ взглядѣ на Сарматовъ, какъ на вѣтвь Мидянъ [2]), подобно тому какъ другіе писатели указываютъ какъ мы видѣли на собственную близость къ Персамъ Скиѳовъ Наблюденія надъ небольшимъ числомъ сохранившихся скиѳскихъ словъ и именъ, а также варварскихъ именъ, встрѣчающихся въ греческихъ черноморскихъ надписяхъ скиѳско-сарматской эпохи, обнаружили много сходства съ языками иранскими и ближе всего—съ осетинскимъ; укажу, напр., что суффиксъ „ксаисъ" скиѳскихъ именъ есть не что иное, какъ иранское khshaia—господинъ, государь. Имѣютъ также свое значеніе скиѳско-иранскія аналогіи въ бытѣ обрядахъ, вѣрованіяхъ, хотя и здѣсь нужно различать индивидуальное отъ общаго, характеризующаго самые различные народы на одинаковыхъ начальныхъ ступеняхъ культурной жизни [3]). Сумма

---

[1]) Литературу вопроса см. въ примѣчаніяхъ (2).

[2]) Діодоръ II. 43, Плиній VI. 7.

[3]) При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что явственные слѣды соприкосновеній восточно-финскихъ языковъ съ осетинскимъ указываютъ, что это прикаспійское иранское населеніе нѣкогда простиралось значительно далѣе къ сѣверу; такъ напр. названія металловъ—серебра, мѣди, стали, свинца въ осетинскомъ языкѣ общи съ восточными Финнами: Пермяками, Вотяками, и заимствованы у нихъ, въ то время какъ цѣлый рядъ словъ въ восточныхъ финскихъ нарѣчіяхъ имѣетъ свое начало въ иранскихъ корняхъ. Литература во 2 изд.

всѣхъ этихъ фактовъ и аналогій дѣлаетъ вполнѣ достовѣрнымъ что въ нашихъ степяхъ были иранскіе элементы въ скиѳскомъ періодѣ, какъ среди подвластнаго населенія, такъ и въ верховной скиѳской ордѣ. Иранское племя, устремившись однимъ потокомъ на югъ и юго-западъ Азіи, другою своею частью долго бытовало въ черноморскихъ степяхъ, въ видѣ Скиѳовъ, Сарматовъ, Алановъ и иныхъ болѣе мелкихъ народовъ. Но при этомъ возможно, что и въ скиѳскомъ населеніи и въ позднѣйшихъ степныхъ ордахъ имѣлись примѣси и урало-алтайскихъ элементовъ принесенныя возратными волнами изъ Азіи; рядомъ съ Иранцами подъ общимъ названіемъ Скиѳовъ, Сарматовъ, Алановъ могли скрываться и разные иноплеменные народы, хотя ихъ и нельзя указать точнѣе.

§ 52. Бытъ Скиѳовъ. Геродотъ и другіе греческіе писатели, повидимому, ближе знали и въ разсказахъ своихъ о Скиѳахъ имѣли въ виду главнымъ образомъ восточныхъ кочевыхъ Скиѳовъ, а въ особенности главную орду, господствовавшую надъ остальными и называемую у Геродота Царскою. Двоякимъ употребленіемъ скиѳскаго названія—разъ только для главной орды, другой—для нея вмѣстѣ съ подвластнымъ населеніемъ, объясняются нѣкоторыя противорѣчія Геродота [1]). Повидимому онъ говоритъ о верховной ордѣ, когда, разсказывая вообще о Скиѳахъ, рисуетъ ихъ воинственными кочевниками, съ суровыми обычаями и деспотическимъ устройствомъ. По его словамъ, Скиѳы эти кормятся отъ своихъ стадъ и кочуютъ со своими кибитками, поставленными на повозкахъ, не имѣя ни городовъ ни крѣпостей [2]). Жившій полустолѣтіемъ позже Геродота Гиппократъ въ своихъ разсказахъ о Скиѳіи еще обстоятельнѣе изображаетъ этотъ кочевой бытъ: Скиѳы не имѣютъ домовъ, а живутъ въ кибиткахъ, поставленныхъ на четырехколесныхъ или шестиколесныхъ повозкахъ и устроенныхъ въ видѣ жилищъ, съ двумя или тремя отдѣленіями. Такой возъ тянутъ

[1]) Онъ напр. изображаетъ Скиѳовъ (IV. 46) чистыми кочевниками (какъ и Гиппократъ), между тѣмъ какъ самъ же разсказываетъ, что нѣкоторыя скиѳскія племена живутъ хлѣбопашествомъ; говоритъ объ ихъ отчужденности отъ чужеземныхъ обычаевъ, особенно греческихъ (IV. 76), въ тоже время узнаемъ отъ него объ эллинизированныхъ Скиѳахъ—Каллипидахъ, и т. д.

[2]) IV. 46, 127.

двѣ или три пары воловъ, и въ этихъ кибиткахъ сидятъ жены съ дѣтьми при переѣздахъ, мужья же ѣдутъ верхомъ; вслѣдъ за ними идутъ стада овецъ, коровъ и лошадей. На одномъ мѣстѣ они остаются до тѣхъ поръ, пока скотъ не выпасетъ травы, тогда переходятъ на другое мѣсто. Ѣдятъ вареное мясо, кобылій сыръ, пьютъ кобылье молоко. Мясо варятъ въ мѣдныхъ котлахъ, похожихъ на чаши[1]).

Обычаи этихъ скиѳовъ суровы и воинственны. Единственственнымъ святилищемъ у нихъ былъ старый желѣзный мечъ, воткнутый въ кучу прутьевъ—символъ бога войны. Такое святилище имѣлось въ каждомъ округѣ, и принося жертвы, выливали на этотъ мечъ кровь жертвенныхъ животныхъ и людей; изъ ста человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ, приносили въ жертву одного, выливали кровь его на этотъ священный мечъ, а тѣло разрубали и разбрасывали вокругъ. Скиѳъ пилъ кровь перваго убитаго имъ на войнѣ врага, а головы убитыхъ приносились царю, и лишь тотъ, кто могъ похвалиться такою головою, имѣлъ долю добычи. Скальпы съ вражескихъ головъ употреблялись въ качествѣ украшенія конской упряжи; кто имѣлъ много скальповъ, шилъ изъ нихъ себѣ иногда цѣлые плащи[2]); точно также употреблялись и цѣлыя шкуры враговъ для различныхъ военныхъ доспѣховъ. Изъ череповъ же наиболѣе выдающихся враговъ Скиѳы дѣлали себѣ чаши, и такія чаши, иногда окованныя золотомъ, употреблялись въ торжественныхъ случаяхъ. Убившій наибольшее число враговъ пользовался наибольшимъ почетомъ и имѣлъ двойную порцію вина на публич-

---

[1]) Такіе котлы въ видѣ чашъ на подставкахъ, дѣйствительно, не разъ встрѣчаются въ скиѳско-сарматскихъ могилахъ: этотъ котелъ, очевидно, ставился посрединѣ очага и обкладывался горячими углями; точно такіе же котлы существовали у сибирскихъ племенъ.

[2]) Интересную параллель этого обычая встрѣчаемъ въ современныхъ осетинскихъ легендахъ. Нартъ (богатырь) Созрико побѣдилъ нарта Елтагана и скальпировалъ его. Пріѣхавъ въ аулъ, онъ собралъ дѣвушекъ и молодухъ и сказалъ: сшейте мнѣ тулупъ изъ скальповъ головы и усовъ. Одна говоритъ: это кожа моего отца, другая — это кожа съ усами моего брата; третья—это кожа съ головы моего мужа. В. Миллеръ, Черты старины въ сказаніяхъ и бытѣ Осетинъ, стр. 196.

ныхъ пирахъ: не убившій вовсе врага, не допускался къ участію въ пирахъ, что считалось наибольшимъ безчестьемъ [1]).

§ 52. Скиѳскій культъ. Свѣдѣнія о религіи Скиѳовъ довольно не ясны: Геродотъ употребляетъ греческія названія для скиѳскихъ божествъ и этимъ, конечно, только затемняетъ дѣло. Болѣе всего чтилось божество—покровитель домашняго очага, Табити (Геродотъ приравнялъ его къ греческой Ἑστία). Найвысшею клятвою была клятва этимъ божествомъ, и ложная клятва этимъ покровителемъ царскаго очага считалась преступленіемъ противъ царя, такъ какъ навлекала на него гнѣвъ боговъ [2]). Этотъ культъ домашняго огня, сохранившій свои слѣды въ вѣрованіяхъ современныхъ Осетинъ, очевидно, стоитъ въ связи съ обще-иранскимъ культомъ огня (самое названіе связываютъ съ корнемъ tap—горѣть [3]). Кромѣ того Геродотъ опредѣленно говоритъ о культѣ земли—Апи (ср. латинское Ops). Богъ Γιοτόσυρος, приравниваемый Геродотомъ къ Аполлону, въ одной италійской надписи также сравнивается съ Аполлономъ, а вмѣсѣ съ тѣмъ и съ Митрою, персидскимъ богомъ солца: но эту надпись считаетъ фальсификатомъ [4]). Этимологически его мнѣ объясняютъ изъ иранскихъ корней какъ „покровителя стадъ“ (подъ Герадотову интерпретацію это подходитъ), точно также богиню Аргимпасу (по Геродоту „небесную Афродиту“) толкуютъ какъ „охранительницу скота“ [5]). Объ

---

[1]) Геродотъ IV. 64—6. [2]) IV. 59, 67, 127.

[3]) Миллеръ въ упомянутомъ изслѣдованіи объ осетинскихъ обычаяхъ указываетъ на особое почитаніе цѣпи, висящей надъ очагомъ; ею клянуться; выбросить чью либо цѣпь за двери—величайшее оскорбленіе (стр. 205).

[4]) Marquart Untersuch. II с. 90.

[5]) Corpus inscr. Graec. № 6013. Θεα. Ωιτοσκυρα και Απολλωνω Οιτοσσκυρω Μιθρα Μ. Ουλπιος Πλοκαμος Νεωκοροανεθ., см. Zeuss, op. c. 289, Толстой и Кондаковъ, Русскія древности II, стр. 44, Müllenhof, III, стр. 121. О скиѳскомъ культѣ вообще см. особенно у Цейсса Нейманна Боннеля, и Толстого и Кондакова гдѣ онъ сравнивается съ монгольскимъ. Противъ переоцѣнки значенія такихъ сходствъ можно повторить слова самаго Неймана: Diesses Beispiel mag lehren, wie bedenklich es ist, ausallgemeinen Angaben über den religiösen Glauben eines Volkes Schlüsse auf seine Verwandtschaft mit anderen Nationen zu ziehen (p. 245).

остальныхъ упоминаемыхъ Геродотомъ богахъ (Зевсѣ—Папаѣ, Посейдонѣ — Тагимасадѣ, Ареѣ и Гераклѣ) трудно сказать что-либо опредѣленное.

Святынь у Скиѳовъ не было никакихъ, кромѣ упомянутыхъ мечей. Животныхъ приносили въ жертву, удавливая ихъ, послѣ чего лучшіе куски варенаго мяса бросались какъ посвященные богу [1]). Слѣдовъ какого-либо организованнаго культа, или какого-либо сословія жрецовъ не замѣтно, кромѣ многочисленныхъ знахарей, гадавшихъ на палочкахъ и кускахъ коры.

Подробныя извѣстія сообщаетъ Геродотъ о похоронномъ обрядѣ, спеціально о погребеніи скиѳскихъ царей. Тѣло царя, говоритъ онъ, прежде всего возили по всѣмъ подвластнымъ народамъ, чтобы они воздали ему почести, затѣмъ хоронили въ выкопанной въ землѣ камерѣ, закапывая вмѣстѣ съ нимъ одну изъ его женъ, а также слугъ, коней, лучшихъ животныхъ, золотую утварь (серебра и мѣди, говоритъ онъ, Скиѳы вовсе не употребляютъ). Надъ гробомъ насыпали могилу какъ можно выше. Черезъ годъ устраивали поминки: убивали 50 наилучшихъ слугъ и столько-же коней и, набивъ ихъ мякиной, разставляли коней вокругъ могилы на кольяхъ, а слугъ разсаживали на этихъ коняхъ какъ стражу [2]).

Эти царскія могилы, по словамъ Геродота, находились въ мѣстѣ, называемомъ Герросъ, до котораго можно было плыть по Днѣпру: тамъ изъ Днѣпра вытекала рѣка Герросъ. Это до нѣкоторой степени подтверждается тѣмъ фактомъ, что какъ разъ у Днѣпровскихъ пороговъ найдено нѣсколько большихъ могилъ съ похороннымъ обрядомъ, совершенно напоминающимъ разсказы Геродота. Правда, это могилы позднѣйшаго происхожденія, насколько можно судить по стилю и техникѣ издѣлій, за отсутствіемъ болѣе опредѣленныхъ датъ. Вообще до сихъ поръ нельзя было констатировать похоронъ, принадлежавшихъ спеціально Геродотовымъ Скиѳамъ: скиѳско-сарматская культура представляетъ въ археологіи до сихъ поръ одно нераздѣльное цѣлое [3]).

---

1) Геродотъ IV. 60. 2) IV. 71. Параллели къ этому обычаю у различныхъ первобытныхъ народовъ см. у Мищенка, Кіевск. Ст. 1884, V, стр. 66.

3) О „скиѳскихъ“ могилахъ см. сочиненія перечисленныя выше, на с. 51—2.

§ 54. Политическій строй Скиѳіи. Государственное устройство у Скиѳовъ, какъ я уже упоминалъ, въ разсказахъ Геродота имѣетъ характеръ деспотической монархіи. Царю служатъ не рабы, а кому онъ повелитъ изъ Скиѳовъ, и этихъ царскихъ слугъ, какъ мы видѣли, рѣжутъ десятками на его могилѣ. Когда царь заболѣетъ, гадатели обыкновенно объясняютъ, что причиною была ложная клятва богомъ покровителемъ царскаго очага, и указываютъ на какого-либо человѣка, который якобы ложно поклялся; если онъ не сознается, заявленіе гадателей провѣряютъ гаданіемъ другихъ знахарей. Въ концѣ концовъ наказываютъ либо обвиненнаго, отсѣкая ему голову, либо компрометированныхъ гадателей, сжигая ихъ: при этомъ царь казнитъ смертью и сыновей ихъ. Всѣ дѣла рѣшаютъ цари самовластно.

Изъ разсказа о походѣ Дарія у Геродота можно бы заключить, что у Скиѳовъ одновременно было нѣсколько царей: выступаетъ ихъ тутъ трое, по всей вѣроятности принадлежали они къ тремъ вышеназваннымъ колѣнамъ, и царь изъ колѣна Паралатовъ былъ главнымъ [1]). При всей легендарности разсказа эта подробность можетъ быть вполнѣ реальной.

Такова была орда, господствовавшая въ Скиѳіи. По всей вѣроятности, была она количественно не особенно велика по сравненію съ подвластными народами: такъ, вѣроятно, надо понимать слова Геродота, что скиѳскій народъ считается очень многочисленнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ собственно - Скиѳовъ насчитывается очень немного [2]). Но власть царей этой главной орды распространилась въ половинѣ V в. на всю территорію отъ Дуная до Дона. На сѣверъ по Геродоту власть ихъ простиралась приблизительно до пороговъ Днѣпра: онъ говоритъ, что населеніе Герра—это крайній, подвластный скиѳскимъ царямъ народъ [3]). На западъ отъ Днѣпра, какъ мы видѣли, Геродотъ помѣщаетъ крайнія скиѳскія поселенія на верховьяхъ Ю. Буга и Днѣстра, но по всей вѣроятности рѣчь идетъ о мѣстностяхъ средняго Днѣстра и Буга. Далѣе къ сѣверу сидѣли народы нескиѳскіе.

§ 55. Сѣверные сосѣди Скиѳовъ: Невры. Относительно сѣверныхъ, нескиѳскихъ народовъ, разсказъ Геродота о нихъ является единственнымъ для предшествующихъ и позднѣйшихъ вре-

---

[1]) IV. 120, ср. 5—6, 71. [2]) IV, 81. [3]) IV. 71 и 119.

менъ. Поэтому разсмотримъ здѣсь и эти извѣстія его, возможно обстоятельно.

На сѣверъ отъ верховьевъ Днѣпра Геродотъ помѣщаетъ Невровъ. Озеро, изъ котораго по Геродоту вытекаетъ Днѣстръ, должно было служить границею между Скиѳами и Неврами. Но такъ какъ извѣстія Геродота вообще не простирались дальше средняго Днѣстра и Буга, то и эти его опредѣленія мы не можемъ считать точными. Далѣе къ сѣверу за Неврами Геродотъ не знаетъ ужъ никакого населенія [1]). О самихъ Неврахъ имѣетъ онъ очень неопредѣленныя, скорѣе сказочныя извѣстія, и самъ не очень имъ довѣряетъ. Разсказывали ему, что каждый Невръ въ теченіе нѣсколькихъ дней въ году бываетъ волкомъ; говорили, что въ землѣ ихъ разведось множество змѣй, а кромѣ того много пришло ихъ изъ пустыни, такъ что Невры принуждены были выселиться въ землю Будиновъ, очевидно въ томъ смыслѣ, что они вышли изъ своихъ обиталищъ на нѣкоторое время, а потомъ вернулись.

При такомъ состояніи Геродотовыхъ извѣстій о Неврахъ нельзя придавать особаго значенія его словамъ, что Невры имѣютъ скиѳскіе обычаи [2]). Важнѣе отрицательная сторона его извѣстій—то что онъ опредѣленно отличаетъ Невровъ отъ Скиѳовъ [3]).

Упомянутыя слова Геродота о скиѳскихъ обычаяхъ Невровъ давали поводъ нѣкоторымъ ученымъ причислять и ихъ къ скиѳскому племени. Другіе отличали ихъ отъ Скиѳовъ и видѣли въ нихъ Славянъ, выходя изъ соображеній о тогдашнемъ разселеніи Скиѳовъ. Въ настоящее время это мнѣніе имѣетъ многихъ сторонниковъ [4]), и надо признать—имѣетъ за собой значительную правдоподобность. Въ самомъ имени Невровъ видятъ обыкновенно славянскій корень *нур* (сопоставляютъ съ нимъ имена Нура, притока Буга, и Нурской земли); вышеупомянутую легенду о волкахъ связываютъ со славянскими вѣрованіями въ упырей—вов-

---

[1]) IV, 17 и 51. [2]) IV. 105. [3]) IV. 51, 119.

[4]) Этого мнѣнія, высказаннаго Шафарикомъ (I § 10. 2), придерживались напр. О. Шрадеръ, Лескинъ, Томашекъ; послѣдній въ своемъ изслѣдованіи, Kritik der ältesten Nachrichten über skythischen Norden (с. 3) формулируетъ этотъ взглядъ: Die Gleichheit der Neuren mit den Späteren Slowenen wird jetzt allgemein annerkannt. In der That hat diese Ansicht alles für sich.

кулаковъ. Но эти аргументы не такъ сильны; важнѣе географическое положеніе Невровъ, такъ какъ оно соотвѣтствуетъ территоріи славянской прародины, и то, что Геродотъ рѣшительно отличаетъ Невровъ отъ Скиѳовъ. Мы можемъ считать ихъ съ достаточнымъ правомъ Славянами на ихъ прародинѣ.

Позднѣйшія извѣстія о Неврахъ очень бѣдны и въ сущности ничего не даютъ [1]).

§ 56. Андрофаги. Къ той же славянской территоріи принадлежитъ географически и другое нескиѳское племя Андрофаги, такъ какъ у Геродота живутъ они по среднему Днѣпру. Вѣроятно, страшное имя и характеристика ихъ, данная Геродотомъ, были причиной, что принадлежность Андрофаговъ къ Славянамъ и вообще къ индоевропейской семьѣ имѣетъ гораздо меньше защитниковъ, чѣмъ у Невровъ, и ихъ охотнѣе считаютъ Финнами. Геродотъ разсказываетъ объ Андрофагахъ, что это народъ „особенный и совсѣмъ не скиѳскій“, что „изъ всѣхъ людей они имѣютъ наиболѣе дикіе обычаи, не имѣютъ понятій о правдѣ и никакого закона; они кочевники, одѣваются подобно Скиѳамъ, но языкъ у нихъ особый, и они одни изъ здѣшнихъ народовъ ѣдятъ людей“. Ихъ отдѣляетъ отъ Скиѳовъ широкая пустыня, а за ними уже „настоящая пустыня, и никакого народа, сколько извѣстно, нѣтъ“ [2]).

Извѣстія Геродота, сообщаемыя имъ объ этомъ народѣ, какъ видимъ, очень неопредѣленны. Пустыня, отдѣляющая у него Скиѳовъ отъ Андрофаговъ, возникла по всей вѣроятности благодаря тому, что на днѣпровскихъ порогахъ прерывалось сообщеніе: сношенія съ среднимъ Поднѣпровьемъ производились инымъ, сухимъ путемъ, и въ свѣдѣніяхъ оказывался пробѣлъ для странъ, ле-

---

[1]) Упоминаніе у Плинія (IV. 12, 88 Neuroe) весьма вѣроятно, а Мелы (II, 1 Neuri) безъ всякаго сомнѣнія—имѣли своимъ источникомъ Геродота (Мюлленгофъ, III стр. 46—7, Шафарикъ I § 10, 2. 6). Относятся ли Ναυαροι Птолемея (III. 6 § 25) къ Неврамъ, нельзя сказать утвердительно (ср. Ναυαρον варіантъ—Ναβαρον, городъ на р. Каркинитѣ); еще менѣе о Neriuani Географа Баварскаго (Шафарикъ I § 10. 2. 5).

[2]) Herod. IV. 18 и 106. Нѣкоторыя подробности объ Андрофагахъ добавляетъ Исигонъ (у Мюллера Fragm. h. gr. IV), но онѣ перенесены на нихъ изъ разсказа Геродота о Скиѳахъ, слѣдовательно не имѣютъ цѣны.

жавшихъ выше пороговъ. Характеристика Андрофаговъ въ значительной степени, если не всецѣло, основана, очевидно, на выводахъ изъ имени, имя же это въ формѣ, переданной Геродотомъ, имѣетъ въ своей основѣ, вѣроятно, какую-либо легенду или этимологическое недоразумѣніе [1]). У Птолемея къ той же поднѣпровской территоріи относится имя Амадоковъ, живущихъ у горъ того же имени и имѣющихъ городъ Амадоку, пристань на Днѣпрѣ [2]). Это извѣстіе объ Амадокахъ имѣетъ свое начало у псевдо-Гелланика [3]), пользовавшагося старыми источниками, и съ нѣкоторымъ основаніемъ можно полагать, что имѣемъ здѣсь болѣе реальное названіе Геродотовыхъ „Людоѣдовъ“. Имя это выводятъ изъ санскр. āmâd, āmâdaka—сыроядцы, питающіеся сырымъ мясомъ [4]): это толкованіе довольно близко подошло бы къ Геродотовымъ „Людоѣдамъ“.

Во всякомъ случаѣ на среднемъ Днѣпрѣ въ то время трудно предположить иное населеніе, кромѣ славянскаго.

§ 57. Меланхлены и Будины. Далѣе на востокъ, за Андрофагами, слѣдуетъ у Геродота территорія „Черноризцевъ“, Μελάγχλαινοι, расположенная гдѣ-то на водораздѣлѣ Днѣпра и Дона. О нихъ Геродотъ говоритъ только то, что это народъ нескиѳскій, но имѣющій скиѳскій бытъ и носящій черную одежду [5]),—также характеристика, повторяющая лишь то, что даетъ само имя. Но несмотря на то, что Геродотъ называетъ этотъ народъ нескиѳскимъ (также, какъ и Савроматовъ), есть нѣкоторое основаніе видѣть въ немъ родственный Скиѳамъ народъ иранскаго племени: среди различныхъ кочевыхъ народовъ, выступающихъ позже въ

---

[1]) Ср. современныхъ „Самоѣдовъ“: имя это имѣетъ, очевидно тотъ же корень, что имя Лопарей „Самъ“, западныхъ Финновъ „Суомъ“, а въ великорусской народной этимологіи (Volksethymologie) отсюда вышли люди сами себя поѣдающіе!

[2]) Птолемей III. 5 § 16, 25 и 28. Какъ ни сомнительно вообще размѣщеніе географическихъ названій у Птолемея, все же здѣсь пристань Амадока на Днѣпрѣ, какъ мнѣ кажется, является твердой опорной точкой.

[3]) Ἀμάδοκοι, σκυθικὸν ἔθνος, Ἑλλάνικος ἐν Σκυθικοῖς—Стефанъ Византійскій sub voce.

[4]) Томашекъ—Sitzungsberichte, т. 117 стр. 8 т. 128, стр. 98.

[5]) IV. 20, 108.

окрестностяхъ Ольвіи, видимъ Савдаратовъ, и это имя ничто иное, какъ геродотовы „Черноризцы“[1]), а Діонъ Хризостомъ разсказываетъ о жителяхъ Ольвіи, что они носили черное платье, заимствовавъ это у „скиѳскаго народа Μελάγχλαινοι“.

Довольно вѣроятно, что эти Черноризцы Геродота представляли часть савроматскаго народа, оттѣсненную отъ главныхъ поселеній далѣе на сѣверо-западъ (быть можетъ даже движеніемъ самихъ Скиѳовъ), а при позднѣйшемъ движеніи Савроматовъ очутились по сосѣдству съ Ольвіею.

Къ Славянамъ нѣкоторые ученые причисляли еще Будиновъ Геродота. Къ этому располагало ихъ имя народа, родственное съ славянскимъ корнемъ будъ или водъ, и извѣстіе Геродота, что Невры, убѣгая отъ змѣй, перешли въ страны Будиновъ. Отсюда выводятъ, что Будины въ дѣйствительности жили по сосѣдству съ Неврами, въ подтвержденіе чего указываютъ на Βωδινοί подъ горою Βωδινόν или Βουδινόν у Птолемея и помѣщаютъ этихъ Будиновъ возлѣ Днѣпра[2]). Но Геродотъ помѣщаетъ Будиновъ къ сѣверу отъ Савроматовъ, слѣдовательно въ бассейнѣ Дона и Волги, при чемъ могъ располагать какими-либо болѣе достовѣрными извѣстіями о ихъ краѣ, такъ какъ ему была извѣстна греческая факторія въ ихъ землѣ—Гелонъ[3]). Въ виду этого предполагаютъ, что былъ иной народъ подобнаго имени возлѣ Днѣпра и что Геродотъ смѣшалъ оба эти народа[4]). Но локализація Птолемеевыхъ Будиновъ на Днѣпрѣ совершено гипотетична, и нагроможденіе столькихъ догадокъ лишаетъ гипотезу о славянствѣ Будиновъ всякаго серьезнаго значенія.

---

[1]) По осетински *саў* — черный, *дараес* — одежда, *та*— суффиксъ множеств. числа. См. Осетинскій Словарь еп. Евгенія, ср. Миллеръ, Осетинскіе этюды, III, стр. 79.

[2]) Птолемей III, 5 § 15 и 24.

[3]) Была даже высказана догадка, что Гелонъ—это Кіевъ. Недавно къ такому фантастическому предположенію присоединился и Нидерле (I, стр. 187) усмотрѣвъ доказательство сего въ находкахъ трипольской культуры (sic).

[4]) Шафарикъ I § 10. 3—4 (за Оссолинскимъ, Wiadomości historyczno-krytyczne II. 487—494), Mair Das Land der Scythen, O. Schrader, Sprachvergleichung², стр. 619 (за Лескинымъ), Браунъ Разысканія и т. п.

§ 58. Движеніе Сарматовъ. Отъ сѣверныхъ сосѣдей Скиѳовъ обращаемся снова къ степному кочевому населенію и его дальнѣйшей судьбѣ.

Мы видѣли, что по извѣстіямъ греческихъ писателей Скиѳы были вытѣснены въ черноморскія степи колонизаціонными переворотами въ средней Азіи. Этотъ напоръ продолжался и позже оказывалъ вліяніе на дальнѣйшія измѣненія въ заселеніи нашихъ степей: время отъ времени онъ усиливался и принималъ тогда характеръ этническихъ изверженій. Съ другой стороны, измѣнялось положеніе и роль ордъ, господствовавшихъ надъ степнымъ населеніемъ. Выше было отмѣчено, что во время Геродота численно незначительная „Царская" орда, или еще менѣе — колѣно Паралатовъ, господствовало надъ всѣмъ степнымъ населеніемъ отъ Дона до Дуная, и вслѣдствіе этого названіе Скиѳовъ и Скиѳіи распространилось на всѣ народы, признававшіе это господство. Позднѣе политическое первенство захватывали все новыя орды. Съ перемѣной верховенства измѣнялись и этническія названія степного населенія, такъ какъ по существу они были терминами политическими. Эти два обстоятельства объясняютъ намъ дальнѣйшія измѣненія въ колонизаціи нашихъ степей и ея номенклатурѣ.

Могущество скиѳской орды, описанное въ разсказахъ Геродота, въ V ст. держалось еще крѣпко. Однако уже начиная со второй половины этого столѣтія можно замѣтить, что Скиѳская орда отступала подъ натискомъ на нее съ востока. Этотъ натискъ проявляется въ постепенномъ распространеніи савроматскихъ ордъ на западъ: у Геродота ихъ восточной границей является Донъ; у Гиппократа — значитъ въ концѣ V и въ началѣ IV ст. — Савроматы уже живутъ вокругъ Мэотійскаго озера, слѣдовательно уже на обоихъ берегахъ Танаиса. Еще яснѣе это видно у другого позднѣйшаго писателя IV ст., такъ называемаго Скилака: у него за Скиѳами, занимающими восточную часть Тавриды, находятся Сарматы (Συρμάται), по обѣ стороны Танаиса [1]).

Изъ этихъ извѣстій выходитъ, что уже въ IV ст. Скиѳы были вытѣснены изъ своихъ восточныхъ областей, которыя какъ

[1]) Гиппократъ De aere 124. Скилакъ — у Мюллера Geographi gr. minores I fr. 68, ср. тамъ же въ приложенномъ атласѣ табл. V; эти извѣстія относятъ ко второй половинѣ IV ст.

разъ были обиталищемъ господствующей, главной орды—„Царской“. Въ связи съ этимъ, вѣроятно, находился тотъ фактъ, что послѣдній лучъ скиѳской силы и могущества блеснулъ во второй половинѣ IV ст. уже на западныхъ границахъ Скиѳіи. Я говорю о Скиѳскомъ царствѣ Атея, извѣстномъ намъ благодаря его войнѣ съ Филиппомъ македонскимъ. Страбонъ догадывался, что власти этого Атея было подчинено большинство варварскаго населенія между Меотидою и Дунаемъ. Мы знаемъ, что онъ велъ войны съ сосѣдними ѳракійскими народами и греческими прибрежными городами (Истрополемъ, Византіею) и здѣсь столкнулся съ Филиппомъ; въ этой войнѣ войско Атея было разбито, а самъ онъ убитъ [1]). Такъ же несчастливо окончилась для Скиѳовъ и война съ Лизимахомъ въ 313 г., когда они вмѣстѣ съ Ѳракійцами были союзниками черноморскихъ колоній въ ихъ возстаніи противъ Лизимаха [2]).

Послѣ этого и западная скиѳская держава теряетъ значеніе и падаетъ подъ дальнѣйшимъ натискомъ Сарматовъ съ Востока, Ѳракійцевъ и Бастарновъ съ запада и сѣвера [3]). Въ разсказѣ Поліена, который можетъ относиться ко времени не позднѣе второй половины II ст. до Р. Хр., Сарматы уже господствуютъ на черноморскомъ побережьи: скиѳское государство упоминается въ восточной Тавридѣ, но по отношенію къ Сарматамъ занимаетъ второстепенное положеніе [4]). Въ ольвійскомъ декретѣ Протогена, датируемомъ III или II в., мы видимъ западныя степи въ рукахъ новыхъ ордъ—Саевъ,

---

[1]) О державѣ Атея—Юстинъ Hist. Philip. IX. 2, Страбонъ VII, с. 3. 18 (p. 307), Аристокритъ у Климента Stromata V. 31, Фронтинъ Strateg. II. 4. 20.

[2]) Діодоръ XIX. 73.

[3]) Томашекъ—Sitzungsberichte т. 128 с. 98—высказалъ очень интересную догадку, что Саи Протогенового декрета, жившіе тогда въ окрестностяхъ Ю. Буга, получили названіе отъ kshaia, слѣдовательно это Царскіе, Βασίληιοι Геродота. Это совершенно соотвѣтствовало бы тѣмъ колонизаціоннымъ измѣненіямъ, если бы можна было быть вполнѣ увѣреннымъ въ этой этимологіи.

[4]) Polyaeni Strategicon VIII. 56. Нѣкоторые (напр. Латышевъ—Изслѣдованія объ исторіи и госуд. строѣ Ольвіи, с. 88) считаютъ этотъ разсказъ недостовѣрнымъ; однако обстоятельства, какъ они въ немъ представлены, кажется, указываютъ на хорошій источникъ.

Тиссаматовъ, Савдаратовъ: между ними Скиѳы выступаютъ, какъ одна изъ второстепенныхъ ордъ и вмѣстѣ съ Тиссаматами и Савдаратами, боясь нападенія Скировъ и Галатовъ, хотятъ найти себѣ убѣжище за стѣнами Ольвіи. Ко времени христіанской эры и позднѣе—у Страбона, Овидія, Діона Хризостома, Сарматы выступаютъ, какъ главная орда, на всемъ протяженіи отъ Мэотиды до Дуная, занявъ мѣсто Скиѳовъ, и Діодоръ въ своемъ разсказѣ о Скиѳахъ поясняетъ, что Сарматы, выведенные Скиѳами изъ Мидіи, со временемъ размножились, опустошили и обратили въ пустыню большую часть Скиѳіи и прогнали ея населеніе [1]). На фонѣ этихъ же отношеній, когда Сарматы имѣли полный перевѣсъ надъ Скиѳами. разсказываетъ Лукіянъ въ своемъ Токсаридѣ фантастическую по фабулѣ, но интересную по обстановкѣ исторію о Скиѳахъ-побратимахъ [2]).

Вѣроятно и этотъ новый натискъ иранскихъ ордъ былъ слѣдствіемъ переворотовъ въ передней Азіи, отразившихся одновременно въ странахъ къ югу отъ Каспійскаго моря [3]). Натискъ былъ очень продолжителенъ. Если первые симптомы его мы констатировали уже въ V ст. (самое позднее—въ началѣ IV ст.), то вызванное имъ движеніе продолжалось нѣсколько столѣтій, пока новые народные потоки не вытѣснили иранское населеніе изъ нашихъ степей почти совершенно.

§ 59. Населеніе степей въ эпоху сарматскаго разселенія. По вопросу о населеніи степной территоріи послѣ распространенія сарматскихъ ордъ, когда онѣ достигли уже Дуная, главнымъ источникомъ является Страбонъ. Онъ писалъ, вѣроятно, около 18 г. по Р. Хр., на основаніи извѣстій, собранныхъ римскими войсками въ черноморскихъ областяхъ въ I ст. передъ Р. Хр. Но его разсказъ гораздо менѣе подробенъ, чѣмъ у Геродота, и, что самое главное—термины „Скиѳы“ и „Сарматы“ въ его устахъ не имѣютъ опредѣленнаго значенія, такъ что и къ нему можно

---

[1]) Разсказъ Діодора о Скиѳахъ вообще—научная комбинація, не имѣющая большой цѣны; но самъ натискъ Сарматовъ на Скиѳовъ былъ для него свѣжимъ событіемъ, и эту подробность можно считать реальною.

[2]) Страбонъ III с. 7. 13. 17; XI, с. 2. 1. Овидій Tristia и Ex Ponto, passim. Діонъ Хризостомъ V. II р. 48—51 ed. Dindorf. Діодоръ II. 43. Лукіана Τόξαρις ἢ Φιλία, 39—41.

[3]) Müllenhof Deutsche Alterthumskunde III, 41.

отнести позднѣйшія слова Плинія: „имя Скиѳовъ постоянно переходитъ на Сарматовъ и Германцевъ, и это древнее названіе прилагается постоянно къ самымъ отдаленнымъ народамъ, живущимъ почти въ неизвѣстности для другихъ людей“[1]).

У Страбона пространство отъ Дуная, гдѣ сарматскія орды встрѣчались съ Гетами и Бастарнами, на востокъ до Днѣпра занимаютъ сарматскіе народы: Языги, Царскіе (Βασίλειοι) и Урги (Οὔργοι). Между Днѣпромъ и Дономъ живутъ Роксоланы (Ῥοξολανοί). За Дономъ помѣщены Сарматы безъ болѣе точнаго опредѣленія, также Аорсы и Сираки—народы объединенные позднѣе вмѣстѣ съ другими подъ общимъ названіемъ Аланъ. Далѣе на востокъ, за Каспійскимъ моремъ помѣщаются „восточные Скиѳы“ [2]).

Скиѳское государство уцѣлѣло еще въ восточной Тавридѣ. Въ концѣ VI ст. оно было побѣждено въ борьбѣ съ Митридитомъ VI, котораго призвали Херсонесцы на помощь противъ этихъ Скиѳовъ, но въ 60-хъ годахъ мы снова слышимъ объ осадѣ Херсонеса какимъ то, мѣстнымъ очевидно [3]), „скиѳскимъ царемъ“. Страбонъ говоритъ, что эта страна и сосѣднія земли къ сѣверу отъ Перекопа до Днѣпра назывались Малой Скиѳіей. Въ разсказахъ Овидія, въ окрестностяхъ Дуная рядомъ съ Сарматами выступаютъ также Скиѳы, и Страбонъ говоритъ, что на Дунаѣ также была Малая Скиѳія (долгое время затѣмъ это названіе прилагалось къ теперешней Добруджѣ). Между перечисленными у Страбона сарматскими народами встрѣчаемъ „Царскую“ орду Геродота, у Плинія—Авхетовъ, напоминающихъ намъ колѣно Авхатовъ у Геродота), и т. под. [4]).

Все это показываетъ, что древнѣйшее „скиѳское“ населеніе не исчезло подъ сарматскимъ натискомъ, но было покрыто новымъ названіемъ главной орды, какъ передъ тѣмъ подъ именемъ Скиѳовъ могли существовать всякіе разноплеменные подвластные имъ народы. Подъ натискомъ Сарматовъ одни племена могли передвинуться къ югу

---

1) Nat. Hist. IV, 25. 2) VII, 3. 17; XI. 1 и 5. 8.

3) Страбонъ VII, 4. 3 и 7, Inscriptiones P. E. I ч. 185 (декретъ Діофанта), Corpus In. Lat. XIV N. 3608.

4) Nat. Hist. IV, 12. Въ Ургахъ Страбона также видѣли Γεοργοί Геродота, и эта догадка держится еще до сихъ поръ—напр. Кулаковскаго Аланы с. 98.

или сѣверу: другіе были разсѣяны, и вмѣсто нихъ сформировались новыя орды: изъ подъ извѣстныхъ намъ передъ тѣмъ этническихъ названій выплыли древнѣйшія, передъ тѣмъ затертыя ими. Въ концѣ концовъ этническій составъ населенія измѣнился гораздо меньше, чѣмъ его номенклатура.

§ 60. Этнографія Сарматіи. Этнографическія свѣдѣнія о Сарматахъ очень бѣдны: съ одной стороны—скупы на этотъ счетъ наши источники, во вторыхъ—при неопредѣленности этнографическихъ свѣдѣній у самихъ географическихъ писателей сарматскаго періода трудно изъ ихъ разсказовъ выбрать то, что со всякой достовѣрностью можно отнести именно къ Сарматамъ.

Прежде всего относительно имени. Оно значительно отличается по своей формѣ: у греческихъ писателей пишется оно Σαυρομάται, Συρμάται, у латинскихъ Sarmatae. Его объясняютъ иранскими корнями sar (властитель)+mada (женщина)[1]. Это объясненіе возможно, оно соотвѣтствуетъ двумъ другимъ названіямъ: Геродотъ говоритъ, что Скиѳы называютъ савроматскихъ женщинъ-амазонокъ Οἰόρπατα, а это объясняется арійскими корнями vîra (мужъ)+pati (господинъ, властитель)[2]: а въ греческихъ источникахъ, начиная съ такъ назыв. Скилака, Сарматы прозываются Γυναικοκρατούμενοι—подвластные женщинамъ[3]. Такимъ образомъ всѣ названія обозначали бы „людей, управляемыхъ женщинами“, „женщинъ, управляющихъ мужчинами. Кромѣ вліянія „народной этимологіи“, вѣроятно и тутъ имѣвшей главное значеніе,—Сарматы могли получить такія прозвища благодаря особенному положенію своихъ женщинъ, которыя не прозябали въ кибиткахъ, какъ скиѳскія, а ѣздили, какъ и мужчины, верхомъ и стрѣляли изъ луковъ.

Также, какъ и Скиѳы, Сарматы являются главнымъ образомъ кочевниками. Страбонъ говоритъ, что это степное населеніе въ большинствѣ случаевъ кочевое, только кое гдѣ занимается понемногу земледѣліемъ: около Дуная и Мэотиды онъ спеціально упоминаетъ о такомъ земледѣльческомъ населеніи. Кочевниковъ

---

[1]) Существуетъ однако и другое объясненіе, изъ языка Авесты: *saoramant—вооруженный мечемъ.

[2]) Самъ Геродотъ неправильно объясняетъ οἰόρ—мужъ, πατά—убивать.

[3]) Геродотъ IV. 110, Скилакъ fragm. 70—1.

описываетъ онъ, какъ Гиппократъ Скиѳовъ: живутъ въ войлочныхъ кибиткахъ, перевозимыхъ на возахъ, и переходятъ со своими стадами съ мѣста на мѣсто. Кромѣ того это народъ воинственный, славящійся умѣньемъ вести войну на коняхъ; ихъ всадники имѣли шлемы и панцыри—кожаные или металлическіе; въ битвѣ употребляли копья, луки и мечи (такъ Страбонъ и Тацитъ говорятъ о Роксоланахъ)[1]) Этихъ тяжело вооруженныхъ всадниковъ мы имѣемъ въ изображеніяхъ Языговъ на римскихъ барельефахъ колонны Марка Аврелія и на керченскихъ фрескахъ, гдѣ изображены войны съ сосѣдними варварами; варварскіе всадники здѣсь имѣютъ иногда только короткія кирассы, иногда длинные халаты, ниже колѣнъ, съ нашитыми на нихъ твердыми пластинками, такъ что всадники должны были сидѣть на коняхъ по женски[2]). По словамъ Павзанія (II ст. послѣ Р. Хр.), Сарматы за недостаткомъ желѣза очень искусно выдѣлывали свои панцыри изъ пластинокъ, нарѣзанныхъ изъ конскихъ копытъ (такіе панцыри изъ роговыхъ или костяныхъ пластинокъ дѣйствительно встрѣчаются въ раскопкахъ)[3]). По той же причинѣ употреблялись острія изъ кости для копій и стрѣлъ. Относительно одежды Сарматовъ античные писатели отмѣтили ея полное сходство съ персидскою одеждой[4]). Они носили широкіе шаравары, и вообще одежда ихъ отличалась шириной и свободой. Отличались длинными свѣтлыми волосами (flavi); видъ имѣли суровый и дикій. О языкѣ я приводилъ уже выше слова Геродота, что Сарматы говорили на языкѣ близкомъ къ скиѳскому. О религіи имѣемъ очень скудныя свѣдѣнія: есть извѣстіе о почитаніи огня и меча, но неизвѣстно, не заимствованы ли здѣсь попросту извѣстія о Скиѳахъ, точно такъ же какъ и еще болѣе поздній разсказъ Аммiана о культѣ меча у Алановъ.

§ 61. Политическія отношенія. Что касается политическаго строя, мы не имѣемъ указаній или намековъ на какую нибудь

---

[1]) Страбонъ VII, 3, 17, Тацитъ Hist. I, 76; Страбонъ говоритъ еще объ ихъ плетеныхъ изъ вѣтвей щитахъ, а Тацитъ отрицаетъ существованіе щитовъ.

[2]) Рисунки керченскихъ фресокъ см. напр. въ доступномъ изданіи Толстого и Кондакова т. I и II.

[3]) Бобринскій II с. 173.

[4]) Мела, III, 4, Тацита Germ. 17. Извѣстія писателей о сарматской культурѣ вообще собраны у Уккерта, Skythien с. 513 sq.

болѣе цѣльную политическую организацію, объединявшую все кочевое населеніе на всемъ пространствѣ нашихъ степей, какъ это было во время скиѳской орды. Напротивъ, имѣются упоминанія о сарматскихъ династахъ во множественномъ числѣ [1]). Этому факту соотвѣтствуетъ и большое число этнографическихъ группъ, на какія распадалось сарматское населеніе. Такъ, кромѣ выше упомянутыхъ этнографическихъ группъ—Языговъ и Роксолановъ, знаемъ около Дуная въ I ст. послѣ Р. Хр. Кораловъ, въ ольвійскихъ надписяхъ видимъ Саевъ, Тиссаматовъ и Савдаратовъ (Меланхленовъ), не говоря уже о старыхъ скиѳскихъ именахъ Царскихъ, Урговъ (?), Авхетовъ, а въ восточныхъ областяхъ—Яксаматовъ, Аорсовъ, Сираковъ и т. под. Различныя племенныя названія появляются и исчезаютъ среди борьбы ордъ, постепенно передвигающихся на западъ, подъ вліяніемъ натиска съ востока.

У Страбона на правомъ берегѣ Днѣпра выступаетъ на первомъ планѣ племя Языговъ: безспорно, тогда, въ началѣ I ст., это была главная орда въ этой странѣ. Но уже въ половинѣ I ст. послѣ Р. Хр. она двигается далѣе на западъ, въ дунайскія области, гдѣ занимаетъ земли между Дунаемъ и Тиссою: это Языги Переселенцы (Μετανάσται) Птолемея [2]). Послѣ ухода Языговъ главное мѣсто въ нашихъ степяхъ занимаетъ орда Роксолановъ. Судя по извѣстіямъ объ ихъ войнахъ съ Римлянами и о нападеніяхъ на Мизію [3]) и по свѣдѣніямъ географовъ, выходитъ, что передъ приходомъ сюда германскихъ племенъ Роксоланы составляли главную и самую большую народность въ приднѣпровскихъ степяхъ и далѣе на западъ отъ нихъ [4]). Названіе ихъ, съ значительной достовѣрностью выводимое изъ иранскихъ языковъ, обозначаетъ не что иное, какъ „Бѣлые Аланы“ (современное осетинское ӯрс

---

[1]) Sceptuchi у Тацита An. VI, 33, ср. σκηπτοῦχοι въ декретѣ Протогена.

[2]) III с. 7. Другая часть Языговъ упомянута у него вмѣстѣ съ Роксоланами надъ Мэотидою (III, с. 5, 19)—это, кажется, простой анахронизмъ.

[3]) Тацита Hist. I с. 79. Діонъ Кассій LXXI, 19, Scriptores hist. Augustae M. Antonius, 22, XXX tyr. 10, и др.

[4]) На картѣ Птолемея (III, 5, 19 и 23) Языги и Роксоланы отодвинуты къ Мэотидѣ вслѣдствіе несоразмѣрнаго распространенія на востокъ прикарпатскихъ и придунайскихъ народовъ.

—бѣлый)[1]); извѣстно, что прилагательное—бѣлый очень часто служило у кочевыхъ ордъ для отличія извѣстныхъ частей народа, одной одноплеменной орды отъ другой. Въ декретѣ Діофанта Роксоланы названы Ревксиналами (Ρευξιναλοί).

Рядомъ съ этими „Бѣлыми Аланами" выступаетъ уже въ I ст. послѣ Р. Хр. имя просто Алановъ (у Плинія Alani et Roxolani). Въ 60—70-хъ годахъ они обращаютъ на себя вниманіе римской политики своими походами на закавказскія земли, и очевидно—Аланами назывались тогда колѣна, находившіяся гдѣ то въ сосѣдствѣ Дона и Каспійскаго моря[2]). Въ первой половинѣ II ст. съ именемъ Алановъ встрѣчаемся около Днѣпра, во второй половинѣ—около Дуная[3]). Здѣсь видимъ, съ одной стороны, дальнѣйшее движеніе на западъ иранскихъ ордъ, съ другой—распространеніе новаго имени первенствующей орды. Имя Алановъ пріобрѣтаетъ болѣе широкое значеніе и замѣняетъ въ восточныхъ степяхъ древнѣйшее общее названіе Сарматовъ, какъ это послѣднее въ свое время замѣнило имя Скиѳовъ.

§ 62. Аланы. Амміанъ Марцеллинъ, писатель IV ст., разсказываетъ объ Аланахъ: „за Дономъ заселяютъ безграничныя скиѳскія пустыни Аланы, названные по имени горъ: постепенно ослабивъ сосѣдніе народы частыми побѣдами, они, какъ и Персы, передали имъ свое имя[4]). Китайскія лѣтописи также знаютъ о распространеніи аланскаго имени въ передней Азіи: кочевой на-

---

[1]) В. Миллеръ (журналъ Мин. Н. Просв. 1886, IX, с. 86 и Осет. этюды III с. 86) выводитъ это имя немного иначе, по формѣ еще ближе, хотя по значенію менѣе достовѣрно: изъ *рохс* — свѣтлый (ср. Томашекъ Sitzungsberichte, т. 117 с. 37). Сравнить съ этимъ Ἀλανορσοί рядомъ съ Ἀλανοὶ Σκύθαι у Птолемея VI, 14, 9.

[2]) Извѣстія классическихъ писателей объ Аланахъ собралъ Кулаковскій въ статьѣ: Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей—въ XIII т. Чтеній кіевск. истор. общ., 1899. Также Томашекъ въ Pauly-Wissowa Reallexicon, Alani (1894). Новѣйшій анализъ извѣстій: Täubler Zur Geschichte der Alanen (Klio, 1909).

[3]) Птолемей помѣщаетъ ихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ европейской и азіатской Сарматіи—III. 5, 7; III. 5, 9, VI. 14, 9.

[4]) Кн. XXXI. 2. 13. Кулаковскій ор. с. с. 114 отбрасываетъ это извѣстіе, но аргументація его неубѣдительна и при томъ онъ игнорируетъ приведенное ниже извѣстіе китайскихъ источниковъ.

родъ An-tsai, жившій къ востоку отъ Каспійскаго моря и далѣе на западъ до Ta-tsin (Римской имперіи) и зависѣвшій отъ кочевниковъ Согдіаны, въ періодъ династіи Ганъ (отъ 163 г. до Р. Хр. до 196 послѣ Р. Хр.) присвоилъ имя Alanna и сдѣлался независимымъ [1]). Такимъ образомъ несомнѣнно, что въ I—II ст. послѣ Р. Хр. слово „Аланы" сдѣлалось собирательнымъ именемъ для различныхъ кочевыхъ народовъ, жившихъ по обоимъ берегамъ Каспійскаго моря, главнымъ образомъ, или можетъ быть даже исключительно иранскаго племени, и затѣмъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій этимъ именемъ назывались остатки кочевого скиѳо-сарматскаго населенія нашихъ степей [2]). Въ виду этого неудивительно, что Аланы въ нашихъ источникахъ описываются такими же чертами, какъ Сарматы и Скиѳы. Лукіанъ (II ст. послѣ Р. Хр.) говоритъ, что Аланы имѣютъ одинаковый со Скиѳами языкъ, одинаково одѣваются, только иначе носятъ волосы (стригутъ ихъ)[3]). Амміанъ, современникъ войны Алановъ съ Гуннами, описываетъ Алановъ, какъ кочевниковъ, не знающихъ ни домовъ, ни земледѣлія, питающихся мясомъ и молокомъ, живущихъ на телѣгахъ; гдѣ находятъ они хорошія пастбища для своихъ стадъ и конскихъ табуновъ, тамъ располагаются лагеремъ, уставляя свои телѣги въ кругъ; однако ихъ нравы и бытъ культурнѣе, чѣмъ у Гунновъ, они красивы на видъ, свѣтловолосы, имѣютъ легкое во-

---

[1]) Ritter Die Erdkunde von Asien, V ч. III (т. VII) с. 625—6. Hirt—Sitzgsber. d. bayr. Ak. 1899 с. 250.

[2]) Китайское названіе An-tsai считаютъ равнозначнымъ съ Аорсами античной традиціи—Hirt China and the Roman Orient с. 139, Gutschmid Geschichte Irans с. 121, но противъ этого сопоставленія указываютъ на затрудненія съ лингвистической точки зрѣнія, и Маркварть (Untersuch. II с. 240) угадываетъ въ An-tsai уже Массагетовъ; имя Аорсовъ считаетъ онъ политическимъ именемъ, почетнымъ прозвищемъ, усвоеннымъ группою племенъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ массагетская орда получила преобладаніе надъ ними и приняла для себя это почетное прозвище „почтенныхъ", „славныхъ", вмѣсто стараго имени Массагетовъ—„рыбоѣдовъ". Точно также—имя „Аланъ" („славный", „побѣдоносный") объясняетъ онъ какъ почетное имя, принятое верховною ордою и затѣмъ перенесенное на подвластныя колѣна. См. еще замѣчанія у Тейблера ор. с.

[3]) Τόξαρις ἢ φιλία 51; по всей вѣроятности авторъ здѣсь указываетъ реальныя подробности быта.

оруженіе: очень воинственны и свободолюбивы: у нихъ всѣ въ равной степени благородны, и въ судьи выбираютъ они людей наиболѣе прославившихся на войнѣ. Дальнѣйшія замѣчанія Аммiана объ аланской культурѣ возбуждаютъ нѣкоторое сомнѣніе своимъ слишкомъ полнымъ сходствомъ съ Геродотомъ, хотя сами по себѣ не заключаютъ ничего невозможнаго: у Алановъ, говоритъ онъ, нѣтъ большей славы, какъ убить человѣка; кожу убитыхъ употребляютъ они на конскія украшенія; храмовъ не имѣютъ никакихъ, но втыкаютъ въ землю голый мечъ и почитаютъ его, какъ Марса, покровителя страны; гадаютъ при помощи палочекъ [1]).

Если мы припомнимъ, что подъ именемъ Алановъ выступаетъ отчасти или даже главнымъ образомъ то же самое населеніе, которое передъ тѣмъ фигурировало подъ именемъ Сарматовъ, а еще ранѣе—подъ именемъ Скиѳовъ, то не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, что нѣкоторыя особенности повторяются при описаніи тѣхъ или другихъ. Вопросъ только въ томъ, взялъ ли Аммiанъ эти особенности изъ дѣйствительной жизни или попросту изъ Геродота.

Въ продолженіе нѣкотораго времени аланское имя господствовало на пространствѣ отъ Дуная до Междурѣчья (за Аральскимъ моремъ), но въ общемъ недолго. Во II—III вв. послѣ Р. Хр. изъ западной части черноморскихъ степей кочевое иранское населеніе вытѣсняютъ германскіе переселенцы; съ востока въ III ст. напираетъ гунская орда, и подъ напоромъ ея и иныхъ ордъ, двинувшихся вслѣдъ за ними черезъ наши степи на западъ, аланская группа племенъ разбилась. Европейскіе Аланы были оторваны отъ азіатскихъ и сами раздѣлились на нѣсколько частей: одна часть ихъ присоединилась къ полчищамъ Вандаловъ и Свевовъ, двинувшихся на западъ въ 406 г. и вмѣстѣ съ ними дошла до сѣверной Африки; другая съ упадкомъ гунской державы переходитъ границы Византіи и поселяется въ Нижней Мизіи [2]). Часть остается въ прикавказскихъ степяхъ, и загнан-

---

[1]) XXXI. 2. 18—24.

[2]) О переселеніяхъ Алановъ на западъ: Zeuss с. 700 и далѣе. Dahn Könige der Germanen I, с. 261—5, Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker I с. 222—3. Кулаковскій ор. с.

ные въ горы остатки ея уцѣлѣли до настоящаго времени въ лицѣ маленькаго осетинскаго народа; въ средніе вѣка ихъ поселенія довольно долго держались и въ области нижняго Дона[1]). Другая часть долго держалась въ Крыму, гдѣ еще въ средніе вѣка существовало аланское населеленіе[2]). Но историческая роль иранской колонизаціи на нашей территоріи закончилась съ Гуннскимъ погромомъ.

§ 67. Населеніе Подунавья и Прикарпатья. Ѳракійскія племена. Такимъ образомъ на степныхъ пространствахъ нашей территоріи въ продолженіе цѣлой тысячи лѣтъ, до II—III ст. христіанской эры, господствовали кочевые и полукочевые народы главнымъ образомъ иранской вѣтви. Далѣе на западъ въ горныхъ областяхъ Карпатъ видимъ за это время группу племенъ, которыя всего вѣроятнѣе могли принадлежать, какъ и ихъ южные придунайскіе сосѣди, къ ѳракійской вѣтви индоевропейскихъ племенъ, вѣтви нѣкогда сильной и широко распространенной по обѣимъ сторонамъ Чернаго моря, европейской и малоазіатской, но неблагопріятной исторической судьбой сведенной къ сравнительно незначительнымъ, романизированнымъ остаткамъ въ теперешнихъ Румынахъ. Однако ѳракійская національность этихъ карпатскихъ народовъ только гипотетична, такъ какъ свѣдѣнія наши объ этомъ карпатскомъ населеніи гораздо бѣднѣе, чѣмъ о населеніи степей. Да и свѣдѣнія о ѳракійской колонизаціи, къ которой мы причисляемъ карпатскія племена, очень небогаты, и становятся все бѣднѣе именно въ направленіи съ юга на сѣверъ[3]).

---

[1]) О дальнѣйшей участи прикавказскихъ Алановъ и ихъ связи съ Осетинами (установленной со времени Клапрота—Klaproth, Memoire dans le quel on prouve l'identité des Ossétes avec les Alains, Paris, 1882): В. Миллеръ—Осетинскіе этюды III, гл. II (спеціально объ остаткахъ аланскаго племени на Кавказѣ ib. 111 и дальше). Кулаковскій ор. с. и Христіанство у Аланъ, Византійскій Временникъ, 1898, 1. Спицынъ, Историко-археолог. разысканія (Ж. М. Н. П. 1909, 2).

[2]) О крымскихъ Аланахъ особенно у Васильевскаго, въ исторіи Судака—Сугдеи, которая, довольно вѣроятно, сама была аланской колоніей, Русско-Византійскіе отрывки—Лѣтопись занятій археологической коммиссіи. т. IX с. 168—9, также у Миллера ор. с. с. 77. Объ остальныхъ остаткахъ у Кулаковскаго, Аланы гл. IX.

[3]) Важнѣйшая литература Цейссъ с. 258 и дальше, 696—700. Roesler Die Geten und ihre Nachbarn—Sitzungsberichte der Wiener Akademie т. 44, его же Romänische Studien (1871) и Einiges über

Извѣстія о придунайскомъ ѳракійскомъ населеніи черпаемъ изъ Геродота. На черноморскомъ побережьи между Дунаемъ и Балканами онъ знаетъ племя Кробизовъ, а къ югу отъ нихъ Теризовъ; выше по Дунаю, за Янтрою (Атрисъ) жили Геты, „самые храбрые и справедливые изъ Ѳракійцевъ“ [1]). Границей между Ѳракійцами и Скиѳами служилъ Дунай, но только въ самыхъ общихъ чертахъ. Уже Геродотъ, говоря, что за Дунаемъ начинается „собственная древняя Скиѳія“ [2]), намекаетъ, что въ дѣйствительности скиѳскія поселенія тогда переходили за Дунай въ позднѣйшую Малую Скиѳію (Добруджу). Съ другой стороны, гетскія поселенія переходили за Дунай. Въ IV ст. здѣсь, на лѣвой сторонѣ Дуная, воевалъ съ Гетами Александръ Македонскій. Здѣсь находилась „Гетская пустыня“, гдѣ едва не погибло войско Лизимаха (313—281) во время похода на гетскаго короля Дромихета. Царство этого Дромихета находилось на лѣвомъ берегу Дуная, въ теперешней Валахіи [3]). Но поселенія Гетовъ, очевидно, заходили и еще далѣе на востокъ въ виду, и Тирагеты Страбона были по всей вѣроятности приднѣстровскими Гетами, можетъ быть оторванными отъ остального своего народа позднѣйшимъ бастарнскимъ клиномъ. Страбонъ помѣщаетъ ихъ между Гетскою пустыней и кочевьями Языговъ, а Плиній, говоря о населенномъ Тирагетами островѣ на Днѣстрѣ, имѣетъ въ виду, очевидно, устье Днѣстра [4]).

---

das Thrakische—Zeitschrift für oest. Gymn. 1875. Kretschmer Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, 1896, c. 171—243. Tomaschek Die alten Thraker, Sitzungsb т. 128, 130, 131. Браунъ Разысканія с. 131—178. А. Погодинъ Къ вопросу о ѳракійцахъ (Вѣстникъ археол. и исторіи, XIII, 1900). Также Mommsen Römische Geschichte, изд. 1885 г. с. 189 и сл. Müllenhof Deutsche Alt. III, с. 125 и далѣе. Much Die Südmark der Germanen (Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache hrsg. von Sievers XVII) с. 16—7. Новѣйшее—И. Смирновъ Очеркъ культурной исторіи южныхъ славянъ I с. 12 и далѣе, Niederle Sl. Starož. I с. 404 и сл., Stastný Die Thraker, 1907, Прага.

1) Геродотъ IV 49 и 93, Страбонъ, VII 5. § 12.

2) αὐτὴ ἤδη ἡ ἀρχαίη Σκυθίη (IV, 99).

3) Страбонъ VII. 3. 8 и 14. Павзаній I, 9.

4) Страбонъ VII, 3, 17, Плиній IV. 26. Объ „островѣ Тирагетовъ“ статья Бруна—Черноморье, т. I. Между Гетами и Агаѳир-

Къ сѣверу отъ Гетовъ, на Марошѣ (Μάρισος), въ теперешней Трансильваніи, помѣщаются у Геродота Агаѳирсы, народъ, по его словамъ, близкій къ Скиѳамъ[1]), но съ ѳракійскими нравами. Замѣченную Греками близость со скиѳскими сосѣдями можно объяснять близостью ѳракійскаго народа къ Иранцамъ вообще, а сами Агаѳирсы по всей вѣроятности принадлежали къ Ѳракійцамъ. Сохранившаяся у Стефана Византійца глосса поясняетъ, что Греки называли Агаѳирсами Травсами[2]), а ѳракійское племя Травсовъ дѣйствительно извѣстно (въ Родопахъ)[3]). Далѣе, въ пользу принадлежности Агаѳирсовъ къ Ѳракійцамъ говорятъ и нѣкоторыя бытовыя подробности, напримѣръ татуировка. Позднѣе на ихъ мѣстѣ выступаютъ Даки: со II ст. до Р. Хр. уже имѣется извѣстіе о ихъ борьбѣ съ Бастарнами[4]). Ѳракійская народность Даковъ не подлежитъ сомнѣнію[5]), и съ совершеннымъ вѣроятіемъ можна предположить, что это новое названіе покрыло Агаѳирсовъ, а можетъ быть и другія сосѣднія племена вслѣдствіе какого нибудь политическаго переворота.

Въ I в. до Р. Хр. Геты и Даки были объединены въ одно политическое цѣлое сильною державою Бурвисты (Бойребисты), проявившею себя грозными походами на сосѣднія земли, между прочимъ—опустошеніемъ Ольвіи и другихъ греческихъ колоній до самой Аполлоніи[6]). Распавшись по смерти Бурвисты, это гето-дакійское государство достигаетъ потомъ большого могущества въ концѣ I ст. послѣ Р. Хр. въ рукахъ талантливаго организатора и по-

---

сами Геродотъ помѣщаетъ еще скиѳскій народъ Сигинновъ, но въ виду того, что въ другихъ источникахъ Сигинны выступаютъ около Каспійскаго моря, является основательное подозрѣніе, что Геродотъ по ошибкѣ перенесъ ихъ сюда—ср. Roesler Romän. Studien с. 9—10, Müllenhof Deut. Alt. III с. 2.

[1]) Въ переданной имъ греческой легендѣ Агаѳирсъ, Гелонъ и Скиѳъ были братьями—сынами Геракла (IV, 10).

[2]) Стефанъ sub voce Τραυσοί

[3]) Ливій называетъ ихъ совершенно опредѣленно Ѳракійцами—XXXVIII, 41, 6.

[4]) Юстинъ—XXXII, 3, 16.

[5]) Юстинъ: Daci quoque soboles Getarum sunt (l. c.), Страбонъ VII, 3, 13: ὁμόγλωττοι δ᾽εἰσὶν οἱ Δακοὶ τοῖς Γέταις: ср. Діона Кассія LII, 22.

[6]) Страбонъ VII, 33, 11, Діонъ Хризостомъ or. XXXVI.

литика Децебала, въ союзѣ съ другими сосѣдними народами начавшаго борьбу съ Римлянами (въ 80 гг.). Сначала счастье было на его сторонѣ (во время царствованія Домиціана). Но возобновленная Траяномъ, эта война, послѣ тяжкихъ усилій, окончилась разрушеніемъ дакійскаго государства (около 106 г.). На его мѣстѣ была образована римская провинція Дакія, колонизированная разноплеменными выходцами изъ другихъ провинцій.

Провинція Дакія, какъ ее описываетъ Птолемей (III, 8), заключала въ себѣ область между Тиссою, Дунаемъ, верхнимъ Днѣстромъ и Серетомъ, въ то время какъ черноморское побережье, то-есть греческія колоніи, какъ Тира, Ольвія и др., причислялись къ Нижней Мизіи. Главнымъ очагомъ римской колонизаціи и римской жизни была долина средняго Мароша и Самоша. Зависимость карпатскаго предгорія, а тѣмъ болѣе закарпатскихъ областей отъ римской имперіи была болѣе или даже совершенно номинальной. Какъ далеко къ сѣверу доходили римскія укрѣпленія, это до сихъ поръ еще не выяснено. Остатки римскихъ граничныхъ укрѣпленій видятъ въ земляныхъ валахъ галицкаго Подолья (въ углу между Збручомъ и Днѣстромъ) и въ Бессарабіи, въ двухъ большихъ „Траяновыхъ“ валахъ, параллельно пересѣкающихъ междурѣчье Прута и Днѣстра[1]). Но римское происхожденіе этихъ валовъ все еще гипотетично, и связь ихъ съ какою нибудь системой римскихъ укрѣпленій до сихъ поръ не выяснена.

Римская оккупація Дакіи продолжалась немногимъ болѣе полутора столѣтія. Все это время Дакія оставалась обособленнымъ передовымъ укрѣпленіемъ Римской имперіи (отъ провинціи Паннопіи ее отдѣляла территорія Языговъ между Дунаемъ и Тиссою); удерживать ее за собою Риму было очень затруднительно, и когда въ срединѣ III в. съ особенною силой начались нападенія на Римскую имперію сосѣднихъ народовъ, Авреліанъ, для облегченія борьбы

[1]) О „Траяновомъ валѣ“ въ галицкомъ Подольѣ см. статью Киркора въ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, т. VII, с. 38 и далѣе. О бессарабскихъ валахъ можно только повторить мнѣніе Моммзена op. c. с. 206: „они, конечно, могутъ быть римскими, но до сихъ поръ нѣтъ для этого никакихъ достовѣрныхъ доказательствъ“. Оба обозначены напр. на спеціальной картѣ россійскаго генеральнаго штаба, изд. 1887 г.

съ ними, рѣшилъ отказаться отъ этой провинціи. Римское и романизированное населеніе было выведено во Ѳракію и Мизію, Дакія была оставлена (274 г.), а чтобы утрата казалась менѣе чувствительной, на правомъ берегѣ Дуная, въ Мизіи, была создана новая провинція Дакія.

§ 64. Населеніе восточныхъ Карпатъ: Бессы, Костобоки, Карпы. Только со времени упадка дакійского государства во время Траяна выступаютъ передъ нами мелкіе прикарпатскіе народы. Къ сожалѣнію, Птолемей, главный источникъ, въ размѣщеніи прикарпатскихъ народовъ допустилъ большую путаницу, такъ что нѣтъ возможности установить ихъ дѣйствительное размѣщеніе [1]). Начиная отъ верховьевъ Вислы къ востоку сидятъ у него Ἀνάρτοι, Ἀρσιῆται, Σαβῶκοι, Πιεγγῖται, Βίεσσοι, Κοιστοβῶκοι, Καρπιανοί [2]). Изъ этихъ народовъ для насъ наиболѣе интересны три послѣднихъ. Бессы находятся подъ „Карпатскими горами“, помѣщенными у Птолемея у верховьевъ Днѣстра и Сана: живутъ ли они на южномъ или на сѣверномъ склонѣ горъ—такой опредѣленности нельзя требовать отъ Птолемея. Койстобоки (Costobоci римскихъ источниковъ) обитали къ востоку отъ нихъ. У Птолемея это названіе повторяется два раза, раздѣленное Днѣстромъ и Певкинскими горами (Карпатами): на основаніи этого можно было бы предполакать, что они жили по обѣ стороны горъ, но возможно допустить и комбинированіе двухъ извѣстій о томъ же самомъ [3]). Во всякомъ случаѣ на южномъ склонѣ Карпатъ Костобоки были. Карпы —имя, очевидно, связанное съ названіемъ Карпатъ —также два раза упоминаются у Птолемея (Καρπιανοί и Ἄρπιοι), оба раза далѣе къ востоку, въ сосѣдствѣ Бастарновъ и Тирагетовъ [4])—гдѣ-то около Днѣстра и Прута, хотя имя Карпатъ относится у Птолемея какъ разъ къ западной ихъ части, около верхней Тисы (поэтому нѣкоторые ученые помѣщаютъ здѣсь Карповъ).

Эти три народа выступаютъ въ исторіи во время маркоманнскихъ войнъ и послѣ нихъ, какъ герои пограничныхъ битвъ и раз-

---

[1]) Ср. Müllenhof D. Alt. II с. 87 sq.

[2]) Ш. 5 § 10, 8. § 5.

[3]) Существуетъ еще другое предположеніе—что мы имѣемъ здѣсь слѣдъ перехода Костобоковъ съ сѣвернаго склона на южный.

[4]) Ш. 5. § 24 и 16 § 13.

бойничьихъ нападеній на римскія земли. Изъ нихъ менѣе всего извѣстно намъ о Бессахъ; оставляя въ сторонѣ не совсѣмъ ясныя упоминанія о нихъ въ окрестностяхъ нижняго Дуная у Овидія, они фигурируютъ только, какъ участники маркоманнской войны вмѣстѣ съ Костобоками. Но о Костобокахъ мы знаемъ больше: имѣемъ извѣстія, что они совершали далекіе походы, заходили въ Ахайю и Македонію, занимаясь грабежами (походъ 165 г.). Изъ одной надписи знаемъ мы ихъ короля—Піепора[1]). Эти нападенія, вѣроятно, были причиной того, что, когда Вандалы во время маркоманнскихъ войнъ пришли въ Дакію, искать здѣсь себѣ поселеній, то римскій намѣстникъ натравилъ ихъ на Костобоковъ, и Вандалы дѣйствительно разгромили ихъ, захватили земли, и послѣ этого о Костобокахъ уже ничего болѣе не слышно[2]).

Не такъ легко отдѣлались Римляне отъ Карповъ. Первое датированное нападеніе ихъ на Мизію относится къ 30 гг. III ст., но изъ разсказа Петра Патриція, относящагося къ тому же времени, видимъ, что Карпы считали тогда себя спеціалистами въ такихъ набѣгахъ, лучшими даже, чѣмъ Готы, извѣстные тогда своими нападеніями на римскія провинціи[3]). При случаѣ они принимали участіе и въ походахъ Готовъ. Императоры Филиппъ Арабъ и Авреліанъ извѣстны своими побѣдами надъ Карпами: Авреліанъ, побѣдивши Карповъ, поселилъ часть ихъ на римскихъ земляхъ[4]). Начатое имъ переселеніе Карповъ на римскія земли было закончено при Галеріи и Діоклетіанѣ: по окончаніи какой то, неизвѣстной намъ ближе войны остатки Карповъ—весь народъ ихъ, вмѣстѣ съ Бастарнами, были переселены на римскія земли (вѣроятно—въ Паннонію и Мизію). Такимъ образомъ обыкновенно успокаивалъ тогда Римъ надоѣдливыхъ сосѣдей, и этотъ переходъ Карповъ и Бастарновъ былъ, вѣроятно, добро-

---

[1]) Овидій—Tristia III. 10. 5. и IV. 1. 67 (о Бессахъ на нижнемъ Дунаѣ у Брауна с. 161). Scriptores hist. Augustae—Ant. Phil. 22, Павзаній X, 34, 5. Corpus I. L. VI. N 1081, Arch.-epigr. Mitth. 1890. XIII. 189.

[2]) Діонъ Кассій LXXI, 12.

[3]) Script. hist. Aug. Maximus et Balb. 16; Фрагменты Дексиппа и Петра Патриція—Hist. gr. min. I p. 176—7, 428—9.

[4]) Script. h. Aug. Aurelianus 30. Зосимъ I, 22, 27, 30. Аврелій Викторъ De caesaribus 39, 43.

вольнымъ, а не принужденнымъ [1]). Возможно, что на это переселеніе повліялъ и натискъ черноморскихъ Германцевъ съ юго-востока, а можетъ быть и натискъ Славянъ на сѣверныхъ склонахъ Карпатъ (вообще исторія колонизаціи карпатскаго предгорья этого времени для насъ почти не существуетъ). Послѣ этого только одинъ разъ, въ концѣ IV ст., упоминаются какіе то Карподаки, которые вмѣстѣ съ бандами Гунновъ и Скировъ пробовали пробиться за Дунай [2]). Можетъ быть, это были остатки тѣхъ паннонскихъ переселенцевъ.

§ 65. Національность карпатскихъ племенъ. Относительно національности этого населенія восточныхъ Карпатъ имѣемъ лишь нѣкоторые намеки. Прежде всего здѣшнее населеніе примыкаетъ къ ѳракійской колонизаціи Подунавья и Трансильваніи, и это само по себѣ наводитъ на мысль, не принадлежало ли и оно къ Ѳракійцамъ. Въ пользу этого предположенія, дѣйствительно, говоритъ и рядъ другихъ фактовъ. Имя карпатскихъ Бессовъ повторяетъ имя Бессовъ ѳракійскихъ около Родона. Названіе Карподаковъ могло бы намекать на родство Карповъ съ Даками. Имя короля Костобоковъ Піепора и его родственника Натопора имѣетъ характерный суффиксъ, повторяющійся въ формѣ *порис* въ многочисленныхъ ѳракійскихъ и дакійскихъ именахъ [3]). Особенно же важнымъ кажется мнѣ фактъ, что Птолемей перечисляетъ въ Карпатахъ и на верхнемъ Днѣстрѣ и Серетѣ рядъ поселеній съ окончаніемъ на *дава* (*δαυα*) [4]), характернымъ суффик-

---

[1]) На это намекаютъ слова Идація и Амміана Марцеллина; тексты см. Dahn-Wietersheim Geschichte der Völkerwanderung I с. 278 (изд. 2-е 1880). О поселеніяхъ переведенныхъ—Ам. Марцеллинъ XXVII, 5. 5. и XXXVIII 1. 5. [2]) Зосимъ IV. 34.

[3]) См. объ этомъ суффиксѣ у Томашека Sitzungsberichte т. 131 с. 21, также Моммзена ор. с. с. 207. Это же имя Піепора напоминаетъ Dac(i) Petoporiani на Tab. Peutingeriana (какъ справедливо замѣтилъ еще Цейссъ с. 697, ср. Томашекъ ор. с. т. 128, с. 108); возможно даже, что это ошибка вмѣсто Pieporiani. Это значило бы, что Костобоки были Даки. Эти „Петопоровы Даки“ на картѣ помѣщены уже на восточномъ склонѣ Карпатъ, на лѣвомъ берегу Днѣстра. Можетъ быть, то же имя скрывается и въ названіи города *Πιροβορίδαυα* Птолемея (III. 10. 8)?

[4]) *Κληπίδαυα* (около Днѣстра), *Δοκίδαυα*, *Πατρίδαυα*, *Καρσίδαυα*, *Πετρόδαυα*, *Σάνδαυα*, *Οὐτίδαυα*, *Ζαργίδαυα*, *Ταμασίδαυα*.

сомъ дакійскихъ поселеній, весьма распространеннымъ въ ѳракійскихъ земляхъ[1]). Допустить, что всѣ эти города были перенесены изъ дакійскихъ областей на сѣверъ отъ Карпатъ за недостаткомъ мѣста на картѣ, представляется невѣроятнымъ.

Всѣ эти факты и нѣкоторыя другія менѣе важныя обстоятельства дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что помянутыя карпатскія племена относились къ ѳракійской семьѣ. Въ основѣ своей это было, быть можетъ, смѣшанное съ Ѳракійцами и ассимилированное ими еще болѣе древнее, не индоевропейское населеніе, той же расы, которая въ своихъ остаткахъ извѣстна намъ въ альпійскихъ областяхъ и могла сохраниться также и въ гористыхъ, малодоступныхъ мѣстностяхъ Карпатъ; но такъ далеко въ глубину этого этническаго процесса не могутъ насъ вести никакія изслѣдованія[2]). Довольно распространенный въ свое время взглядъ, что эти карпатскія племена были Славянами, не имѣетъ подъ собою почвы. Противъ него особенно рѣшительно свидѣтельствуютъ извѣстныя намъ имена Костобоковъ: переданныя въ надписи на памятникѣ, сооруженномъ Костобокомъ, они должны быть переданы вѣрно, а между тѣмъ звучатъ совершенно не по славянски[3]). Нельзя свести все карпатское населеніе и къ кельтской колонизаціи, даже если и допускать здѣсь слѣды кельтизма[4]).

Πιροβορίδαυα (между Днѣстромъ и Серетомъ)—Птолемей III. 5 § 30, 8 § 6—7, 10 § 15.

[1]) Tomaschek Die alten Thraker III, с. 70.

[2]) Возможно, что со временемъ здѣсь разъяснитъ что нибудь антропологія Не безъинтересный фактъ, что какъ разъ гористыя альпійско-карпатскія области являются областью наибольшей короткоголовости. Можетъ быть, именно здѣсь выступаетъ предъ нами слѣдъ старой расы, которая, будучи ассимилирована Индоевропейцами, повліяла на ихъ антропологическій типъ? Потканскій въ своей статейкѣ O pochodzeniu Słowian (Kwart. histor. 1902), обративъ вниманіе на этотъ фактъ, хотѣлъ объяснить развитіе короткоголовости въ Карпатахъ вліяніемъ Кельтовъ, какъ „альпійской рассы". Но гораздо проще спросить—не населяла ли эта альпійская расса Карпатъ независимо отъ Кельтовъ и всего индо-европейскаго разселенія?

[3]) Надпись въ Corpus inscr. latinarum VI № 1801: d. m. ziai tiati. fil. dacae uxori piepori regis coisstobocensis natoporus et drilgisa. aviae cariss. b. m. fecer.

[4]) О нихъ см. ниже стр. 158.

Өракійская гипотеза все же имѣетъ подъ собою несравненно болѣе твердую почву, чѣмъ подобныя догадки.

Какъ далеко на сѣверъ заходила эта өракійская колонизація — выходила ли она за границы горнаго карпатскаго пояса, невозможно сказать: ея слѣды на сѣверномъ склонѣ довольно неясны [1]). Тутъ уже въ древнія времена, какъ я упоминалъ [2]), өракійская колонизація могла встрѣтиться со славянской. Бастарнскій клинъ потомъ разорвалъ это соприкосновеніе, хотя, можетъ быть, и не по всей линіи. Отдѣльныя славянскія группы могли заходить въ горы и пробиваться на южныя склоны Карпатъ и тогда и ранѣе; но мы лишены возможности слѣдить за движеніемъ ихъ.

§ 66. Бытъ карпатскаго населенія. О бытѣ и культурѣ карпатскихъ племенъ мы не имѣемъ почти никакихъ спеціальныхъ извѣстій: лишь допуская, что это были өракійскія или ассимилированныя Өракійцами племена, можемъ позаимствовать кое-что изъ извѣстій о другихъ өракійскихъ племенахъ (Гетахъ, Дакахъ и др.).

Существовало однако большое различіе между южными, приморскими өракійскими племенами, рано подпавшими чужимъ культурнымъ вліяніямъ, и сѣверными, долго сохранявшими малокультурный, примитивный бытъ. У этихъ сѣверныхъ Өракійцевъ еще въ историческія времена были извѣстны свайныя постройки, а у Дуная жили Өракійцы-„троглодиты", между тѣмъ какъ у другихъ Өракійцевъ въ это время уже были и города, и крѣпости. Преобладала у нихъ пастушеская жизнь; очень любима была охота. Суровый бытъ Өракійцевъ, а также ихъ необычайная воинственность, увлеченіе битвами и полное пренебреженіе къ смерти были широко извѣстны. Къ этому нужно прибавить прославленное өракійское пьянство (въ бой они обыкновенно вступали въ состояніи опьяненія) и безпорядочность въ половыхъ отношеніяхъ—признаки еще не уходившейся энергической натуры. Изъ некультурныхъ особенностей өракійскаго быта бросалось Грекамъ въ глаза широко распространенное татуированіе, извѣстное и у Гетовъ и у Агаөирсовъ-Даковъ (στίζονται, picti). Агаөирсы славились богатствомъ золо-

[1]) Придерживаться географическаго положенія поселеній на —dava, даннаго Птолемеемъ, разумѣется невозможно.

[2]) См. стр. 70.

тыхъ украшеній. Пользовалось извѣстностью ѳракійское оружіе. Физическій типъ Ѳракійцевъ, на взглядъ Грековъ, отличался свѣтлымъ и рыжымъ цвѣтомъ (πυρροί). Внѣшній видъ Ѳракійцевъ на рельефахъ Трояновой колонны въ Римѣ совершенно напоминаетъ Скиѳовъ черноморскихъ рельефовъ и Германцевъ Авреліевой колонны: такіе же длинные волосы и бороды, тѣ же типы лицъ, схожая одежда (широкіе шаравары, короткія рубахи, плащи). Эти многочисленныя схожія черты быта, какія можно найти между Скиѳами и Ѳракійцами, объясняются, какъ уже было сказано, общею близостью этихъ вѣтвей индо-европейскаго семейства, близкихъ между собою географически и этнографически.

Что касается сферы духовной жизни, можно отмѣтить широкое развитіе пѣсни: не говоря о прославленныхъ въ этой области южныхъ Ѳракійцахъ, объ Агаѳирсахъ разсказывали, что у нихъ для запоминанія законы облекаются въ форму пѣснь: послы Гетовъ выходили съ киѳарами, играя на нихъ. Широко извѣстно было также вѣрованіе Гетовъ въ безсмертіе: Геты-безсмертники (ἀθανατίζοντες)—таково было ихъ обычное прозвище. Эта вѣра, очень поражавшая Грековъ съ ихъ слабо развитыми представленіями о загробномъ существованіи, у Гетовъ стояла въ связи съ культомъ Замолксиса, бога умершихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бога обновленія жизни въ природѣ. При погребеніи мужчины убивали его любимую жену, это служило упрекомъ для оставшихся въ живыхъ женъ. Жрецы пользовались большимъ вліяніемъ: политическое возрожденіе ѳракійскихъ племенъ во время Бурвисты совершилось подъ вліяніемъ главнаго жреца. И позднѣе—до паденія дакійскаго государства жрецы сохраняли въ ней свое первенствующее вліяніе[1]).

§ 67. Остатки стараго населенія Карпатъ. Съ паденіемъ дакійскаго государства прикарпатскія племена, какъ мы видѣли, въ большомъ количествѣ были истреблены или переведены на римскія земли. Населеніе Трансильваніи было въ значительной степени романизировано и вмѣстѣ съ римскими колонистами

---

[1]) О бытѣ и культурѣ Ѳракійцевъ см. особенно свѣдѣнія у Томашка Die alt. Thaker I. с. 111 и далѣе, т. II—культъ. См. также новую работу Fischer Die Haar-und Kleidertracht vorgeschtichlicher Karpathen und Balkanvölker (Archiv f. Anthrop. 1909).

въ царствованіе Авреліана переведено въ ближайшія римскія земли. Это все должно было значительно ослабить ѳракійскую колонизацію карпатскихъ областей, свести ее уже тогда къ незначительнымъ остаткамъ. Славянская колонизація, проникая въ Карпаты и Закарпатье въ IV—V вв., вѣроятно, не много застала отъ нея.

На вопросѣ объ остаткахъ древней колонизаціи Трансильваніи базируется румынскій вопросъ. Въ послѣднія десятилѣтія обозначилось два взгляда на возникновеніе румынской національности: одни утверждаютъ, что румынское населеніе Трансильваніи (гнѣзда румынской національности) сложилось изъ позднѣйшихъ вольныхъ и невольныхъ (переведенныхъ Болгарами) переселенцевъ изъ балканскихъ земель, слѣдовательно—изъ романизированныхъ балканскихъ Ѳракійцевъ,—такъ какъ древнѣйшее романизированное населеніе римской Дакіи было выведено оттуда въ III в. въ Мизію. Согласно другому взгляду, остатки романизированныхъ Даковъ сохранились въ трансильванскихъ горахъ: умножившись, они образовали здѣсь многочисленное румынское населеніе, которое начинаетъ оттуда (въ XII—XIII ст.) распространяться въ областяхъ нижняго Дуная. Среднимъ путемъ идутъ изслѣдователи, признающіе существованіе остатковъ романизированнаго населенія въ Семигородѣ, но считающіе ихъ незначительными, а позднѣйшій ростъ его объясняющіе послѣдующими переселеніями романизированныхъ Ѳракійцевъ изъ балканскихъ областей въ Трансильванію [1]). Этотъ средній взглядъ наиболѣе вѣроятенъ. Съ извѣстными видоизмѣненіями можемъ приложить его и къ восточнымъ Карпатамъ—тамъ, какъ и въ Трансильваніи, также остались, вѣроятно, остатки древней колонизаціи (только здѣсь они едва ли были серіозно затронуты романизаціей). Въ хорографическихъ названіяхъ и въ діалектахъ восточныхъ Карпатъ есть много такого, что наводитъ на мысль объ остаткахъ болѣе древней колонизаціи—независимо отъ румынскихъ элементовъ, ко-

---

[1]) Объ этомъ вопросѣ и его литературѣ во 2-мъ изд., обозрѣніе его въ трудахъ: R. Brienbrecher-a Der gegenwärtige Stand der Frage über die Herkunft der Rumänen (Progr. d. evang. Gymnasiums in Hermannstadt, 1896). Densusianu Histoire de la langue roumaine, I, 1901. Paris. Jireček Die Romanen in der Städten Dalmatiens, 1902. Onciul Românii in Dacia Traiana, 1902. Fischer Herkunft der Rumänen, 1904. Jorga Geschichte des rumän. Volkes, 1905.

торые могутъ быть объяснены позднѣйшими переселеніями и вліяніями новѣйшихъ поселеній „на волошскомъ правѣ“ [1]). Исторія этихъ поселеній, основывавшихся съ конца XIV ст. эмигрантами изъ румынскихъ областей Венгріи, а потомъ на ихъ образецъ и мѣстными людьми, извѣстно намъ документально. Мы знаемъ навѣрно, что эти поселенія были явленіемъ совершенно новымъ, и нельзя ставить ихъ въ непосредственную связь съ дославянской колонизаціей восточныхъ Карпатъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, неознакомленные съ исторіей этой страны изслѣдователи [2]). Сохранилось ли до того времени какое нибудь мѣстное неславянское горское населеніе—неизвѣстно и сомнительно. Отдѣлить принесенное позднѣйшими румынскими поселенцами отъ того древняго, что осталось въ хорографіи и языкѣ горскаго населенія, было бы очень благодарной задачей, но за нее до сихъ поръ еще не принимались серьозно [3]).

§ 68. Бастарны. Въ средину между горскими, карпатскими племенами и степными —иранскими, врѣзывается позднѣе клиномъ новая

[1]) Изъ корня *боки, выступающаго въ именахъ Сабоковъ, Койстобоковъ, выводятъ нынѣшнее названіе Буковины, какъ память этихъ *боковъ—въ значеніи земли Боковъ (Мюлленгофъ, Браунъ, Веселовскій). Шафарикъ усматривалъ въ этихъ „боках“ славянское *бокъ*, новѣйшіе изслѣдователи—ѳракійское названіе народа. Плохо только, что названіе Буковины выступаетъ такъ поздно! По той же причинѣ трудно выводить и имя Бессарабіи отъ Бессовъ, какъ это до сихъ поръ еще дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи (напр. Браунъ).

[2]) Труды Миклошича и Калужняцкаго Ueber die Wanderungen der Rumunen in den Dalmatischen Alpen und Karpaten, 1880 (Denkschriften вѣнской академіи), написанные съ чисто филологической точки зрѣнія, съ полнымъ игнорированіемъ исторіи позднѣйшей колонизаціи „волошскаго права“, но очень популярные въ научной литературѣ, послужили однимъ изъ главныхъ источниковъ для такихъ ошибочныхъ выводовъ. Еще недавно ссылался на нихъ пок. краковскій ученый Потканскій (O pochodzeniu Słowian), доказывая съ большою увѣренностью, что горныя карпатскія области во время славянскаго разселенія и позднѣе были областью румынскихъ пастуховъ.

[3]) Новая работа: Czirbusz, A kárpátok hegyeinek és folyoinak nevei, 1908 (этимологіи географической номенклатуры Карпатъ) не подвигаетъ вопроса сколько нибудь значительно.

колонизація — бастарнская [1]). Этнографическій составъ ея въ нашихъ источникахъ не совсѣмъ ясенъ. Тацитъ въ своемъ классическомъ отрывкѣ о Бастарнахъ колеблется, не зная, къ какой группѣ, германской или сарматской, причислить ихъ. Онъ находитъ въ ихъ языкѣ и способѣ жизни болѣе сходства съ Германцами, хотя съ другой стороны нечистоплотность этого народа и особенная покорность старѣйшинамъ говорятъ противъ такого предположенія; наконецъ онъ находитъ выходъ, предполагая, что это германское племя, подвергшееся сарматскому вліянію благодаря смѣшаннымъ бракамъ съ Сарматами. Кромѣ Тацита еще Страбонъ и Плиній, писатели того времени, когда уже умѣли отличать Германцевъ, причисляютъ Бастарновъ къ германскому племени [2]). Другіе писатели (Полибій, Ливій, Плутархъ) называютъ это племя то Бастарнами, то Кельтами; ольвійскій декретъ Протогена говоритъ о грозномъ нападеніи Скировъ и Галатовъ, и въ послѣднихъ многіе видѣли Бастарновъ. Но Галатами въ греческой литературѣ часто назывались Германцы, особенно пока античный міръ еще не познакомился съ этими послѣдними ближе и не научился отличать ихъ. А имя Скировъ, германскаго народа готской группы, выступающаго въ упомянутомъ ольвійскомъ декретѣ вмѣстѣ съ „Галатами“ [3]), какъ разъ придаетъ вѣроятность предположенію, что Бастарны явились передовыми отрядами той германской миграціи на югъ, которая въ большихъ размѣрахъ развилась позд-

---

[1]) О Бастарнахъ см. въ особенности Zeuss Die Deutschen с. 126, 442. Müllenhof D. Alt. II с. 104 sq. Hahnel Die Bedeutung der Bastarnen für das germanische Altertum, 1865. R. Much Die Bastarnen 1890 (Mittheil. der Anthrop. Gesell. in Wien, XX), Die Südmark der Germanen, Deutsche Stammsitze. Sehmsdorf Die Germanen in den Balkanländern bis zum Auftreten der Goten, 1899. Bremer Ethnographie. Браунъ Разысканія.

[2]) Germania, 46. Страбонъ VII. 3. 17 (осторожно *σχεδόν τε καὶ αὐτοί τοῦ Γερμανικοῦ γένους ὄντες*). Плиній IV. 14.

[3]) Прокопій (De b. G. I, 1) называетъ даже Скировъ готскимъ народомъ, но это извѣстіе не имѣетъ значенія, такъ какъ вмѣстѣ съ Скирами онъ называетъ готскимъ народомъ и Алановъ. (Цейссъ с. 703—4 все же считалъ Скировъ аланскимъ народомъ, принимая во вниманіе, что здѣсь у Прокопія и у Іордана они выступаютъ вмѣстѣ съ Аланами).

нѣе[1]). При этомъ однако, какъ принимаютъ теперь въ научной литературѣ, Бастарнское племя дѣйствительно могло имѣть значительную кельтскую примѣсь въ культурѣ, или въ самомъ своемъ составѣ, а придя позднѣе въ болѣе близкое соприкосновеніе со степнымъ населеніемъ, дѣйствительно могло позаимствовать многое и у нихъ.

§ 69. Слѣды Кельтовъ. Съ кельтскими элементами Бастарновъ можно связать нѣкоторыя слѣды кельтской народности или культуры въ областяхъ занятыхъ Бастарнами[2]). Такъ напр. намъ извѣстны названія племенъ и городовъ кельтскаго корня на нижнемъ Дунаѣ и въ Прикарпатьи (хотя положиться на точность ихъ размѣщенія нельзя)[3]). Нѣкоторые усматриваютъ въ нихъ слѣды кельтской колонизаціи IV в. до Р. Хр., извѣстной намъ въ западныхъ балканскихъ земляхъ[4]). Но эти слѣды кельтизма на нижнемъ Дунаѣ можна связывать и съ бастарнскою колонизаціей, какъ это и дѣлаютъ другіе изслѣдователи. Независимое отъ Бастарновъ происхожденіе необходимо признать лишь за кельтской номенклатурой средняго Дуная—она здѣсь также довольно сильна и, вѣроятно, должна быть поставлена въ связь съ болѣе западною кельтской колонизаціей восточныхъ Альпъ и Моравіи. Въ восточные Карпаты кельтскіе элементы могли быть занесены и кельтскою средне-дунайскою колонизаціей и бастарнскою миграціей: но здѣсь

---

1) Германцами считали Бастарновъ Цейссъ, Кипертъ (Lehrbuch der al. Geographie § 299, изд. 1878), Мюлленгофъ, Семздорфъ; Бремеръ (op. c. c. 180) считаетъ die germanische Nationalität des Volkes (Бастарновъ) als gesichert. Кельтовъ видѣли въ нихъ Ганель, Томашекъ, Низе и др.

2) О слѣдахъ кельтизма на нижнемъ и среднемъ Дунаѣ и въ карпатскиыъ областяхъ—см. рецензію Томашека на II т. Мюлленгофа Deutsche Altertumskunde въ Göttinger Gelehrten-Anzeiger, 1880, с. 300. R. Much Die Bastarnen (какъ выше) и Die Südmark der Germanen с. 14 и далѣе. Браунъ Разысканія (с. 126 и далѣе). Веселовскій Изв. отд. русск. языка 1900, I (с.14—5, 20). Погодинъ Изъ исторіи слав. передвиженій с. 96—7. См. еще во II-мъ изд.

3) Напр. на нижнемъ Дунаѣ пленъ Бритолаговъ, городъ Νοβιόδουνον, вѣроятно также Ἀλίοβριξ, далѣе Καῤῥόδουνον, Οὐιβαντοουάριον (у Птолемея)—названія, дѣйствительно, характерно кельтскія.

4) Этихъ придунайскихъ Кельтовъ видятъ и въ Галатахъ декрета Протогена тѣ, кто не соглашается признать ихъ Бастарнами.

вообще гораздо труднѣе указать кельтизмы—все, собранное до сихъ поръ, или очень гипотетично или не свободно отъ сомнѣній [1]).

Съ географической точки зрѣнія вполнѣ возможно, что здѣсь, въ карпатскихъ областяхъ, Славяне предъ своимъ разселеніемъ имѣли случаи встрѣчаться съ Кельтами; но при этомъ мы видимъ, что имя восточныхъ Кельтовъ—Волковъ, сдѣлавшееся потомъ общимъ именемъ для романизированныхъ народовъ, было принято Славянами не непосредственно отъ Кельтовъ, а отъ Германцевъ (можетъ быть Бастарновъ же), съ тѣмъ же значеніемъ, какое оно имѣло у Германцевъ (латинское Volcae, нѣм. Walhoz—славянское Влахъ). Это говорило бы противъ непосредственныхъ встрѣчъ Славянъ съ Кельтами. Слѣдовъ непосредственнаго соприкосновенія съ Кельтами въ славянской культурѣ также не можемъ указать съ достовѣрностью. Поэтому эти кельто-славянскія соприкосновенія (съ культурно-исторической точки зрѣнія они имѣли бы весьма большую важность) остаются все таки сомнительными.

§ 70. Разселеніе Бастарновъ. Болѣе подробныя извѣстія о разселеніи Бастарновъ относятся къ I ст. по Р. Х. Передовые ихъ отряды занимали тогда дунайскую дельту, „островъ Певку" [2]), и поэтому назывались Певкинами. На сѣверѣ Бастарны сидятъ

---

[1]) На верховьяхъ Днѣстра, подъ Карпатами, помѣщаетъ Итолемей г. Карродунъ, но на достовѣрность этой локализаціи нельзя положиться. Объясненія изъ кельтскихъ корней хорографическихъ названій (напр. Вягръ—Wehra, Лаборець—Laber, изъ кельт. labara, шумный) остаются гипотетичными. Мало вѣроятно и происхожденіе Галича отъ Галатовъ (Кельтовъ), „какъ память о Кельтахъ-Галатахъ, какъ безспорно сохранилась она въ мало-азіатской Галатіи и вѣроятно также въ испанской Галиціи". Браунъ (op. c. 166-174) удѣляетъ довольно много мѣста этому вопросу. Справедливо отбрасывая выведеніе Галича изъ sal (соль) и изъ польскаго hala, гора, онъ однако самъ не можетъ найти никакихъ доказательствъ въ пользу гипотезы о происхожденіи Галича отъ Галатовъ. Галичъ онъ считаетъ русскою формою Galatz (Галацъ на Дунаѣ). Приведенная имъ же параллель—Галичъ (Gács) въ словацкихъ Карпатахъ говорила бы сама противъ такого объясненія. Поэтому и пок. Веселовскій въ своей въ общемъ благосклонной рецензіи „генеалогію" Галича принялъ cum grano salis (ст. 15).

[2]) О ней спеціальное изслѣдованіе Бруна—Черноморье, т. I.

на восточномъ склонѣ Карпатскихъ горъ, которыя благодаря имъ у географовъ II—III ст. послѣ Р. Хр. называются Певкинскими и Бастарнскими горами. На сѣверо-западѣ Бастарны примыкали къ своимъ землякамъ—Германцамъ, на юго-востокѣ—къ приднѣстровскимъ Тирагетамъ. Изъ отдѣльныхъ бастарнскихъ племенъ Страбонъ кромѣ Певкиновъ упоминаетъ по имени еще Атмоновъ и Сидоновъ [1]).

Очень важнымъ фактомъ для хронологіи бастарнской миграціи былъ бы ольвійскій декретъ Протогена, если бы онъ былъ датированъ, и къ тому же если бы не было никакого сомнѣнія, что его Галаты—Бастарны. Но такъ какъ такое сомнѣніе существуетъ, и декретъ датируютъ то III, то II ст., какъ разъ исходя изъ его этнографическихъ указаній, то для выясненія хронологіи бастарнской миграціи онъ не можетъ дать ничего важнаго сравнительно съ другими историческими источниками. Въ этихъ послѣднихъ источникахъ Бастарны впервые появляются въ 180 г., когда ихъ призвалъ на помощь противъ своихъ враговъ Филиппъ II Македонскій [2]). Они выступаютъ тогда лѣвомъ берегу Дуная, и обыкновенно предполагаютъ, что Бастарны пришли туда около этого времени, такъ какъ во II ст. еще называются „пришельцами“ (ἐπήλυδες) [3]). Конечно, этотъ *недавній* приходъ можно было бы понимать различно; но важно то, что во время борьбы Александра В. и его преемниковъ съ Гетами на Дунаѣ о Бастарнахъ тамъ еще ничего не слышно. Въ прикарпатскихъ областяхъ они могли появиться значительно ранѣе того времени, когда сдѣлались намъ извѣстны на югѣ [4]).

---

[1]) Страбонъ VII, 3 § 15 и 17, Птолемей III. 5 § 15 и 19, Tabula Peutingeriana.

[2]) Ливій XL. 5, XLIV. 18—19, XLIV, 26—7, Полибій XXVI. 9—XXV. 6 ed. Hultsch; тексты собраны у Цейсса.

[3]) Такъ наз. Скимнъ fr. 50—Müller Geogr. gr. т. I, с. 229 и примѣчаніе (Мюллеръ считалъ извѣстіе заимствованнымъ у Артемидора, писателя средины II ст.).

[4]) Въ послѣднее время Браунъ (Разысканія) на основаніи лингвистическихъ комбинацій (переголосованія, Lautverschiebung) пытался датировать миграцію Бастарновъ V столѣтіемъ до Р. Хр., но эти комбинаціи весьма гипотетичны; еще менѣе удачно его предположеніе, что легенда Геродота о миграціи Невровъ стоитъ въ связи съ приходомъ Бастарновъ (ор. с. прил. 16).

Болѣе всего въ нашихъ источникахъ говорится о Бастарнахъ въ періодъ римской имперіи. Воинственные и неугомонные Бастарны были весьма непріятными сосѣдями вообще, и спеціально для римскаго государства, такъ какъ жестоко опустошали пограничныя земли [1]). Этимъ они напоминаютъ своихъ карпатскихъ сосѣдей—Карповъ, и судьба ихъ была одинакова. Императоръ Пробъ вывелъ 100 тысячъ Бастарновъ, вмѣстѣ съ полчищами Готовъ и Вандаловъ, и поселилъ гдѣ то во Ѳракіи, гдѣ они, какъ отмѣчаетъ историкъ, сдѣлались вѣрными подданными Рима. Во времена Галерія вмѣстѣ съ Карпами снова было выведено очень много Бастарновъ: возможно, что тогда было выведено за одинъ разъ все остальное племя Бастарновъ, какъ было переселено тогда же цѣлое племя Карповъ. По крайней мѣрѣ Бастарны послѣ этого совершенно сходятъ съ исторической сцены.

§ 71. Движеніе восточно-германскихъ племенъ. Я выше уже упомянулъ, что въ декретѣ Протогена вмѣстѣ съ Галатами выступаютъ Скиры. Кромѣ того о Скирахъ упоминаетъ Плиній [2]) и изъ его упоминанія (довольно неопредѣленнаго) выходило бы, что они жили около нижней Вислы. На этомъ основаніи ихъ считаютъ восточно-германскимъ племенемъ, одна часть котораго двинулась на югъ вмѣстѣ съ Бастарнами, а другая позднѣе эмигрировала вмѣстѣ съ другими готскими племенами. Въ такомъ случаѣ походъ Бастарновъ и Скировъ былъ бы дѣйствительно началомъ восточно-германской миграціи, передовымъ полкомъ ея [3]). Это весьма вѣроятно, хотя и гипотетично.

Но какъ бы ни было дѣло со Скирами и Бастарнами, массы восточно-германской колонизаціи двинулись на югъ лишь гораздо позднѣе. Первыя извѣстія о нихъ относятся уже ко 2-й половинѣ II в. послѣ Р. Хр., ко времени маркоманскихъ войнъ. Эти войны, тянувшіяся начиная съ 164—5 г., въ извѣстной степени сами были результатомъ этого движенія. Юлій Капитолинъ, разсказывая о нихъ, говоритъ, что различные народы, вытѣсненные болѣе отдаленными варварами (съ сѣвера), требова-

[1]) Діонъ Кассій XLVIII, 10 и LI, 25—6, Script. hist. Aug. I—Anton. Phil. 21; о переселеніи на римскія земли—Script. hist, Augustae Probus c. 17, Зосимъ I, 71.

[2]) VI. 13. [3]) Мюлленгофъ II, с. 110—1.

ли отъ Римлянъ, чтобы они приняли ихъ на свои земли, въ противномъ случаѣ грозили войною [1]). Дѣйствительно между народами, искавшими себѣ земель въ Дакіи, Діонъ упоминаетъ о вандальскомъ народѣ Асдинговъ, а среди участниковъ войны, кромѣ прежнихъ сосѣдей, встрѣчаемъ Вандаловъ и Виктофаловъ—все племена восточно-германской группы [2]).

Движеніе это вышло изъ бассейна Одера и Вислы, гдѣ обитали тогда восточно-германскія племена, такъ назыв. готской или вандальской группы [3]). Въ I—II в. здѣсь (на правомъ берегу Вислы) выступаютъ Готы, съ ихъ отраслями Гепидами и Тайфалами, Лугіи на верхней Одрѣ, Вандалы (также на Одерѣ), Бургунды и болѣе мелкія колѣна—Руги, Скиры, Герулы, Туркилинги, Лемоніи [4]).

Стѣсненные съ востока Славянами, непосредственно примыкавшими къ нимъ на балтійскомъ побережьи и въ бассейнѣ Вислы, а съ запада своими западными земляками, эти готскія племена принуждены были искать выхода для размножившагося населенія въ походѣ на югъ. Славянскій натискъ долженъ былъ здѣсь имѣть важное зна-

---

[1]) Antoninus 14: aliis etiam gentibus, quae pulsae a superioribus barbaris fugerant, nisi reciperentur bellum inferentibus.

[2]) Capitolinus ed. Peter с. 22 (съ поправками Мюлленгофа и Моммзена). Діонъ Кассій LXXII. 12, LXXII. 2. Объ этомъ движеніи см.: Wietersheim—Dahn Geschichte der Völkerwanderung, 1880 I кн. 2 (с. 118 и далѣе). Pallmann Die Geschichte der Völkerwanderung I с. 36 и далѣе, Müllenhof II с. 5, Kaufmann Deutsche Geschichte, I с. 72 и др.

[3]) Нѣкоторые изслѣдователи (напр. Браунъ, Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній I—Готы на Вислѣ, 1899, Bremer, Etnographie der Germanischen Stämme въ Gundriss Пауля III[2]) доказываютъ, на основаніи главнымъ образомъ лингвистическихъ наблюденій, что готскія племена прежде жили далѣе къ юго-западу, и только позднѣе (около IV в. до Р. Хр.) передвинулись къ Вислѣ. Но существуютъ и до сихъ поръ защитники готской традиціи (переданной Іорданомъ), что Готы пришли на Вислу изъ Скандинавіи. Болѣе интереснымъ кажется мнѣ другое, высказанное Брауномъ предположеніе (ор. с. с. 327—336), что Готы передъ своимъ переселеніемъ на Черноморье нѣсколько вѣковъ находились постоянно въ состояніи движенія.

[4]) Тацитъ Germ. 44. Плиній Hist. N IV 14—14. Птолемей II. 11 § 17, Ш. 5 § 20.

ченіе; противъ этого предположенія указывалось, что его опровергаетъ направленіе готской миграціи, такъ какъ Готы пошли въ направленіи къ востоку. Однако Готы двинулись собственно не на востокъ, а на югъ, а тотъ фактъ, что для готскихъ выходцевъ не нашлось нигдѣ по дорогѣ мѣста и они очутились на не особенно пригодномъ для ихъ поселеній черноморскомъ побережьи, показываетъ, что вся территорія къ сѣверу отъ побережья была уже густо заселена—очевидно, славянскимъ населеніемъ [1]).

§ 72. Движеніе Готовъ. Исторія готской миграціи почти совершенно неизвѣстна [2]). Какъ мы видѣли, уже въ срединѣ II в. послѣ Р. Хр. нѣкоторыя колѣна изъ восточно-германской группы двигаются на югъ, въ области средняго Дуная. Этой дорогой шли Вандалы, позднѣе Гепиды, Лангобарды, и Іорданъ цитируетъ современника вандальской миграціи, Дексиппа, что Вандалы съ береговъ океана шли цѣлый годъ на свои новыя обиталища, вслѣдствіе большой отдаленности ихъ (собственно говоря, можно было бы удивляться, если бы дѣйствительно эта миграція совершилась въ продолженіе одного года).

Готы взяли болѣе на востокъ. О ихъ переселеніи Іорданъ говоритъ болѣе, чѣмъ о Вандалахъ [3]). Но эти свѣдѣнія, какъ и вообще все, что разсказываетъ онъ изъ исторіи Готовъ независимо отъ античныхъ источниковъ, представляетъ изъ себя лишь научную по тому времени или, на нынишній взглядъ—очень неудачную комбинацію устныхъ готскихъ преданій съ извѣстіями античныхъ писателей, и пользоваться ими надо очень осторожно.

Прежде всего однако надо отмѣтить, что самый фактъ переселенія Готовъ съ береговъ Балтійскаго моря совершенно рас-

---

[1]) Предположеніе о вліяніи славянскаго натиска высказалъ Шафарикъ Slov. staroż. I 18, § 7, противъ него см. у Виттерсгейма I с. 149, Dahn Urgeschichte VI, 170.

[2]) Изъ громадной литературы, кромѣ указаннаго въ предыдущихъ примѣчаніяхъ, укажу только кое что: O. Gutsche und W. Schulze Deutsche Geschichte von der Urzeit bis zu Karolingern I, 1894. B. Rappaport Die Einfälle der Goten in das römische Reich bis aut Constantin, 1899. Ludw. Schmidt Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung, 1904 (Sieglin, Quellen und Forschungen, VII) и его же Allgemeine Geschichte der germanischen Völker, 1904 (Handbuch d. mitt. u. neueren Geschichte); прежняя литература во 2 изд. [3]) Getica 4, 23.

ходится съ тенденціей исторіи Іордана, или, собственно говоря, его источника, Кассіодора—связать исторію Готовъ съ черноморскими Гетами. Очевидно, переселеніе было общеизвѣстнымъ, слишкомъ опредѣленно переданнымъ въ народной традиціи фактомъ, такъ что замолчать его было нельзя. Оно, дѣйствительно, подтверждается извѣстіями о готскихъ поселеніяхъ на берегу Балтійскаго моря въ I—II в. и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію (говорю это, имѣя въ виду поддержанную въ прошломъ столѣтіи нѣкоторыми учеными, особенно Яковомъ Гриммомъ, старую теорію о томъ, что Готы—это дѣйствительно древніе Геты, и никакого переселенія въ дѣйствительности не было). Въ готской народной традиціи, переданной Іорданомъ, сохранились воспоминанія о переходѣ черезъ непроходимые болотистыя пространства—очевидно, полѣсскія болота; тамъ на плотинахъ провалилось и погибло очень много людей. Миновавши ихъ, Готы пришли въ страну, названную ими Oium [1]), но здѣсь дожны были выдержать войну съ туземцами (у Іордана названными Spali) [2]). Хотя традиція представляетъ эту борьбу счастливою для Готовъ, но въ дѣйствительности должно было быть иначе, если Готы не остались въ этихъ привлекательныхъ, какъ говоритъ традиція, областяхъ, а должны были „спѣшить на край Скиѳіи, къ Черному морю“.

[1]) Это объясняютъ словомъ au или aue—пресѣченная рѣками страна.

[2]) Эти Спалы своею загадочностью очень интриговали изслѣдователей. Впервые имя ихъ находимъ у Діодора: Πάλος и Νάπης, сыны Σκύθης-а, становятся патріархами народовъ Πάλοι и Νάπαι. Такимъ образомъ Πάλοι, это часть скиѳскаго народа, еще передъ миграціею его изъ за Танаиса въ Европу (II 43). Оттуда перешли они къ Плинію, гдѣ выступаютъ въ двойной формѣ: Inapaei—Spalaei и Napaei—Palaei и помѣщаются въ окрестностяхъ Танаиса (Мюлленгофъ полагалъ, что здѣсь надо подразумѣвать Яксартъ—D. Altert. III с. 23 и 51, см. объ этихъ именахъ еще Маркварта Untersuch. II, l. c.). Spali Іордана, вѣроятно, были книжною реминисценціей этихъ Паловъ—Спалеевъ и трудно въ его разсказѣ о нихъ искать какого нибудь дѣйствительнаго имени. Разныя догадки были указаны во 2 изд.; популярною остается догадка Шафарика, что память объ этомъ народѣ сохранилась въ словѣ „исполинъ“, какъ изъ имени Аваровъ-Обровъ получилось слово olbrzymy, огромный, или отъ Птоломеевыхъ Велтів „велет“, гигантъ. Другіе связывали Spali съ Σπόροι и видѣли здѣсь названіе Славянъ.

Кромѣ собственныхъ Готовъ переселились вмѣстѣ съ ними или послѣдовали за ними нѣкоторые ихъ близкіе и далекіе родичи. Навѣрное знаемъ это о Герулахъ и Тайфалахъ [1]). Участники готскихъ походовъ, называемые въ источникахъ Уругундами—народность впрочемъ ближе неизвѣстная—могли быть колоніей Бургундовъ. Другіе, болѣе мелкіе готскіе народы, напр. Скировъ, Руговъ, встрѣчаемъ съ Готами только въ Панноніи, и неизвѣстно, жили ли они до того времени на Черноморьи, или явились въ области средняго Дуная просто съ балтійскаго побережья, подобно Вандаламъ, Гепидамъ и др. Въ окрестностяхъ нижняго Дуная Готы еще застали Бастарновъ—своихъ вѣроятныхъ родичей: но скоро послѣ этого они, какъ сказано уже, сошли со сцены.

§ 73. Готы на Черноморьѣ. Переселеніе готскихъ племенъ съ Балтійскаго моря среди топей и безграничныхъ болотъ восточной Европы дожно было тянуться долго, пока готскіе выходцы, не найдя для себя нигдѣ пристанища, очутились въ черноморскихъ областяхъ, лишь изрѣдка заселенныхъ остатками Сарматовъ, послѣ того какъ Языги вышли отсюда въ область средняго Дуная. На основаніи того, что въ готской традиціи не сохранилось никакихъ извѣстій о борьбѣ со степнымъ населеніемъ, можно предполагать, что на новыхъ поселеніяхъ Готовъ обошлось безъ большихъ войнъ—простора было достаточно. Объ участи мѣстнаго иранскаго населенія мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній: возможна миграція ихъ—отчасти къ западнымъ землякамъ, на Тиссу, отчасти къ восточнымъ, на Донъ [2]). возможно и сожительство съ Готами на Черноморьѣ. Напр. въ Іордановыхъ Rosomonorum gens infida, возставшихъ противъ Германариха, видѣли часто Роксоланъ; но это объясненіе неправдоподобно [3]).

---

[1]) Зосимъ IV. 25.

[2]) Кулаковскій (op. c.) высказалъ предположеніе, что Готы уже во время своей миграціи отрѣзали и отодвинули далѣе къ римскимъ границамъ западную часть Алановъ, выступающую въ III в. въ различныхъ войнахъ съ Римомъ. Это возможно. Менѣе вѣроятна его догадка, что Готы же загнали Алановъ въ Крымъ.

[3]) Трудно согласиться съ нимъ прежде всего уже потому, что имя Роксолановъ Іорданъ зналъ (гл. 12), а между тѣмъ въ этомъ мѣстѣ ни одинъ кодексъ не имѣетъ ничего подобнаго ихъ имени. Наиболѣе вѣроятнымъ считаю мнѣніе, что здѣсь имѣемъ названіе

На новыхъ своихъ поселеніяхъ Готы прежде всего даютъ себя знать столкновеніями съ Римлянами. Въ первой четверти III в. императоръ Каракалла, во время своего путешествія въ Азію въ 214—5 гг. встрѣтилъ по дорогѣ какія то готскія банды и разогналъ ихъ [1]). Этотъ фактъ даетъ намъ крайнюю дату, terminus non post quem. На этомъ основаніи, конечно, еще нельзя опредѣлить точнѣе время готской колонизаціи. Переселеніе Готовъ

совершенно легендарное, эпическое (см. въ указателѣ Моммзеновскаго изданія Іордана, с. 164, также Grundriss der germ. Phil. Пауля III 2 с. 683, статью Симонса, и особенно Iiriczek Heldensage с. 60 и далѣе). Правда, ни одно изъ современныхъ объясненій этого названія не принялось въ наукѣ (производили его отъ rosamo—красноватость, какъ „рыжіе, коварные“, hrausamuni „храбрые“ и др.). Но историческія толкованія еще менѣе правдоподобны. Связывали Розомоновъ съ прикавказскими Оромусхами Менандра и Росмосоками Моисея Каганкатоваца, кавказско-гуннскимъ народомъ. Старыя догадки, что здѣсь скрывается имя Руси (Grimm Geschichte d. deut. Sprache, Aspelin La Rosomonorum gens et le Ruotsi, 1884) обновилъ недавно Марквартъ Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, 1903: онъ считаетъ Розомоновъ эпичнымъ названіемъ Геруловъ, связываетъ съ этимъ Hrös сирійской компиляціи V в. и съ позднѣйшими Ῥῶς (с. 365). Объ этомъ выводѣ рѣчь будетъ въ другомъ мѣстѣ, здѣсь отмѣтимъ, что эта догадка о Розомонахъ—Герулахъ совершенно гипотетична, основана только на томъ, что Герулы вели упорную борьбу съ Германарихомъ. И получается выводъ, что сами готскіе историки не узнали въ этомъ имени хорошо имъ извѣстныхъ Геруловъ. Объ остальныхъ историческихъ объясненіяхъ см. во 2 изд.

[1]) Спартіанъ (Caracallus, c. 10) говоритъ: Gothi Gethae dicerentur, quos ille (Caracallus), dum ad orientem transit, tumultuariis praeliis devicerat. Придерживаюсь принятого взгляда, что эти Готы дѣйствительно были Готами. Нѣкоторые, какъ напр. Бессель въ энциклопедіи Эрша и Грубера с. 99, Куникъ О запискѣ готскаго топарка с. 24, Моммзенъ (op. c. c. 217) полагали, что здѣсь рѣчь о Гетахъ-Дакахъ. Извѣстіе свое Спартіанъ приводитъ для объясненія злостнаго каламбура: Каракаллу называли Maximus Geticus, какъ будто бы чествуя его побѣду надъ Готами, а въ дѣйствительности намекая, что Каракалла убилъ брата Гету. Нѣтъ основаній не вѣрить опредѣленному извѣстію Спартіана, что то были Готы,—такъ какъ Геты подходили бы еще лучше для этого каламбура. Разборъ этого вопроса—Drexler Caracallas Zug nach dem Orient, 1880 (диссерт., Галле), с. 21; Rappaport op. c. c. 19 sq.

должно было продолжаться довольно долго, въ началѣ III и въ концѣ II в. Точнѣе опредѣлить время невозможно.

§ 74. Разселеніе Готовъ. Болѣе двухъ столѣтій провели Готы въ нашихъ степяхъ, однако свѣдѣнія объ этомъ пребываніи ихъ въ нашихъ краяхъ довольно скудны. Знаемъ о нападеніяхъ ихъ на Римскую имперію въ III в., а для всего остального, до самаго гуннскаго нашествія, единственнымъ источникомъ по исторіи Готовъ служитъ Іорданъ, у котораго можно почерпнуть очень мало достовѣрнаго. Его свѣдѣнія о временахъ до нашествія Гунновъ не идутъ далѣе неясныхъ воспоминаній; имена выбраны изъ народной традиціи и, очевидно, произвольно скомбинированы съ литературною, античною традиціей. Только инерціей традиціоннаго піэтизма можно объяснить, что въ научной, особенно нѣмецкой литературѣ, не смотря на констатированныя противорѣчія, изслѣдователи все еще не отваживаются отказаться отъ свѣдѣній Іордана [1]).

О разселеніи знаемъ, что Герулы заняли восточныя области —надъ Мэотидою и отчасти въ Крыму. Собственно-Готы сидѣли по Днѣпру и далѣе на западъ—до Дуная и Карпатскаго предгорья. Они раздѣлились на восточныхъ—Остроготовъ, иначе Грейтунговъ (это имя выводятъ изъ griut, песокъ, обитатели песчанныхъ степей) и западныхъ—Визиготовъ или Тервинговъ (triu дерево, лѣсные люди). Названія эти древнія, такъ какъ уже въ VI в. были разсказы о старомъ королѣ-эпонимѣ Остроготѣ, правившемъ задолго предъ гуннскимъ погромомъ [2]). Но остается неяснымъ, были ли эти названія принесены Готами еще изъ стараго отечества, или явились уже въ черноморскихъ поселеніяхъ [3]). Визиготы обитали между Днѣстромъ и Дунаемъ, а

---

[1]) Напр. Витерсгеймъ, Палльманъ, Мюлленгофъ, Данъ, Кауфманнъ, Шмидтъ.

[2]) Имена Grutungi, Austrogoti, Teruingi, Visi отгадалъ Мюлленгофъ у Требеллія Полліона въ испорченныхъ названіяхъ біографіи импер. Клавдія (с. 6.); кромѣ того встрѣчаются они у Амміана, а имя Вестготовъ—у позднѣйшихъ писателей V—VI в.

[3]) Обыкновенно объясняютъ эти названія Остроготовъ и Визиготовъ, какъ „восточныхъ“ и „западныхъ“ Готовъ, соотвѣтстванно тому какъ они жили на Черноморьѣ и какъ впослѣдствіи размѣстились во время дальнѣйшаго переселенія на западъ. Такъ были объясняемы

позднѣе (уже, навѣрное, по выходѣ Римлянъ изъ Дакіи) распространились они и далѣе къ сѣверу—въ трансильванскую горную область, вытѣснивъ оттуда Гепидовъ и Вандаловъ. Какъ далеко на сѣверъ простирались готскія поселенія въ Поднѣпровьи, не имѣемъ никакихъ указаній. За Герулами къ востоку, въ придонскихъ и прикавказскихъ степяхъ обитали аланскія племена [1]).

Въ готской традиціи, переданной Іорданомъ, въ древнѣйшее время всѣ Готы—восточные и западные, составляли одно государство, и Визиготы выдѣляются лишь позднѣе. Дѣйствительно, уже Тацитъ констатировалъ у Готовъ особенное развитіе королевской власти, и во время долгаго переселенія на югъ, среди борьбы съ различными народами эти германскія колѣна могли сложиться въ одну военную организацію, а затѣмъ при широкомъ разселеніи въ степныхъ пространствахъ эта консолидирующая сила со временемъ должна была ослабѣть [2]). У Іордана въ послѣдній разъ всѣ Готы выступаютъ въ одной государственной организаціи во время короля Остроготы, въ половинѣ III в. Для насъ эта датировка не имѣетъ значенія, и мы констатируемъ только, что времена политическаго единства Готовъ въ традиціи находятся далеко позади, въ легендарномъ періодѣ, наступившемъ непосредственно послѣ переселенія [3]). Позднѣе (въ IV в.) видимъ королевскую власть развитою у Остроготовъ, въ то время какъ Визиготы распадаются на болѣе мелкія группы, съ вождями во главѣ, которыхъ Амміанъ называетъ судьями,—judices [4]).

§ 75. Готскіе набѣги. Какъ я уже сказалъ, свѣдѣнія о Готахъ въ старшихъ источникахъ имѣемъ изъ ихъ набѣговъ на

эти названія уже во времена Іордана (гл. 82). Но въ послѣднее время находитъ все больше сторонниковъ новое объясненіе, отъ *austra, блестящій и *visi добрый.

1) Iord. c. 17, 22, 23, Ammiani 31. 3. О разселеніи готскихъ племенъ на Черноморьи Раппапортъ гл. III, Loewe Die Krimgotenfrage (Paul und Braune, Beiträge, 1902).

2) Это правильно отмѣтилъ Данъ Die Könige der Germanen II c. 87—8.

3) Однако много ученыхъ допускало существованіе общаго государства до самаго Германариха: Кепке, Зибель, Витерсгеймъ—см. у послѣдняго ор. c. c. 6.

4) 27, 5; 31, 3.

Римскую имперію[1]). Въ нихъ нашелъ себѣ выходъ воинственный духъ Готовъ, развившійся во время переселенія. Эти походы занимаютъ собою цѣлое полстолѣтіе, отъ второй четверти III в., но для нашей цѣли достаточно будетъ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Извѣстія о первыхъ набѣгахъ очень скупы. Предполагаютъ, что началомъ ихъ было разрушеніе Истрополя на черноморскомъ побережьѣ въ 238 г. Нападенія совпали со временемъ сильнаго замѣшательства въ Римѣ: пограничные римскіе намѣстники, не имѣя помощи отъ центральнаго правительства, принуждены были заключить съ Готами договоръ, на основаніи котораго Готы получали ежегодное жалованье отъ римской администраціи. Вѣроятно, задержка этого жалованья сдѣлалась потомъ причиной большихъ опустошеній, произведенныхъ Готами въ Мизіи и Ѳракіи нѣсколько лѣтъ спустя. Императоръ Декій, хотѣвшій положить предѣлъ этимъ опустошеніямъ, самъ палъ въ битвѣ вмѣстѣ съ сыномъ (въ 251 г.). Хотя преемникъ Декія довелъ дѣло до договора съ Готами, но это не остановило ихъ нападеній, только мы имѣемъ о нихъ очень скудныя извѣстія. Частыми набѣгами опустошаютъ Готы земли Балканскаго полуострова; не удовлетворяясь имъ, проникаютъ за Пропонтиду, въ Малую Азію, а вмѣстѣ съ походами сухопутными начинаютъ затѣмъ и морскіе; интересно, что при этомъ Готы оказываются народомъ совершенно незнакомымъ съ моремъ: совершаютъ походы на чужихъ корабляхъ и употребляютъ чужихъ гребцовъ и мастеровъ для постройки лодокъ[2]). Участниками этихъ походовъ являются вмѣстѣ съ Готами ихъ сосѣди Герулы, Бораны[3]), Уругунды, Карпы.

---

[1]) О нихъ см. въ особенности Rappaport op. c., Dahn-Wietersheim т. I, гл. V и далѣе, Васильевскій Русско-византійскіе отрывки VII—Житіе Іоанна Готскаго (Журн. Минист. Нар. Просв. 1878) с. 87 и далѣе, L. Schmidt Gesch. d. deutsch. Stämme I.

[2]) Зосимъ I. c. 31, 32, 34. Отмѣчаю это, имѣя въ виду довольно распространеный взглядъ на Готовъ, какъ на морской народъ, и дѣлаемые на этомъ основаніи различные выводы и противопостановленія ихъ сухопутнымъ Славянамъ.

[3]) Племя также совершенно неизвѣстное. Догадка (напр. у Раппапорта op. c. 36), что передъ этимъ произошла новая германская миграція изъ бассейна Вислы къ Черному морю, и тогда пришли Бургунды, Бораны, Герулы,—имѣетъ совершенно гипотетическій характеръ.

Со временемъ готскіе походы принимаютъ все болѣе широкіе размѣры, охватываютъ все большія пространства, опустошенія продолжаются все дольше, по мѣрѣ того, какъ римская имперія оказывается безсильною сдержать ихъ. Изъ разбойничьихъ нападеній они начинаютъ уже переходить въ оккупацію. Во время послѣдняго большого похода 259 г. Готы вмѣстѣ съ отрядами Геруловъ, Гепидовъ, Бастарновъ идутъ со своими семьями и рабами. Тутъ уже исчезало различіе между походомъ для грабежа и переселеніемъ народа, и мы не можемъ сказать, былъ ли это разсчитанный на болѣе продолжительное время походъ, на время котораго воины не рѣшились оставлять своя семьи и хозяйства, или попытка переселенія. Могло начаться, дѣйствительно, новое переселеніе Готовъ, ихъ родичей и союзниковъ; но этотъ большой, снаряженный на морѣ и на сушѣ походъ, въ которомъ императоръ Клавдій насчитываетъ 2000 лодокъ и 320 тысячъ человѣкъ, окончился несчастливо. Германскія полчищы были истреблены, а рядъ энергичныхъ императоровъ, начиная съ императора Клавдія, укрѣпилъ силы имперіи.

§ 76. Движеніе готскихъ племенъ въ Прикарпатье. Съ отпоромъ готскимъ побѣгамъ совпало еще то обстоятельство, что Авреліанъ вскорѣ оставилъ Дакію (въ 274 г.), переведя ея населеніе въ Мизію. Вслѣдствіе этого германскія племена получили въ свое распоряженіе новыя колонизаціонныя области, и туда должно было обратиться главное вниманіе Готовъ. Прикарпатскія земли переходятъ теперь главнымъ образомъ въ ихъ руки. Этотъ готскій натискъ съ востока могъ повліять на то, что остатки прежнихъ поселенцевъ—Карповъ и Бастарновъ оставляютъ въ концѣ III в. Карпатскія горы и переходятъ на римскія земли; въ сѣверныхъ прикарпатскихъ земляхъ могъ на это оказать вліяніе также натискъ славянскій. Но что происходило тогда къ сѣверу отъ Карпатъ, почти ничего не извѣстно. Кое что знаемъ о движеніи нѣмецкихъ племенъ на югѣ. Визиготы захватили Трансильванію, вытѣснивъ оттуда Вандаловъ и Гепидовъ. Вандалы овладѣваютъ оставленными Римлянами землями Дакіи съ сѣверо-запада. Кромѣ нихъ поселяются въ былой Дакіи Гепиды, Тайфалы, Виктофалы [1]). При этомъ не обошлось безъ конфликтовъ и войнъ

[1]) Эвтропій VIII. 2. См. Hunfalvy Ethnographie von Ungarn, 68—9.

между этими германскими народами. Но память о нихъ сохранилась лишь въ малодостовѣрныхъ воспоминаніяхъ Іордана[1]).

Этотъ колонизаціонный процесъ со своими войнами отвлекъ готскія племена отъ походовъ на Римъ: изъ IV в. извѣстны лишь рѣдкіе случаи войнъ ихъ съ Римомъ. Вѣроятно кромѣ того и извѣстіе Іордана, что тогда былъ обновленъ старый „союзъ“ Готовъ съ Римлянами, на основаніи котораго они получали отъ Римлянъ запасы,—а за это платили военной помощью[2]). Эти болѣе близкія связи готской жизни съ римскимъ міромъ имѣли извѣстное значеніе въ культурной эволюціи юго-восточной Европы, и между прочимъ проявились въ разширеніи христіанства среди Готовъ и появленіи готскаго перевода св. Писанія: авторомъ его былъ Ульфила, основатель аріанской церкви среди Вестготовъ (341—8). Вестготскіе старѣйшины, противники римскихъ новшествъ, подняли гоненіе на Ульфилу и его сторонниковъ, но это не препятствовало христіанству распространяться и позднѣе[3]).

Такимъ образомъ историческіе факты указывали бы въ концѣ III в. на западное направленіе готскихъ интересовъ. Вмѣсто этого въ легендарной традиціи, переданной Іорданомъ, силы Готовъ обращены на покореніе сѣверныхъ и восточныхъ сосѣдей, и здѣсь передъ гуннскимъ нашествіемъ невиданнымъ блескомъ сіяетъ въ ней остроготское королевство Германариха (или Ерманарика, Ерменрика, какъ его называютъ германисты). Королевство это было бы для насъ очень интересно,—если бы готскія преданія о немъ сколько нибудь можно было бы принять за чистую монету.

§ 77. Готская традиція о Германарихѣ. Кромѣ Іордана говоритъ о государствѣ Германариха современникъ послѣдняго Амміанъ[4]). Онъ разсказываетъ о Германарихѣ, что это былъ воинственный король и по причинѣ многочисленныхъ счастливыхъ войнъ

---

[1]) Іорданъ, гл. 17, 22. Нѣкоторыя догадки у Раппапорта, с. 105—6.

[2]) Объ этихъ отношеніяхъ у Витерсгейма-Дана и новѣйшей работѣ Л. Шмидта.

[3]) Обозрѣніе вопроса въ статьѣ Фогта въ Allgem. Deutsche Biographie т. XLIV (1898), F. Kaufmann Texte und Untersuchungen zur altgerm. Religionsgeschichte, 1899.

[4]) 31. 3. О Германариховой легендѣ см. примѣчаніе 3.

былъ страшенъ для сосѣднихъ народовъ; называетъ его страну обширною (late patentes) и плодородною. Въ этихъ свѣдѣніяхъ Амміана трудно найти доказательство какого либо необычайнаго могущества; но въ готской традиціи государство этого послѣдняго короля достигло неслыханныхъ и—совершенно невѣроятныхъ размѣровъ. Въ той формѣ, какъ мы ее имѣемъ у Іордана (гл. 23), готская традиція получила уже литературную обработку. Въ основѣ ея лежитъ народная сага о Германарихѣ, сохранившаяся кромѣ того и въ сѣверной поэтической традиціи сагъ, и въ различныхъ литературныхъ обработкахъ (въ Кведлинбургской лѣтописи, Вюрцбургской хроникѣ и др.). Но эта сага, вѣроятно, уже въ источникѣ Іордана—у Кассіодора была переработана, видоизмѣнена и расширена на основѣ другихъ свѣдѣній—литературныхъ извѣстій и устной традиціи. Страшно испорченный отрывокъ какой то готской пѣсни или саги долженъ былъ представить реестръ подвластныхъ Германариху народовъ[1]). Не удовлетворяясь ими, Германарихъ покоряетъ сосѣдей—Геруловъ, затѣмъ начинаетъ войну съ Венетами, оканчивающуюся покореніемъ ихъ всѣхъ! Литовскіе народы (Aestii), „заселяющіе пространное побережье Нѣмецкаго океана“, оканчиваютъ реестръ подвластныхъ народовъ, и Германарихъ распоряжается „всѣми народами Скиѳіи и Германіи, какъ своей собственностью“.

Эти послѣднія слова даютъ объясненіе цѣлому разсказу: Германарихъ, „нѣкоторыми предками справедливо сравниваемый съ Александромъ Великимъ“, какъ говоритъ Іорданъ, покорилъ себѣ всѣ народы Скиѳіи и Германіи, и соотвѣтственно этому легенда вставила въ реестръ покоренныхъ имъ народовъ всѣхъ, кого только знала (какъ это было и съ Александровой легендой). Если въ ея испорченныхъ названіяхъ въ самомъ дѣлѣ можно усматривать имена Мери и Мердвы (Merens, Mordens или какъ допускаютъ, еще Чудь и Весь, Tadzans и Vas), а не простыя созвучія, мы могли бы видѣть здѣсь выхваченный изъ готской традиціи и отнесенный къ Германариху рядъ сѣверныхъ фин-

---

[1]) Каталогъ народовъ государства Германариха въ рецензіи Моммзена читается такъ: Habebat siquidem quos domuerat Goltescytha Thiudos Inaunxis Vasinabroncas Merens Mordens Imniscaris Rogas Tadzans Athaul Novego Bubegenas Coldas (Getica, гл. 23).

скихъ народовъ,—такое перечисленіе могло уцѣлѣть въ традиціи еще съ того времени, когда Готы жили на сѣверѣ, и затѣмъ передвигались на верховья Днѣпра. Легенда присоединила къ этому названія сосѣдей и вообще восточно-европейскихъ народовъ, какакія ей были извѣстны изъ исторической традиціи, и сдѣлала изъ нихъ подданныхъ Германариха: всѣ сосѣдніе народы, ближніе и дальніе, должны были стать подданными Германариха, какъ въ легендѣ объ Александрѣ Вел.

§ 78. Нодостовѣрность Германариховой легенды. Легенда выдаетъ сама себя, предоставляя въ такихъ необычайныхъ размѣрахъ завоеванія Германариха и не смѣя промолчать независимости отъ него Визиготовъ, а разсказывая о нападеніи Гунновъ, она ничего не умѣетъ сказать объ этой великой монархіи Германариха, о тѣхъ подвластныхъ народахъ, которые должны были сыграть ту или другую роль при гунскомъ нападеніи. Не знаетъ о нихъ ничего и Амміанъ, разсказывая о нападеніи Гунновъ, и мы соотвѣтственно его словамъ должны представлять себѣ дѣйствительнаго, не легендарнаго Германариха воинственнымъ королемъ обширныхъ приднѣпровскихъ остроготскихъ областей, и только! Въ разсказѣ Іордана можно бы еще видѣть память о войнѣ съ сосѣдними народами—Герулами, Славянами, но нѣтъ основанія думать о власти Остроготовъ надъ многочисленными народами восточной Европы, имѣя предъ глазами мѣрило дѣйствительной власти Германариха—то, что Визиготы фактически отъ него не зависѣли.

Въ виду такой иллюзорничности великой монархіи Германариха, конечно, не имѣютъ значенія попытки новѣйшихъ ученыхъ—при посредствѣ разсказа Іордана перенести на готское государство нѣкоторые подробности позднѣйшихъ скандинавскихъ сагъ и изъ нихъ извлечь указанія относительно готскаго государства на среднемъ Днѣпрѣ, столицы Германариха въ „Днѣпровомъ городѣ“ (Danparstad)—яко бы Кіевѣ и т. под. Эти извѣстія даже при условіи совершенной категоричности и согласія съ Іорданомъ имѣли бы не большое значеніе: показывали бы только, что Германарихова легенда въ подобной версіи была принята не только Іорданомъ, но и сагами. А въ своемъ теперешнемъ положеніи, когда въ сагахъ (и то лишь въ значительно позднѣйшихъ версіяхъ) имѣются только очень неясныя упоминанія о „Днѣпровомъ городѣ“ или „Днѣпровскихъ мѣстахъ“ Готовъ,

безъ всякаго намека на средній Днѣпръ и Кіевъ,—эти упоминанія сагъ не могутъ дать ничего положительнаго, и готское государство на среднемъ Днѣпрѣ остается ни на чемъ неоснованной догадкой или миѳомъ [1]). Повторяю, тѣ реальныя подробности, о какихъ сохранила воспоминаніе Германарихова легенда, вовсе не говорятъ въ пользу особыхъ размѣрахъ государства Остготовъ. До кіевскихъ областей было ему еще очень далеко!..

Этимъ объясняется и слабость Остготовъ въ борьбѣ съ гуннскимъ потокомъ, заливающимъ въ послѣдней четверти IV в. готскія поселенія. Остготы вовсе не располагали большими силами.

§ 79. Гуннское движеніе—походъ урало-алтайскихъ ордъ. Мы уже видѣли выше, что приливы иранскихъ ордъ въ Черноморскія степи, насколько это возможно прослѣдить, были результатомъ этнографическихъ переворотовъ въ Азіи, то-есть натиска турецкихъ ордъ сѣверной Азіи на иранское населеніе аральскаго Междурѣчья. Подъ вліяніемъ этого натиска иранское населеніе отступало отчасти на западъ, отчасти на югъ, пока потокъ сѣверныхъ ордъ не разрушилъ этой иранской плотины и не вылился самъ въ Черноморскія степи.

Уже среди древнѣйшаго степного населенія, начиная со Скиѳовъ, какъ было упомянуто, могли быть сѣверно-азіатскіе элементы, хотя и не очень значительные. Массовое движеніе сѣверно-азіатскихъ (урало-алтайскихъ) ордъ въ европейскія степи начинается позднѣе. Первою ордой, пробившеюся сквозь иранское населеніе въ наши степи, была гуннская. Подъ ея натискомъ иранская колонизація окончательно отступила къ югу и западу, оставивъ только слабые остатки на мѣстѣ своихъ прежнихъ поселеній. Одна часть европейскихъ остатковъ иранскаго населенія двинулась на западъ вмѣстѣ съ Гуннами и Германцами, другая была притиснута къ горамъ—кавказскимъ и крымскимъ, и со временемъ все глубже входила въ нихъ. Наши степи получаютъ новыхъ хозяевъ. Въ продолженіи всего предшествующаго историческаго періода, до III в. послѣ Р. Хр. онѣ были ареною главнымъ образомъ иранской колонизаціи, но начиная съ конца IV в. и до XVII—XVIII, съ извѣстными перерывами, становятся областью глав-

[1]) О немъ подробнѣе см. въ примѣчаніи 3.

нымъ образомъ кочевыхъ ордъ тюркскаго происхожденія, съ значительной примѣсью финскихъ и монгольскихъ элементовъ. Германская миграція была незначительнымъ эпизодомъ въ этомъ колонизаціонномъ процессѣ. Болѣе важное значеніе имѣла колонизація славянская, но въ черноморскихъ степяхъ она, какъ увидимъ, также была сравнительно недолгою колонизаціонною экскурсіей въ болѣе спокойный промежутокъ между степными бурями тюркскаго натиска, и послѣдній довольно скоро заставляетъ населеніе возвращаться изъ степей назадъ на сѣверъ.

Исходнымъ пунктомъ новаго миграціоннаго процесса были степи Монголіи и бассейнъ Амура—колыбель тюркскихъ и монгольскихъ ордъ. Длинный рядъ вѣковъ проходилъ, прежде чѣмъ колонизаціонный импульсъ, данный на берегахъ Амура, передавался чрезъ эти степныя пространства на послѣднія свои периферіи—въ черноморскія и, наконецъ, подунайскія равнины, и миграціонная волна доходила до своей границы. Но какой этнографическій переворотъ долженъ былъ образоваться на дорогѣ этой міровой миграціи, и какія различныя примѣси вбиралъ въ себя самъ этотъ потокъ по дорогѣ! Когда одна часть орды двигалась далѣе, а другая не слѣдовала непосредственно за ней, то въ опустѣвшихъ пространствахъ размѣщались совершенно посторонніе этнографическіе элементы, и потомъ поневолѣ принимали участіе въ дальнѣйшемъ походѣ орды, захваченные ея движеніемъ. Уже одна эта механическая причина—horror vacui, имѣющая въ колонизаціи почти такое же значеніе, какъ и въ физикѣ, оказывала громадное вліяніе, не говоря о завоеваніяхъ, вынужденныхъ переселеніяхъ и различныхъ спеціальныхъ причинахъ, увеличивавшихъ разношерстность ордъ.

Между этими различными элементами не было значительныхъ культурныхъ различій, и поэтому самыя различныя племена—монгольскія, турецкія, угорско-финскія, иранскія и богъ вѣсть еще какія втягивались въ этотъ водоворотъ, теряли въ немъ свою физіономію, входили въ составъ новыхъ политическихъ и этническихъ конгломератовъ. Поэтому точное опредѣленіе этнографическаго состава нѣкоторыхъ ордъ, вѣроятно, насегда останется неразрѣшимою задачей. Для насъ, разумѣется, онѣ интересны по мѣрѣ своего значенія въ нашей исторіи. Пребываніе однихъ ордъ на нашей территоріи иногда было очень коротко, такъ что онѣ только

проходили черезъ наши степи; иныя оставались здѣсь по нѣсколько вѣковъ. Поэтому однѣ имѣютъ большее, другія меньшее значеніе въ исторіи нашей колонизаціи, въ культурной и политической исторіи, хотя почти всегда значеніе ихъ только отрицательное.

§ 80. Прошлое Гуннской орды. Начальныя стадіи новаго миграціоннаго процесса извѣстны намъ очень недостаточно [1]). Кое что извѣстно о немъ главнымъ образомъ изъ китайскихъ источниковъ. Въ нихъ во времена династіи Чеу (до 225 г. до Р. Хр.) упоминаются на сѣверѣ, въ степяхъ Монголіи кочевыя, разбойничьи орды Hin-yung, позже, во времена династіи Ганъ (отъ 163 до Р. Хр. до 196 послѣ Р. Хр.)—называвшіяся Hiung-nu, Хун-ну—что по китайски значитъ „низкіе рабы" или „рабы-Хунъ" (вѣроятно, презрительная передѣлка на китайскій языкъ собственнаго имени этого народа). Этимъ общимъ именемъ китайскіе источники обозначаютъ тюркскіе народы на ихъ прародинѣ (а нѣкоторые полагаютъ, что это названіе было еще болѣе широкимъ, обнимало и Монголовъ). Эти воинственныя, неспокойныя орды весьма безпокоили сосѣдей, и спеціально Китайцевъ, особенно когда во II в. до Р. Хр. Хунъ-ну объединились въ одну политическую организацію. Ихъ вѣчныя нападенія побудили китайское правительство создать тѣ исполинскія укрѣпленія, которыя затѣмъ въ совокупности составили великую стѣну (уже въ концѣ III в. до Р. Хр.). Но

---

[1]) Болѣе ранняя литература указала во 2 изданіи. Изъ болѣе новаго упомяну здѣсь: Richthofen China, 1877. Веселовскій, Нѣсколько новыхъ соображеній и т. д. Ж. М. Н. Пр. 1882, IX. Томашекъ op. c., Sitzungsb. т. 116 с. 755, 759—60. Howorth Some notes of the Huns (Actes du VI congrès internationale des orientalistes, VI, 1885). Cahun Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405, 1896, и его же Les revolutions de l'Asie (Lavisse et Rambaud Hist. universelle, II с. 884 и далѣе). Аристовъ замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей (Живая Старина, 1896). Zaborovski Huns, Ougres, Ouïgoures (Bulletins de la Société d'Antropologie, 1898). Hirth Über Volga-Hunnen und Hiung-nu (Sitzgb. der bayer. Ак., 1899). Иностранцевъ Хунъ-ну и Гунны (Жив. Старина, 1900, библіографическій обзоръ вопроса). Shiratori Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türkvölker (Изв. ак. н. 1902 т. 17). Franke Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türkvölker und Skythen Centralasiens (Sitzungsb. d. Berliner Ak. 1904).

обставивъ сѣверную границу системою городовъ и крѣпостей, Китай вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно Византіи, искалъ способовъ ослабить врага союзами съ его врагами.

Вѣроятно не безъ вліянія китайской политики возникаютъ внутренніе раздоры между самими Хун-ну. Уже въ половинѣ I в. до Р. Хр. часть Хун-ну признаетъ надъ собою верховенство Китая, въ то время какъ другая, болѣе энергичная ищетъ себѣ новаго поля дѣятельности на западѣ и доходитъ до Согдіаны и Аральскаго побережья. Это былъ первый извѣстный походъ Хун-ну на западъ—предвѣстникъ позднѣйшей миграціи. Новый подобный походъ извѣстенъ въ концѣ I в. послѣ Р. Хр.: государство Хун-ну тогда распалось, раздѣлившись на сѣверную и южную части, и китайское правительство, опершись на южныхъ Хун-ну, признавшихъ его верховенство, и на другихъ сосѣдей, — враждебнымъ сѣвернымъ Хун-ну, уничтожило въ 90—2 г. этихъ сѣверныхъ Хун-ну и отогнало ихъ отъ своихъ границъ. Часть этихъ сѣверныхъ Хун-ну отступаетъ далѣе къ сѣверу, въ Алтайскія области, другая подъ натискомъ сосѣдей двигается на западъ. Такъ постепенно подготовлялось движеніе, которое въ IV в. прорывается въ Европу, и гунская орда—очевидно, эти старые Хун-ну, во главѣ тюркско-финскаго потока появляется въ черноморскихъ степяхъ [1]).

§ 81. Этнографическій составъ гуннской орды. Что гуннская орда не была индо-европейскою, это видно изъ описаній Гунновъ, оставленныхъ современниками: Амміаномъ Марцеллиномъ, Аполлинаріемъ Сидоніемъ и Іорданомъ. Хотя въ такихъ условіяхъ перепуганная фантазія оказываетъ большое вліяніе на характеристику насильниковъ, все же въ этихъ разсказахъ не трудно узнать реальныя особенности сѣверно-азіатской (финско-тюркско-монгольской, или урало-алтайской) расы: темныя, безбородыя широкія лица, удивлявшіе Европейцевъ, какъ „конскія лица“ этихъ

---

[1]) Что Гунны IV в., это Хун-ну китайскихъ историковъ, угадалъ еще въ XVIII в. извѣстный французскій оріенталистъ Дегинь—Deguignes Mémoire sur l'origine des Huns et de Turcs, 1748 и Histoire générale des Huns, des Turcs et des autres Tatares Occidentaux, 1756—8. Только онъ не дѣлалъ различія между Монголами и Тюрками, и къ этимъ „Западнымъ Татарамъ“, какъ онъ ихъ называетъ, причислялъ и Гунновъ.

послѣднихъ удивляли Китайцевъ, которые въ свою очередь не замѣчали ничего удивительнаго во внѣшности Hiung-nu. Марцеллинъ разсказываетъ, что Гунны надрѣзывали дѣтямъ щеки, чтобы на нихъ не росли волосы [1]), и они старѣются, не имѣя бороды, безъ всякой красоты, подобные эвнухамъ, съ крѣпкими членами, толстыми шеями, удивительными фигурами, небольшого роста, похожіе на небрежно обдѣланныя на подобіе человѣческой фигуры бревна. Іорданъ, повторяя этотъ разсказъ, добавляетъ, что лица Гунновъ были страшно черны, какія то безформенныя лепешки, а не лица, съ точками вмѣсто глазъ. Аполлинарій Сидоній также отмѣчаетъ это „отсутствіе глазъ“, и при этомъ говоритъ о широкихъ щекахъ и какъ будто придавленныхъ носахъ, и эти черты объясняетъ догадкою, что гуннскимъ дѣтямъ спеціально придавливаютъ носы [2]). Что касается быта, извѣстія современниковъ рисуютъ Гунновъ типичными кочевниками, всю жизнь проводящими на коняхъ, вѣчно переходящими съ мѣста на мѣсто, страшными въ конной нерегулярной войнѣ. Въ сравненіи съ этими „сыроядцами“ кочевники-пастухи и охотники Аланы казались современникамъ „болѣе культурными (mitiores) въ своей жизни и бытѣ“.

Разсматривая гуннское нашествіе въ связи съ вышеупомянутыми миграціями Hiung-nu и дальнѣйшимъ походомъ тюркскихъ и турецко-финнскихъ ордъ, становится очевиднымъ, что въ Гуннахъ мы имѣемъ предъ собою передовую орду упомянутаго тюркско-финнскаго похода. Была ли гуннская орда чисто тюркскою по происхожденію и только покорившею финнскія и другія племена и увлекшею ихъ съ собою, или смѣшанною тюркско-финнскою уже на прародинѣ, это трудно сказать. Доказательствомъ, что Гунны были Тюрками, а не Монголами служитъ то, что Монголы только позднѣе двигаются на западъ, и въ наиболѣе древнихъ извѣстіяхъ Гунны выступаютъ одноплеменниками Турокъ, Ту-кю, какъ называзываются они въ китайскихъ источникахъ. Не можетъ быть рѣчи также о однородно-финской народности, а лишь о финскихъ эле-

---

[1]) Это, разумѣется, ошибочное объясненіе безбородости.

[2]) Амміанъ, XXXI. 1. 2; Іорданъ, гл. 24. Апол. Сидоній изд. Baret с. 604. Анализъ этнологическихъ извѣстій у Васильевскаго Ж. М. Н. Пр. 1882, XII.

ментахъ въ тюркской ордѣ. Что же касается популярной въ свое время, да и до сихъ поръ еще не совсѣмъ забытой славянской теоріи—что Гунны были Славянами, она не имѣетъ за собою ничего кромѣ нѣсколькихъ подробностей, которыя могутъ быть объяснены самое большее—славянскими элементами въ государствѣ Атиллы [1]).

§ 82. Гунны въ Европѣ. Разгромъ Готовъ. Уже въ I—II в. христіанской эры могли доходить изъ западной Азіи извѣстія о Гуннахъ, когда они находились недалеко отъ границъ Европы. Оттуда, вѣроятно, Птолемей перенесъ ихъ на своей картѣ по ошибкѣ въ окрестности Днѣпра. Но тождество Птолемеевыхъ Хуновъ съ Гуннами признается не всѣми. Болѣе достовѣрно извѣстіе другого географа II в. (такъ назыв. Діонисія Періегета): онъ помѣщаетъ Унновъ (Οὖννοι) на западномъ берегу Каспійскаго моря [2]). Армянскіе писатели знаютъ ихъ подъ именемъ Гункъ. Но болѣе точныя извѣстія о Гуннахъ появляются только со времени ихъ нападенія на Готовъ: писатели помѣщаютъ тогда Гунновъ уже недалеко отъ Дона, къ сѣверо-востоку и къ востоку отъ него [3]). Около 370 г. Гунны разгромили Алановъ, жившихъ около Мэотиды и на лѣвомъ берегу Дона, массу ихъ вырѣзали, остальныхъ присоединили къ себѣ и съ увеличенными силами бросились на Остроготовъ [4]).

---

[1]) Главнымъ представителемъ славянской теоріи является Д. Иловайскій—см. его Разысканія о началѣ Руси 2 изд. 1882, Дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и болгаро-гуннскому, 1896, и Вторая дополнительная полемика, 1902 (тамъ же указанія на полемическую литературу—главное мѣсто въ ней занимаетъ критика Васильевскаго теорій Иловайскаго въ Ж. М. Н. П. 1882, VII и 1883, IV: О мнимомъ славянствѣ Гунновъ и Роксоланъ, Еще разъ о мнимомъ славянскомъ Гунновъ).

[2]) Птолемей III. 5. 25, Періэгетъ—Georg. Graeci min. II с. 49.

[3]) Агаѳій V. 11, Прокопій De b. G. IV. 5, Іорданъ с. 242. Разсказъ Приска о переходѣ Гунновъ въ Европу черезъ Керченскій проливъ, заимствованный этими писателями, является или недоразумѣніемъ, или относится къ какому нибудь второстепенному походу.

[4]) Въ китайской лѣтописи разсказывается, что это произошло за три поколѣнья передъ половиною V в.—Гунны напали на область Соктакъ, около большого моря, гдѣ жили прежде Antsai, убили короля и стали господствовать надъ мѣстнымъ народомъ.

Старый король Германарихъ потерялъ духъ въ виду этого грознаго нападенія и, не надѣясь устоять, самъ убилъ себя, чтобы не видѣть разрушенія своего государства. Его преемникъ, Витимеръ, привлекши въ помощь орды Алановъ и гунновъ, не державшихъ главной орды, началъ было войну съ гунскою ордой, но былъ убитъ въ битвѣ. Послѣ этого Остроготы потеряли охоту къ дальнѣйшей борьбѣ и главная масса ихъ двинулась на западъ, къ Днѣстру (вѣроятно въ области средняго Днѣстра, дальше отъ моря). Также несчастливо окончилась попытка борьбы съ Гуннами и для Визиготовъ: Гунны обошли ихъ крѣпкій лагерь надъ Днѣстромъ, устроенный ихъ старѣйшиною Атанарихомъ, и онъ двинулся тогда на сѣверъ въ Трансильванскія горы, „въ Caucaland“ [1]), выгнавъ оттуда мѣстныхъ обитателей.

§ 83. Движеніе готскихъ племенъ на западъ и ихъ остатки на Черноморьи. Главныя массы Визиготовъ не нашли для себя удобныхъ мѣстъ въ горныхъ долинахъ Трансильваніи и двинувшись за Дунай, выпросили у императора Валента позволеніе поселиться во Ѳракіи (въ 376 г.). Примѣру Вестготовъ послѣдовали и Остроготы; не пропущенные римскими властями, они насильно перешли Дунай. А нѣсколько лѣтъ спустя увидѣлъ себя принужденнымъ присоединиться къ нимъ и Атанарихъ, отъявленный врагъ Рима, давшій клятву не ступать на римскую землю, но вынужденный забыть эту клятву въ виду безвыходного положенія [2]).

О походѣ Гунновъ въ Европу Wietersheim-Dahn Geschichte der Völkerwand. II с. 12 и сл. Hunfalvy Ethnologie von Ungarn с. 70 и сл. L. Schmidt Gesch. d. deut. Stämme с. 103 и сл. Остальную литературу см. Dahn-Wietersheim VI с. 517. Вообще послѣ устарѣлыхъ трудовъ Ам. Тьерри и Фейера сильно ощущается недостатокъ спеціальнаго изслѣдованія о гунской миграціи въ Европѣ.

[1]) Ad Caucalandensem locum altitudine siluarum inaccessum et montium (Аммiанъ, XXXI. 4. 13). Это названіе нѣкоторые объясняютъ съ нѣмецкаго Hauhaland—Hochland, другіе связываютъ съ дакійскимъ народомъ Caucoenses и съ схожими названіями какъ Καύκωνες, Καύκασα на Хіосѣ—Томашекъ Die alt. Thraker, Sitzgb. т. 131, с. 90—1. Текстъ Аммiана для насъ интересенъ тѣмъ, что Карпаты и въ нашихъ лѣтописяхъ называются Кавказскими горами —Ипат. с. 2 и 499.

[2]) Аммiанъ XXXI. 3—4, 5 § 3, Зосимъ IV. 20, 26, с. 6, Іорданъ с. 24—5.

Большая часть Остроготовъ осталась въ черноморскихъ степяхъ подъ властью Гунновъ. Они, по словамъ Іордана, сохранили свое самоуправленіе, своего короля, только онъ долженъ былъ повиноваться Гуннамъ. Но, вѣроятно, натискъ азіатскихъ ордъ давалъ себя сильно чувствовать теперь въ черноморскихъ степяхъ, и постепенно массы Остроготовъ передвигаются отсюда на западъ въ подунайскія равнины. Когда это произошло, неизвѣстно, такъ какъ вообще свѣдѣнія наши о здѣшнихъ отношеніяхъ весьма скудны: въ 1-й половинѣ V в. видимъ этихъ Остроготовъ уже на среднемъ Дунаѣ. Интересный эпизодъ изъ этихъ временъ,—борьба ихъ съ Антами, но о ней рѣчь будетъ далѣе. На Черноморьи остались только небольшіе остатки Готовъ [1]). Одна колонія ихъ сохранилась въ Крыму, гдѣ они заселяли въ концѣ концовъ крайнюю часть сѣвернаго склона Яйлы и побережье, и существовали долго: остатки ихъ извѣстны тамъ еще въ XVIII в. Другая часть изъ Крыма, по словамъ Прокопія, перешла на кавказскій берегъ, гдѣ видимъ ихъ въ VI в., около Керченскаго пролива, подъ именемъ Готовъ-Тетракситовъ. Есть извѣстія еще о значительной готской колоніи на нижнемъ Дунаѣ, около Томъ (Кюстенджи). На этомъ кончается фактическая исторія Готовъ на нашей территоріи [2]). Ея дальнѣйшимъ, уже

---

[1]) Изъ обширной литературы объ этихъ остаткахъ упомяну: Куника О запискѣ готскаго Топарха (Записки петербургской академіи т. 24), Васильевскаго Житіе Іоанна Готскаго Ж. М. Н. П. 1878, I, Томашка Ethnologische Forschungen, I—Die Goten in Taurien, 1881. Braun Die letzten Schicksale der Krimgoten, 1890 (Iahresbericht der Reform-Bürgerschule in Petersburg). R. Loewe Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere, 1896, J. Ziegler und die Krimgoten (Paul u. Braune Beiträge, 1992), Die Krimgotenfrage (Indogerm. Forschungen, 1902). Götze Die Krimgoten (P. B. Beiträge, 1901).

[2]) Наиболѣе свѣдѣній имѣемъ о крымскихъ Готахъ; до 80-хъ годовъ XV в. имѣли они свою политическую организацію, центромъ ея былъ теперешній Мангупъ (древній Теодоро, въ 1475 г. завоеванный Турками), а готская эпархія перестала здѣсь существовать только во второй половинѣ XVIII в. Еще въ XVI в. путешественникъ Бусбекъ записалъ значительное число нѣмецкихъ словъ отъ здѣшнихъ Готовъ; позднѣе они отатарились. Остатки ихъ видятъ въ выведенныхъ при имп. Екатеринѣ изъ Крыма въ окрестности Маріуполя такъ наз. Татахъ. Извѣстія о кавказскихъ

гипотетическимъ продолженіемъ, является такъ называемая готская теорія начала Руси,—о которой будетъ рѣчь на своемъ мѣстѣ.

§ 84. Дальнѣйшія судьбы гуннской орды. За Готами двигалось въ средне-дунайскія степи и другое черноморское населеніе: Герулы, Аланы, и самыя гуннскія орды. Въ V в. застаемъ главную гуннскую орду уже на территоріи между Дунаемъ и Тиссою—на былыхъ владѣніяхъ Языговъ. Отсюда Аттила собиралъ дань съ Римской имперіи. Къ сожалѣнію, кромѣ отношеній къ Римской имперіи о гуннскомъ государствѣ извѣстно очень немногое. Римскій посолъ разсказывалъ византійскому о Аттилѣ, что „онъ господствуетъ и надъ островами Океана и кромѣ Скиѳіи еще и съ Римлянъ беретъ дань[1]). На основаніи этого общаго выраженія, конечно нельзя точнѣе обозначить предѣловъ гуннскаго господства, хотя это иногда и пытаются дѣлать. Гуннская орда могла господствовать надъ черноморскими ордами и надъ остальнымъ степнымъ населеніемъ, могла пользоваться извѣстнымъ преобладаніемъ среди нихъ; можетъ быть, налагала на него болѣе реальныя обязанности—являться на войну по требованію Гунновъ; можетъ быть собирала съ нѣкоторыхъ сосѣднихъ народовъ дань, какъ брала съ Римлянъ. Но опредѣленнѣе объ этомъ нельзя ничего сказать; даже зависимость черноморскихъ ордъ отъ гуннской орды въ это время не вполнѣ надежна и постоянна. Видимъ, что нѣкоторыя изъ этихъ черноморскихъ ордъ гуннская орда только еще покоряетъ, а нѣкоторыя изъ нихъ отпадаютъ и

Готахъ гораздо бѣднѣе; Леве въ упомянутомъ трудѣ, давъ сводъ упоминаній о нихъ, думаетъ, что остатки ихъ сохранились на Таманскомъ полуостровѣ до конца XVIII в., но эти извѣстія слишкомъ общи, чтобы можно было дѣлать на основаніи ихъ какіе нибудь достовѣрные выводы. Имя кавказскихъ Готовъ-Тетракситовъ связываютъ съ Таматархою-Тмутороканью (Васильевскій, Леве). Къ какимъ то изъ этихъ Готовъ относится упоминаніе слова о полку Игоревомъ о „готскихъ красныхъ дѣвахъ“; обыкновенно относятъ его къ крымскимъ, но принимая во вниманіе собранныя Леве свѣдѣнія, съ большою достовѣрностью можно отнести къ таманскимъ. Дунайскіе Готы (о нихъ особенно у Леве, Die Reste, гл. IV) исчезаютъ скорѣе другихъ: послѣ IX в. о нихъ уже нѣтъ никакихъ извѣстій.

[1]) Прискъ—Hist. gr. min I p. 312, p. 199 ed. Bonn.

признаютъ подъ собою римское верховенство. Отецъ Аттилы передъ смертью долженъ былъ воевать съ придунайскими ордами, потому что онѣ оддались подъ верховную власть Римлянъ. Орда Акациров, жившая около Волги, только вслѣдствіе личной обиды, нанесеной одному изъ ея старѣйшинъ Римлянами, добровольно подчинилась Аттилѣ, и онъ поставилъ тогда одного изъ своихъ сыновей надъ ними и „надъ другими народами живущими въ припонтійской Скиѳіи“ [1]). Это все не указываетъ, какъ видимъ, на существованіе какой нибудь болѣе сильной и прочной политической связи даже среди степного населенія: тѣмъ менѣе можемъ говорить о народахъ, жившихъ далѣе на сѣверъ.

Со смертью Аттилы (въ 353 г.) разорвалась и та слабая связь, какая соединяла различныя племена и орды подъ его властью. Противъ его сыновей, которые должны были раздѣлить между собою отцовскую власть, поднялось возстаніе среди народовъ средняго Дуная. О другихъ не слышимъ: въ болѣе отдаленныхъ областяхъ, очевидно, нечего было и подымать возстаніе, потому что та проблематическая зависимость отъ Аттиловой орды, какая могла здѣсь быть, навѣрное исчезла сама собою съ его смертью. Возстаніе выбило гуннскую орду изъ средне-дунайскихъ областей, перешедшихъ главнымъ образомъ въ руки Германцевъ: Гепиды захватили прежнюю Дакію, Остготы перешли въ Паннонію. Часть Гунновъ поселилась на правомъ берегу Дуная—въ такъ называемой Малой Скиѳіи (Добруджѣ), и въ римскихъ провинціяхъ, подъ римскимъ владычествомъ. Часть ушла за Дунай, въ черноморскія степи. Іорданъ говоритъ, что ихъ орды жили здѣсь около Днѣпра: но нельзя положиться на достовѣрность его извѣстія, что то была орда Аттилы [2]).

---

[1]) Прискъ—Hist. gr. min. p. 276 и 298. Не доказываетъ ничего и фактъ похода Гунновъ когда то (πάλαι) на Персію (ib. c. 312): неизвѣстно, была ли то какъ разъ орда Аттилы, и даже въ такомъ случаѣ самъ походъ не доказывалъ бы еще существованія какой нибудь болѣе сплоченной организаціи въ черноморскихъ степяхъ.

[2]) Іорданъ гл. 50–2, ср. Prisci p. 161—2 ed. Bonn.=345—6 Hist. gr. min. Іорданъ говоритъ о гуннской ордѣ, что она заняла „eas partes Scythiae, quas Danabri amnis fluenta praetermittit, quam lingua sua Hunni Var appellant. Варіанты имѣютъ: Da-

§ 85. Дальнѣйшее движеніе ордъ. Болгары. Гунская орда была лишь передовымъ полкомъ того смѣшаннаго, главнымъ образомъ тюркско-финскаго кочевого потока, который двигался вслѣдъ за нею по черноморскимъ степямъ, двигался долго, то останавливаясь и прерываясь, то прорываясь неожиданнымъ взрывомъ, среди безпрестанной борьбы самихъ ордъ между собою и съ осѣдлыми сосѣдями, въ которой неразъ разбивались и пропадали безслѣдно цѣлыя орды.

Въ извѣстіяхъ современниковъ непосредственно за гунскою ордой выступаетъ болгарская. Она извѣстна уже въ концѣ V в., и имя Болгаръ считалось современниками какъ бы вторымъ, новымъ именемъ гуннской орды Аттилы; сравненіе извѣстій писателей V—VI в. выказываетъ это съ полною достовѣрностью. Въ дѣйствительности это могли и не быть именно Гунны Аттилы, а какая нибудь изъ ордъ, стоявшихъ передъ тѣмъ подъ гунскимъ владычествомъ; могла какая нибудь орда Аттилы стать во главѣ новоприбывшихъ ордъ и сообщить имъ свое названіе. Остатки языка дунайскихъ Болгаръ (особенно личныя имена и титулы), а также извѣстія о ихъ бытѣ во всякомъ случаѣ не оставляютъ мѣста сомнѣнію, что эта была тюркская орда, или по крайней мѣрѣ стоявшая подъ очень сильными вліяніями тюркской культуры [1]). Могли быть въ ней элементы финскіе, но въ дунайской ордѣ Болгаръ они себя не проявляли такъ, какъ въ ея сѣверной,

nubria и Danubii, прежде читалось Danubii, и нѣкоторые защищаютъ это названіе, принимая во вниманіе, что сыны Аттилы выступаютъ около Дуная (Iорданъ и Прискъ l. с.); но орды могли находиться и около Днѣпра (разумѣется—нижняго). Слова Hunni var прежде читались вмѣстѣ: Hunnivar, и здѣсь усматривали названіе мѣстность, даже Кіевъ. Въ дѣйствительности, это финское названіе рѣки: уже въ изданіи Моммзена указано было на венгерское var=рѣка; спеціальная статья Мункачи въ венгерской Ethnographia, 1897: A Dnjeper folyónak huszu „Var“ neve (гуннское названіе „Var“ рѣки Днѣпра). Въ непосредственной связи съ этимъ словомъ находится очевидно турецкое названіе Днѣпра „Варухъ“ у Константина Порфиророднаго De adm. 38 (другіе видѣли въ немъ испорченное „Борисѳенъ“, напр. Гротъ, Васильевскій).

[1]) Родъ „Дулу“, изъ котораго должна была происходить княжеская династія дунайскихъ болгаръ, извѣстенъ у Турковъ еще на прародинѣ—Аристовъ ор. с. с. 297.

волжской вѣтви, осѣвшей на финской почвѣ уже послѣ своего отдѣленія отъ западной, позднѣйшей дунайской орды [1]).

Передъ своимъ переселеніемъ на Дунай Болгары извѣстны намъ въ окрестностяхъ Мэотиды. Армянскій географъ VII в., современникъ перехода Болгаръ за Дунай, разсказываетъ, что Болгары прибыли на устье Дуная изъ азовско-кавказскихъ земель, и тамъ было ихъ четыре орды: Купи-булгаръ (Болгаре кубанскіе), Дучи-булкаръ, Огхондоръ-блкаръ, Чдоръ-балкаръ [2]). Византіецъ Ѳеофанъ, писавшій сто лѣтъ спустя по переходѣ Болгаръ за Дунай, зналъ въ дунайскихъ областяхъ Болгаръ Унугундуровъ и Котраговъ [3]), и въ этихъ именахъ узнаемъ извѣстныхъ въ греческихъ источникахъ, начиная съ VI в., Кутургуровъ и Оногуровъ (иначе—Унугуровъ, Утургуровъ, Унугундуровъ,—армянскихъ Огхондоръ, Вогхондоръ, Угхундуръ, Венантаръ другихъ источниковъ). Въ VI в. Кутургуры находились на правой сторонѣ Дона, Утургуры за Домомъ, около Мэотиды [4]). Современникъ

[1]) Литература о началѣ Болгаръ была указана во 2-мъ изданіи. Обзоръ ея—Шишмановъ Критиченъ прѣгледъ на вопроса за произхода на прабългаритѣ (Сборникъ за народни умотворенія, т. XVI—XVII, 1900). О „Черныхъ Болгарахъ" см. еще Westberg Fragmente des Toparcha Goticus с. 102 сл., и его же Къ анализу восточныхъ источниковъ (Ж. М. Н. П. 1908)—нѣсколько этимологій.

[2]) Пользуюсь статьей армяниста Патканова въ Ж. М. Н. П. 1883, III (Изъ новаго списка географіи, приписываемой Моисею Хоренскому), гдѣ приведены тексты обѣихъ версій (краткой и полной) армянской переработки Птолемея, приписанной армянскому историку Моисею Хоренскому.

[3]) Theophanes ed. de Boor. p. 356: Οὐννογουνδούρων Βουλγάρων καὶ Κοτράγων. Цейссъ (с. 713) считалъ формы Унугуры, Унугундуры, Утургуры различными измѣненіями одного и того же названія; это имѣетъ ту вѣроятность, что эти варіанты не выступаютъ одновременно. Мункачи (Munkácsi Ursprung des Volksnames Ugor—Ethnolog. Mitteilungen aus Ungarn т. V) объяснялъ названіе Огондуровъ какъ plur. отъ ogur, ugur (названія западныхъ Турковъ и Уйгуровъ).

[4]) О Кутургурахъ Procopii De bello Got. IV. 5, 18, о Утургурахъ ib. IV. 5. Прокопій называетъ ихъ Гуннами, но въ его устахъ это опредѣленіе не имѣетъ большой цѣны, такъ какъ названіе Гунновъ онъ употребляетъ очень широко, причисляя къ нимъ и Киммерійцевъ. Въ текстѣ Іордана, перечисляющаго: Altziagiri, Saviri,

Іорданъ, правда, дѣлаетъ различіе между Болгарами и этими гуннскими народами Мэотиды и помѣщаетъ Болгаръ къ сѣверу отъ нихъ; но если сравнимъ его слова о нападеніяхъ Болгаръ на Византію съ указаніями Прокопія, что эти нападенія шли отъ Кутургуровъ, то убѣдимся, что здѣсь идетъ рѣчь объ одномъ и томъ же: очевидно, Кутургуры, опущенные у Іордана, назывались иначе Болгарами—можетъ быть по имени главной орды.

§ 86. Переселеніе Болгаръ на Дунай. Въ армянской исторіи (у Моисея Хоренскаго) Болгары упоминются уже въ событіяхъ III в. [1]). Но болѣе достовѣрныя и опредѣленныя извѣстія о нихъ имѣемъ со времени ихъ нападеній на Византію. Первыя нападенія ихъ относятся къ V в.: Теодорихъ встрѣтилъ ихъ въ Мизіи еще передъ своимъ походомъ на Италію, слѣдовательно передъ 487 г., и разбилъ тамъ [2]). Начиная съ конца V в. болгарскія нападенія на византійскія земли повторяются почти безпрерывно; придунайскіе Славяне также принимаютъ участіе въ этихъ нападеніяхъ [3]). Въ половинѣ VI в. Византія платила Болгарамъ Кутургурамъ ежегодную значительную дань (δῶρα), но все же они безпрестанно опустошали придунайскія земли, „одновременно враги и союзники“, какъ характеризуетъ ихъ Прокопій [4]). Уже тогда (въ половинѣ VI в.) Юстиніанъ поселилъ часть ихъ во Ѳракіи, натравивъ на нихъ Утургуровъ и принудивъ такимъ образомъ къ переселенію. Другая часть Кутургуровъ присоединилась къ Аварамъ и съ ними немного позднѣе перешла на средній Дунай. Остальныхъ покорила турецкая орда—одна изъ ордъ „изъ подъ Золотой горы“ (Алтая), въ половинѣ VI в. подчинявшихъ себѣ прикаспійскія орды [5]). Подъ натискомъ этихъ ордъ въ концѣ VI или въ началѣ VII болгарскія орды были раздроблены. Часть ихъ от-

---

Hunnguri, Цейссъ исправлялъ Altziagiri на Cutziagiri (с. 715), но среди варіантовъ изданія Моммзена нѣтъ ни чего подобнаго.

[1]) Упомянутая статья Патканова, с. 25.

[2]) Ennodii Panegyricus Theoderico regi dictus c. V и XII — Monumenta Germaniae hist., auctorum antiquissimorum t. XV.

[3]) Эти нападенія перечислены у Мюлленгофа, гдѣ выбраны и отрывки изъ источниковъ—II с. 379.

[4]) De b. Gothico IV. 5 и 18. Іорданъ гл. 5.

[5]) Менандръ—Hist. gr. min. II p. 87—9 (ed. Bonn. p. 401 и 404).

ступаетъ на сѣверъ, гдѣ позднѣе, въ IX—X вв., видимъ болгарское государство на средней Волгѣ и на Камѣ. Часть подъ названіемъ Черныхъ Болгаръ остается около Мэотиды, на сѣверномъ Кавказѣ. Часть двигается далѣе на западъ и на нѣкоторое время поселяется въ такъ назыв. Углу, Ὄγγλος, между Днѣстромъ и Дунаемъ, „въ безопасномъ и неприступномъ со всѣхъ сторонъ мѣстѣ“, защищенномъ болотами и рѣками[1]). Нѣкоторое время эта западная орда находилась въ зависимости отъ Аваровъ[2]). Въ 630-хъ годахъ она освободилась отъ нихъ и вступила въ союзныя отношенія къ Византіи[3]). Но эти отношенія продолжались не долго. Эти западные Болгары начинаютъ изъ за Дуная опустошать византійскія земли, а около 670 г. подъ предводительствомъ Аспаруха поселяются за Дунаемъ. Подчинивъ себѣ здѣшнихъ „семь племенъ“ славянскихъ[4]), основываютъ они болгарское по имени, славянское въ дѣйствительности государство, гдѣ эта болгарская орда черезъ нѣсколько поколѣній совершенно растворяется въ массѣ славянскихъ поселенцевъ.

§ 87. Движеніе Аваровъ. Аварская орда (Обры нашей лѣтописи) была безспорно тюркскаго происхожденія—это были близкіе родичи и земляки Гунновъ. Они и называются въ источникахъ Аваро-гуннами: Варъ-гунны, Варъ-хониты, и такое племя обмонголившихся турковъ: Уаръ-гунны до сихъ поръ извѣстно въ западной Монголіи[5]). Но сравнительно съ гуннскою миграція Аваровъ на западъ была результатомъ уже позднѣйшихъ этническихъ переворотовъ въ центральной Азіи, когда вмѣсто Гунновъ изъ среды турецкихъ племенъ выступаетъ на первый планъ племя

---

[1]) Когда именно поселились они здѣсь, неизвѣстно. Ѳеофанъ и Никифоръ относятъ это уже ко второй половинѣ VII в., но въ ихъ разсказѣ собрано въ нѣсколько лѣтъ то, что происходило въ продолженіе столѣтія.

[2]) Ѳеофанъ с. 358, Никифоръ с. 34.

[3]) Никифоръ Opera hist. ed. de Boor p. 24.

[4]) Ѳеофанъ с. 357.

[5]) Его связываютъ съ названіемъ рѣки Уаръ или Угаръ въ алтайской системѣ (Аристовъ с. 310), но мы только что (с. 184, прим.) видѣли, что это названіе было вообще очень широко распространено Подробнѣе о Аварахъ см. у Цейсса с. 727 и далѣе, Гунфальви с. 83 и далѣе, цитированныя статьи Cahun'a и Аристова, Успенскій Первыя славянскія монархіи на сѣверо-западѣ с. 7 и сл.

Турковъ—Турками они называютъ сами себя въ недавно открытыхъ памятникахъ ихъ государства (VIII в.) в бассейнѣ Орхона, въ Монголіи [1]). Какъ симптомъ этого новаго переворота въ центральной Азіи и появляется тогда аварская орда. На границахъ Европы она упоминается впервые еще въ половинѣ V в. Она тѣснила съ востока Савировъ (въ прикавказскихъ краяхъ), въ свою очередь двинувшихся тоже подъ натискомъ тюркскихъ ордъ средней Азіи, „народовъ съ береговъ океана, покинувшихъ свою землю по причинѣ большого тумана и грифовъ, которые поѣдали людей". Авары тѣснили Савировъ, тѣ своихъ западныхъ сосѣдей (между ними Опогуровъ). Это было повтореніи исторіи, разсказанной тысячу лѣтъ тому греческими писателями о нашествіи Скиѳовъ. Пробивъ себѣ наконецъ дорогу среди прикаспійскихъ ордъ, Авары въ половинѣ VI в. оставались нѣкоторое время сосѣдями Савировъ [2]). Затѣмъ натискъ на нихъ Тюрковъ, считавшихъ Аваровъ „своими рабами—бѣглецами" [3]), былъ причиною дальнѣйшаго движенія аварской орды на западъ. Въ 60-хъ годахъ VI в. (въ 558 г. по Менандру) Авары завязываютъ сношенія съ Византіей, требуя и себѣ ежегодныхъ „подарковъ", какіе получали отъ Византіи Болгары, и рекомендуя себя, какъ самый сильный и самый воинственный народъ. Этотъ „союзъ" былъ принятъ въ Византіи, и Аварамъ было поручено воевать съ нѣкоторыми противниками Визан-

---

[1]) О тюркской ордѣ—Ту гю или Ту-кю китайскихъ источниковъ и еи исторіи кромѣ цитированныхъ выше трудовъ (с....) см. еще изслѣдованія въ Inscriptions de l'Orkhon, dechiffrées par. V. Thomsen, 1896, Barthold Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften, у Радлова (Radloff Die alttürkische Inschriften, Neue Folge, 1897). Chavannes Documents sur les Tou kiue (Turcs) occidentaux 1903. Древнѣйшая исторія Турковъ извѣстна изъ китайскихъ источниковъ, гдѣ ихъ знаютъ съ начала VI в. послѣ Р. Хр. и считаютъ потомками Хунъ-ну, а родиною ихъ—золотыя горы, Алтунъ-ишъ. Около 600 г. они раздѣляются на западную и восточную орду. Исторія восточныхъ тюрковъ въ VIII в., ихъ общественный строй и культура объясняются современными надписями бассейна Орхона.

[2]) То, что Менандръ говоритъ затѣмъ о Аварахъ, какъ о какой то новоприбывшей ордѣ, не находитъ для себя подтвержденія, и вообще вся фраза риторическая—Hist. gr. min. т. II. p. 4 (ed. Ronn. p. 283). [3]) Менандръ с. 86—9.

тіи, ибо, какъ объясняетъ историкъ: „для Византіи было бы одинаково выгодно—побѣдили бы Авары, или были уничтожены“. Мы узнаемъ, что Авары воевали послѣ этого съ Савирами и Утургурами, далѣе со Славянами—Антами [1]). По приглашенію императора Юстина они ходили походомъ на Франковъ, затѣмъ принимали участіе въ борьбѣ Лонгобардовъ съ Гепидами на среднемъ Дунаѣ (567 г.). По договору съ Лонгобардами, территорія Гепидовъ должна достаться Аварамъ, и истребивъ Гепидовъ, Авары поселяются на ихъ мѣстѣ, вмѣстѣ со своими товарищами по переселенію—Болгарами-Кутургурами. Вслѣдъ за этимъ и Лонгобарды двинулись въ Италію, а Авары остались господами всей средне-дунайской равнины (568 г.). Съ этого времени начинается новая эпоха въ исторіи аварской орды. Изъ своихъ наддунайскихъ поселеній они начинаютъ производить страшныя опустошенія въ византійскихъ земляхъ, продолжающіяся затѣмъ съ нѣкоторыми перерывами въ VI, VII и VIII в. и дѣлающія изъ Аваровъ самаго страшнаго врага Византіи и другихъ сосѣдей. Объ отношеніяхъ ихъ къ Славянамъ мы будемъ имѣть случай говорить далѣе. Теперь же намъ нужно познакомиться съ славянскимъ разселеніемъ, развивающагося среди движенія этихъ ордъ.

[1]) Менандръ 4—6.

III.

Славянская колонизація и тюркскій натискъ.

§ 88. Слѣды движенія Славянъ на юго-западъ предъ разселеніемъ. Періодъ движенія тюркскихъ ордъ, начиная съ похода Гунновъ, является эпохою наивысшаго развитія славянской колонизаціи на нашей территоріи. Переходя теперь къ ней, мы прежде всего дадимъ общее обозрѣніе разселенія Славянъ вообще, насколько это нужно для пониманія восточно-славянскаго разселенія въ частности, и перейдемъ затѣмъ къ этому послѣднему.

Начнемъ съ указаній и слѣдовъ болѣе раннихъ движеній на юго-западъ.

Выше мы опредѣлили, по возможности точно, праславянскую территорію. Въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ, разумѣется, должны были происходить нѣкоторыя измѣненія границъ этой территоріи, въ связи съ колонизаціонными движеніями ближайшихъ сосѣдей. Отдѣльные части или даже цѣлыя колѣна и племена славянскія могли отрываться отъ главной массы и передвигаться далѣе къ западу и къ югу—въ черноморскія области или за Карпаты. Слѣды подобныхъ славянскихъ колоній видятъ въ различныхъ хорографическихъ названіяхъ за границами праславянской территоріи, которыя звучатъ, какъ славянскія—особенно за Карпатами (какъ Pelso, Плесо—Блатенское озеро, р. Ulca, Urbas, Bustricius, а особенно Tsierna-Черна, городъ при впаденіи р. Черны въ Дунай, названіе котораго передано въ такой формѣ уже въ надписи II в.), затѣмъ въ различныхъ слѣдахъ славянскихъ соприкосновеній съ

римскимъ міромъ и т. под.[1]). Всѣ такіе слѣды однако лишены достовѣрности, и всѣ эти якобы славянскія хорографическія названія могутъ быть простыми созвучностями[2]).

---

[1]) Аргументы въ доказательство разселенія Славянъ за Карпатами передъ великимъ переселеніемъ и даже передъ Рожд. Хр. наиболѣе полно собраны у Нидерле Slovanské Starožitnosti II. Къ лингвистическимъ и историческимъ доказательствамъ, указаннымъ прежде, присоединяетъ онъ аргументы археологическіе—о славянскомъ типѣ могильниковъ на территоріи Словаковъ. Этотъ археологическій аргументъ опирается однако на положеніяхъ, которыя сами еще не достаточно убѣдительны, поэтому доказательная сила его невелика—не больше тѣхъ яко-бы славянскихъ хорографическихъ названій; археологія указываетъ на распространеніе извѣстныхъ культурныхъ типовъ, но они не доказываютъ непремѣнно распространенія народностей, и между тѣмъ какъ Нидерле на основаніи археологическаго матеріала видитъ распространеніе Славянъ за Карпатами, Гадачекъ въ цитированномъ изслѣдованіи (Cmentarzyska ciałopalne Przeworska) доказываетъ, что Славянъ въ II—IV вв. послѣ Р. Хр. не было даже на сѣверномъ склонѣ, между Вислою и Бугомъ. На подобныхъ же аргументахъ: якобы славянскихъ топографическихъ названіяхъ въ балканскихъ земляхъ передъ славянской миграціей и римско-славянскихъ культурныхъ соприкосновеніяхъ (которыя становятся однако извѣстными только позднѣе) опирается аналогичная довольно популярная въ свое время теорія, что славянская миграція въ балканскія земли началась еще въ III в. Ее выставилъ Дриновъ, въ книгѣ Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами, 1872 (гл. II), принялъ въ модифицированной формѣ Иречекъ въ первомъ, нѣмецкомъ изданіи своей извѣстной „Исторіи Болгаръ“ (гл. III), и др. Разница только въ томъ, что въ то время какъ славянское разселеніе за Карпатами, хотя до сихъ поръ недоказано, но само по себѣ вполнѣ возможно и вѣроятно, то колонизація Славянами балканскихъ земель передъ великимъ переселеніемъ имѣетъ за собою гораздо меньше такой апріорной вѣроятности. Аргументы этой теоріи подвергъ основательной критикѣ Крекъ ор. с.[2] с. 275 и слѣд., и въ новѣйшей наукѣ она не имѣетъ уже никакого кредита, хотя и встрѣчается еще въ литературѣ. Литература вопроса была указана во 2 изд.

[2]) Объ этихъ названіяхъ, кромѣ Нидерле, см. напр. еще Кочубинскаго О русскомъ племени въ дунайскомъ Залѣсьѣ (Труды VII съѣзда т. VI, с. 47), Филевича Исторія древней Руси с. 158. Славянство Черны (Corpus inscrip. latinarum III № 1568: stationis tsiernen, у Птолемея Δίερνα. III, 9, 10, на Певтингеровой картѣ Tierna) принимаютъ нѣкоторые изслѣдователи очень далекіе отъ сла-

Этимъ я не хочу сказать, что славянскія колонизаціонныя движенія передъ разселеніемъ сами по себѣ невозможны. Они возможны вполнѣ. Такъ называемая Певтингерова карта, составленная въ IV в. на основаніи, какъ теперь доказываютъ, старой карты Агриппы, I в. послѣ Р. Хр., помѣщаетъ группу Венетовъ къ сѣверо-западу отъ Карпатъ, отдѣльно отъ остальныхъ Венетовъ, помѣщенныхъ на востокѣ и отдѣленныхъ отъ упомянутой передовой группы Бастарнами, и другую группу Венетовъ между Дунаемъ и Днѣстромъ, къ югу отъ Карпатъ [1]). Можетъ быть мы имѣемъ здѣсь реальные слѣды такихъ колонизаціонныхъ вылазокъ передъ разселеніемъ. Ихъ можна былобы объяснитъ въ связи съ ослабленіемъ ѳракійскаго и бастарнскаго населенія въ карпатскихъ областяхъ въ III в., съ его войнами и нападеніями на римскую имперію. Но внѣ такихъ спорадическихъ и не совсѣмъ достовѣрныхъ по своему значенію указаній мы до сихъ поръ не имѣемъ извѣстій о Славянахъ на западѣ и югѣ за границами ихъ родины, до самого великаго переселенія, и довольно трудно допустить передъ нимъ какіе нибудь большія массовыя движенія ихъ въ этихъ направленіяхъ—къ западу и югу.

§ 89. Общія условія славянскаго разселенія. Великое славянское разселеніе наступило въ связи съ движеніемъ германскихъ народовъ; на югѣ кромѣ того рѣшительное вліяніе на него оказалъ походъ тюркско-угорскихъ ордъ,

Если справедливо приведенное выше мнѣніе, что натискъ Славянъ и Литовцевъ съ востока былъ одною изъ причинъ, которыя привели восточныхъ Германцевъ къ миграціи изъ бассейновъ Одры и Вислы на Дунай и Черноморье [2]), то очевидно, что

вянскихъ фантазій, какъ напр. Кипертъ Lehrbuch der alten Geographie, изд. 1878, с. 337. Противъ этихъ выводовъ см. у Крека, изд. 2, с. 275—6, или у Мюлленгофа, ор. с. II, с. 378—они не признаютъ славянства этихъ названій.

[1]) Мюлленгофъ отвергалъ эти указанія Певтингеровой карты, доказывая, что Венеды очутились здѣсь на западѣ благодаря узкой формѣ карты—III с. 80, но это не объяснитъ намъ, почему Венеды очутились на западъ отъ Бастарновъ. Ср. Rösler Zeitpunkt der slav. Ansiedelung, с. 84. О самой картѣ Conr. Müller Weltkarte des Castorius, genannt die Peutingerische Tafel, 1888.

[2]) См. с. 162—3.

за германскою миграціей на югъ должна была сейчасъ же наступить славянская миграція на западъ, въ оставленныя Германцами земли. Но если даже славянско-литовскій натискъ не оказалъ вліянія на выходъ Германцевъ, то самъ этотъ выходъ долженъ былъ вызвать славянское разселеніе въ западномъ направленіи: когда по сосѣдству на западѣ послѣ ухода Германцевъ явились пустыя или рѣдко заселенныя пространства, это не могло не подвинуть Славянъ къ разселенію въ этомъ направленіи. Начало германской миграціи относится ко второй половинѣ II в. послѣ Р. Хр. (переселеніе Вандаловъ): Готы эмигрируютъ не позднѣе начала III в. Къ III в. должны мы отнести начало массоваго славянскаго похода на западъ. Но разселеніе происходитъ медленно, безъ большого шума. Это не были воинственныя германскія дружины, которыя своими нападеніями на римскія земли производили такой переполохъ. Славяне занимали большею частью пустыя земли: конфликты между славянскими пришельцами и Германцами, которые еще остались на этихъ земляхъ, не принимали большихъ размѣровъ и не обращали на себя вниманія. Іорданъ въ VI в., говоря о Славянахъ на Дунаѣ и Черноморскомъ побережьѣ, все еще считаетъ границею Германіи и Сарматіи Вислу, а ничего не говоритъ о Славянахъ на Одерѣ и Эльбѣ. Въ другихъ памятникахъ, относящихся къ тому же времени, Германцы все еще считаются насельниками земель къ западу отъ Вислы, а о Славянахъ не слышно [1]). Только случайно, описывая переселеніе Геруловъ въ началѣ VI в. со средняго Дуная въ Данію, современникъ Прокопій упоминаетъ уже о цѣломъ рядѣ славянскихъ народовъ на этой дорогѣ, очевидно—въ прикарпатскихъ краяхъ и въ бассейнѣ Одера. Однако и тогда еще славянская миграція не овладѣла всей территоріей: въ бассейнѣ нижней Эльбы Герулы перешли большую пустыню, прежде чѣмъ прибыли на балтійское побережье, къ Варнамъ и Данамъ [2]).

§ 90. Славянское разселеніе на западѣ и юго-западѣ. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ славянскомъ разселеніи на западѣ

---

[1]) См. Müllenhof II с. 94 и сл.

[2]) ἤμειψαν μὲν τὰ Σκλαβηνῶν ἔθνη ἐφεξῆς ἅπαντα. ἔρημον δὲ χώραν διαβάντες ἐνθένδε πολλὴν ἐς τοὺς Οὐάρνους καλουμένους ἐχώρησαν—De b. Got. II 15.

начинаются только съ организацiею перваго историческаго западно-славянскаго государства подъ главенствомъ Само, во второй четверти VII в., и съ началомъ войнъ Славянъ съ франкскимъ государствомъ. Но современникъ этихъ войнъ, писатель VII в. при этомъ говоритъ о полабскихъ славянахъ, какъ о старинныхъ уже поселенцахъ [1]). Славяне тогда овладѣли уже бассейномъ Эльбы до Заалы и Ейдера, порѣчьями Молдавы и Моравы. Переходъ Маркоманновъ въ Баварiю (въ началѣ VI в.) далъ имъ возможность свободно разселяться и въ областяхъ верхней Эльбы. На востокѣ эта западная славянская колонизація опиралась на западные Карпаты, на западѣ отдѣльныя славянскія колонiи заходили вглубь Тюрингiи, Франконiи, Баварiи. На югѣ—на среднемъ Дунаѣ, около Вѣнскаго лѣса поселенія западно-славянской колонизацiи сходились съ южно-славянскими. За недостаткомъ другихъ свѣдѣнiй о здѣшнемъ разселенiи только лингвистическія различiя даютъ возможность провести границу между колонизацiей западной вѣтви—Чеховъ, Моравовъ, Словаковъ, и южною группой—Славянами подунайскими [2]).

На югѣ Венеты Певтингеровой карты являются наиболѣе древнимъ историческимъ указанiемъ на славянскую миграцiю на юго-западъ вдоль сѣвернаго склона Карпатъ. Но массовое движенiе германскаго племени въ карпатскія и подунайскія области IV в. должно было прервать это славянское разселенiе, если оно даже получило значительное развитiе. Въ остготской традицiи мы видѣли воспоминанiе о владычествѣ Германариха надъ Славянами, но оно носитъ совершенно миѳическiй характеръ. Болѣе признаковъ достовѣрности имѣетъ разсказъ Iордана о войнѣ Винитара, короля Остготовъ, оставшихся подъ властью Гунновъ, съ Антами и ихъ „королемъ" Бозомъ (или Божемъ). Iорданъ разсказываетъ, что Винитаръ, „не желая подчиняться гунискому верховенству, началъ понемногу уклоняться отъ него и желая показать свою отвагу, двинулся со своимъ войскомъ на области Ан-

---

[1]) Qui... ad regnum Francorum jam olim adspexerunt—Fredegari c. 68.

[2]) Въ болѣе спеціальные вопросы славянской колонизацiи на юго-западѣ можетъ ввести II т. Slov. starožitnosti Нидерле.

товъ“ и разбилъ ихъ[1]). Хотя Іордановы (или Кассіодоровы) построенія готской исторіи того времени вообще очень мало достовѣрны, но самый конфликтъ Остготовъ съ Антами въ то время носитъ признаки достовѣрности—только онъ неправильно истолкованъ въ традиціи. Въ обстоятельствахъ того времени, по упадкѣ государства Германариха, когда сами Готы подъ натискомъ Гунновъ должны были подвигаться къ западу, имъ было не до далекихъ завоеваній, и въ этой войнѣ я вижу симптомъ славянскаго разселенія и столкновенія его съ Готами на югозападѣ. Эта колонизація исходила не изъ западныхъ поселеній, прикарпатскихъ, а изъ антскихъ, значитъ юго-восточныхъ. Особенно важнаго значенія самъ конфликтъ не имѣлъ: Гунны взяли Антовъ подъ свою защиту и съ помощью вѣрныхъ Гуннамъ Готовъ уничтожили Винитара.

§ 91. Славянское разселеніе на юго-востокѣ. Гуннское движеніе, погромъ Алановъ и готскаго государства, переселеніе германскихъ народовъ и степныхъ ордъ на западъ—все это не могло не расшевелить, не втянуть въ свой водоворотъ сосѣднихъ Славянъ, жаждавшихъ новыхъ просторовъ для своего стѣсненнаго на прародинѣ населенія. Весьма вѣроятно предположеніе, что славянскіе отряды принимали участіе уже въ походѣ Гунновъ на средній Дунай[2]), хотя опредѣленныхъ слѣдовъ присутствія Славянъ въ гуннскомъ походѣ не имѣется, кромѣ нѣсколькихъ словъ дошедшихъ изъ гуннскаго лагеря и звучащихъ по славянски[3]). А уже

---

[1]) Getica, гл. 5. См. L. Schmidt Geschichte d. deut. Stämme с. 107 и сл., Marquart Osteuropäische u. ost-asiatische Streifzüge, с. 367 и сл. Марквартъ высказалъ предположеніе, что эта война съ Антами имѣла мѣсто еще во времена Германариха. Но съ другой стороны самъ онъ съ большимъ вѣроятіемъ объясняетъ „Винитара“, какъ эпическое прозвище Витимера—„побѣдитель Венетовъ“ т. е. Антовъ (какъ Vandalarius—побѣдитель Вандаловъ“, Гунимундъ—„гуннскій подданный“ и под.).

[2]) Гротъ Моравія и мадьяры, с. 36. Успенскій Первыя слав. монархіи, с. 7.

[3]) Это слово μέδος у Приска (ἀντὶ δὲ οἴνου ὁ μέδος ἐπιχωρίως καλούμενος—Hist. gr. min. с. 300, ed. Bonn. p. 183) и strava у Іордана гл. 49 (stravam super tumulum eius (Аттилы) quam appellant ipsi ingenti commessatione concelebrant—славянская тризна).

со всею увѣренностью можно сказать, что вслѣдъ за истребленіемъ Алановъ, съ походомъ на западъ Германцевъ и самыхъ Гунновъ, началось восточно-славянское разселеніе на югъ: это былъ самый подходящій моментъ, болѣе подходящій даже, чѣмъ время послѣ распаденія государства Атиллы, когда выбитые изъ дунайскихъ областей гуннскія орды отступили въ черноморскія степи, а съ востока двигались новыя полчища.

Въ первой половинѣ VI в. славянская колонизація овладѣла уже бассейномъ Дона и придвинулась къ Азовскому морю. Прокопій, описывая народы надъ Мэотидою, говоритъ, что за гуннскими народами, обитавшими по обѣ стороны Мэотиды, „далѣе на сѣверъ живутъ безчисленные народы Антовъ“ [1]). Одновременно Славяне занимали и западную часть черноморскихъ степныхъ пространствъ. Іорданъ въ своемъ географическо-этнографическомъ обозрѣніи восточной Европы западною границей славянской колонизаціи ставитъ Дунай. „Многочисленный венетскій народъ“, говоритъ онъ, „обитаетъ на сѣверныхъ склонахъ Карпатъ, отъ верховья Вислы, на неизмѣримыхъ пространствахъ, раздѣляясь на Словенъ и Антовъ; Словене [2]) сидятъ (по Дунаю) отъ г. Новіодуна и Мурсійскаго озера до Днѣстра и къ сѣверу до Вислы. Анты же надъ излучиною Чернаго моря [3]) отъ Днѣстра до Днѣпра“ [4]). Эти извѣстія Іордана

Эти слова вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими менѣе важными (κάμος у Приска, которое объясняли, какъ кумысъ или квасъ) были предметомъ горячей полемики; они служили главнымъ аргументомъ для защитниковъ славянства Гунновъ, съ другой стороны отрицалось не разъ самое славянство этихъ словъ. См. вышеупомянутыя статьи Васильевскаго въ Ж. М. Н. П. 1882 и 1883, Иловайскаго Разысканія с. 518, 538, Дополнит. полемика с. 11—13, Гунфальви Ethnographie von Ungarn с. 93, Моммзеново изданіе Іордана примѣчаніе на стр. 198; обзоръ вопроса у Крека [2] с. 261 и сл.

[1]) De b. G. IV. 4.

[2]) Я буду пользоваться этой формой, когда имя это употребляется въ спеціальномъ значеніи—въ противопоставленіи Антамъ.

[3]) Оно въ самомъ дѣлѣ здѣсь имѣетъ изгибъ.

[4]) Объясненіе этого текста представляетъ затрудненія. Обычное толкованіе видитъ въ lacus Mursianus болота у устья Дравы, около старинной Мурсіи (теперь Esseg)—см. литературу во 2 изд. Для civitas Novietunensis (такъ въ изд. Моммзена, вслѣдъ за большинствомъ кодексовъ) самое простое объясненіе, что здѣсь рѣчь о Noviodunum въ Нижней Мизіи, теперь Исакча. Но тогда это опи-

подтверждаетъ и Прокопій: онъ упоминаетъ, что „Словене и Анты живутъ за Дунаемъ, недалеко отъ берега“ [1]).

Разумѣется, колонизація, хотя бы и жидкая, такихъ большихъ пространствъ не могла быть результатомъ нѣсколькихъ лѣтъ. Очевидно, начало ея надо отодвинуть—самое позднее—на первую половину V в. Предположеніе, что импульсъ южной славянской колонизаціи былъ данъ только Аварами [2]), не можетъ быть принятъ. Когда въ началѣ второй половины VI в. Авары явились въ черноморскихъ степяхъ, славянская колонизація была уже въ полномъ ходу и пробивала себѣ дорогу за Дунай.

§ 92. Славяне за Дунаемъ. Придвинувшись къ Дунаю, Славяне не могли оставаться пассивными зрителями нападеній на Византію различныхъ степныхъ ордъ, выступающихъ въ черноморскихъ степяхъ по распаденіи государства Аттилы. Еще Тациту пограничные съ Германцами и Финнами Славяне были извѣстны какъ большіе забіяки, разбойничавшіе въ сосѣднихъ горахъ и лѣсахъ [3]). Переселенія, встрѣчи со степными ордами могли только развить въ нихъ еще болѣе воинственный, неспокойный характеръ. Весьма вѣроятно, что Славяне участвовали въ нападеніяхъ болгарскихъ ордъ на задунайскія земли уже въ концѣ V в.; источники, по своему обыкновенію, говорятъ только о главныхъ участникахъ—Болгарахъ, и только относительно позднѣйшихъ походовъ—напр. 559 г., можемъ изъ сопоставленія источниковъ констатировать,

---

саніе славянскихъ границъ выходитъ довольно странно (см. въ изд. Моммзена, с. 163, Müllenhof II с. 94). Въ связи съ тѣмъ фактомъ, что lacus Mursianus у Іордана является вмѣстѣ съ тѣмъ границей „Германіи“ и „Скиѳіи“, Вестбергъ предложилъ недавно догадку, что lacus Mursianus это Нейзидлерское озеро, у Славянъ Мошонское, а помянутая civitas Novietunensis лежала около него (Zur Wanderung der Longobarden, 1904, въ Запискахъ петерб. акад., с. 10 и сл.); но такого города тамъ не знаемъ. Старыя объясненія этого мѣста, исходившія изъ ошибочнаго варіанта Noui, не имѣютъ значенія, какъ и связанныя съ ними объясненія: Nova civitas=Новгородъ, lacus Musianus=оз. Ильмень.

[1]) De bello Got. I. 27 Самымъ старымъ извѣстіемъ о Славянахъ надъ Дунаемъ считается упоминаніе у псевдо-Кесарія назіанзскаго (Миня, Patrol. series g. т. 38 с. 847 и сл., съ исправленіями у Мюлленгофа D. A. II. прил. 13). Время написанія этого трактата однако въ точности неизвѣстно.

[2]) Цейссъ с. 605. [3]) Germ. гл. 46.

что въ нихъ участвовали и Болгары и Славяне [1]). Конечно, Славяне кромѣ того и сами производили такія разбойничьи нападенія. Прокопій говоритъ, что „съ начала царствованія Юстиніана (527 г.) Гунны (Болгары), Славяне и Анты почти каждый годъ страшно опустошали Иллирію и всю Ѳракію, всѣ земли отъ Іоническаго моря до константинопольскихъ предмѣстій, Элладу и Херсонесъ“. Особенное вниманіе обратило на себе нападеніе 551 г., когда пришло „славянское войско, какого не бывало“, такъ что Юстіанъ долженъ былъ обратить противъ Славянъ войска, предназначавшіяся къ походу въ Италію, но Славяне уклонились отъ рѣшительной битвы. Затѣмъ извѣстенъ большой походъ Болгаръ и Славянъ 559 г., когда они осадили самый Константинополь, спасенный однако Велизаріемъ [2]).

Эти походы пролагали дорогу славянской колонизаціи за Дунай. Первое опредѣленное извѣстіе о такой колонизаціи имѣется только изъ третьей четверти VI в. (577) у Іоанна Ефесскаго. Разсказавъ о славянскомъ опустошеніи на Балканскомъ полуостровѣ по смерти Юстиніана, онъ говоритъ, что Славяне, пользуясь затрудненіями Византіи на востокѣ, свободно селились на византійскихъ земляхъ: напавъ, по его словамъ, въ 580 г. на Византію, они „пребываютъ и до сего времени (585) спокойно, безъ страха и заботъ въ римскихъ провинціяхъ“ [3]). Очевидно, такая колонизація могла начаться значительно раньше. Хотя сла-

---

[1]) Müllenhof D. Alt. II. c. 379 и сл. Здѣсь было высказано и очень правдоподобно мотивировано предположеніе, что „Геты“ Марцеллина—это Болгары и Славяне (с. 383).

[2]) Прокопій Hist. arcana 18, De bello G. III, 39, Агаѳій V. 11, ср. Ѳеофана ed. de Boor p. 283 (ed. Bonn. p. 360). Перечень этихъ нападеній до прихода Аваровъ см. у Мюлленгофа l. c., также у М. Соколова Изъ древней исторіи Болгаръ с. 40 и сл.

[3]) Die Kirchen—Geschichte des Iohannes von Ephesus, übers. von Schönfelder, VI c. 25 p. 2 55, англійскій переводъ Payne Smith The third part of the Eccles. History of Iohn of Ephesus c. 432. Это ясное свидѣтельство разъ на всегда опровергнуло аргументацію Реслера въ его статьѣ Uber den Zeitpunkt der slavischen Ansiedlung an den unteren Donau (Sitzungsberichre der Wiener Akademie, т. 73), гдѣ онъ a silentio доказывалъ, что славянская колонизація задунайскихъ земель началась уже по смерти импер. Маврикія, въ началѣ VII в.

вянскіе, какъ и болгарскіе походы имѣли своею цѣлью добычу, однако это не исключало и поселенія на удобныхъ, культивированныхъ задунайскихъ земляхъ. Инниціатива такихъ переселеній исходила иногда даже отъ Византіи. Юстиніанъ, напримѣръ, приглашалъ Антовъ поселиться въ опустѣвшемъ городѣ Турріи и сосѣднихъ земляхъ (въ Дакіи), съ тѣмъ что они имѣли получать отъ Византіи содержаніе, а за это защищали бы ее отъ Болгаръ [1]). Тогда кажется, это не осуществилось, но могло осуществиться въ другихъ случаяхъ. Наконецъ пролагала путь колонизаціи и служба въ византійской арміи. Во время италійской кампаніи (съ 536 г.) видимъ Антовъ и „Словенъ" въ византійской арміи [2]). А отдѣльныхъ Славянъ встрѣчаемъ даже на высшихъ военныхъ должностяхъ: напр. таковъ Δαβραγέζας Ἄντες ἀνὴρ ταξίαρχος (554—5 г.) [3]). Выслужившіе же военные могли очень охотно селиться въ новой странѣ.

Набѣги Славянъ Византія сдержала на нѣкоторое время, напустивъ на нихъ Аваровъ [4]). Но Авары, поселившись на Дунаѣ, сами сдѣлались самымъ страшнымъ врагомъ Византіи, и подунайскіе Славяне становятся ихъ союзниками въ походахъ на византійскія земли, какъ были прежде ими для Болгаръ. Напрасно византійское правительство думало помѣшать этому, напуская Аваровъ на Словенъ и ища противъ придунайскихъ Словенъ помощи у ихъ восточныхъ земляковъ, Антовъ [5]). Въ концѣ VI в. имп. Маврикій походами за Дунай заставилъ было Словенъ воздержаться отъ нападеній [6]). Но по его смерти (602) Византія пришла въ такое разстройство, что о какомъ бы то ни было укрощеніи Славянъ нечего было и думать. Тогда то, по словамъ западнаго лѣтописца, „Славяне отобрали у Римлянъ всю Грецію [7]). Болгарскія орды, переходя около 670 г. въ Мизію, за-

---

[1]) De b. G. III. 14. [2]) Ib. I. 26. III. 22.

[3]) Агаѳій, III. 21 (ср. III. 7).

[4]) См. угрозы Аваровъ у Менандра—Hist. gr. min. II p. 34, ср. 4—5.

[5]) Менандръ с. 98, Ѳеофилактъ VIII. 5, Михаилъ Сиринъ X гл. 21.

[6]) Объ этихъ походахъ см. Rösler Zeitpunkt с. 99 и сл.

[7]) Исидоръ Севильскій—Patrologiae cur. com. Міня т. 83 с. 1056 (Sclavi Greciam Romanis tulerunt).

стаютъ здѣсь „семь славянскихъ племенъ“ [1]). Но славянская колонизація не ограничивалась Мизіей; славянскія поселенія являются въ большомъ количествѣ въ Македоніи, въ Θессаліи, Беотіи, Эпирѣ, Пелопоннесѣ, такъ что западный путешественникъ (Виллибальдъ, VIII в.) называетъ Пелопоннесъ „славянскою землей“ (Slavinia). Съ балканскаго побережья Славяне переходятъ даже въ Малую Азію. А іонійское побережье—Иллирикъ занимаютъ съ сѣвера Сербы и Хорваты. „Ославянилась вся земля наша и стала варварской“, могъ по справедливости сказать Константинъ Порфирородный [2]).

§ 93. Славяне на среднемъ Дунаѣ. Къ сѣверу отъ балканскихъ земель, въ областяхъ средняго Дуная, первыя партіи Славянъ могли очутиться еще во время гуннскаго похода на западъ (не говоря о болѣе раннихъ колонизаціонныхъ экскурсахъ). Когда затѣмъ славянская колонизація овладѣла черноморскими пространствами и дошла до нижняго Дуная, Славяне совершенно естественно стали распространяться и въ областяхъ бывшей Дакіи. Туда же проникали они еще раньше и изъ Закарпатья, непосредственно чрезъ горные проходы или разными обходными путями. Какъ мы видѣли, Іорданъ считаетъ западною границей Славянъ среднее Подунавье. Его извѣстіе подтверждаетъ разсказъ Прокопія начала 550-хъ годовъ: онъ разсказываетъ, что большая ватага славянъ опустошила Иллирикъ и не смотря на присланное войско, перешла со всею добычей черезъ Дунай, такъ какъ ихъ пропустили Гепиды [3]). Весьма вѣроятно, что мы имѣемъ здѣсь Славянъ сѣвернаго берега средняго Дуная.

На дальнѣйшее расширеніе Славянъ въ областяхъ средняго Дуная не безъ вліянія остался, вѣроятно, переходъ въ эти области Аваровъ. Еще большее значеніе имѣлъ упадокъ германской колонизаціи на среднемъ Дунаѣ, съ уничтоженіемъ Гепидовъ и переходомъ Лангобардовъ въ Италію. Аварская орда не служила здѣсь препятствіемъ, какъ не препятствовали славянско-

---

1) Θеофанъ ed. de Boor. p. 359: τῶν παρακειμένων Σκλαυινῶν ἐθνῶν τὰς λεγομένας ἑπτὰ γενεάς.

2) De thematibus ed. Bonn. p. 53, Виллибальдъ въ Monumenta Germaniae historica, Scriptores t. XV p. 93.

3) De bello Gothico IV. 25.

му разселенію различныя кочевыя орды на Черноморьи. Славяне свободно могли распространяться. Во второй половинѣ VI в. они овладѣли областями къ югу отъ Вѣнскаго лѣса, долинами Дравы, Савы, Мура и придвинулись къ границамъ Баваріи. Это видно изъ борьбы съ ними баварскихъ герцоговъ, начинающейся уже въ концѣ VI в. Въ другую сторону Славяне распространились до Адріатическаго моря. Отсюда—съ лѣваго побережья Дуная начинаютъ они опустошать земли на правой сторонѣ средняго Дуная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поселяются тамъ понемногу. Эти походы начались, какъ можно думать на основаніи приведеннаго выше, еще до прихода Аваровъ; походы Аваровъ, изъ Подунавья производившихъ безпрестанные набѣги на византійскія земли во 2-й половинѣ VI и в 1-й четверти VII в., еще болѣе повліяли на дальнѣйшее развитіе славянскихъ походовъ. Своей наивысшей точки эти аварско-славянскіе походы достигаютъ въ началѣ VII в.: подъ ихъ ударами пали тогда послѣдніе очаги римской жизни Балканскаго полуострова—города далматинскаго побережья. Къ этому времени относится, очевидно, и колонизація западныхъ балканскихъ земель Славянами. Армянскій географъ VII в. разсказываетъ, что въ Дакіи были 25 славянскихъ народовъ, но на нихъ надвинулись Готы, и Славяне, перейдя Дунай, поселились въ Македоніи и Ѳракіи, Далмаціи и Ахаіѣ [1]). Константинъ Порфирородный, писавшій тремя столѣтіями позднѣе, правда, разсказываетъ, что массовое движеніе Сербовъ и Хорватовъ въ балканскія земли произошло во второй четверти VII в. по инціативѣ византійскаго правительства: оно будто бы предоставило имъ эти западныя области, занятыя тогда Аварами, и Сербы съ Хорватами пришли сюда изъ закарпатскихъ областей [2]). Но этотъ разсказъ, полный очевидныхъ ошибокъ и недостовѣрностей, потерялъ уже всякій кредитъ въ наукѣ. Сербско-хорватская колонизація въ дѣйствительности является неразрывною частью въ общемъ стихійномъ колонизаціонномъ движеніи славянства со средняго и нижняго Дуная за Дунай въ VI и въ началѣ VII в. [3]).

§ 94. Передвиженія на прародинѣ. Въ половинѣ VII в. славянская колонизація на западъ и югъ въ главныхъ чертахъ

---

[1]) Паткановъ въ Ж. М. Н. П. VI 1883, III.
[2]) De adm. 30. [3]) Литература указана ниже.

уже достигла своихъ границъ; славянская территорія обозначилась. На западѣ славянская колонизація столкнулась съ германскимъ разселеніемъ и вслѣдъ за тѣмъ должна была взяться за защиту своихъ поселеній. Труднѣе опредѣлить причины, остановившія ее на югѣ; въ половинѣ VII в. она останавливается также и здѣсь и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаетъ отвердѣвать и кристаллизироваться. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ дали почувствовать себя крайніе предѣлы славянскаго разселенія, должны были опредѣлиться границы передовыхъ отрядовъ славянской колонизаціи по отношенію къ послѣдующимъ, двигавшимся вслѣдъ за ними съ прародины и подвигавшими ихъ къ западу и югу. Затѣмъ должны были сформироваться территоріи этихъ болѣе далекихъ этаповъ, а наконецъ— и въ областяхъ, бывшихъ исходною точкой славянской колонизаціи, новыя колонизаціонные отношенія должны быть установиться болѣе опредѣленно.

Побалтійская, полабская и чешско-словацкая группа, занявши западное пограничье славянства, дали мѣсто для распространенія къ западу польской группы, передвигающейся на лѣвую сторону Вислы и въ бассейнъ Одера, а также и литовскимъ народамъ. Движеніе южной группы, навѣрное, дало имъ возможность распространиться немного и къ югу. Вообще направленіе колонизаціи западной части славянства можемъ себѣ представлять, какъ западное и юго-западное. Наша лѣтопись доказываетъ правда, что извѣстная часть западнаго славянства двинулась въ противоположномъ направленіи и образовала клинъ между предками современныхъ Бѣлоруссовъ—Кривичами, и южными, украинскими племенами. Въ древней редакціи ея читаемъ извѣстіе, что племя Радимичей, по рѣкѣ Сожи, было „отъ рода Ляховъ“ и переселилось на свои позднѣйшія обиталища (пришедше ту се вселиша). Этнографическій обзоръ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ подъ это извѣстіе подводитъ и сосѣднихъ Вятичей: „Радимичи и Вятичи отъ Ляховъ“, происходятъ отъ двухъ братьевъ „въ Лясѣхъ“, Радима и Вятка, которые, переселившись оттуда, положили начало этимъ двумъ племенамъ [1]). Такимъ образомъ славянская колонизація по Сожи и верхней Деснѣ и Окѣ не принадлежала якобы къ восточной группѣ, къ Славянамъ въ тѣсномъ значеніи по термино-

[1]) Новгор. лѣт., 1888, с. 33. Лавр. с. 11.

логіи этого обзора, а была западно-славянскаго происхожденія, „отъ Ляховъ", какъ опредѣляетъ Повѣсть группу польскую вмѣстѣ съ побалтійскою. Но не говоря уже, что форма, въ какой передаетъ это извѣстіе этнографическій обзоръ, немногаго стоитъ (два брата—эпонима, Радимъ и Вятко, перешедшіе съ „родами" своими на Сожь и Оку),—даже если держаться простѣйшаго извѣстія древней редакціи, считая его старшимъ варіантомъ, все таки это извѣстіе о западно-славянскомъ островѣ на лѣвой сторонѣ Днѣпра не находитъ себѣ подтвержденія ни въ какихъ другихъ фактахъ (лингвистическихъ, этнографическихъ, историческихъ), и поэтому трудно принимать его серьезно [1]).

§ 95. Антская колонизація. Движеніе восточно-славянскихъ племенъ на югъ проявилось въ колонизаціи черноморскихъ степей между Днѣпромъ и Дономъ „Антами", констатированной Прокопіемъ, а на нижнемъ Днѣпрѣ засвидѣтельствованной Іорданомъ. Это первое выступленіе юго-восточной группы племенъ и поэтому оно заслуживаетъ особаго вниманія.

Среди южной славянской колонизаціи, какъ мы уже видѣли, писатели того времени различаютъ Славянъ (Σκλαβηνοί, Sclaveni)

---

[1]) Однако въ ученыхъ кругахъ не перестаютъ выводить изъ этого извѣстія извѣстныя реальныя указанія. Такъ напр. краковскій ученый Потканскій пытался положить это извѣстіе во главу угла своей, въ другихъ отношеніяхъ цѣпной, отличающейся значительнымъ критицизмомъ работы Lachowie i Lechici (Rozprawy wydz. fil. т. XXVII, 1898); онъ принималъ его безъ всякаго ограниченія и старался извлечь изъ него различные выводы для своей теоріи. Ак. Шахматовъ для своей теоріи группировки старорусскихъ племенъ также пользовался лѣтописнымъ разсказомъ, видоизмѣняя его однако въ томъ смыслѣ, что здѣсь мы имѣемъ воспоминаніе о переходѣ Радимичей и Вятичей за Днѣпръ съ польской границы, и старался это подтвердить различными аргументами (Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій с. 9—10). Собранные имъ аргументы однако довольно слабы, а такое толкованіе лѣтописной традиціи произвольно—если держаться ея, то она во всякомъ случаѣ опредѣленно называетъ Радимичей и Вятичей „Ляхами". Въ новѣйшей своей статьѣ (Южныя поселенія вятичей, 1907) Шахматовъ считаетъ извѣстіе о Вятичахъ недоразумѣніемъ, но въ Радимичахъ готовъ видѣть лядское племя; доказательствъ на этотъ разъ уважаемый ученый не приводитъ, такъ что остется принимать лѣтописное извѣстіе на вѣру.

и Антовъ. Наиболѣе ясно выступаетъ это раздѣленіе у Іордана: ко всѣмъ Славянамъ вообще онъ относитъ, какъ общее имя, старинное нѣмецкое названіе Венетовъ; Sclaveni — это западная часть ихъ, къ западу отъ Днѣстра, Анты—восточная, за Днѣстромъ. При этомъ онъ объясняетъ, что это названія цѣлыхъ группъ, состоявшихъ изъ отдѣльныхъ племенъ, извѣстныхъ подъ различными именами[1]). Греческіе писатели не употребляютъ нѣмецкаго названія „Венеты“, они знаютъ только Словенъ и Антовъ. Границъ разселенія тѣхъ и другихъ они не указываютъ, но сообщаемыя извѣстія находятся въ полномъ согласіи съ извѣстіями Іордана: Словене живутъ непосредствено у Дуная, на это указываетъ разсказъ Прокопія о засадахъ и нападеніяхъ Словенъ надъ Дунаемъ въ половинѣ VI в.: далѣе видимъ ихъ здѣсь въ концѣ VI и въ началѣ VII в. въ разсказахъ Менандра и Ѳеофилакта[2]). Анты же находятся гдѣ то далѣе отъ Дуная[3]). Принимая во вниманіе эти указанія греческихъ писателей[4]), а также и полную освѣдомленность Іордана въ этихъ вопросахъ, можемъ совершенно положиться на сдѣланное имъ опредѣленіе территоріи Словенъ и Антовъ и ихъ взаимной границы[5]). Іорданъ

---

[1]) Quorum (Venetharum) nomina licet nunc per varias familias et loca mutentur, principaliter tamen Sclaveni et Antes nominantur—гл. 5.

[2]) Прокопій De aedificiis IV 7. Hist Gr. min. II с. 99. Ѳеофилактъ ed. de Boor VI. 6, VII. 15, VIII. 6.

[3]) Такъ оно выходитъ и изъ разсказа Ѳеофилакта VIII. 5. Упомянутыхъ здѣсь Антовъ Цейссъ (Die Deutschen с. 606) считалъ поселенцами на византійскихъ земляхъ, въ Мизіи. Но независимо отъ того, что мы ничего не знаемъ о массовомъ переселеніи Антовъ сюда, оно сама по себѣ не особенно вѣроятно: вся исторія этого похода, бѣгство изъ аварскаго войска (вѣроятно—въ виду экспедиціи въ черноморскія степи) рѣшительно говорятъ противъ такого предположенія. См. еще Rösler Zeitpunkt с. 113.

[4]) Какъ будто бы противорѣчитъ этому недавно опубликованный разсказъ Михаила Сирина (почерпнутый изъ хроники Іоанна Эфесскаго); онъ говоритъ, что „край ихъ“ былъ къ западу отъ Дуная (Chronique de Michel le Syrien II с. 361). Но это или простое недоразумѣніе, или скорѣе—относится къ области Словенъ, а не Антовъ.

[5]) Нидерле исправляетъ его такъ, что Анты сидѣли до самой Дунайской дельты, а Словене между Прутомъ и Дунаемъ. Но собственно говоря, нѣтъ никакой надобности въ такомъ исправленіи.

самъ жилъ въ Мизіи и былъ свидѣтелемъ неустанныхъ нападеній Словенъ и Антовъ на византійскія земли, о которыхъ не разъ упоминаетъ [1]).

§ 96. Извѣстія объ Антахъ. Изъ указанныхъ обозначеній двухъ славянскихъ группъ имя Словенъ—*Σκλαβηνοί*, Sclaveni, конечно, ясно: это собственное, общее имя Славянъ, которое здѣсь спеціально относится къ ихъ юго-западнымъ поселеніямъ для отличія отъ юго-восточныхъ. А Анты? Попытки объяснить это имя на основаніи славянскаго языка или найти его слѣды въ позднѣйшихъ многочисленныхъ именахъ славянскихъ племенъ до сихъ поръ не удались. Оно какъ и Венеты, вѣроятно, чужого происхожденія, дано Славянамъ какими нибудь сосѣдями. Предположеніе, что это другая форма того же названія, Венеты—очень заманчиво, но противъ него сдѣланы серьезныя возраженія съ лингвистической точки зрѣнія, и къ тому же наши источники (Іорданъ) отчетливо различаютъ этихъ два названія [2]).

Впервые имя Антовъ выступаетъ въ упомянутомъ разсказѣ

---

[1]) Rom. c. 388. Get. c. XXIII. Поэтому не убѣдительно для меня предположеніе Маркварта (Streifzüge c. XXV), что Іорданъ хорошо зналъ разселеніе западныхъ Словенъ и обозначилъ его самостоятельно, а разселеніе Антовъ обозначилъ по старымъ извѣстіямъ, заимствованнымъ Кассіодоромъ у Аблабія; этимъ Марквартъ объясняетъ, что Анты у Іордана обозначены только между Днѣстромъ и Днѣпромъ, тогда какъ тогда они жили и на востокѣ отъ Днѣпра (какъ видимъ у Прокопія). Невѣроятно, чтобы Іордану это было неизвѣстно, и его обозначеніе разселенія Антовъ, очевидно, не надо понимать такъ, что Анты обитали *только до* Днѣпра.

[2]) Объ этомъ выводѣ Archiv IV с. 65, 76, VII с. 12, ср. XIX с. 234; Крекъ [2] с. 254—6. Вобще славянство антскаго имени остается сомнительнымъ, и всѣ попытки связать его съ позднѣйшими славянскими именами остаются неубѣдительными. Выводили изъ него имя Вятичей (Гильфердингъ, Первольфъ, Иловайскій, недавно Вестбергъ). Ламбинъ поставилъ гипотезу, что Анты=Unlizi=Ульцы. Погодинъ связывалъ съ Антами подобозвучныя имена угорскихъ грамотъ IV—XIII вв. Antus, Ont, Onthus; но самое большее, можно бы думать о связи ихъ съ славянскимъ корнемъ, изъ котораго происходило имя Антовъ—если бы было достовѣрно, что оно славянское. Въ такомъ случаѣ можна указать Ута (прилагательное Утинъ, вар. Успинъ), одного изъ князей или намѣстниковъ русскихъ 944 г. (Ипат. с. 29).

Іордана о войнѣ съ Антами остготскаго короля Винитара въ концѣ IV в.[1]). Насколько легендарною и совершенно нереальною представляется исторія завоеванія Венетовъ Германарихомъ, настолько заслуживаетъ довѣрія это упоминаніе. Можетъ быть лишь сомнѣніе, не перенесъ ли историкъ современнаго имени Антовъ на тѣ времена. Однако принимая во вниманіе, что Іорданъ зналъ общее имя для всѣхъ славянъ—„Венеты", зналъ о частномъ значеніи антскаго имени, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно опредѣленно говоритъ о ихъ раздѣленіи на Словенъ и Антовъ, какъ о современномъ[2]), то приходится думать, что имя Антовъ въ этомъ эпизодѣ было передано готскою традиціей (а во всякомъ случаѣ считалось именемъ болѣе старымъ чѣмъ VI в.). Что Остготы знали Антовъ и антское имя, это подтверждается и остготскимъ каталогомъ народовъ, сохранившимся въ позднѣйшей лонгобардской легендѣ[3]), и это знакомство ихъ съ антскимъ

---

[1]) Передъ этимъ, на одной надписи изъ Босфора III в. (270-хъ годовъ), между прочими Босфорянами упоминается "Ἄντας Παπι... (Πάπιος или Παπίου). Это упоминаніе опередило бы на цѣлое столѣтіе разсказъ Іордана, но имѣемъ ли здѣсь дѣйствительно этнографическое имя, можно сомнѣваться.

[2]) См. выше (стр. 204) приведенную цитату изъ главы 23, ср. гл. 5.

[3]) Въ традиціи о началѣ Лонгобардовъ, сохранившейся въ нѣсколькихъ версіяхъ (въ Origo gentis Longobardorum, 2-й половинѣ VII в., и у Павла Діакона въ Исторіи Лонгобардовъ) перечисляются между прочимъ слѣдующія области, по которымъ проходили лонгобарды во время миграціи съ сѣвера въ дунайскія области: Golanda, Anthaib et Bantaib seu et Burgundaib (Origo ed. Waitz, Scriptores Langob. et Italici, Pauli Diaconi I, 93). Уже Цейссъ (с. 473) угадалъ въ Anthaib (вар.: Anthaip, Anthap) „край Антовъ" (aib, eiba—округъ, земля). Но это объясненіе часто отбрасывалось по той причинѣ, что Лонгобарды не могли встрѣчаться съ Антами (напр. Мюлленгофъ II с. 98). Разрѣшеніе этого вопроса нашелъ Браунъ (Разысканія с. 308 и сл.), указавъ, что эта аллитерированная, очевидно, вырванная изъ какой нибудь пѣсни или саги фраза, и нѣкоторыя другія имена народовъ (напр. Болгаръ) лонгобардской традиціей были позаимствованны отъ Остготовъ. Это совершенно вѣроятно, и въ цитированной фразѣ имѣемъ, по всей вѣроятности, остготское воспоминаніе о „краяхъ Антовъ, Венетовъ и Бургундовъ (послѣднія имена Браунъ объясняетъ иначе, но это для насъ не важно— ср. критику его взглядовъ у Веселовскаго въ Извѣстіяхъ рус. яз.

именемъ во всякомъ случаѣ относится ко времени не позднѣе начала V в.[1]).

Затѣмъ это имя входитъ во всеобщее употребленіе у византійскихъ писателей VI в. (къ нимъ можно причислить и Іордана, жившаго въ Восточной имперіи). Эти писатели почти всѣ различаютъ Славянъ и Антовъ: Прокопій, Агаѳій, такъ наз. Маврикій. Менандръ, Іоаннъ Эфескій, Ѳеофилактъ[2]). На оффиціальный характеръ этого имени указываютъ титулы Ἀντικός. Anticus, принимавшіеся императорами Юстиніаномъ и Юстиномъ II въ ознаменованіе побѣдъ надъ Антами. Въ послѣдній разъ имя Антовъ упоминается въ разсказѣ Ѳеофилакта—писателя, жившаго въ первой половинѣ VII в., въ разсказѣ о войнѣ 602 г. Послѣ этого антское имя исчезаетъ. Этимъ моментомъ обрываются вообще византійскія извѣствія о задунайскихъ краяхъ, антское имя могло жить въ нихъ и позже, но прежде чѣмъ въ византійской литературѣ

1901, I с. 26 и сл., при чемъ Веселовскій также принимаетъ упомянутую фразу за versus memorialis готской традиціи). Вестбергъ (Zur Wanderungen der Langobarden), защищая лонгобардское происхожденіе этой традиціи, поставилъ гипотезу, что Лонгобарды могли проходить чрезъ край Антовъ (восточныхъ Славянъ) въ Галиціи на верховьяхъ Днѣстра и Сана (даже въ названіи Бардуева онъ видитъ намекъ на лонгобардскихъ Barden, с. 28). Но предполагать восточныхъ Славянъ на верховяхъ Днѣстра и Сана въ концѣ IV в. (какъ принимаетъ Вестбергъ) является совершенно невозможнымъ, а вести дальше на востокъ Лонгобардовъ вѣроятно не рѣшится и Вестбергъ. Встрѣча Лонгобардовъ съ Антами остается невѣроятною, и традицію объ Антахъ нужно оставить за Готами.

[1]) Остготское упоминаніе о „краѣ Антовъ" относится, очевидно, ко времени, когда Остготы жили въ нашихъ степахъ, еще до 379 г. Менѣе вѣроятно, чтобы это имя было усвоено традиціей уже по переходѣ на византійскія земли. Во всякомъ случаѣ послѣ похода Теодориха Остготы потеряли всякую возможность встрѣчаться съ Антами.

[2]) Агаѳій упоминаетъ лишь Анта Дабрагеза. Маврикіемъ называется авторъ трактата, который между прочимъ содержитъ спеціальную главу (XI. 5, изд. 1664 г.): πῶς δεῖ Σκλάβοις καὶ Ἄνταις καὶ τοῖς τοιούτοις ἁρμόζεσθαι (выписки у Шафарика, приложенія, и у Крека[2] с. 295); что авторомъ не былъ императоръ Маврикій—см. Byz. Zeitschrift 1894 с. 440, Krumbacher[2] с. 135. Извѣстія другихъ писателей привелъ я выше, нѣкоторыя будутъ приведены ниже.

появились новыя извѣстія объ этихъ краяхъ (въ X в.), оно, очевидно, исчезло [1]).

Можетъ быть оно было заимствовано Византійцами отъ восточныхъ турецко-финскихъ ордъ, которыя были сосѣдями именно юго-восточныхъ Славянъ и въ концѣ V в. входятъ въ близкія сношенія съ Византіей.

§ 97. Антская группа. Какъ же понимать это дѣленіе на Словенъ и Антовъ? Трудно считать его чисто географическимъ. Слишкомъ широко и послѣдовательно проходитъ это дѣленіе у писателей VI в. Имя Антовъ единодушно и послѣдовательно прилагается различными источниками ко всей колонизаціи отъ Днѣпра до Мэотиды, не къ одной лишь пограничной территоріи Антовъ и Словенъ. Имя Анта прилагается какъ названіе къ отдѣльнымъ особамъ изъ этихъ племенъ (Δαβραγέζας Ἄντης ἀνὴρ ταξίαρχος). Анты и Словене то выступаютъ вмѣстѣ, то воюютъ между собою (въ половинѣ VI в.), и позднѣе ведутъ совершенно противоположную политику по отношенію къ Аварамъ и Византіи. Всѣ эти факты указываютъ на самостоятельность этихъ двухъ группъ, и трудно было бы свести ихъ къ тому различію, что Словене жили на одной сторонѣ Днѣстра, а Анты на другой. Отличіе должно было быть глубже.

Высказывались предположенія, что антское имя носила какая-то политическая организація—государство, возникшее благодаря завоеванію, вообще, что это былъ политическій терминъ. Но это предположеніе не можетъ быть также принято. Что за громадное государство, отъ Днѣпра до Кавказа, имѣло бы сообщить новое имя этой этнографической группѣ! Между тѣмъ какой-нибудь болѣе цѣльной политической организаціи у Антовъ какъ разъ не

---

[1]) Всѣ попытки указать его позднѣе до сихъ поръ не удавались. Послѣдняя (1906-10) принадлежитъ Нидерле, доказывающему, что „Вантитъ" арабской географіи IX в. въ пересказѣ Кардизія это Анты, „и это доказываетъ, что эти могущественные Анты, еще въ IX в. существовали" (Sl. st. II, c. 271, cp. Antové, Věstnik Ceske pol. nauk, 1910). Но имя это читается на самые различные лады и очень трудно принять его за доказательство существованія антскаго имени въ IX в., и вообще на основаніи арабскихъ извѣстій, при всѣхъ стараніяхъ Нидерле, ему не удалось дать ничего положительнаго для исторіи Антовъ.

видимъ. Современникъ Прокопій совершенно опредѣленно говоритъ, что какъ Словенами, такъ и Антами не правитъ одинъ человѣкъ, но издавна они живутъ „демократически", и разсказываетъ объ одномъ рѣшеніи принятомъ на антскомъ вѣчѣ по обычаю ихъ [1]). При такихъ политическихъ и общественныхъ отношеніяхъ не возникаютъ огромные политическіе организмы [2]).

Самымъ правдоподобнымъ объясненіемъ считаю то, что раздѣленіе VI в. на Словенъ и Антовъ соотвѣтствовало двумъ отдѣльнымъ этнографическимъ славянскимъ вѣтвямъ. Взглянувъ на размѣщеніе Словенъ и Антовъ на югѣ, мы убѣдимся, что названіе Словенъ (Sclaveni) охватываетъ Славянъ мизійскихъ (позднѣйшихъ Болгаръ) и Славянъ паннонскихъ—такъ какъ это они сидѣли въ первой половинѣ VI в. по Дунаю до моря и Днѣстра. Въ области между Дунаемъ и Днѣстромъ въ половинѣ VI в. не могло находиться ничто другое, кромѣ тѣхъ славянскихъ кадровъ, которые въ продолженіи VI и VII в. переходили затѣмъ въ Мизію, оставляя своимъ восточнымъ и сѣвернымъ сосѣдямъ земли за Дунаемъ. „Анты" могутъ соотвѣтствовать только восточной группѣ, но и то съ извѣстнымъ ограниченіемъ: намъ неизвѣстно, какъ далеко заходило имя Антовъ на сѣверъ: a priori оно могло охватывать всѣ восточно-славянскія племена, но въ нашихъ извѣстіяхъ это имя встрѣчается въ описаніяхъ событій и отношеній, касающихся только южной колонизаціи восточно-славянской группы. Анты въ нашемъ матеріалѣ—это южныя племена восточной вѣтви.

Все подтверждаетъ это отождествленіе Антовъ съ юго-восточными племенами и даетъ ему вѣроятность, граничущаю съ непреложностью. Эти Анты выступаютъ на территоріи, гдѣ позднѣе видимъ южно-русскія племена и гдѣ уже тогда—въ VI в. не могъ обитать никакой другой славянскій народъ—я говорю о области между Днѣпромъ и Дономъ. Ихъ границею съ Словенами былъ тогда Днѣпръ: но съ движеніемъ Словенъ на западъ и югъ Анты естественно должны были подвинуться на западъ—и дѣйствительно, впослѣдствіи, въ X в. видимъ Дунай границею Руси съ Мизійскими Славянами. Эти Анты были непосредственными сосѣдями Словенъ, отличаясь отъ нихъ, какъ

[1]) De bello Got. III. 14.
[2]) Объ антскомъ вопросѣ см. еще въ примѣчаніяхъ (4).

отдѣльная группа, всего вѣроятнѣе—этнографическая; это видимъ и относительно ихъ преемниковъ—Руси и Болгаръ. Наконецъ—направленіе антской колонизаціи совершенно соотвѣтствуетъ заключеніямъ, какія мы на основаніи вышесказаннаго о направленіи славянской колонизаціи вообще могли сдѣлать о прародинѣ юго-восточной группы и направленіи ея колонизаціи. Все это, повторяю, дѣлаетъ, можно сказать, достовѣрнымъ, что въ Антахъ мы имѣемъ предковъ поздѣйшихъ южныхъ русскихъ племенъ.

§ 98. Начало антскаго разселенія Установленное такимъ образомъ тождество Антовъ съ южными восточно-славянскими племенами открываетъ намъ нѣсколько фактовъ изъ ранней исторіи ихъ колонизаціи.

Въ хронологическомъ порядкѣ надо начать съ войны Винитара съ Антами. Относится она къ послѣдней четверти IV в., къ концу 370-хъ или 380-хъ годовъ,—установить дату опредѣленнѣе невозможно. Какъ я уже сказалъ, отдѣлываться отъ этого эпизода одною ссылкою на анахронизмъ—никакъ нельзя. Съ этимъ столкновеніемъ Готовъ съ Антами нужно считаться. Столкновеніе могло произойти еще не очень далеко отъ Днѣпра, такъ какъ Остроготы подъ натискомъ Гунновъ медленно подвигались на западъ, пока очутились наконецъ на среднемъ Дунаѣ; такимъ образомъ и географически ничто не говоритъ противъ предположенія, что здѣсь дѣйствительно выступали Анты. Только, повторяю, объясненіе, какое даетъ этому извѣстію Іорданъ, надо немного видоизмѣнить. У Іордана Винитаръ, „не желая подчиняться гунскому владычеству, началъ понемногу уклоняться и желая показать свою отвагу, двинулся со своимъ войскомъ въ области Антовъ; напавъ на нихъ, онъ былъ разбитъ въ первой битвѣ, но потомъ воевалъ смѣло и ихъ короля Боза [1]) съ его сыновьями и 70 старѣйшинами велѣлъ распять для устрашенія“ [2]). Какъ уже упомянуто, въ этой войнѣ можно видѣть скорѣе симптомъ движенія на югъ славянской колонизаціи, столкнувшей-

[1]) Boz nomine, можетъ быть Божъ-ко, Божидаръ, Богданъ. Въ немъ видѣли Буса Слова о п. Игоревѣ (Готскія дѣвы „поютъ время Бусово“) -- предположеніе очень заманчивое, но не совсѣмъ убѣдительное. Ср. примѣчаніе Мюлленгофа въ Моммзеновскомъ изданіи Іордана, с. 147—8. [2]) Getica c. 48.

ся здѣсь съ Готами. Гунны, говоритъ далѣе Іорданъ, взяли Антовъ въ защиту противъ Готовъ и при помощи вѣрной имъ части Готовъ усмирили самовольнаго Винитара. Эту память покровительства Антамъ со стороны Гунновъ противъ враждебныхъ Готовъ я также считаю цѣнною—она проливаетъ свѣтъ на первыя стадіи славянскаго разселенія на Черноморьѣ.

О дальнѣйшемъ его развитіи въ V в. не располагаемъ никакими спеціальными свѣдѣніями. Позднѣйшія извѣстія VI в. ретроспективно освѣщаютъ болѣе раннія стадіи этого процесса, и мы видимъ, какъ степныя бури, движеніе ордъ и ихъ усобицы въ степяхъ захватывали славянскіе элементы, увлекали ихъ въ общіе походы и переселенія, и какъ среди этой бурной жизни степей двигались все далѣе славянскіе кадры, тѣсня одни другихъ.

§ 99. Походы Антовъ на Византію. Въ первой половинѣ VI в. Анты выступаютъ участниками въ походахъ придунайскихъ Славянъ на Византію. Объ этомъ мы имѣемъ нѣсколько очень сильныхъ замѣтокъ у современниковъ. Іорданъ заканчиваетъ свою римскую исторію упоминаніемъ о „постоянныхъ нападеніяхъ Болгаръ, Антовъ и Славянъ", а разсказывая о легендарномъ государствѣ Германариха и подвластныхъ ему Славянъ, вспоминаетъ, что теперь Венеты, то-есть Анты и Словене „за наши грѣхи вездѣ такъ бушуютъ". Еще болѣе сильную замѣтку находимъ у Прокопія,—что Гунны (Болгары), Словене и Анты, начиная съ того времени, когда императоромъ сдѣлался Юстиніанъ, набѣгая ежегодно на Иллирію и Ѳракію, производили страшныя опустошенія. Въ другомъ мѣстѣ онъ упоминаетъ, что въ началѣ царствованія Юстиніана „Гунны, Анты и Словене переходили за Дунай и чрезвычайно безпокоили Римлянъ" [1]). Изъ этого слѣдуетъ, что Анты были обычными участниками этихъ постоянныхъ нападеній Болгаръ и Славянъ и подобно тому какъ принимали участіе въ нихъ въ первыя десятилѣтія VI в., такъ точно могли участвовать еще въ концѣ V в. Въ особенности же эти болгарско-славянскія нападенія сдѣлались частыми во второй четверти VI в., во время Юстина и Юстиніана. Для времени Юстина имѣемъ случайно позднѣйшее упоминаніе объ антскомъ

---

[1]) Getica 23, Hist. arcana 18. De bello Got. III, 14.

нападеніи, отбитомъ Греками[1]). Сдѣлавшись затѣмъ императоромъ, Юстиніанъ поручилъ въ 530 г. защиту Дуная магистру Хилвудію, и тотъ съумѣлъ впродолженіе трехъ лѣтъ сдерживать задунайскихъ варваровъ—Болгаръ, Антовъ и Словенъ отъ нападеній. Онъ совершалъ даже походы за Дунай, но былъ убитъ во время одного такого похода въ области Словенъ, и нападенія начались снова[2]). Эти нападенія Словенъ и Антовъ причиняли страшный вредъ сосѣднимъ византійскимъ провинціямъ, но лишь изрѣдка пріобрѣтали болѣе широкое значеніе, и этимъ объясняется, что Юстиніанъ не обращалъ особаго вниамнія на эти набѣги и отдавался въ это время планамъ далекихъ экспедицій. Спеціально племена - участники этихъ походовъ не перечисляются въ краткихъ извѣстіяхъ современниковъ. Чаще всего говорится лишь о Болгарахъ, рѣже о Словенахъ; объ участіи Антовъ знаемъ только изъ общихъ замѣчаній. Только одинъ разъ говоря объ Антахъ, Прокопій упоминаетъ кстати и о ихъ набѣгахъ на Ѳракію во время царствованія Юстиніана[3]), да и то такъ, что изъ его словъ нельзя сообразить, былъ ли это спеціально антскій походъ, или нѣтъ. Сами по себѣ походы однихъ лишь Антовъ—самостоятельныя нападенія ихъ на Византію, не особенно вѣроятны. Скорѣе Анты бывали обыкновенными участниками чужихъ походовъ: особенно Болгары, отправляясь изъ азовскихъ степей на Византію, могли захватывать съ собою по дорогѣ дружины Антовъ для участія, вольнаго и невольнаго.

§ 100. Война Антовъ со Словенами и союзъ съ Византіею. Во второй половинѣ VI в. Анты поссорились со Словенами. Объ этомъ говоритъ Прокопій, не объясняя причинъ: „позднѣе, по смерти Хилвудія (534 г.) Анты и Словене поссорились, дѣло дошло до войны, и Анты были побѣждены врагами“. Немного ниже онъ упоминаетъ, что эти народы вели между собою переговоры и поддерживали взаимныя мирныя сношенія[4]). Изъ

[1]) De b. Got. III. 40; чтеніе кодексовъ исправляютъ, ставя вмѣсто Юстина Юстиніана (и въ новомъ изданіи Haury II. с. 476), но въ этомъ нѣтъ нужды.

[2]) De b. G. 14—18. Отмѣчу статейку о немъ: Ивановъ. Надгробниятъ надпись на Хилвуда (Период. Списание т. LXII).

[3]) De b. G. III. 40.

[4]) Ἐπεκεροχεύοντο γὰρ ἤδη καὶ ἀλλήλοις ἀνεμίγνυντο ἀδεῶς οἱ Βαρβαροι οὗτοι— De b. Got. III. 14.

этого можно заключить, что война тягнулась недолго, но послѣ нея не было между обоими сосѣдями болѣе близкихъ отношеній (по крайней мѣрѣ тогда). Весьма возможно, что это была колонизаціонная борьба, натискъ Антовъ на Словенъ (хотя, конечно, могли быть и какія-нибудь причины болѣе спеціальнаго характера). Война эта должна относиться къ концу 530 или началу 540-хъ годовъ. Западную границу антской колонизаціи составлялъ тогда Днѣстръ; къ западу отъ него находились Словене, славянскіе кадры, колонизирующіе въ продолженіи VI—VII в. балканскія и среднедунайскія земли; съ дальнѣйшимъ движеніемъ этой колонизаціи антскія поселенія должны были передвигаться къ западу, и Анты неизбѣжно тѣснили своихъ западныхъ сосѣдей.

Византія, вѣроятно, хотѣла использовать этотъ раздоръ между своими врагами (возможно, что онъ и возникъ не безъ участія ея). Она обратилась къ Антамъ, желая привлечь ихъ на свою сторону; Юстиніанъ приглашалъ ихъ поселиться въ окрестностяхъ Туррія. Это была опустѣвшая римская крѣпость, построенная, по словамъ Прокопія, Траяномъ на лѣвой сторонѣ Дуная (очевидно, въ Дакіи). Юстиніанъ обѣщалъ за это Антамъ богатую плату и всякія корысти, лишь бы они защищали Византію отъ Болгаръ (и разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Словенъ). Однако тогда, кажется, дѣло не дошло до соглашенія, оно разстроилось благодаря псевдо-Хилвудію, появившемуся среди Антовъ. Эпизодъ этотъ подробно разсказанъ Прокопіемъ, давшимъ по этому поводу свою классическую характеристику быта Словенъ и Антовъ и нѣсколько отдѣльныхъ, весьма интересныхъ подробностей. Случилось, что между невольниками, взятыми Словенами въ войнѣ съ Антами, былъ молодой Антъ по имени Хилвудій. Одинъ греческій невольникъ изъ Ѳракіи, находившійся тогда среди Антовъ, обратилъ вниманіе своего хозяина, что у Словенъ въ неволѣ находится Хилвудій, извѣстный римскій магистръ, оставившій среди нихъ памяти своихъ подвиговъ—но Словене этого не подозрѣваютъ. Анты выкупили этого Хилвудія. Хотя онъ увѣрялъ, что онъ родомъ Антъ, Анты не повѣрили, и на общемъ антскомъ вѣчѣ [1]) заставили его представлять изъ себя магистра Хилвудія. Когда Юстиніанъ сдѣлалъ вышеупомянутое свое предложеніе, Анты

---

[1]) ἠγείροντο μὲν ἐπὶ τούτῳ Ἄνται σχεδὸν ἅπαντες.

соглашались только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы этотъ псевдо-Хилвудій получилъ свою прежнюю должность и жилъ вмѣстѣ съ ними въ новой области. Но когда Хилвудій ѣхалъ по этому дѣлу въ Константинополь, встрѣтилъ его по дорогѣ Нарзесъ и, доказавъ обманъ, арестовалъ самозванца и повезъ въ оковахъ къ императору. Это разстроило переговоры Византіи съ Антами.

Но хотя соглашеніе не было доведено тогда до конца, однако весьма вѣроятно, что съ этого именно момента войны Антовъ со Словенами и сношеній ихъ съ Византіею датируется перемѣна въ политикѣ Антовъ: позднѣе мы встрѣчаемся съ Антами, уже какъ съ рѣшительными союзниками Византіи [1]). Правда, извѣстія объ этой роли ихъ относятся уже къ болѣе позднему времени, импер. Маврикія.

§ 101. Анты и Авары. Въ 550-хъ гг. Антамъ пришлось сильно претерпѣть отъ Аваровъ, во время ихъ перехода изъ прикаспійскихъ степей на западъ. Объ этомъ разсказываетъ фрагментъ Менандра. Разсказъ имѣемъ здѣсь безъ начала; узнаемъ, что Антамъ не повезло въ борьбѣ съ Аварами, и Авары начали опустошать ихъ землю своими нападеніями. Для выкупа взятыхъ въ неволю своихъ земляковъ Анты выслали одного изъ самыхъ знатныхъ своихъ земляковъ, Мезамира [2]). Но когда онъ началъ во время своего посольства принимать гордый тонъ въ разговорѣ съ Аварами, этимъ воспользовался одинъ Болгаринъ (Котригуръ), близко стоявшій къ аварскому кагану и неприязненно относившійся къ Антамъ [3]). Онъ посовѣтовалъ кагану убить Ме-

---

[1]) Антскіе отряды на византійской службѣ видимъ въ Италіи до этого псевдо-Хилвудія и послѣ того, но вмѣстѣ съ отрядами Болгаръ и Словенъ, De b. G. I, 26—7, III, 22—такимъ образомъ это не свидѣтельствуетъ о союзныхъ отношеніяхъ Антовъ къ Византіи, доказываетъ только отсутствіе всякой государственной организаціи у всѣхъ этихъ племенъ.

[2]) Μεζάμηρον τὸν Ἰδαριζίου, Κελαγαστοῦ ἀδελφόν—фрагментъ въ Hist gr. min. II. c. 5—6 (c. 443 новаго изданія, Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeneti, 1904).

[3]) ὁ Κοτράγηρος ἐκεῖνος, ὁ τοῖς Ἀβάροις ἐπιτήδειος, ὁ κατὰ Ἀντῶν τὰ ἔχθιστα βουλευσάμενος (такъ въ кодексахъ здѣсь: Котράγηρος, въ другихъ мѣстахъ различно, гдѣ рѣчь идетъ о Кутургурахъ) Изъ этихъ словъ можно было было бы сдѣлать выводъ, что

замира, какъ человѣка особенно вліятельнаго среди Антовъ и способнаго организовать отпоръ. Авары послѣдовали совѣту и убили Мезамира, а послѣ этого опустошали еще больше землю Антовъ, грабя и забирая невольниковъ.

Этотъ эпизодъ хронологически относится къ концу 550-хъ гг. Нашествіе Аваровъ на Антовъ объясняютъ тѣмъ, что ихъ натравила Византія. Въ самомъ дѣлѣ Юстиніанъ, заключивъ соглашеніе съ Аварами, поручилъ имъ воевать съ врагами Византіи [1]): но мы не имѣемъ указаній, чтобы Анты въ то время досаждали Византіи, и гораздо правдоподобнѣе, что Авары безъ спеціальнаго порученія со стороны Византіи при семъ случаѣ „примучили" Антовъ. Это напоминаетъ эпизодъ Повѣсти временныхъ лѣтъ: тамъ разсказывается, что „Обры (Авары) воеваша на Словѣны и примучиша Дулѣбы, сущая Словѣны, и насилье творяху женамъ дулѣбьскымъ: аще поѣхати бяше Обрину, не дадяше въпрячи коня, ни волу, но веляше въпрячи 3, или 4, 5 женъ въ телѣгу и повести Обрина" [2]). Въ этой легендѣ сохранилось реальная память о насильяхъ Аваровъ надъ Дулѣбами: хотя лѣтописецъ относитъ ихъ ко временамъ имп. Ираклія (610—640), но датировка эта сдѣлана на основаніи византійскаго разсказа отъ 610 г. [3]) и произвольно придана этому, очевидно народному преданію о притѣсненіи Обрами Дулѣбовъ. Очень возможно, что здѣсь имѣемъ мы воспоминаніе именно объ аварскомъ погромѣ VI в., разсказанномъ Менандромъ. Конечно, мыслима возможность подобныхъ примучиваній и въ болѣе позднѣе время, когда

этотъ Котригуръ и настроилъ кагана противъ Антовъ, благодаря какому-нибудь спору между Болгарами и Антами; это объясненіе давало бы возможность сдѣлать нѣкоторые выводы, если бы оно было единственно возможнымъ.

[1]) Менадръ, ibid.

[2]) Ипат. л. стр. 7. Высказывались догадки, что тутъ кіевскій книжникъ перенесъ на русскихъ Дулѣбовъ извѣстія о притѣсненіяхъ, которыя приходилось терпѣть отъ Аваровъ чешскимъ Дулѣбамъ; что здѣсь у него вышло недоразумѣніе вслѣдствіе тождества именъ (эта догадка недавно повторена Вестбергомъ). Но мнѣ представляется весьма неправдоподобнымъ, чтобы въ XI в. до русскаго книжника дошло извѣстіе о аварскихъ притѣсненіяхъ по отношенію къ Дулѣбамъ спеціально, а не Чехамъ и Моравамъ вообще.

[3]) Ѳеофанъ изд. de Boor I с. 301—2.

Авары жили на среднемъ Дунаѣ; но единственное извѣстіе, какое имѣемъ объ отношеніяхъ Аваровъ и Антовъ въ VII в., говоритъ скорѣе противъ, чѣмъ за подобную возможность. Изъ эпизода аварской войны 602 г. видимъ, что въ то время придунайскіе Словене находились въ отношеніяхъ союза и полной зависимости отъ Аваровъ, Анты же были совершенно независимы отъ аварской орды, и аварское войско очень не охотно встрѣтило планъ похода на Антовъ. Поэтому о позднѣйшихъ походахъ аваровъ на Антовъ при желаніи можно ставить различныя гипотезы, но особенно полагаться на нихъ никакъ нельзя.

§ 102. Послѣднія извѣстія объ Антахъ. Со второй половины VI в., послѣ упомянутой аварской бѣды, имѣемъ мы только два эпизода гдѣ выступаютъ Анты. Въ 580-хъ годахъ, когда аварскій каганъ вмѣстѣ со Словенами и Лонгобардами напали на византійскія владѣнія, императоръ не могъ съ ними совладать и нанялъ Антовъ, чтобы они произвели диверсію въ словенскія земли. Анты напали на страну Словенъ, разгромили, сожгли и захватили все ихъ достояніе [1]). Подобное повторяется въ другомъ извѣстіи отъ 602 г., послѣднемъ, какое вообще имѣемъ объ Антахъ. Во время войны съ Византіею, когда Греки обратили свои силы противъ союзныхъ съ Аварами придунайскихъ Словенъ, аварскій каганъ выслалъ было для диверсіи войско, „чтобы уничтожить антскій народъ, бывшій въ союзѣ съ Ромеями“. Но изъ аварскаго войска въ виду такой перспективы многіе начали убѣгать къ Грекамъ, такъ что встревоженный каганъ принужденъ былъ принимать всякія мѣры, чтобы прекратить дезертирство, и походъ, повидимому вовсе не состоялся.

Эпизоды эти интересны тѣмъ, что рисуютъ Антовъ совер-

---

[1]) Chronique de Michel le Syrien, editée par Chabot, II стр. 361 (Михаилъ Сиринъ, патріархъ антіохійскій XII в. въ своей хроникѣ основывался на хроникѣ своего предшественника, патріарха Іоанна Ефесскаго, описавшаго современнны ему событія (умеръ въ 580-хъ годахъ); но отъ хроники Іоанна въ этой части остались только одни титулы главъ; они вполнѣ соотвѣтствуютъ содержанію разсказа Михаила, ставшаго доступнымъ въ послѣднее время въ полномъ переводѣ Шабо, до него же это мѣсто было извѣстно изъ пересказа Бар-Гебрея (XIII в.), и имя Антовъ было тутъ испорчено.

шенно независимыми отъ Аваровъ союзниками Византіи: въ качествѣ таковыхъ они принуждены были воевать со Словенами, слѣдовательно держались отъ нихъ въ особнякомъ или даже враждебно. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти факты характеризуютъ отношенія не только Аваровъ къ Антамъ, но и вообще кочевыхъ ордъ къ славянскому населенію нашихъ странъ. Все вниманіе кочевыхъ ордъ, переходившихъ черезъ наши степи, обращено на богатыя византійскія земли: съ нихъ получали они богатые откупы за „союзъ" и собирали добычу посредствомъ набѣговъ. Отношенія къ Славянамъ интересовали ихъ гораздо меньше, а война со Славянами связана была съ большими затрудненіями: Славяне были мастера прятаться въ различныхъ дебряхъ, какъ свидѣтельствуютъ разсказы Византійцевъ (Ѳеофилакта, Маврикія, Льва). Вслѣдствіе этого войны кочевниковъ со славянскими племенами рѣдко шли далѣе „примучиваній" при случаѣ, по пути, какъ въ вышеупомянутомъ аварскомъ эпизодѣ, повѣданномъ нашими и византійскими источниками. Это обстоятельство объясняетъ намъ, какимъ образомъ въ самый разгаръ движенія кочевыхъ ордъ въ нашихъ степяхъ въ V—VII вв. эти степи въ тоже время колонизовались Славянами.

Что касается Аваровъ, то даже Словене нижняго Дуная въ VI вѣкѣ не были сколько нибудь тѣснымъ образомъ связаны съ ними. Правда, въ концѣ VI в. эти Словене находятся въ союзѣ съ Аварами, но передъ этимъ (подъ г. 578) мы имѣемъ эпизодъ, гдѣ Словене отказываютъ вовсе въ повиновеніи Аварамъ, и каганъ только ужъ позже, при случаѣ караетъ ихъ за это[1]).

Въ 1-й четверти VII в. Аварамъ подчинены были Болгары, пока не освободились отъ нихъ въ 630-хъ гг.[2]); но такъ какъ мы не знаемъ въ точности, гдѣ именно жили тогда Болгары, то и не можемъ судить о сферѣ политическаго вліянія Аваровъ въ то время. Что же касается аварскаго владычества надъ антскими племенами, то хотя возможность его и нельзя категорически отрицать, особенно по отношеніи къ племенамъ западнымъ, но мы имѣемъ въ этомъ отношеніи только отрицательное свидѣтельство въ упомянутой войнѣ 602 г. и никакого положительнаго.

[1]) Менандръ, Hist. gr. m., стр. 99.
[2]) Никифоръ, Opera hist. ed. de Boor, p. 24.

§ 103. Разселеніе на юго-востокѣ VII—IX вв. Во второй четверти VII в. аварская орда приходитъ уже въ упадокъ. Въ третьей четверти болгарскія орды переходятъ изъ черноморскихъ степей за Дунай. Сильное хозарское государство защитило степи отъ нашествія новыхъ ордъ съ востока. Такимъ образомъ со второй половины VII в. и вплоть до второй половины IX— до переселенія Угровъ и прихода Печенѣговъ изъ-за Дона, обстоятельства особенно благопріятствовали развитію славянской колонизаціи,—въ степяхъ не было никакихъ враговъ осѣдлой культуры и это было какъ разъ то время, когда эта славянская колонизація достигла наибольшаго своего развитія.

Въ концѣ VI в. „Словены“ все еще занимаютъ лѣвый берегъ нижняго Дуная. Лишь съ окончаніемъ колонизаціи балканскихъ земель, съ переходомъ болгарскихъ ордъ за Дунай могли Анты овладѣть дунайскимъ побережьемъ и покрыть остатки Словенъ; позже (въ VIII—IX вѣкахъ) здѣсь дѣйствительно находились восточно-славянскія поселенія. На западѣ усиленное движеніе юго-западнаго Славянства во второй половинѣ VI и первой половинѣ VII в. на югъ и юго-западъ оставило восточно-славянской колонизаціи прикарпатскія земли. Во второй половинѣ VII в. восточно-славянская колонизація могла въ главнѣйшихъ чертахъ уже овладѣть своей территоріей на юго-востокѣ Европы; говорю— въ главнѣйшихъ, такъ какъ этнографическія границы не сразу твердо установились, и нѣкоторыя колебанія должны были продолжаться, въ особенности колонизація горныхъ карпатскихъ областей должна была происходить медленно и закончилась значительно позже.

Къ сожалѣнію мы не имѣемъ современныхъ извѣстій относительно развитія этой колонизаціи. Съ началомъ VII в. обрываются византійскія извѣстія о восточныхъ Славянахъ. Это отчасти зависитъ отъ паденія византійской историографіи, отчасти отъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ: Византію отрѣзали отъ Черноморья новыя славянскія государства на Дунаѣ, и ея непосредственныя связи съ задунайскими областями слабѣютъ. Богатымъ источникомъ для изученія восточной колонизаціи служитъ Повѣсть временныхъ лѣтъ, прежде всего ея этнографическіе обзоры, но эти обозрѣнія написаны въ гораздо болѣе позднее время—въ XI в., и лишь очень немного могутъ намъ сказать, какъ

представлялось славянское разселеніе передъ перемѣнами, произведенными новымъ натискомъ степныхъ ордъ въ IX—XI вв. Нѣкоторое дополненіе къ нимъ даютъ арабскія извѣстія IX и X в., византійскія X и XI в.,—но они вообще весьма бѣдны опредѣленными и точными географическими указаніями. Для пополненія скудныхъ извѣстій этихъ источниковъ историкъ обращается къ помощи археологіи и діалектологіи, но и эти науки въ настоящемъ своемъ состояніи очень рѣдко могутъ дать вполнѣ достовѣрныя указанія [1]).

§ 104. Восточно-славянская колонизація X—XI в. Сѣверо-западъ. Извѣстія Повѣсти, дополненныя другими свѣдѣніями, даютъ, въ главныхъ чертахъ, слѣдующую картину восточно-славянской колонизаціи X—XI в.:

Сѣверную часть славянской прародины, за исключеніемъ того, что заняли во время общаго разселенія литовскія племена, мы видимъ заселенной главнымъ образомъ большимъ племенемъ кривичскимъ. Кривичи — исконные сосѣди литовскихъ народовъ, которые до сихъ поръ всѣхъ восточныхъ Славянъ называютъ Кревами [2]). Занимали они верховья Днѣпра, Западной Двины и Волги и очень рано дѣлятся на двѣ вѣтви (уже въ X вѣкѣ мы видимъ это подраздѣленіе): на вѣтвь западную, подвинскую съ Полоцкомъ во главѣ, и восточную, сформировавшуюся позже, гдѣ центромъ былъ Смоленскъ. Это собственно Кривичи Повѣсти. Но Кривичи же, по всей вѣроятности, колонизовали бассейнъ р. Великой (центръ Изборскъ, впослѣдствіи Псковъ) [3]). Ихъ же колоніею считаютъ и ильменскихъ „Словенъ“ съ ихъ столицею Новгородомъ; но нужно признаться, что для причисленія ихъ именно къ Кривичамъ лѣтопись не даетъ основанія, а новгородское

---

[1]) Литературу см. въ примѣчаніяхъ (5).

[2]) Kreews—Русскій, Kreewu seme—Россія, Krewu tizziba—русская, православная вѣра. Значеніе слова Кривичи остается необъясненнымъ.

[3]) Вполнѣ опредѣленно это говоритъ лишь одна изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ компиляцій (Архангельскій лѣтописецъ); ея объясненіе можетъ быть и простой комбинаціею, но независимо отъ нея и изъ извѣстій Повѣсти можна также вывести указанія на кривичскую основу Псковской земли, см. Барсовъ, Географія [2] стр. 178; Голубовскій, Исторія Смоленской земли, стр. 46.

нарѣчіе значительно отличается отъ кривичскаго [1]), такъ что съ большимъ основаніемъ ихъ можно бы считать за особое племя. Спеціализацію для этого племени общаго имени „Словенъ“ вполнѣ правдоподобно объясняютъ тѣмъ обстоятельствомъ, что это была крайняя славянская колонія на сѣверѣ.

Изъ фактовъ хорографіи, а отчасти и археологіи заключаютъ, что кривичская территорія должна была имѣть нѣкогда неславянское (главнымъ образомъ финское) населеніе. Выше я указывалъ [2]), на сколько этотъ вопросъ еще невыясненъ. Хорографія, не изученная еще основательно, а лишь въ общихъ чертахъ, дѣйствительно показываетъ, что передъ послѣднимъ кривичскимъ и „словенскимъ“ разселеніемъ, какимъ является оно передъ нами въ X—XI вв., жило здѣсь неславянское населеніе—на верховьяхъ Днѣпра и далѣе къ сѣверо-западу и востоку. Впослѣдствіи Кривичи уже на глазахъ исторіи подвигались на западъ, по Двинѣ (пока не встрѣтились здѣсь съ нѣмецкой колонизаціею—ливонскихъ рыцарей), и еще глубже на востокъ. Изъ территоріи Кривичей и новгородскихъ Словенъ славянская колонизація шла безпрерывно въ бассейнъ Волги, въ земли финскихъ народовъ: Веси (жившей на сѣверныхъ притокахъ Волги—Тверцѣ, Мологѣ, Шекснѣ и у Бѣлаго Озера), Мери (въ бассейнѣ Оки, по Москвѣ, верхней Клязьмѣ и самой Волгѣ, на востокъ отъ Веси) и Муромы (на нижней Окѣ, на востокъ Мери)—здѣсь она встѣчалась съ вятич-

---

[1]) Колоніей Кривичей считали ихъ напр. Соловьевъ (I стр. 47), Бѣляевъ (Разсказы, II стр. 215), Барсовъ, Географія [2] стр. 85 и 303 (сдержанно), Голубовскій, Исторія Смоленской Земли, стр. 45 (болѣе рѣшительно). Въ послѣднее время доказательства въ пользу принадлежности новгородскихъ Словенъ къ одной группѣ съ Кривичами собралъ Шахматовъ (Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій, стр. 15--6). Иную догадку высказалъ въ свое время Костомаровъ: обративъ вниманіе на сходство новгородскаго вокализма съ украинскимъ, а также на нѣкоторыя отраженія въ позднѣйшей книжной литературѣ традиціи о приходѣ Новгородцевъ съ юга, онъ предполагалъ, что Новгородцы были колоніею южной, украинской Руси. Ссылался при этомъ и на лѣтопись, но лѣтопись не даетъ намъ въ этомъ отношеніи никакой опоры. Съ филологической точки зрѣнія подвергъ критикѣ этотъ взглядъ Гильфердингъ въ статьѣ „Древній Новгородъ“ (Собр. соч. II, стр. 407 и слѣд.).

[2]) См. стр. 75—6.

скою. Уже въ X в. эта восточная колонизація была очень значительна и въ концѣ его или началѣ XI в. здѣсь основываются русскія княжества, въ центрахъ этой колонизаціи Ростовѣ и Муромѣ.

§ 105. Полѣсье. Дреговичи. На правой сторонѣ Днѣпра, ниже Кривичей „Повѣсть“ помѣщаетъ Дреговичей: „сѣдоша межи Припетью и Двиною и наркоша ся Дреговичи“, говоритъ она. Название это обозначаетъ „людей болотъ“,—„дрегва“ „дреговина“ значитъ болото по украински и бѣлорусски. Изъ словъ лѣтописи выходитъ, что эта дреговическая колонизація занимала огромное пространство отъ Припети до Двины. Однако сѣверная часть территоріи между Припетью и Двиною—земли по р. Березинѣ тянули не къ припетскимъ городамъ—Турову и Пинску, а къ Полоцкой землѣ (княжество Минское). Это навело нѣкоторыхъ ученыхъ на мысль, что дреговичская территорія въ дѣйствительности ограничивалась территоріею Припети, съ главными городами Туровомъ и Пинскомъ, а бассейнъ Березины занимали уже Кривичи [1]). Конечно, слова лѣтописи не настолько ясны, чтобы на основаніи ихъ можно было съ увѣренностью причислять къ Дреговичамъ земли до самой Двины. Но и мнѣніе, что бассейнъ Березины не принадлежалъ уже Дреговичамъ, не имѣетъ за собой ничего болѣе, кромѣ упомянутой политической связи съ Полоцкою землею, а эта позднѣйшая связь не можетъ служить прочнымъ основаніемъ для опредѣленія старой племенной территоріи [2]).

---

[1]) Мнѣніе это впервые высказалъ Барсовъ [2] стр. 124; къ нему примкнули впослѣдствіи и нѣкоторые другіе изслѣдователи (напр. Багалѣй, Исторія Сѣверской земли стр. 10, Милюковъ въ „Русск. Мысли“ 1888, VIII, ср. карту въ его „Очеркахъ по исторіи русской культуры“, т. I). Противъ него выступилъ проф. Завитневичъ въ статьѣ: Область Дреговичей, гдѣ между прочимъ для опредѣленія дреговичской территоріи онъ пользуется археологическими наблюденіями, поддержанными впослѣдствіи его позднѣйшими изслѣдованіями, см. Формы погребальнаго обряда Минской губерніи (Труды IX съѣзда т. I) и сообщенія въ IV и VI т. Чтеній кіевскаго историч. общества. Нѣкоторые другіе аргументы въ пользу дреговичской колонизаціи въ бассейнѣ Березины указываетъ еще Шахматовъ (ор. с. стр. 10—1).

[2]) Завитневичъ указалъ на общность похороннаго обряда: погребенія покойника на поверхности земли, типичныя для дрегович-

На западѣ дреговичская колонизація не выходила, очевидно, за предѣлы бассейна Припети, гранича съ побужскимъ разселеніемъ Дулѣбовъ[1]). На водораздѣлѣ Нѣмана Дреговичи сталкивались съ литовскими народами. Точную этнографическую границу и здѣсь трудно провесть; не хватаетъ для этого ни хорографическихъ, ни археологическихъ фактовъ; точно также какъ по отношенію къ Финнамъ, и здѣсь можно замѣтить расширеніе славянской территоріи на счетъ литовской, и несомнѣнно, это расширеніе идетъ далеко въ глубину прошлаго. Но процессъ этотъ очень мало выясненъ[2]).

До тѣхъ поръ, пока не выяснены границы дреговичской территоріи на сѣверѣ,—ограничивалась ли она землями по Припети, или простиралась до Двины, не совсѣмъ яснымъ остается и то обстоятельство, къ какой изъ восточнославянскихъ группъ ближе стояли Дреговичи. Въ настоящее время дреговичская территорія цѣликомъ входитъ въ сферу украинской колонизаціи только своей запад-

---

ской территоріи (такого рода погребеній г. Завитневичъ насчитываетъ до 70% между Днѣпромъ и Припетью), переходятъ и въ бассейнъ Березины (см. объ этомъ еще въ новѣйшемъ трудѣ А. Грушевскаго, Пинское Полѣсье, стр. 10—1). Но этотъ „дреговичскій“ похоронный типъ не отличается рѣзко отъ погребеній сосѣднихъ территорій: и типы находокъ, и формы погребенія сближаютъ его съ древлянско-волынскимъ, распространеннымъ къ югу отъ Припети; съ другой стороны дреговичскіе типы переходятъ въ кривичскіе и радимичскіе, и пока почти невозможно отличить смѣшеніе типовъ отъ переходныхъ варіантовъ (ср. Спицына, Разселеніе древнерус. племенъ, стр. 325—7: онъ въ погребеніяхъ бассейна Березины видитъ смѣшеніе погребеній дреговичскихъ и кривичскихъ). Лишь массовая статистика погребальныхъ типовъ могла бы намъ что нибудь сказать.

[1]) Можно отмѣтить фактъ, что погребальные типы средняго Побужья (въ окрестностяхъ Дрогичина) совершенно отличаются отъ припетско-березинскихъ. Это подтверждало-бы то мнѣніе, что среднее и нижнее Побужье принадлежало уже другому племени, но пока еще имѣется очень мало археологическихъ матеріаловъ для этихъ областей и съ выводами приходится повременить; см. Авенаріуса, Дрогичинъ Надбужскій—Матеріалы по Археологіи Россіи № 4, и Краткія извѣстія о Бѣльскомъ у.—Труды VIII съѣзда т. III, Завитневича, ор. с. въ Трудахъ IX съѣзда, Спицынъ ор. с. стр. 337—8, Ал. Грушевскій ор. с. стр. 11.

[2]) Литературу см. выше, примѣчаніе на стр. 76, и ниже.

ной частью—областью верхней Припети, въ районѣ Пинска; къ сѣверу отъ средней Припети видимъ бѣлорусское населеніе, которое кое-гдѣ переходитъ и на правую сторону ея. Возможно двоякое объясненіе: или Дреговичи принадлежали къ одной группѣ съ Кривичами (бѣлорусской), а Пинщину позже ассимилировало южное. украинское населеніе, двигаясь съ юга; или же, наоборотъ, —въ Пинчукахъ можно видѣть остатокъ подлинныхъ Дреговичей, тогда порѣчье средней Припети придется считать ассимилированнымъ Бѣлоруссами. Первое объясненіе имѣло бы за собой большую вѣроятность, если бы мы знали, что бассейнъ Березины также имѣлъ дреговичское населеніе. Въ порѣчьи Припети имѣли мѣсто слишкомъ большія перемѣны и передвиженія населенія съ юга на сѣверъ и съ сѣвера на югъ, такъ что оріентироваться для прошлаго только наличностью бѣлорусскаго или украинскаго большинства въ настоящемъ—очень рискованно [1]).

§ 106. Заднѣпровье. Радимичи и Вятичи. На лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ бассейнѣ Сожи „Повѣсть“ помѣщаетъ Радимичей, племя повидимому небольшое, или слабое, аморфное, не игравшее никогда сколько нибудь замѣтной политической или культурной роли и служившее предметомъ различныхъ насмѣшекъ и прозвищъ, вѣроятно благодаря своей глухой, малокультурной жизни (въ родѣ записаннаго лѣтописцемъ анекдота, что Русь „корятся Радимичемъ, глаголюще: Пищанци волчья хвоста бѣгають“) [2]). Выше упомянулъ я о лѣтописной генеалогіи, выводившей Радимичей „отъ рода Ляховъ“; возможно, что тутъ также заключался какой нибудь „укоръ“, или простое недоразумѣніе [3]).

Главные города Радимичей были: Гомъи, теп. Гомель, и

---

[1]) Объ Украинцахъ и Бѣлоруссахъ на Припети, кромѣ литературы, указанной въ примѣч. 5, см. статью М. Карпинскаго въ „Р. Филол. Вѣстникѣ“ 1888 и М. Довнара-Запольскаго, Бѣлорусское Полѣсье, 1895.

[2]) Объ этомъ племени кромѣ общихъ трудовъ см. рефератъ Антоновича въ Трудахъ IX арх. съѣзда, Спицына Разселеніе, монографіи Голубовскаго и Багалѣя, Карскаго Бѣлоруссы I стр. 71—4.

[3]) Не основывалося ли оно на какомъ либо созвучіи въ названіи, въ родѣ спора новѣйшихъ филологовъ о томъ, выводить ли названіе Подляшья отъ „лѣса“ или отъ „Ляховъ“? Ср. современное прозвище „Полѣхи“ для восточныхъ Бѣлоруссовъ.

Чичерскъ на Сожи; верховье Сожи принадлежало уже кривичскому Смоленску, возможно, что и заселено было Кривичами. Территорія эта цѣликомъ вошла въ составъ бѣлорусской колонизаціи. За то Вятичи, ближайшіе сосѣди и единоплеменники Радимичей, какъ ихъ представляетъ лѣтопись, принадлежатъ уже къ великорусскому племени, какъ и вся дальнѣйшая славянская колонизація въ бассейнѣ Оки и на верховьяхъ Дона, въ области Муромы, Мордвы и Мещеры—волость Муромо-Рязанская [1]). Сами Вятичи были, вѣроятно, такой же славянской колонизаціею на финской почвѣ. По словамъ Повѣсти, они занимали порѣчье Оки, т. е. ея верховья и порѣчья ея верхнихъ притоковъ, какъ обыкновенно принимаютъ. Отъ Вятичей же, съ большой правдоподобностью, выводилась колонизація средней Оки—земли Муромо-рязанской, какъ дальнѣйшій этапъ того же колонизаціоннаго движенія восточнаго славянства въ финскія земли [2]). Меньше имѣетъ за собой данныхъ недавно поставленная гипотеза, что Вятичи занимали также порѣчье Дона и позже, подъ тюркскимъ натискомъ, отступили на сѣверъ [3])—на это нѣтъ никакихъ доказательствъ.

§ 107. Южная группа. Поляне. Въ центрѣ южныхъ племенъ видимъ племя Полянъ. „Повѣсть“ не обозначаетъ точнѣе ихъ поселеній, говоритъ только, что они „сѣдоша по Днѣпру и наркошася Поляне“ [4]), но очевидно подразумѣваетъ при этомъ окрестности ихъ столицы, Кіева, гдѣ жили „Поляне Кияне“. Она поясняетъ еще, что Поляне назывались такъ потому, что

---

[1]) Барсовъ [2] гл. VII. Багалѣй, Исторія Сѣверской земли, гл. I. Голубовскій, Исторія Сѣвер. з., гл. I, его же Исторія Смоленской з., стр. 52. Иловайскій, Исторія Рязанск. княжества—Сочиненія (1884), Шахматовъ ор. с. и новѣйшая статья его—Южныя поселенія Вятичей, 1907. Городцовъ, Древнее населеніе Рязанской области, 1908 (Изв. отд. рус. яз.).

[2]) „Вятичи еже есть Рѣзанци“ — объясненіе цѣлого ряда позднѣйшихъ лѣтописныхъ компиляцій (см. у Шахматова, Юж. поселенія).

[3]) Шахматовъ, l. c., поставилъ эту гипотезу на основаніи остроумной интерпретаціи лѣтописнаго разсказа о походѣ Святослава на Вятичей; но все сказанное имъ можетъ имѣть значеніе только предположенія.

[4]) Ипат., стр. 3.

сидѣли въ „полѣ“, то есть безлѣсной равнинѣ [1]); но окрестности Кіева, т. е. та область, которая въ X—XI в. была главнымъ образомъ територіею Полянъ, трудно назвать „полемъ“, и сама Повѣсть, разсказывая въ другомъ мѣстѣ о Полянахъ, говоритъ, что сидѣли они „по горамъ симъ“ (Днѣпровскимъ), „въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрьскою“ [2]). Дѣйствительно, окрестности Кіева къ сѣверу отъ Стугны еще въ настоящее время богаты лѣсомъ, а въ старину были чисто лѣснымъ краемъ [3]). Простѣйшимъ объясненіемъ этого противорѣчія будетъ, повидимому, то, что прежде передъ натискомъ степныхъ ордъ X—XI в. главныя обиталища Полянъ находились къ югу отъ Стугны, въ басейнѣ Роси, гдѣ было больше равнины, „чистаго поля“ [4]). Въ противоположность этой области сѣверная часть Кіевской земли называлась „лѣсной стороной“ [5]); соотвѣтственно этому южная могла зваться полевою, „польскою“, а отъ нея и жители—Полянами. „Польской“ (полевой) землею дѣйствительно называетъ Повѣсть землю Полянъ, по традиціи, въ ея цѣломъ [6]). Другое возможное объясненіе—что Поляне принесли свое имя изъ какихъ-либо другихъ „полей“, гдѣ жили прежде разселенія, или что ихъ имя было этимологизаціею (Volksethymologie) какого нибудь болѣе древняго и менѣе понятнаго имени [7]); но это будутъ уже бачистыя догадки, и въ нихъ нѣтъ никакой надобности тѣмъ болѣе, что подобныя имена отъ „поле“ встрѣчаемъ мы и у иныхъ Славянъ совершенно независимо другъ отъ друга (польскіе Поля-

---

1) „Занеже въ полѣ сѣдяху“—Ипат. стр. 16.

2) Ипат. л. стр. 3, 4, 9. Достаточно одного факта, что въ историческое время Поляне дѣйствительно жили „въ лѣсу на горахъ“, чтобы опровергнутъ неосновательное утвержденіе, высказанное проф. Филевичемъ (Исторія, стр. 144), что „терминъ Поляне имѣетъ чисто топическое, вовсе не этнографическое значеніе“, и никакой полянской територіи не существовало.

3) Упоминаніе о лѣсахъ на этой територіи см. Ипат. лѣт. стр. 5, 9, 295, 300, 354.

4) „Чистое поле“ за Стугною—см. Ипат., стр. 301.

5) Ипат. стр. 575. 6) Ипат., стр. 12.

7) Такъ, Иловайскій считалъ названіе Полянъ народной этимологіею имени, выведеннаго имъ самимъ изъ „исполинъ“, припоминая при этомъ античныхъ Spali (Разысканія,[2] стр. 163, 255—6). О спалахъ см. выше, стр. 164.

не, болгарскіе Поляки, Польчане, Польцы, сливинскіе Поланцы, Поляне по сосѣдству съ Мораванами)[1]).

Въ X—XI в. земля Полянъ была очень не велика: изъ указаній и намековъ лѣтописи видимъ, что крайними болѣе значительными городами ея на сѣверозападѣ были Бѣлгородъ (на Ирпени) и Вышгородъ (на Днѣпрѣ)[2]). На востокѣ извѣчной границей является Днѣпръ: хотя къ Кіеву принадлежала, повидимому, узкая полоса за Днѣпромъ, все-же Днѣпръ былъ и считался границею Кіевской и Черниговской волости, Полянъ и Сѣверянъ[3]). Что касается юга, то здѣсь въ X в. крайнимъ кіевскимъ пунктомъ была Родня, „на устьи Рѣси", но впослѣдствіи князья оставили всякую мысль о защитѣ Поросья отъ Печенѣговъ и принялись ограждать побережья Стугны[4]). „Польская земля" была совершенно загнана въ лѣса.

Эти историческія указанія подтерждаются и археологическими фактами по стольку, что могилы характернаго древлянскаго типа выступаютъ уже на лѣвой сторонѣ Ирпеня и въ бассейнѣ Раставицы, а на лѣвомъ берегу Днѣпра выступаютъ погребенія съ сожженными покойниками—характерныя для Сѣверщины[5]).

---

[1]) Irеček Cesty po Bulharsku, стр. 63, 391, 429, Первольфъ Archiv VII, стр. 597, Филевичъ, Исторія I стр. 143.

[2]) Изъ разсказа Кіевской лѣтописи (стр. 215) видно, что за этими городами начиналась Древлянская земля (Дерева); подобный же намекъ—на близость къ Кіеву границы Древлянъ, даетъ и разсказъ лѣтописи о смерти Люта (стр. 49).

[3]) Ипат., стр. 104—5, 462. [4]) Ипат. стр. 51, 58.

[5]) Антоновича Раскопки въ странѣ Древлянъ, стр. 3, Дневники раскопокъ въ Черниг. губ. (Труды предв. ком. XIV съѣзда). Рос. истор. музей (указатель 1893 г.), стр. 149—151 („жженныя" могилы лѣваго побережья Днѣпра). Однако не слѣдуетъ преувеличивать значенія этихъ фактовъ, такъ какъ того, что можно было бы назвать полянскимъ похороннымъ типомъ, мы до сихъ поръ не знаемъ и не можемъ сказать, насколько онъ отличался отъ древлянскаго и сѣверянскаго, къ тому же и пограничныя полосы—берега Днѣпра и правый берегъ Ирпеня не были изслѣдованы систематически (проф. Антоновичъ считалъ полянскими похороны воина съ конемъ, но въ настоящее время уже не можетъ быть сомнѣній, что это похороны тюркскіе (см. выше стр. 54): многочисленные похороны подобнаго рода по Роси принадлежатъ кіевскимъ Чернымъ Клобукамъ).

§ 108. Полянская Русь. Небольшой треугольникъ Полянской земли имѣлъ и другое, весьма знаменательное имя—онъ былъ Русью по преимуществу. Кіевская земля подъ именемъ Руси, Русской земли противополагается еще въ XI—XII в. не только сѣверо-западнымъ землямъ (Новгороду, Полоцку, Смоленску, Суздалю, Вятичамъ), но и украинскимъ, даже наиболѣе близкой, неразрывно связанной съ Полянскою въ одно политическое цѣлое Древлянской землѣ. Святославъ Ольговичъ убѣгаетъ изъ Новгорода „в Русь к брату", въ Кіевъ. Полоцкіе князья не слушаютъ Мстислава, когда тотъ звалъ ихъ „в Рускую землю в помощь" (въ Кіевъ). Юрій идетъ изъ своей Ростово-Суздальской земли, съ Ростовцами и Суздальцами на Кіевъ „в Русь". Мстиславичи обмѣниваются подарками: кіевскій Изяславъ даетъ дары „от Рускыи землѣ и отъ всихъ царьскихъ земль" (предметы кіевскаго и кіево-византійскаго ввоза), а Ростиславъ смоленскій—„что отъ верьхнихъ земль и отъ Варягъ" [1]).

Иногда при такихъ противопоставленіяхъ можетъ являться сомнѣніе, не обозначаетъ ли здѣсь Русь чего-либо болѣе широкаго, чѣмъ Кіевъ,—всю Южную Русь (такъ какъ и такое употребленіе и противопоставленіе сѣвернымъ и западнымъ землямъ земль южныхъ, украинскихъ подъ именемъ Руси можно также констатировать въ XII в.). Но имѣемъ факты, гдѣ Кіевщина подъ именемъ Руси противоставляется Волыни, Галичинѣ: для Галичанъ кіевское войско—„русское" войско, кіевскіе бояре—„рускіе" бояре въ противоположеніе Галичанамъ. Изяславъ, прогнанный изъ Кіева на Волынь вмѣстѣ со своею дружиною, съ особой признательностью подчеркиваетъ то обстоятельство, что дружинники „вышли изъ Русской земли" за нимъ, а при переходахъ изъ Волыни въ Кіевщину замѣчаетъ и самъ онъ, и другіе о немъ, что онъ вступилъ въ „Русскую землю" [2]). Однако здѣсь еще могутъ смѣшиваться представленія о Кіевской Землѣ, какъ о политическомъ понятіи, политическомъ организмѣ (кіевскихъ волостяхъ), со старой Кіевщиной—Полянскою землею [3]). Но если видимъ, что старая Деревская земля, бывшая все время такою

[1]) Ипат., стр. 217, 221, 259, 322.
[2]) Ипат., стр. 225, 284, 289, 299, 319.
[3]) Напр. „рускія волости" ibid. стр. 318.

же кіевской волостью, противопоставляется Кіевщинѣ въ болѣе тѣсномъ узкомъ смыслѣ—землѣ полянской, какъ Руси въ наиболѣе тѣсномъ смыслѣ, то это уже не оставляетъ сомнѣній относительно собственнаго значенія русскаго термина. Когда Рюрикъ находится въ Овручѣ, въ Древлянщинѣ, а Святославъ, его соправитель по кіевскомъ столу, зоветъ его „в Русь", въ Кіевъ [1]), то первоначальное, основное значеніе этого термина выступаетъ передъ нами съ полной очевидностью. Русь—это земля Полянъ, Русины—это Поляне по преимуществу, хотя въ болѣе широкомъ смыслѣ это слово и обнимало въ XI—XII в. всю южную Русь и все восточное Славянство, собранное кіевскими князьями въ одно государство, и подъ именемъ Руси послѣднее противопоставлялось всѣмъ инымъ политическимъ организмамъ [2]).

Но хотя въ Кіевѣ и за предѣлами его въ XI—XII в. знали, что Русская земля—это Поляне, однако въ кіевской „Повѣсти временныхъ лѣтъ" ея редакторомъ,—однимъ изъ послѣднихъ, трудившихся надъ этою лѣтописью, проводится иной взглядъ—что русское имя было заимствовано Полянами позже: „Поляне яже нынѣ зовомая Русь" [3]). По его мнѣнію имя Руси было принесено Варягами, это было имя княжеской династіи и ея земляковъ, варяжской дружины: „отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первѣе бѣша Словѣне; аще и Поляне звахуся, но словѣньская рѣчь бѣ" [4]). Объясненіе маловѣроятное. Какимъ образомъ могло спеціализироваться на Полянахъ (даже не на Кіевѣ и его политическомъ округѣ, а именно на Полянской землѣ), и срастись съ ними настолько, чтобы сдѣлаться вторымъ ихъ именемъ, имя Варяговъ-Руси, призванныхъ по этой теоріи Новгородцами и уже только въ другомъ поколѣніи перешедшихъ въ Кіевъ, а кромѣ Полянской земли размѣстившихся одновременно, или даже еще ранѣе—въ разныхъ другихъ земляхъ? Имя Руси появляется на югѣ гораздо раньше второй половины IX вѣка, и уже съ IX вѣка у арабскихъ географовъ оно связывается спеціально съ

---

[1]) Ипат., стр. 15.

[2]) Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Василько Ростиславичъ собирается „мститися" надъ Поляками на „землю Руськую", а князья на съѣздѣ въ Любечѣ рѣшаютъ „соблюдати Рускую землю"— Ипатск. л., стр. 167, 147.

[3]) Ипат. стр. 15. [4]) Ипат., стр. 16.

Кіевской землей: аль-Джайгани, весьма авторитетный географъ, писавшій въ должности великаго визиря Саманидовъ, владѣтелей Хорасана (на юго-востокѣ отъ Каспійскаго моря), а черпавшій свои свѣдѣнія еще изъ болѣе стараго источника, повидимому, средины IX в., различаетъ въ Руси три группы или племени, и собственная Русь—это Кіевская земля, „ихъ государь живетъ въ Кіевѣ“ (Куябѣ)[1]. У самого редактора „Повѣсти“ изъ-за тѣхъ приписокъ, поправокъ и объясненій, какими онъ обставляетъ свою идею варяжскаго происхожденія русскаго имени, выступаютъ совершенно ясно слѣды стараго, общаго взгляда, что Русь это Поляне, что имя это не варяжское, сѣверное, а свое, южное. Возьмемъ хотя бы вышеприведенное его объясненіе, въ которомъ онъ, истолковывая славянское происхожденіе Руси, на первый взглядъ совершенно неожиданно поминаетъ Полянъ онъ дѣлаетъ это по ассоціаціи, объясняющейся тѣмъ, что имя Руси было синонимомъ Полянъ[2]. Или возьмемъ напр. сохранившееся и въ Повѣсти замѣчаніе, что новгородскія и варяжскія дружины, приведенныя Олегомъ въ Кіевъ, стали зваться Русью лишь послѣ своего перехода въ Кіевъ: „бѣша у него Словѣни и Варязи и прочии прозвашася Русью“[3]. Очевидно, Русь было спеціальнымъ именемъ кіевской окрестности, Полянской земли, и если всѣ попытки вывести его отъ иныхъ, чужихъ народовъ, сѣверныхъ и южныхъ, до сихъ поръ не удаются[4], то не будетъ слишкомъ смѣлою мыслью счи-

---

[1]) См. статью Гаркави „Древнѣйшее извѣстіе о Кіевѣ“, въ Трудахъ III арх. съѣзда. О возможномъ источникѣ Джайгани см. выводы Маркварта Streifzüge, стр. XXVII и слѣд.

[2]) „Словѣнескъ языкъ и руский одинъ—отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а пѣрвѣе быша Словѣне: аще и Поляне звахуся, но славянская рѣчь бѣ. Полянами же прозваша ся, занеже въ полѣ сѣдяху; языкъ словѣньскый бѣ имъ единъ“.

[3]) Ипат., стр. 13. По этому не можетъ быть принято мнѣніе ак. Соболевскаго, что такое употребленіе Русь=Кіевщина—это фактъ позднѣйшій, XII—XIII в., невѣдомый „Начальной лѣтописи“ (Чтенія кіевскія, V, стр. 6—7). Можно и въ этой лѣтописи указать немало мѣстъ, гдѣ Русь обозначаетъ Кіевщину. Напр. Ярославъ „множество совокупи Руси, Варяги, Словены“ (Ипат. стр. 100), и т. д. О тенденціи редактора „Повѣсти“—вывести русское имя отъ Варяговъ, въ послѣдее время у Шахматова, Разысканія § 199 и сл.

[4]) О нихъ въ экскурсѣ о норманизмѣ, въ части второй.

тать его просто мѣстнымъ извѣчнымъ именемъ кіевской округи. Съ этой точки зрѣнія обращаетъ на себя вниманіе созвучіе этого имени съ мѣстной рѣкой Росью, наибольшею (послѣ Днѣпра) рѣкою Полянской земли [1]).

§ 109. Сѣвера. Къ востоку отъ Полянъ, лѣвый берегъ Днѣпра занимали Сѣверяне, Сѣвера, повидимому наибольшее изъ южныхъ племенъ. „Сѣдоша на Деснѣ и по Семи и по Сулѣ и наркошася Сѣвера“ [2]). Племя это такимъ образомъ занимало весь бассейнъ Десны, кромѣ, быть можетъ, ея верховья, которое позже принадлежало къ Смоленской землѣ и могло быть занято Кривичами. Водораздѣлъ Сожи и Десны приблизительно отдѣлялъ Сѣверу отъ Радимичей, водораздѣлъ Оки—отъ Вятичей, Днѣпръ былъ восточной границей со стороны Полянъ [3]).

На югѣ лѣтопись простираетъ сѣверянскую территорію на бассейнъ Сулы. Въ то время, когда писались эти извѣстія, колонизація Посулья была уже совсѣмъ ослаблена и разбита Печенѣгами и Половцами, такъ что слова о сѣверянской колонизаціи по Сулѣ слѣдуетъ скорѣе считать воспоминаніемъ о временахъ болѣе раннихъ, чѣмъ средина X в. Уже Владиміръ, въ концѣ X в., для защиты отъ Печенѣговъ не довольствуется постройкой крѣпостей по Сулѣ, но одновременно строитъ другую линію въ тылу ея по Трубежу и Сейму и третью по Остру и Деснѣ [4]): очевидно, на Посулье онъ не возлагалъ большихъ надеждъ. Въ

---

[1]) Уже авторъ Густынской лѣтописи среди различныхъ догадокъ, „чесо ради нашъ народъ Русю наречеся“ вспоминаетъ, что имя это выводятъ „иныи отъ рѣки глаголемыя Рось“ (стр. 236). Проф. Кнауеръ въ статьѣ „О происхожденіи имени народа Русь (Труды XI съѣзда II) доказывалъ связь названія Русь съ корнемъ *ros і *rońs (*роса* и *русло*, Рось и Русса). Если этотъ выводъ правиленъ лингвистически, то связь Роси и Руси очень возможна (самъ проф. Кнауеръ указываетъ на названіе Волги—Ῥῶς, но это съ точки зрѣнія исторіи колонизаціи предположеніе невозможное).

[2]) Ипат. стр. 4. О сѣверянской колонизаціи см. Барсовъ[2] гл. VII, Багалѣй, Ист. Сѣв. зем. гл. I, Голубовскій, Ист. Сѣв. зем. гл. I, Печенѣги, гл. III.

[3]) Объ отличіяхъ похороннаго обряда на водораздѣлѣ Десны и Сожи (Снови и Ипути) см. наблюденія Еременка: Раскопки кургановъ Новозыбковскаго у. („Труды отд. слав. арх.“ I).

[4]) Ипат. стр. 83.

концѣ XI в. Посулье держалось еще благодаря крѣпостямъ, но было опустошено совершенно — даже въ самомъ Переяславѣ Мономахъ съ своею дружиною бѣдствовалъ „отъ рати и отъ голода“ [1]). Въ XII в., когда половецкій натискъ ослабѣлъ, Посулье было колонизировано вновь, но главнымъ образомъ тѣмъ же прежнимъ сѣверянскимъ населеніемъ.

Въ литературѣ предполагалось существованіе особаго племени Суличей, но это предположеніе основывалось на недоразумѣніи. Среди многочисленныхъ варіантовъ названія Уличей (о нихъ ниже) нѣкоторые своды (Радзивиловскій и Академическій кодексы Суздальской редакціи) въ разсказѣ о войнѣ Олега съ Уличами (подъ 885 г.) имѣютъ варіантъ: „съ Суличи“ вмѣсто „съ Уличи“, „со Уличи“, какъ читаемъ въ Лаврентьевскомъ кодексѣ и всѣхъ кодексахъ южной группы. Что мы имѣемъ здѣсь ошибочно прочитанныя слова „с Уличи“, ясно видно изъ того, что указанные кодексы не имѣютъ этого варіанта въ другихъ мѣстахъ, гдѣ идетъ рѣчь объ Уличахъ. Но изъ Суличей этихъ кодексовъ въ иныхъ выросли уже „Посуличи“ [2]), а въ одномъ лѣтописцѣ уже выступаютъ „Суляне“ [3]). Въ результатѣ появилось новое племя Суличи или Посуличи — якобы жившее на рѣкѣ Сулѣ [4]), но въ дѣйствительности не существовавшее.

§ 110. Населеніе Подонья. Дальше къ югу отъ Сулы, на востокъ отъ Посемья Повѣсть не упоминаетъ вовсе о какихъ-либо славянскихъ поселеніяхъ. Но до печенѣскаго натиска во вто-

---

[1]) Лавр. стр. 240.

[2]) Твер., стр. 34, и даже погибшій Троицкій — см. варіанты въ Лаврент., стр. 25.

[3]) Лѣтописецъ изд. Львовымъ I с. 22.

[4]) Шлецеръ помѣстилъ ихъ здѣсь, хотя и гипотетически (II с. стр. 281 русск. изданія). Карамзинъ (I^5 стр. 77 и примѣч.) уже категорически призналъ въ нихъ посульскую вѣтвь Сѣверянъ. Въ новѣйшее время занялся обоснованіемъ этого мнѣнія проф. Завитневичъ (Труды VII съѣзда т. I: Существовало-ли славянское племя Суличи); при этомъ онъ пытался опереться на существованіе въ Переяславльской землѣ типа погребенія отличнаго отъ сѣверянскаго (трупъ не сожигался, а погребался). Но такъ какъ этотъ же самый типъ выступаетъ наряду съ сожженіями и въ окрестностяхъ Чернигова и Новгородъ Сѣверска, то никакимъ опорнымъ пунктомъ для „Суличей“ онъ служить не можетъ.

рой половинѣ X в. славянское разселеніе шло здѣсь далеко за Сулу на юго-востокъ. Отъ Прокопія мы знаемъ, что въ первой половинѣ VI в. славянская колонизація приблизилась къ Азовскому морю: упомянувъ о Кутургурахъ и Утургурахъ, раздѣленныхъ Мэотидой, Прокопій говоритъ, что „къ сѣверу отъ нихъ (Утургуровъ) сидятъ безчисленныя племена Антовъ“ [1]). Восточнославянская колонизація занимала бассейнъ Дона. Это подтверждаютъ и извѣстія арабскихъ писателей. Два арабскихъ историка, аль-Баладури (IX в.) и Табари (X в.), дополняя одинъ другого, разсказываютъ объ арабскомъ походѣ на Хозарію въ 1-й половинѣ VIII в.: арабскій вождь Марванъ, перейдя за Кавказскія горы, за городъ Семендеръ, напалъ на Славянъ, жившихъ въ землѣ Хозаровъ, на Славянской рѣкѣ (такъ Арабы называютъ Донъ, а иногда и нижнюю Волгу, соединявшуюся, по ихъ мнѣнію, съ Дономъ); онъ вывелъ съ собой 20 тысячъ человѣкъ плѣнныхъ (у Табари—разрушилъ 20 тысячъ домовъ). Третій арабскій историкъ, ибн-аль-Факихъ (начала X в.), разсказывая о Кавказскихъ горахъ, говоритъ, что онѣ находятся въ сосѣдствѣ съ Греческой страной на границѣ Аланъ и доходятъ до областей славянскихъ, и даже упоминаетъ о какомъ то „родѣ Славянъ“ въ горахъ (быть можетъ какомъ-либо племени, похожемъ на Славянъ). Наконецъ, извѣстный географъ Масуди (1-я полов. X вѣка) говоритъ о Донѣ, что „берега его населяетъ многочисленный славянскій народъ и иные сѣверные народы [2]). Въ виду этихъ многочисленныхъ извѣстій трудно сомнѣваться въ существованіи славянской

---

[1]) *Καί αὐτῶν καθύπερθεν ἐς βορρὰν ἄνεμον ἔθνη τὰ Ἀντῶν ἄμετρα ἵδρυνται.*—De b. G. IV, 4. Изъ дальнѣйшаго разсказа (IV, 5) вытекаетъ, что поселенія Утургуровъ и Кутургуровъ, вѣроятно, не соприкасались на сѣверѣ отъ Мэотиды, занимая мѣстности ближайшія къ Киммерійскому Босфору, слѣдовательно къ сѣверу отъ Утургуровъ, занимавшихъ восточный берегъ Мэотиды, Анты у устья Дона могли даже достигать моря. Но разсказъ Прокопія вообще недостаточно обстоятеленъ.

[2]) Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ, стр. 38 и 80—81, 140. Mélanges asiatiques VI стр. 648. Маркварт, пересматривая эти извѣстія, указалъ недавно еще извѣстіе Якуби о походѣ 854/5 г., гдѣ разбитыя на Кавказѣ племена убѣгаютъ „къ государю Ромеевъ, къ государю Хозаровъ и къ государю Славянъ“ (Streifzüge, стр. 200 и 509).

колонизаціи въ донскихъ и азовско-кавказскихъ областяхъ, хотя бы и съ вкрапленными въ нее болѣе или менѣе значительными остатками стараго степного населенія [1]). Эти извѣстія помогаютъ намъ понять ту важную роль, какую играли Славяне, по словамъ того же Масуди, въ Хозарскомъ государствѣ, гдѣ изъ нихъ въ значительной степени составлялось хозарское войско и прислуга кагана [2]).

Къ свидѣтельствамъ Арабовъ о славянской колонизаціи въ бассейнѣ Дона въ VIII—X в. можемъ присоединить нѣкоторыя косвенныя указанія и факты изъ нашей исторіи. Ужъ одно движеніе Русскаго государства къ берегамъ Мэотиды, гдѣ уже въ срединѣ X в. должна была существовать Тмутороканская волость, свидѣтельствуетъ о существованіи въ то время,

---

[1]) А. А. Спицынъ въ своихъ Ист.-арх. разысканіяхъ (Ж. М. Н. П. 1909) ищетъ въ археологическихъ находкахъ слѣдовъ аланскаго разселенія на пространствѣ всего почти Подонья V—X вв. Но слѣдуетъ остерегаться смѣшивать слѣды вліянія прикавказской культуры съ доказательствами этнической принадлежности. Въ VI—X вв. здѣсь не могло быть сильнаго аланскаго населенія на такомъ большомъ пространствѣ, лишь отдѣльные уцѣлѣвшіе островки.

[2]) Противъ этого общепринятаго въ наукѣ мнѣнія о славянской колонизаціи Подонья выступилъ надавно Вестбергъ въ своихъ статьяхъ: Къ анализу восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ (Ж. М. Н. Пр. 1908, II—III). Доказывая, что въ арабскихъ источникахъ подъ именемъ Славянъ скрываются иногда различные народы бѣлой расы, онъ утверждалъ, что въ прикавказскихъ и придонскихъ Славянахъ слѣдуетъ видѣть Алановъ, а славянская рѣка— это Волга. Эти выводы, подхваченные уже въ литературѣ (статья Брикнера въ Kwart. Hist. 1909), не имѣютъ однако въ себѣ ничего положительнаго. Нижняя Волга и Донъ считались двумя рукавами одной рѣки, и поэтому могла иногда и нижняя Волга фигурировать подъ именемъ Славянской рѣки, но это имя принадлежитъ, очевидно, собственно Дону. Маршруты кампаніи Марвана не даютъ опредѣленнаго указанія, что здѣсь подразумѣваются исключительно приволжскія области. И если подъ имя Славянъ могли иногда подводиться и иныя племена, то все же принятое у Арабовъ названіе Славянской рѣки, несомнѣнно, подразумѣвало настоящихъ Славянъ. Арабскія извѣстія, какъ это видѣли мы въ текстѣ (не говоря уже о Прокопіи), вполнѣ отчетливо различаютъ прикавказскихъ Славянъ и прикавказскихъ Алановъ,—тѣ сами по себѣ, а эти также сами по себѣ.

въ X в., по крайней мѣрѣ какихъ-то крупныхъ остатковъ славянской колонизаціи въ бассейнѣ Дона. Такіе остатки, въ гораздо болѣе тяжелыхъ условіяхъ, извѣстны позже, въ XI—XIII в.: существовали русскія крѣпости въ бассейнѣ Дона, какъ напр. Донецъ XII в., въ окрестности теперешняго Харькова; въ подонскихъ и „команскихъ" городахъ были по всей вѣроятности славянскія колоніи; на устьи Дона извѣстенъ въ XII в. „Русскій Портъ", а выше по Дону „Русское село" (XIII в.), а въ здѣшнихъ степяхъ славянское населеніе, такъ наз. Бродники, извѣстны въ XII—XIII в. Путешественникъ Рюйсброкъ въ срединѣ XIII в. называетъ Донъ границей Руси [1]).

Все это дѣлаетъ вполнѣ достовѣрнымъ, что Славяне въ промежуткѣ V и X вв. занимали Подонье, и только натискъ Печенѣговъ, а впослѣдствіи Половцевъ ослабилъ эту колонизацію и заставилъ большую часть населенія эмигрировать далѣе на сѣверъ [2]). Что это за племя обитало въ Подоньѣ, лѣтопись, конечно

---

[1]) О Донцѣ—Ипат стр. 438 и новѣйшія раскопки—Труды XII съѣзда, т. I. Бѣловежцы, пришедшіе „въ Русь" при Мономахѣ (Ипат. 205) и основавшіе здѣсь новую Бѣлую Вежу, небыли, по всей вѣроятности, ни Хозарами (какъ это толкуетъ Густынская лѣтопись, стр. 291), ни Тюрками; археологическія раскопки на мѣстѣ стараго, какъ предполагаютъ, Саркельскаго городища, обнаружили слѣды христіанской и въ частности—славянской колоніи (напр. крестикъ съ изображеніями Бориса и Глѣба) (указываю ввиду предположеній А. А. Спицына объ аланскомъ населеніи подонскихъ городовъ). О „Русскомъ портѣ" и другихъ поселеніяхъ XII—XIII в. см. въ гл. VII тома II, гдѣ собраны извѣстія о славянскомъ населеніи въ степяхъ XI—XIII в.

[2]) Къ этой придонской Руси относилъ Иловайскій (Разысканія 2, стр. 55) извѣстія Арабовъ, начиная съ Джайгани, о третьей группѣ русскихъ земель—Таніи (или Табіи), какъ называется она у Джайгани,—Арта, Артсанія позднѣйшихъ географовъ (имя это вообще имѣетъ многочисленные варіанты). Онъ ссылается на слова Хаукаля: „Арта лежитъ между Хозаромъ и Великимъ Булгаромъ, что тотчасъ (находится) на сѣверъ за Румомъ" (Византіей). Это опредѣленіе дѣйствительно, соотвѣтствуетъ придонской Руси, но Идризи говоритъ нѣчто совершенно иное: „третій народъ называется Артсанія, а царь ихъ живетъ въ городѣ Артсанѣ; этотъ прекрасный городъ расположенъ на неприступной горѣ; находится онъ между Славою и Куябою, отъ Куябы до Артсана 4 дня, а отъ Артсана до Славы 4 дня". Это дало поводъ нѣкоторымъ видѣть въ

не сообщаетъ: въ ея время эта колонизація была уже разрушена. На основаніи нѣкоторыхъ намековъ предполагали, что это были Сѣверяне—что занимали они не только бассейнъ Десны и Сулы, но до XI в. поселенія ихъ простирались далѣе къ юговостоку, въ Подонье и даже до самаго моря [1]). Но ясныхъ указаній на это нѣтъ: наоборотъ, есть положительныя указанія противъ этого, такъ что поскольку эта южная колонизація не принадлежала Уличамъ, она принадлежала, вѣроятно, какому-либо иному племени, неизвѣстному намъ по имени. Вообще мы должны считаться съ вѣроятностью, что кіевскіе книжники XI знали далеко не всѣ племенныя названія, и сообщенныя ими племенныя имена далеко не покрывали всей восточно-славянской колонизаціи [2]). Поэтому нѣтъ причины связывать съ Подоньемъ какое-либо изъ сосѣднихъ, извѣстныхъ намъ племенъ.

§ 111. Вопросъ объ этнографическомъ составѣ поднѣпровскаго и заднѣпровскаго населенія. Выше, говоря о Дреговичахъ, остановился я на вопросѣ, принадлежали ли они къ сѣверо-западной, по теперешнему къ бѣлорусской, или къ южной—украинской группѣ племенъ, такъ какъ ихъ территорія раздѣляется въ настоящее время границей этихъ двухъ діалектическихъ группъ. Для средняго Поднѣпровья—территоріи Полянъ и Сѣверянъ подобныхъ основаній для сомнѣній нѣтъ: оно принадлежитъ въ настоящее время къ украинской территоріи и ничто не ука-

---

Артѣ Смоленскъ, такъ какъ въ Славіи видятъ обыкновенно Новгородъ. Вслѣдствіе тождества имени (Арта) нѣкогда видѣли въ ней и Мордву—Ерзь. Вестбергъ недавно заподозрилъ здѣсь ни болѣе ни менѣе, какъ Скандинавію, а Нидерле край Антовъ. Вообще въ этомъ вопросѣ трудно сказать что-либо опредѣленное.

[1]) Такое мнѣніе высказалъ Барсовъ (Географія нач. лѣтописи [2] стр. 149) и его приняли историки Сѣверской земли Багалѣй (ор. с., стр. 216 и слѣд.) и Голубовскій (Ист. сѣвер. стр. 3 и слѣд., въ позднѣйшей своей работѣ „Печенѣги" онъ уже не повторилъ этого), а впослѣдствіи и другіе изслѣдователи (напр. Шахматовъ, ор. с., стр. 11—2, Рожковъ, Обзоръ русской исторіи стр. 55).

[2]) Возможно, что имѣемъ здѣсь результаты комбинативной работы редакторовъ Повѣсти (слѣды каковой будемъ видѣть не разъ еще)—они старались отыскать мѣсто для извѣстныхъ племенныхъ названій и распредѣлить ихъ такъ, чтобы они покрыли по возможности территорію Русскаго государства.

зываетъ на то, что нѣкогда здѣсь обитала другая славянская народность. Однако въ научной литературѣ выражались именно такія мнѣнія и на нихъ необходимо остановиться.

Полныхъ пятьдесять лѣтъ дебатируется въ наукѣ вопросъ: была ли древняя колонизація средняго Поднѣпровья украинской или великорусской? Не находя въ старо-кіевскихъ памятникахъ характеристическихъ признаковъ украинскаго языка, нѣкоторые изслѣдователи предполагали, что древніе Поляне и остальное населеніе средняго Приднѣпровья принадлежали къ иной восточно-славянской группѣ („великорусской“ или „среднерусской“); это старое населеніе, дескать, эмигрировало потомъ на сѣверъ, спасаясь отъ татарскихъ погромовъ XIII—XIV в., а его мѣсто заняли въ XIV—XV в. насельники изъ Волыни и Галиціи, отъ которыхъ произошло современное украинское населеніе Приднѣпровья. Но эта гипотеза, представленная нѣкоторыми выдающимися учеными, совершенно несостоятельна [1]).

Прежде всего о массовой колонизаціи изъ средняго Приднѣпровья на сѣверъ въ XIII в. мы ничего не знаемъ, а priori она совершенно неправдоподобна и допускать ее нѣтъ никакихъ основаній. Южное населеніе въ предыдущихъ вѣкахъ успѣло свыкнуться съ степными бурями, и имѣя къ тому же у себя въ лѣсныхъ областяхъ собственныя убѣжища, не имѣло надобности бѣжать отъ татарскихъ погромовъ XIII в. на Волгу или въ области верхняго Днѣпра, куда велятъ ему итти защитники этихъ теорій. Равнымъ же образомъ ничего не извѣстно намъ о миграціи въ XIV—XV в. въ Приднѣпровье и Заднѣпровье западно-украинскаго населенія, и такая миграція также неправдоподобна. Мы видимъ, что до конца XVI ст., когда началось дѣйствительное движеніе населенія съ запада въ Поднѣпровье, вызванное совершенно новыми, соціально-экономическими причинами, въ опустошенныя поднѣпровскія пространства шли колонисты изъ Полѣсья, прежде всего украинскаго, т. е. возвращалось обратно населеніе, отступившее и укрывшееся въ лѣса—какъ это обыкновенно происходило въ моменты опасности. Вообще всѣ мнѣнія о радикальномъ запустѣніи Приднѣпровья въ XIII в. опираются на односторонне выбранныхъ и преувеличенныхъ,

---

[1]) О ней подробнѣе см. въ примѣчаніяхъ (6).

или же просто невѣрныхъ извѣстіяхъ[1]). Ввиду этого теорія замѣщенія стараго приднѣпровскаго населенія какимъ-либо новымъ въ XIV—XV вв. сама по себѣ не имѣетъ основанія.

Нѣтъ никакого основанія и для того, чтобы отдѣлять старую (X—XII вв.) колонизацію Приднѣпровья отъ западныхъ племенъ южной, украинской группы. Полянская земля, какъ мы видѣли, занимала только незначительную территорію при Днѣпрѣ, охваченную съ сѣвера и сѣверо-запада древлянской колонизаціей. Предположить, что этотъ полянскій уголокъ былъ чужеплеменнымъ, великорусскимъ клиномъ на правой сторонѣ Днѣпра, было бы совершенно невѣроятно: не менѣе трудно допустить, чтобы Древляне, будучи Великороссами, также эмигрировали на сѣверъ изъ своихъ лѣсныхъ пущъ и трущобъ, дававшихъ такую вѣрную защиту отъ кочевыхъ ордъ, а ихъ мѣсто также заняла новѣйшая колонизація. Въ древлянскомъ Полѣсьи мы имѣемъ безспорно старую колонизацію: Поляне должны были вмѣстѣ съ нею принадлежать къ южной, украинской группѣ. Слабая діалектическая окраска кіевскихъ памятниковъ объясняется прежде всего тѣмъ, что литературное движеніе, развивавшееся въ Кіевѣ, было не мѣстнымъ явленіемъ, а носило болѣе общій характеръ: въ немъ принимали участіе и мѣстные и пришлые люди, и здѣсь могъ выработаться своего рода общій языкъ, какъ греческая κοινή. Впрочемъ новѣйшія изслѣдованія все же обнаружили въ кіевскихъ памятникахъ, начиная съ XI в., рядъ діалектологическихъ признаковъ, которые, на ряду съ западнымъ, галицко-волынскимъ, характеризуютъ эти памятники какъ особую восточную украинскую группу.

Въ виду этого нѣкоторые защитники старой теоріи великорусской колонизаціи Приднѣпровья отказались отъ Полянъ, признавая въ нихъ племя южной группы, но за то заднѣпровскую колонизацію—Сѣверянъ и населеніе Подонья и Азовскаго побережья отдѣляютъ отъ южной группы, причисляя ихъ къ великорусской или среднерусской группѣ. Но это не болѣе, какъ послѣдняя дань старой теоріи. Сѣверяне все время находятся въ самой тѣсной культурной и политической связи съ Кіевомъ: погребальные обряды лѣваго и праваго береговъ Днѣпра обнару-

[1]) Объ этомъ въ т. III гл. 2.

живаютъ большое сходство[1]). Иные аргументы, какіе пытались выдвинуть, за отсутствіемъ памятниковъ языка, въ доказательство этнографическаго отличія лѣвобережной колонизаціи отъ правобережной, не имѣютъ значенія.

Предполагать, что сѣверское населеніе эмигрировало и его мѣсто заняло иное, затруднительно почти столь же, какъ это видѣли мы относительно Древлянъ,—настолько этотъ край въ сѣверныхъ своихъ частяхъ былъ хорошо защищенъ природою противъ степныхъ набѣговъ. Вплоть до XVI в. мы видимъ на его территоріи спеціальное мѣстное населеніе съ традиціею стараго имени—такъ называемыхъ Севруковъ; въ лѣсныхъ и болотистыхъ областяхъ средняго Подесенья имѣло оно всѣ шансы удержаться, хотя и смѣшавшись отчасти съ сосѣднимъ бѣлорусскимъ населеніемъ при колонизаціонныхъ приливахъ и отливахъ. Современная подесенская Сѣверщина имѣетъ сѣверно-украинскій діалектъ, съ архаичной окраской, аналогической съ діалектами кіевскаго Полѣсья, рѣзко отличающейся отъ посемскихъ и посульскихъ говоровъ, образованныхъ позднѣйшею колонизаціею. Въ отличіе отъ нихъ въ подесенскихъ говорахъ мы имѣемъ очевидные остатки стараго сѣверскаго діалекта, принадлежавшаго слѣдовательно къ южной группѣ. То обстоятельство, что сѣверная часть старой Сѣверской земли покрыта въ настоящее время бѣлорусскими діалектами[2]), не должно насъ смущать. Движеніе бѣлорусскаго населенія на югъ могло покрыть сѣверное пограничье[3]).

Такимъ образомъ нѣтъ основаній принимать, что древніе

---

[1]) См. Самоквасова, Сѣверянскіе курганы (Труды III съѣзда, т. I), Бобринскій, Курганы II, стр. 179, Еременка, Раскопки кургановъ Новозыбковскаго уѣзда (Труды отд. рус. и сл. археол., I), Сперанскаго, Раскопки кургановъ въ Рыльскомъ у. (Археологич. извѣстія, 1894).

[2]) Проф. Карскій теперешніе бѣлорусскіе діалекты обозначаетъ по Любечь, Городню и Новгородъ-Сѣверскъ—Бѣлоруссы I, этнографическая карта.

[3]) Хорошо иллюстрируютъ эти движеніе люстраціи правобережныхъ замковъ средины XVI в.—Чернобыля, Мозыря (въ Архивѣ Ю. З. Р. VI. I) (на лѣвобережьѣ свободному движенію препятствовала тогда граница, но и перепись Остра даетъ нѣкоторыя указанія въ этомъ же смыслѣ).

насельники Заднѣпровья не принадлежали къ той южной группѣ, изъ которой образовался современный украинскій народъ.

§ 112. Западныя земли. Древляне. Переходя къ западнымъ племенамъ южной группы, останавливаемся на непосредственныхъ сосѣдяхъ Полянъ на западѣ, Древлянахъ. „Повѣсть“ ничего не говоритъ о томъ, гдѣ они жили: для читателя-Кіевлянина это было слишкомъ знакомой вещью, поэтому „Повѣсть“ только поясняетъ происхожденіе названія: Древляне назывались такъ потому, „зане сѣдоша въ лѣсѣхъ“ [1]). Въ виду этого ихъ территорію приходится опредѣлить инымъ путемъ. Объ ихъ сѣверныхъ сосѣдяхъ—Дреговичахъ Повѣсть говоритъ, что они жили „между Припетью и Двиною“: слѣдовательно Припеть должна являться сѣверною границею Древлянъ. Археологическія раскопки (правда—весьма не систематическія) и сравненіе погребальныхъ обрядовъ по обоимъ берегамъ Припети приводили изслѣдователей къ заключенію, что „дреговичскій типъ“ (погребенія на поверхности земли) преобладаетъ на сѣверномъ берегу Припети и смѣшивается съ „древлянскимъ“ (погребеніемъ въ ямахъ) на южномъ берегу [2]); слѣдовательно и съ этой стороны указаніе Повѣсти, что болотистое побережье Припети раздѣляло Древлянъ и Дреговичей, находитъ нѣкоторое подтвержденіе, хотя и не особенно опрдѣленное, такъ какъ оба типа не разграничены рѣзко. На востокѣ, какъ было уже замѣчено, границей Древлянъ со стороны Полянъ можно принять порѣчье Ирпеня; на сѣверовостокѣ древлянскія поселенія могли достигать Днѣпра. О западной, юго-западной и южной границѣ можно говорить лишь очень гадательно. На западѣ споры между кіевскими и волынскими князьями за порѣчье Горыни, „Погорину“ [3]), наводятъ на мысль, что тутъ сталкивалась колонизація Древлянъ и Дулѣбовъ; но въ остаткахъ древней жизни рѣзкой этнографической границы здѣсь нельзя замѣ-

[1]) Ипат., стр. 3.

[2]) Статьи Завитневича въ Трудахъ Кіевской Академіи 1886, VIII, Чтеніяхъ кіевскаго историческаго общества т. IV и VI, Кіевской Старинѣ 1890, V. См. мою Исторію Кіевской земли, стр. 3—4 и А. Грушевскаго, Пинское Полѣсье I стр. 10—12, гдѣ указана и прочая литература.

[3]) О Погоринѣ см. мою Исторію Кіевской земли, стр. 14—6.

тить: раскопки могилъ, произведенныя въ новѣйшее время въ порѣчьяхъ Случи, Горыни и Стыра обнаружили большое сходство въ похоронныхъ обрядахъ и культурной обстановкѣ [1]). Возможно, что Древляне достигали порѣчья Горыни и даже Стыра; хотя эти порѣчья, особенно въ верхнихъ своихъ частяхъ, вѣроятно, въ сильной степени были покрыты населеніемъ болѣе южнымъ, прежде всего уличскимъ, съ X вѣка отступавшимъ сюда съ Побужья. На югѣ, судя по извѣстію Константина Порфиророднаго, что печенѣжскія кочевья приближались къ землямъ „Уличей, Древлянъ и Лучанъ“ [2]), можно предполагать, что первоначально древлянскія поселенія выступали за границу лѣсовъ и переходили въ бассейнъ верхняго Буга.

§ 113. Уличи; лѣтописная традиція о нихъ. Племя Уличей въ началѣ обитало на нижнемъ Днѣпрѣ. Объ этомъ говоритъ древнѣйшая редакція Начальной лѣтописи [3]), разсказывая о войнѣ съ ними Игоря: „и бѣша сѣдяще Улицѣ по Днѣпру вънизъ, и посемъ преидоша межи Богъ [4]) и Днѣстръ и сѣдоша тамо“. Хотя при этомъ не упомянуто, на какой сторонѣ Днѣпра сидѣли Уличи, но наиболѣе простое толкованіе текста говоритъ, что сидѣли они на той же правой сторонѣ, и ничто не заставляетъ отступать отъ такого толкованія. „Повѣсть врем. лѣтъ“ въ обоихъ изводахъ: южномъ (Ипатьевская и сходн.) и суздальскомъ (Лаврентьевская и сходн.) не имѣетъ этого эпизода. За то въ этнографическихъ обзорахъ она разсказываетъ о черноморской колонизаціи: „Улутичи Тиверци сѣдяху по Бугу и по Днѣпру и присѣдяху къ Дунаеви; и бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Бугу и по Днепру оли до моря“. Такъ въ кодексахъ южной группы [5]), въ

---

1) С. Гамченко, Раскопки въ бассейнѣ р. Случи, Е. Мельникъ Раскопки въ землѣ Лучанъ, В. Антоновичъ—Раскопки кургановъ въ Западной Волыни—все въ I т. Трудовъ XI археолог. съѣзда.

2) De admin. 37: τὸ δὲ θέμα Ἰαβδετρὶμ πλησιάζει τοῖς ὑποφόροις χωρίοις χώρας τῆς Ῥωσίας, τοῖς τε Οὐλτίνοις καί Δερβλενίνοις καί Λενζενίνοις καὶ τοῖς λοιποῖς Σκλάβοις.

3) Т. е. кодексъ Археографической комиссіи (XV в.) и Толстовскій (XVIII в.) 1 Новгородской лѣтописи, изд. 1888 г., кромѣ того позднѣйшіе сборники: 1 Соф., Воскр., Никон. и др.

4) Въ обоихъ кодексахъ Новгородской лѣтописи испорчено: бъ, бъи, правильное чтеніе отгадалъ Ламбинъ еще до ихъ изданія. 5) Ипат., стр. 7.

Лаврентьевской же взамѣнъ этого: „Улучи и Тиверци сѣдяху бо (читай: по Богу и) по Днѣстру. присѣдяху къ Дунаеви. бѣ множество ихъ сѣдяху по Днѣстру оли[1]) до моря“[2]). Такимъ образомъ среди различныхъ редакцій лѣтописи видимъ колебанія какъ въ самомъ имени (Уличи, Угличи. Улучи, Улутичи), такъ и въ опредѣленіи ихъ территоріи. На выясненіе этого обстоятельство потрачено много труда и о немъ имѣется цѣлая литература[3]).

Дѣло однако довольно ясно.

Въ вышеприведенномъ текстѣ Константина Багрянороднаго, гдѣ онъ перечисляетъ сосѣднія съ Печенѣгами племена, онъ идетъ съ востока на западъ и называетъ вслѣдъ за Русью (Кіевской, т. е. Полянами) Ульцевъ (Οὐλτίνοις). Древлянъ (Δερβλενίνοις) и Лучанъ (Λενζενίνοις). Ясно, что Οὐλτῖνοι—это Уличи: Лучане, Λενζενινοι, очевидно называются такъ отъ Луческа (теперешняго Луцка) (иною формою ихъ имени могло быть: Лучичи). Такимъ образомъ Константинъ отличаетъ Уличей и Лу-

---

¹) Въ Лавр. кодексѣ: „или“.

²) Такъ въ Лаврентьевскомъ кодексѣ; другіе кодексы суздальскаго извода имѣютъ весьма значительныя разночтенія, приближаясь къ южной версіи (южные кодексы не имѣютъ варіантовъ). Такъ, Троицкій кодексъ имѣетъ: „Лутичи“, и такая же самая поправка иной рукой есть въ Кенигсбергскомъ (Радзивиловскомъ); Кенигсбергскій и Академическій вмѣсто словъ „по Днѣстру присѣдяху... по Днѣстру“ имѣютъ „по Бугу и по Днѣпру“.

³) Изъ этой довольно обширной литературы назову лишь главнѣйшее: изъ ранней — Шафарика II, 28. 12 и Надеждина, О положеніи города Пересѣчна въ Запискахъ одесскаго историческаго об-ства т. I; изъ болѣе новой: Ламбина, Славяне на сѣверномъ Черноморьи—Журн. Мин. Нар. Пр, 1876, V и VI и рецензія Бычкова въ Отчетѣ о XIV присужденіи наградъ гр. Уварова; Барсова, ор. с.² гл. V; Дашкевича Замѣтки по исторіи литовско-русскаго госуд., стр. 65 и слѣд.; Молчановскаго, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ, стр. 17 и слѣд. Далѣе: Замѣтку Соболевскаго въ Чтеніяхъ кіевск. историч. общ. т. V, стр. 3—4; Партицкаго, Хто були і де мешкали Угличі—„Діло“, 1893, № 21, его же: Хто були руські толковини (ibid. № 16); Филевича, Исторія, стр. 290 и слѣд.; мое Барское староство, стр. 9—10; Шахматова ор. с., стр. 19—20; Веселовскаго, Изъ исторіи герман. и слав. передвиженія—Извѣстія отд. рус. яз. 1900, I, стр. 20; Маркварта, Streifzüge, стр. 189—195.

чичей-Лучан и одних помѣщает на восток от Древлян, других на запад.

Факт, что Константин знает по сосѣдству с Древлянами Ульцев-Уличей находит себѣ полное подтвержденіе в нашей лѣтописи. Особенно интересно, что южный и сѣверный изводы „Повѣсти", говоря в своих этнографических обзорах о Уличах-Улутичах, расходятся в их названіи; но одинаково и без всяких варіантов говорят о войнѣ Кіева с „Уличами". Всѣ редакціи лѣтописи сходятся в том, что были „Уличи", и что первые кіевскіе князья вели войны с „Уличами". Правда, в новгородских варіантах здѣсь существует еще колебаніе между „Уличами" и „Угличами", и в разных редакціях лѣтописи различные князья воюют с ними (Аскольд и Дир, Олег, Игорь), но ясно, что мы имѣем здѣсь варіанты одного имени Уличей, а Угличи явились как позднѣйшая этимологизація имени Уличей. К этому племени относится извѣстіе новгородской редакціи Повѣсти, что оно обитало по Днѣпру и позднѣе передвинулось в область между Бугом и Днѣстром [1]). Если в этнографических обзорах юж-

---

[1]) Обыкновенно при рѣшеніи этого вопроса старалась установить дѣйствительную форму названія племени и на основаніи ея опредѣлить территорію. Принимавшіе форму „Угличи", искали „угла" и находили его или в Ὄγγλος, Буджак, т. е. угол между Дунаем и морем (напр. Надеждин, Голубинскій, Партицкій, Филевич), или между Днѣпром и морем (Веселовскій) или в рѣках—Углѣ, теперешней Орели, на лѣвой сторонѣ Днѣпра (Шлецер, III с. 9, Партицкій), или Ингулѣ и Ингульцѣ, на правой (Ламбин). Принимавшіе форму „Улучи", искали „излучины" моря или рѣки, напр. Днѣпра (Филевич). При этом однако не обращали вниманія на невѣроятность такого названія—от „угла" или от географическаго изгиба, который мы, конечно, очень легко замѣчаем на картѣ, но который вовсе не выступает так опредѣленно в реальной конфигураціи территоріи. Ламбин, разсмотрѣв извѣстія о поселеніях Уличей около Днѣпра, не рѣшился свести к ним всѣх извѣстій о Уличах и варіантов их имени и высказал предположеніе об отдѣльности приднѣпровских „Угличей" (он держался этой формы) от западных Уличей, считая их впрочем за двѣ вѣтви одного племени. Это была слабая сторона его выводов. Соболевскій, сравнивая варіанты имен, призначал основною формой „Улучичи", и это названіе связал с Лучском. Но для этого ему пришлось отка-

наго и суздальскаго извода встрѣчаемъ Уличей-Улутичей, при чѣмъ ихъ поселенія указаны противорѣчиво, то это поясняется вѣроятно тѣмъ, что здѣсь смѣшаны восточные Уличи и западные Лучичи - Лучане (выступающіе у Константина подъ именемъ Λενζενινοι). Кромѣ близкаго сходства этихъ именъ смѣшать ихъ было тѣмъ легче, что Лучане, судя по извѣстію Константина, должны были выдвигаться довольно далеко на югъ, если были непосредственными сосѣдями Печенѣговъ. Эту путаницу увеличило передвиженіе Уличей. Суздальская редакція говорила о Уличахъ, что они жили на Днѣстрѣ послѣ переселенія, а новый редакторъ поправилъ это, имѣя въ виду прежнія поселенія Уличей на Днѣпрѣ, и измѣнилъ имя. Вѣдь все это писалось тогда, когда древнѣйшая колонизація Уличей была давно прошедшимъ, довольно туманно представлявшимся фактомъ.

Созвучіе именъ Уличей и Лучичей, Луческа, послужившее однoюизъ причинъ этого смѣшенія, наводило новѣйшихъ изслѣдователей на дѣйствительно соблазнительную мысль—связать имя Луческа съ Уличами (Улучами, Улучичами) [1]. Но въ такомъ случаѣ пришлось

заться отъ днѣпровскихъ Уличей. Измѣняя интерпункцію въ текстѣ лѣтописи, онъ читаетъ: „Къде ныне Велыняне а Улучичи. Тиверцы“... Такимъ образомъ, у него Улучичи становятся частью Дулѣбовъ, а извѣстіе о миграціи Уличей онъ отбрасываетъ совсѣмъ. Послѣ труда Ламбина это былъ рѣшительный и ничѣмъ не оправданный шагъ назадъ. При поправкѣ Соболевскаго, Тиверцы, согласно тексту южной редакціи, заняли бы всю область отъ Днѣпра до Дуная, а это совершенно невѣроятно. Соболевскій самъ справедливо призналъ, что различіе въ словахъ обѣихъ редакцій нельзя объяснить ошибкою писца: это сознательная поправка человѣка, который зналъ, что писалъ. Слова новгородской версіи о переходѣ Уличей и опредѣленіе ихъ территоріи въ южной версіи поддерживаютъ другъ друга, и признавая извѣстную противорѣчивость въ этомъ опредѣленіи, мы все же никакъ не можемъ устранять ни того ни другого указанія при опредѣленіи территоріи Уличей. Самый фактъ, что всѣ кодексы суздальской редакціи исправлены согласно съ поправкой редакціи южной, также можетъ имѣть свое значеніе: даже чтеніе Лавр. „сѣдяху бо по Днѣстру“, можетъ быть поправкою вмѣсто: „сѣдяху по Б҃ѕ Днѣстру“—по Богу и Днѣстру (такъ реставрируетъ, предполагаю—независимо отъ моей догадки въ 1 изд. Исторіи, это мѣсто и ак. Шахматовъ, l. c.).

[1]) Такое мнѣніе можна найти уже въ старой литературѣ—сравнить примѣчаніе (новое) на поляхъ Тверской лѣтописи (с. 23:

бы допустить, что эти Улучи по имени племени назвали свой городъ Луческомъ, а по имени города затѣмъ были названы Лучанами. Такого другого факта мы не сможемъ указать, и поэтому необходимо отказаться отъ этого объясненія—оно слишкомъ искусственно [1]). Лучане Константина Багрянороднаго—это очевидно уже политическое названіе, взятое отъ имени города, и при томъ названіе довольно стараго происхожденія, если было такъ хорошо извѣстно въ 40-хъ годахъ X в. Поэтому связывать его съ движеніемъ Уличей съ Днѣпра довольно рискованно, хотя можно предположить, что Уличи затѣмъ отступили между прочимъ и въ землю Лучанъ.

§ 114. Переселеніе Уличей. Повѣсть разсказываетъ о передвиженіи Уличей съ Днѣпра за Бугъ въ связи съ „примученьемъ" Уличей кіевскими дружинами: воевода князя Игоря Свенельдъ „примучилъ" ихъ и принудилъ платить дань: война тянулась нѣсколько лѣтъ (одна лишь осада Пересѣчна продолжалась три года) и окончилась, вѣроятно, незадолго передъ смертью Игоря (945). Слова лѣтописи о переходѣ неясны—перешли ли Уличи за Бугъ послѣ этой войны, или до нея и въ литературѣ относительно этого существуютъ различные взгляды. На лѣтописный порядокъ этихъ событій, записанныхъ сто лѣтъ спустя, вообще нельзя полагаться, и поэтому то или другое толкованіе лѣтописнаго разсказа не имѣетъ большого значенія. Но сравненіе лѣтописнаго разсказа съ упомянутымъ текстомъ Порфиророднаго о печенѣжскихъ сосѣдяхъ свидѣтельствовало бы, что тогда—еще до 40-хъ гг. X вѣка Уличи оставили уже Днѣпровское побережье. Печенѣги у Порфиророднаго находятся на правомъ берегѣ Днѣпра по сосѣдству прежде всего съ Русью—Полянами, значитъ,

---

„отъ нихъ долженъ называться Луцкъ") или интересный, но недостовѣрный варіантъ „Россійской лѣтописи по Софѣйскому списку" (1795 г., очень небрежное изданіе): „Лучанѣ" (ср. Шлецера, I с. 212). Но въ научный оборотъ вошло оно со статьей Соболевскаго. См. еще во 2 изд.

[1]) Поэтому и говорить о племени Лучанъ—какъ говорятъ теперь иногда изслѣдователи (напр. цитированное изслѣдованіе Е. Мельникъ-Антоновичъ), собственно нельзя—это едва ли племенное названіе.

полянскія поселенія уже были открыты съ юга, и Уличи отодвинулись отсюда. Они держались еще гдѣ то далѣе на западъ, между полянскими поселеніями (которыя по Днѣпру могли выдвигаться далѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было) и поселеніями древлянскими. Движеніе Уличей началось уже тогда.

Произошло ли это переселеніе передъ походомъ Свенельда (принимая во вниманіе извѣстіе Порфиророднаго, я считалъ бы это болѣе вѣроятнымъ)[1]), или послѣ него, во всякомъ случаѣ главною причиною его не можемъ считать что либо иное, кромѣ натиска Печенѣговъ: одни лишь примучиванія кіевскихъ князей не сдвинули бы Уличей съ насиженныхъ мѣстъ и не понудили бы искать новыхъ поселеній въ заполненныхъ уже инымъ населеніемъ областяхъ, какъ не сдвинули другія племена, испытавшія на себѣ тяготу этого государственнаго процесса. Это ясно, и хронологически, въ первой половинѣ X в., переселеніе совпадаетъ съ тѣмъ моментомъ, когда черноморское населеніе дѣйствительно должно было отступать къ сѣверу. Соотвѣтственно этому мы должны представлять себѣ направленіе миграціи Уличей не просто западнымъ, но болѣе сѣверо-западнымъ—изъ областей нижняго Днѣпра и Бога въ области средняго и верхняго Бога и средняго Днѣстра. Входили ли они при этомъ въ чужую территорію, заселенную другими племенами, или отступили въ болѣе безопасныя части своей собственной территоріи, трудно сказать. Степная, черноморская колонизація имѣла всѣ шансы отличаться большой экстенсивностью: здѣсь, на колонизаціонной периферіи, наши племена могли заселять громадныя пространства, но изрѣдка, не плотно, и затѣмъ, подъ натискомъ кочевыхъ ордъ должны были стягиваться въ болѣе безопасныхъ частяхъ своей территоріи.

Такимъ образомъ, резюмируя все вышесказанное, признаемъ наиболѣе вѣроятнымъ, что Угличи первоначально обитали на правомъ берегу нижняго Днѣпра: переходили ли они на лѣвый берегъ Днѣпра, или за Днѣпромъ жило другое племя—неизвѣстно.

---

[1]) Передвиженіе одного изъ русскихъ племенъ съ Днѣпра на сосѣдній Днѣстръ не было очень громкимъ событіемъ, поэтому едва ли оно могла въ продолженіе какихъ нибудь 2—3 годовъ дойти до свѣдѣнія Порфиророднаго. Извѣстія его о печенѣжскихъ кочевищахъ и русскомъ пограничьѣ указываютъ на хорошій источникъ, и заслуживаютъ особеннаго вниманія.

На сѣверѣ Уличи встрѣчались съ Полянами. На югѣ, вѣроятно, достигали моря, пока не вытѣснили ихъ Печенѣги. Объ этомъ опредѣленно говоритъ суздальская редакція, и хотя здѣсь имѣемъ поправку, но поправку сознательную: если новый редакторъ оставилъ „оли до моря", измѣнивъ имена рѣкъ, то, очевидно, исходилъ изъ убѣжденія, или изъ традиціи, что славянскія (уличскія) поселенія доходили до моря и здѣсь. На западѣ уличскія поселенія доходили до Ю. Буга, а можетъ быть переходили и на правый его берегъ. Въ X в., уступая главнымъ образомъ натиску Печенѣговъ, они передвинулись въ области средняго и верхняго Буга и Днѣстра[1]).

§ 115. Тиверцы. Установивъ такимъ образомъ область разселенія Уличей, область у моря между Днѣстромъ и Дунаемъ получаемъ для Тиверцевъ; они же сидѣли по Днѣстру. Сколько нибудь точнѣе опредѣлить ихъ границъ съ сосѣдними племенами мы не можемъ, можно сказать только, что если Уличей съ Тиверцами суздальская редакція помѣщаетъ на Днѣстрѣ, то для Тиверцевъ главнымъ образомъ остается область на правомъ берегу Днѣстра. Повѣсть (особенно важенъ здѣсь ея суздальскій изводъ) опредѣленно говоритъ, что поселенія Тиверцевъ когда то доходили до самого моря и Дуная, и что населеніе здѣсь было тогда очень значительно („бѣ множество ихъ"). На сѣверномъ берегу Дуная Тиверцы при своемъ разселеніи могли встрѣчаться съ остатками „Словенъ", не перешедшими въ Мизію. На сѣверозападѣ ихъ колонизація могла переходить въ горныя области Карпатъ. На верхнемъ Днѣстрѣ она должна была встрѣчаться съ разселеніемъ Дулѣбовъ. Мѣстечко Тивровъ на Бугѣ (Винницкаго у.)—единственное поселеніе, могущее своимъ именемъ указывать на Тиверцевъ,—давало поводъ расширять ихъ территорію и на средній Бугъ[2]), но разумѣется одного лишь имени поселенія для этого недостаточно. Относительно племенного имени высказывали догадки, что оно стоитъ въ связи съ античнымъ

---

[1]) Какъ на слѣды этой миграціи указываютъ на нѣсколько названій въ Галиціи: Уличъ около Стрыя и другой около Любачева, Уличъ на Санѣ, и Уличъ въ бассейнѣ Уга (Ung).

[2]) Барсовъ[2] с. 96.

именемъ Днѣстра—Τύρας[1]): среди другихъ славянскихъ племенъ оно, дѣйствительно, не имѣетъ параллелей[2]).

§ 116. Дулѣбы. Къ западу отъ Древлянъ жили Дулѣбы. „Дулѣбы же живяху по Бугу, кде нынѣ Волыняне", „Бужане зань сѣдять по Бугу, послѣ же Волыняне", говоритъ о нихъ Повѣсть[3]), поясняя этими словами не только территорію разселенія, но и перемѣны имени. Хотя нѣкоторые изслѣдователи еще до сихъ поръ хотятъ видѣть въ Дулѣбахъ, Бужанахъ, Волынянахъ отдѣльныя племена, смѣшавшіяся на этой территоріи[4]), но съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Само по себѣ очень неправдоподобно предположеніе, что одно племя вытѣснялось другимъ въ такой поздней стадіи осѣдлой колонизаціи, какъ VIII—IX вѣка, и въ такой далекой отъ колониза-

---

[1]) Съ этимъ именемъ также сходно названіе Днѣстра у Абульфеды—Турлу (Thourlou) и Τρούλλος Константина Багрянороднаго De adm. 38; Голубовскій объяснялъ это изъ половецкаго turlu=variatus (Печенѣги, с. 202), но можно предполагать здѣсь и отголосокъ античнаго названія.

[2]) Иловайскій Разысканія[2] с. 286, а затѣмъ Филевичъ въ своей Исторіи древней Руси (с. 302—3) исключали Тиверцевъ изъ числа племенныхъ именъ, считая это имя книжнымъ отзвукомъ античной традиціи—передѣлкой имени Тирагетовъ, Тавроскиѳовъ. Но никому не удалось ни подобрать подобнаго античнаго имени, ни объяснить, почему лѣтописцу захотѣлось соединить эту традицію съ частью Уличей въ качествѣ отдѣльнаго племени. Неправдоподобна также догадка, что Тиверцы это Βερβιανοί (или Τερβερβιανοί, какъ читаетъ Шафарикъ) Константина и Attorozi баварскаго географа—Шафарикъ II. 82. 13, или новѣйшія отождествленія, данныя, права, въ очень осторожной формѣ. Веселовскимъ (op. c.c. 20)—Тиверцевъ съ Таврисками Страбона, а Уличей съ Ангискирами Іордана. Маркавртъ (l. c.) усматриваетъ Тиверцевъ въ „Туръсы" житія св. Кирилла, гдѣ перечисляются народы славляющіе христіанскаго Бога на своемъ языкѣ (по изд. Миклошича с. 227), а даже въ „Тршкинъ" и „Анклія" Аль-Бекри предполагалъ Уличей и Тиверцевъ, однако потомъ взялъ назадъ эту догадку (с. 510).

[3]) Ипат. с. 6, 7.

[4]) Такой взглядъ защищалъ еще не такъ давно ак. Шахматовъ въ цитированной статьѣ (Къ вопросу объ образ. рус. нар. с. 19); объ этомъ въ моей статьѣ: Спірні питання старoруської етноґрафії.

ціонныхъ пертурбацій территоріи, какъ Побужье. Затѣмъ имя Волынянъ, очевидно, названіе политическое, взятое отъ города, а не племенное имя. Слова Повѣсти, что Бужане сѣдятъ и до сихъ поръ на Бугѣ, подтверждаютъ, что рѣчь идетъ здѣсь о перемѣнѣ имени, а не племени[1]). Мы имѣемъ здѣсь исторію замѣны стараго племенного названія позднѣйшими, политическими названіями. Такія политическія названія очень многочисленны на этой территоріи, и это указываетъ на большое развитіе здѣсь городского быта общественной жизни.

Имя Дулѣбовъ—старое праславянское имя, имѣющее параллели въ хорутанскихъ Дудлѣбахъ, въ чешскихъ и моравскихъ Дулѣбахъ. Очевидно, оно было первоначальнымъ и потому выступаетъ въ разсказѣ Повѣсти объ Обрахъ-Аварахъ, примучившихъ нѣкогда этихъ Дулѣбовъ. Въ XI в. это имя уже вышло изъ употребленія: его смѣнили позднѣйшія названія Бужанъ, Волынянъ, Червянъ. Имя Волынянъ въ концѣ XI в. было, очевидно, наиболѣе принятымъ, и редакторъ „Повѣсти“, встрѣтивъ названіе Дулѣбовъ и Бужанъ, пояснилъ его современнымъ названіемъ Волынянъ. Значеніе дулѣбскаго имени неясно; въ нѣкоторыхъ славянскихъ діалектахъ оно означаетъ теперь глупаго человѣка (рос. дулебъ, болг. дулупъ[2]); такой переходъ племеннаго имени въ нарицательное самъ по себѣ возможенъ (какъ и явленіе обратное), но остается неяснымъ, стоитъ ли въ какой либо связи это слово съ историческими Дулѣбами.

Имя Бужанъ Повѣсть выводитъ отъ р. Буга. Само по себѣ вполнѣ возможно, что племя, называвшееся на прародинѣ Дулѣбами, на новыхъ поселеніяхъ по имени рѣки было прозвано Бужанами. Но тотъ фактъ, что въ преданіи объ Обрахъ Дулѣбы выступаютъ подъ этимъ именемъ уже по разселеніи, и то обстоятельство что мы знаемъ на ихъ территоріи городъ Бужскъ (теперешній Буськ въ Галиціи)—дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ, что имя Бужанъ произошло не отъ Буга, а отъ города Бужска, какъ поли-

---

[1]) Въ такомъ смыслѣ дополняли фразу о Бужанахъ и нѣкоторые позднѣйшіе переписчики—см. напр. лѣтописецъ Переяслава Суздальскаго или Тверскую лѣтопись.

[2]) Первольфъ Slavische Völkernamen, Archiv VIII с. 10. Болгарское „дулупъ“ приводили въ связь съ античными Долопами.

тическаго центра [1]). Названіе Бужанъ, вѣроятно, имѣло такой же политическій характеръ, какъ и другое названіе—Волынянъ [2]).

Названіе Волынянъ Повѣсть приводитъ какъ современное, значитъ—оно было распространено во второй половинѣ XI в. Дѣйствительно, хотя въ разсказѣ лѣтописи о событіяхъ того времени имя Волынянъ не встрѣчается, зато имѣемъ названіе области, „Волынь“ (подъ 1077 г.) [3]). Происхожденіе его угадалъ уже Длугошъ (а можетъ быть нашелъ это объясненіе въ свѣжей еще традиціи или въ своихъ источникахъ): Волынская земля, говоритъ онъ, прозвалась отъ Волыня, замка, нѣкогда стоявшаго на устьѣ Гучвы въ Бугъ [4]). Дѣйствительно, въ разсказѣ о событіяхъ начала XI в. (подъ 1018 г.) встрѣчается городъ Волынь или Велынь, на Бугѣ: онъ, очевидно, былъ политическимъ центромъ области, но въ болѣе раннее время, такъ какъ въ концѣ X в. такимъ центромъ сталъ новооснованный Владиміръ, и городъ Волынь послѣ этого потерялъ свое былое значеніе. Къ какому же времени относится его значеніе какъ центры земли? На это могло бы дать отвѣтъ извѣстіе Масуди, если бы мы его могли съ полною увѣренностью отнести къ нашимъ Волынянамъ. Масуди упоминаетъ племя Валинана [5]), которое „въ древнее время“ имѣло власть надъ другими славянскими народами, но затѣмъ это государство распалось [6]). При всѣхъ затрудненіяхъ, связанныхъ съ этимъ извѣстіемъ, остается наиболѣе вѣроятнымъ, что оно относится къ Волынянамъ, и въ такомъ случаѣ гегемонія Волыня приходилась бы на IX вѣкъ.

---

[1]) Это предположеніе высказалъ Барсовъ [2] с. 101, противъ него Андріяшевъ ор. с. с. 7.

[2]) Это не единственный случай, гдѣ Повѣсть вмѣсто города производитъ названіе населенія отъ рѣки—таковъ же выводъ Полочанъ отъ р. Полоты.

[3]) Ипат. с. 140.

[4]) Hist. Polonica 1. I (изд. Пшездзецкаго, с. 22). При устьѣ Гучвы въ Бугъ дѣйствительно есть городище, которое со времени Ходаковскаго и считается мѣстомъ Волыня.

[5]) Варіанты: Вальмана Вальяна, Валіамана, Влинбаба.

[6]) Гаркави Изв. мусульм. пис. с. 135 и 137. За Масуди повторилъ это Ибрагимъ ибнъ Якубъ—Аль-Бекри изд. Розена с. 46. Нѣкоторые видѣли въ этой Валинанѣ балтійскій Велынь-Юлинъ, но тамъ неизвѣстны князья. См. новѣйшія работы по этому вопросу—Вестберга Комментарій на записку ибнъ Якуба, 1903 с. 60, Маркварта Streifzüge с.

§ 117. Политическое дѣленіе дулѣбской территоріи. Мы имѣемъ такимъ образомъ нѣсколько позднѣйшихъ политическихъ именъ на территоріи Дулѣбовъ. Кромѣ приведенныхъ уже можемъ указать еще одно аналогичное названіе на этой территоріи хотя въ иной формѣ—это Червенскіе города, „грады Червенскыя[1]). Такъ въ началѣ XI в. называются города по сосѣдству съ Червенемъ (теперь дер. Чермно, къ югу отъ Грубешова). По аналогіи съ Волынянами, Бужанами, Лучанами населеніе этой Червенской области могло называться, и навѣрно называлось Червянами. Существуетъ предположеніе, что это названіе оставило свой слѣдъ въ имени Червонной Руси, Russia Rubra. Но посредствующихъ звеньевъ для исторіи этого имени у насъ не достаетъ и по сей часъ.

Что касается Лучанъ, какъ я уже сказалъ, мы не можемъ сказать съ увѣренностью, была ли это дулѣбская территорія или уже какая нибудь другая. Вполнѣ возможно, что и здѣсь жили Дулѣбы, но могло быть и такъ, что эта территорія только позднѣе вышла въ политическій круговоротъ старой дулѣбской земли[2]).

Во всякомъ случаѣ, даже оставляя въ сторонѣ Лучанъ, мы встрѣчаемъ на территоріи Дулѣбовъ рядъ политическихъ названій, происшедшихъ отъ имени городовъ и замѣнившихъ древнее, племенное названіе Волынянъ. Вопросъ только въ томъ, были ли это общія названія для всей дулѣбской земли, слѣдовавшія одно за другимъ, или это были частныя имена, названія извѣстныхъ частей дулѣбской территоріи, группировавшихся около отдѣльныхъ городовъ и существовавшихъ одновременно, наряду съ другими. Болѣе всего вѣроятія относительно общаго характера имени Волынянъ, судя по названію Волыни, уже во второй половинѣ XI в. охватывавшему все Владимірское княжество,

---

[1]) Ипат. с. 101, 105.

[2]) Изъ того же факта, что Луцкъ позже входилъ въ составъ Волыни, очевидно, исходилъ и Длугошъ, когда писалъ (Hist. Polonica, изд. Пшездецкаго, I с. 62): Dulebyanie a duce eorum Dulyeba vocitabantur, qui postea Wolhanye (вмѣсто Wolhynyanye) sunt et nunc Luczanye appellati. Эти слова Длугоша указываютъ, я думаю, на то время, когда Луцкъ сталъ политическимъ центромъ Волыни, что и было въ дѣйствительности въ XIV—XV вѣкахъ. Поэтому нельзя съ увѣренностью считать это извѣстіе отголоскомъ какой либо старой традиціи.

включавшее и старый Волынь, и Червень и Бужскъ, и центръ Лучанъ Луцкъ. Но и здѣсь могло имѣть мѣсто перенесеніе названія съ части на цѣлое: только въ томъ случаѣ, если бы можно было быть совершенно увѣреннымъ, что извѣстіе Масуди относится именно къ Волыни, мы могли бы съ увѣренностью придать этому названію болѣе широкое значеніе. Волынское государство могло бы въ такомъ случаѣ выходить даже за предѣлы дулѣбскаго племени, хотя это не исключало бы болѣе узкаго значенія Волыня, какъ центра всѣхъ Дулѣбовъ или части ихъ. Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что во всѣхъ этихъ названіяхъ мы имѣемъ имена первоначально болѣе мелкихъ городскихъ округовъ, иногда существовавшія одновременно. Напр. названіе Бужанъ могло относиться къ юго-западной части дулѣбской земли, т. е. бассейну верхняго Буга, а названіе Волынянъ къ сѣверной части—бассейну средняго и нижняго Буга. Устье Гучвы (Волынь), Чермно и Владиміръ находятся такъ близко одинъ около другого, что въ своей роли политическихъ центровъ эти города могли выступать только одинъ за другимъ, вѣроятно въ томъ порядкѣ, какъ я здѣсь привелъ эти имена: прежде всего Волынь, затѣмъ Чермно, наконецъ Владиміръ. Временами Волынь, а можетъ быть и Бужскъ, могли имѣть и большее значеніе, становясь центромъ всѣхъ Дулѣбовъ, и даже еще большихъ территорій, но мы не располагаемъ вполнѣ достовѣрными указаніями въ этомъ смыслѣ. Не подлежитъ сомнѣнію мѣстное значеніе имени Лучанъ, но мы не знаемъ навѣрное, была ли это дулѣбская территорія.

Для опредѣленія этнографическихъ границъ Дулѣбовъ мы вообще имѣемъ очень мало свѣдѣній. Лѣтопись говоритъ только, что это былъ бассейнъ Буга, очевидно западнаго, вислянскаго[1]). На юго-западѣ, въ бассейнѣ Стыри находилась территорія Лучанъ —неопредѣлимая въ своей этнографическомъ составѣ. На сѣверѣ, на среднемъ Побужьѣ Берестейская волость колебалась въ XI—XII в. между Кіевомъ и Владиміромъ и вообще не была

[1]) Барсовъ[2] с. 102 полагалъ, что эта территорія занимала „верховья обоихъ Буговъ“, Шахматовъ (с. 19)—что они находилась около Ю. Буга. О Ю. Бугѣ нельзя думать, принимая во вниманіе положеніе Волыня, отъ котораго получили имя Волыняне; допускать территорію на Ю. Бугѣ и Зап. Бугѣ одновременно—совершенно произвольная догадка.

прочно связана съ остальною Волынью; ея обособленность можна объяснять и этнографическими и политическими причинами. Наконецъ на западѣ—мы наталкиваемся на трудный вопросъ о западной колонизаціи вообще и ея племенномъ имени спеціально, требующіе болѣе обстоятельнаго изложенія.

§ 118. Хорваты. Обыкновенно принимается, что на западъ за Дулѣбами жило восточно-славянское племя Хорватовъ. Этотъ взглядъ опирается на извѣстіяхъ Константина Порфиророднаго о Бѣлой Хорватіи[1]), и на упоминаніи „Повѣсти“, среди восточно-славянскихъ племенъ помѣщающей и Хорватовъ[2]). Но упоминаніе Повѣсти очень похоже на интерполяцію: эта лѣтописная статья собираетъ вмѣстѣ названныя ранѣе племена, говоря, что они „живяху въ мирѣ“, и къ этому реестру уже упомянутыхъ племенъ приписаны Хорваты, о которыхъ передъ этимъ не говорилось[3]). Это похоже на приписку позднѣйшаго редактора, который началъ съ этой фразы составлять каталогъ русскихъ племенъ и между прочимъ приписалъ и Хорватовъ, найдя извѣстіе о нихъ въ дальнѣйшей части (подъ 993 г.). Ни здѣсь, ни въ какомъ либо другомъ мѣстѣ лѣтопись ничего не говоритъ, гдѣ жили эти Хорваты, и нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ указаній на хорватское племя, хорватскую территорію въ предѣлахъ восточно-славянскаго разселенія. И хотя были попытки при помощи различныхъ наведеній опредѣлить территорію этихъ Хорватовъ[4]), однако сколько

---

[1]) De adm. 13, 30, 31. [2]) Ипат. с. 7.

[3]) Эта лѣтописная статья находится въ связи съ предыдущимъ перечисленіемъ „славянскаго языка въ Руси“ (с. 6); фраза „и живяху въ мирѣ“ служила переходомъ къ дальнѣйшей статьѣ: „Имѣяхуть бо обычая своя“. Сначала она вѣроятно имѣла такой видъ: „и живяху въ мирѣ Поляне, и Древляне, и Сѣверо, и Радимичи, и Вятичи, и Дулѣби“—какъ разъ тѣ народы, о которыхъ говорилось передъ тѣмъ и ниже. Хорваты, Уличи и Тиверцы—это дополненіе позднѣйшей руки (такія дополненія позднѣйшіе переписчики дѣлали и потомъ—ср. варіанты позднѣйшихъ компиляцій). Таково и объясненіе о Дулѣбахъ. Разница въ томъ, что относительно Хорватовъ редакторъ не могъ дать никакого объясненія, такъ какъ имѣлъ одно голое имя въ разсказѣ о Владимірѣ, гдѣ, можетъ быть, рѣчь идетъ даже вовсе не о русскихъ Хорватахъ.

[4]) Напр. Барсовъ [2] с. 95 разсуждаетъ такимъ образомъ: имя Хорватовъ показываетъ, что они жили по склонамъ Карпатъ, которые

нибудь прочной опоры всѣ эти попытки не имѣютъ. Никакого народа, называвшаго себя Хорватами, мы на этой территоріи не знаемъ, и единственнымъ указаніемъ на существованіе гдѣ то въ прикарпатскихъ краяхъ хорватской територіи остается разсказъ Константина Порфиророднаго [1]).

§ 119. Бѣлая Хорватія и восточно-славянскіе Хорваты. Константинъ разсказываетъ, что южные Хорваты и Сербы вышли изъ Бѣлой Хорватіи и Бѣлой Сербіи и помѣщаетъ эти „бѣлыя" области между Баваріей и Венгріей, по сосѣдству съ Германіей [2]). Весьма вѣроятно, что въ этомъ обозначеніи Константинъ исходилъ изъ свѣдѣній о полабскихъ Сербахъ, ошибочно принявъ ихъ за одноплеменниковъ южныхъ Сербовъ. Что каса-

---

яко бы и теперь называются Горбами (Хръби, Хрипы); далѣе на хорватскую колонизацію, по его мнѣнію, указываютъ хорографическія названія отъ верховья Вислока, Бѣлой и Сяна до Тиссы съ ея притоками Бодрогомъ, Самошемъ и Красною на югъ, до Днѣстра на востокъ, а на сѣверъ до Вислы. Однако приведенныя Барсовымъ названія по большей части не имѣютъ ничего общаго съ Хорватами; что же касается связи имени Хорватовъ съ Горбами-Карпатами, то это предположеніе Шафарика (I, 10. 10) давно отвергнуто филологами —см. Гротъ Извѣстія с. 88, Geitler въ Rad Jugoslav. Ak. XXXIV, Первольфъ въ Archiv, VII, 626, Соболевскій въ Чтеніяхъ кіевск. VI с. 3, Погодинъ с. 88 и др., хотя его и пытались подновить (напр. Веселовскій ор. с. 14). Нѣсколько названій въ карпатскихъ областяхъ которыя могутъ дѣйствительно происходить отъ слова Хорватъ (всего около четырехъ—Барсовъ l. с., Пичъ въ Sitzungsberichte der Böhm. Gesellschaft der Wis. 1888, с. 246), никакъ не могутъ послужить за основаніе для выводовъ, что здѣсь была хорватская территорія.

[1]) Соображенія о мѣстоположеніи Бѣлой Хорватіи и Бѣлой Сербіи на основаніи разсказа Константина были высказаны Шафарикомъ (II § 31), критика ихъ у Рачки: Biela Chrvatska i biela Srbija и въ полемикѣ его съ Гротомъ, представителемъ традиціоннаго взгляда (Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербахъ и Хорватахъ, 1880)—Rad jugoslovanske Akademije, т. LII и LIX. Болѣе новыя работы Крека [2] с. 324—6, статьи Ягича и В. Обляка въ Archiv fur slavische Philologie т. XVII и XVIII, Вестберга Комментарій на записку Ибрагима ибнъ-Якуба, гл. 12, Маркварта Streitzüge гл. 6. Исторія вопроса и болѣе подробная библіографія у Нидерле II гл. 5.

[2]) De adm. гл. 30—33.

ется Хорватовъ, то намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ хорватское племя, сидѣвшее гдѣ то между Эльбою и Одеромъ [1]). Комбинируя извѣстіе о русскихъ Хорватахъ (точнѣе—догадки о ихъ территоріи) и упоминанія Константина, что на Бѣлыхъ Хорватовъ нападаютъ Печенѣги, представляютъ себѣ Бѣлую Хорватію, тянувшеюся по карпатскому предгорью отъ бассейна Эльбы къ верхнему Днѣстру (или—какъ принимаютъ другіе—въ сѣверной Венгріи, на южномъ склонѣ Карпатъ). Но изъ этихъ комбинацій въ концѣ концовъ получается удивительный выводъ, что на этомъ пространствѣ находилось рядомъ три одноименныхъ хорватскихъ племени, принадлежавшихъ къ тремъ отдѣльнымъ группамъ—чешской, польской и русской, а присоединивъ еще сюда южныхъ Хорватовъ, эмигрировавшихъ отсюда, получаемъ какой то мистическій хорватскій микрокосмъ, въ который входили народы всевозможныхъ славянскихъ вѣтвей [2]).

Въ дѣйствительности обозначеніе сѣверной, Бѣлой Хорватіи у Константина (и не у него одного) могло опираться просто на созвучности имени Карпатъ и Хорватовъ [3]). Если же допустить, что въ основѣ его представленій о Бѣлой Хорватіи лежитъ какая то реальная связь съ именемъ Хорватовъ, то допустимы два предположенія. Возможно, что въ X в. въ прикарпатскихъ краяхъ „Хорватія“ была географическимъ названіемъ, какъ память по древ-

---

[1]) Имѣю въ виду извѣстную грамоту (поддѣльную) пражской каѳедры (см. гл. VI); имена народовъ въ ней несомнѣнно не выдуманы.

[2]) Къ такому удивительному выводу долженъ былъ прійти пок. Рачки въ своемъ вообще серьезномъ и критическомъ изслѣдованіи Biela Hrvtska i Biela Srbija; причиною было то, что не смотря на весь свой скептицизмъ относительно извѣстій Константина, онъ не освободился вполнѣ, отъ вліяній популярной гипотезы Шафарика о Великой Хорватіи, простиравшейся отъ чешскихъ горъ до средняго Днѣстра. Не смотря на всѣ успѣхи историческихъ изученій, такой выводъ поддерживаетъ in optima forma и послѣдній выпускъ Sl. Starožitnosti Нидерле (272, 279).

[3]) Особенно въ старонѣмецкой (сѣверной) формѣ: Harfadha, Harfadha fjöll Герварарсаги (одни объясняютъ это имя какъ „Карпатскія“, другіе—какъ „Хорватскія горы“). Если бы можно было быть увѣреннымъ, что эта форма была извѣстна на югѣ, она могла бы очень просто объяснить Константинову теорію сѣверной Хорватіи.

нихъ (южныхъ) Хорватахъ обитавшихъ здѣсь передъ своею миграціею на югъ, и хорватское имя переносилось позднѣе сосѣдями на разноплеменные и разноименные народы, жившіе на этой территоріи, подобно тому какъ названіе кельтскихъ Боевъ, сохранившись за территоріею, перешло на германскихъ Боюваріевъ и Чеховъ-„Богемовъ", или какъ имя Скиѳіи переходило на ея позднѣйшихъ поселенцевъ. Само по себѣ это названіе въ такомъ случаѣ не имѣло бы никакого этнографическаго, а лишь топическое значеніе[1]). Другое возможное предположеніе—что Константинъ въ своемъ разсказѣ о хорватскомъ переселеніи исходилъ изъ факта, что въ прикарпатскихъ краяхъ въ его время жили какіе то Хорваты.

Нужно сказать, что вся Константинова исторія о переселеніи Хорватовъ изъ Прикарпатскихъ областей вообще очень мало достовѣрна и очень трудно класть ее въ основу какихъ нибудь выводовъ. Поэтому никакъ нельзя полагаться на его слова и относительно прикарпатской Хорватіи, и предположеніе, что прикарпатскія области дѣйствительно носили общее названіе Хорватіи, насколько оно опирается на Константинѣ, остается очень шаткимъ. Что касается второго предположенія,—что Константинъ слышалъ о какихъ то Хорватахъ на сѣверѣ,—то тутъ сейчасъ же возникаетъ вопросъ, какіе же Хорваты достовѣрно извѣстны намъ въ этихъ областяхъ? Изъ другихъ источниковъ извѣстны намъ положитель-

---

[1]) Этотъ взглядъ относительно русскихъ Хорватовъ остроумно развилъ пок. Крыжановскій въ своемъ изслѣдованіи „Забужная Русь" (Собраніе сочиненій, II, 1890, с. 342 и слѣд.) и въ концѣ концовъ къ этому же взгляду, что это имя имѣетъ „топическое", географическое значеніе пришелъ недавно, послѣ всякихъ гаданій и Марквартъ (с. XXXIX). Что названіе Хорватіи въ отношеніи къ привислянскимъ областямъ имѣетъ только историческое, вполнѣ условное значеніе, признавалъ и Т. Войцеховскій въ своей книгѣ, носящей это названіе (Chrobacya с. 2—3), а К. Потканьскій въ своемъ изслѣдованіи Kraków przed Piastami (Rozprawy wydz. hist. phil. т. XXXV) совершенно отвергъ этихъ условныхъ польскихъ Хорватовъ (ср. его Lachowie с. 208). Кланчъ и Косъ подъ Бѣлыми (свободными, независимыми) Хорватами подразумѣваютъ государство Само. Вестбергъ также видитъ Бѣлую Хорватію въ ческо-словацкихъ областяхъ, зато Бѣлую Сербію переноситъ въ Галицію, кажется принимая во вниманіе Βόϊκι. Марквартъ возвращается къ Хорватіи на Вислѣ и т. д.

но только Хорваты между Эльбою и Одеромъ, и собственно говоря, извѣстіе Константина о Бѣлой Хорватіи и всѣ остальныя, какія собраны до сего времени [1])—всѣ могутъ быть отнесены къ этой западной Хорватіи, и о какой либо восточной Хорватіи въ нихъ ничто не говоритъ. Указаніе на восточное положеніе Хорватіи видѣли въ упоминаніи Константина, что на Хорватію нападаютъ Печенѣги; но Печенѣги, упомянутые у Константина, могли навѣдываться и къ западнымъ Хорватамъ, навѣщая сосѣднихъ Венгровъ, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго (ср. нападенія Печенѣговъ и Половцевъ на Венгрію въ XI в.). Вторая подробность въ разсказѣ Константина, которая считалась указаніемъ на восточные Карпаты—это упомянутое у него „мѣсто, называемое Βοΐκι“, на пограничьи Бѣлыхъ Сербовъ; въ немъ долго видѣли, и до сихъ поръ еще частенько усматриваютъ Галицкихъ Бойковъ [2]). Но это очень мало вѣроятно: слишкомъ далеко оно для Сербовъ на востокъ, и къ тому же не видно, чтобы имя Бойковъ когда нибудь пользовалось широкою извѣстностью [3]).

Такимъ образомъ единственнымъ свидѣтельствомъ объ этой прикарпатской Хорватіи остается все таже наша „Повѣсть“. Но она такъ мало знаетъ о западныхъ русскихъ областяхъ, а ея упоминанія о Хорватахъ такъ скудны, что только комбинируя ея упоминаніе съ Константиновымъ извѣстіемъ и можно было выгадать восточно-славянскую паднѣстрянскую Хорватію. Получается совершенно безвыходный кругъ, и я поэтому считаю вопросъ открытымъ: остается неизвѣстнымъ, существовало ли восточно-славянское племя, называвшееся Хорватами, и гдѣ оно обитало. Вмѣстѣ съ тѣмъ остается нерѣшеннымъ вопросъ, какъ далеко на за-

---

1) Horiti у короля Альфреда, Хорватинъ (такъ по крайней мѣрѣ угадываютъ это названіе) Масуди, Хорваты легенды о св. Вацлавѣ. Недавно Маркватъ выставилъ предположеніе, что загадочный городъ въ славянскихъ областяхъ арабской географіи IX в. (оттуда заимствованный ибнъ-Росте, Кардизіемъ и др.), читанный до сихъ поръ, какъ Джарвабъ, Джарванъ, Хурдабъ, надо читать „Хорватъ“ и понимать сдѣсь Краковъ (Streifzüge, с. XXXIV). Совершенно произвольное предположеніе!

2) Въ оборотъ пустилъ это предположеніе Шафарикъ, о немъ см. еще во 2 изд.

3) Правильнѣе видѣть въ нихъ испорченное названіе Boiohem'а—Чехіи, какъ принято теперь у большинства изслѣдователей.

падъ шли границы Дулѣбовъ и какое племенное имя имѣли восточно-славянскіе насельники Прикарпатья [1]).

§ 120. Восточно-славянское разселеніе въ Прикарпатьи. Оставивъ въ сторонѣ, какъ нерѣшенный и собственно говоря второстепенный вопросъ о племенномъ имени, перейдемъ къ обзору восточно-славянской колонизаціи Прикарпатья. Какъ я уже сказалъ, наша лѣтопись очень мало говоритъ объ этихъ западныхъ окраинахъ (точно также и о восточныхъ и южныхъ) и немного знаетъ о нихъ (примѣры этого увидимъ въ своемъ мѣстѣ). Потому мы должны обратиться къ регрессивному методу и исходить изъ позднѣйшихъ фактовъ колонизаціи.

Современная украинская территорія въ области Карпатъ выступаетъ далеко на западъ клиномъ, затиснутымъ между польскимъ и словацкимъ населеніемъ: клинъ этотъ почти достигаетъ верховьевъ Дунайца и отсюда расширяясь идетъ къ востоку по обѣ стороны Карпатъ. Сѣверная граница идетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, захватывая верховья Попрада, Ропы, Вислоки и Вислока до Сана [2]): вблизи Ярослава отступаетъ она съ правой

---

[1]) Существуетъ нѣсколько названій дулѣбскаго корня въ бассейнѣ верхняго Днѣстра (Дулѣбы около Ходорова, другіе—около Стрыя, третьи около Бучача); но нельзя придавать большое значеніе такимъ разрозненнымъ названіямъ.

[2]) Округа: Новый Торгъ, Новый Сончъ, Грибовъ, Горлицы, Ясло, Коросно, гдѣ по переписи 1900 г. значилось около 61 тысячи украинскаго населенія (Oesterreichische Statistik т. LXIII, III с. 69—70). Украинская колонизація начинается на западѣ группой селъ за Попрадомъ; отрѣзанные отъ своихъ восточныхъ земляковъ польскимъ мѣстечкомъ Пивничною, они непосредственно примыкаютъ къ украинскимъ, уже сильно ословаченнымъ селамъ въ Спишскомъ комитатѣ. Къ востоку отъ Попрада украинскія поселенія подходятъ къ Грибову (Королева Руська, Богуша), идутъ по правому побережью Ропы на сѣверо-востокъ, и съ Вислоки переходятъ, отступая къ югу, на верховья Вислока. За Вислокомъ, исключая эту горную область, нѣтъ украинскаго населенія. Область между Вислокомъ и Саномъ заселена смѣшаннымъ населеніемъ; украинскій элементъ численно слабѣетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, по мѣрѣ отдаленія отъ горъ и Сана; группа „Замішанскихъ“ селъ въ излучинѣ Вислока между Коросномъ и Стришевымъ составляетъ послѣдній выступъ; далѣе украинскія поселенія слабѣютъ и схо-

стороны Сана на лѣвую сторону и идетъ отсюда на водораздѣлъ Вислы и Зап. Буга, имѣющій смѣшанное, польско-украинское населеніе; болѣе или менѣе линія средняго Вепра, по современнымъ свѣдѣніямъ, должна представлять граничную линію, къ востоку отъ которой преобладаетъ украинскій элементъ, кое-гдѣ переходя и на правую его сторону. Въ бассейнѣ Нарева онъ встрѣчается съ бѣлорусскою колонизаціей, которая занимаетъ теперь южную часть нѣманскаго бассейна [1]).

Къ югу отъ Карпатъ украинскія поселенія начинаются также бассейномъ Дунайца, однако здѣсь они подпали уже значительному вліянію словацкаго населенія. Узкой полоской, уже разорванной словацкою колонизаціей, украинскія поселенія идутъ по склонамъ Карпатъ, вдоль угорской границы надъ Попрадомъ, по верховьямъ Тарчи, Топли, Лаборца [2]), только надъ Угѣ (Ung) начинается болѣе значительная и сплошная украинская территорія, идущая далѣе между Карпатскимъ хребтомъ и верхнею Тиссою [3]), и ея притокомъ Вишевою (Visso) [4]), пока не встрѣчается, на верховьяхъ Вишевы, Быстрицы и Молдавы съ румынскою колонизаціею. За границами сплошной украинской территоріи, на предгорьѣ, украинскія поселенія идутъ островами среди словацкой, а далѣе—угорской колонизаціи, далеко на югъ, въ бассейны Бодрога, Гернада, Солоной (Sájó), Красной и Самоша, хотя эти южные украинскіе острова уже настолько денаціонализованы, что объ ихъ первоначальной народности свидѣтельствуетъ главнымъ образомъ лишь церковный, восточный обрядъ.

§ 121. Измѣненія западной границы. Уже самыя очертанія этой украинской этнографической территоріи показываютъ, что однородная украинская горная полоса, съ смѣшанными территоріями на обоихъ крыльяхъ и слабой украинской примѣсью на

дятъ на узкую полоску надъ Саномъ около Ярослава, и непосредственно затѣмъ польское населеніе переходитъ и на правую сторону Сана въ большихъ массахъ и становится почти сплошнымъ ниже Лежайска по обѣ стороны Сана.

[1]) Важнѣйшая литература украинско-польской границы см. въ примѣчаніяхъ (7); остальное во 2 изд.

[2]) Комитаты: Спишъ, Шарошъ, Земплинъ.

[3]) Почти отъ устья Боршовы, немного выше.

[4]) Комитаты: Унгваръ, Берегъ, Угоча, Мармарошъ.

сѣверѣ и югѣ отъ нихъ—это лишь скелетъ, съ атрофированными, почти утраченными мускулами этнографическаго тѣла. Само по себѣ очевидно, что колонизація горныхъ областей не могла идти съ востока на западъ по самому хребту: украинское населеніе должно было входить въ горы съ равнинъ—съ сѣвера, или съ сѣверо-востока, и распространялось главнымъ образомъ по направленію рѣчныхъ долинъ [1]). Само собою также ясно, что теперешніе украинскіе элементы въ смѣшанныхъ полосахъ—это главнымъ образомъ остатки украинской колонизаціи, а не ея новыя пріобрѣтенія: новая массовая украинская колонизація въ этомъ направленіи намъ не извѣстна: а если это старая колонизація, она должна быть чѣмъ древнѣе, тѣмъ значительнѣе, такъ какъ на нашихъ глазахъ украинскій элементъ, довольно стойкій вообще, замѣтно слабѣетъ въ смѣшанныхъ территоріяхъ съ преобладающей чужой колонизаціей.

Я начну съ польско-украинской границы. Сравнивая даже цифры галицкихъ переписей послѣднихъ десятилѣтій, видимъ, что на западной граничной линіи украинская колонизація, хотя медленно, но слабѣетъ въ общемъ: приростъ украинскаго населенія гораздо менѣе прироста Поляковъ, и нѣкоторая часть его придерживаясь еще по традиціи „руськоï віри", уже потеряла національность [2]). Этотъ процессъ тянулся столѣтіями. Польская народность, польскій языкъ, польская культура имѣли перевѣсъ, начиная съ XIV в., когда эти земли вошли въ составъ Польскаго государства, а преобладаніе Руси передъ этимъ было непродолжительно и имѣло различные перерывы. Католицизмъ былъ аггрессивнымъ при встрѣчѣ съ православіемъ, между тѣмъ намъ послѣднее не сходило обыкновенно съ позиціи оборонительной, и то часто весьма слабой, а всякое пріобрѣтеніе католичества было пріобрѣтеніемъ полонизаціи. Колонизаціонныя теченія увлекали украинское населеніе на востокъ и югъ уже съ очень давняго времени (уже съ XI в.), а его мѣста занимали польскіе и нѣмецкіе элементы. Покровительствуемая со временъ польскаго владычества, и даже еще передъ нимъ нѣмецкая колонизація

---

[1]) Говорю объ этой колонизаціи, какъ цѣломъ; мѣстами могла она двигаться и прямо по горамъ, но лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

[2]) См. статистическую таблицу во 2 изд.

(временами довольно значительная) въ результатѣ усиливала польскіе элементы, такъ какъ эти Нѣмцы-католики ранѣе или позднѣе ополячивались. Принимая все это во вниманіе, нельзя сомнѣваться, что на этой польско-украинской границѣ украинскій элементъ долженъ былъ понести въ продолженіе длиннаго ряда вѣковъ большія потери въ пользу польской народности. И дѣйствительно въ историческихъ источникахъ найдемъ цѣлый рядъ фактовъ и указаній на эти потери. Привилегированныя городскія и сельскія общины оттѣсняютъ мѣстное населеніе на второй планъ и постепенно денаціонализируютъ. Вновь основанные или передѣланные изъ православныхъ церквей костелы перетягиваютъ его на католицизмъ; закрытіе православныхъ церквей влекло за собою окатоличенье и ополяченье и т. п.[1]).

Нѣкоторые факты ведутъ насъ такъ далеко въ глубину польской территоріи, что это на первый взглядъ кажется совершенно невѣроятнымъ. Въ Казимирѣ надъ Вислою была церковь св. Духа, какъ это видно изъ русской записи на евангеліи, пожертвованномъ туда казимировскими мѣщанами (очеркъ XV в.)[2]). Въ сосѣднемъ Цмельовѣ (за Вислою) сохранилась традиція о русской церкви, а въ грамотѣ 1505 г., жалующей этому мѣстечку нѣмецкое право, король вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣняетъ противные ему права и обычаи польскіе и *русскіе*[3]). Люблинъ еще въ XVI—XVII вв. былъ однимъ изъ выдающихся очаговъ православія и считался стариннымъ русскимъ гнѣздомъ[4]). Каноникъ Красинскій († 1612), описывая границы Руси, ведетъ ихъ отъ окрестностей Кракова (non longe ab urbe Cracovia), и между русскими округами упоминаетъ люблинскій[5]). На Украинѣ, во время пробужденія національнаго сознанія въ половинѣ XVII в., своими считали земли по Краковъ и Люблинъ. Хмельницкій

[1]) Нѣсколько иллюстрацій во 2 изд. стр. 190—3.

[2]) Опись Румянцевскаго музея с. 185. Въ Сендомирѣ также часто допускаютъ существованіе русской церкви, опираясь на Ипат. с. 564, но здѣсь рѣчь идетъ вѣроятно о католическомъ костелѣ.

[3]) Starożytna Polska[2] II с. 335.

[4]) См. факты во 2 изд.

[5]) Mizleri Historiarum Poloniae et m. d. Lithuniae scriptorum collectio I с. 418: quae Carpathios montes attingit non longe ab urbe Cracovia.

разсчитывалъ на помощь православной Руси по Люблинъ, по Краковъ, а „Ляховъ" грозилъ загнать за Вислу, которая здѣсь, очевидно, должна являться этнографической польской границей. Въ проектахъ раздѣла Польши 1657 г. Висла снова выступаетъ, какъ граница украинской Руси и православія, и снова въ договорѣ Дорошенка съ Турціей („до Вислы и Нѣмана"). Очевидно, это былъ общепринятый взглядъ, что эта Русь и православіе доходятъ до Вислы [1]).

§ 122. Первоначальное восточно-славянское разселеніе на западѣ. При свѣтѣ указанныхъ фактовъ получаютъ настоящее освѣщеніе походы въ Польшу Владиміра Великаго и позднѣйшіе войны пограничныхъ князей съ Польшей: много восточно-славянской земли, а еще больше—земли со смѣшаннымъ населеніемъ оставалось за границами Русскаго государства, или присоединялось къ нему только на нѣкоторое время. Завѣщаніе польской княгини Оды (конецъ X в.) упоминаетъ о Руси на пограничьи съ Пруссами и о „русскихъ земляхъ, тянущихся вплоть до Кракова", и по всей вѣроятности это была Русь не только политическая, но и этнографическая—настолько точно соотвѣтствуетъ она позднѣйшимъ этнографическимъ границамъ. Но пограничная полоса на равнинѣ уже очень рано получила смѣшанный характеръ: уже въ XV в. составъ населенія равнины до Вислока и Сана оказывается очень пестрымъ [2]). Изъ люстрацій XVI в. видимъ напр., какая масса нѣмецкихъ колонистовъ находилась въ Саноцкомъ округѣ [3]), а эта система привлеченія чужихъ колонистовъ извѣстна намъ уже со времени Даніила, и только усилилась съ распространеніемъ нѣмецкаго права (при Болеславѣ Тройденовичѣ, давшемъ магдебургское право нѣмецкой общинѣ въ Санокѣ, и еще раньше) [4]). Но кромѣ этой позднѣйшей нѣмецкой колонизаціи

---

[1]) Michałowski Księga pamiętnicza c. 375—6, Акты южной и зап. Россіи III с. 557: „Городы по Вислу рѣку и въ которыхъ жили русскіе люди благочестивые и церкви были". IX с. 167: „Русскій народъ раздѣлися нынѣ въ различные страны людей... и съ другіе стороны отъ рѣки Вислы, и изъ иные третьей страны отъ Немана, и изъ четвертые страны отъ Сѣвска и Путивля".

[2]) См. въ 2 изд.

[3]) Жерела до історії України-Руси, т. II (люстр. 1565 г.).

[4]) См. въ т. V с. 223 и сл.

смѣшеніе этнографическихъ элементовъ должно было начаться еще раньше, при встрѣчѣ съ польской колонизаціей. Если принять во вниманіе все сказанное выше объ извѣчномъ ослабленіи украинскаго элемента на западѣ, можно предполагать, что первоначальная восточно-славянская колонизація овладѣла было бассейномъ Буга и Сана и кое-гдѣ приблизилась къ Вислѣ; но обратное движеніе польской колонизаціи столкнулось съ нею на водораздѣлахъ Вепря и Сана еще въ первыхъ стадіяхъ ея, когда эта восточно-славянская колонизація была рѣдка и непрочна на своей западной периферіи, и уже въ то время, очень рано, образовались смѣшанныя территоріи по Вислокамъ и между Вепремъ и Вислой. Послѣ того въ продолженіе столѣтій польскіе элементы прибывали сюда, а украинскіе убывали, отливали на востокъ и юго-востокъ, а кромѣ того и позднѣйшія историческія условія содѣйствовали неустанно ослабленію здѣсь восточно-славянскаго элемента въ пользу польскаго, и въ концѣ концовъ лишь малопривлекательная горная область осталась въ украинскихъ рукахъ.

§ 123. Сѣверо-западная граница. Далѣе на сѣверозападѣ, на бѣлорусскомъ пограничьѣ украинская территорія оканчивается въ настоящее время приблизительно дрогичинскою округою; въ бассейнѣ Нарева мы видимъ уже переходные говоры, отъ украинскаго къ бѣлорусскому (заблудовскіе говоры) [1]. Такимъ образомъ въ настоящее время украинская территорія выступаетъ клиномъ къ сѣверу, въ бассейнѣ Буга, между польской и бѣлорусскою территоріею и соотвѣтствуетъ политическимъ границамъ Руси XI—XIII в., доходившимъ до р. Нура, праваго притока Буга [2]. Сѣверную часть Побужья (Дрогичинъ, Мельникъ, Брянскъ) часто считаютъ позднѣйшими поселеніями на ятвяжскихъ земляхъ [3]; однако это только одно предположеніе: о Ятвягахъ

---

[1]) На лѣвой сторонѣ Буга констатируютъ украинскую территорію далѣе, до м. Стердыня (Риттихъ); но въ ней также видятъ уже переходъ отъ украинскаго къ бѣлорусскому (Соболевскій).

[2]) См. въ т. II с. 369 и сл.

[3]) Iaroszewicz, Obraz Litwy, I, стр. 17; см. относительно этого вопроса у Барсова [2] стр. 41 (онъ помѣщаетъ ятвяжскую колонизацію на Нѣманѣ и его южныхъ притокахъ до водораздѣла между Бугомъ и Припетью) и у Андріяшева, Очеркъ ист. Волыцской зем., стр. 39.

въ Побужьѣ мы ничего не знаемъ[1]), какъ и вообще не имѣемъ фактовъ, указывающихъ на какую-либо позднѣйшую восточно-славянскую колонизацію въ этой области. Только лишь тотъ фактъ, что берестейско-дрогичинское Побужье довольно слабо связано съ Волынью, заставляетъ предполагать какую-то обособленность этой области; но была ли эта обособленность этнографическая, или политическая, трудно сказать. Само по себѣ возможно, что сѣверная часть Побужья, за Брестомъ, выходящыя за линію припетско-нѣманскаго водораздѣла (къ сѣверу отъ Бреста), была занята позже; но никакихъ положительныхъ фактовъ, которые бы свидѣтельствовали о позднѣйшемъ происхожденіи здѣшней украинской колонизаціи нѣтъ, и концѣ концовъ вопросъ остается невыясненнымъ. Очень еще много придется поработать филологамъ, археологамъ и этнографамъ для того, чтобы положить основы для разрѣшенія этого вопроса, какъ и вообще для разъясненія исторіи современной границы украинской територіи на сѣверѣ, ея отношенія къ бѣлорусской, и племенной основы здѣшней колонизаціи.

§ 124. Закарпатье. Переходя къ южнымъ склонамъ Карпатъ, мы и здѣсь видимъ то же явленіе, что и на сѣверныхъ. Украинскій элементъ держится очень стойко тамъ, гдѣ сидитъ сплоченной массой (даже возростаетъ, несмотря на невозможныя економическія и культурныя отношенія и сильную эмиграцію); но въ смѣшанныхъ территоріяхъ онъ слабѣетъ и постепенно теряетъ свою народность.

Замѣчали, что здѣшніе Русины особенно легко поддаются вліянію словацкому; неохотно заимствуя что-либо у Поляковъ, они очень скоро перенимаютъ славацкую рѣчь, даже во время заработковъ, а тѣмъ болѣе живя по сосѣдству[2]). Этимъ объясняютъ массу двуязычныхъ словацко-украинскихъ селъ на западномъ рубежѣ Угорской Руси. Однако при этомъ остается необслѣдованнымъ, не является ли теперешняя украинско-словацкая смѣшанная полоса до извѣстной степени также результатомъ первоначальной смѣ-

---

[1]) Въ XIII в., когда мы дѣйствительно имѣемъ извѣстія о Ятвягахъ, мы видимъ ихъ за Наревомъ и Бобромъ.

[2]) Головацкій, Нар. пѣсни, I, стр. 743. Broch въ Archiv für sl. Philol. т. XVII, вступленіе и т. XIX стр. 17. Czambel Slovenská reč I с. 178 и сл., и др.

шанной колонизаціи, а не только одного ослабленія украинскаго элемента на его западномъ пограничьѣ. Что во всякомъ случаѣ украинскій элементъ въ смѣшанныхъ территоріяхъ въ общемъ ослабѣваетъ, это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Русины Спишскаго комитата въ громадномъ большинствѣ уже настолько ословачены, что только восточный обрядъ и украинскіе элементы въ языкѣ указываютъ кое-гдѣ, что мы имѣемъ дѣло съ бывшими Русинами, и надъ этими „русинскими могилами“ уже возникъ горячій споръ, о томъ, имѣемъ ли мы здѣсь пословаченныхъ Русиновъ, или извѣчныхъ Словаковъ [1]). Документы изъ предшествующихъ столѣтій открываютъ Русинскія поселенія тамъ, гдѣ въ настоящее время живутъ одни Словаки; еще въ началѣ XVIII столѣтія были значительные остатки Русиновъ на Гронѣ (Gran), гдѣ въ настоящее время значатся одни лишь Словаки.

Тоже происходитъ и на украинско-венгерскомъ пограничьѣ, благодаря государственному, общественному и экономическому преобладанію мадьярскаго элемента, въ особенности въ смѣшанныхъ территоріяхъ. Сенсаціонную замѣтку находимъ у одного русскаго путешественника: въ началѣ прошлаго столѣтія переѣзжая изъ Мишкольца чрезъ Кошицы въ Бардіевъ, онъ записываетъ: „отъ Мишкольца до границъ Польши (!) города и села заняты по большей части Руснаками“ [2]).

Должно думать, что украинскія колоніи, переходящія еще и въ настояще время за Солону (Sájo), Красну, Самошъ, являются лишь остатками нѣкогда гораздо болѣе густого населенія, если не сплошной массовой колонизаціи; слѣды ея замѣтно выступаютъ въ топографическихъ названіяхъ, хотя нужно считаться здѣсь и съ возможными слѣдами болѣе старой славянской колонизаціи. Съ другой стороны нельзя все относить непремѣнно къ первоначальному восточно-славянскому разселенію. Нужно имѣть въ виду, что независимо отъ первоначальнаго разселенія, горное украинское населеніе естественно стремилось изъ своихъ суровыхъ горъ на равнину, въ поискахъ лучшихъ жизненныхъ ус-

---

[1]) Литература въ примѣчаніяхъ (7).

[2]) Броневскій, Путешествіе отъ Тріеста до С.-Петербурга въ 1810 г. (1828), I стр. 192, также I стр. 137, 159, 163—см. Ламанскаго, Славяне въ Малой Азіи и т. д., прибавленія, стр. 56. Вѣроятно, здѣсь сильное преувеличеніе.

ловій (такимъ путемъ образовались напр. украинскія колоніи въ Бачкѣ, при устьѣ Тисы, уже въ XVIII в.). Съ другой стороны мадьярское населеніе приливало постепенно на территоріи, граничащія съ подгорьемъ.

Въ образовавшихся такимъ образомъ смѣшанныхъ территоріяхъ украинскій элементъ не могъ въ концѣ концовъ удержаться [1]).

§ 125. Трансильванія и нижнее Подунавье. Въ Трансильваніи ужь нѣтъ Русиновъ, они исчезли, можно сказать, на нашей памяти: еще въ началѣ XIX столѣтія имѣлись тамъ ихъ остатки [2]). Отъ нихъ остался здѣсь слѣдъ лишь въ многочисленныхъ хоро-и топографическихъ названіяхъ на всемъ пространствѣ Трансильваніи, во всякихъ мадьяризованныхъ, румунизованныхъ и германизованныхъ названіяхъ—Oroszi, Oroszfalva, Oroshegy, Rusesti, Rusielu, Russdorf, Reusdorfel, Rusz и т. д. [3]). Орографическая и топографическая номенклатура Трансильваніи вообще свидѣтельствуетъ о старой славянскую колонизаціонной основѣ, на которую уже позже легли румынскія, мадьярскія, нѣмецкія наслоенія,—колонизаціи осѣдлой и культурной: на это указываетъ тотъ фактъ, что эксплоатація соляныхъ и рудныхъ богатствъ Трансильванскихъ горъ ведетъ свое начало отъ ихъ славянскихъ насельниковъ: сольникъ, окно, баня—славянскія названія для рудныхъ и соляныхъ шахтъ, и эти слова въ мадьяризованныхъ и румунизованныхъ топографическихъ названіяхъ Трансильваніи повторяются весьма часто [4]). Въ документахъ эти славянскіе элементы выступаютъ съ того времени, когда вообще начинается для Трансильваніи документальный матеріалъ—въ XII в.,

---

[1]) Отъ преувеличенныхъ представленій о рѣзкой и быстрой массовой денаціонализаціи закарпатской Руси предостерегаетъ настойчиво С. Томашивскій въ своихъ статьяхъ (см. въ примѣч. 7), указывая, что внѣ украинскихъ островов основная массовая колонизація держится очень устойчиво. Его соображенія заслуживаютъ полнаго вниманія, хотя по реакція противоположнымъ взглядамъ онъ слишкомъ подчеркиваетъ эту устойчивость.

[2]) Объ этомъ см. въ примѣчаніяхъ (7).

[3]) См. карту названій, связанныхъ съ Русью у Нича. Die dacischen Slaven, стр. 253, Кочубянскій, ор. с., стр. 65.

[4]) Матеріалы собраны у Кочубинскаго, I, стр. 15 и слѣд.

и многочисленныя „русскія“ названія на территоріи ея явственно показываютъ, что въ этихъ славянскіе элементы были тогда и восточно-славянскіе [1]). Документальные слѣды русскаго имени имѣемъ съ XIII в.: напр. гора Ruscia въ грам. 1228 г., городъ Forum Ruthenorum, основанный въ началѣ XIII в.; оказывается, что и Bisseni актовъ XIII в. иногда обозначаютъ Русь [2]). Еще въ XV вѣкѣ было здѣсь довольно много восточнославянскаго населенія, какъ это видно изъ упоминанія одной папской буллы (1446) о многочисленномъ и великомъ русскомъ племени въ Угорщинѣ и Трансильваніи [3]).

На карпатскихъ горахъ восточно-славянское разселеніе не остановилось. Славянскіе элементы въ хорографіи, служащіе намъ свидѣтелями древней славянской колонизаціи на всемъ протяженіи Трансильваніи, не ограничиваются имъ, а идутъ и далѣе на юго-востокъ—на территорію современной Молдавіи [4]). О восточно-славянской колонизаціи на нижнемъ Дунаѣ говоритъ намъ совершенно положительно приведенное свидѣтельство „Повѣсти“ объ Уличахъ и Тиверцахъ: „присѣдяху къ Дунаеви“. Остатки ея держались здѣсь даже послѣ тюркскаго, печенѣго-половецкаго натиска и были еще довольно значительны въ XII в., когда Галицкое княжество въ своихъ рукахъ держало нижній Дунай („затворивъ Дунаю ворота, суды рядя до Дуная“—Слово о п.

---

[1]) Пичъ (Die dacische Slaven, стр. 257) видѣлъ и въ типѣ мѣстнаго населенія слѣды русскаго элемента, ср. Отчетъ Филевича, стр. 19. Но все это непровѣренныя мимолетныя наблюденія.

[2]) Еще писатели XVIII в. (напр. Бенке, Эдеръ) выражали предположеніе, что Bisseni это Русины; Кочубинскій догадывался, что это названіе въ актахъ XIII—XIV в. обозначаетъ Русиновъ (стр. 63), хотя это имя обозначаетъ собственно говоря Печенѣговъ; Филевичъ убѣдился, что въ оригиналѣ грамоты 1324 г. вмѣсто Bisseni стоитъ Rutheni, что могло бы указывать, что оба эти имена употреблялись безразлично (грамоты у Филевича, Отчетъ, стр. 27, см. о ней тамъ же, стр. 9—10, 12—13).

[3]) Quod in regno Ungariae illiusque confinibus et Transsylvanis partibus nonnulli Rutzeni nuncupati gens quidem satis populosa et grandis numero existant. Katonae Historia critica Hungariae ducum, XIII c. 497.

[4]) На нихъ указалъ еще Реслеръ, op. c., стр. 325.

Игор.). Множество рыболововъ и различныхъ промышленниковъ и всякаго вольнаго люда (прототипъ позднѣйшаго козачества), центромъ котораго былъ извѣстный Берладь (Бырлатъ) на нижнемъ Дунаѣ. было въ значительной степени такимъ остаткомъ стараго восточно-славянскаго населенія [1]).

На сѣверѣ къ этой придунайской восточно-славянской колонизаціи непосредственно примыкали украинскія колоніи въ Трансильванской горной области, и когда подъ напоромъ Печенѣговъ славянскіе насельники принуждены были отступать изъ черноморскаго побережья. это черноморское населеніе, вѣроятно, въ значительной степени отступало и въ этомъ направленіи—въ горы Трансильваніи, усиливая первоначальную колонизацію.

§ 126. Вопросъ о времени восточно-славянскаго разселенія въ Карпатахъ. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ восточно-славянское поселеніе на всемъ южномъ подгорьѣ Карпатъ, начиная отъ Татръ до южныхъ Трансильванскихъ Альпъ, и далѣе къ югу—до моря. Да какъ же и могло бы быть иначе? Когда въ общемъ движеніи славянства на юго-западъ восточно-славянская колонизація овладѣла сѣвернымъ предгорьемъ Карпатъ, а съ другой стороны—пространствомъ между Днѣстромъ и Дунаемъ („сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви"), то вполнѣ естественно, что эта колонизація, подымаясь вверхъ по рѣкамъ и по нимъ спускаясь на противоположную сторону хребта, должна была овладѣть и Карпатскимъ хребтомъ, почти совершенно пустыннымъ, лишеннымъ осѣдлаго населенія (даже защитники теоріи непрерывнаго существованія романизованныхъ Даковъ, предковъ современныхъ Румуновъ, въ Карпатскихъ, точнѣе—Трансильванскихъ горахъ, признаютъ эти остатки незначительными). Это неизбѣжно должно было начаться тотчасъ, какъ только восточно-славянская колонизація придвинулась къ Карпатскимъ горамъ съ сѣверо-востока, что могло имѣть мѣсто въ VI—VII вв. Этимъ объясняется то обстоятельство, что мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о движеніи восточно-славянской колонизаціи за Карпаты: позднѣйшаго переселенія не было, а при первоначальномъ разселеніи мы вообще о славянской миграціи имѣемъ извѣстія лишь тамъ, гдѣ Славяне въ

[1]) О придунайской Руси подробнѣе см. т. II, гл. 7.

своей колонизаціи сталкивались съ культурнымъ государствами. Переселенія Русиновъ въ Венгрію указываемыя позднѣйшей венгерской исторіографіей для объясненія происхожденія мѣстной русской колонизаціи[1]), начиная съ Альма до Федора Коріатовича,— Это частью недостовѣрные, частью мелкіе факты, не могущіе объяснить этой массовой колонизаціи, а для такого массового движенія мы не находимъ никакихъ извѣстій въ историческое время.

По мнѣнію старѣйшаго венгерскаго историка, извѣстнаго Анонима нотарія короля Белы (XII или XIII в)., полчища Русиновъ приведены были Альмомъ изъ-подъ Кіева, когда Венгры шли въ Венгрію черезъ Русь, а проводниками его чрезъ Карпаты, изъ нынѣшней Галиціи на верховья Унга служили ему русскіе воины и поселяне[2]). Конечно, если принять во вниманіе обстоятельства, въ которыхъ происходило переселеніе Венгровъ въ нынѣшнюю Венгрію—что это было поспѣшное бѣгство отъ Печенѣговъ и даже, какъ говоритъ Константинъ, Печенѣги гнались за Уграми[3]), то съ можемъ полной увѣренностью сказать, что ни Уграмъ не приходило тогда на мысль забирать съ собою русскихъ колонистовъ, ни у послѣднихъ не было охоты къ нимъ присоединяться. Но для насъ здѣсь разсказъ Анонима является интереснымъ отраженіемъ общаго въ XII (или XIII) в. взгляда, что Русины въ Венгріи столь же давніе насельники, какъ и Венгры, и что въ Карпатскихъ горахъ были они хозяевами уже съ незапамятныхъ временъ,—когда Венгры только двигались за Карпаты[4]).

---

[1]) Они перечислены напр. у Чернига (II стр. 146): Русины приходятъ въ Венгрію четыре раза: съ Уграми, при герцогѣ Токсѣ, съ Предславою, женою Коломана, и съ Федоромъ Коріатовичемъ.

[2]) Анонимъ у Эндлихера, Rerum hungaricarum monumenta Arpadiana, гл. 10: Similiter (подобно Половцамъ) et multi de Ruthenis, Almo duci adherentes, secum in Panoniam venerunt, quorum posteritas in hodiernum diem per diversa loca Hungaria habitat. (Ср. гл. 12). [3]) De adm. 38.

[4]) Я отмѣчаю этотъ взглядъ старѣйшаго венгерскаго хрониста особенно въ виду соображеній нѣкоторыхъ изслѣдователей, что украинская колонизація—явленіе позднѣйшее, не ранѣе эпохи Галицкаго княжества (Соболевскій, Томашивскій). Вопросъ этотъ, несомнѣнно, требуетъ еще тщательнаго обслѣдованія.

Какимъ путемъ пришли Венгры къ Дунаю, это вообще вопросъ неясный и противорѣчивый. Всего вѣроятнѣе должны были они итти съ нижняго Дуная въ Венгрію кратчайшимъ путемъ, двигаясь туда съ юга, не тратя времени на обходъ съ сѣвера. Но какимъ бы путемъ они не двигались, во всякомъ случаѣ проникнувъ въ Венгрію, на первыхъ порахъ овладѣли лишь среднедунайскими землями, и только постепенно стали подчинять себѣ сосѣднія области. Карпатскимъ подгорьемъ Венгры реально и окончательно овладѣли едва ли раньше средины XI в.; до того времени оно, вмѣстѣ съ галицкимъ подгорьемъ, входило, по всей вѣроятности, въ сферу вліянія ближайшихъ политическихъ центровъ галицко-волынскихъ, по крайнѣй мѣрѣ временами. Но въ концѣ XI в. южные склоны Карпатъ уже несомнѣнно принадлежало Венгріи, и съ тѣхъ поръ Карпаты называются на Руси Угорскими горами, уже въ концѣ XI и въ началѣ XII в., въ виду ихъ политической принадлежности, между тѣмъ какъ венгерскій писатель XIII в. Симонъ Кеза называетъ ихъ „Русскими горами“ (Ruthenorum alpes)[1])—съ этнографической точки зрѣнія, а можетъ быть и имѣя въ виду закарпатскую, галицкую Русь. Эти политическія перемѣны однако не служили препятствіемъ дальнѣйшему развитію восточно-славянской колонизаціи въ Карпатахъ и новымъ притокамъ ея оттуда на южное подгорье. Къ сожалѣнію, недостатокъ историческаго матеріала не даетъ возможности слѣдить за этимъ процессомъ и отдѣлять позднѣйшія колонизаціонныя напластованія отъ древнѣйшихъ, первоначальныхъ. Можетъ быть, болѣе тщательныя діалектологическія изслѣдованія закарпатскихъ говоровъ и изученіе ихъ быта дадутъ что нибудь для выясненія этого вопроса[2])—пока въ этомъ смыслѣ почти ничего не сдѣлано.

---

[1]) Кн. 2, гл. 1.

[2]) Было бы интересно прослѣдить, составляютъ ли закарпатскіе говоры продолженіе галицкихъ вплоть до наиболѣе выдвинутыхъ на югъ острововъ, или тутъ есть извѣстные перерывы. Для вопроса о первоначальномъ и позднѣйшемъ разселеніи очень важно было бы установить существованіе или отсутствіе соприкосновенія восточно-славянскихъ говоровъ со старыми южно-славянскими элементами, оставившими обильныя слѣды своего обитанія въ топографіи угорской Руси (напр. въ многочисленныхъ носо-

§ 127. Вопросъ о восточно-славянскомъ разселеніи на юго-западѣ. Въ Трансильваніи и на сѣверномъ побережьи Дуная исключительною, или даже преобладающею украинская колонизація, вѣроятно, никогда не была. Не говоря уже о румынской, восточно-славянская колонизація уже со времени первоначальнаго разселенія должна была встрѣчаться здѣсь съ южнославянскимъ (болгарскимъ) населеніемъ. Правда, историческія извѣстія говорятъ лишь о болгарскомъ верховенствѣ, простиравшемся временами на Трансильванію и земли на среднемъ Дунаѣ (да и тутъ много еще неяснаго). О массовой южнославянской колонизаціи на территоріи Трансильваніи и Молдавіи источники ничего не говорятъ. Ея существованіе выводятъ изъ южно-славянскихъ (болгарскихъ) элементовъ въ хорографіи Трансильваніи и Подунавья и въ венгерской и румынской діалектологіи [1]); но и здѣсь очень многое нуждается еще въ болѣе основательномъ изслѣдованіи. Остатки трансильванскихъ Болгаръ (особенно въ Чегредѣ), обратившіе на себя особенное вниманіе въ послѣднее время [2]), признаются позднѣйшими колонистами (XIII—XIV в.): эмигрантами Богумилами либо военноплѣнными. Впрочемъ встрѣча съ болгарской колонизаціею не имѣла особо важнаго значенія, потому что болгарское населеніе во вся-

---

выхъ звукахъ). Можетъ быть, это дало бы возможность установить, надвигалась ли восточно-славянская волна на южно-славянскую непосредственно или здѣсь дѣйствительно былъ перерывъ, какъ предполагаютъ защитники позднѣйшаго разселенія, и т. д.

[1]) Объ этомъ см. изслѣдованія Ашбота, Die Anfänge der ungarish-slavishen ethnischen Berührung—Archiv XXII, Болгарское шт и славянскія заимствованныя слова венгерскаго языка—Извѣстія отд. русск. яз. и слов. 1902, IV, Рефлексъ словъ вида трът-трьт и тлът-тльт въ мадьярскихъ заимствованіяхъ изъ славянскаго языка (Статьи по славяновѣд. II), Densunsianu, Histoire de la langue romaine, I. Яцимірскій, Славянскія заимствованія въ румын. языкѣ (Сборникъ посв. Ламанскому, II), также Ягича, Entstehungsgeschichte kirchenslavischen Sprache II ср. Archiv XIX, стр. 237, ср. XX, стр. 22—3.

[2]) Кромѣ вышеупомянутыхъ работъ слѣдуетъ упомянуть еще объ изслѣдованіяхъ Конева и Милетича въ Блъгарски прѣгледъ, 1894, XI и 1896, VI, статьи Милетича въ Сборникѣ болгарскаго министерства: Седмиградскитѣ Блъгары (т. XIII), Заселението на католишкитѣ Блъгары въ Седмиградско и Банатъ—т. XIV, и рецензію Иречка въ Archiv für slavische Phil. т. XX.

комъ случаѣ шло на убыль, отливая изъ этихъ областей или ассимилируясь. Наборотъ элементъ румынскій все усиливался и въ концѣ концовъ поглотилъ элементы славянскіе.

Выше я упоминалъ о спорномъ вопросѣ, поскольку румынское населеніе Трансильваніи сложилось изъ мѣстныхъ, сохранившихся еще отъ римскаго времени остатковъ романизированнаго населенія, и какое значеніе имѣла тутъ позднѣйшая румынская колонизація изъ балканскихъ земель, и отмѣтилъ какъ наиболѣе вѣроятный выводъ, что романскіе остатки здѣсь существовали въ довольно слабой формѣ и усилило ихъ уже позднѣйшее движеніе румынскаго населенія. Эта румынская миграція изъ балканскихъ земель должна была покрыть не только славянскую колонизацію Трансильваніи, но и современной Валахіи и Молдавіи.

Это румынское разселеніе датируютъ различнымъ образомъ—и XIII и X вѣкомъ, а можно относить его и къ еще болѣе раннему времени. Волоховъ (Blaci) въ Трансильваніи встрѣчаемъ въ актахъ XIII в., но венгерская традиція считаетъ румынскую колонизацію болѣе древней, чѣмъ венгерскую [1]). Въ концѣ XII в. имѣемъ вполнѣ опредѣленныя извѣстія о Румынахъ на сѣверномъ берегу нижняго Дуная. Послѣ погрома Половцевъ, во 2-й пол. XIII и въ XIV в., румынская колонизація должна была здѣсь еще болѣе усилиться; она залила здѣшнюю южнославянскую колонизацію, и остатки первоначальной восточно-славянской колонизаціи, ослабленной тюркскимъ натискомъ X—XII в., и болѣе новую, приливавшую на Подунавье въ XII—XIII в. [2]).

Въ результатѣ, какъ видимъ, восточно-славянская колонизація въ бассейнѣ верхней Тиссы удержалась до нашего времени,

---

[1]) Анонимъ, гл. 24.

[2]) Интересно упоминаніе Длугоша (довольно близкаго по времени къ этому румынскому движенію на сѣверный берегъ Дуная): онъ знаетъ о вытѣсненіи Румынами изъ подунайской Валахіи русскихъ насельниковъ, „древнихъ владѣтелей и жителей“ этихъ областей (Hist. Polon. X стр. 277 изд. Пшездѣцкаго). Можно было бы подозрѣвать, что этотъ взглядъ исходитъ изъ извѣстія нашей лѣтописи о томъ, что Волохи вытѣснили изъ дунайскихъ земель Славянъ; но Длугошъ говоритъ о новѣйшемъ разселеніи Волоховъ, и не о славянскихъ, а спеціально русскихъ насельникахъ, вытѣсненныхъ оттуда ими.

массовая въ горахъ и на подгорьѣ, въ видѣ острововъ на равнинѣ, а въ Трансильваніи и на Подунавьѣ исчезла совершенно. Прежде всего это объясняется различіемъ колонизаціонныхъ условій. Первоначальную восточнославянскую колонизацію мы должны и здѣсь, на этихъ юго-западныхъ окраинахъ представлять себѣ, при большой экстенсивности, весьма разрѣженной. Крайніе ея этапы могли заходить далеко, но они могли быть только весьма слабыми. Поэтому они не могли устоять противъ натиска словацкой колонизаціи на западномъ своемъ пограничьи, угорской и румынской—на югозападномъ. Только въ карпатской горной области, въ мѣстностяхъ неинтересныхъ для Мадьяръ, предоставленные самимъ себѣ, восточнославянскіе насельники имѣли возможность окрѣпнуть въ продолженіи столѣтій и заселить эту область сплошной массой. Въ горахъ же Трансильваніи они не были предоставлены самимъ себѣ: юговосточную часть этой области заняли Угры (Шеклеры) и Нѣмцы, наиболѣе же сильными конкуррентами Русиновъ явились Волохи, особенно склонными къ пастушескому быту жизни. Восточно-славянскіе элементы, проникнувшіе сюда, сразу смѣшивались, съ волошскимъ населеніемъ и при этомъ послѣднее все болѣе усиливалось благодаря притоку балканской колонизаціи, а восточно-славянская колонизація была очень слабо связана съ областями своей массовой колонизаціи. Поэтому она и не удержалась здѣсь. Все же остатки ея были здѣсь, какъ мы видѣли, еще довольно значительны въ XV в. На нижнемъ Дунаѣ также еще въ концѣ XVI в. извѣстны остатки „многочисленной и отважной Руси“: о нихъ упоминаетъ папская инструкція легату Комуловичу 1595 г.[1]).

§ 128. Общія условія развитія юго-восточной колонизаціи. Мы дали такимъ образомъ обзоръ развитія восточнославянской колонизаціи на югѣ въ эпоху великаго славянскаго разселенія, въ стадіи ея наибольшей экстензіи. Ея максимальное развитіе однако не было прочно и вскорѣ претерпѣло большія потери, въ особенности въ степной полосѣ.

Движеніе восточно-славянскихъ племенъ на югъ, начавшись во время гуннскаго похода, развивается потомъ въ V

---

[1]) Li' Russiani che sono popoli vicini a questi ma su le rive del Danubio de piu numero et piu feroci dell'altri—Русская историческая библіотека, VIII, стр. 57.

и VI вѣкахъ, не смотря на полную тревогъ здѣшнюю жизнь, среди неустаннаго движенія новыхъ тюркскихъ ордъ и остатковъ стараго населенія Черноморья, двигавшихся стихійнымъ потокомъ на западъ и снова отливавшихъ на востокъ, когда какое-либо препятствіе останавливало ихъ дальнѣйшее движеніе. Среди этихъ степныхъ передрягъ, не страшась ихъ, славянскіе насельники до половины VI в., какъ мы видѣли, успѣли овладѣть всѣмъ побережьемъ отъ Дуная до Подонья. Они умѣли, очевидно, приспособиться къ бурной воинственной жизни, умѣли освоиться съ ней не хуже тюркскихъ или угорскихъ ордъ, бродившихъ въ степяхъ, среди славянскихъ поселеній. Славянскіе добычники не чуждались ихъ и охотно примыкали къ походамъ и разбойничьимъ набѣгамъ на задунайскія и иныя области. Позже, по уходѣ Аваровъ, наступило нѣкоторое успокоеніе. Тюркско-угорскія орды на Подоньѣ и Поволжьѣ организовались подъ властью хозарской орды, преградили тюркской волнѣ путь изъ Азіи въ Европу почти на цѣлыхъ три столѣтія и дали нашему Черноморью сравнительно спокойное существованіе.

Это было явленіе необычное въ жизни черноморскихъ степей и заслуживаетъ особаго вниманія. Большой интересъ возбуждаютъ эти орды, въ противоположность другимъ игравшія положительную, а не разрушительную роль въ исторіи славянской колонизаціи и культуры.

Къ сожалѣнію, извѣстія о Хозарахъ чрезвычайно бѣдны и далеко не выясняютъ многихъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіею ихъ и съ отношеніями къ восточно-славянскому разселенію [1]).

[1]) О Хозарахъ кромѣ старой книги Френа (Frähn), гдѣ сведены нѣкоторые арабскіе тексты о нихъ—De Chasaris excerpta ex scriptoribus arabicis (1822), см. статьи Григорьева въ его сборникѣ „Россія и Азія“: Обзоръ политической исторіи Хозаровъ и О двойственности власти у Хозаровъ. Затѣмъ: Howorth, The Khazars ware they ugrians or turcs (Труды III международнаго съѣзда оріенталистовъ въ Петербургѣ, II 1879). Cassel, Der chasarische Königsbrief aus dem 10. Iahrh., Берлинъ 1876. Голубовскій, Болгаре и Хозары (Кіевская Старина, 1888, VII, здѣсь же указана и литература). Tomaschek, Die Gothen, стр. 18. Куникъ О запискѣ готскаго топарха, стр. 84. Гаркави, Ein Briefwechsel zwischen Cordowa und Astrachan (Russische Revue, 1875) и Die Schicksale des charischen Briefwechsels (ibid. 1877), Сказанія еврейскихъ пи-

§ 129. Происхожденіе хозарской орды. Арабскій географъ XIII в. Абульфеда говоритъ, что среди Хозаръ было два совершенно различныхъ типа—черный и русый; нѣкоторые другіе факты также подтверждаютъ это указаніе на смѣшанный составъ Хозарской орды—что это былъ комплексъ ордъ разнаго этническаго состава, принесенныхъ на Подонье тюркско-финскимъ потокомъ. Было высказано предположеніе, что основа орды была угорская, подвергшаяся тюркскимъ вліяніямъ—культурнымъ воздѣйствіямъ, или завоеванію какою-либо тюркской ордой. Видимъ напр., что названія высшихъ чиновъ у Хозаръ—тюркскіе. Истахри говоритъ, что языкъ хозарскій сходенъ съ турецкимъ.

Подъ ихъ позднѣйшимъ именемъ мы встрѣчаемъ Хозаръ впервые въ персидской войнѣ Ираклія, начавшейся въ 622 г. Они выступаютъ въ ней въ качествѣ союзниковъ Византіи противъ Персовъ [1]). Но довольно правдоподобно, что это тотъ же народъ, который выступаетъ передъ тѣмъ подъ именемъ Акацировъ, извѣстнымъ намъ уже съ середины V в. Эти Акациры обитали тогда гдѣ-то въ области средняго Дона или Волги, по сосѣдству съ Болгарами [2]). Уже при Аттилѣ они держались союза съ Византіею и воевали съ Аттилой, но впослѣдствіи добровольно подчинились Гуннамъ [3]). Тюркскій натискъ средины VI в. далъ себя почувствовать и этимъ Акацирамъ, ихъ подчинили своей власти Сарагуры, въ свою очередь вытѣсненные Савирами—какая то тюркская или смѣшанная орда. Эта новая объединенная сарагурско-акацирская орда вступаетъ въ союзъ съ Византіею—для полученія „подарковъ". Можетъ быть, въ связи съ этимъ, въ интересахъ византійской политики, начинаетъ она походы на Персію [4]). Тождественность политики Акацировъ

сателей о Хозарахъ въ Трудахъ петерб. археологич. общества, т. XVII, Еврейская библіотека, т. VII, 1879, и въ Трудахъ IV археол. съѣзда I (Нѣкоторыя данныя по истор. геогр. Россіи). Westberg, Beiträge zur Klärung oriental. Quellen (Извѣст. петерб. акад., 1899) и Къ анализу восточныхъ источниковъ (Ж. М. Н. Пр. 1908). Marquart, Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge (1903).

[1]) Ѳеофанъ, стр. 315. [3]) Ср. Іорданъ, гл. 5.

[2]) Прискъ, Excerpta hist. I, стр. 130, 139 (218—9, 310 Hist. Gr. min.).

[4]) Прискъ—Hist. Gr. стр. 341, 346 (158, 161—2 ed. Bonn.).

V—VI в. съ позднѣйшей хозарской также можетъ служить подтвержденіемъ догадки о тождественности этихъ двухъ названій [1]).

§ 130. Распространеніе хозарскаго верховенства. Бытъ Хозаръ. Послѣ ухода главной массы Болгаръ изъ приазовскихъ областей на западъ, Хозары расположились здѣсь на ихъ старыхъ кочевьяхъ, подчинили себѣ остатки болгарскихъ ордъ возлѣ Дона, овладѣли каспійскимъ побережьемъ и пытались покорить Закавказье [2]). Цѣлое столѣтіе—съ середины VII в. до половины VIII в. проходитъ въ ожесточенной борьбѣ Хозаръ (уже подъ этимъ ихъ именемъ) съ арабскимъ калифатомъ, который овладѣвъ персидскимъ государствомъ Сассанидовъ, хотѣлъ присоединить еще и южный Кавказъ. Въ результатѣ этой борьбы Закавказье осталось въ рукахъ Арабовъ. Хозарская граница съ середины VIII в. не простиралась на югѣ далѣе Дербента, гдѣ еще Сассаниды построили стѣны для защиты отъ Хозаръ [3]).

Гораздо болѣе интереса для насъ представляетъ распространеніе хозарскаго владычества на сѣверъ отъ Кавказа, но къ сожалѣнію мы располагаемъ чрезвычайно скудными извѣстіями по этому вопросу. Изъ фактовъ конца VII и начала VIII в. видимъ, что Хозары господствовали на Керченскомъ проливѣ

---

[1]) Уже Географъ Равеннскій считалъ Акацировъ Хозарами: quos Chazaros suprascriptus Iordanis Agaziros vocat (IV, I). Въ послѣднее время вмѣсто этого отождествленія Марквартъ предложилъ рядъ иныхъ: что это Угры, или въ другомъ мѣстѣ, что это—Мордва (Streifzüge стр. 40 и XXIV); но при этомъ онъ не далъ ни одного серьезнаго довода въ пользу своихъ толкованій и противъ отождествленія Акацировъ съ Хозарами. Упомяну еще объясненіе названія Акацировъ, какъ „Бѣлыхъ Хозаръ" отъ турецкаго ak=бѣлый, данное Говордзомъ. Другое объясненіе, поддержанное Марквартомъ—„лѣсные люди" (отъ турецкаго слова „агач"=дерево).

[2]) Ѳеофанъ, стр. 358. Ср. Письмо кагана Іосифа (изд. Гаркави). Въ полномъ текстѣ обращаетъ на себя вниманіе упоминаніе, что Хозары заняли мѣста народа Ванантаръ, изгнавъ послѣдній. Наиболѣе вѣроятно, что здѣсь имѣемъ одинъ изъ варіантовъ имени Огхондоръ-Болгаръ (ср. выше с.: вар. Унугундуръ, Вогхондоръ и др.). Менѣе вѣроятны другія толкованія этого имени: Венеды, Анты, Вятичи и пр.

[3]) Объ этихъ войнахъ см. у Григорьева, стр. 51—7.

(въ Фанагоріи—Тмутаракани), и во всемъ Крыму: даже въ Корсуни сидѣлъ тогда ихъ намѣстникъ (тудунъ). И позже, въ VIII и IX в. слышимъ мы о Хозарахъ и хозарскихъ войскахъ въ Крыму; Корсунь вернула себѣ Византія, но въ восточной части Крыма Хозары все еще держались[1]). Наша лѣтопись говоритъ, что нѣкоторое время власть Хозаръ признавали восточно-славянскія племена, и не только придонскія, но и болѣе отдаленныя, какъ Вятичи на Окѣ, Радимичи на Сожѣ, и даже Поляне. Вятичи по ея словамъ оставались подъ властью Хозаръ еще во второй половинѣ X в. Въ письмѣ хозарскаго кагана Іосифа, датируемомъ второй половиной X в., но не свободномъ отъ подозрѣній позднѣйшей поддѣлки—хозарское государство на сѣверѣ достигаетъ кочевьевъ Венгровъ (Гангринъ), на сѣверо-востокѣ, у Яика[2]). Средоточіемъ хозарскаго государства были прикаспійскія области. При устьѣ Волги была расположена ихъ столица Итиль; далѣе къ югу, невдалекѣ отъ устья Терека, находился славившійся своими виноградниками Семендеръ[3]). Здѣсь, у Каспійскаго моря должно было обитать и собственно-хозарское населеніе. Арабъ ибнъ-Хаукаль (X в.) говоритъ, что оно жило въ плетеныхъ изъ хвороста хижинахъ, обмазанныхъ глиной. Изъ разсказа кагана Іосифа также можно заключить, что это было населеніе осѣдлое, занимавшееся земледѣліемъ и огородничествомъ; питалось оно главнымъ образомъ рыбою и рисомъ; рисъ повидимому, сѣяли на мѣстѣ[4]).

---

[1]) Никифоръ ed. de Boor, p. 41, 45. Ѳофанъ, стр. 373, 378. Списокъ епархій, изданный de Boor'омъ (Zeitschrift für Kirchengeschichte, 1891). Житіе Кирилла.

[2]) Гангринъ—vulgata, но правдоподобная; въ переводѣ полнаго текста, изданномъ Гаркави (Еврейская библіотека, VII, стр. 160, ср. Труды IV съѣзда) имѣемъ: Гагріи. Среди подвластныхъ народовъ видимъ въ этомъ текстѣ „Велтитъ“ (или Венентинъ, Вантятъ)..., Северъ (Саваръ, Сууръ), Славіунъ“; въ Велтитъ издатель видитъ Вятичей, въ Северъ—Сѣверянъ; но оба имена могутъ быть и анахронистической реминисценціею здѣшнихъ Венантаровъ и Савировъ. Письмо это продолжаетъ оставаться загадкой; если же оно и является само по себѣ апокрифомъ, то все же имѣетъ, повидимому, какія-то реальныя основанія въ традиціи.

[3]) Вестбергъ op. c.

[4]) См. у Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей, стр. 92 и 220, Письмо Іосифа—Евр. библ., стр. 161.

Государственное устройство Хозаръ было дуалистическое, довольно обычное у народовъ тюркскаго происхожденія или культуры. Глава государства—каганъ былъ окруженъ необыкновеннымъ почетомъ, но не имѣлъ въ дѣйствительности власти, настоящимъ правителемъ государства былъ его замѣститель—бегъ. Въ этомъ усматривали слѣды завоеванія Хозаръ какою то чуждою (тюркской) ордой: но возможно, что была это просто узурпація власти со стороны начальниковъ военныхъ силъ—беговъ. Это было, какъ отмѣчаютъ Арабы, единственное государство въ тѣхъ областяхъ съ постояннымъ войскомъ, набиравшимся изъ мусульманъ и Славянъ[1]), и власть бега опиралась на войскѣ. Правительство отличалось большой терпимостью по отношенію къ разноплеменнымъ подданнымъ, хотя въ теоріи власть кагана была вполнѣ деспотической.

§ 131. Культурное значеніе хозарской орды. Борьба съ тюркскимъ натискомъ. Какъ я уже отмѣтилъ выше, Хозарская орда сыграла большую культурную роль въ жизни Восточной Европы. Хозарскіе города имѣли важное значеніе, какъ посредники въ торговлѣ и культурныхъ сношеніяхъ Европы и Востока. Въ Итилѣ, по словамъ Масуди, было семь судей: два для магометанъ, два для Хозаръ, два для мѣстныхъ христіанъ и одинъ для Славянъ, Руси и иныхъ язычниковъ. Нѣчто подобное разсказывается и о Семендерѣ: магометане имѣли тамъ мечети, христіане—церкви, евреи—синагоги[2]). Хозарія вела большую торговлю съ Славянами и иными восточно-европейскими народами и служила для нихъ посредницей въ сношеніяхъ съ калифатомъ и передней Азіей, подобно Болгару, столицѣ поволжскихъ Болгаръ.

Еще болѣе важное культурное значеніе имѣло хозарское государство, какъ оплотъ восточной Европы противъ азіатскихъ ордъ. Мы имѣемъ болѣе точныя извѣстія объ этомъ лишь для X в., но они проливаютъ свѣтъ вообще на эту роль его. Въ X в. Хозары не позволяли тюркской ордѣ Узовъ переходить изъ

---

[1]) Масуди—у Гаркави, стр. 130.

[2]) У Гаркави, Сказанія, стр. 129—130 и 220, ср. каталогъ эпархій де-Боора, гдѣ выступаетъ епископъ ὁ Ἀστήλ—вѣроятно Итиль.

за Волги въ черноморскія степи, а равно не пропускали на востокъ европейскихъ пиратовъ—Руси, старавшихся проникнуть на Каспійское море, грабить каспійскіе берега[1]). Поддержанія спокойствія требовали экономическіе интересы хозарскаго государства, имѣвшаго подъ своей верховной властью и черноморскія, и каспійскія земли и получавшаго доходы отъ торговли въ этихъ областяхъ. Въ то время, въ X в., Хозарія была уже настолько слаба, что не всегда могла служить оплотомъ противъ этихъ двухстороннихъ разбойничьихъ походовъ; но въ VIII—IX в. была она гораздо сильнѣе, и потому значеніе ея въ этомъ охраненіи мирныхъ отношеній и покровительствѣ торговли было гораздо важнѣе.

Къ сожалѣнію, извѣстія о борьбѣ Хозаръ съ натискомъ тюркскихъ ордъ очень скудны. Орда алтайскихъ Турокъ, овладѣвшая было во второй половинѣ VI в. прикаспійскими землями, повидимому, вскорѣ утратила свою силу на западѣ. За то въ IX в. начинаютъ тѣснить Хозаръ Узы и Печенѣги. Въ арабскихъ источникахъ встрѣчаются извѣстія, что въ срединѣ IX в. тюркскія орды произвели столь сильный натискъ на Хозаръ, что они просили помощи у Арабовъ[2]). Въ концѣ IX в. Хозары, не имѣя возможности справиться съ Печенѣгами, пропустили эту орду въ Европу[3]), и дальнѣйшая ихъ политика заключается въ сдерживаніи орды Узовъ.

§ 132. Упадокъ хозарской орды. Вообще, начиная съ конца IX в. хозарское государство клонится къ паденію. Какъ видимъ изъ разсказа Константина Порфиророднаго, Хозары имѣли тогда противъ себя на югѣ кавказскихъ Алановъ и Черныхъ Болгаръ, завоевавшихъ себѣ независимое отъ Хозаръ положеніе, на востокѣ орду Узовъ, на западѣ Печенѣговъ[4]). Византія укрѣпила свое владычество въ Крыму и ограничила хозарское вліяніе съ этой стороны, а на Днѣпрѣ формируется русское госу-

---

[1]) У Гаркави, op. c., стр. 131, каганъ Іосифъ, Евр. библ., стр. 160—1, анализъ извѣстій у Маркварта, стр. 337—341.

[2]) Ибнъ-ель Атиръ у Григорьева, стр. 58.

[3]) Константинъ Порфирородный, De admin. imp., стр. 37. Очевидно, ошибочно его объясненіе этого факта, что Хозары умышленно, въ союзѣ съ Узами, прогнали Печенѣговъ въ Европу.

[4]) De adm. 10—12.

дарство, не только забирающее славянскія племена изъ-подъ власти Хозаръ, но и подрывающее самое существованіе хозарской орды своими походами. Симптомомъ упадка хозарскаго государства, начиная уже съ IX в., кромѣ вышеупомянутаго извѣстія Арабовъ о ихъ безпомощности въ борьбѣ съ Тюрками, служитъ извѣстный эпизодъ съ постройкой Саркела на Дону при императорѣ Ѳеофилѣ, сообщаемый Константиномъ Порфиророднымъ. Хозары, разсказываетъ Константинъ, просили тогда византійскаго императора, чтобы онъ построилъ имъ эту крѣпость, и императоръ исполнилъ ихъ просьбу [1]). Какъ ни истолковывать этотъ, довольно загадочный эпизодъ—воздвигли ли эту крѣпость Греки по собственному почину, какъ оплотъ для своихъ крымскихъ владѣній со стороны Хозаръ [2]), или дѣйствительно, какъ разсказываетъ Константинъ, сдѣлали они это по просьбѣ Хозаръ какъ своихъ союзниковъ и для ихъ собственной защиты,—во всякомъ случаѣ этотъ фактъ указываетъ, что въ то время, въ 1-й пол. IX в. Хозарія уже очень ослабѣла. Если крѣпость была устроена для защиты Хозаръ, какъ категорически говоритъ Константинъ, то такимъ опаснымъ сосѣдомъ Хозаръ на западѣ были Угры [3]), а можетъ быть и Русь уже начинала безпокоить Хозаровъ, и воздвигнутый на Дону Саркелъ могъ имѣть спеціальное назначеніе преградить ей дорогу съ Дона на Волгу и Каспійское море [4]).

---

[1]) De admin. 42.

[2]) Такое мнѣніе высказалъ Успенскій, перенося вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ эпизодъ изъ 1-й пол. IX къ началу X в. (Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вв., Кіевская Старина, 1889, V). Это объясненіе, хотя и мастерски сдѣланное, остается все же только гипотезою въ сравненіи съ категорическимъ свидѣтельствомъ Константина, которому со стороны фактической достовѣрности нельзя сдѣлать никакого возраженія. Полемика Успенскаго съ Васильевскимъ по этому вопросу въ Ж. М. Н. Пр. и К. Ст. 1889. См. еще Ламанскаго, Житіе св. Кирилла,— Ж. М. Н. Пр. 1903, IV, стр. 353—4.

[3]) Ср. арабское извѣстіе (IX в.): „говорятъ, что въ прежнія времена Хозары, боясь Мадьяровъ и другихъ сосѣднихъ народовъ, окапывались противу нихъ рвами“ (Извѣстія ибнъ- Даста, стр. 27).

[4]) Какъ на мѣсто Саркела указываютъ городище на лѣвомъ берегу Дона, на поляхъ станицы Цымлянской, гдѣ раскопки обнаружили слѣды стѣнъ изъ кирпича, фрагменты византійскихъ колоннъ (можетъ быть церкви), кресты и монеты византійскія и рус-

Эти походы жесточайшимъ образомъ разрушали благосостояніе Хозаріи въ X в. и закончились при Святославѣ рѣшительнымъ ударомъ, въ результатѣ котораго отъ былой славы Хозаріи уцѣлѣли лишь слабые остатки.

Кромѣ враговъ внѣшнихъ повліяла на ослабленіе Хозаріи въ X в. какая то внутренняя борьба, извѣстная намъ изъ краткаго упоминанія у Константина Порфиророднаго: въ концѣ X в. вспыхнула внутренняя война, и побѣжденная партія ушла и присоединилась къ Униграмъ.[1]).

§ 133. Движеніе Угровъ. Я уже упоминалъ, что въ письмѣ кагана Іосифа сѣверная граница хозарскаго государства простирается до Угровъ. Извѣстіе это во всякомъ случаѣ вполнѣ правдоподобно, и можетъ быть не безъ вліянія хозарскаго натиска западная часть угорскаго народа, отдѣлившись, направилась на западъ, подъ именемъ Угровъ-Мадьяръ. Теперь мы знаемъ совершенно опредѣленно, что въ Унграхъ, или Мадьярахъ, какъ они себя называютъ, мы имѣемъ народъ финскаго происхожденія, наиболѣе близкій къ современнымъ зауральскимъ Вогуламъ и Остякамъ (западные сосѣди—Зыряне и Вотяки до сихъ поръ называютъ эти племена Iögra)[2]). Но какъ указываетъ языкъ

скія. См. В. Сизовъ, Раскопки близъ Цимлянской ст. на Дону, Труды VI съѣзда т. IV. Поповъ, Гдѣ была хозарская крѣпость Саркелъ—Труды IX археолог. съѣзда, т. I и тамъ же т. II, стр. 102. Звѣревъ Матеріалы по археол. Дона (Пам. кн. Воронеж. губ. 1894). Ласкинъ, Сочиненія Константина Багрянороднаго, стр. 223 и слѣд. Вестбергъ, ор. с. гл. 4 и Маркварть, гл. 1.

[1]) De adm., 39.

[2]) Изъ литературы начальной исторіи Угровъ и ихъ миграціи отмѣчу наиболѣе интересное для насъ: Hunfalvy, Ethnographie von Ungarn, 1877, его же: Die Ungarn oder Magyaren (Die Völker Osterreichs-Ungarn, 1881). Vambery Ursprung von Magyaren и критику Hunfalvy: Vambery's Ursprung der Magyaren 1883. Гротъ, Моравія и Мадьяры, 1881. Géza Kuun, Relationum Hungarorum cum oriente historia antiquissima, 1895. E. Zichy, La migration de la race hongroise, другой заголовокъ: Voyages en Caucase et en Asie centrale. 1897. B. Munkácsi, Die Anfänge der ungarisch-slavischen Berührung (Die Donauländer, 2, 1899). O. Asbóth, A Magyar nyelvbe került szlav szók átvételenek helye és kora (на туже тему) и Die Anfänge der ungarisch-slavichen eth-

—эта финская основа подверглась здѣсь значительному вліянію тюркскихъ элементовъ, что могло произойти или вслѣдствіе культурныхъ воздѣйствій, благодаря смѣшенію, или же вслѣдствіе завоеванія. Константинъ Порфирородный разсказываетъ о хозарскомъ господствѣ надъ Уграми и о присоединеніи къ нимъ нѣкоторой части Хозаръ: могло быть и другіе подобные случаи проникновенія въ угорскую орду элементовъ тюркскихъ, или господства надъ нею Тюрковъ[1]).

Относительно того момента, когда Мадьяре отдѣлились отъ своихъ земляковъ и пустились въ свое странствованіе на западъ, мы не имѣемъ сколько нибудь надежныхъ свѣдѣній. Константинъ Порфирородный, единственный болѣе достовѣрный источникъ для исторіи угорской миграціи[2]), разсказываетъ, что „Турки“ (какъ называетъ онъ Мадьяръ) въ прежнія времена жили въ сосѣдствѣ Хозаръ, подъ ихъ господствомъ: область эта называлась Лебедіей, по имени главнаго угорскаго „воеводы“ (βοεβόδου) и расположена была на рѣкѣ Χιδμάς иначе Χιγγουλούς. Подъ напоромъ Печенѣговъ Угры разбились на двѣ части: одна осталась на востокѣ (у Константина—возлѣ Персіи), другая перешла въ область Ателькузу и оттуда послѣ эмигрировала на средній Дунай[3]). Выходитъ при этомъ, что Угры жили въ сосѣдствѣ Хозаръ только три года: Печенѣги пришли въ Европу въ концѣ IX в., а уже въ 893 г. Угры эмигрировали на средній Дунай. Такимъ

---

nischen Berührung—Archiv für slav. Philologie, т. XX. Westberg, Beiträge zur Klärung orientalischen Quellen über Osteuropa (Bulletin de l'Akademie de Spbg.,—V серія, XI, 1899, глава: Magyaren), I. Hampel, A honfoglálasi kor hazrai emelékei, 1900 (Древности эпохи мадьярскаго разселенія на Дунаѣ). H. Winkler, Das Finnenthum der Magyaren (Zeitschrift für Ethnologie 1901).

[1]) Винклеръ въ своей статьѣ на основаніи лингвистическихъ наблюденій устанавливаетъ длинный рядъ вліяній, какимъ подвергалась финская основа Угровъ: тюркскій, монгольскій, дравидійскій, иранскій, кавказскій. Дравидійскія вліянія, если бы на нихъ можно было положиться, указывали бы на глубокій Иранъ, кавказскія—на области прикавказскія, какъ на этапы этой миграціи. Пребываніе угорской орды въ кавказскихъ областяхъ доказываетъ гр. Зичи также и путемъ археологическихъ указаній.

[2]) Разсказъ угорскаго Анонима - нотарія кор. Белы потерялъ совершенно всякій кредитъ въ наукѣ.

[3]) De adm. 38.

образомъ весь этотъ переходъ Угровъ черезъ черноморскія степи является у Константина необыкновенно быстрымъ маршемъ. Это обстоятельство очень сомнительно само по себѣ и возбуждаетъ различныя подозрѣнія относительно своей достовѣрности. Въ настоящее время не можетъ уже быть никакого сомнѣнія въ томъ, что передвиженіе Угровъ изъ подъ Урала къ Дунаю въ дѣйствительности продолжалось довольно долгое время, самое меньшее на протяженіи ста лѣтъ. Противъ позднѣйшаго извѣстія Константина имѣемъ современныя извѣстія Арабовъ. Рядъ арабскихъ писателей передаетъ намъ извѣстія объ Уграхъ изъ эпохи ихъ передвиженія и эти извѣстія исходятъ, очевидно, изъ источника средины IX в. или второй его четверти. Угры въ то время обитали въ черноморскихъ или прикавказскихъ степяхъ и были извѣстны въ качествѣ воинственной, разбойничьей орды, сильно докучавшей своимъ сосѣдямъ [1]). Очевидно, Константинъ въ своемъ разсказѣ сбилъ факты долгаго ряда лѣтъ [2]).

---

[1]) Впервые опубликованы эти извѣстія въ пересказѣ ибнъ-Русте, писателя X в., но въ то время не было выяснено ихъ происхожденіе; уже позже, когда стали извѣстны аналогичныя извѣстія аль-Бекри, и въ особенности Кардизи, изданныя Бартольдомъ въ 1897 г., стало яснымъ, что предъ нами извѣстія средины или даже первой половины IX в. Предполагаютъ, что источникомъ этихъ извѣстій былъ историко-географическій трудъ о Византійскомъ государствѣ и сосѣднихъ варварскихъ странахъ Муслима абу Джарми—до насъ онъ не дошелъ, но имъ пользовался и Джайгани, и географы X вѣка. Марквартъ даетъ такую таблицу этихъ географическихъ трудовъ:

абу-Джарми
Джайгани

ибнъ-Русте — N — Бекри — N

Мухамедъ-и-Ауфи — трактатъ, изд. Туманскимъ. — Кардизи.

О личности Джарми нѣкоторыя свѣдѣнія у Масуди—см. извлеченія у Васильева Византія и Арабы за время аморійской дин., прил. с. 73.

[2]) Одинъ изъ новѣйшихъ мадьярскихъ историковъ Marczali (y Szilagyi, A. magyar nemzet története I стр. 20 и слѣд.), наиболѣе рѣшительно отступая отъ разсказа Константина, допускаетъ, что Угры уже около 700 года пришли въ Лебедію, пробыли тамъ болѣе ста лѣтъ, и въ въ Ателькузу жили продолжительное время.

§ 134. Угры въ черноморскихъ степяхъ. Изъ мѣстъ, гдѣ Угры, по словамъ Константина, останавливались при своемъ передвиженіи, мѣстоположеніе „Лебедіи“ нельзя опредѣлить сколько нибудь точно: помѣщаютъ ее между Днѣпромъ и Дономъ (Χιγγουλοῦς въ такомъ случаѣ могъ быть Орелью, „его же Русь зоветь Уголъ“)[1], но все это совершенно гипотетическія соображенія: „Ателькузу“ же несомнѣнно обозначаетъ область на лѣвой сторонѣ Дуная (отъ Дуная до Днѣстра или даже до Днѣпра—этого нельзя сказать опредѣленно): самое слово истолковываютъ какъ „рѣка Кузу“, область при Кузу. Это была уже послѣдняя остановка Угровъ по дорогѣ къ среднедунайскимъ областямъ. Передъ этимъ они, по словамъ арабскаго источника, сидѣли при „двухъ рѣкахъ, текущихъ въ Римское (Черное) море“, вблизи Кавказскихъ горъ,—вѣроятно у Азовскаго моря, у Кубани или Дона. Такимъ образомъ все это время они жили въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нашими племенами[2], и сосѣдство Угровъ, по словамъ арабскаго источника, было очень тяжело для нихъ и должно было неблагопріятно отзываться на черноморской колонизаціи. „Они господствуютъ надъ всѣми сосѣдними Славянами, отягощаютъ ихъ тяжелой данью и обращаются съ ними какъ со своими рабами“. „Они неустанно нападаютъ на Славянъ“. „Воюя Славянъ, и добывши отъ нихъ плѣнниковъ отводятъ они этихъ плѣнниковъ берегомъ моря къ одной изъ римскихъ пристаней, называющейся Karch (вѣроятно Керчь[3]). Греки выходятъ имъ навстрѣчу: Мадьяры заводятъ съ ними торгъ, отдаютъ имъ плѣнниковъ своихъ и въ замѣнъ получаютъ греческую парчу, пестрые шерстяные ковры и другіе греческіе товары[4]).

---

[1]) Ипат., стр. 427. Во всякомъ случаѣ не Ингуломъ, какъ обыкновенно думаютъ.

[2]) О слѣдахъ давняго сожительства Угровъ со Славянами въ мадьярскомъ языкѣ и происхожденіи ихъ – рефератъ Iankó о русскихъ терминахъ въ угорскомъ рыболовствѣ—M. N. Múzeum népr. oszt. Ertesitöje 1900 — реф. Vèstnik Sl. Star. IV, стр. 51. Ашботъ въ своихъ статьяхъ (см. с. 270) доказываетъ, что славянскія заимствованія появились уже на нынѣшнихъ обиталищахъ (отъ южно-славянскаго населенія).

[3]) Karch объясняютъ еще какъ Тмутаракань, Каркину и т. д. Противъ Керчи возражаютъ, что въ IX в. она не принадлежала Грекамъ; но тутъ возможна неточность у Араба, а также мыслимы политическія перемѣны въ Керчи, неизвѣстныя намъ.

[4]) Извѣстія ибнъ-Даста 27, Бартольда Отчетъ стр. 122 (За-

Наша Повѣсть, зная о передвиженіи Угровъ, ничего не говоритъ о какомъ-либо „примучиваніи" съ ихъ стороны. Она упоминаетъ только, что какая то толпа Угровъ проходила мимо Кіева, но и этотъ эпизодъ походитъ на книжное объясненіе того, какъ появилось урочище „Угорское" въ Кіевѣ [1]). Нашъ книжникъ имѣя случай нѣсколько разъ говорить объ Уграхъ и зная кое-что о нихъ изъ традиціи, повидимому ничего не слыхалъ и не умѣлъ ничего сказатъ о какихъ либо бѣдствіяхъ отъ нихъ, какъ это зналъ объ Аварахъ. Угорскія примучиванія касались

писки Академіи, VIII. I), Извѣстія аль-Бекри, стр. 63; объ этихъ извѣстіяхъ Вестбергъ, Beiträge, стр. 214 и Къ анализу, стр. 20, Маркварть Streifzüge, стр. 27 и проч. Объ угорскихъ набѣгахъ на черноморскомъ побережьи въ 860 хъ гг. также въ житіи Константина-Кирила (въ Чтеніяхъ московскихъ, стр. 409).

[1]) „Идоша Угре мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорьское, и пришедше къ Днѣпру, сташа вежами; бѣша бо ходяще яко и Половци", говоритъ Повѣсть,—Ипат. стр. 14. Уграмъ, конечно, не по пути было итти мимо Кіева, развѣ какой-либо отрядъ могъ сбиться съ дороги и забрести туда, но и въ такой формѣ нельзя принять съ увѣренностью этого извѣстія въ виду того, что лѣтописецъ хочетъ этимъ угорскимъ походомъ объяснить названіе кіевскаго урочища. Итакъ этотъ походъ сомнителенъ. За то угорскія вежи похожи на реальное народное воспоминаніе объ Уграхъ. Интересно, что перечисляя орды, ходившія на Русь, Повѣсть прежде всего упоминаетъ Печенѣговъ: по „сихъ бо (Обрахъ) придоша Печенизѣ, и паки идоша Угры Чернии мимо Кыевъ" (стр. 7), хотя въ дальнѣйшемъ разсказѣ Угры опережаютъ Печенѣговъ, такъ какъ приходятъ при Олегѣ, а Печенѣги лишь при Игорѣ. Эта перестановка Печенѣговъ впереди Угровъ свидѣтельствуетъ, что переходъ Угровъ въ кіевской традиціи оставилъ слишкомъ незначительный слѣдъ и слился съ печенѣжскимъ.

Въ обоихъ случаяхъ приходъ Угровъ датируется на основаніи чужихъ источниковъ, и эти даты не имѣютъ значенія для исторіи Руси. Приходъ Угровъ упоминается въ связи съ исторіею проповѣди Кирилла и Меѳодія и завоеваніемъ Моравіи Уграми, и дата 6406 (898) г., подъ которою поставлена и эта проповѣдь, и приходъ Угровъ къ Кіеву, и ихъ войны съ Греками и Мораванами, скомбинирована изъ житія Кирилла и Меѳодія, какъ это съ полною правдоподобностью выяснилъ Шахматовъ (Хронологія древн. русск. лѣтописн. сводовъ—Ж. М. Н. стр. 1897, стр. 468—9). Во всякомъ случаѣ она не соотвѣтствуетъ хронологіи угорскаго передвиженія.

болѣе южной колонизаціи, мало интересовавшей Кіевлянъ, хотя, несомнѣнно, весьма сильно отразились на тамошней жизни.

Пребываніе Угровъ въ нашихъ степяхъ закончилось въ 890-хъ годахъ. По призыву Византіи Угры, оставя свои станы у нижняго Дуная, приняли участіе въ войнѣ Грековъ съ Болгарами въ 892 г.: но Болгаре призвали противъ нихъ Печенѣговъ, и попавъ между двухъ огней, Угры бросились вверхъ по Дунаю —въ бывшія становища Гунновъ и Аваровъ, и тутъ поселились. Этимъ и закончилось ихъ странствованіе.

§ 135. Печенѣги. Передвиженіе Угровъ и опустошенія, произведенныя ими среди черноморской колонизаціи были предтечею гораздо болѣе грознаго для нея нашествія Печенѣговъ. Уже въ срединѣ IX в. Печенѣги сильно тѣснили Хозаръ, заграждавшихъ имъ путь къ западу, потому, что сами были тѣснимы сосѣдями: съ востока напирали на Печенѣговъ Узы (Торки нашихъ лѣтописей), а за ними двигалась еще болѣе сильная орда Кипчаковъ—Половцевъ. По словамъ Константина Порфиророднаго, Печенѣги въ то время обитали между Волгою и Ураломъ. Хозары, не выдержавъ натиска Печенѣговъ, пропустили наконецъ ихъ; это должно было произойти не позже 70—80 гг. IX в.[1]). Пропущенная на Волгу орда Печенѣговъ обрушилась на Угровъ и вытѣснила ихъ изъ ихъ кочевьевъ. Разбитые Угры двинулись на западъ, и Печенѣги, слѣдуя по пятамъ ихъ, уже въ началѣ 890-хъ годовъ появились у нижняго Дуная, гдѣ вмѣстѣ съ Болгарами уничтожили кочевья Угровъ и этимъ принудили ихъ перейти въ среднедунайскія области[2]). Такъ представляетъ передвиженіе Печенѣговъ Константинъ.

---

[1]) Константинъ говоритъ (De adm. 37), что это случилось 50 лѣтъ тому назадъ, а такъ какъ эта часть его разсказа составлена была около 950-го года, то выходило бы, что Печенѣги перешли Волгу въ послѣднихъ годахъ IX в. Въ дѣйствительности же Печенѣги должны были перейти на правый берегъ Волги гораздо раньше.

[2]) Объ этомъ эпизодѣ и его противорѣчивой хронологіи см. у Грота, op. c., гл. V, а также Голубовскаго, Печенѣги, III. Наша лѣтопись даетъ для нашествія Печенѣговъ дату 6423, т. е. 915: „придоша Печенѣзи первое на Рускую землю и створше миръ съ Игоремъ, идоша къ Дунаю“. По правдоподобному объясненію

Печенѣжскій переходъ изъ-за Волги къ Дунаю такимъ образомъ былъ быстръ, какъ степной ураганъ, и напоминалъ аварское нашествіе. Но Печенѣги не ушли далѣе на западъ, какъ Авары, а остались надолго въ нашихъ степяхъ.

Со своими ордами расположились они на всемъ пространствѣ отъ Дуная до Дона. Въ первой половинѣ X в. „Печенѣжская земля“ (Πατζινακία) по разсказамъ Византійцевъ простирается „отъ нижней части Дуная, противъ Дистры (Силистріи) до хозарской крѣпости Саркелъ“ (на Дону)[1]. Константинъ разсказываетъ, что изъ восьми колѣнъ, изъ которыхъ состояла Печенѣжская орда, четыре кочевали къ востоку отъ Днѣпра, четыре—между Дунаемъ и Днѣпромъ. По его извѣстіямъ два печенѣжскихъ колѣна занимали западную полосу степей, у Дуная, одно „по сосѣдству съ Русью“—Полянами, другое по сосѣдству съ Уличами, Древлянами и Лучанами, слѣдовательно между Днѣстромъ и Днѣпромъ. День пути отдѣлялъ эти печенѣжскія кочевья отъ внѣстепной славянской колонизаціи.

За Днѣпромъ печенѣжскія кочевья граничили на востокѣ съ землями Хозаръ и Алановъ, на югѣ—къ крымскимъ владѣніямъ Византійцевъ“[2]). Мѣстности за Волгою, оставленныя Печенѣгами, заняли Узы—Торки.

§ 136. Разрушеніе славянской колонизаціи въ степяхъ. Совмѣстная жизнь съ многочисленной, весьма воинственной и хищной Печенѣжской ордой была для славянскаго степного населенія слишкомъ тяжела. Встревоженное уже передъ этимъ угорскими погромами оно теперь начинаетъ рѣшительно покидать опасныя мѣста и большими массами передвигается въ болѣе спокойныя

Шахматова (Хронологія, стр. 473), лѣтописецъ скомбинировалъ ее изъ разсказа Амартола объ участіи Печенѣговъ въ греческо-болгарской войнѣ 914 г., о которомъ вслѣдъ за этимъ и сообщаетъ: разъ Печенѣги ходили на Дунай, то должны были переходить черезъ „Рускую землю“, а разъ при этомъ не было войны съ Игоремъ, то очевидно „створивше миръ“.

[1]) De adm. imp. гл. 42; соображенія относительно этой главы см. въ изслѣдованіи Успенскаго: Византійскія владѣнія на сѣв. берегу Чернаго моря („Кіевская старина“, 1889, IV, 263 (онъ считаетъ это извѣстіе реляціею начала X в.).

[2]) De adm., гл. 37.

области. Къ сожалѣнію весь этотъ процесъ протекаетъ внѣ нашихъ источниковъ. Наша лѣтопись не упоминаетъ ни словомъ объ опустошеніяхъ угорскихъ, и о Печенѣгахъ начинаетъ говорить лишь тогда только, когда они своими набѣгами стали безпокоить окрестности Кіева, а это имѣло мѣсто уже во второй половинѣ X в. Единственная подробность изъ степной жизни, какую передаютъ намъ источники—это препятствія въ сообщеніи вслѣдстіе разбоевъ Печенѣговъ на степныхъ дорогахъ. Изъ разсказа Константина Порф. о торговыхъ караванахъ Руси, ходившихъ изъ Кіева по Днѣпру и моремъ къ Цареграду въ первой половинѣ X в., видимъ, что эти караваны принуждены были итти подъ военной охраной, такъ какъ и на Днѣпрѣ и на морскомъ побережьи подстерегали ихъ Печенѣги[1]). Князь Святославъ погибъ въ степи отъ Печенѣговъ, подстерегшихъ его у пороговъ, чтобы воспользоваться его богатой добычей.

Всю остальную обстановку тогдашней жизни въ степяхъ и на степномъ пограничьѣ можно дополнить данными позднѣйшихъ, половецкихъ временъ: непрекращающіеся набѣги на города и селенія, жившія среди вѣчной тревоги на военномъ положеніи: захватъ плѣнниковъ во время набѣговъ въ громадномъ количествѣ, при чемъ работоспособные продавались въ крымскихъ портахъ въ неволю въ чужія страны, а всѣ непригодные къ работѣ и на продажу безжалостно убивались; уничтоженіе цѣлыхъ поселеній, и въ результатѣ—бѣгство населенія и запустѣніе цѣлыхъ областей. Не слѣдуетъ забывать, что два столѣтія сравнительно спокойной жизни отдѣляли эту степную грозу IX—X вв. отъ тревожной эпохи разселенія. Періодъ разселенія приспособилъ было южныхъ поселенцевъ къ тревожной мятежной жизни, развилъ у нихъ воинственный характеръ, они въ тѣ времена могли охотно становиться участниками разбойничьихъ походовъ Гунновъ и Болгаръ. За два послѣднія столѣтія они отстали отъ всего этого, и большинство населенія уже не мирилось съ такой безпокойной жизнью и уходило изъ степей.

Мы видимъ только результаты всего этого, да и то большею частью значительно позже, когда уже мѣсто Печенѣговъ въ степяхъ заняли Торки и Половцы (во второй половинѣ XI в.).

---

[1]) De adm., гл. 9.

Поэтому намъ приходится говорить здѣсь о результатѣ тюркскаго движенія вообще, въ продолженіе X (отчасти IX) и почти всего XI вѣка.

§ 137. Отливъ степного населенія. Уже говоря о колонизаціи Уличей и Тиверцевъ въ своемъ этнографическомъ обзорѣ, „Повѣсть" разсказываетъ о ней въ прошедшемъ времени: „сѣдяху по Бугу и по Днѣпру (Днѣстру)", „присѣдяху къ Дунаеви", „бѣ множество ихъ". Она упоминаетъ, что города ихъ еще и до сихъ поръ существуютъ („суть городи ихъ и до сего дня"), и этимъ еще явственнѣе оттѣняетъ, что самая колонизація черноморская—дѣло прошлое: города остались, а самой колонизаціи, этого былого „множества" уже не существовало.

Выше приведено было нами извѣстіе новгородской редакціи Повѣсти о переходѣ Уличей съ нижняго Днѣпра за Бугъ въ первой половинѣ X в. и указано, что переходъ этотъ произошелъ по всей вѣроятности подъ вліяніемъ печенѣжскаго натиска. Мы имѣли бы здѣсь одинъ конкретный эпизодъ изъ общей исторіи отступленія черноморскаго славянскаго населенія изъ степей на сѣверъ.

Но тянулся этотъ процесъ долго, степи пустѣли медленно запустѣніе постепенно переходило изъ областей болѣе угрожаемыхъ въ менѣе опасныя. Послѣ первыхъ, наиболѣе рѣзкихъ передвиженій, вызванныхъ первыми, наиболѣе опасными катастрофами, этотъ отливъ славянскаго населенія тянулся въ общемъ не одну сотню лѣтъ, и остатки степного населенія могли переселяться отсюда еще въ XI—XII в.

Уличи уходили въ области между Бугомъ и Днѣстромъ—вѣроятно на средній и верхній Бугъ, на сѣверозападъ. Въ этомъ направленіи вообще должно было отступать степное населеніе. На сѣверѣ оно приливало къ предшествующей уже колонизаціи, увеличивало ея плотность и численность и способствовало отливу ея далѣе на сѣверъ. Однимъ изъ результатовъ этого обратнаго движенія слѣдуетъ считать развитіе колонизаціи лѣсныхъ и болотистыхъ пространствъ Сѣверной Украины, заброшенныхъ, вѣроятно, во времена первоначальнаго движенія на югъ. На западѣ лежали слабо еще колонизованныя, также заброшенныя на первыхъ порахъ горныя области Карпатъ; на ихъ колонизацію вытѣсненіе насельниковъ съ Черноморья должно было также имѣть боль-

шое вліяніе. Весьма вѣроятно мнѣніе, что сюда—въ карпатскія и прикарпатскія области устремилось поднѣстровское, тиверское и и дулѣбо-уличское населеніе подъ натискомъ ордъ [1]). Къ этому времени можно относить усиленіе колонизаціи Карпатской Руси.

Подобный же процесъ медленнаго отступленія славянскаго населенія изъ черноморскихъ степей долженъ былъ имѣть мѣсто и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, только здѣсь мы не имѣемъ даже такихъ скупыхъ указаній, какъ о правой. Можемъ лишь съ одной стороны (на основаніи иностранныхъ извѣстій) констатировать заселеніе Подонья, быть можетъ до самаго Азовскаго моря, передъ появленіемъ Угровъ и Печенѣговъ, а съ другой стороны описанія походовъ на Половцевъ въ началѣ XII в. указываютъ уже на сильное запустѣніе степной полосы, къ югу отъ Посулья, такъ что здѣсь остались только слабые остатки прежняго славянскаго населенія. Къ XII вѣку степи вообще опустѣли настолько сильно, что приходится вылавливать лишь намеки на существованіе тамъ остатковъ славянскаго населенія. Лѣвобережное населеніе принуждено было отступать изъ нихъ также преимущественно къ сѣверу, или лучше сказать, къ сѣверозападу. Подобно тому, какъ колонизаціонный потокъ первоначальнаго разселенія шелъ къ Подонью изъ средняго Приднѣпровья, двигаясь въ юго-восточномъ направленіи, такъ и отливъ изъ Подонья и Азовскаго поморья по старымъ торговымъ путямъ долженъ былъ направиться къ сѣверо-западу, преимущественно къ Приднѣпровью, главнымъ образомъ лѣвобережному (отчасти можетъ быть и къ правобережному—изъ нижняго Днѣпра) [2]).

§ 138. Борьба съ тюркскимъ натискомъ. О борьбѣ черноморской Руси съ Печенѣгами лѣтопись ничего не сообщаетъ. Не знаемъ мы и того, принимали ли кіевскіе князья какія-либо мѣры для защиты степного населенія, находившагося уже въ нѣ-

[1]) Ср. Барсовъ [2] стр. 100, Потканскій, Lachowie, стр. 196.

[2]) Поэтому мнѣ не особенно вѣроятнымъ кажется мнѣніе ак. Шахматова (Къ вопросу о происх. русск. народностей, стр. 13—4, и отчасти въ новѣйшемъ трудѣ—Южныя поселенія Вятичей), что подонское населеніе (которое онъ считалъ Сѣверянами, впослѣдствіе Вятичами), отливая на сѣверъ, массой колонизировало земли по Окѣ. На это нѣтъ доказательствъ, и само по себѣ такое движеніе просто и исключительно на сѣверъ мало правдоподобно.

которой, хотя бы и неособенно тѣсной зависимости отъ Кіева. Единное лаконическое извѣстіе Повѣсти подъ 920 г. говоритъ лишь, что кн. Игорь воевалъ съ Печенѣгами[1]). Наша лѣтопись начинаетъ интересоваться Печенѣгами лишь съ тѣхъ поръ, какъ они во второй половинѣ X в. стали сильно давать себя чувствовать кіевскимъ окрестностямъ. Подъ 968 г. она записала: „Прийдоша Печенѣзи пѣрвое на Рускую землю", что должно обозначать первое нападеніе на Полянскую землю, переданное лѣтописцу традиціею[2]). Но это былъ уже большой походъ: Печенѣги, пользуясь временемъ, когда Святославъ воевалъ въ Болгаріи, осадили Кіевъ громадной ордой („бещисленное множество"), прервали всякое сообщеніе, и русскіе вспомогательные отряды, прибывшіе изъ за Днѣпра, не рѣшались подойти къ Кіеву. Только извѣстіе, что Кіевъ на другой день долженъ сдаться Печенѣгамъ, и страхъ наказанія со стороны Святослава заставилъ Заднѣпровцевъ итти на помощь Кіевлянамъ. Но и тогда только случай, какъ разсказываетъ Повѣсть, спасъ Кіевъ: Печенѣги приняли этихъ Заднѣпровцевъ за войско Святослава и ушли прочь.

Въ дѣйствительности этой осадѣ самаго Кіева должны были предшествовать менѣе громкія нападенія Печенѣговъ и грабежи полянской земли и кіевской окрестности; но они не удержались въ народной традиціи, записанной лѣтописцемъ. Вообще онъ передаетъ только тѣ эпизоды изъ печенѣжскаго лихолѣтья, которые были связаны съ какими либо народными преданіями либо мѣстными памятниками: такова исторія о нашествіи Печенѣговъ на заднѣпровскія окрестности, „по оной сторонѣ отъ Сулы" (подъ 993 г.)—она связана съ легендою о побѣдѣ русскаго юноши надъ Печенѣгомъ и съ именемъ Переяслава, основаннаго на томъ

[1]) Ипат., стр. 26.

[2]) Въ Повѣсти имѣемъ два такихъ первыхъ прихода Печенѣговъ на Русскую землю, записанныхъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, одинъ подъ 915, другой подъ 968 (одинъ изъ кодексовъ—Хлѣбниковскій—замѣтилъ это противорѣчіе и исправилъ подъ 968 годомъ „пѣрвое" на „второе"). Могло это произойти такимъ образомъ, что нашествіе подъ 968 г. было дѣйствительно внесено въ Повѣсть въ качествѣ перваго извѣстнаго нападенія, но позднѣйшій редакторъ скомбинировалъ изъ греческаго источника и записалъ подъ 915 годомъ еще болѣе ранній приходъ, какъ „первый", не исправивъ позднѣйшаго.

мѣстѣ, гдѣ юноша „переялъ славу“ у Печенѣга. Эпизодъ подъ 996 г., связанъ съ церковью Преображенія въ Василевѣ, когда Печенѣги пришли подъ Василевъ, и Владиміръ, не устоялъ передъ ними „съ малою дружиною“: бѣжалъ и укрылся подъ мостомъ, обѣщая воздвигнуть церковь за свое спасеніе,—и дѣйствительно построилъ упомянутую Преображенскую церковь. Исторія объ осадѣ Бѣлгорода (подъ 997 г.) связана съ бродячимъ анекдотомъ (изъ цикла разсказовъ о глупцахъ), какъ Бѣлгородцы обманули Печенѣговъ, розсказавъ, что они добываютъ кисель изъ земли, и этимъ заставили ихъ снять осаду. Наконецъ, послѣдній печенѣжскій походъ при Владимирѣ связанъ съ смертью кн. Бориса и взятъ изъ его житія.

Гораздо интереснѣе этихъ случайныхъ эпизодовъ тѣ общія замѣчанія, какими при этихъ разсказахъ обмолвился лѣтописецъ. Приступая къ разсказу о бѣлгородскомъ киселѣ, онъ говоритъ, что съ Печенѣгами была неустанная борьба: „бѣ бо рать бес переступа“, и Владимиръ ходилъ въ сѣверныя области собирать войско на войну съ ними („по вѣрхние воѣ“—здѣсь верховье Днѣпра, вообще сѣверныя области)[1]. Разсказывая о томъ, какъ Владимиръ строилъ „грады“ вокругъ Кіева и сюда выводилъ колонистовъ изъ сѣверныхъ земель (фактъ, который долженъ былъ запечатлѣться въ памяти народа), лѣтописецъ поясняетъ также: „бѣ бо рать от Печенѣгъ“[2]. Эти вскользъ брошенныя замѣчанія раскрываютъ предъ нами тогдашнее положеніе, когда Печенѣги, овладѣвъ степями и согнавъ съ нихъ всю массу осѣдлаго населенія, во второй половинѣ, особенно въ послѣдней четверти X и въ началѣ XI в. получили свободный доступъ къ болѣе отдаленнымъ землямъ и устремились на неопустошенныя еще области въ районѣ средняго Днѣпра, въ особенности на окрестности славнаго своими богатствами Кіева.

§ 139. Укрѣпленіе пограничья. Кіевскія окрестности въ концѣ X в. находились въ вѣчной блокадѣ со стороны Печенѣговъ. Хотя лѣтописецъ и говоритъ, что Владимиръ „бѣ воюя ся с ними и одоляя имъ“[3], но сами уже сообщаемые имъ эпизоды указываютъ, какъ тяжела была эта борьба. Мѣстныхъ

[1]) Ипат., стр. 87. [2]) Ипат., стр. 83.
[3]) Ипат., стр. 83.

силъ не хватало, приходилось стягивать войска изъ далекихъ сѣверныхъ волостей. Не хватало народа и для заселенія новопостроенныхъ городовъ-крѣпостей вокругъ Кіева; снова приходилось для гарнизоновъ стягивать („нарубати“) болѣе зажиточныхъ людей изъ сѣверныхъ земель: „отъ Словенъ, и отъ Кривичъ, и отъ Чюдий, и отъ Вятичъ, и отъ сихъ насели грады“ [1]). Очевидно, окрестности Кіева пустѣли весьма быстро.

Городъ Родня при впаденіи Роси въ Днѣпръ еще держится въ началѣ третьей четверти X в.; у Днѣпра, обезпечивавшаго сообщеніе съ Кіевомъ и сѣверными землями, русское населеніе вообще могло держаться дольше. Изъ разсказа Константина о русскомъ пограничьи съ Печенѣгами можно бы заключить, что въ первой половинѣ X в. „русскія“, т. е. полянскія поселенія по Днѣпру шли еще довольно далеко вглубь степей. Отдѣльные замки могли держаться и по Роси. Но Поросье вообще въ концѣ X в. было уже настолько ослаблено, что Владимиръ счелъ безнадежнымъ дѣломъ укрѣплять и защищать его отъ Печенѣговъ, а принялся строить замки въ ближайшихъ къ Кіеву окрестностяхъ по Стугнѣ и Ирпеню. Объ этой линіи укрѣпленій лѣтопись говоритъ вполнѣ опредѣленно. Объ укрѣпленіи Бѣлгорода на Ирпени она упоминаетъ подъ 992 годомъ: „Володимеръ заложи градъ Бѣлъ и наруби въ нь отъ инѣхъ градъ, и много людий сведе в онь, и бѣ бо любя городъ сь“; городъ, повидимому, былъ здѣсь и прежде, лишь укрѣпленъ онъ только теперь, въ связи съ цѣлой системой крѣпостей для защиты отъ Печенѣговъ [2]).

Еще болѣе сложную и сильную—по крайней мѣрѣ, судя по словамъ лѣтописи, систему крѣпостей устроилъ Владимиръ на лѣвомъ берегу Днѣпра: „И рече Володимеръ: ‚се не добро есть—мало городовъ около Кыева‘. И нача ставити городы по Деснѣ, и по Устрьи (Остру), по Трубешеви (Трубежу), и по Сулѣ, и по Стугнѣ“. Вѣроятно лѣвый берегъ Днѣпра вообще подвергался печенѣжскимъ набѣгамъ еще больше, чѣмъ правый.

Какъ видимъ, крѣпости строились здѣсь въ три ряда—по

[1]) Ипат., стр. 83. Варіантъ: „и отъ всѣхъ градъ“ (Новгородская лѣт., стр. 65).

[2]) О постройкѣ Владимиромъ замковъ имѣется спеціальное (правда, не особенно содержательное) изслѣдованіе Бережкова въ Чтеніяхъ кіевскаго историческаго общества, т. II.

Сулѣ, Трубежу и Сейму. Линія Сулы укрѣплялась, вѣроятно, лишь изъ стратегическихъ соображеній: чтобы сдѣлать болѣе труднымъ доступъ къ Переяславу, одному изъ наиболѣе важныхъ политическихъ и торговыхъ центровъ, и къ самому Кіеву. Но колонизація Посулья была, нужно полагать, въ одномъ положеніи съ колонизаціею Поросья: по крайней мѣрѣ въ разсказѣ о переяславскомъ отрокѣ видимъ, что Печенѣги идутъ со стороны Сулы, словно изъ степи, а Владимиръ встрѣчаетъ ихъ лишь на Трубежѣ.

Кромѣ крѣпостей, для защиты этой границы служили линіи валовъ и рвовъ. Извѣстный миссіонеръ Брунонъ, посѣтившій Кіевъ при Владимирѣ, разсказываетъ какъ очевидецъ, что Владимиръ окружилъ Кіевъ для защиты отъ Печенѣговъ „очень крѣпкой и длинной оградой“. Эту „ограду“ съ прорубленными въ ней воротами Брунонъ видѣлъ гдѣ-то возлѣ Стугны, и дѣйствительно мы имѣемъ и теперь еще вдоль Стугны три ряда валовъ. Такіе же валы находятся и у Переяслава. Въ лѣтописи валы у Стугны (на правомъ берегу) и у Переяслава упоминаются случайно въ концѣ XI в.[1]). Не упоминаются нигдѣ болѣе южныя линіи валовъ, сохранившіяся по Роси и по Сулѣ. Они могутъ быть укрѣпленіями позднѣйшаго времени (XI в.)[2]).

Взглянувъ на карту, видимъ, что въ концѣ X вѣка граница территоріи заселенной болѣе густо и не сметенной волнами тюркскаго потока, болѣе или менѣе совпадаетъ съ границей лѣсного пояса. Это не случайное явленіе: очевидно, лѣсная область давала защиту населенію отъ нападеній кочевниковъ. Дѣйствительно, слѣдя позже за нападеніями Половцевъ, извѣстными намъ болѣе обстоятельно, мы видимъ, что они весьма рѣдко, почти никогда не забирались въ лѣсныя области Древлянъ или Ду-

---

[1]) Ипат., стр. 153, 158 и 159.

[2]) О правобережныхъ и лѣвобережныхъ валахъ см. Максимовича, Собраніе сочиненій, II, стр. 240; Антоновичъ, Зміевы валы въ предѣлахъ Кіевской земли (К. Стар. 1884, III) и его же Археологическая карта Кіевской губ., стр. 133 и слѣд.; В. Ляскоронскій, Городища, курганы и длинные валы въ бассейнѣ р. Сулы (Труды XI съѣзда, т. I), его-же Городища, курганы и длинные (зміевые) валы по теченію рр. Псла и Ворсклы (Труды XIII съѣзда, т. I).

лѣбовъ, рыская главнымъ образомъ въ окрестностяхъ Кіева по сосѣдству съ открытымъ для нападеній Поросьемъ, а еще болѣе въ области Переяслава, лежавшей уже совершенно за границею лѣсной полосы. Очень возможно, что эта беззащитность Переяславской земли и была причиной упомянутыхъ выше болѣе сложныхъ укрѣпленій, устроенныхъ Владимиромъ на лѣвомъ берегу.

§ 140. Остатки степной колонизаціи. Однако брошенная кіевскими князьями на произволъ судьбы предстепная область къ югу отъ Стугны и Сулы не опустѣла совершенно. Я уже упоминалъ, что она должна была пустѣть постепенно, въ теченіе долгаго ряда десятилѣтій. Даже въ XI—XII—XIII вв., послѣ всѣхъ степныхъ бурь и перемѣнъ, какія переживала южная граница земледѣльческой, осѣдлой колонизаціи, то отступавшей подъ натискомъ степи къ сѣверу въ ожиданіи болѣе спокойныхъ и благопріятныхъ временъ для обратнаго движенія на югъ, то выдвигавшейся снова на югъ при всякомъ улучшеніи обстоятельствъ,— даже, повторяю, послѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ, послѣ долгаго періода отлива осѣдлой колонизаціи, находимъ въ степяхъ значительные остатки славянской колонизаціи. Во второй половинѣ X или первой XI вѣка эти остатки должны были быть гораздо значительнѣе. Мы видимъ въ XII—XIII в. довольно значительное степное славянское населеніе — Бродниковъ, умѣвшихъ уживаться въ степяхъ въ тѣсномъ союзѣ съ кочевыми ордами—хозяевами степей; придунайскихъ Берладниковъ, промышленниковъ и пиратовъ, выступающихъ въ одномъ эпизодѣ очень значительнымъ отрядомъ въ количествѣ 6.000 человѣкъ; галицкихъ рыболововъ, промышлявшихъ на нижнемъ Дунаѣ. Видимъ такія города, какъ Олешье на нижнемъ Днѣпрѣ, важный тоговый пунктъ, приморскій портъ Кіева; Русскій портъ на устьѣ Дона; Тмуторокань еще во второй половинѣ XI в. остается русской волостью, выступающей въ видѣ острова, отрѣзаннаго Половецкой ордой отъ степной славянской колонизаціи. Въ самой степи, повидимому, уцѣлѣли нѣкоторыя поселенія. Всѣ эти остатки въ первое время по приходѣ Печенѣговъ должны были быть еще значительнѣе.

Лѣтописецъ, разсказывая о быломъ множествѣ Уличей и Тиверцевъ, говоритъ, что города ихъ существуютъ и до сихъ поръ (во второй половинѣ XI в.). Одна изъ редакцій имѣетъ

варіантъ: „градъ ихъ спы“ (валы), и отсюда можно было бы заключить, что это были лишь опустѣвшіе городища. Дѣйствительно, Константинъ Парфирородный также упоминаетъ объ опустѣвшихъ замкахъ (ἐρημόκαστρα) между Днѣпромъ и Дунаемъ [1]). Но едвали можно предположить у редактора Повѣсти такой археологическій интересъ, чтобы вниманіе его занимали пустыя городища; скорѣе, припомнивъ Олешье, Русскій портъ, Тмутаракань, можно упомянутые имъ города считать населенными пунктами. У моря и на крупныхъ рѣкахъ города могли держаться долгое время, да и въ степяхъ, навѣрное, еще долго по приходѣ Печенѣговъ оставались болѣе или менѣе значительныя славянскія поселенія. Населеніе частью постепенно передвигалось далѣе изъ степей къ сѣверу, отчасти приспособлялось къ совмѣстному сожительству съ кочевниками въ степяхъ и возвращалось въ большей или меньшей степени къ тому воинственному, полукочевому образу жизни, съ какимъ выступали передъ нами во времена своего Sturm und Drang періода ихъ предки, черноморскіе Анты,— участники походовъ Гунновъ и Болгаръ въ IV—VI вв. [2]).

---

[1]) De adm. стр. 37.

[2]) О русскомъ населеніи въ степяхъ въ XI—XIII в. см. т. II, гл. 7.

IV.

Культура восточно-славянскихъ племенъ эпохи разселенія и послѣдующей.

§ 141. Источники изученія древнѣйшаго быта. Переходя къ выясненію культуры и быта восточно-славянскаго населенія, главнымъ образомъ южной группы племенъ, въ періодъ разселенія и послѣдующую эпоху образованія государства, остановимся прежде всего на источникахъ, выясняющихъ намъ бытъ этого населенія въ эпоху доисторическую и въ началѣ историческаго существованія. Мы имѣемъ нѣсколько категорій подобныхъ источниковъ, взаимно дополняющихъ и контролирующихъ другъ друга и въ суммѣ своей дающихъ довольно подробную картину жизни нашихъ племенъ.

Прежде всего—языкъ. Сравнительное изученіе славянскихъ языковъ открываетъ передъ нами общій запасъ словъ, являющихся культурнымъ пріобрѣтеніемъ праславянства еще до разселенія его и окончательнаго обособленія отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, и такимъ образомъ обрисовываетъ то культурное состояніе, въ какомъ наши племена явились по своемъ раздѣленіи на своихъ новыхъ поселеніяхъ, на теперешней ихъ территоріи [1]).

---

[1]) Кромѣ краткихъ экскурсовъ въ общихъ трудахъ, какъ напр. Ягича, Historja knjizevnosti naroda hrvatskoga i srbskoga, и въ особенности Воцеля, Pravěk zeme ceské, посвятилъ этому вопросу пространную главу Крекъ въ своей работѣ, Einleitung [2], стр. 108—183, затѣмъ вышла спеціальная (неоконченная) работа Будиловича Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованія въ области лингвистической палеонтологіи Славянъ, ч. I, вып. 1 и 2 (К. 1878—9, ч. II, в.

Очевидно, то, что было общимъ культурнымъ достояніемъ всего славянства вообще, было, въ главнѣйшихъ чертахъ, достояніемъ и нашихъ племенъ въ частности. Однако необходимо тщательное отдѣленіе отъ этого общаго праславянскаго запаса названій новыхъ, почерпнутыхъ славянскими народами уже въ позднѣйшее время изъ общаго источника. Изученіе праславянскаго словаря оставляетъ желать еще оченъ многаго и во многихъ случаяхъ неясности остаются: тамъ, гдѣ является такая неясность употребляемъ вмѣсто названій: праславянскій, праевропейскій—общеславянскій, общеевропейскій [1]).

1, к. 1881) и монографія о славянской флорѣ—Sulek, Pogled iz biljarstva u praviek Slavenah a napose Hrvatah (Rad. jug. akad., т. 39). Работа Будиловича однако была довольно строго оцѣнена критикою. Креку О. Шрадеръ (Sprachvergleichung [2], стр. 84) также ставилъ въ упрекъ „слишкомъ высокое мнѣніе о праславянской культурѣ“. Но съ другой стороны и нѣмецкіе изслѣдователи культуры иногда слишкомъ понижали уровень славянской культуры, объясняя наличность общихъ понятій заимствованіемъ изъ нѣмецкаго языка. Это приходится сказать и о многихъ изъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ надъ общими словами Славянъ и Германцевъ: C. Uhlenbeck, Die germanischen Wörter im Altslavischen (Archiv für sl. Philologie XV), H. Hirt, Zu den germanischen Lehnwörtern im Slavischen und Baltischen (Paul u Braune, Beiträge zur Gesch. d. deutschen Sprache, XXIII), K. Loewe, Altgermanische Elemente der Balkansprachen (Ztschr. f. vergl. Sprachforschung, XXXIX, 1903), Peisker, Die älteren Beziehungen der Slaven zu Turkotataren u. Germanen, 1905. Не свободны отъ этого и такія чрезвычайно цѣнныя для изученія древняго быта общія работы, какъ Hehn, Kulturpflanzen und Hausthiere, O. Schrader, Sprachvergleichung und Urgeschichte [3], Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde. Славянскіе филологи, протестуя противъ преувеличенія заимствованій, и сами часто идутъ этимъ же проторенным путемъ — см. напр. Brückner, Cywilizacja i język, 1901, стр. 30 и замѣчанія къ его лингвистическимъ объясненіемъ у Ягича въ Archiv, XXIII, стр. 536—7.

[1]) Изъ славянскихъ работъ о заимствованіяхъ въ языкѣ—чрезвычайно важномъ источникѣ для культурно-историческихъ изученій, —назову еще старую работу Миклошича Die Fremdenwörter in den slavischen Sprachen, поправки къ ней Matzenauer'-а, Cizí slova ve slovanskych řečeh, С. Станоевича, Гипотеза о славянскихъ заимствованныхъ словахъ изъ германскаго (Сборникъ статей посвященныхъ Ф. Θ. Фортунатову, 1902). K. Strekelj, Zur slavischen Lehn-

§ 142. Источники-археологическіе и историко-литературные. Другой источникъ—археологическій матеріалъ. Тамъ, гдѣ можно съ увѣренностью установить принадлежность находокъ нашимъ племенамъ, онѣ иллюстрируютъ культуру этихъ племенъ въ эпоху, предшествовавшую времени распространенія среди нихъ христіанства, и съ этой точки зрѣнія особенное значеніе имѣютъ большія группы раскопокъ—одна на территоріи Древлянъ, другая изъ южной Волыни, третья на территоріи Сѣверянъ [1]). Эта послѣдняя имѣетъ и даты въ видѣ монетъ IX—X в. Для болѣе ранняго времени, предшествующаго разселенію, могли бы имѣть большое значеніе раскопки похоронныхъ полей въ окресностяхъ Кіева и далѣе на западъ, такъ какъ ихъ съ увѣренностью можемъ считать славянскими погребеніями; но къ сожалѣнію эти раскопки производились очень поверхностно и изданы весьма несовершенно [2]).

Наконецъ богатыя свѣдѣнія по нѣкоторымъ вопросамъ даютъ намъ историческіе памятники: для эпохи славянскаго разселенія имѣемъ рядъ важныхъ извѣстій, преимущественно о черноморскихъ Славянахъ (Антахъ и Словенахъ), а начиная съ

---

wörterkunde (Denkschriften der Wiener Akademie 1904) Ianko, O stycích starých Slovanů s Turkotatary a Germany s hlediska jazykospytného (Věstnik česke akademie, 1908) и многочисленныя рецензіи труда Пейскера. O. Schrader, Die germanische - Bestandteile des russischen Wortschatzes (Wiss. Beihefte zur Ztschr. d. allg. deut. Sprachvereines, серія IV, № 23). Младеновъ Старитѣ германскіе элементы въ слав. езыци, 1908.

1) Антоновичъ, Раскопки въ странѣ Древлянъ, 1893 (Матеріалы по Археологіи Россіи, № 11), Гамченко, Житомірскій могильникъ (Житоміръ 1888) его же, Древній поселокъ въ ур. Стуга (Чтенія кіевскія т. XIII), Раскопки въ бассейнѣ р. Случи (Труды XII съѣзда, т. I). Южная Волынь: Е. Мельникъ, Раскопки въ землѣ Лучанъ (Труды XII съѣзда), Антоновичъ, Раскопки кургановъ въ Западной Волыни (ibid.). Сѣверяне: Самоквасовъ, Сѣверскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи (Труды III съѣзда) и новѣйшее изданіе его дневниковъ: Могилы русской земли, 1908.

2) В. Хвойка, Поля погребеній въ среднемъ Поднѣпровьи—Записки русск. арх. общ. XII, 1901, предметы изъ этихъ раскопокъ въ Древностяхъ Приднѣпровья, IV. Ср. выше, стр. 49. Новѣйшія раскопки изъ области верхней Ворсклы (у с. Ницахи)—Е. Мельникъ, Раскопки кургановъ въ Харьковской губ. (Труды XIII съѣзда, I).

IX в. туземные и иностранные источники приносятъ богатый запасъ извѣстій уже спеціально о нашихъ племенахъ. Такимъ образомъ мы располагаемъ матеріаломъ весьма разнороднымъ и принадлежащимъ къ различнымъ эпохамъ, хотя и не всегда достаточно полнымъ и надлежащимъ образомъ обработаннымъ [1]).

Свой обзоръ начнемъ съ матеріальной культуры, наиболѣе

[1]) Въ научной литературѣ использованъ главнымъ образомъ историко-литературный матеріалъ. Въ своей Исторіи Кіевской земли, изданной въ 1891 году, я пробовалъ дать очеркъ древнерусскаго быта на основаніи фактовъ историко-литературныхъ и археологическихъ; ту же тенденцію можно замѣтить и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ кіевскихъ монографіяхъ отдѣльныхъ земель. За всѣмъ тѣмъ въ послѣднее время движеніе въ этомъ направленіи довольно слабо. Археологическій матеріалъ, накопляющійся изъ года въ годъ, остается очень мало обработаннымъ и не приведеннымъ въ систему. Общую картину восточнославянской культуры на основаніи археологическаго матеріала далъ покойный Антоновичъ въ изданіи Б. Ханенко, Древности Приднѣпровья, кн. V, подъ заглавіемъ „Черты быта Славянъ по курганнымъ раскопкамъ“ (с. 1—6); но это лишь бѣглая замѣтка. Интересную тему затронулъ Завитневичъ въ своемъ рефератѣ на XIII археол. съѣздѣ—О культурномъ вліяніи Византіи на бытъ русскихъ Славянъ курганнаго періода, но то, что онъ далъ подъ этимъ заглавіемъ, не представляетъ вовсе интереса (бѣглое обозрѣніе колекцій херсонесскаго музея). Слабо подвигается и монографическая обработка археологическаго матеріала. Весьма цѣнные образцы такой монографической обработки далъ еще въ 1880-хъ гг. проф. Анучинъ—таковы его рефераты: О древнемъ лукѣ и стрѣлахъ—въ Трудахъ V арх. съѣзда, О нѣкоторыхъ формахъ древнерусскихъ мечей въ Трудахъ VI съѣзда; но работа въ этомъ направленіи не пошла. На XI съѣздѣ представилъ большую работу о восточно-европейской керамикѣ Городцовъ—Русская доисторическая керамика, Труды, т. I, но трудно оріентироваться въ этомъ матеріалѣ благодаря весьма сложной систематикѣ. Этимъ отсутствіемъ монографической обработки объясняется то обстоятельство, что историческая наука все еще почти исключительно держится историко-литературной почвы, на которой построены обзоры древнорусскаго быта въ курсахъ исторіи древней Руси старшихъ историковъ. Изъ другихъ славянскихъ племенъ—началъ было выходить расчитанный на широкіе размѣры, но не оконченый и довольно механически обработанный курсъ И. Смирнова, Очеркъ культурной исторіи южныхъ Славянъ (1 часть вышла въ отдѣльномъ изданіи въ 1900 въ Казани, дальнѣйшая печаталась въ Запискахъ казанскаго университета); пренебрегая лингвистическимъ

конкретной, а потому наиболѣе доступной для констатированія, и будемъ исходить изъ лингвистическихъ указаній, въ сферѣ матеріальной культуры представляющихъ особо высокій интересъ.

§ 143. Земледѣліе—по даннымъ языка. Земледѣліе въ эпоху разселенія становится основой хозяйства, и потому слѣдуетъ начать съ него. Начатки его восходятъ, по всей вѣроятности, еще ко временамъ пра-индоевропейскимъ, хотя можно указать лишь слабые слѣды его въ языкѣ [1]). Что было оно извѣстно уже неолитической культурѣ, мы также видѣли. Въ семьѣ европейскихъ языковъ для земледѣлія имѣется уже значительный запасъ терминовъ, и даже наиболѣе скептически настроенные изслѣдователи признаютъ у европейской группы Индоевропейцевъ довольно развитое земледѣліе: по крайней мѣрѣ три рода хлѣба ячмень, пшеницу и просо, термины для паханія, сѣянія, жатвы, помола и соотвѣтствующихъ орудій [2]). Еще далѣе подвинулось оно

матеріаломъ, онъ опирался кромѣ историческаго матеріала на фактахъ этнографіи, а также археологіи, хотя и не всегда удачно ихъ использовалъ. Для земель чешскихъ—трудъ Пича Starožitnosti země České, съ III томомъ вступившій въ княжескую эпоху (Čechy za doby knížecí, I, 1909)—здѣсь интересный археологическій матеріалъ (историческій обработанъ слабѣе). Несравненно лучше обстоитъ дѣло въ области индоевропейской культуры, гдѣ по примѣру О. Шрадера рядомъ съ лингвистическимъ и литературнымъ матеріаломъ все въ болѣе широкихъ размѣрахъ привлекается также и археологическій и этнологическій матеріалъ. Въ этомъ направленіи пошелъ и Гиртъ въ своихъ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, собранныхъ недавно въ общую картину (Die Indogermanen, 1905—7) и рядъ болѣе спеціальныхъ работъ, какія будемъ имѣть случай называть далѣе.

[1]) Я буду употреблять названія „пра-индоевропейскій" для общаго быта Индоевропейцевъ до ихъ разселенія, „пра-европейскій"—для культурныхъ стадій, общихъ европейской части Индоевропейцевъ (безъ восточной, индо-иранской группы).

[2]) Schrader, Reallexicon, стр. 8—10, Sprachvergleichung [3] II стр. 185. По исторіи земледѣлія, кромѣ литературы, указанной выше, стр. 30—1, см. еще Bücher, Der wirschaftliche Urzustand [2], 1897. Grosse, Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft, 1896. Höck, Der gegenwärtige Stand unserer Kenntnis von der ursprunglichen Verbreitung der angebauten Nutzpflanzen (Geogr. Zeitschrift, V). Buschan, Vorgeschichtliche Botanik der Kultur und Nutzpflanzen der alten Welt, 1895. Hahn, Ursprungsgeschichte und Entstehungsweise des Ackerbaues (Zeitschr. d. Ges. f. Erdkunde).

въ позднѣйшей, славянолитовской эпохѣ, и такимъ образомъ уже въ эпоху обособленія славянской группы послѣдняя имѣла значительно развитое земледѣльческое хозяйство. Территорія славянской прародины, въ особенности южная ея часть, благопріятствовала развитію земледѣлія и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что земледѣліе стало для Славянъ, судя по лингвистическимъ фактамъ, преимущественнымъ источникомъ питанія еще на прародинѣ. *Жито*—праславянское слово, обозначающее предметъ пропитанія (отъ сл. жити), служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ общимъ обозначеніемъ земледѣльческихъ продуктовъ, какъ главнаго предмета потребленія[1]); у различныхъ народовъ оно специализируется, примѣняясь къ главному роду хлѣба: такъ у украинскаго населенія и у западныхъ Славянъ оно обозначаетъ рожь, у южныхъ—пшеницу, а у Резьянъ кукурузу. На такое же значеніе земледѣлія, какъ первостепеннаго источника потребленія и богатства, указываютъ слова: *збіже* (украинское и западно-славянское, родственное съ богъ, богатый), обозначающее въ украинскомъ языкѣ и движимое имущество и хлѣбъ; лѣтописное *обиліе* обозначающее урожай хлѣба, хлѣбъ не собранный (такъ въ лѣтописи) и богатство (во всѣхь славянскихъ группахъ); *борошно* (старослав. брашьно), обозначающее въ различныхъ славянскихъ діалектахъ то ѣду вообще (даже кое-гдѣ—имущество), то специально—муку.

§ 144. Хлѣбныя растенія и ихъ воздѣлываніе. Вмѣстѣ съ общими, праевропейскими родами находимъ праславянскія названія для слѣдующихъ родовъ хлѣба: *ръжь*, слово общее всѣмъ сѣверо-европейскимъ племенамъ (литовское rugys, сѣв.-нѣмецкое rugr). *Пъшеница*, отъ пьхати—толочь, какъ и пшено—толченое зерно[2])—одно изъ немногихъ, связанныхъ съ хлѣбомъ словъ, восходящихъ къ праиндоевропейскимъ временамъ (санскр. pish—разбивать). Рядомъ съ нимъ стоитъ неустойчивое по своему значенію, но какъ разъ колебаніями своими интересное, такъ какъ, быть можетъ, именно этимъ даетъ себя знать его архаичность,—старое, праевропейское *пиро* (греч. πυρός, лит. purai—

[1]) Параллели къ этому факту см. у Шрадера, Sprachvergleichung², стр. 458.

[2]) Какъ triticum отъ terere.

пшеница [1]). *Ячмень*, ячьмы (неясное слово). *Просо* (слово неясное) и рядомъ съ нимъ другое праславянское названіе проса—*бъръ*: являясь однимъ изъ наиболѣ древнихъ и вообще весьма цѣнимый въ древнемъ хозяйствѣ (и у Индоевропейцевъ и у Тюрковъ), этотъ родъ хлѣба имѣлъ, повидимому, важное значеніе и въ славянскомъ хозяйствѣ, такъ какъ кромѣ этихъ двухъ названій имѣемъ праславянское названіе и для толченаго проса—*пьшено*. Наконецъ овесъ, *овьсъ* (литовск. avižà, латинск. avena, связь не вполнѣ ясная)—хлѣбное растеніе, какъ и рожь, спеціально сѣверноевропейскій [2]). Всѣ эти растенія сѣялись ради зерна, старосл. *зрьно* (слово праевропейское, лат. granum, готск. kaúrn). Изъ растеній техническихъ къ праславянскому запасу принадлежатъ: *ленъ* (праевропейское слово—греч. λίνον, лат. linum, ирл. lín, гот. lein, лит. lìnai); *конопля* (также слово общеевропейское,—думаютъ, что это растеніе распространилось изъ Скиѳіи, такъ какъ тамъ видѣлъ его Геродотъ дикорастущимъ); слово *посконь* (укр. плоскінь), широко распространенное (хотя не общее въ славянскихъ языкахъ), можетъ также принадлежать праславянскимъ временамъ (его связываютъ съ нѣм. flachs, ленъ.

Изъ земледѣльческой терминологіи: *орати* (праевропейское—ἀρόω, aro), *ратай* (общеслав., встрѣчается и въ древнерусскихъ памятникахъ), *нива*, греч. νειός (рядомъ съ ней *роля*—старорусское, общее съ западными Славянами); названія для необработанной земли: *ляда, цѣлина, угоръ* (вост. и западн., у южн.—угар, кромѣ того украинское и западное—переліг)—все это слова общеславянскія, относящіяся, по всему вѣроятію, къ общеславянской эпохѣ. Рядомъ съ общеславянскимъ *лѣха* имѣемъ другое общее слово *борозда* (старосл. бразда) [3]).

Для обработки земли употреблялось примитивное орудіе—обыкновенный искривленный стволъ дерева; его тянули за

---

[1]) Оно обозначаетъ far, milium, triticum repens, укр. перій, врус. пырей. Генъ [5] стр. 452—3 видѣлъ въ этомъ слѣды перехода этой травы, путемъ культуры, въ пшеницу; противъ этого Шрадеръ [2] стр. 422.

[2]) Шрадеръ, Sprachvergleichung [3] II стр. 189. Reallexicon sub vocibus.

[3]) Генъ [5], стр. 455—6. Pedersen, Das indogerm. *s* im Slawischen—Indoger. For. 1895.

одинъ конецъ и онъ бороздилъ другимъ—острымъ. Это *соха*—слово обозначающее въ однихъ славянскихъ языкахъ орудіе для обработки земли, въ другихъ вилы, подпорку, колъ, или же оба эти значенія встрѣчаются вмѣстѣ, вытекая, очевидно, изъ понятія куска дерева служащаго для разрыхленія земли[1]). Но это примитивное орудіе издавна уже замѣнилъ въ праславянскомъ бытѣ улучшенный *плугъ* (сѣверно-нѣм. pfluog, лит. pliūgas)[2]), съ отдѣльнымъ уже вѣроятно лемешемъ—*лемешь* отъ ломити. Кромѣ него употреблялось *рало* (т. е. орало, праевропейское—греч. ἄροτρον, армянск. araur, лат. aratrum, ирландск. arathar), и *борона*. Слово *сѣять* принадлежитъ опять къ праевропейскимъ (латинское sero, гот. saian, лит. sēti, также и *сѣмя* (лат. semen, верхненѣм. sâmo, лат. sėmů). Названія для осенняго и весенняго посѣва—*яръ*, *ярина* и *озимъ*, *озимина* повторяются у Славянъ восточныхъ, западныхъ и нѣкотрыхъ южныхъ (Сербовъ, Словинцевъ), такъ что эту хозяйственную систему можно съ извѣстной правдоподобностью считать также еще праславянскимъ пріобрѣтеніемъ. Слово *жатва* прилагается у всѣхъ вѣтвей Славянъ для обозначенія собиранія хлѣба. Собирали его сначала *серпомъ*, это

---

[1]) Miklosich, Etym. Wörterbuch, Будиловичъ I стр. 115, Генъ стр. 155, Schrader, Sprachv.[3] II, стр. 208—9, Pedersen, стр. 49, Мерингеръ I. F. XVII стр. 116. Ср. гот. hoha—плугъ (связь сомнительная). О самомъ орудіи, кромѣ ниже указанной литературы, см. еще Зеленинъ, Русская соха, ея исторія и виды, Вятка, 1908.

[2]) Родственно ли только нѣмецкое названіе со славянскимъ, или заимствовано Славянами у Нѣмцевъ—вопросъ очень спорный и неясный (См. Генъ[5], стр. 457, Клюге s. v., Шрадеръ[3], II, стр. 210, Уленбекъ, стр. 490, Брикнеръ, стр. 29, Мерингеръ, I. F. XVII и XVIII, Янко с. 180; слово выводятъ изъ *плу*—плыть и изъ pflegen. Плиній (H. Nat. XVIII, 18. 48) упоминаетъ о плугѣ non pridem inventum in Rhaetia Galliae... quod genus vocant plaumorati (поправка Байста: ploum raeti), это считаютъ первымъ извѣстіемъ о плугѣ новѣшаго типа. О развитіи этого орудія см. Braungart, Die Ackerbaugeräte, 1881. Peisker Zur Socilgaeschichte Böhmens I. Geschichte des slavischen Pfluges, Weimar, 1896. Behlen, Der Pflug und das Pflügen bei den Römern und in Mitteleuropain vorgeschichtlicher Zeit, 1904, Dillenbur. Bujak, Studya nad osadnictwem Małopolski (Rozprawy w. hist. т. 47). Hahn. Die Entstéhung der Pflugkultur, Heidelberg. 1910.

праевропейское орудіе и праевропейское слово (старосл. срѣпъ, греч. ἅρπη, лат. sarrere); но и *коса*, и *клепачь* для оттачиванія ея принадлежатъ къ общеславянскому языковому запасу, также какъ и *грабли* и *снопъ*. *Сѣно* слово праславянское.

Названіе пшеницы можетъ являться отзвукомъ того времени, когда зерно потреблялось толченымъ. Однако праславянскій бытъ давно уже миновалъ эту стадію культуры. Измолоченное зерно (слово *молотити*, въ нашемъ значеніи, широко распространено въ славянскихъ языкахъ и могло это значеніе имѣть уже въ праславянское время) мололось либо ручнымъ *жерновомъ* либо про помощи мельницы. Слово *молоти* принадлежитъ къ праевропейскимъ и переходитъ черезъ всѣ группы этихъ языковъ (ср. санскр. mar—разбивать). Слово *мельница* праславянское (отъ лат. mola), также какъ и *мука* (родственно со словомъ мягкій, старосл. мѫкъкъ). Орудія для просѣиванія муки—*сито* и *рѣшето* принадлежатъ къ общеславянскимъ.

§ 145. Огородничество и садоводство. Въ этой сферѣ можемъ отмѣтить нѣсколько интересныхъ группъ. Изъ стручковыхъ *бобъ* (лат. faba, прус. babo) принадлежитъ къ праевропейскимъ растеніямъ. *Горохъ* и *чечевица*—названія общеславянскія, но значеніе ихъ варьируется въ отдѣльныхъ языкахъ: первое обозначаетъ горохъ, бобы и фасоль, второе—чечевицу и стручья или огородную зелень вообще. Изъ луковичныхъ—*лукъ* и *чеснокъ* (чеснъкъ) принадлежатъ къ общеславянскимъ; славянское названіе лука принадлежитъ къ весьма распространенному въ сѣверной Европѣ корню (верхненѣм. louh нѣкоторые считаютъ это слово заимствованнымъ у Нѣмцевъ, но довольно трудно думать о такомъ заимствованіи съ запада, если вспомнимъ о культурѣ лука и чеснока у Геродотовыхъ Алазоновъ. Неясно также происхожденіе именъ еще двухъ культурныхъ растеній—*хмеля* (новолат. humulus, сѣверонѣм. humall) и *рѣпы* (греч. ῥαπύς, лат. rapum, нѣм. rübe)—нельзя установить на чьей сторонѣ заимствованіе; но во всякомъ случаѣ имѣемъ здѣсь весьма старыя, еще праславянскія культурныя пріобрѣтенія (довольно правдоподобно даже, что отъ славянскаго назва-

---

[1]) Догадки о заимствованіи—Генъ [2], стр. 484, Шрадеръ, Reallexicon, стр. 24, Гиршъ, стр. 343, Брикнеръ, стр. 23.

нія хмеля произошли и иныя, родственныя ему. Праевропейскимъ растеніемъ является *макъ* (греч. μήκων, сѣвернонѣм. mâgo, прусск. moke).

Относительно огородной культуры изъ лингвистики немного можно почерпнуть указаній. *Мотыка* и *лопата* принадлежатъ къ числу общеславянскихъ словъ, равно какъ и слово *полоть*, между тѣмъ какъ общеславянское *плевелъ* обозначаетъ и сорную траву, и мякину.

Знакомство съ плодовыми деревьями принадлежитъ къ праевропейскому времени. Но здѣсь надо разумѣть прежде всего дикія породы, и ни лингвистика, ни иныя указанія не даютъ возможности разрѣшить съ достовѣрностью этотъ вопросъ—культивировались ли плодовыя деревья еще въ праславянское время, или же эта культура явилась у Славянъ уже послѣ разселенія, когда они вошли въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ культурой Черноморья. Нѣкоторые авторитетные историки культуры считали старо-нѣмецкое выраженіе для прививки дерева заимствованнымъ изъ славянскаго (intrusgjan Ульфилы изъ старослав. трѣснѫти, какъ щепа изъ чѣпати): такимъ образомъ прививка дерева (занесенная впервые въ Италію и отсюда распространившаяся по всей Европѣ), а съ нею, разумѣется, и культура плодовыхъ деревьевъ должна была бы быть отнесена къ праславянской эпохѣ [1]). Но основывать такое важное заключеніе на одномъ лишь и къ тому еще гипотетическомъ наблюденіи — было бы слишкомъ рисковано.

Хотя имѣемъ общеславянское слово *садъ*, но оно имѣетъ слишкомъ широкое значеніе. Слово *овощи*, овоштіе (плоды), какъ и *ягода* (спеціализировавшееся мѣстами для обозначенія одного опредѣленнаго вида, напр. земляники), принадлежитъ къ праславянскому запасу (старосл. агода, лит. uga). Но они не указываютъ непремѣнно на садовую культуру.

Изъ отдѣльныхъ плодовъ имѣемъ: *Яблоня*, яблоко, ıаблъко (пр. aball, англ. aepple, лит. óbulas—взаимное отношеніе неясно, и нѣкоторые допускаютъ заимствованіе, но весьма древнее). *Груша* — славяно-литовское (слав. груша и крушька, лит. kriáušia), по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ заимствованное отъ Иран-

[1]) Шрадеръ, Reallexicon, стр. 430.

цевъ, изъ прикавказскихъ областей. Общеславянское *черешня*, сл. чрѣшьнıа, заимствовано (греческое κεράσιον, верхненѣм. chirsa), хотя само дерево извѣстно въ дикомъ видѣ въ средней Европѣ съ неолитическаго времени. Позднѣйшаго происхожденія, вѣроятно, и слово и самый плодъ—*вишня*, какъ полагаютъ—изъ позднегреческаго (византійскаго) (греч. βυσσινήα, сл. вишня, верхне-нѣм. wîchsela) [1]). *Слива* (верхненѣм. slêha, лит. slýwas), слово сѣверноевропейское. *Орѣхъ*—славяно-литовское (лит. ressutas).

§ 146. Историческія данныя. Когда мы отъ этого богатаго культурнаго запаса, раскрываемаго передъ нами лингвистическими фактами, перейдемъ къ историческимъ извѣстіямъ, то приходится съ удивленіемъ читать характеристику Славянъ, какую находимъ въ чужеземныхъ источникахъ при первой встрѣчѣ со Славянами. Подобно Германцамъ у Цезаря, Славяне у раннихъ византійскихъ писателей, какъ Прокопій и т. н. Маврикій, изображаются еще полу-кочевымъ народомъ, съ весьма слабо развитою земледѣльческой культурой. Прокопій въ своей классической характеристикѣ Славянъ говоритъ, что „они живутъ въ жалкихъ хижинахъ, селясь далеко другъ отъ друга и перемѣняя часто свои жилища", „жизнь ведутъ суровую и некультурную, какъ Массагеты", а т. н. Маврикій и Левъ Мудрый совершенно опредѣленно говорятъ, что Славяне не любятъ земледѣльческаго труда и предпочитаютъ жить въ бѣдности и спокойствіи, чѣмъ въ богатствѣ и трудѣ. Однако подобныя характеристики объясняются тѣмъ, что Греки сталкивались съ передовыми этапами славянскаго разселенія, среди полной тревогъ и опасностей жизни отвыкшими отъ болѣе культурныхъ формъ быта и перешедшими временно къ формамъ полукочевой жизни; это фактъ, часто повторяющійся въ подобныхъ обстоятельствахъ. Но и здѣсь, несомнѣнно, не обошлось безъ преувеличеній: вѣдь напр. въ разсказѣ о борьбѣ Аваровъ со „Словенами" въ VI в. упоминаются словенскія поля, и т. п. [2]). Источники, знавшіе Славянъ въ нормальныхъ усло-

---

[1]) См. Генъ [5] стр. 351—2, Крекъ [2] стр. 133—4, Шрадеръ, Reallexicon, стр. 582—6.

[2]) Менандръ—Hist. gr. min. II стр. 99, сравни извѣстія Стратегики Маврикія XI, 5 и Тактики Льва, XVIII, 106 (изд. Миня), что Славяне питаются въ особенности просомъ.

віяхъ, на насиженныхъ мѣстахъ, указываютъ на широкоразвитую у нихъ земледѣльческую культуру, наложившую сильный отпечатокъ на весь славянскій бытъ. Правда, такіе источники имѣемъ мы отъ значительно болѣе позднихъ временъ: IX, X и даже XI вѣка, но широкое развитіе земледѣлія въ IX—X в. указываетъ, что мы имѣемъ дѣло не съ какимъ-либо новымъ, а съ весьма давнимъ культурнымъ пріобрѣтеніемъ.

Такъ арабскій источникъ средины или первой половины IX в.[1]), останавливаясь на уборкѣ хлѣба у Славянъ, даетъ понять своимъ разсказомъ, что хлѣбъ былъ главнымъ предметомъ ихъ пищи. Особенно любимо было просо—объ особенномъ употребленіи его у Славянъ говорятъ также Маврикій и Левъ. По словамъ Константина Порфиророднаго, хлѣбъ и мясо были обычнымъ жертвоприношеніемъ у восточныхъ Славянъ, а слѣдовательно и обычною пищей, потому что въ жертву приносится обыкновенно традиціонное, освященное вѣками. Еврейскій путешественникъ X в., ибн-Якубъ говоритъ, что славянская земля обильна всякаго рода жизненными припасами, что Славяне народъ хозяйственный и занимаются земледѣліемъ усерднѣе, чѣмъ какой либо другой народъ. У него есть даже довольно опредѣленное извѣстіе о культурѣ плодовыхъ деревьевъ [2]).

§ 147. Мѣстныя данныя о земледѣліи. Особенно богатыя указанія даютъ наши домашніе источники. Изъ нихъ видимъ, что земледѣліе считалось распространеннымъ и обычнымъ занятіемъ для X в. даже въ наименѣе культурныхъ земляхъ, какъ напр. у Древлянъ или Вятичей. „А вси ваши городи... дѣлаютъ ниви своя и землю свою“—говоритъ Ольга Древлянамъ въ кіевской традиціи. Вятичи платятъ дань „отъ плуга“ [3]). Хлѣбъ—обычная и общая пища восточно-славянскаго населенія. Это подтверждается и археологическими фактами. Желѣзные серпы находятся въ могилахъ кіевскихъ погребальныхъ полей, предшеству-

[1]) Это гипотетическій абу Джарми (выше, стр. 282)—см. Изв. ибн-Даста стр. 30—1, Отчетъ Бартольда стр. 123.

[2]) Ибн-Якубъ въ изд. Розена, стр. 54—4, De adm. imperio гл. 30—1.

[3]) Ипат. стр. 37 и 54. О хлѣбѣ см. Ипат. стр. 86, 88, 110, урокъ вирниковъ въ Русской Правдѣ—Академическій кодексъ § 42, ср. Карамзинскій код. § 7 и 108.

ющихъ эпохѣ разселенія. Въ языческихъ могилахъ Сѣверянъ и Древлянъ также встрѣчаемъ серпы и зерна нѣсколькихъ сортовъ хлѣба (рожь, овесъ и ячмень или пшеница) [1]). Въ памятникахъ XI в.—въ лѣтописи, въ древнѣйшихъ частяхъ Русской Правды, у Нестора (житіе Ѳеодосія) упоминаются всѣ наиболѣе важные роды хлѣбныхъ и культурныхъ растеній: пшеница, овесъ, рожь, ячмень (точнѣе ячменный солодъ), просо, горохъ, макъ, ленъ (льяное зерно для масла) [2]). Общимъ названіемъ для хлѣбнаго зерна было жито [3]). Изъ земледѣльческихъ орудій въ русскихъ памятникахъ XI—XII в. находимъ: рало, плугъ, борону, мотыку, рыскаль (заступъ), рогалію (родъ мотыки), цѣпъ [4]). Изъ земледѣльческихъ работъ упоминается пахота („орати“), посѣвъ, жнитво (снопы), молотьба, вѣяніе [5]). Пахали лошадьми и вѣроятно волами, разъ на нихъ ѣздили [6]). Сжатый хлѣбъ складывали на гумнѣ и тамъ молотили „на току“; зерно сохраняли въ амбарахъ („клѣть“) [7]), и вѣроятно—въ ямахъ (такія ямы встрѣчаются очень часто и были въ употребленіи до весьма недавняго времени). Зерно мололи; въ нашихъ памятникахъ упоминаются лишь ручные жернова. Смолотый хлѣбъ просѣвали—упоминаются мука и отруби; различается мука болѣе чистая и худшаго качества. Хранилась она въ закромахъ (сусѣкъ) [8]). Упо-

---

[1]) Хвойко, Похоронныя поля, стр. 173, Самоквасовъ, Сѣверянскіе курганы, стр. 188, 191, 193 (Чорна Могила и Гульбище), Антоновичъ, Раскопки въ странѣ Древлянъ, стр. 15, Гамченко, Житомірскій могильникъ, стр. 66 (здѣсь же и рисунокъ серпа), Древній поселокъ въ ур. Стуга l. с.

[2]) Ипат. л. стр. 88 (овесъ, пшеница), Житіе Ѳеодосія л. 9 об. (ръжанъ хлѣбъ) 21 (макъ), 21 об. (въ сѣмени льнянѣмъ избити масла), Рус. Правда—урокъ вирнику (см. выше): солодъ, пшено, горохъ; ср. Патерикъ, изд. Яковлева, стр. 86, 100 (варіанты).

[3]) Житіе Ѳеодосія л. 9 (ср. Ипат. стр. 123).

[4]) Ипат. л. стр. 42 и 54 (рало и плугъ—у Вятичей), 138, (рыскаль, мотыка), 147 (рогалія—рукалія), 224 (борона), Р. Правда—Карамз. код. § 71 (плугъ и борона), Слово о полку Игоревомъ, изд. Огоновскаго, XII.

[5]) Ипат., стр. 183, Слово о полку Игор. изд. Огоновскаго, XII.

[6]) Ипат., стр. 183 (кони, о волахъ—стр. 7).

[7]) Ипат., стр. 224, Р. Правда, Карамз. § 40, Слово о п. Иг. l. с.

[8]) Житіе Ѳеодосія, л. 9 (ср. Патерикъ стр. 168—жернова), л. 11, 22 (мука, отруби, сусѣкъ), 20 и 21 (хлѣби чисти зѣло), Ипат., стр. 88 (мука и отруби).

минанія о пшенѣ указываютъ на продолжающееся употребленіе толченаго зерна [1]). Сѣно встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ редакціяхъ Русской Правды [2]).

На огородничество имѣются совершенно опредѣленныя указанія въ нашихъ памятникахъ XI в.: въ житіи Өеодосія разсказывается, какъ монахи „в оградѣ копахуть зелиннаго ради растенія", а въ Вышгородѣ были не только „огородники", а и старосты огородниковъ (старѣй огородьникъмъ), вѣроятно княжьи; во всякомъ случаѣ здѣсь огородная культура велась въ большихъ размѣрахъ. Въ окрестностяхъ самого Кіева въ описаніи осады его въ срединѣ XII в. видимъ также огороды на большемъ пространствѣ [3]). Зато относительно садоводства извѣстія очень бѣдны: лишь въ разсказѣ Патерика (XIII в.) о печерскихъ монахахъ конца XI в. видимъ при келіяхъ садики съ „деревами плодовитыми" [4]). Впрочемъ, слово огородъ, оградецъ, градъ (огороженное мѣсто вообще) употреблялось одинаково для обозначенія и огорода и сада, вслѣдствіе этого возможно, что въ вышеприведенныхъ извѣстіяхъ о большихъ кіевскихъ или вышегородскихъ огородахъ слѣдуетъ видѣть и сады.

§ 148. Скотоводство. Скотоводство было главнымъ промысломъ праиндоевропейскаго населенія; насколько слѣды земледѣлія въ праиндоевропейскомъ запасѣ словъ незначительны, настолько много здѣсь терминовъ, касающихся скотоводства. Если прибавимъ, что, судя по фактамъ лингвистики и быта старѣйшихъ культурныхъ народовъ этой семьи (Грековъ, Индусовъ), благодаря развитію скотоводства потеряла свое значеніе охота на дикихъ звѣрей съ цѣлью прокормленія, что рыболовство также не имѣло большого значенія и не оставило никакихъ слѣдовъ въ языкѣ,—то громадное значеніе скотоводства въ праиндоевропейскомъ хозяйствѣ станетъ вполнѣ очевиднымъ.

Память этого необыкновенно важнаго значенія скота, когда

---

[1]) Ж. Өеодосія, стр. 20, Р. Правда. Акад. § 33.

[2]) Академ. код. § 39.

[3]) Житіе Өеодосія, л. 9, Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ (изд. Срезневскаго), стр. 73 и 77, Ипат., стр. 296.

[4]) Патерикъ, стр. 100 и 137. Извѣстія Патерика о матеріальной культурѣ собраны также Д. Абрамовичемъ, Изслѣдованія о Кіево-Печерскомъ патерикѣ, 1902.

онъ являлся единственнымъ богатствомъ человѣка, уцѣлѣла и въ славянскомъ словарѣ: слово *скотъ*—въ старорусскомъ обиходѣ обозначаетъ имущество, деньги (ср. готск. skatts—кладъ, сокровище), а „скотница" обозначаетъ сокровищницу; слово добытокъ, *добытъкъ* въ различныхъ славянскихъ языкахъ обозначаетъ то имущество, то скотъ [1]).

И въ праславянскомъ хозяйствѣ, несмотря на широкое развитіе земледѣлія, скотоводство сохранило по прежнему первостепенное значеніе: это отразилось въ многочисленности терминовъ, въ праславянскихъ дублетахъ и обиліи спеціальныхъ названій изъ сферы скотоводства.

Быкъ и корова кромѣ праиндоевропейскаго общаго: *говядо* (санскр. gô, зендск. gâo, греч. βοῦς, верхненѣм. chuo) [2]) и другого праарійскаго имени *туръ* (зендское staora, греч. ταῦρος, лат. taurus), перенесеннаго въ славянскомъ на дикаго быка, имѣютъ еще въ праславянскомъ названія *быка, вола, коровы, теленка*. Рядомъ съ праиндоевропейскимъ: овца, *овьца* (санскр. ávi, греч. ὄϊς, староверхненѣм. au, ou) имѣемъ праевропейское названіе для молодого животнаго старослав. агня, ıагнѧ (греч. ἀμνός, лат. agnus). Слово *баранъ* (общее для старослав., восточн. и западныхъ діалектовъ), по всей вѣроятности принадлежитъ къ праславянскимъ. Кромѣ имени домашней *козы* имѣется также праславянское названіе для дикой козы—*серна*, сръна. Кромѣ праиндоевропейскаго *свинья*, свиниıа (санскр. sûcará, греч. ὗς, верхненѣм. sû) имѣемъ праевропейское: *вепрь* (лат. aper, верхненѣм. ebur) и особое обозначеніе для молодого животнаго—прасѧ (праевропейское—лат. porcus, ирл. orc, верхненѣм. farah). Для *коня* имѣемъ праславянскія: конь, кобыла и жрѣбѧ, но это послѣднее слово служитъ для обозначенія молодого животнаго вообще. Слѣдуетъ упомянуть также, что уже въ праиндоевропейское время была извѣстна приручена собака, сторожъ стадъ, между тѣмъ какъ кошка была позднѣйшимъ пріобрѣтеніемъ европейской культуры (котъ отъ лат. catus) и въ праславянскомъ быту повидимому не была извѣстна [3]).

Пасти, пастухъ (также пастырь) слова общеславянскія.

---

[1]) Будиловичъ, l. c. 180–1. [2]) Индоевропейскія параллели для названій скота у Шрадера [3] II стр. 154.

[3]) Генъ [5], стр. 374, Engelmann, Die Katzen in Alterthum—Jahrb. d. deutsch archäol. Inst. 1899.

Собиравшееся для скота сѣно, какъ уже было сказано, слово несомнѣнно праславянское. Скотъ разводился ради мяса и молока. Уже въ праиндоевропейскомъ словарѣ встрѣчаемъ слова для обозначенія кислаго молока (чего то вродѣ сыра), изъ чего, разумѣется, вытекаетъ употребленіе и сладкаго молока и даже масла. Общеславянское обозначеніе *молока* считаютъ заимствованіемъ изъ нѣмецкаго (староверхненѣм. miluh) [1]; заимствованіе во всякомъ случаѣ весьма древнее. Но рядомъ съ нимъ стоитъ другое слово, которое несомнѣнно входитъ въ тотъ-же древній праевропейскій рядъ: восточносл. *молозиво*, греч. ἀμέλγω, лат. mulgeo, староверхненѣм. melchan, старослав. млъзѫ, млѣсти (доить). *Сыръ* слово славянолитовское (лит. suris) связываютъ съ староверхненѣм. sur—кислый (sauer); рядомъ съ нимъ стоитъ другое, хотя не такъ широко распространенное—*творогъ* (отъ него нѣм. quark) [2]. *Масло* (отъ мазать) указываетъ, что предназначалось оно первоначально не въ пищу, а въ качествѣ масти (многочисленныя параллели этого рода имѣются у иныхъ индоевропейскихъ народовъ) [3]. Кромѣ мяса и молочныхъ продуктовъ пользовались кожами скота (праславянское *руно*) и шерстью (старослав. влъна, слово праиндоевропейское, санскр. ūrṇā, греч. λᾶνος, готск. wulla, литовск. vilna).

§ 149. Археологическія и историческія данныя о скотоводствѣ. Въ археологическомъ матеріалѣ скотоводство выступаетъ

[1]) Пересмотръ вопроса у Пейскера (стр. 74 сл.) и Янко (стр. 141 сл.).

[2]) Считаютъ его заимствованнымъ изъ тюркскаго, обзоръ вопроса у Пейскера и Янко, l. c. Пейскеръ въ упомянутой работѣ, опираясь на томъ, что слово „творогъ" какъ онъ принимаетъ, заимствовано Славянами у Тюрковъ, а слово „молоко", „скотъ", „нута" (скотъ) и „плугъ" у Нѣмцевъ, развилъ смѣлую теорію: что Славяне въ праславянскую эпоху, передъ разселеніемъ находились въ рабствѣ у урало-алтайскихъ кочевниковъ, не позволявшихъ имъ имѣть скотъ, такъ что Славяне совершенно не знали ни молока, ни иныхъ молочныхъ продуктовъ и уже впослѣдствіи, подъ властью Германцевъ, послѣдовавшей послѣ тюркскаго господства, стали снова употреблять молоко, держать скотъ, и т. п. Теорія эта произвела сильное впечатлѣніе, Шрадеръ въ послѣднемъ изданіи вполнѣ принимаетъ выводы Пейскера, ак. Коршъ развиваетъ дальше его взгляды въ статьѣ: О нѣкоторыхъ бытовыхъ словахъ, заимствованныхъ Славянами изъ т. н. уралоалтайскихъ языковъ (Зап. геогр. общ. XXXIV). Литературѣ, вызванной этой теоріей, посвящаю статью въ львовскихъ Запискахъ. [3]) Шрадеръ Reallexicon с. 171.

у насъ въ обстановкѣ поздняго неолита. Вспомнимъ кухонные остатки въ мазанкахъ съ крашеной посудой [1]). Культура эта, если и не захватывала Славянъ, то развивалась въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, что въ извѣстной степени можетъ служить показателемъ и ихъ хозяйственнаго быта. Кости животныхъ домашнихъ породъ (быка, овцы, козы, свиньи) встрѣчаются въ ея остаткахъ очень часто. На похоронныхъ поляхъ кіевскихъ окрестностей при покойникахъ особенно часто встрѣчаются бараньи кости, а также свиныя и даже куриныя [2]). Въ сѣверянскихъ и волынскихъ могилахъ найдены остатки лошадей, овецъ, птичьи кости, скорлупы куриныхъ яицъ [3]). Этому соотвѣтствуетъ описаніе русскихъ похоронъ у ибнъ-Фадлана, гдѣ въ качествѣ жертвы приносятся быки, лошади, собака, пѣтухъ и курица; въ другомъ случаѣ въ качествѣ жертвы упоминаются овцы. О жертвоприношеніи птицъ, и спеціально курей у Руси говорятъ Византійцы [4]).

Изъ источниковъ историческихъ имѣемъ извѣстія Арабовъ, восходящія къ источнику IX в., что Славяне въ большомъ количествѣ разводятъ домашній скотъ, спеціально свиней („пасуть свиней, какъ овецъ“) [5]). Въ нашихъ мѣстныхъ источникахъ XI в. упоминаются волы, лошади, овцы, свиньи, козы, даже ослы [6]). Большія стада извѣстны въ княжескомъ хозяйствѣ, гдѣ упоминаются особые „конюхи“ и „овчюхи“ (пастухи лошадей, овецъ) [7]). Что скотоводство было вообще широко распространено, указываетъ широкое употребленіе мясной пищи. Ѣли чаще всего мясо

---

[1]) Кромѣ указанной выше литературы спеціальная статья: Dure, Untersuchungen über neolithische Knochenreste aus Ostgalizien (изъ кошиловецкихъ раскопокъ)—Ztschr. f. landwirtschaftl. Versuchwesen in Oesterreich, 1909.

[2]) Хвойка ор. с. 186.

[3]) Самоквасовъ, стр. 188, 191. Мельникъ, Раскопки въ землѣ Лучанъ, стр. 495.

[4]) Ибнъ-Фадланъ въ изд. Гаркави, стр. 95, 98—9, Константинъ Порфирородный, De adm. гл. 9, Левъ Діаконъ IX. 6.

[5]) Изв. ибнъ-Даста, стр. 29, Бартольдъ, стр. 123, анонимъ Туманскаго, стр. 135.

[6]) Ипат. стр. 7, 134, 135, ср. 119. Р. Правда Акад. § 26, 40, 42.

[7]) Р. Правда Акад. § 21, Ипат. стр. 170, Лавр. стр. 242 (Поученіе Мономаха).

воловье и овечье, но не брезгали и кониной [1]). Кромѣ мяса употребляли молоко, особенно сыръ. Волы и лошади употреблялись также для ѣзды и работы. Держали скотъ въ закрытыхъ хлѣвахъ [2]).

Принимая во вниманіе вполнѣ опредѣленныя извѣстія о широкомъ распространеніи домашняго скота среди нашего населенія, слѣдуетъ считать недоразумѣніемъ сообщеніе Константина Порфиророднаго, что на Руси не водятся волы, лошади, овцы, поэтому ихъ покупаютъ у Печенѣговъ [3]): въ этомъ извѣстіи вѣрно только то, что Русь дѣйствительно могла часто покупать скотъ у своихъ степныхъ сосѣдей, жившихъ исключительно скотоводствомъ.

§ 150. Птицеводство и пчеловодство. Разведеніе домашней птицы, совершенно неизвѣстное въ древнѣйшее время [4]), не достигло и въ праславянскую эпоху значительныхъ размѣровъ, несмотря на то, что развитіе земледѣлія и осѣдлаго хозяйства предоставляли къ тому благопріятныя условія. Въ общеславянскомъ словарѣ находимъ названія для гуся, утки и курицы. Первые два принадлежатъ къ праиндоевропейскимъ: санскр. hamsá, греч. χήν, нѣм. gans [5]), для утки— санскр. âtí, лат. anas, нѣм. ente, слав. ѫты Названіе курицы заимствовано у Иранцевъ (перс. churu, слав. куръ, кура) и только относительно ея мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что имѣемъ дѣло съ домашней птицей [6]).

Сравнительно новѣйшаго происхожденія и пчеловодство, судя по фактамъ лингвистики и исторіи неизвѣстное въ древнѣйшее время и развившееся уже среди европейскихъ народовъ. На славянской прародинѣ промыселъ этотъ имѣлъ также всѣ условія для широкаго развитія. Слова *пчела* (въ старо-слав. памятникахъ бъчела

---

[1]) Урокъ вирника: Ипат. стр. 41.

[2]) Житіе Өеодосія, л. 22, ср. Р. Правду Карамз. § 72.

[3]) De adm. 2.

[4]) Шрадеръ, Reallexicon, стр. 390—1.

[5]) Противъ мнѣнія, что названіе гуся заимствовано изъ нѣмецкаго, см. Archiv für sl. Phil., XXIII, стр, 626.

[6]) Ср. Будиловичъ, I, стр. 372. Противъ мнѣнія о заимствованіи славянскаго названія у Иранцевъ — Шрадеръ, Reallexicon стр. 323.

и бъчела, выводятъ изъ *бък—гудѣть), *трутень*, *матка*— общеславянскія, также какъ и *улей*, между тѣмъ какъ *медъ* принадлежитъ къ праиндоевропейскимъ (санскр. mádhu, греч. μέϑυ—вино, верхненѣм. méto, слав. медъ), а *воскъ* (лит. waškas, верхненѣм. wahs) слово общее сѣверноевропейскимъ языкамъ [1]).

Наши домашніе источники XI в. о разведеніи домашней птицы говорятъ вполнѣ опредѣленно, не оставляя никакихъ сомнѣній, и даютъ указаніе на птицеводство какъ явленіе обычное. Такъ, Древляне держатъ голубей въ особыхъ голубятняхъ у себя на дворахъ; въ menu Ярославова вирника курица выступаетъ такимъ же обычнымъ предметомъ ежедневнаго употребленія, какъ и хлѣбъ и каша [2]). Въ древнѣйшей Русской Правдѣ кромѣ курицы и голубя упоминаются въ качествѣ болѣе рѣдкихъ домашнихъ птицъ утка, гусь, журавль, лебедь [3]).

Въ историческихъ источникахъ находимъ весьма богатыя извѣстія и о пчеловодствѣ (археологія здѣсь не въ состояніи ничего сказать). О широкомъ распространеніи пчеловодства говоритъ арабскій источникъ IX в. [4]). „Медъ и скора“ (шкуры, мѣха), „скора, челядь и воскъ“, „скора, воскъ, медъ и челядь“ выступаютъ въ качествѣ главныхъ русскихъ продуктовъ X в., предметовъ богатства и торговли: ими платятъ дань, посылаютъ подарки и торгуютъ съ чужими народами [5]). Широко употреблялся медъ и дома, особенно въ качествѣ напитка: пили его всѣ, отъ низшихъ до высшихъ классовъ; къ празднику Преображенія у Владиміра варили 300 переваръ меду [6]).

Что касается самой техники пчеловодства, то упомянутый выше арабскій источникъ IX в. подробно описываетъ ульи у Славянъ, говоря, что дѣлаются они изъ дерева въ видѣ сосудовъ, въ нихъ живутъ пчелы и собирается медъ. Нѣтъ основаній отвергать это извѣстіе о пчеловодствѣ пасѣчномъ, особенно для областей степныхъ. Но въ нашемъ туземномъ источникѣ—Русской

---

[1]) Его также считаютъ заимствованіемъ изъ нѣмецкаго (Reallexicon стр. 86), но заимствованіе это сомнительно.

[2]) Ипатск., стр. 38, урокъ вирника, см. выше.

[3]) Академ. код. § 35—6. [4]) l. c.

[5]) Ипат., стр. 34, 37, 40, 41.

[6]) Ипат., стр. 86, Житіе Өеодосія, л. 22.

Правдѣ—всюду говорится о бортничествѣ сѣверной, лѣсной полосы: для пчелъ устраивались искусственныя помѣщенія въ лѣсу въ выдолбленныхъ деревьяхъ—такъ наз. бортяхъ, довольно высоко отъ земли, для безопасности отъ медвѣдя и вора: ихъ „лазили“ (техническій терминъ), собирая медъ. Самое слово борть (вост. и западн. слав.) обозначаетъ искусственно выдолбленное дерево (отъ лат. forare, нѣм. bohren, наше буравъ): рядомъ съ нимъ было у насъ другое названіе „свепетъ“, въ древнихъ памятникахъ отождествляемое съ „дикимъ медомъ“ [1]). Въ распространенной редакціи Русской Правды находимъ много постановленій противъ уничтоженія знаковъ собственности на бортяхъ, или „бортной межи“, кражи меда изъ бортей или уничтоженія самой борти [2]). Ужь одно это свидѣтельствуетъ о широкомъ распространеніи этого промысла.

§ 151. Охота и рыбная ловля. Ловля звѣря въ лѣсистыхъ, богатыхъ дикимъ звѣремъ областяхъ славянской прародины имѣла всѣ условія для своего развитія и дѣйствительно была широко развита, особенно въ древнѣйшее время: но языкъ можетъ здѣсь дать лишь весьма скудныя указанія. Можно отмѣтить, что слово *ловити*, ловы (ловитва) спеціализировалось для охоты на звѣря уже въ праславянскую эпоху. Для охотничьихъ снарядовъ и ловушекъ кромѣ общеславянскаго *сѣть*, имѣется нѣсколько широко распространенныхъ названій, какъ сило, тенето (старослав., вост. и западн.). Археологія также почти ничего не даетъ въ этомъ отношеніи, за то весьма богатыя извѣстія даютъ историческіе источники. По мнѣнію лѣтописца, охота была старымъ, извѣчнымъ промысломъ его земляковъ—Полянъ: о легендарныхъ братьяхъ—основателяхъ Кіева онъ говоритъ, что они „бяху ловяще звѣрье“ въ обширныхъ лѣсахъ кіевскихъ окрестностей [3]). Въ арабскихъ источникахъ, начиная съ IX вѣка, шкуры звѣрей являются главнымъ предметомъ вывоза изъ Руси и вообще восточно-славянскихъ земель: бобры, соболи, лисицы, бѣлки и др. [4]). Но здѣсь можно бы было предположить, что Славяне продавали шкуры пріобрѣтенныя у сосѣднихъ сѣверныхъ народовъ, поэтому болѣе

---

[1]) Этимологія – I. F. XXIII с. 126.
[2]) Карамзинск. код. § 82—7. [3]) Ипат., стр. 5.
[4]) Объ этомъ см. ниже.

важны извѣстія нашихъ источниковъ, гдѣ идетъ рѣчь о дани мѣхами, собираемой съ нашихъ племенъ: Поляне, Сѣверяне, а также Вятичи нѣкогда платили „по бѣлѣй вѣвѣрицѣ отъ дыма“. Древляне давали кіевскимъ князьямъ дань куницами, „по черьнѣ кунѣ“ [1]). Въ Русской Правдѣ (распространенной редакціи) находимъ рядъ постановленій изъ области охотничьяго права: наказанія за порчу снарядовъ для ловли сѣтью, за украденнаго изъ сѣти сокола или ястреба, за украденнаго бобра и вообще чужую дичь [2]). Изъ другихъ источниковъ извѣстны намъ различные способы охоты: гнались за звѣремъ верхомъ, били его изъ руки, ловили сѣтями, растянутыми въ подходящихъ мѣстахъ (перевѣсы, перевѣсища), либо загоняли звѣря въ сѣти, ловили при помощи собакъ, соколовъ, ястребовъ [3]).

Въ особенности любили охоту князья; объ этомъ имѣемъ много извѣстій въ источникахъ. Охота была ихъ развлеченіемъ обычнымъ, весьма частымъ, почти занятіемъ: по мнѣнію Мономаха (въ его Поученіи), выслушавъ обѣдню, князю слѣдуетъ либо заняться государственными дѣлами, либо „ловы дѣяти“, либо проѣхаться, либо лечь отдохнуть. Война, охота, „пути“ (путешествія)—вотъ дѣятельность князя по Мономаху [4]). Охотничій „нарядъ“, соколы, ястреба — это цѣлыя спеціальныя отрасли княжьяго хозяйства. Въ разныхъ мѣстахъ находились спеціальныя княжьи „ловища“ и „перевѣсища“. Недовольствуясь ближайшими мѣстами, князья отправлялись иногда въ далекія, глухія пущи на окраинахъ. Звѣрь былъ тогда гораздо разнообразнѣе, чѣмъ въ настоящее время; вотъ какъ разсказываетъ о своей охотѣ Мономахъ [5]): въ „Черниговѣ связалъ я (на арканъ взялъ) въ пущахъ 120 [6]) живыхъ коней; по Роси также ловилъ я дикихъ коней собственными руками; два тура поднимали меня на рога вмѣстѣ съ конемъ; олень билъ меня рогами, а два лося — одинъ топ-

---

[1]) Ипат. стр. 11 и 13, ср. подробность, какъ Древляне, чтобы помириться съ Ольгою, заявляютъ, что готовы давать ей дань „медомъ и скорою“.

[2]) Карамз. код. § 80—1, 92—3.

[3]) Лавр. стр. 238—42, Ипат. стр. 35, 38, 49, 150 и др.

[4]) Лавр. изд. 1872 г., стр. 238—242; цитирую Мономаха вездѣ по этому изданію. [5]) Лавр., стр. 242.

[6]) Въ Лавр. это число испорчено: „10 и 20“.

талъ меня ногами, а другой бодалъ рогами; дикій кабанъ оторвалъ у меня мечь отъ пояса; медвѣдь вырвалъ у меня кусокъ сѣдла подъ колѣномъ“ и т. д.

Кромѣ перечисленныхъ породъ важнымъ предметомъ охоты должны были здѣсь служить бобры.

Пригодна была праславянская территорія также и для развитія рыболовства. Въ то время, какъ мы не имѣемъ почти ни одного общеевропейскаго названія рыбъ (за исключеніемъ только угря, но и здѣсь сходство сомнительно[1]), общеславянскихъ названій рыбъ имѣемъ уже нѣсколько, хотя все таки не особенно много — *лосось* (слово сѣверноевропейское—в.-нѣм. lachs), *линъ* (слово славянолитовское, а быть можетъ даже сѣверноевропейское), *щука*, *осетеръ*, *угорь*, *пстругъ*, *окунь*. Къ общеславянскимъ словамъ относятся и такія названія, какъ *удка*, *мережа*, *неводъ*. Въ историческихъ источникахъ свѣдѣній мало: знаемъ только, что рыба была широко распространенною пищею[2]). Въ сѣверянскихъ могилахъ вмѣстѣ съ иными остатками пищи найдены были и рыбьи кости[3]).

§ 152. Обработка продуктовъ—кожа и шерсть. Переходя къ различнымъ способамъ обработки продуктовъ, начнемъ съ обработки кожи и шерсти, занимающей одно изъ старѣйшихъ мѣстъ въ исторіи техники и выходящей въ своихъ начаткахъ за всякіе предѣлы изученія. У европейскихъ народовъ, даже на самыхъ низшихъ ступеняхъ культуры всюду видимъ одежду, сдѣланную изъ кожи, главнымъ образомъ домашнихъ животныхъ, особенно овецъ; въ нѣкоторыхъ областяхъ у насъ эти овчинныя одежды сохранили свое значеніе и до настоящаго времени и не сходятъ съ плечь почти круглый годъ. Но терминовъ для обработки кожи какъ въ общеевропейскомъ словарѣ, такъ даже и въ общеславянскомъ сравнительно немного. Слѣдуетъ объяснить это тѣмъ, что обработка кожи была слишкомъ примитивна и и не шла далѣе простыхъ и элементарныхъ, мало спеціализированныхъ техническихъ пріемовъ. Для обозначенія невыдѣланной кожи имѣемъ общеславянскія слова: *шкура* (старосл. скора) и *кожа*, для выдѣланной—*усма* или

---

[1]) Шрадеръ[3], II, стр. 147, 248. Возраженія у Гирта I. F. XXII с. 65 сл., онъ доказываетъ, что многія частныя названія рыбъ могутъ восходить къ индоевроп. эпохѣ. [2]) Ипат. стр. 86, Житіе Ѳеодосія, стр. 18, 20. [3]) Самоквасовъ, стр. 188.

усние; названіе кожевника—усмаръ, уснаръ, выступаетъ въ различныхъ славянскихъ діалектахъ (старосл., вост., западн.) и очень возможно, что оно принадлежитъ еще къ праславянскому запасу. Далѣе имѣемъ общеславянскія названія для кожаной обуви—старослав. *чрѣвий* (укр. черевик), для кожаной одежды—*кожухъ*. Наконецъ сюда же относится *мѣхъ*, мѣшокъ — первоначально вещь сшитая изъ кожи, кожаная сумка (мѣхъ—въ различныхъ діалектахъ обозначаетъ и мѣхъ и сумку).

Наиболѣе простые способы утилизаціи волоса—это *плетеніе* (праиндоевропейское слово—санскр. praçna, нѣчто сплетенное, грѣч. πλέκω, в. нѣм. flihtu) и приготовленіе изъ него полсти (старосл. плъсть, нѣм. filz). Изъ плетенія помнемногу вырабатывается тканье и прядепье; къ шерсти животныхъ очень рано присоединяется лыко съ деревьевъ и волокнистыхъ растеній—льна, конопли и т. п. На генетическую связь тканья съ болѣе примитивными процессами указываетъ сама терминологія, можно напр. указать славянское вить, свивать, связываемое съ санскр vâ—ткать [1]). Большое количество общихъ индоевропейскихъ терминовъ для тканія и отчасти для пряденія указываетъ, что и эта высшая техника развилась уже въ весьма раннюю эпоху; изъ археологіи знаемъ, что распространена она была въ достаточной степени уже въ неолитической культурѣ. Къ общимъ индоевропейскимъ терминамъ принадлежитъ слово *ткать* (лат. texo, связываютъ съ санскр taksh, на первоначальное значеніе указываетъ старосл. слово тъкнѫти, втыкать), *кросно* (греч. κρέκω—ткать), *навой*; корень *ста*, выступающій въ индоевропейскихъ названіяхъ ткацкаго станка (санскр. sthavi—ткачъ, греч. ἱστός и проч.) сохранился быть можетъ въ словѣ *поставъ*, обозначающемъ въ различныхъ діалектахъ то верстакъ, то сотканную штуку ткани. Что касается пряденія то здѣсь одинъ индоевропейскій корень *snei, прясть, сохранился въ словѣ *нить*, нитка; другой въ названіи сотканнаго—сл. *опона*, греч. πηνίον, готск. spinnan; быть можетъ не случайно также сходство славянскаго *веретено* (старосл. врѣтено—отъ вертѣть) съ другими названіями (санскр. vartana, в. нѣм. virtil). Къ общеславянскому запасу

---

[1]) Шрадеръ, Reallexicon стр. 937. Здѣсь же и другія параллели, см. также его Handelsgeschichte стр. 172 и слѣд.

принадлежатъ и слѣдующія выраженія: *кудель, прясть*, далѣе—рядъ названій для обозначенія ткани, какъ *платъ, полотно* (старосл. платьно), *портъ, рѫбъ, сукно* и самое слово *ткачь*.

Въ раскопкахъ сѣверянскихъ, древлянскихъ и волынскихъ могилъ часто были находимы остатки шерстяной матеріи, довольно разнообразной, обрывки полотна—льяного и конопляного, разнаго качества, болѣе грубаго и болѣе тонкаго, тканнаго по извѣстному узору; далѣе прясла, т. е. каменные кружки отъ веретенъ, надѣвавшіеся, по всей вѣроятности, на деревянную палочку для размаха при вращеніи. Нерѣдко встрѣчались слѣды кожаной обуви, различныхъ фасоновъ, изъ кожи болѣе грубой и болѣе тонкой и мягкой, въ родѣ сафьяна; слѣды различныхъ ременныхъ издѣлій—поясовъ, кожаныхъ мѣшечковъ; слои шерстяныхъ остатковъ отъ тулупа и шапки, или, быть можетъ, грубыхъ ковровъ, ножницы для стрижки шерсти и т. п. [1]).

Въ историческихъ памятникахъ имѣемъ довольно бѣдныя указанія на эти отрасли домашняго промысла. Изъ упоминаній лѣтописи видимъ, что кожу мяли руками, для обработки ея употребляли квасъ (квасъ усниянъ—кожевенный квасъ) [2]). Кожа называлась различно—усньє, черевье, хъзъ [3]); объ издѣліяхъ изъ нея будемъ говорить еще ниже, когда перейдемъ къ одеждѣ. Что касается ткацкихъ издѣлій, то имѣемъ упоминанія о пряжѣ шерсти, изготовленіи „платьна“, плетеніи различнаго рода издѣлій руками и т. д. [4]). Въ извѣстной легендѣ о походѣ Олега на Царьградъ [5]) Славяне противопоставляютъ греческіе шелка („паволоки“ и „кропины“) своимъ домашнимъ „толъстинамъ“ (для парусовъ): однако отсюда еще нельзя заключать, что болѣе тонкія ткацкія издѣлія вовсе не имѣли мѣста на Руси.

§ 153. Глина и дерево. Изготовленіе изъ глины различныхъ сосудовъ просто руками, безъ гончарнаго круга, ведетъ свое начало еще отъ временъ праиндоевропейской культуры [6]). Но при

---

[1]) Самоквасовъ, 188, 191, 192, 193, 196, Антоновичъ, ор. с., стр. 14, 15, 16, Мельникъ, стр. 492 и слѣд., Ницаха, стр. 701.

[2]) Лавр. стр. 7, Ипат. стр. 84.

[3]) Ипат. стр. 84, 108.

[4]) Ж. Өеодосія, стр. 9, 16, 19. [5]) Ипат., стр. 19.

[6]) Слѣды ея въ языкѣ—см. у Шрадера, Reallexicon, 277.

кочевомъ образѣ жизни глиняная посуда не удобна [1]), и гончарная техника поэтому развивалась лишь при осѣдлой культурѣ, а во времена переселеній приходила въ упадокъ. Этимъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснять, что какъ въ индоевропейскомъ, такъ и въ общеславянскомъ словарѣ гончарство оставило весьма слабые слѣды, хотя было сильно развито въ нашихъ областяхъ уже въ неолитическую эпоху. На славянской прародинѣ была широко распространена и конкурировала съ глиняной деревянная посуда (общеславянское названіе—„судъ“). Общеславянское слово *горнецъ* (грънецъ) можно считать названіемъ спеціально глиняной посуды, да и самое слово: гончаръ, горнчаръ можно считать общеславянскимъ, восходящимъ быть можетъ даже еще къ праславянской эпохѣ [2]).

Археологія даетъ богатый матеріалъ для исторіи глиняной посуды какъ въ болѣе ранней культурѣ, такъ и въ культурѣ нашихъ племенъ по разселеніи. Издѣлія показываютъ, что въ то время былъ извѣстенъ гончарскій кругъ (или можетъ быть простѣйшая его форма—гончарская дощечка), и просто руками уже не лѣпили [3]). Въ историческихъ памятникахъ мы почти вовсе не имѣемъ матеріала—одни лишь общія упоминанія: изъ глиняной посуды упоминаются въ особенности корчаги: въ нихъ держали разнаго рода пищу и вино [4]).

Обработка дерева, которая по самымъ условіямъ жизни должна была получить широкое распространеніе въ праславянскомъ обиходѣ, оставила слѣды и въ языкѣ. Слово *тесать* относятъ еще къ праиндоевропейскимъ (санскр. tákshan плотникъ): *тесла* (топоръ) принадлежитъ къ славяно-литовскимъ (в. нѣм. dehsala); къ общеславянскому словарю принадлежатъ и такія плотничьи инструменты, какъ *долото, сверделъ, стругъ, клещи, пила*. Къ старымъ издѣліямъ „древодѣлія“ принадле-

---

[1]) Нѣсколько справедливыхъ замѣчаній объ этомъ см. у Флоринскаго, Первобытные Славяне, II, I, стр. 192—3.

[2]) См. у Будиловича. II, стр. 35; у южныхъ Славянъ это слово вышло изъ употребленія.

[3]) Антоновичъ, op. c., стр. 13, ср. Самоквасовъ, стр. 191, Гамченко—Труды IX съѣзда, т. II, Мельникъ, op. c. стр. 493, Ницаха—стр. 695.

[3]) Ипатск., стр. 88, Ж. Ѳеодосія, стр. 20 (оно замѣняетъ греческое κεράμιον, см. въ словарѣ Срезневскаго sub voce).

житъ возъ: не только его названіе (отъ общаго корня vegh, санскр. vâhana, греч. ὄχος, в. нѣм. wagan), но и названія отдѣльныхъ его частей принадлежатъ къ общимъ индоевропейскимъ, въ томъ числѣ и *колесо, ось, иго* (ярмо). Весьма древнимъ издѣліемъ былъ и челнокъ, выдолбленный либо выжженный, обыкновенно изъ одного цѣльнаго ствола: этотъ наиболѣе примитивный видъ его былъ извѣстенъ еще въ индоевропейскую эпоху и долго жилъ въ историческое время: но къ общеславянскому запасу принадлежатъ лишь названія болѣе мелкихъ родовъ лодокъ, какъ *чолнъ* (старосл. члънъ), *ладія*. Далѣе, къ области древодѣлія относятся и работы по постройкѣ жилища, требовавшаго въ лѣсныхъ праславянскихъ областяхъ массы „плотничьей“ работы и при постройкѣ и при устройствѣ. Наконецъ, многочисленныя общеславянскія слова для деревянной посуды показываютъ, насколько широко были распространены этого рода издѣлія: сюда относятся, напр., *бочка, бодня, дѣжа, ведро, жбанъ, корыто*, и можетъ быть, *чаша*.

Въ раскопкахъ остатки деревянныхъ гробовъ и деревянной посуды весьма часты: особенно встрѣчаются остатки деревянныхъ ведеръ, съ желѣзными обручами и дужками[1]; но вообще деревянныя издѣлія въ могилахъ, разумѣется, плохо сохраняются и болѣе мелкія особенности ихъ исчезаютъ. Больше даютъ намъ историческіе памятники. Здѣсь Славяне вообще славятся своимъ „древодѣліемъ“ съ очень давняго времени: еще аварское государство употребляло подвластныхъ Славянъ для этой работы (рѣчь идетъ спеціально объ изготовленіи челновъ)[2]). Константинъ Порфирородный въ своемъ классическомъ разсказѣ знакомитъ насъ съ древодѣліемъ нашихъ земляковъ: подвластные кіевской Руси Славяне рубятъ зимой лѣсъ и приготовивъ изъ стволовъ цѣльныя основанія челновъ, весной спускаютъ по Днѣпру къ Кіеву, здѣсь ихъ снаряжаютъ всякими принадлежностями старыхъ челновъ и цѣлыми караванами отправляютъ въ Царьградъ[3]). И позже, какъ и до сихъ поръ, Днѣпръ служилъ сплавною дорогой для

¹) Самоквасовъ 191, 195 и слѣд., Антоновичъ ор. с. стр. 8, 14 и Курганы Зап. Волыни, стр. 137—8, Мельникъ стр. 493, Гамченко, Житомир. могильникъ, табл. 47.

²) Theophylacti Symocattae ed. de Boor p. 226.

³) De adm. imp., гл. 9.

дерева въ южные края; въ Кіевѣ упоминаются специальные „извозники", перевозившіе дерево съ пристани въ городъ [1]).

Извѣстны специалисты „древодѣлы" и даже цѣлыя артели, организаціи ихъ. Въ одномъ разсказѣ XI в. князь, задумавъ построить церковь, призываетъ „старѣйшину древодѣлямъ" [2]). На каждомъ шагу встрѣчаемъ упоминанія о деревянныхъ постройкахъ, стѣнахъ, мостахъ; каменныя постройки появились подъ чужимъ вліяніемъ и были весьма рѣдки. Въ Кіевѣ въ концѣ XI в. были особые продавцы гробовъ (продающеи корсты) [3]). Деревянная посуда—ведра, бочки, „кади", „ладки", „лукна" [4]), должны были пользоваться широкимъ употребленіемъ, какъ и вся деревянная домашняя обстановка.

§ 154. Металлы. Употребленіе металловъ, имѣющее столь важное значеніе въ культурной исторіи человѣчества, сдѣлало большіе успѣхи еще передъ раздѣленіемъ Славянъ. Общимъ обозначеніемъ для металла было слово *руда*—общее индоевропейское названіе мѣди (санскр. lôhá, пеглев. rôd, лат. raudus, староскандинавское rauđi)—перваго металла, ставшаго извѣстнымъ Индоевропейцамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единственнаго, знакомство съ которымъ можно съ увѣренностью констатировать уже въ общей пра-культурѣ. Другое, общеславянское названіе металла—„крушецъ" (отъ „крушити"). Изъ отдѣльныхъ металловъ имѣемъ общеславянское названіе для *мѣди* (медь)—его обыкновенно связываютъ съ нѣмецкимъ smida, металлъ (соотвѣтствуетъ славянскому „кузнь"): это обстоятельство тоже могло бы указывать на мѣдь, какъ на первый извѣстный металлъ [5]). Общеславянскія названія имѣемъ для *золота* (старосл. злато, родственное съ нѣмецкимъ—готское gulþ, и съ словомъ „желтый"), для *серебра* (старосл. съребро, готск. silubr, прусск. siraplis) и *желѣза* (желѣзо, прусск. gelso, лит. geležis, происхожденіе неясно) [6]). Знакомство съ этими четырьмя металлами относится съ полной

---

[1]) Патерикъ, стр. 100, 109—170.

[2]) Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Срезневскаго, стр. 32.

[3]) Лавр., стр. 208. [4]) Ипат., стр. 84, 88.

[5]) Крекъ [2], стр. 182, Шрадеръ, Reallexicon, стр. 726.

[6]) Обычно связываютъ съ греческимъ χαλκός, противъ этого см. Кречмеръ, Einleitung, стр. 187 и слѣд.

достовѣрностью къ праславянскому времени. За то общеславянское *олово* колеблется въ значеніи въ различныхъ славянскихъ діалектахъ, обозначая то свинецъ (plumbum), то олово (stannum); очевидно—эти два металла были мало извѣстны въ праславянскую эпоху, что впрочемъ замѣчается и у многихъ другихъ народовъ [1]). Изъ металлической техники имѣемъ общеславянское *ковати* (бить—cu, лат. cudere, в. нѣм. houwan), *ковачъ*—кузнецъ, *молотъ* (лат. martulus, сюда же принадлежитъ и слово молотить). Къ области металлическихъ издѣлій принадлежатъ нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ орудій: плотничьихъ, земледѣльческихъ (тесла, долото, пила, рыскаль и т. п.), различныя иныя принадлежности, какъ напр. гвозди, шила, различнаго рода оружіе, а также туалетныя украшенія—все это должно было приготовляться по крайней мѣрѣ отчасти изъ металла ужъ въ праславянское время, хотя употребленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ кости и камня могло продолжаться чрезвычайно долго, въ особенности въ глухихъ мѣстностяхъ.

§ 155. Мѣстная металлическая техника. Въ археологическомъ матеріалѣ заслуживаютъ особаго вниманія слѣды близкаго знакомства нашихъ племенъ съ обработкой металла. Въ большомъ числѣ они встрѣчаются особенно въ древлянскихъ могилахъ: здѣсь находимъ многочисленные остатки перегорѣвшаго желѣза (изъ горна), большіе молотки и наковальни, разнообразныя издѣлія изъ желѣза, свидѣтельствующія о широкомъ ихъ распространеніи и общедоступности: большіе, грубо выкованные желѣзные гвозди и мелкіе предметы, какъ ножики, огнива встрѣчаются весьма часто въ могилахъ [2]). Очевидно, желѣзо обрабатывалось на мѣстѣ, по всей вѣроятности и добывалось оно на мѣстѣ же, такъ какъ Древлянская земля достаточно богата желѣзной рудою, болотной, легко обрабатываемой. Вообще металлическія издѣлія—желѣзныя, бронзовыя или мѣдныя, и серебряныя, рѣже золотыя—весьма часты въ могилахъ. Изъ желѣзныхъ издѣлій больше всего встрѣчаются ремесленные инструменты—топоры, долота, ножи и всевозможныя вещи домашняго и личнаго употребленія (огни-

---

[1]) См. Шрадеръ, Sprachvergl. [3] II, стр. 91, Reallexicon, стр. 96.
[2]) Антоновичъ ор. с., стр. 8, ср. Мельникъ стр. 510, Самоквасовъ стр. 195.

ва, ключи, щипцы, скобы), рѣже оружіе—мечи, ножи, копья, топоры, кольчуги, шеломы, окованные щиты (могилы Полянской и Сѣверской земли). Въ знаменитой черниговской Черной могилѣ, датированной византійскими монетами IX вѣка, были найдены два окованныхъ серебромъ рога для питья; рѣзная серебряная оковка, довольно высокой уже техники, съ стилизированнымъ растительнымъ орнаментомъ и фигурами звѣрей и людей, считается мѣстною работой [1]). Въ одной могилѣ на Погорынѣ была найдена небольшая желѣзная наковальня и молотокъ къ ней, двое вѣсовъ съ многочисленными разновѣсками и окованый желѣзомъ ящичекъ—повидимому принадлежности ювелира [2]). Весьма правдоподобно, что высоко развитая металлическая и ювелирная техника, съ какой встрѣчаемся въ языческихъ могилахъ нашей страны (въ христіанское время она можетъ быть съ несомнѣнностью констатирована какъ мѣстная), была мѣстнаго происхожденія и въ языческое время, по крайней мѣрѣ въ извѣстной части,—слѣдовательно, металлическая техника уже въ то время достигла значительнаго развитія.

Сравнительно съ богатымъ археологическимъ матеріаломъ небольшое значеніе имѣютъ скудныя историческія извѣстія о металлическихъ издѣліяхъ нашихъ племенъ. Слѣдуетъ отмѣтить извѣстія ибнъ-Хордадбега о томъ, что изъ Руси вывозятъ мечи въ Византію, и Джайгани, который среди славянскихъ товаровъ упоминаетъ олово (или свинецъ, съ положительностью нельзя сказать). Изъ мѣстныхъ источниковъ можно отмѣтить только упоминаніе о кузнецѣ въ Житіи Θеодосія [3]).

§ 156. Пища. Переходя къ быту въ болѣе тѣсномъ значеніи, начнемъ съ предметовъ потребленія.

Соотвѣтственно разнообразному хозяйству должна была быть разнообразной и праславянская пища. Вышеприведенное обозначеніе земледѣльческихъ продуктовъ—жито, указываетъ, что эти продукты въ потребленіи играли уже главную роль; слова *тѣсто*

---

[1]) Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, V, стр. 14 и слѣд., Кондаковъ, Русскіе клады, I, стр. 14 и слѣд.

[2]) Мельникъ, стр. 507.

[3]) Хордадбегъ, изд. де Гуе, стр. 115, Джайгани въ Трудахъ III археол. съѣзда I, стр. 347, Житіе Θеодосія, л. 4.

и *хлѣбъ*—общи славянскимъ языкамъ: для слова хлѣбъ имѣемъ интересный рядъ: лат. libum, готск. klaifs, слав. хлѣбъ, лит. klepas, однако лингвистика еще не разобралась въ немъ какъ слѣдуетъ [1]). Слово *пеку*, принадлежитъ еще къ праиндоевропейскому времени (санскр. pac, греч. πέσσω): употребленіе огня при приготовленіи пищи въ праиндоевропейское время не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Имѣемъ извѣстія, что въ неолитическихъ поселеніяхъ средняго Поднѣпровья домикенской культуры часто находили нѣчто въ родѣ лепешекъ или хлѣбцевъ: но не было сдѣлано болѣе основательнаго анализа ихъ.

Еще болѣе древнею, чѣмъ мука, формою потребленія зерна была крупа; послѣ того, какъ мука заняла ея мѣсто при приготовленіи хлѣба, крупу продолжали и далѣе употреблять—для варки: слова *варити* и *пряжити* принадлежатъ къ общеславянскимъ, какъ и *каша*, которая быть можетъ восходитъ еще къ праславянской эпохѣ.

Къ праиндоевропейскому времени восходитъ и слово *мясо* (санскр. mâmsá, готск. mimz, старосл. мѧсо, лит. mėsà). Наличность двойственнаго обозначенія для него, а также тотъ фактъ, что второе обозначеніе указываетъ на сырое, кровавое (санскр. kravís, греч. κρέας—слав. кръвь, лат. cruor) заставляетъ предполагать, что слово „мясо“ обозначаетъ уже приготовленное въ пищу мясо [2]). Первоначальный способъ приготовленія мяса—печеніе: но уже къ праарійскому времени восходитъ слав. *юха* (санскр. yûsh, yûshan, лат. jus, лит. jùše): оно можетъ указывать на употребленіе и вареннаго мяса. Объ употребленіи сладкаго и кислаго молока мы уже говорили. Пища приправлялась *солью*—общеевропейскимъ культурнымъ пріобрѣтеніемъ [3]).

Медъ, въ качествѣ сладкаго напитка, опьяняющаго чело-

---

[1]) Вопросъ главнымъ образомъ въ томъ, происходитъ ли слово хлѣбъ отъ готскаго, или же самостоятельно. См. Козловскій Archiv XI, 386, Педерсенъ стр. 50, Шрадеръ, Reallexicon, стр. 111, Ягичъ, Archiv, XXIII, стр. 537, Нейскеръ стр. 84.

[2]) Шредеръ Reallexicon, стр. 250, Крекъ [2], стр. 126.

[3]) Спеціальныя изслѣдованія: Гена, Das Salz, 2 изд. 1901, Schleiden, Das Salz, seine Geschichte, seine Simbolik und Bedeutung in Menschenleben, 1875, также Шрадера, Reallexicon, 700—1.

вѣка, восходитъ еще къ праиндоевропейскому времени, и у Славянъ, съ развитіемъ пчеловодства былъ въ широкомъ употребленіи. Рядомъ съ нимъ существовалъ также перебродившій хлѣбный напитокъ; онъ имѣетъ для себя въ славянскомъ словарѣ не общія, а лишь частныя названія—*брага* (восточное и западное, связываютъ съ кельтск. bracc, кимрск. brag—солодъ) и *олъ* (старославянское, великорусское и западное—сѣверонѣм. öl); впослѣдствіи спеціализировалось въ этомъ значеніи общее *пиво* (собственно—напитокъ вообще) [1]); слово *дрожди* общи сѣвернымъ народамъ (старосл. дрождиѩ, сѣверонѣм. dregg, прусск. dragios). Къ общеславянскимъ принадлежитъ и греко-италійское *вино*, но трудно сказать, имѣли ли Славяне случай познакомиться съ нимъ еще до своей миграціи на югъ,—доходилъ ли до нихъ этотъ предметъ черноморской и средиземной торговли.

Археологическій матеріалъ немного можетъ дать намъ для уясненія древнерусскаго потребленія. Выше упоминали мы объ остаткахъ тризны или жертвоприношенія въ сѣверянскихъ могилахъ, гдѣ встрѣчаемъ кости бараньи, птичьи, рыбьи, хлѣбныя зерна, скорлупу куриныхъ яицъ [2]). Важнѣе для насъ историческія извѣстія.

§ 157. Историческія свѣдѣнія о пищѣ. Обычный кругъ предметовъ питанія перечисляетъ разсказъ о св. Владимірѣ: князь посылаетъ развозить нищимъ „хлѣбы, мясо, рыбы и овощь разноличный (вѣроятно огородные), и медъ въ бочкахъ, а въ другыхъ квасы“ [3]). Въ Печерскомъ монастырѣ XI в. обычной пищей былъ хлѣбъ (главнымъ образомъ ржаной), сочиво (вареный горохъ и другіе стручковые овощи), либо каша, вареные и приправленные растительнымъ масломъ огородные овощи; въ скоромные дни ѣли сыръ, въ постные—рыбу, но послѣдняя являлась ужь лакомствомъ, и давалось лишь „мало рыбъ“. Въ праздникъ ѣли иногда хлѣбъ изъ муки лучшаго качества и даже какое-то сладкое печенье („хлѣбы чисты зѣло, друзии же отъ нихъ съ медомь и макомь творени“). Не совсѣмъ обычнымъ предметомъ стола являлся медъ [4]). Сухой ржаной хлѣбъ, вареные, безъ приправы огород-

---

[1]) Нѣм. bier считаютъ заимствованнымъ изъ славянскаго—Кунъ, Шрадеръ (I. F. XVII c. 32).

[2]) Самоквасовъ, ор. c., стр. 188, 191. [3]) Ипат. стр. 86.

[4]) Житіе Ѳеодосія л. 18, 20, 21, 22.

ные овощи и вода были пищей уже не обыкновеннаго аскета. Хлѣбъ считался болѣе изысканною пищею, чѣмъ сочиво, а на самомъ концѣ, какъ самая послѣдняя ѣда, стояли вареные огородные продукты [1]).

Это монастырское меню даетъ намъ представленіе о потребленіи бѣднѣйшихъ слоевъ населенія. Съ пищей болѣе зажиточныхъ, высшихъ классовъ знакомитъ насъ не разъ упомянутый нами „урокъ" княжьихъ агентовъ — „вирниковъ": вирникъ долженъ былъ получать для себя и для своего отрока (слуги) каждый день хлѣбъ, по „уборку" пшена и гороха (по другому варіанту хлѣба и пшена можетъ брать столько, сколько съѣдятъ), далѣе, двѣ курицы, и кромѣ того каждую недѣлю теленка либо „полоть" мяса, ежедневно „головажню" соли и ведро солода на пиво, въ скоромные дни сыръ, въ постные вмѣсто мяса—рыбу [2]).

Изъ этого вытекаетъ, что хлѣбъ, каша и вареные огородные овощи (по всей вѣроятности что-то въ родѣ щей) были въ то время, какъ и въ наше, главной пищей населенія; быть можетъ только мясо, при болѣе богатой еще фаунѣ и изобиліи свободныхъ пастбищъ, было тогда болѣе обычной пищей, чѣмъ теперь. Хлѣбъ—былъ ужъ настоящимъ хлѣбомъ, близко похожимъ на современный, а не какіе либо опрѣсноки. Муку замѣшивали на теплой водѣ (укропъ), мѣсили, прибавляя дрождей (квасъ) и пекли — не на очагѣ, а въ печи, болѣе напоминающей нашу „русскую" печь, а не примитивный очагъ [3]). Хлѣбъ долженъ былъ быть большихъ размѣровъ, судя по тому, что его должно было хватить на день для двухъ человѣкъ; но были и небольшіе хлѣбцы („коврижокъ", „коврижька") [4]). Изъ другихъ кушаній лѣтопись подробнѣе описываетъ намъ еще приго-

---

[1]) Ж. Θеодосія л. 9, 20, ср. Ипат. л., стр. 132.

[2]) Р. Правда Акад. § 42, Карамз. § 7, ср. § 108—9, варіанты см. у Калачова, Предварительныя юрид. свѣдѣнія [2], стр. 188—9.

[3]) О томъ какой видъ имѣла эта печь, даетъ нѣкоторое понятіе лѣтописный разсказъ о св. Исакіи (Ипат., стр. 137: печь плоха, огонь выходитъ сквозь дыры, Исакій вылазитъ на печь и тушитъ огонь).

[4]) Ж. Θеодосія, л. 11 (квасъ на състроение хлѣбомъ розливаху), 21 (тѣсто мѣсящемъ, и паки имъ лѣющимъ укропъ въ не), Ипат. стр. 130. 138.

товленіе киселя: муку размѣшиваютъ въ водѣ („цѣжь“), варятъ и подливаютъ „сыту“—разведенный водой медъ. Мясо обыкновенно варили—въ котлѣ или горшкѣ; лѣтописецъ разсказываетъ о Святославѣ, какъ нѣчто необычное, что онъ не варилъ мяса, а пекъ его на угольяхъ; изъ этого же разсказа видимъ, что ѣли и мясо домашняго скота (въ томъ числѣ и лошадиное) и дичь [1]). Въ итогѣ, какъ видимъ, пища въ тѣ времена далеко не была примитивно-простой; это важный культурный симптомъ, и потому я и остановился на немъ дольше.

Ѣли деревянными ложками: капризная дружина Владиміра потребовала серебряныхъ, но лѣтописецъ разсказываетъ объ этомъ какъ о неслыханной привередливости [2]).

Среди напитковъ главное мѣсто занимаетъ медъ—напитокъ любимый всѣми, отъ простолюдина до князя; о немъ я уже говорилъ. Рядомъ съ медомъ видимъ и пиво, а повидимому пили и квасъ. За то вино было рѣдкимъ напиткомъ, доступнымъ только особенно зажиточнымъ и знатнымъ людямъ. Въ Житіи Ѳеодосія вино нигдѣ не выступаетъ въ качествѣ напитка и употребляется только для церковной службы.

§ 158. Одежда. Одежда (*одѣть*—общеславянское слово) была еще весьма примитивна и проста. На это указываетъ тотъ любопытный фактъ, что названія различныхъ частей одежды—это по большей части спеціализированныя названія ткани вообще. Такъ напр. *свита* обозначаетъ вообще ткань или вязанье, великорусское рубаха отъ ржбъ—ткань; *плахта* въ украинскомъ обозначаетъ женскую одежду, а въ нѣкоторыхъ діалектахъ платокъ; *опанча*—отъ слова опона (ткань); *сукня*—отъ сукно, *портки*—отъ слова портъ, ткань. При этомъ спеціализація того или другого названія для той или другой одежды въ отдѣльныхъ діалектахъ или группахъ значительно отличается,—это указываетъ, что эта спеціализація отвердѣла уже въ позднѣйшее время.

Съ другой стороны интересны многочисленныя заимствованныя названій для одежды, какъ кошуля отъ лат. casula, сорочка—новолат. sarca, жупанъ и шуба связываются съ новолат. jupa, гуня съ новлат. hunna [3]). Впрочемъ нужно имѣть въ виду что

[1]) Ипат., стр. 41, 86. [2]) Ib., стр. 87.
[3]) Крекъ [2] стр. 175, етимологическіе словари sub vocibus.

заимствованіе слова въ этой сферѣ часто обозначаетъ лишь заимствованіе фасона (какъ это видимъ и въ наше время), а не самого предмета вообще, и заимствованія въ названіяхъ одежды вообще чрезвычайно многочисленны повсюду у всѣхъ народовъ.

Общеславянскія названія для кожаной одежды—*кожухъ*, и кожаной обуви—*черевики*; слово же *чоботъ* заимствовано изъ персидскаго языка. Есть общеславянскія названія для штановъ—варварской одежды сѣверныхъ странъ, неизвѣстной античнымъ народамъ—*гачи* и *ноговицы*; также слова *поясъ*, *плащь*. Слово *шити* (праиндоевропейское sju—соединять, лат. suo, готск. siujan, лит. siúti) должно было относиться какъ къ кожѣ, обуви, такъ и къ одеждѣ, и общеславянское *шевець* въ различныхъ діалектахъ приняло значеніе то сапожника, то портного. Изъ туалетныхъ украшеній къ общеславянскому запасу принадлежатъ слова: *перстень* (отъ перстъ—палецъ), *гривна* (отъ грива—шея).

§ 159. Археологическіе остатки одежды. Въ археологическихъ раскопкахъ найдено кое-что изъ принадлежностей древняго костюма [1]). Таковы остатки шерстяныхъ и холщевыхъ тканей, иногда обшитыхъ на воротникѣ или по краямъ каймою изъ шелковаго, тканаго золотомъ либо серебромъ „оксамита“ (ἑξάμιτος); застежка дѣлалась изъ бусины и застегивалась въ ременную петличку или кольцо. Въ недавнихъ раскопкахъ около с. Ницахи по остаткамъ одежды и пуговицамъ возстановлена на покойникахъ сорочка и какая-то верхняя одежда, шелковая, съ высокимъ воротомъ, обшитымъ шелковою лентой, съ пазухой на срединѣ груди, до половины застегивавшейся на небольшія позолоченныя пуговицы [2]). Въ черниговскихъ могилахъ особенно богатые люди имѣли на себѣ цѣлыя одежды изъ шелка съ дорогими металлическими пуговицами, но здѣсь трудно отличить мѣстное обычное отъ недавно заимствованнаго либо привозного.

Пояса видимъ ременные, съ бляхой, либо тканные, подчасъ изъ дорогихъ, златотканныхъ матерій. У пояса находились ремешки для привѣшиванія необходимыхъ вещей либо кожаные мѣшечки, сумки; попадались такія сумочки со всѣмъ своимъ содержимымъ: огнивомъ, небольшимъ точильнымъ брускомъ, кусоч-

---

[1]) Самоквасовъ, Антоновичъ, Гамченко, Мельникъ, op. c. passim. [2]) l. c., стр. 701.

ками сѣры и нѣсколькими бараньими астрагалами (для игры). Кремень, огниво, ножъ, оселокъ—это обычные предметы при покойникахъ. Въ сѣверянскихъ могилахъ весьма часты костяные гребешки, часто находимые также и въ кіевскихъ и галицкихъ похоронныхъ поляхъ. Изъ украшеній имѣемъ мониста изъ бусъ стеклянныхъ, каменныхъ и металлическихъ (большею частью привозныхъ), серги и кольца изъ металлической проволоки (бронзовой, серебряной и даже золотой), браслеты и шейныя гривны. На головѣ у женщинъ бывали шапочки или наголовники изъ шерстяной матеріи, расшитой серебряными и стеклянными украшеніями, на вискахъ носились кольца, нашитыя на кожу или нанизанныя на ремешкѣ; въ косу также вплетались кольца—они идутъ иногда отъ висковъ ко лбу, иногда отъ висковъ на грудь, указывая этимъ на укладку косъ—подоткнутыхъ или распущенныхъ [1]). Въ ницахскихъ раскопкахъ всѣ женщины носятъ косы распущенными, за то ото лба до затылка повязывается рядъ шелковыхъ снурковъ, симулирующихъ косы, и въ эти снурки, также, какъ и въ косы, вплетаются кольца, а кромѣ того кольца встрѣчаются цѣлыми пучками и на вискахъ [2]).

Обувь сохранилась довольно хорошо въ древлянскихъ и волынскихъ могилахъ: это невысокіе, остроконечные сапожки изъ тонкой выдѣланной кожи (вродѣ сафьяна), вдвое сложенной или же подбитой иной, болѣе грубой кожей, сшитые на подошвѣ. Въ одной черниговской могилѣ были найдены большіе сапоги, прошитые бронзовой проволокой, какъ комментарій къ позднѣйшему описанію костюма кн. Даніила: „сапози зеленаго хъза, шити золотомъ [3]).

§ 160. Историческія описанія костюма. Весьма интересное описаніе костюма богатаго Русина даетъ ибн-Фадланъ: онъ былъ одѣтъ въ широкіе шаровары, чулки [4]), сапоги, куртку, сверху ея была шелковая свита съ золотыми пуговицами, на головѣ соболья

---

[1]) Мельникъ, l. c., стр. 498—9.

[2]) l. c., 697.

[3]) Ипатск., стр. 541.

[4]) Это слово въ текстѣ ибнъ-Фадлана не совсѣмъ ясно въ въ своемъ значеніи, но какой-то родъ чулокъ дѣйствительно былъ въ употребленіи на Руси.

шапка съ шелковымъ верхомъ [1]). Арабскій источникъ IX в. и позднѣйшіе Арабы также разсказываютъ о курткахъ и свитахъ, широкихъ шароварахъ и сапогахъ Руси [2]).

Въ нашихъ домашнихъ источникахъ можно собрать также довольно полный ассортиментъ верхней одежды X—XII в.: сорочка, свита, кромѣ того, быть можетъ только у болѣе зажиточныхъ—„корзно“ (плащъ). На ногахъ вязаныя „копытьца“, родъ чулокъ, и „сапоги“ или вмѣсто нихъ—„прабошни“, либо „черевии“ (черевики); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ должны были носить вмѣсто нихъ лапти. На головѣ шапка—„клобукъ“, вязанная или кожаная. На шеѣ у богатыхъ—золотыя и серебряныя цѣпи, ожерелья изъ толстой или тонкой витой проволоки (гривны), у женщинъ въ ушахъ „колци“ [3]).

Наконецъ—имѣемъ и нѣсколько изображеній древнерусскихъ князей. Такъ, на извѣстной миніатюрѣ Святославова Изборника 1073 г. (правда, сильно пострадавшей отъ времени) имѣемъ ри-

---

[1]) Извѣстія Гаркави стр. 98. Относительно славянства ибнъ-Фадлановой Руси до сихъ поръ не сдѣлано настолько серьезныхъ возраженій, что они бы заставили насъ видѣть въ ней Финновъ, какъ хотять одни, или Варяговъ, какъ хотятъ другіе. Но въ виду такихъ подозрѣній—я все таки выдѣляю его изъ ряда другихъ извѣстій и ставлю отдѣльно, поступая также съ другими извѣстіями, въ которыхъ съ точки зрѣнія норманской теоріи можно видѣть Русь скандинавскую. Я отдѣляю ихъ отъ извѣстій о Славянахъ, но исключить ихъ или рѣзко противопоставить извѣстіямъ о Славянахъ невозможно, такъ какъ во всякомъ случаѣ этотъ „русскій“ элементъ IX—X., какъ онъ выступаетъ въ византійскихъ и арабскихъ источникахъ, всецѣло норманскимъ не могъ быть, и въ извѣстіяхъ о немъ отражается современная восточно-славянская жизнь, вопервыхъ потому, что среди этой „Руси“ безспорно были во всякомъ случаѣ и Славяне, смѣшиваемые подъ этимъ именемъ съ Варягами, а во-вторыхъ потому, что варяжскія черты должны были въ сильной степени отразиться на бытѣ военно-купеческихъ классовъ славянской Руси (и наоборотъ), если считать проникновеніе Варяговъ въ восточную Европу на столько давнимъ и интенсивнымъ, какъ это приходится принимать съ точки зрѣнія норманизма.

[2]) Джайгани l. c., ибнъ-Дастъ изд. Хвольсона, стр 39, Гаркави стр. 193, 276.

[3]) Ипатск., стр., 56, 98 (ср. стр. 248), 137, 170, Житіе Ѳеодосія, л. 4, 9, Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, стр. 37.

сунокъ, изображающій князя, княгиню и ихъ четверыхъ сыновей—трехъ взрослыхъ и одного мальчика. Мужчины имѣютъ здѣсь цвѣтные кафтаны (синій на князѣ, алаго цвѣта на сыновьяхъ) [1]), длинные (ниже колѣнъ), по вороту и рукавамъ обшитые золотой тесьмой, внизу—цвѣтной каймой. Сыновья подпоясаны золотыми поясами, съ золотыми же концами. Князь-отецъ имѣетъ наброшенный сверху синій плащъ, обшитый золотомъ и застегнутый на правомъ плечѣ застежкою; на головѣ шапки съ тканнымъ верхомъ и обшивкой (изъ мѣха?); у сыновей шапка имѣетъ высокій верхъ, синій, у отца низкій, круглый, свѣтлый. На ногахъ сапоги—у отца синіе, у сыновей красные. На княгинѣ кафтанъ розоватый, обшитый какой-то свѣтлой обшивкой на груди и подолѣ; рукава широкіе, срѣзанные наискось, какъ въ современныхъ западныхъ костюмахъ, а изъ нихъ выступаютъ узкіе рукава такого же цвѣта, обшитые у руки золотомъ; на головѣ высокая, какъ у молодыхъ князей, шапка, и подъ ней покрывало (теп. намітка, серпанок, рантух), на ногахъ какого-то неопредѣленнаго цвѣта (желтые?) сапоги; подпоясана золотымъ поясомъ. Мальчикъ имѣетъ такую же одежду, какъ и его старшіе братья, только на кафтанѣ золотыя петлицы. Другіе рисунки княжеской одежды—семья Ярослава на софійской фрескѣ, семья Ярополка на миніатюрахъ Чивидальской псалтыри, не предоставляютъ такого интереса, въ виду своей зависимости отъ византійскихъ церемоніальныхъ костюмовъ, и тутъ еще меньше шансовъ встрѣтить реальныя черты современнаго костюма, чѣмъ на миніатюрѣ Святославова Изборника [2]).

Въ виду приведеннаго матеріала IX—X в.в. должно такъ же осторожно, какъ и извѣстія о слаборазвитомъ земледѣліи, принимать извѣстія Прокопія о бѣдной одеждѣ сосѣднихъ Славянъ VI в.: нѣкоторые изъ нихъ, по его словамъ, не имѣютъ ни со-

---

[1]) Цвѣта, хотя и упоминаю о нихъ, имѣютъ довольно проблематическое значеніе, такъ какъ пострадали отъ времени, да и съ самаго начала могли не отвѣчать дѣйствительности, имѣя въ виду лишь оттѣнить разныя части костюма.

[2]) См. Кондаковъ, Изображенія русской княжеской семьи на миніатюрахъ XI вѣка, Смирнова, Рисунки Кіева 1651 г. (Труды XIII съѣзда т. II) и мои замѣтки въ Запискахъ Наук. Тов. Шевченка т. XCV.

рочки, ни плаща, и идутъ въ битву только въ штанахъ. Это могла быть какая-либо пограничная голытьба, а можетъ быть и извѣстнаго рода военный шикъ, нѣчто въ родѣ голаго Запорожца, изображеннаго Рѣпинымъ.

§ 161. Жилище. Устройство крова для жилья выходитъ за предѣлы праиндоевропейской эпохи. Славянское *домъ* принадлежитъ къ индоевропейскому запасу словъ: санскр. damá, греч. δομός. Какъ бы ни былъ жалокъ этотъ праиндоевропейскій домъ, все же былъ онъ настоящимъ кровомъ, а не кучей хвороста, съ *дверями* (зендск. dvarem, греч. θύρα, слав. дверь), хотя и безъ оконъ. Затѣмъ въ общеславянскомъ словарѣ имѣемъ уже довольно богатый запасъ словъ для обозначенія дома и его обстановки, что свидѣтельствуетъ о значительномъ его развитіи [1]). Рядомъ съ этимъ индоевропейскимъ названіемъ дома имѣемъ общеславянскія: *храмъ*, *хижа* [2]), а можетъ быть и *куча* (отъ кут). Жилище было сверху покрыто (общія названія—*стрѣха* и *кровъ*—отъ крыти): крыша держалась на столбѣ, имѣющемъ общеславянское названіе—старосл. слѣмя (лит. šelmů, греч. σέλμα). Это славянское жилище имѣло уже и *окна* (окно отъ око, небольшое отверстіе

---

[1]) Въ послѣднее время исторіи славянскаго дома и домашней обстановки необыкновенно повезло въ нѣмецкой литературѣ, благодаря стараніямъ главнымъ образомъ грацкихъ ученыхъ: Meringer, Das volkstümliche Haus in Bosnien und Herzegowina, 1900 (Wiss. Mitt. aus Bosnien VII), его же, Die Stellung des bosnischen Hauses und Etymologien zum Hausrat, 1901 (Sitzungsb. der phil.-hist. kl. d. Akad. т. 144) и рядъ замѣтокъ подъ заглавіемъ Wörter und Sachen в Indogermanische Forschungen, 1904—7; Murko, Zur Geschichte des Volkstumlichen Hauses bei der Südslawen, 1906 (Mitteil. d. anthrop. Ges. XXV—VI); Rhamm, Ethnographische Beiträge zur germanisch-slawischen Altertumskunde, т. II, ч. I. Die altslawische Wohnung, Брауншвейгъ, 1910. Изслѣдованія эти цѣнны въ особенности тѣмъ, что оперируютъ одновременно матеріаломъ лингвистическимъ и этнологическимъ, но они можетъ быть слишкомъ усиленно и односторонне подчеркиваютъ заимствованія изъ германскаго быта. Прежняя литература о славянскомъ жилищѣ и его обстановкѣ (преимущественно современной) по большей части собрана въ статьѣ Мурко.

[2]) Это слово считаютъ заимствованнымъ изъ нѣмецкаго hus, какъ хлѣвъ изъ готск. hlaiv, но вопросъ не вполнѣ ясенъ; см. Пейскеръ, стр. 68—71. О клѣти—Мерингеръ, I. F. XVI, стр. 117.

для глаза, глазокъ)[1]. Строилось оно только изъ дерева либо плелось изъ хвороста; вся каменная техника—позднѣйшаго происхожденія и основана на чуждыхъ, заимствованныхъ у Грековъ и Нѣмцевъ терминахъ. Отмѣтимъ интересную подробность какъ указываетъ общеславянское названіе *вапно* (вапъ—цвѣтъ, краска)—известь либо цвѣтная глина издавна употреблялись для побѣлки или окраски жилища.

Изъ принадлежностей жилища имѣемъ общеславянскія слова—*печь*, *лава*, *столъ*; они интересны въ особенности въ виду новѣйшихъ наблюденій, указывающихъ, что славянская, вообще индоевропейская жизнь первоначально развивалась просто на полу жилища и только постепенно поднималась надъ его поверхностью, на „культурный горизонтъ". Вслѣдствіе этого, напр., обозначеніе стола смѣшивается съ названіемъ доски, служившей подставкою для пищи (слав. дъска, доска, лат. discus, миса, нѣм. disc или tisc—столъ и миса), или же одно и то же слово обозначаетъ то столъ, то чашку, подставку, игравшую роль стола (слав. миса обозначаетъ въ однихъ діалектахъ чашку, въ иныхъ столъ, ср. лат. mensa, тоже нужно сказать и о *блюдѣ*, гот. biuþs). Современный высокій столъ, почти несдвигающійся съ отведеннаго ему мѣста, представляетъ довольно позднее явленіе; въ различныхъ славянскихъ діалектахъ это названіе обозначаетъ то столъ, то стулъ для сидѣнія (ср. нѣм. stuhl); у насъ, напр., это колебаніе замѣтно въ терминѣ „настолованія", возведенія на престолъ, и въ княжьемъ *столѣ* (также и въ украинскихъ словахъ *стіл*, столъ, *стілець*, стулъ). Не только внѣшній видъ обоихъ родовъ мебели былъ одинаковъ, но, повидимому, одинъ и тотъ же предметъ служилъ для обѣихъ потребностей.

На дворѣ (общеслав. *дворъ*, въ связи съ *дверью*) кромѣ жилого помѣщенія имѣемъ обозначенія для *клѣти* (можетъ быть въ связи съ ирл. cléthe, готск. hleiþra, крыша), *хлѣва* и *кошары* (отъ кіш) для скота, *гумна* и *житницы* для хлѣба (для сохраненія его, какъ сказано уже, служили также вырытыя въ землѣ ямы). Все это было обнесено *тыномъ* (др. сѣверонѣм. tûn) или *плотомъ* (общеслав., отъ плести).

---

[1]) Такъ и въ другихъ языкахъ, ср. у Мерингера, I. F. XVI, стр. 125.

§ 162. Историческія данныя. Въ историческихъ памятникахъ также можемъ отмѣтить нѣсколько интересныхъ подробностей жилищъ. Различалась комната съ печью, теплая—„истъба“, „истобка“, отъ холодныхъ, носившихъ различныя названія—сѣни, одрина, клѣть, вѣжа. Употребленіе въ нашихъ памятникахъ формы *истопка* указываетъ, что это названіе истолковывали, по всей вѣроятности, какъ помѣщеніе отапливаемое (какъ комната изъ caminata): но это слово происходитъ безъ всякаго сомнѣнія изъ нѣмецкаго stuba (корень неясенъ), обозначавшаго комнату съ печью, отгороженную отъ первоначальнаго жилого пространства, снабженнаго лишь очагомъ. Это старое помѣщеніе безъ печи носитъ у насъ названіе *сѣней*. *Одрина* была, очевидно, помѣщеніемъ для спанья, *вѣжа*—можетъ быть помѣщеніе верхнее[1]). *Клѣть* бывала и амбаромъ, но служила и для жилья [2]). Домъ строился высоко—„сѣни“ были на верхнемъ этажѣ и внизу имѣли только крыльцо, на столбахъ: въ нижней части могли быть различнаго рода кладовыя—„клѣти“, амбары. Но это были дома городскіе, богатые, и на нихъ могли отражаться и чужеземныя моды (варяжскія напр.). Печь въ истбѣ, какъ я уже говорилъ, была болѣе или менѣе похожа на современную, съ покрытымъ верхомъ. Изъ прочей домашней обстановки фигурируетъ часто *одръ*, постель, довольно уже высокая, такъ что на ней можно было сѣсть [3]), между тѣмъ какъ первобытная постель была простою „подстилкой“ на землѣ, либо въ ямѣ—логовищѣ. Широко употреблялись въ старорусскомъ бытѣ *ковры* [4]).

На дворѣ упоминаются „клѣти“, „погреба“, чуланы—„бретяници“, „хлѣвы“ и помѣщенія для скота, „гумно“ для хлѣба[5]). На княжьемъ дворѣ упоминаются особыя „мовници“—бани, „медуши“—погреба для меда: все это имѣлось, конечно, и во-

---

[1]) Интересное объясненіе „вѣжи“ далъ недавно Мерингеръ (I. F. XIX, стр. 427)—отъ везти, какъ передвижной, перевозной домъ (онъ разсказываетъ очень подробно о такихъ передвижныхъ домахъ, сохранившихся до сихъ поръ въ Герцеговинѣ). Слово вѣжа дѣйствительно употреблялось у насъ также спеціально для обозначенія кибитки кочевниковъ.

[2]) Ипат., стр. 38, 55, 138, 159, Сказанія о Бор. и Гл., стр. 78.

[3]) Ж. Ѳеодосія, л. 8. [4]) Напр. Ипатск., стр. 49, 170, 180.

[5]) Р. Правда. Акад. § 20, 38, Карамз. § 40, 59, Ипат., стр. 236 и 237.

обще у болѣе зажиточныхъ людей. На крышахъ хатъ видимъ голубятни для голубей [1]).

Ѣздили возомъ („возъ“, „кола“, „телѣга“), запряженными лошадьми или волами; погонщикъ „повозьникъ“ сидѣлъ верхомъ на конѣ [2]). Ѣздили часто верхомъ, даже духовныя лица [3]); изъ принадлежностей ѣзды упоминаются сѣдло и „подкладъ“ [4]); въ могилахъ встрѣчаются металлическія части узды и стременъ [5]). Зимою ѣздили на саняхъ; но этотъ экипажъ имѣлъ гораздо болѣе широкое употребленіе въ то время, являясь ритуальной принадлежностью напр. при погребеніи, что сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и доселѣ (въ Карпатахъ): это слѣдуетъ объяснить архаичностью этого экипажа [6]).

§ 163. Вооруженіе. Эта важная сторона быта отразилась въ языкѣ сравнительно слабо. Характерно самое слово оржжиѥ (общеслав.)—специализировавшееся въ другой формѣ какъ орудіе (дѣло, занятіе въ старорус. и соврем. украинскомъ). Изъ разныхъ видовъ вооруженія у Славянъ какъ и вообще у индоевропейскихъ народовъ въ развитіи защиты преобладало оружіе агрессивное. Наибольшее значеніе имѣло древнее, древнѣйшее собственно говоря оружіе—копье. Наиболѣе примитивною формою его былъ острый сукъ дерева, либо обожженный колъ, какой приготовлялъ Одиссей на Полифема и какіе употреблялись на Украйнѣ еще въ XVII—XVIII в. во время народныхъ движеній по недостатку чего либо лучшаго [7]), но разумѣется и въ праславянскія времена употреблялись копья уже съ металлическими, желѣзными остріями. Имѣемъ для этого оружія два общеславянскихъ названія: *копиѥ* (того же корня, что и копыто, копати—бить) и *сулица* (сунути). Далѣе *ножь* (ньзити, низать, связываютъ съ прус. nagis, кремень, что явля-

---

1) Ипат., стр. 36 и 37. 2) Житіе Ѳеодосія, л. 14—5.

3) Ипат., стр. 147. 4) Ипат., стр. 41.

5) Самоквасовъ, ор. с., стр. 188, Антоновичъ, Курганы Зап. Волыни, ст. 137.

6) Ипат., стр. 38, 128, 131, 144 и проч. Спеціальное изслѣдованіе Th. Volkov, Le traineau dans les rites funeraires de l'Ukraine, 1896.

7) По словамъ Оссовскаго (Труды VI археолог. съѣзда I, стр. 55) такія сулицы употребляются и до сихъ поръ въ восточной Литвѣ.

лось бы реминисценціей кремневаго ножа, подобно нѣмецкому sax, мечъ, лат. saxum, камень, но оно имѣетъ нѣкоторыя лингвистическія трудности)[1]). *Мечъ* (готск. mêkeis) — слово считаютъ заимствованнымъ съ нѣмецкаго, подобно тому, какъ праслав. корда (забытое у насъ) выводятъ изъ персидскаго kârd; нужно замѣтить, что вообще длинный мечъ въ индоевропейскомъ вооруженіи явился много позже первоначальнаго короткаго, похожаго на ножъ. Далѣе—*секыра* (лас. securis, родственное со словомъ сѣчь, сѣкѫ) и рядомъ съ нею другое общеславянское, но заимствованное названіе—*топоръ* (перс. tabar); *кый*—булава, молотъ (отъ корня ku — бить, а также ковать); *праща* (того же корня, что и пракъ—порокъ, машина для разбиванія стѣнъ). *Лукъ* съ *тетивой* (лит. temptŷva), *стрѣлами* (общее съ нѣм. strāla) и *туломъ*—колчаномъ для нихъ, является также общеславянскимъ и вѣроятно праславянскимъ вооруженіемъ.

Зато чрезвычайно мало словъ для второй категоріи—оружія оборонительнаго. Мы имѣемъ общеславянское, собственно общеевропейское—*щитъ* (лат. scutum, кельтск. scíath)[2]); общеславянскими слѣдуетъ считать и *броню*, старослав. брънꙗ (выводятъ изъ старонѣм. brunja, родственнаго съ кельтскимъ bruinne—грудь) и *шеломъ* (старосл. шлѣмъ, выводятъ изъ нѣм., готск. hilms). Вотъ и все.

Въ значительной степени этому словарному запасу соотвѣтсвуютъ и древнѣйшія историческія извѣстія о славянскомъ вооруженіи. По словамъ Прокопія, Славяне идутъ въ бой по большей части пѣшіе, съ небольшими щитами и копьями, безъ брони; Іоаннъ Ефесскій разсказываетъ о нихъ, что они ужъ въ балканскихъ краяхъ запаслись оружіемъ и научились вести правильную войну, а до того это были неучи, но смѣвшіе даже показаться изъ своихъ лѣсовъ и не знавшіе никакого оружія, кромѣ двухъ-трехъ „лонхадій“, метательныхъ копій[3]). Маврикій (а затѣмъ Левъ) говорятъ, что славянскіе воины имѣютъ каждый по два короткихъ копья

---

[1]) Шрадеръ, Reallexicon, стр. 538, Крекъ[2], стр. 152—3.

[2]) Противъ заимствованія изъ нѣм., готск. skildus, см. Крекъ[2], стр. 154, Шрадеръ, Reallexicon, стр. 720—1 (тутъ указаны и лингвистическія трудности въ рядѣ этихъ названій).

[3]) Прокопій, De bello got. III, 13, Іоаннъ Ефесскій, изд. Шенфельда стр. 255.

(ἀκόντιον)—одно, чтобы поражать врага изъ руки, другое для метанія; употребляютъ деревяные луки съ мелкими отравленными стрѣлами; нѣкоторые имѣютъ хорошіе, но слишкомъ большіе и неудобные для ношенія щиты (подобно греческимъ θυρεοί—громаднымъ, четыреугольнымъ, „какъ двери“). Тоже говоритъ о Славянахъ арабскій источникъ IX в.: вооруженіе ихъ состоитъ изъ метательныхъ дротиковъ, щитовъ и копій, иного не имѣютъ; но главнымъ оружіемъ русской дружины и въ этомъ источникѣ выступаетъ мечъ, а князья имѣютъ и кольчуги [1]).

§ 164. Вооруженіе X—XI вв. Черниговскія могилы даютъ богатый запасъ варяго-русскаго—боярскаго или княжескаго оружія X в.: тутъ имѣемъ уже большіе мечи и сабли, длинные и короткіе ножи, желѣзныя пики и болѣе короткіе дротики, сѣкиры, желѣзныя стрѣлы, желѣзные, иногде обложенные мѣдью либо инымъ металломъ шлемы, кольчуги, мѣдныя бляхи отъ кованныхъ щитовъ [2]).

Мечъ сталъ главнымъ оружіемъ на Руси уже въ IX—X в.; въ лѣтописной легендѣ о хозарской дани у Полянъ, полянскій обоюдоострый мечъ противопоставляется кривой, острой съ одной стороны хозарской, вообще тюркской саблѣ. Обмѣниваясь съ печенѣжскимъ вождемъ оружіемъ, воевода Претичъ (изъ Сѣверщины) даетъ Печенѣгу броню („брони“—кольчугу), щитъ и мечъ, а тотъ съ своей стороны даритъ Претичу коня, саблю и стрѣлы: таково было въ то время типичное вооруженіе обѣихъ сторонъ [3]). Съ этимъ древнимъ русскимъ мечемъ (въ исторіи развитія оружія, собственно говоря, новымъ) хорошо знакомитъ насъ одинъ изъ Черниговскихъ кургановъ: здѣсь имѣемъ широкій и длинный, около метра, мечъ съ массивной, мастерски отдѣланной и вѣроятно посеребренной ручкой, и нѣсколько мечей меньшихъ размѣровъ. Такіе большіе мечи, судя по археологическимъ находкамъ, были тогда весьма распространены на всемъ пути „изъ Варягъ въ Грекы“ [4]) и вездѣ, гдѣ развился дружинный бытъ. Однако кро-

---

[1]) Ибнъ-Дастъ Хвольстона, стр. 31—2, Бартольдъ и Туманскій l. c. [2]) Самоквасовъ, стр. 188.

[3]) Ипат. с. 9, 43.

[4]) Подобные мечи находили въ Кіевѣ. Въ Смоленской губ. немало ихъ въ Гнѣздовскихъ курганахъ (одинъ изъ нихъ совершенно похожъ на черниговскій). Довольно большая коллекція (8) подобныхъ

мѣ мечей были въ употребленіи также сабли: позднѣе, въ XII в., судя по Слову о полку Игоревѣ, онѣ даже преобладали, такъ какъ выгнутою саблею удобнѣе рубить, чѣмъ прямымъ мечемъ. Не утратили своего важнаго значенія копья, а также ножи (ср. ножи „засапожники" Слова о п. Игоревѣ, какъ позднѣйшій гайдамацкій „товаришъ", заложеный за голенище), „топорци" [1]) луки.

Изъ оборонительнаго оружія намъ извѣстны „червленые" щиты и шлемы: кольчуги же упоминаются изрѣдка, и неизвѣстно, употреблялись ли онѣ рядовою дружиной. Простые люди едва ли имѣли и такое полное оружіе: обыкновенные курганы содержатъ въ себѣ копья, ножи, стрѣлы и топоры [2]); таково вѣроятно было вооруженіе простого воина не-дружинника. Такъ разсказываетъ о Славянахъ (не дружинномъ населеніи) и арабскій источникъ IX в.: оружіе ихъ состоитъ изъ метательныхъ копій, сулицъ, щитовъ, иного оружія не имѣютъ [3]), и такъ оно было и позднѣе.

Судя по значительно развитой на Руси металлической техникѣ, оружіе должно было быть главнымъ образомъ мѣстнаго издѣлія. Но болѣе богатые щеголяли чужеземнымъ оружіемъ. Уже ибнъ-Фадланъ говоритъ, что Русь употребляла мечи „франкскаго", западнаго издѣлія [4]). Слово о п. Игоревѣ говоритъ о латинскихъ шлемахъ и даже лядскихъ сулицахъ. Упомянутые большіе староруские мечи дѣйствительно очень близки по формѣ къ германскимъ (заимствованнымъ Германцами отъ Кельтовъ, такъ назыв. spatha), хотя могли выдѣлываться и на Руси [5]).

мечей изъ Курляндской губ. (изъ окресностей Альтшвангена) (одинъ изъ нихъ также очень похожъ на черниговскій), находится въ московскомъ музеѣ, гдѣ находяется и гнѣздовская и черниговская коллекціи. Рисунки кіевскихъ мечей въ Древностяхъ Приднѣпровья V таб. 1, черниговскихъ у Анучина ор. с.

[1]) Ипат. с. 123.

[2]) Собраніе разнаго оружія изъ кіевскихъ окрестностей см. въ Древностяхъ Приднѣпровья V табл. I—III; только его славянское происхожденіе не всюду достовѣрно.

[3]) Ибнъ-Дастъ с. 31.

[4]) Неяспо извѣстіе Ибнъ-Русте, что русскіе употребляютъ „Сулеймановы мечи".

[5]) Ср. напримѣръ рисунки кіевскихъ и черниговскихъ мечей и рисунокъ кельтско-германской „шпады" у Гернеса Urgeschichte²

§ 165. Музыкальные инструменты и предметы забавы. Для этой интересной области быта—забавы и танцевъ, имѣемъ къ сожалѣнію, пока еще очень немного. Лингвистическій матеріалъ мало изученъ и даетъ мало характернаго, этнографическій также. Общесл. плясати дало начало готскому plinsian, наоборотъ слав. ликъ (хоръ, собраніе поющихъ и пѣніе) производятъ отъ гот. laiks—пляска (заимствованія въ этой сферѣ также распространены какъ въ области одежды); интересны такія паралели: наше скакать—лит. szokis танецъ, гот. laiks пляска—лит. liknoti считать (намекъ на ритмъ). Изъ области музыкальныхъ инструментовъ имѣемъ такія общеславянскія слова: сопѣль, труба, гусли, бубенъ (въ индоевропейскомъ словарѣ пока ничего положительнаго изъ этой области не удалось указать). Эти инструменты упоминаются и въ историческихъ источникахъ, мѣстныхъ и чужихъ [1]). Арабскій источникъ IX в. говоритъ о восьмиструнныхъ славянскихъ лютняхъ, гусляхъ и длинныхъ, въ два локтя, дудкахъ. Въ археологическомъ матеріалѣ изъ служившихъ для развлеченія предметовъ намъ извѣстны пока лишь игральныя кости; бараньи астрагалы были находимы въ различныхъ языческихъ курганахъ [2]).

О широкомъ распространеніи пѣсни, пляски, игръ въ славянскомъ быту рѣчь ниже (§ 191).

§ 166. Иноземный ввозъ; древнѣйшіе слѣды. Въ изложенномъ выше обзорѣ матеріальной культуры восточнаго славянства мы не разъ встрѣчали слѣды употребленія чужихъ, привозныхъ предметовъ, чужія, заимствованныя названія — слѣды заграничныхъ сношеній, обмѣна продуктовъ, торговли. Начатки обмѣна—торговли въ ея первичной формы, мы можемъ слѣдить уже въ древнѣйшемъ языковомъ запасѣ индоевропейскихъ народовъ; слав. *мѣна*—обмѣнъ (санскритское mê, лат. munus), *вѣно*—цѣна, плата (санскр. vasná, гр. ὠνή, лат. ven-) относятся къ этому древнѣйшему запасу; слав. *про-дати* также имѣетъ

с. 155. Нѣтъ причины непремѣнно считать ихъ специфически скандинавскими, какъ это иногда дѣлаютъ. Сколько ихъ напр. въ Чехіи (см. у Пича III с. 107 сл.).

1) Ипат. 43, 136, ср. 120; ибнъ-Росте, Кардизи, Фадланъ и др.

2) Древности Приднѣпровья с. 56—7, Самоквасовъ с. 188, Антоновичъ с. 14, Мельникъ с. 495.

параллели въ санскр. parâdâ (промѣнять), литовск. parduti [1]). Съ другой стороны слѣды обмѣна, торговли мы видимъ уже въ неолитической культурѣ нашей страны, какъ чужеземныя раковины— cyprea moneta и средиземныя раковины неолитическихъ и раннихъ металлическихъ кургановъ, или издѣлія изъ чужеземныхъ каменныхъ породъ [2]). Бронзовая фабрикація вся опиралась на заграничномъ ввозѣ: ни мѣдь, ни олово не добывались на нашемъ югѣ ни на старой праславянской территоріи; золото и серебро также не были мѣстнаго происхожденія, да и желѣзная культура также опиралась, по крайней мѣрѣ отчасти, на заграничномъ обмѣнѣ, такъ какъ желѣзо добывалось только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашей территоріи, и это мѣстная добыча едва ли когда нибудь удовлетворяла весь спросъ на этотъ металлъ. Довольно распространенныя стеклянныя издѣлія всѣ приходили изъ чужихъ странъ. На широкихъ сношеніяхъ, далеко выходившихъ изъ границы своего округа или племени, опиралось распространеніе многихъ культурныхъ типовъ и даже обрядовъ, какъ напр. керамическая техника домикенской культуры, ея постройки, или обрядъ похороннаго посыпанія краскою, и т. под.

§ 167. Главныя направленія иноземныхъ сношеній. Уже въ періодъ предшествующій славянскому разселенію можемъ съ полной увѣренностью отмѣтить три главныхъ направленія—дороги торговли и обмѣна, которыя съ нѣкоторыми измѣненіями выступаютъ потомъ у нашихъ предковъ въ историческомъ періодѣ: южное, юго-восточное и западное. Южное, связанное съ финикійскими, карійскими и греческими черноморскими факторіями, было едва ли не самымъ важнымъ въ культурномъ отношеніи. Документальные слѣды этой торговли имѣются въ многочисленныхъ находкахъ греческой посуды, ювелирныхъ издѣлій и монетъ въ среднемъ Приднѣпровьѣ [3]); особенно интересна пара пантикапейскихъ монетъ

---

[1]) O. Schrader Linguistisch historische Forschungen zur Handelsgeschichte und Warencungde, Iena, 1886, особенно гл. II.

[2]) Ср. для западноевропейскаго неолита: A. Goetze Über neolithischen Handel (Festschrift Бастіана).

[3]) Смотри выше с. 92 и 114. О курганныхъ находкахъ см. археологическія карты Кіевской и Волынской губ. Антоновича (въ указателѣ къ нимъ приведены монетныя находки по категоріямъ), Подольской Сѣцинскаго, Херсонской Ястребова (Опытъ обозрѣнія

Рыжановскаго кургана (Кіевская губ.), какъ хронологическій и географическій документъ этихъ вліяній [1]), несомнѣнно, простиравшихся значительно дальше на сѣверъ [2]).

Въ черноморскихъ степяхъ эти южныя дороги перекрещивались съ восточными вліяніями, для которыхъ старыми посредниками слу-

---

древностей Херсонской губ.), Харьковской Багалѣя (Труды XII съѣзда), а также Бѣляшевскаго Монетные клады Кіевской губерніи, 1889, Данилевича Монетные клады Кіевской губ. до первой четверти XV в. (Труды IX съѣзда т. I) и Карта монетныхъ кладовъ и находокъ отдѣльныхъ монетъ Харьковской губ. (Труды XII съѣзда, I), Ляскоронскаго Находки римскихъ монетъ въ области средняго Приднѣпровья (Труды XI съѣзда т. I); Маркова Топографія кладовъ восточныхъ монетъ, кажется, до сихъ поръ еще не вышла. Упомяну еще Самоквасова Исторія русскаго права, 1884, т. II с. 170—9 и О происхожденіи русскихъ и польскихъ Славянъ и причинѣ появленія кладовъ римскихъ монетъ въ землѣ древнихъ Руссовъ и Ляховъ—Труды VIII съѣзда т. III, Píč Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage с. 276 и сл. Отдѣльныя важныя находки см. еще Россійскій историческій музей с. 598—600; Труды Кіевской духовн. академіи 1880 VIII с. 585; Археологическая лѣтопись Южной Россіи 1899 г. с. 54, 1903 г. с. 60 и др. О находкахъ греческихъ черноморскихъ монетъ — Ольвіи, Босфора, Херсона въ среднемъ Приднѣпровьѣ и Подольѣ см. археологическую карту Кіевской г. с. 25, 66 (bis), 72, статьи Данилевича, Пича Zur rumänische-ungarischen Streitfrage с. 276 (но здѣсь источники иногда сомнительны), и Спицына Обозрѣніе губерній (Труды от. сл. рус. арх. IV).

[1]) Zbiór wiadomości, т. XII Какъ далеко могли иногда заходить торговыя вліянія Черноморья, можетъ показывать напр. фактъ находки босфорской монеты царя Инингимея (III в.) въ бассейнѣ Камы—Россійскій историческій музей с. 46.

[2]) Очень интереснымъ слѣдомъ торговли и сношеній на балтійско-черноморскомъ пути могли бы быть находки янтаря; но кромѣ балтійскаго побережья онъ добывался во многихъ мѣстностяхъ на западѣ и на восточно-европейскомъ материкѣ, между прочимъ и въ окрестностяхъ Кіева и на Волыни (объ этомъ см. Кеппена О нахожденіи янтаря въ Россіи (оттискъ изъ Ж. М. Н. Пр.), Тутковскаго Кіевскій янтарь (Юго-Западный Край I). Плиній приводитъ извѣстіе Филемона, что янтарь выкапываютъ въ Скиѳіи въ двухъ мѣстахъ, въ одномъ бѣлый, въ другомъ желтый (XXXVII, 2 (11). Поэтому связывать всѣ находки янтаря съ балтійскимъ побережьемъ было бы неосторожно. Ср. Hedinger Die vorgeschichtliche Bernsteinartefakte u. ihre Herkunft, Strassburg, 1903.

жатъ иранскія племена. Какъ примѣры культурныхъ заимствованій, полученныхъ въ различныхъ сферахъ нашей жизни изъ этого источника, я напомню изъ вышесказаннаго такія слова изъ славянскаго культурнаго запаса, какъ курица, топоръ, чоботъ; этого достаточно, чтобы показать, какъ разнообразны бывали эти заимствованія. Документы сношеній и культурныхъ воздѣйствій изъ этого источника имѣются съ древнѣйшихъ временъ, для различныхъ эпохъ: оставляя въ сторонѣ раковины cyprea moneta, которыя ловятся въ Красномъ морѣ и Индійскомъ океанѣ, но могли приходить и съ черноморскаго побережья, или домикенскую культуру, пути распространенія которой еще также не обслѣдованы достаточно—укажу на такъ назыв. скиѳскій типъ въ металлическихъ (особенно бронзовыхъ) издѣліяхъ, который проникаетъ у насъ также въ районъ средняго Приднѣпровья, а съ другой стороны носитъ очевидно слѣды азіатскаго происхожденія и является документомъ сношеній и культурныхъ вліяній передней Азіи въ нашей странѣ, въ періодъ предшествующій славянскому разселенію. Потомъ такъ назыв. меровингскій или готскій стиль въ ювелирномъ искусствѣ, проходящій въ находкахъ отъ Ирана и западной Азіи черезъ нашу территорію въ Западную Европу, служитъ документомъ сношеній и обмѣна съ Востокомъ непосредственно передъ славянскимъ разселеніемъ, а позже, начиная съ VI вѣка послѣ Р. Х. имѣются уже письменныя и нумизматическія указанія [1]).

Съ запада культурныя вліянія шли сначала изъ областей средняго Дуная и центральной Европы, изъ кельтскихъ и другихъ, не всегда ясныхъ очаговъ западной культуры, а позже изъ римскихъ провинцій. Богатая среднедунайская культура, особенно ея металлическая техника, распространяла свое вліяніе и на сѣверные склоны Карпатъ, въ сферу славянской колонизаціи. Западная кельтская культура послѣднихъ вѣковъ до Рождества Хр. (такъ назыв. въ археологіи культура la Tène), развившаяся подъ вліяніемъ средиземной и значительно опередившая Германцевъ, имѣла большое вліяніе на нѣмецкую культуру и черезъ нее, а можетъ быть и непосредственно иногда, вліяла также на куль-

---

[1]) См. выше с. 52—4. О восточныхъ вліяніяхъ въ европейскомъ искусствѣ см. особенно Кондаковъ Русскія древности (II III и V т.) и его же Русскіе Клады.

туру славянскую. Еще опредѣленнѣе выступаютъ еще болѣе интенсивныя вліянія римской культуры, когда начиная съ I в. послѣ Р. Хр., она распространяется въ римскихъ провинціяхъ центральной Европы. Многочисленныя латинскія слова въ общеславянскомъ словарномъ запасѣ видѣли мы уже выше (напр. въ одеждѣ); въ археологіи римскія вліянія также очень замѣтны. Славяне могли подвергаться имъ до своего разселенія и во время разселенія непосредственно на юго-западѣ, и воспринимали ихъ также при посредничествѣ Германцевъ. Важное культурное значеніе славяно-германскихъ взаимоотношеній и заключается въ томъ, что Германцы были посредниками въ распространеніи на востокъ и сѣверъ, въ области славянской, литовской и финской, пріобрѣтеній культуры кельтской и римской. Слѣды германскихъ воздѣйствій въ славянскомъ словарномъ запасѣ необыкновенно многочисленны: мы видѣли ихъ напр. въ пищѣ, въ домашней обстановкѣ, въ оружіи. Правда, такія общіе элементы въ языкѣ часто могутъ быть объясняемы въ ту и другую сторону, а въ виду того, что оба народа находились болѣе или менѣе на одинаковомъ культурномъ уровнѣ и имѣли свои спеціальные очаги культурныхъ вліяній, кое-что могло переходить и къ Германцамъ съ востока или съ юга черезъ Славянъ [1]), и точное опредѣленіе объема западныхъ вліяній въ славянской культурѣ все еще остается задачей будущаго. Но во всякомъ случаѣ большое значеніе этихъ вліяній не подлежитъ никакому сомнѣнію.

§ 168. Монетные клады. Весьма краснорѣчивыми археологическими документами торговыхъ сношеній славянскихъ земель съ западомъ (а также съ югомъ) во времена до великаго разселенія являются находки римскихъ монетъ. Это очень рѣдко консулярныя, а главнымъ образомъ императорскія серебряныя монеты конца I, всего II и III вв. Особенно многочисленны ихъ находки въ южной части того района, который мы опредѣлили выше, какъ праславянскую территорію—въ среднемъ Приднѣпровьѣ, также на Волыни; встрѣ-

[1]) Напр. готское stikls, кубокъ вѣроятно происходитъ отъ слова стькло, стекло (не наоборотъ, какъ думаютъ часто), др. сѣв. нѣм. silki отъ слов. шелкъ, и т. под.—ср. Уленбекъ—P. B. Beiträge XII с. 191, Ягичъ Archiv XXII с. 536, Шрадеръ въ I. F. XVII с. 29. Спорные вопросы о плугѣ, хмелѣ, пивѣ и т. п. были указаны выше.

чаются онѣ и далѣе къ сѣверу, но не такъ часто. Находятъ ихъ не только спорадически, но и цѣлыми кладами въ нѣсколько десятковъ и сотень монетъ [1]). Считая, соотвѣтственно принятому въ археологіи положенію, что монета, прежде чѣмъ очутилась въ землѣ, обыкновенно обращалась не дольше ста лѣтъ, мы будемъ имѣть въ позднѣйшихъ римскихъ монетахъ слѣды торговыхъ сношеній періода непосредственно предшествовавшаго великому славянскому разселенію и начала его. Эти сношенія могли приносить римскую момету и съ запада—изъ нѣмецкихъ земель, и съ юга—изъ римскихъ провинцій и черноморскихъ торговыхъ городовъ [2]). Колонизаціонныя бури II—III в.,, очевидно, не были силахъ совершенно уничтожить эти международныя торговыя сношенія: только въ IV—V в. они ослабѣваютъ—монеты, относящіяся къ этому времени, гораздо болѣе рѣдки, хотя все же попадаются даже большими кладами.

§ 169. Торговые пути IX—X в. Путь „въ Греки“. Изъ періода, слѣдовавшаго за разселеніемъ, мы имѣемъ подробную картину торговыхъ сношеній, дорогъ, путей сообщенія по даннымъ IX—X вв.: эти торговыя сношенія возникли, разумѣется, гораздо ранѣе (въ извѣстной степени ведутъ свое начало еще

---

[1]) Самоквасовъ объяснялъ эти монетные клады тѣмъ, что ихъ разнесли Славяне при своемъ разселеніи съ Дуная (онъ придерживается лѣтописной теоріи дунайской прародины) Лясскоронскій полагаетъ, что эти монеты были добываемы не столько торговлею, сколько войнами и нападеніями на римскія земли. Это обстоятельство, дѣйствительно, заслуживаетъ полнаго вниманія. Но населеніе средняго и верхняго Приднѣпровья въ походахъ на римскія земли не участвовало, и римская монета могла проникать къ нимъ только при посредствѣ торговли.

[2]) Какъ на болѣе значительныя укажу напр. находки около Махновки (Бердичевск у.), около Плоскаго Сквирскаго у., около Чернобыля, Корсуня и Крылова на Днѣпрѣ—по нѣсколько сотъ монетъ, находки около Нѣжина 1873—80 г.г. (болѣе тысячи, монеты I—III в.), въ Стольномъ около Чернигова, въ Ромнѣ и около него, въ с. Волковичахъ, около Луневки Обоянскаго у., надъ р. Мерломъ въ Богодуховскомъ у. (200 золотыхъ монетъ IV—V вв.), въ Валкахъ, въ порѣчьѣ Донца въ Александровскѣ Ровенскаго у.. и др. Среднее Приднѣпровье вообще даетъ этихъ находокъ болѣе всего. Изъ болѣе сѣверныхъ можно указать на старую находку около Климовичей Могил. г. (около 2000 монетъ).

изъ праславянской эпохи) и во всякомъ случаѣ проливаютъ свѣтъ на предыдущія столѣтія, то-есть на VII—VIII [1]).

Главнымъ торговымъ путемъ этого времени въ представленіи писателей X—XI вв. былъ „путь изъ Варягъ въ Греки"— Днѣпръ. Подробное изображеніе торговыхъ сношеній по Днѣпру съ Византіею даетъ 9 гл. трактата Константина Порфиророднаго, называемаго „Объ управленіи государствомъ" и составленнаго въ половинѣ X в. Каждую весну, говоритъ онъ, со всѣхъ земель русскаго государства снаряжаются торговые караваны въ Царьградъ. Жители лѣсныхъ областей, Кривичи и другіе, во время зимы запасаются деревомъ и строятъ изъ него лодки. Эти лодки въ текстѣ называются μονόξυλα, то-есть выдѣланные изъ одного ствола, но этого названія нельзя понимать буквально, такъ какъ эти лодки должны были вмѣщать по нѣсколько десятковъ человѣкъ, подобно позднѣйшимъ козацкимъ чайкамъ; возможно лишь, что изъ одного ствола, какъ и у этихъ позднѣйшихъ „моноксилъ", выдѣлывалась нижняя часть, основаніе лодки. Весною эти лодки спускаются по

---

[1]) По исторіи восточно-европейской торговли изъ болѣе старыхъ трудовъ назову: Rasmussen de Arabum Persarumque commercio cum Russia et Scandinavia, 1895; Stüwe Die Handelszüge der Araber unter den Abassiden durch Africa, Asien und Westeuropa, 1836; Савельевъ Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи къ Россіи, 1846. Григорьевъ О куфическихъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи (въ сборн. Россія и Азія); Аристовъ Промышленность древней Руси, 1866 гл. 4; Бестужевъ-Рюминъ Русская исторія I с. 261 и сл.; Хвольсонъ Извѣстія Ибнъ-Даста 1869 г., спеціальный экскурсъ о восточной торговлѣ с. 158 и сл. Далѣе: Heyd Geschichte des Levantehandees im Mittelalter, I, 1879 с. 65 и сл. (французскій переводъ Рено, изд. 1885 г. въ Лейпцигѣ, съ нѣкоторыми дополненіями); Забѣлинъ Исторія русской жизни II гл. 7; Babelon Du commerce des Arabes dans le nord de l'Europe avant les croisades, 1882 (немного); Ключевскій Боярская дума, 1883 и его-же статьи въ Русской Мысли 1880 г.; Píč Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage, 1886 с. 268 и сл.; Iacob Der nordisch-baltische Handel der Araber, 1891 и Die Waaren beim arabisch-nordischen Verkehr im Mittelalter, 1891; моя Исторія Кіевской земли с. 385 и сл.; Голубовскій Исторія Сѣверской земли с. 31 и сл. и Исторія Смоленской земли с. 100 и сл.; Kuun Relationum Hungarorum cum oriente hist. antiquissima, 1893—5; Labbé Sur les grandes routes de Russie entre l'Oural et la Wolga, 1905; Szelągowski Najstarsze drogi z Polski na Wschód w okresie byzantyńsko-arabskim, 1909.

теченію въ торговые города [1]), и здѣсь ихъ продаютъ русскимъ купцамъ. Эти купцы изъ различныхъ торговыхъ городовъ водной системы Днѣпра—изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода и др. съѣзжаются въ Кіевъ. Снаряжаются лодки такимъ образомъ, что всякаго рода снасти берутся со старыхъ лодокъ и ими снабжаются нововыдѣланные остовы. Пока лодочники занимаются этой операціей, съѣзжаются изъ различныхъ городовъ купцы приготовлящіе въ путь свои партіи товаровъ: можемъ представить себѣ большую ярмарку, кіевскіе контракты тысячу лѣтъ тому назадъ, во время которыхъ сводятся счеты, дѣлаются запасы нужныхъ товаровъ, перепродаются продукты различныхъ областей и т. д. Въ іюнѣ караваны двигаются внизъ по Днѣпру; подъ Витичевымъ, немного ниже Кіева, стоятъ еще два-три дня, пока сберутся всѣ участники, и тогда уже окончательно пускаются въ путь. Плавать иначе какъ большимъ караваномъ въ это время было немыслимо: черноморскія степи были во власти Печенѣговъ, которые въ удобныхъ мѣстахъ дѣлали засады и нападали на купцовъ. Константинъ упоминаетъ, что Русь особенно остерегалась Печенѣговъ около Ненасытецкаго порога, гдѣ приходилось волочить лодки по берегу нѣсколько миль, затѣмъ на Крарійскомъ бродѣ—сейчасъ ниже пороговъ (теп. Кичкасъ) и при устьѣ Дуная. Купеческіе караваны переходили черезъ пороги вообще съ большими предосторожностями, такъ какъ они представляли большія опасности. Мѣстами приходилось переходить берегомъ, а въ самомъ опасномъ мѣстѣ переносили на плечахъ не только весь багажъ, но и лодки. При этомъ надо было караулить невольниковъ, которыхъ везли на продажу, чтобы они не убѣжали (поэтому ихъ вели скованными) и одновременно остерегаться нападенія Печенѣговъ. Добравшись наконецъ до устья Днѣпра, отдыхали на островѣ св. Ѳеорія (теп. Березань)[2]) и затѣмъ

[1]) Текстъ говоритъ о Кіевѣ, но очевидно, что лодки нужны были не только въ Кіевѣ.

[2]) Недавно (1905) открытъ интересный памятникъ этихъ русско-варяжскихъ купцовъ на Березани: каменная надгробная плита съ руническою надписью: „Грани соорудилъ этотъ курганъ по товарищу своему Карлу“; на основаніи палеографическихъ и языковыхъ особенностей относятъ ее однако къ позднѣйшему времени, XI—XII вв. (замѣтка Брауна въ Извѣстіяхъ археолог.

плыли вдоль берега Чернаго моря до Цареграда, гдѣ кончался этотъ „несчастный и опасный, тяжкій и обременительный путь“, какъ говоритъ о немъ Константинъ.

Это „Греческій путь“, какъ онъ называется въ XII в.; купцы, ѣздившіе этимъ путемъ, назывались „гречниками“, или просто—„Греками“, а ихъ торговые отряды—„гречникъ“.[1]).

§ 170. Черноморская торговля. Главные рынки этой черноморской торговли мѣнялись со временемъ. Въ эпоху развитія греческой колонизаціи, центромъ греческой торговли съ областями Ю. Буга и Днѣпра была Ольвія; позднѣе эта роль должна была перейти къ подунайскимъ городамъ, пока ихъ не истребила славянско-болгарская буря (VII—VIII в.), а еще болѣе—къ крымскимъ муниципіямъ; главное мѣсто среди нихъ занималъ Корсунь—Херсонесъ, оставившій сильную традицію въ культурной исторіи Руси[2]). Однако со временемъ восточное Славянство вышло изъ своей первоначально пассивной роли въ этой торговлѣ и, минуя крымскіе города, вошло въ непосредственныя торговыя сношенія съ Цареградомъ. Неизвѣстно, когда именно это произошло[3]). Можемъ зато утверждать, что военные походы Руси на Черномъ морѣ, извѣстные намъ начиная съ IX в., а начавшіеся, очевидно, еще ранѣе, должны были повліять и на эти

ком., XXIII: „Шведская руническая надпись, найденная на о. Березани“).

[1]) Ипат. с. 144 (см. въ варіантахъ), 360, 361, 368.

[2]) Вотъ какъ характеризуетъ ее современный историкъ древн. русскаго искусства проф. Кондаковъ: „подъ именемъ „корсунскаго“ въ древней Руси понимали все рѣдкое, изящное, но и чудное, старинное и въ отличіе отъ „цареградскаго“, которое было символомъ утонченнаго, высокаго въ техническомъ отношеніи, „корсунское“ было почти равнозначущимъ съ „архаическимъ“ —Русскія древности V с. 27. Въ старой Руси было множество этихъ „корсунскихъ“ вещей, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, несомнѣнно, были корсунскими не болѣе, чѣмъ знаменитыхъ „корсунскія“ церковныя ворота въ Вел. Новгородѣ, въ дѣйствительности изготовленныя въ Магдебургѣ.

[3]) Пичъ догадывался (ор. с. 202), что лѣтописный разсказъ о путешествіи Кія въ Цареградъ можетъ быть воспоминаніемъ о стремленіи Руси войти въ непосредственныя торговыя сношенія съ Цареградомъ. Разумѣется, нужно оставить въ покоѣ это путешествіе, такъ какъ въ немъ имѣемъ комбинацію самого лѣтописца.

сношенія, проторивъ дороги и добывши особенно благопріятныя условія для русской торговли. Въ результатѣ Русь господствовала на Чорномъ морѣ въ IX—X в. Во второй четверти X в. Арабъ Масуди говоритъ, что Черное море—это русское море, такъ какъ кромѣ Руси по немъ никто не плаваетъ [1]). Названіе „Русскаго" для Чернаго моря стало настолько популярнымъ, что держалось долго впослѣдствіи, когда Русь утратила прежній доступъ къ морю: „Днѣпръ втечетъ въ Понтское море треми жерелы, иже море словеть Руское", говоритъ Повѣсть, и западные писатели въ XI, XII, XIII в. по традиціи называютъ его Русскимъ моремъ—mare Rusciae, mare Rucenum, хотя тогда Русь уже давно утратила свое значеніе на этомъ морѣ [2]).

§ 171. Торговля съ Византіей. Старѣйшія историческія извѣстія о русской торговлѣ на Черномъ морѣ относятся къ IX в. Ибнъ-Хордадбегъ, писавшій во второй половинѣ IX в., какъ

---

[1]) У Гаркави, с. 130. Недавно пытался отвергнуть это извѣстіе Вестбергъ (Beiträge VI, ср. его-же Къ анализу с. 380—1); онъ доказываетъ, что здѣсь надо понимать русское т. е. норманское мореходство на Балтійскомъ морѣ, а у Масуди мѣсто испорчено. Текстъ однако достаточно вразумителенъ, и пока онъ не замѣненъ инымъ, его нельзя объяснять иначе, какъ въ приложеніи къ Черному морю.

[2]) Ипат. с. 4, Эккегардъ—Monumenta Germaniae, Scriptores VI с. 216. Гельмольдъ I гл. 1 ib. XXI. Прочія западныя извѣстія о Русскомъ морѣ собираетъ Куникъ—Извѣстія Аль-Бекри т. II с. 84—6. Въ послѣднее время были попытки ослабить историческое значеніе Днѣпровскаго пути. Наиболѣе рѣзко выступилъ съ этимъ предположеніемъ польскій историкъ Шельонговскій, въ цитированномъ изслѣдованіи. Слѣдя за находками арабскихъ монетъ въ балтійскихъ областяхъ и комбинируя съ ними нѣкоторыя историческія извѣстія, онъ приходитъ къ выводу, что Волга была древнѣйшимъ „русскимъ" путемъ съ сѣвера на югъ, и только позднѣе (даже очень поздно), во второй половинѣ X в. сдѣлался путемъ на югъ Днѣпръ. Въ этомъ же направленіи идетъ и Вестбергъ, въ пользу норманской теоріи толкуя различныя извѣстія о русскихъ походахъ на югъ такъ, что эти походы шли съ сѣвера волжскимъ путемъ. Объясненія эти отчасти натянуты, отчасти возможны, но во всякомъ случаѣ нельзя указать ничего такого, что говорило бы противъ важного значенія Днѣпровской дороги еще передъ тѣмъ, какъ она сдѣлалась дорогою изъ „Варягъ", а это также стало совершившимся фактомъ уже въ IX в.

предполагаютъ одни, или еще въ первой, какъ доказываютъ другіе, говоритъ уже очень опредѣленно о русской торговлѣ съ Византіей: „Русь изъ далекихъ славянскихъ странъ отправляется къ Римскому морю (такъ называетъ онъ Черное море, подразумѣвая подъ Римомъ Византію); они продаютъ тамъ мѣха бобровъ и черныхъ лисицъ, а также мечи, и римскій государь сбираетъ съ нихъ десятину“ [1]).

Въ началѣ X в. заморская русско-византійская торговля была уже очень значительна. Съ размѣрами, обстоятельствами и прерогативами, добытыми для нея благодаря походамъ русскихъ князей на на византійскія земли въ IX и X вв., обстоятельно знакомятъ насъ договоры съ Византіей кн. Олега, заключенные въ первыхъ годахъ X в., особенно если дополнить извѣстіями изъ договора Игоря 944 г. и разсказа Константина. Видимъ, что въ первой половинѣ X в. русскіе купцы находились въ Константинополѣ въ очень значительномъ количествѣ—не только по нѣсколько десятковъ, но и по нѣсколько сотъ человѣкъ, включая сюда и прислугу. Они пріѣзжали, очевидно, съ тѣми торговыми караванами, которые прибывали каждое лѣто описаннымъ у Константина способомъ, и поселялись въ спеціально для нихъ назначенномъ предмѣстьи Константинополя „у св. Мамы“ (пристань и предмѣстье внѣ стѣнъ, названное такъ отъ церкви св. Маманта); здѣсь оставались они по нѣскольку мѣсяцевъ. Собственно говоря, эта купеческая колонія имѣла очевидную тенденцію превратиться въ постоянную, но этого не хотѣло византійское провительство. Съ одной стороны, оно, очевидно, съ тревогою и подозрѣніемъ смотрѣло на эту многочисленную колонію воинственнаго люда (можно догадываться, что какіе то реальные факты дали поводъ такому недовѣрію и опасенію военныхъ нападеній); съ другой стороны, это была довольно обыкновенная въ то время торговая политика: не дать чужимъ купцамъ возможности укорениться. Въ результатѣ видимъ цѣлый рядъ ограниченій со стороны византійскаго правительства. Оно требуетъ, чтобы русскіе купцы предъявляли ему свидѣтельства русскаго князя, чтобы такимъ образомъ отличить пословъ и купцовъ отъ

---

[1]) Ибнъ-Хордадбегъ въ изд. de Goeje с. 115. О времени написанія этого извѣстія еще Марквартъ Streifzüge с. 390, Вестбергъ Къ анализу с. 375.

авантюристовъ. Для этого послы должны были приносить золотыя печати (княжескія очевидно), купцы—серебряныя: но позже установлено, что съ каждымъ караваномъ кіевскій князь будетъ посылать грамату, въ которой будетъ обозначено число кораблей: „послахъ корабль селико“ (факты очень характерные также и въ томъ отношеніи, что показываютъ, въ какой тѣсной зависимости и контролѣ со стороны кіевскаго правительства велась эта заграничная торговля). Далѣе, постановлено было, что русскіе купцы изъ своего предмѣстья могутъ входить въ городъ только всѣ вмѣстѣ, одними воротами, въ сопровожденіи византійскаго чиновника, и не болѣе какъ 50 человѣкъ заразъ. Время, въ продолженіе котораго русскіе купцы имѣютъ право на содержаніе въ Цареградѣ отъ византійскаго правительства, ограничено шестью мѣсяцами, а позже запрещено имъ вовсе зимовать около св. Мамы. Такимъ образомъ русская купеческая колонія не могла сдѣлаться постоянною, и купцы, прибывъ лѣтомъ, обязательно должны были всѣ съ концомъ навигаціи вернуться домой[1]).

О торговлѣ съ другими заморскими городами, кромѣ Цареграда, не располагаемъ болѣе подробными извѣстіями. Константинъ Порфирородный[2]) говоритъ, что Русь съ Днѣпровскаго устья ѣздитъ въ Черную Болгарію (Кавказскую), Хазарію и *Сирію*, но тотъ фактъ, что здѣсь Сирія выступаетъ вмѣстѣ съ кавказскими областями, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что здѣсь рѣчь идетъ о Серирѣ—тепер. Дагестанѣ. Къ болѣе позднему времени (XIII в.) относится извѣстіе, что русскіе купцы изъ крымскихъ городовъ ѣздили на южное черноморское побережье, въ Малую Азію[3]). Европейскій путешественникъ XII в. Веніаминъ изъ Туделы упоминаетъ о русскихъ купцахъ въ Александріи[4]).

---

[1]) Эти постановленія имѣютъ довольно близкую аналогію съ позднѣйшею практикою Новгорода относительно нѣмецкихъ купцовъ: мы имѣемъ здѣсь ту же торговую политику.

[2]) De adm. 42.

[3]) Рюйсброкъ (Рубрукъ или Рубруквисъ, какъ его называютъ иначе) въ Recueil de voyages IV с. 215; ср. съ этимъ разсказъ ибнъ-ель-Атира (у Тизенгаузена Сборн. матер. къ исторіи Зол. Орды с. 27).

[4]) Изд. Марголина, с. 138 (Три еврейскіе путешественника XI и XII ст., Спб. 1881).

Дѣйствительно ли плавали когда нибудь русскіе корабли по Средиземному морю, неизвѣстно, а отдѣльные купцы, разумѣется, могли далеко заходить и черезъ византійскія и черезъ арабскія земли. Впрочемъ морская торговля на Средиземномъ морѣ въ IX—X вв. вообще находилась въ упадкѣ.

§ 172. Торговыя привилегіи. Устрашивши Византію своими военными походами, кіевскіе князья доставили значительныя выгоды кіевской торговлѣ въ византійскихъ земляхъ. Въ первой половинѣ IX в., по словамъ ибнъ-Хардадбега, русскіе купцы платили со своихъ товаровъ, продававшихся въ византійскихъ земляхъ, десятину византійскому правительству. По договору же, датированному въ лѣтописи 907 г., они уже „творять куплю“, то-есть производитъ свои купеческія операціи, въ Константинополѣ безъ всякихъ ограниченій и безъ какихъ бы то ни было пошлинъ, „якоже имъ надобѣ“, „не платяче мыта ни въ чемьже“. Далѣе, русскіе купцы, пріѣзжая въ Константинополь, въ продолженіе шести мѣсяцевъ (а спачала можетъ быть и впродолженіе всего времени своего пребыванія, безъ ограниченій) должны были получать отъ византійскаго правительства всѣ нужныя припасы (мѣсячину): „хлѣбы и вино, и мясо, и рыбы, и овощемъ“ и пользоваться „елико хотять“ публичными банями (необходимая принадлежность греческаго комфорта). На дорогу имъ также должно было выдаваться продовольствіе и всякіе корабельные припасы: „якоря, и ужа (канаты), и прѣ“ (паруса). Ограниченій тогда русская торговля, вѣроятно, не имѣла никакихъ; только послѣ несчастливаго похода Игоря въ 941 г. въ ряду другихъ ограниченій участія въ византійской торговлѣ для Руси поставлено и то, что русскіе купцы не могутъ покупать паволокъ дороже 50 золотыхъ за штуку; эти паволоки, раскошныя шелковыя матеріи, были гордостью византійской культуры, однимъ изъ тѣхъ ея издѣлій, которыя наиболѣе нравились и импонировали варварамъ, и наиболѣе великолѣпные сорта ихъ византійское правительство оставляло какъ заповѣдный товаръ для своихъ подарковъ варварскимъ владѣтелямъ.

§ 173. Предметы русско-византійской торговли. Главныя статьи для торговли можемъ установить довольно точно, сопоставивъ нѣсколько извѣстій IX—X вв. Описывая торговлю Болга-

ріи, гдѣ сходились товары Византіи и Руси, Святославъ говоритъ, что отъ Грековъ шли: „паволоки, золото, вино и овощи разноличныи“, изъ Руси „скора (мѣха), и воскъ, и медъ, и челядь (невольники)“. Изъ своего легендарнаго похода на Царьградъ Олегъ привозитъ „золото, и паволокы, и овощи и и вино и всяко узорочье“. Разсказывая объ обмѣнѣ подарками кн. Ольги съ имп. Константиномъ, лѣтопись говоритъ, что Ольга подарила ему „многи дары—челядь и воскъ и скору“, а Константинъ ей „золото и серебро, паволокы, съсуды разноличныя“. Святославу въ лѣтописной легендѣ Греки посылаютъ тоже золото и паволоки [1]). Ибнъ-Хордадбегъ, какъ мы видѣли, изъ русскихъ товаровъ упоминаетъ о дорогихъ мѣхахъ и мечахъ. Арабскій источникъ, повѣствующій о торгѣ рабами, производившемся Уграми въ греческихъ портахъ, говоритъ, что Угры получали взамѣнъ парчу, ковры и др. товары, а Константинъ, разсказывая о контрибуціи, взимавшейся Печенѣгами съ Корсунянъ, перечисляетъ пурпуровые шелки и другія ткани, перецъ и всякія приправы [2]).

Такимъ образомъ отъ Грековъ шли главнымъ образомъ фабрикаты: паволоки и вообще всякія дорогія ткани [3]), издѣлія изъ золота и вообще предметы всемірно извѣстнаго греческаго ювелирнаго искусства—„сосуды разноличныи“ и „всяко узорочье“. Сюда нужно присоединить еще различныя стеклянныя издѣлія: они находятся въ древнихъ русскихъ курганахъ и вообще въ остаткахъ древней русской жизни въ огромномъ числѣ и должны были приходить какъ изъ византійскихъ, такъ и арабскихъ областей. Наконецъ, онѣ же доставляли продукты южныхъ странъ: вино, овощи и пряности. Предметы эти вывозились изъ Византіи какъ для собственнаго употребленія Руси, такъ и для перевозной торговли далѣе на сѣверъ, сѣверо-западъ и востокъ. Въ русскихъ земляхъ очень часто встрѣчаются дорогіе византійскія издѣлія особенно золотыя саженныя каменьями, филигранныя и эмалевыя украшенія: видимъ также, что византійское прикладное искусство оказало рѣшительное вліяніе на наше мѣстное, XI—XII вв., такъ что послѣднее цѣликомъ заимствуетъ и византійскій стиль, и формы,

---

[1]) De adm. imp 6. [2]) Ипат. с. 19, 39—40, 44, 46.

[3]) Ср. разсказъ о походѣ Олега, гдѣ византійскіе шелки (кропины) противопоставляются славянскимъ „толъстинамъ“—Ипат. с. 19.

и технику (хотя и не доходитъ до совершенства своихъ оригиналовъ); это также служитъ доказательствомъ, какъ популярны были византійскія издѣлія, какъ широко они были въ употребленіи (разумѣется—среди высшаго, болѣе богатаго слоя). Остатки шелка и парчи встрѣчаются довольно часто въ языческихъ курганахъ; въ разсказѣ ибнъ-Фадлана о погребеніи русскаго купца на каждомъ шагу встрѣчаемъ византійскую паволоку (румскій дибаджъ): скамейка для покойника застилается греческою паволокой, обкладывается онъ подушками изъ нея же, одѣваютъ на покойника кафтанъ и шапку также изъ паволоки; очевидно, это была обычная принадлежность богатой обстановки. Стеклянныя издѣлія, какъ я сказалъ только что, встрѣчаются въ находкахъ очень часто и въ большомъ количествѣ [1]).

Главными предметами русскаго вывоза были невольники, мѣха, воскъ и медъ,—не только въ Византію, но и вообще во всѣхъ направленіяхъ русской торговли. Мѣха, воскъ и медъ были самымъ цѣннымъ изъ того, что производили земли Кіевскаго государства: съ незапамятныхъ временъ племена и общины восточной Европы платили дань шкурами—„по бѣлѣй вѣверицѣ", „по чорьнѣ кунѣ", „медомъ и скорою" [2]), и память объ этой дани держалась очень долго: въ XVI в. еще встрѣчаемъ различныя „куницы"—крестьянскія подати, хотя уже въ большинствѣ случаевъ переведенныя на деньги.

Торгъ невольниками производился тогда въ большихъ размѣрахъ вездѣ, но Русь была однимъ изъ наиболѣе значительныхъ очаговъ его. Еврейскій путешественникъ XI в. Веніаминъ Тудельскій говоритъ, что Евреи называли славянскія земли Ханааномъ, такъ какъ народъ продаетъ „своихъ сыновъ и дочерей всѣмъ народамъ, какъ и жители Руси" [3]). Сами Евреи, какъ увидимъ

---

[1]) Антоновича Раскопки въ странѣ Древлянъ с. 15 (шелкъ), 17 (стекло), Курганы западной Волыни с. 138—9 (парча, бусы), Мельникъ Раскопки въ землѣ Лучанъ с. 496 (шелкъ), сѣверянскія раскопки Самоквасова с. 188, 192 (парча), Ницаха (шелкъ, парча, стекло). Изъ стеклянныхъ издѣлій особенно были распространены бусы и стеклянныя кольца (т. н. браслеты)—они массами встрѣчаются на мѣстѣ каждаго поселенія княжьей эпохи. Интересная находка парчи въ Кіевѣ (Михайл. мон.) Археол. лѣтопись 1903, с. 302—3.

[2]) Ипат. с. 11, 13, 37. [3]) Ор. с. с. 146.

ниже, играли важную роль въ вывозѣ славянскихъ рабовъ—главнымъ образомъ въ западно-европейскія земли сухопутьемъ. Въ Константинополѣ чудеса св. Николая XI в. упоминаютъ о спеціальномъ рынкѣ, „идѣже рустіи купци приходяще челядь продаютъ“ [1]). Также точно вывозились въ большомъ количествѣ невольники и на востокъ. Частыя войны IX—X вв.—періода возникновенія Русскаго государства, доставляли этотъ живой товаръ въ огромныхъ количествахъ: „люди овѣхъ изби, а другія работѣ преда“ [2])—это былъ обыкновенный финалъ войнъ того времени.

Всѣ эти предметы русскаго экспорта отчасти собирались въ самихъ русскихъ земляхъ, отчасти вымѣнивались и покупались у болѣе отдаленныхъ, сѣверныхъ народовъ, особенно дорогіе мѣха. Эти именно товары свозили русскіе купцы съ разныхъ сторонъ въ Кіевъ, съ тѣмъ чтобы съ лѣтнимъ караваномъ отправить ихъ въ Цареградъ.

§ 174. Торговля съ Крымомъ и кочевниками. Съ тѣхъ поръ, какъ завязались непосредственно торговыя сношенія Руси съ Константинополемъ, торговля съ греческими крымскими городами и съ придунайскими областями должна была отойти на второй планъ; но и она не прекратилась: изъ вышеприведенныхъ словъ Святослава мы видимъ, что и во второй половинѣ X в. придунайскіе города были мѣстомъ, гдѣ встрѣчалась торговля русская, византійская и областей средняго Дуная.

Не утратили своихъ торговыхъ сношеній съ Русью и крымскіе города. Кромѣ морского сообщенія сюда вели и сухопутныя дороги—вѣроятно тѣ, которыя въ XII в. извѣстна намъ съ именемъ Солонаго пути. Въ XII в. торговля изъ Руси на югъ раздѣлялась на три пути: кромѣ „Греческаго“ очевидно, вышеописаннаго нами—по Днѣпру до самаго устья, былъ еще путь Солоный и Залозный. Точнѣе ихъ направленія лѣтопись не опредѣляетъ. Залозный путь шелъ по Днѣпру внизъ и долженъ былъ сворачивать гдѣ то не выше Канева, вѣроятнѣе всего—на юго-востокъ; что касается Солонаго, то въ немъ довольно вѣроятно видятъ путь за крымской солью. О вывозѣ соли изъ Крыму въ Малую Азію имѣется извѣстіе уже изъ VII в., потомъ о добываніи крымской

---

[1]) Изд. арх. Леонида (Памятники древней письменности, 1881), с. 85. [2]) Ипат. с. 39.

соли упоминаетъ Константинъ Порфирородный[1]); правда о вывозѣ крымской соли именно на Русь не имѣемъ извѣстій ранѣе XIII в. (у Рюйсброка), а Патерикъ (XIII в.) разсказываетъ о соляномъ кризисѣ въ Кіевѣ въ концѣ XI в. въ такихъ выраженіяхъ, какъ будто вся соль привозилась туда лишь изъ Галиціи[2]); но было бы невѣроятно допускать, что соль изъ Крыма вывозилась въ другія страны, но не вывозилась на Русь въ это предыдущее время; по крайней мѣрѣ въ промежутки, когда въ степяхъ было спокойно, вывозъ крымской соли на Русь можно допустить съ полнымъ вѣроятіемъ. Кромѣ вывоза соли, въ Крыму долженъ былъ происходить такой же обмѣнъ русскихъ продуктовъ на греческіе и вообще южные товары, какой, лишь въ большемъ размѣрѣ, велся въ Константинополѣ. Болѣе позднія извѣстія о крымской торговлѣ (Рюйсброкъ и ибнъ-эль-Атиръ, XIII в.) говорятъ, что въ Крымъ съ русской стороны приходили мѣха и невольники, а изъ Греціи и Малой Азіи—матеріи (шелковыя и хлопчатобумажныя) и различныя пряности[3]); все это съ полнымъ правомъ можетъ быть отнесено и къ древнѣйшему времени. Сюда же можно отнести еще извѣстіе Константина[4]), что Херсонесцы покупали отъ Печенѣговъ шкуры и воскъ: шкуры могли быть товаромъ печенѣжскимъ, но воскъ шелъ навѣрно изъ славянскихъ земель, такъ какъ Печенѣги пчеловодствомъ не занимались.

Вообще, хотя во время наиболѣе оживленной торговли съ Константинополемъ крымская торговля имѣла для Руси второстепенное значеніе, но по мѣрѣ того, какъ печенѣжскія орды все болѣе оттѣсняли Русь отъ моря, исчезало русское населеніе въ степяхъ и ослабѣвала русская морская торговля, торговля посредническая—черезъ крымскіе и придунайскіе города снова пріобрѣла первостепенное значеніе для Руси и вообще восточной Европы. Съ полной опредѣленностью это уже дало себя знать позднѣе, въ XII—XIII вв., но начало такого поворота должно было обозначиться уже со второй половины X в.

---

[1]) Mansi Coll. Conciliorum, X, c. 861—2, De adm. imp. 42

[2]) Recueil de voyages IV c. 219, Патерикъ въ изд. Яковлева с. 154.

[3]) Рюйсброкъ с. 215, отрывки изъ ибнъ-эль-Атира у Тизенгаузена Сборникъ матеріаловъ къ исторіи Золотой Орды с. 26.

[4]) De adm. c. 53.

Чтобъ покончить съ южной торговлей Руси, должно упомянуть еще о торговлѣ съ черноморскими кочевниками. Константинъ, какъ я уже упоминалъ, разсказываетъ, что Русь покупаетъ у Печенѣговъ воловъ, коней и овецъ [1]). Правило м. Іоанна (XI в.) укоряетъ русскихъ купцовъ, что „они имѣнья ради или скотолюбья ради (сказано двусмысленно, такъ какъ „скотъ" означаетъ и скотину и деньги) ѣздятъ къ Половцамъ и „скверњятся".

Важною торговою станціею въ этой южной торговлѣ было Олешье—гдѣ-то около устья Днѣпра, какъ полагаютъ обыкновенно—на мѣстѣ теперешнихъ Алешекъ. Мы располагаемъ болѣе точными извѣстіями о немъ въ XI—XII вв., видимъ, что здѣсь проживали „гречники" (или „Греки") и отсюда вывозились различные товары. По всей вѣроятности объ этой станціи идетъ рѣчь и въ русско-византійскомъ договорѣ 944 г., гдѣ ставится условіемъ, чтобы Русь не зимовала въ устьѣ Днѣпра, въ такъ наз. Бѣлобережьѣ (такъ называлось Днѣпровское побережье), ни на островѣ св. Элевѳерія (теп. Березань). Византійское правительство не хотѣло видѣть торговаго города по сосѣдству со своими крымскими городами, а кромѣ того могло бояться оттуда и военныхъ дѣйствій [2]).

§ 175. Сѣверная торговля. Система Днѣпра, собиравшая съ разныхъ сторонъ товары для южнаго, византійскаго экспорта, служила одновременно путемъ, которымъ византійскіе, вообще южные товары расходились въ различныхъ направленіяхъ, не только по зем-

---

[1]) De adm. imp. 2. Здѣсь надо упомянуть о поправкѣ одного неяснаго текста у аль-Бекри, сдѣланной Розеномъ; съ этой поправкой онъ читается такъ: всѣ эти народы (Кипчаки, Хозары, Гузы и Славяне) сосѣди Печенѣговъ и они обмѣниваются съ ними товарами (изд. Розена с. 59).

[2]) Иное предположеніе о мѣстѣ, гдѣ было Олешье, высказалъ Бурчаковъ (Извѣстіе русскаго геогр. общества т. XI, V и Кіевская Старина 1886, IV)—онъ указывалъ на городище около с. Знаменки, ниже пороговъ. Этотъ взглядъ принятъ былъ нѣкоторыми другими (напр. Иловайскій Ист. Рос. I, 2 с. 529), онъ имѣетъ за собою текстъ 1 Новгор. лѣтописи, гдѣ дѣйствительно Олешье выступаетъ какъ будто вблизи пороговъ; но другія извѣстія говорятъ за мѣстоположеніе около моря, и кромѣ того a priori мы должны ожидать какой нибудь торговой станціи около устья Днѣпра, а единственною изъ извѣстныхъ является только Олешье.

лямъ Русскаго государства, но и еще далѣе. Въ глазахъ лѣтописца XI в. днѣпровская дорога прежде всего путь „изъ Варягъ“ въ Грецію. Путь этотъ раздваивается, одна дорога идетъ изъ верхняго Днѣпра черезъ рѣки системы Двины (о нихъ лѣтописецъ упоминаетъ въ своемъ описаніи) въ Ловать, оттуда въ Ильмень, далѣе по Волхову въ Ладожское озеро, а оттуда по Невѣ въ Балтійское море; второй путь идетъ изъ верховьевъ Днѣпра по Двинѣ въ море. Лѣтописецъ главнымъ образомъ подчеркиваетъ первый: онъ болѣе далекъ и затруднителенъ, но его держалъ въ своихъ рукахъ центръ сѣверной русской торговли Новгородъ, въ то время какъ о Двинѣ не знаемъ, имѣла ли ее когда нибудь Русь всю въ сферѣ своихъ вліяній. Но эту дорогу „изъ Варягъ“ въ Грецію варяжскіе военные отряды проторили, вѣрно, не ранѣе, чѣмъ сформировалось Русское государство, послужившее имъ перепутьемъ, откуда эти воины переходили затѣмъ и въ Византію. Варяжскіе заморскіе купцы едва ли проходили эту дорогу непосредственно до самой Византіи—въ Константинополь проникали главнымъ образомъ Варяги, служившіе на Руси и ведшіе здѣсь свою торговлю, тѣмъ болѣе, что направленіе балтійской торговли, судя по монетнымъ находкамъ, было тогда главнымъ образомъ восточное, шло по Волгѣ до Болгара. Посредничество же въ торговлѣ сѣверныхъ странъ съ Греціей, а отчасти и съ Арабами находилось въ рукахъ русскихъ купцовъ. Изъ Руси въ балтійскія области шли товары главнымъ образомъ византійскіе и арабскіе. На Русь же, кромѣ тѣхже сырыхъ продуктовъ, какіе доставлялись для заграничной торговли самыми русскими землями, и нѣкоторыхъ балтійскихъ спеціальностей (какъ янтарь), навѣрное и тогда уже (какъ то видимъ позднѣе, въ XIII—XIV в.) шли такіе предметы, какъ соль, металлы и западно-европейскіе фабрикаты, переходившіе черезъ руки варяжскихъ и славянскихъ купцовъ—начатки того, что въ гораздо большихъ размѣрахъ (съ развитіемъ промышленности сѣверной Европы) видимъ мы въ позднѣйшей новгородской торговлѣ.

§ 176. Западныя сношенія. О транзитной торговлѣ въ западномъ направленіи древнѣйшее извѣстіе находимъ у Хордадбега, для 1-й половины IX в., но въ немъ ближе не указаны пути этихъ сношеній. Хордадбегъ разсказываетъ о еврейскихъ купцахъ, которые „ѣздятъ съ запада на востокъ и съ востока на западъ по

сушѣ и по морю, и вывозятъ изъ западныхъ земель (на востокъ) евнуховъ, дѣвушекъ и мальчиковъ, парчу, бобровые, куничьи и иные мѣха и мечи: изъ Франціи они ѣздятъ къ западному морю": „они говорятъ на арабскомъ, персидскомъ, римскомъ, франкскомъ, испанскомъ и славянскомъ языкахъ". Въ другомъ мѣстѣ онъ перечисляетъ предметы вывоза изъ Магриба (сѣв. Африки), а чрезъ его посредство и изъ „земель Славянъ и Аваровъ": это славянскіе, римскіе, франкскіе, лонгобардскіе невольники, римскія и испанскія дѣвушки, мѣха, гумми и мастика [1]).

Древнѣйшее извѣстіе о торговлѣ самыхъ русскихъ купцовъ непосредственно съ западомъ видятъ въ таможенныхъ правилахъ, изданныхъ въ Раффельштетѣ, около 904 г.; здѣсь идетъ рѣчь о славянскихъ купцахъ, приходящихъ въ города средняго Дуная изъ Чехіи и „Ругіи": въ этой послѣдней видятъ Русь, которая называется Ругами и въ другихъ случаяхъ, какъ напр. въ извѣстіи продолжателя Региона о крещеніи Ольги [2]). Изъ „ругскихъ" товаровъ здѣсь упоминается воскъ, невольники и кони [3]). Еврейскій путешественникъ 2-й половины X в. Ибрагимъ ибнъ-Якубъ разсказываетъ, что въ Прагу приходили русскіе и славянскіе купцы, Евреи и Турки, съ различными товарами и „византійскими червонцами", а оттуда вывозили невольниковъ, олово и мѣха [4]). Затѣмъ относительно торговли придунайскихъ городовъ съ Русью имѣемъ рядъ извѣстій XII в., но эти позднѣйшія извѣстія говорятъ уже о торговлѣ нѣмецкихъ купцовъ и ихъ путешествіяхъ

---

[1]) Изд. de Goeje с. 115, для объясненія послѣдняго текста служитъ парафраза его у близкаго по времени аль-Факиха (изд. de Goeje с. 83—4).

[2]) De Rugis vel de Boemanis. О какихъ либо другихъ Ругахъ здѣсь дѣйствительно едвали можетъ быть рѣчь. Указывали на Рюгенъ или на Моравію, древнюю Ругію, но Рюгенъ слишкомъ отдаленная небольшая мѣстность, чтобы о ней могла быть здѣсь рѣчь, а Моравія упоминается ниже съ обыкновеннымъ именемъ—mercatum Moravorum.

[3]) Раффельштетскія таможенныя правила Mon. Germ. L. III с. 48-я (Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae I с. 72).

[4]) Этотъ текстъ имѣетъ много варіантовъ и объясненій: вмѣсто невольниковъ—мука, вм. олова—бобровыя шкуры, вм. мѣховъ—свинецъ: изд. Розена с. 49 ср. Iakob—Welche Handelsartikel с. 9, Вестбергъ Комментарій ч. 14.

на Русь, а не русскихъ купцовъ, между тѣмъ какъ Ибрагимъ ибнъ-Якубъ опредѣленно говоритъ объ активной торговлѣ Руси и, упоминая о Краковѣ, довольно ясно, указываетъ намъ направленіе этой торговли—чрезъ теперешнюю Галицію [1]). О транзитной торговлѣ черезъ Польшу на Русь говоритъ Мартинъ Галлъ (XII в.), упоминая о прежнихъ поѣздкахъ западныхъ купцовъ [2]).

Какъ видимъ изъ приведенныхъ извѣстій Хордадбега и Ибрагима, и въ этой торговлѣ, какъ и въ балтійской, Русь была главнымъ образомъ посредникомъ для товаровъ византійскихъ и арабскихъ. Съ запада приходили на Русь сырые продукты, невольники и нѣкоторые фабрикаты (между ними могли быть и итальянскіе, и испанско-арабскіе). Изъ нихъ упомянуты мечи, и мы дѣйствительно видѣли уже нѣсколько извѣстій о употребленіи на Руси западнаго оружія (франкскіе мечи Руси у ибнъ-Фадлана, латинскіе шлемы и лядскія сулицы Слова о полку Игор.). Нѣтъ опредѣленнаго указанія на вывозъ изъ Руси на западъ невольниковъ; но этотъ товаръ экспортировался изъ центральной Европы и спеціально изъ славянскихъ земель въ большихъ размѣрахъ, и вѣроятно туда же вывозили живой товаръ и изъ восточной Европы, хотя она имѣла свои рынки. Важную роль при этомъ играли именно тѣ еврейскіе купцы, о которыхъ разсказываетъ ибнъ-Хордадбегъ: они же спеціально занимались кастраціей этихъ славянскихъ невольниковъ. Ибнъ-Хаукаль (X в.), разсказывая, откуда берутся славянскіе евнухи, объясняетъ, что торговля невольниками идетъ въ двухъ направленіяхъ: на востокъ, въ Хорасанъ (главнымъ образомъ черезъ Русь, очевидно), и на западъ

---

[1]) Шельонговскій пытался доказать, что дороги на западъ черезъ Галицію на Краковъ въ IX—X вв. не было, и она появилась только позднѣе. Онъ основывается при этомъ на кладахъ арабскихъ монетъ, распространяющихся отъ балтійскаго побережья въ порѣчьехъ нижней Вислы, Варты, нижняго и средняго Одера и видитъ въ нихъ слѣды древнихъ дорогъ съ балтійскаго побережья на Дунай къ Грецію, а наиболѣе старыхъ дорогъ изъ Польши на Русь ищетъ въ Мазовіи. Однако трудно держаться исключительно однихъ лишь монетныхъ кладовъ, и упоминаніе Ибрагима о русскихъ купцахъ, приходившихъ въ Прагу изъ Кракова (самъ Краковъ лежитъ внѣ территоріи арабскихъ кладовъ и балтійско-арабскаго пути) довольно опредѣленно указываетъ на торговые пути Подкарпатья. [2]) Monumenta Poloniae hist. c. 394.

черезъ Испанію и Египетъ и Магрибъ (сѣв. Африка), и невольниковъ этого западнаго экспорта кастрируютъ Евреи [1]).

§ 177. Восточная торговля. Торговлю Руси съ Востокомъ по монетнымъ находкамъ можно констатировать начиная съ VII в.: древнѣйшія изъ восточныхъ монетъ, какія встрѣчаются въ восточной Европѣ, относятся къ VI в. (монеты Сассанидовъ) [2]). Отъ VI в. имѣемъ о ней разсказъ Іордана, для этого и предшествующаго времени [3]). Очевидно, она никогда вполнѣ не прекращалась. И когда сформировались болѣе значительные восточнославянскіе торговые центры, они сразу же приняли въ ней участіе. Ибнъ-Хордадбегъ, писавшій въ первой половинѣ IX в., знаетъ „русскую“ торговлю уже значительно развитою: русскіе купцы ѣздятъ по Каспійскому морю и торгуютъ въ его портахъ, а иногда изъ южныхъ каспійскихъ портовъ везутъ свои товары на верблюдахъ и въ Багдадъ [4]). Но прежде чѣмъ русская торговля достигла такой активности, еще гораздо раньше долженъ былъ служить посредникомъ въ торговлѣ Руси и вообще восточной Европы съ востокомъ хозарскій Итиль на нижней Волгѣ, а къ нему, можетъ быть позже, присоединился и Болгаръ на средней Волгѣ. Оба и въ X в., когда Русь завязала непосредственныя сношенія съ арабскими областями, оставались важными торговыми центрами. Трактатъ, приписываемый эль-Балхи (1-й половины X в.), такъ опредѣляетъ главныя направленія русской торговли: „Русь ведетъ

---

[1]) Изд. де Гуэ с. 75, см. о торговлѣ невольниками у Якоба Welche Handelsartikel с. 6 сл., гдѣ собраны относящіеся сюда тексты.

[2]) Ср. новѣйшія харьковскія находки—Данилевичъ № 53, 64. Серебрянные арабскіе диргемы (арабская форма слова драхма, названія серебряной монеты) въ восточно-европейскихъ находкахъ имѣемъ сейчасъ же, какъ только ихъ начали чеканить (въ послѣдніе годы VII в., при халифѣ Абдель-Маликѣ), и этотъ фактъ указываетъ на существованіе торговыхъ сношеній еще до появленія этой монеты (Der nordischbaltiche Handel с. 46—9). Мѣдныя и золотыя арабскія монеты существовали и ранѣе, но вообще въ Европѣ встрѣчаются почти исключительно серебрянныя, диргемы. Это объясняютъ тѣмъ, что обыкновенною ходячею монетою было въ Туркестанѣ серебро. Находку мѣдныхъ монетъ (начиная съ VII в.) въ Кіевѣ см. у Бѣляшевскаго Монетные клады с. 11, но находка странная по своему содержанію.

[3]) Getica гл. 5. [4]) Изд. де-Гуэ с. 115.

торговлю съ Хозаріей, Византіей и Великимъ Болгаромъ“ [1]). Хаукаль говоритъ, что до походовъ Святослава мѣстомъ русской торговли были Болгаръ и Хазранъ (Итиль) [2]).

§ 178. Болгаръ. Болгаръ былъ главнымъ торгомъ сѣверной Европы съ востокомъ. Арабскіе купцы прибывали сюда главнымъ образомъ караванами, на верблюдахъ, изъ Туркестана; пріѣзжали и по Волгѣ, изъ Итиля [3]); вполнѣ заслуживающее довѣрія извѣстіе позднѣйшаго ховарезмійскаго писателя едъ-Дина говоритъ, что арабскіе купцы не ѣздили на сѣверъ далѣе Болгара [4]). Торговлю съ финскими народами держали въ своихъ рукахъ Болгары и Русь; Русь же была посредникомъ въ торговлѣ Арабовъ съ балтійскими краями—торговлѣ весьма интенсивной, оставившей богатые слѣды въ монетныхъ кладахъ: наиболѣе частые и богатые клады арабскихъ монетъ, иногда въ нѣсколько тысячъ диргемовъ, приходятся именно на волжско-балтійскія области и побережье Балтійскаго моря. Волга была главною артеріей этой торговли; къ верховьямъ былъ еще короткій путь изъ верхняго Днѣпра и балтійскаго побережья черезъ Двину и верховья Днѣпра, или черезъ рѣки Ладожскаго озера. Съ юго-западомъ, то-есть со среднимъ Приднѣпровьемъ, Волгу связывала система Оки, а туда легко было проникнуть изъ Днѣпра по Деснѣ: извѣстна и сухопутная торговая дорога изъ Кіева въ направленіи къ сѣверо-востоку, на Курскъ, и по всей вѣроятности она также вела въ Поволжье [5]). Съ другой стороны, Кама, впадающая въ Волгу подъ самымъ Болгаромъ, служила дорогою въ уральскія земли. Для торговли мѣхами Болгаръ былъ, вѣроятно, самымъ главнымъ рынкомъ восточной Европы и однимъ изъ важнѣйшихъ рынковъ всего тогдашняго міра. Арабы говорятъ о Болгарахъ, что они вымѣни-

---

[1]) Гаркави с. 277, ср. аль-Джайгани l. c. (торговля съ Хазаріей). [2]) Гаркави с. 219.

[3]) Масуди Prairies d'or II. 15 и сл., Kitab et-tenbich въ хрестоматіи де Саси II. 18 (у Якоба Welche с. 33 и у Хвольсона с. 165).

[4]) Хвольсона Ибнъ-Дастъ с. 190. Въ географическомъ словарѣ Якута (XIII в.) подъ словомъ Итиль упоминается, что арабскіе купцы ѣздятъ въ землю Вису т. е. „Веси“, какъ объясняютъ — слѣдовательно на верхнюю Волгу; но этотъ разсказъ имѣетъ въ себѣ много легендарнаго и трудно извлечь изъ него что нибудь положительное.

[5]) О дорогѣ изъ Кіева на Курскъ Житіе Θеодосія л. 5.

вали дорогіе мѣха у сѣверныхъ финскихъ народовъ (изъ нихъ особенно фигурируютъ Вису—Весь и Юра—Югра [1]). О Руси разсказываетъ Хаукаль, что она покупаетъ дорогіе мѣха у языческихъ народовъ (онъ называетъ ихъ библейскими именами Гога и Магога, Яджуджъ и Маджуджъ въ арабской формѣ) и привозитъ эти товары въ Болгаръ. О „нѣмомъ" обмѣнѣ дорогихъ мѣховъ на желѣзныя издѣлія, производившемся русскими купцами среди Югры, за Уральскими горами, разсказываетъ Начальная лѣтопись: „кажють желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза, и аще кто дасть имъ желѣзо, или ножь, или сокиру, и они дають скорою противу" [2]).

§ 179. Хозаръ. Какъ Болгаръ былъ главнымъ торговищемъ для сѣверныхъ странъ восточной Европы, такъ Итиль игралъ такую же роль въ восточной торговлѣ для странъ южныхъ. „Главная торговля Руси, говоритъ Хаукаль, была въ Хазаранѣ (одна изъ частей Итиля): тамъ было очень много купцовъ (изъ другихъ странъ) и мусульманъ, и всякаго товара" [3]). Восточные купцы прибывали по Каспійскому морю, товары изъ Болгара и вообще изъ сѣверныхъ странъ привозились по Волгѣ, съ запада—по Дону и оттуда въ Волгу волокомъ (теперешнимъ Царицынскимъ). Изъ средняго Приднѣпровья на Донъ былъ сухопутный трактъ—весьма возможно, что это былъ какъ разъ вышеупомянутый Залозный путь [4]). Но былъ и рѣчной путь—по Деснѣ и Сейму, а оттуда короткимъ волокомъ въ Сосну или Осколъ [5]). Черезъ Итиль по Волгѣ въ Каспійское море ѣздили русскіе купцы, отправлявшіеся для торговыхъ операцій непосредственно на восточные рынки: русскіе купцы, разсказываетъ Хордадбегъ, ѣздятъ по

---

[1]) У Хвольсона ор. с. 188—190. Иное объясненіе названія Веси у Вестберга Beiträge 2.

[2]) Ипат. с. 164.

[3]) У Гаркави с. 219. О транспортѣ товара изъ Болгара въ Итиль говоритъ ибнъ-Фадланъ, см. у Хвольсона с. 162.

[4]) Ипат. с. 368, ср. 429: купеческій караванъ идетъ „ис Половець", на Хоролъ, Переяславль.

[5]) Допускаютъ еще и иной водяной путь—изъ Днѣпровской Самары въ Міусъ или Калміусъ и изъ него въ Азовское море, но все это можно говорить лишь гипотетически; см. Бруна Черноморье I с. 98 и сл.; Майковъ въ Ж. М. Н. П. 1874, VIII с. 257, Барсовъ [2] с. 21, Бурчаковъ К. Ст. 1886, IV. 667 и сл.

Танаиду, Славянской рѣкѣ, и черезъ Хозарскую столицу Камлиджъ (Итиль) приходятъ въ Джурджанское море (Каспійское, особенно такъ называлась его южная часть). Но Русь вела большую торговлю и въ самомъ Итилѣ. Масуди говоритъ, что въ Итилѣ одну половину города занимали Славяне и Русь, что здѣсь были общины мусульманъ, евреевъ, христіанъ, и каждая имѣла двухъ судей, а кромѣ того былъ судья для язычниковъ [1]). Хазарскій каганъ бралъ десятину съ товаровъ, перевозимыхъ черезъ Итиль, это говоритъ ибнъ-Хордадбегъ, очевидно—собирались оплаты и съ тѣхъ, которые продавались на мѣстѣ.

Въ Итилѣ или Болгарѣ видѣлъ въ началѣ X в. и описалъ русскихъ купцовъ ибнъ-Фадланъ: они пріѣзжаютъ на лодкахъ и, приставъ къ берегу, строятъ на берегу большіе деревянные бараки, гдѣ ихъ сбирается по десять, по двадцать. Очевидно это были купеческія товарищества, жившія и хозяйничавшія сообща; они привозили главнымъ образомъ невольниковъ и мѣха.

§ 180. Арабы на Руси. Какъ далеко со своей стороны проникали въ этомъ направленіи восточные купцы для своихъ торговыхъ операцій? Выше мы видѣли, что арабскіе купцы на сѣверъ далѣе Болгара, по всей вѣроятности, не ѣздили: но они бывали въ Кіевѣ, вѣроятно въ Новгородѣ и далѣе на западъ. Масуди говоритъ, что въ столицу Дира, въ которомъ нужно видѣть кіевскаго князя этого имени, „пріѣзжаютъ мусульманскіе купцы со всякими товарами“. Изъ словъ арабскихъ писателей—Истахри, Хаукаля, такъ назыв. ель-Балхи, разсказывающихъ о Кіевѣ, также выходитъ, что сюда ѣздили арабскіе (вообще чужоземные купцы [2]). У Ибрагима ибнъ-Якуба мусульманскіе и турецкіе куп-

---

[1]) Гаркави с. 129. Христіанская эпархія въ Итилѣ (Ἀστήλ) дѣйствительно упоминается въ каталогѣ эпархій VIII в., изд. de Boor'-омъ.

[2]) Гаркави с. 137, аль-Бекри изд. Розена с. 49. Этотъ текстъ представляетъ свои трудности. Аль-Джайгани, древнѣйшій писатель (конца IX или начала X в.), у котораго находится текстъ о трехъ главныхъ русскихъ городахъ, говоритъ: „люди ѣздятъ по торговымъ дѣламъ въ Кіевъ (Куябу), но никто до сихъ поръ не сказалъ, что какой нибудь чужоземецъ поѣхалъ туда жить, такъ какъ каждаго чужеземца, поѣхавшаго туда, они сейчасъ убиваютъ“ (Труды III съѣзда, I с. 347). У всѣхъ другихъ писателей,

цы черезъ Краковъ ѣздятъ въ Прагу, значитъ—вообще въ центральную Европу: упоминаніе о Краковѣ даетъ указаніе, что путь ихъ, вѣроятно, шелъ черезъ Галицію и Кіевъ. Нѣтъ причинъ отбрасывать такія категорическія извѣстія, особеннно послѣднее. Мы можемъ принять, что въ періодъ наибольшаго расцвѣта восточной торговли, падающаго какъ разъ на первую половину X в., восточные купцы дѣйствительно ѣздили въ Кіевъ, и съ русскими купцами отправлялись дальше на западъ.

Только здѣсь не было, вѣроятно, постоянныхъ арабскихъ колоній. Итиль былъ, безъ сомнѣнія, самою важною станціею арабскихъ купцовъ въ восточной Европѣ.

§ 181. Восточно-европейскій вывозъ. Предметы, покупавшіеся арабскими купцами въ восточно-европейскихъ земляхъ, довольно полно перечисляетъ Мукаддеси (конца X в.): „Изъ Ховарезма вывозятъ соболей, бѣлокъ, горностаевъ, ‚фенекъ‘ [1]), куницъ, лисицъ, бобровыя шкуры, пестрыхъ зайцевъ, козъ, воскъ, стрѣлы, березовую кору [2]), шапки, рыбій клей, рыбьи зубы, бобровый ароматъ, ентарь, выдѣланную кожу, медъ, орѣхи, ястребовъ [3]), мечи, панцыри, халенджъ [4]), славянскихъ невольниковъ, овецъ и быковъ; все это изъ Болгара“ [5]). Къ этому

имѣющихъ этотъ текстъ—Истахри, Хаукаля, так назыв. аль-Балхи, анонима Туманскаго, Идризи—чужеземцы не допускаются только въ Арту, и изъ этой антитезы выходитъ, что чужіе купцы ѣздили въ Кіевъ, но ихъ не было въ Артѣ: купцы ѣздятъ въ Куябу, въ Арту же никто не заходитъ, такъ какъ люди убиваютъ каждаго чужеземца, который заѣхалъ бы въ ихъ землю (Истахри—у Гаркави с. 193, см. еще с. 220 и 276). Вѣроятно, это лучшій варіантъ, испорченный копистами Джайгани. Что въ Кіевѣ бывали чужіе купцы, и спеціально восточные, объ этомъ вполнѣ опредѣленно говорятъ другіе писатели, и извѣстіе о нихъ должно быть принято въ томъ смыслѣ, какой даютъ ему тексты Истахри и др.

[1]) Какой то звѣрь; Якобъ полагаетъ, что это canis corsak, Хвольсонъ переводитъ: куницы.

[2]) Хвольсонъ: большую рыбу.

[3]) Хвольсонъ: барсовъ или собакъ.

[4]) Дерево, довольно часто упоминаемое у Арабовъ въ разсказахъ о восточной Европѣ; Френъ и Хвольсонъ видятъ здѣсь березу, Якобъ—кленъ.

[5]) Изд. де Гуэ с. 324, комментарій у Якоба Welche Handelsartikel (его перевода я придерживаюсь въ текстѣ) и Хвольсона l. c.

реестру не прибавляютъ почти ничего разсказы другихъ восточныхъ источниковъ, только вывозъ свинца или олова, но и о немъ извѣстія довольно туманны: неизвѣстно, идетъ ли рѣчь о внутренней торговлѣ или объ экспортѣ [1]). Мы можемъ этотъ реестръ товаровъ принять за характеристику вообще всего восточно-европейскаго вывоза на востокъ; ибнъ-Фадланъ, перечисляя товары, вывозимые на востокъ черезъ порты Хазаріи, перечисляетъ въ главныхъ чертахъ тоже самое: невольники, медъ, воскъ, мѣха [2]). Видимъ и здѣсь, собственно говоря, тѣже предметы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ, что и въ торговлѣ съ Византіей: мѣха, медъ, воскъ, невольники.

О вывозѣ мѣховъ интересныя извѣстія сообщаетъ Масуди: Корабли изъ земли Буртасовъ (здѣсь видятъ обыкновенно Мордву) привозятъ по Волгѣ шкуры черныхъ лисицъ—это самые дорогіе и цѣнные мѣха; кромѣ того вывозятъ оттуда красныя, бѣлыя и черно-бурыя лисичьи шкуры; самыя дорогія черныя. Ихъ вывозятъ въ области Бабъ-ельАбваба (Дербентъ), въ Бердаа (въ Арменіи) и Хорасанъ, также въ земли Франковъ и Испанію, и эти шкуры, черныя и красныя, привозятъ въ Магрибъ (сѣв. Африку). Одна буртасская шкурка стоитъ 100 и болѣе червонцевъ, по крайней мѣрѣ черныхъ лисицъ; красныя дешевле. Арабскіе и персидскіе короли носятъ мѣха черныхъ лисицъ и соперничаютъ въ роскоши этихъ нарядовъ; они дѣлаютъ изъ нихъ шапки, кафтаны, плащи, и едва ли найдется король не имѣющій кафтана или плаща, подбитаго такою черною буртасскою лисицей. При этомъ Масуди разсказываетъ, что наибольшую теплоту мѣха черныхъ лисицъ доказалъ калифъ Магди (775—785), окутывая бутылку съ теплой водой въ различные мѣха и выставляя ихъ на морозъ: анекдотъ интересенъ, такъ какъ свидѣтельствуетъ, что популярность сѣверныхъ мѣховъ у Арабовъ относится еще къ VIII в. [3]).

Восточно-европейскіе невольники были также важнымъ предметомъ торга. Не съ нихъ ли и началось знакомство Арабовъ со Славянами, засвидѣтельствованное дамасскимъ поэтомъ VIII в. аль-Ахталемъ въ его стихотвореніи о „русыхъ Сакалиба“? [4]) Во-

[1]) О немъ Джайгани, Истахри, Хаукаль.
[2]) Хвольсонъ с. 162, см. еще Истахри у Гаркави с. 192.
[3]) Тексты (въ переводѣ) у Якоба Welche с. 23—4.
[4]) Гаркви с. 2.

сточно-европейскія и спеціально славянскія невольницы имѣли большой спросъ на востокѣ и прославлялись за ихъ красоту. „Всѣ мои несчастья“,—жалуется поетъ Насиръ-и-Хосро Енсари, „приходятъ отъ Болгаръ, они постоянно привозятъ красавицъ изъ Болгара, чтобы искушать людей: онѣ красивы, какъ мѣсяцъ; ихъ губки и зубки не должны быть такъ красивы, ибо отъ увлеченія ихъ губками и зубками приходится кусать себѣ губы зубами“ [1]). Хаукаль, отмѣчая главныя направленія торговли бѣлымъ товаромъ, какъ мы видѣли, отмѣчаетъ одинъ путя черезъ Испанію, другой—черезъ Хорасанъ. Въ Ховарезмъ привозили въ большомъ количествѣ невольниковъ славянскихъ и хозарскихъ и изъ другихъ славянскихъ земель, а также невольниковъ турецкихъ: между этими послѣдними, навѣрное, также было довольно много славянскихъ, продававшихся Печенѣгами: объ аналогичной торговлѣ позднѣйшихъ Половцевъ въ Крыму имѣется извѣстіе въ Патерикѣ [2]).

Изъ другихъ предметовъ торговли „рыбьи зубы“, вѣроятно, обозначаютъ мамонтовые и моржовые клыки: о мамонтовыхъ клыкахъ разсказываетъ абу Гамидъ, такъ наз. ель Андалузи, самъ побывавшій въ Болгарѣ въ XII в.: въ землѣ, говоритъ онъ, находятъ зубы, похожіе на слоновые клыки, бѣлые, какъ снѣгъ: никто не знаетъ, отъ какого звѣря они: ихъ вывозятъ въ Ховарезмъ, и тамъ покупаютъ по дорогой цѣнѣ и выдѣлываютъ изъ нихъ гребни, шкатулки и проч., какъ изъ слоновой кости, только они прочнѣе слоновыхъ и никогда не разобьются [3]). Но рыбьимъ зубомъ у сѣверныхъ Славянъ называются моржовые клыки, и вѣроятно, подъ одинаковымъ именемъ экспортировались оба предмета. Они были спеціальностью сѣверныхъ земель: смоленскій князь XII в. даритъ черниговскаго мѣхами и „рыбьими зубами“: „соболми и горностайми, и черными кунми, и песци, и бѣлыми волкы и рыбьими зубы“ [4]).

Вывозъ мечей представляется довольно неясно: какъ мы видѣли, русскіе купцы, по словамъ Арабовъ, вывозили ихъ въ

---

[1]) У Якоба Welche Handelsartikel с. 12.

[2]) Изд. Яковлева с. 93—5.

[3]) Казвини, изд. Вюстенфельда VI. 413 — у Якоба Welche с. 18. [4]) Ипат. с. 345—6.

Византію; въ другомъ направленіи шли они въ Хоразмъ; у самой Руси мы видѣли мечи „франкскаго издѣлія", и отъ Арабовъ также, какъ увидимъ ниже, привозили къ нимъ клинки. Вѣроятно наиболѣе правоподобнымъ будетъ предположеніе, что Русь употребляла мечи чужихъ фабрикъ, но и свои имѣла достаточно хорошіе, и отъ нея вывозились мечи ея собственнаго издѣлія и чужого ввоза.

§ 182. Арабскіе товары. Насколько богаты и подробны извѣстія Арабовъ о предметахъ ихъ вывоза изъ восточной Европы, настолько бѣдны извѣстія объ арабскомъ ввозѣ, и мы можемъ лишь приблизительно сообразить, каковы были „различные товары", привозившіеся арабскими купцами изъ Ховарезма въ Европу, о которыхъ упоминаетъ Масуди. Сами Арабы называютъ собственно только два предмета, это бусы и мечи. Ибнъ-Фадланъ называетъ любимѣйшимъ украшеніемъ русскихъ женщинъ зеленые бусы изъ глины (то есть—какой то фарфоровой массы): Русь очень высоко цѣнитъ ихъ, покупаетъ по диргему за бусину, и изъ нихъ нижутъ ожерелья для своихъ женъ. Это извѣстіе, какъ оно есть, не отличается опредѣленностью [1]), но бусы и вообще стеклянныя издѣлія несомнѣнно приходили отъ Арабовъ. Извѣстіе о мечахъ также не особенно ясно: абу-Гамидъ (назыв. аль Гарнати или ель Андалузи) разсказываетъ, что въ Болгаръ привозятъ мечи изъ Адербейджана (Сѣверной Персіи)—не полированные, сильно закаленные клинки; они покупаются въ Адербейджанѣ по 4 за динарій (червонецъ), затѣмъ на эти мечи обмѣниваютъ у Ису (Веси) бобровыя шкуры, а тѣ добываютъ соболиныя шкуры у своихъ сѣверныхъ сосѣдей (варіантъ называетъ народъ Юру т. е. Югру). Далѣе у абу-Гамида слѣдуетъ разсказъ, какъ этими мечами люди ловятъ въ морѣ большихъ рыбъ [2]). На этомъ основаніи высказывалось предположеніе, что здѣсь рѣчь не о мечахъ, а о гарпунахъ. Но абу-Гамидъ легко могъ не понять разсказа о ловлѣ большихъ рыбъ, дошедшаго до него че-

---

[1]) Неточность этого извѣстія и нѣкоторыхъ другихъ подчеркиваетъ въ особенности Спицынъ—О степени достовѣрности записки ибнъ-Фадлана (Труды отд. слав. рус. археол. IV с. 164.

[2]) Казвини VI. 418, варіанты у Якоба Die Waaren с. 28, объясненія у него же и у Хвольсона с. 190.

резъ нѣсколько устъ, но не могъ смѣшать мечи съ гарпунами, разсказывая объ ихъ вывозѣ изъ Адербейджана: очевидно, отсюда дѣйствительно вывозились въ восточную Европу мечи.

Съ полнымъ вѣроятіемъ можемъ назвать еще, какъ предметы арабской торговли, шелковыя матеріи, металлическія и спеціально—золотыя издѣлія, южные плоды и пряности. О вывозѣ металлическихъ издѣлій свидѣтельствуютъ археологическія находки. Сравненіе предметовъ изъ русскихъ находокъ съ находками странъ, стоявшихъ подъ преобладающимъ вліяніемъ арабской культуры, какъ Болгаръ и вообще Заволожье, далѣе—предметовъ, находимыхъ вмѣстѣ съ арабскими монетами, даетъ намъ возможность съ большою вѣроятностью выдѣлить группу мотивовъ ювелирнаго искусства, развившихся подъ арабскимъ вліяніемъ—филигранныя издѣлія, зернь, пряжки и привѣски нѣкоторыхъ типическихъ формъ (наиболѣе характеристическую коллекцію дали Гнѣздовскія находки изъ окресностей Смоленска) [1]). Ввозъ матерій и пряностей можно принять съ несомнѣнностью по аналогіи съ извѣстіями о константинопольской и крымской торговлѣ.

§ 183. Русскіе купцы въ характеристикѣ Арабовъ. Въ этой восточной торговлѣ волжскіе Болгары и Хозары принимали участіе, какъ посредники: въ той же роли выступали и Евреи. Но главнымъ образомъ держали ее въ своихъ рукахъ „русскіе“ купцы. Они привозили въ большомъ количествѣ разные предметы спроса, собиравшіеся въ рукахъ князей и ихъ дружины въ видѣ дани и добычи, они скупали и вымѣнивали ихъ въ своей странѣ и въ сосѣднихъ земляхъ; они же держали въ своихъ рукахъ транзитную торговлю восточной Европы. Арабамъ Русь представлялась, какъ народъ, состоящій изъ однихъ только воиновъ и купцовъ: „они не имѣютъ ни земель, ни городовъ, ни полей“, говоритъ арабскій источникъ средины IX в., „одинъ у нихъ промыселъ—торговать соболями, бѣлками и иными мѣхами“; „они живутъ только тѣмъ“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „что воз-

---

[1]) Они хранятся въ Эрмитажѣ и московскомъ Историческомъ музеѣ, см. Толстого и Кондакова Русскія Древности V с. 61—4 и особенно Сизова Гнѣздовскій могильникъ (Матеріалы по арх. Россіи № 28, 1902). О ихъ техникѣ см. еще Сизова О происхожденіи и характерѣ курганныхъ височныхъ колецъ, Археол. Извѣстія, 1895.

мутъ у Славянъ: наѣзжаютъ, забираютъ невольниковъ и везутъ ихъ продавать въ Хазеранъ и Болгаръ“ [1]). Хаукаль, какъ мы видѣли, разсказываетъ, что найлучшіе мѣха привозила въ Болгаръ Русь, отчасти изъ своихъ земель, а самые лучшіе вымѣнивала у языческихъ народовъ [2]). Русскіе купцы, описанные ибнъ-Фадланомъ, привозятъ въ Болгаръ (или Итиль) для продажи невольниковъ, спеціально дѣвушекъ, собольи мѣха и другіе товары. Въ какихъ большихъ размѣрахъ велась эта торговля русскими купцами, дастъ понятіе разсказъ того же Фадлана, что жены этихъ купцовъ носятъ не шеѣ золотыя и серебряныя цѣпи: когда купецъ имѣетъ 10 тысячъ диргемовъ, покупаетъ женѣ цѣпь, когда имѣетъ 20 тыс.—двѣ, и послѣ каждаго десятка тысячъ прибавляетъ новую, „такъ что иная имѣетъ много цѣпей на шеѣ“ [3]). Оставляя въ сторонѣ самый счетъ цѣпей, интересно, что русскіе купцы располагаютъ здѣсь десятками тысячъ диргемовъ.

§ 184. Разцвѣтъ и упадокъ восточной торговли. Въ огромныхъ масахъ восточныхъ монетъ, находимыхъ въ сѣверной и восточной Европѣ, большая часть относится къ первой половинѣ X в. Это приводитъ на память разрушительные походы, предпринятые Русью на главные очаги русско-арабской торговли въ первой половинѣ и среднихъ десятилѣтіяхъ X в.: въ 944—5 г. Русь разграбила каспійскіе города, бывшіе важными участниками въ этой торговлѣ, въ 960 гг. Святославъ разрушилъ Болгаръ, Итиль, Семендеръ, опустошилъ край Буртасовъ. Все это должно было тяжело отразится на этой торговлѣ, и съ полнымъ вѣроятіемъ можно принять, что какъ разъ первая половина X в. была временемъ наибольшого и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняго разцвѣта этой торговли. Съ другой стороны надо отмѣтить, что главная часть этихъ монетъ, около двухъ третей, идетъ изъ городовъ современнаго Туркестана—онѣ были чеканены въ Самаркандѣ, Бухарѣ, Шашѣ (теп. Ташкентъ), Балкѣ и др. городахъ эпохи Саманидовъ, арабской династіи, царствовавшей съ послѣдней четверти IX в. и до конца X в. въ Трансоксаніи (Мавераннегрѣ) и Хорасанѣ. Это показываетъ, что торговля съ сѣверными землями шла главнымъ образомъ от-

---

[1]) Ибнъ-Дастъ изд. Хвольсона с. 35, Кардизи—Отчетъ Бартольда с. 123.

[2]) У Гаркави с. 219. [3]) У Гаркави с. 93.

сюда, изъ Туркестана, черезъ Итиль, а еще болѣе черезъ Болгаръ, куда, какъ говоритъ Масуди, безпрестанно отправлялись караваны изъ Туркестана, особенно изъ Ховарезма (теп. Хивы), главнаго центра этой торговли [1]). Мукаддеси въ своемъ классическомъ текстѣ, перечисляя восточные товары, вывозившіеся въ арабскія области изъ Ховарезма, говоритъ, что они приходили сюда изъ Болгара. Это была торговля сухопутная, караванная. Съ Итилемъ наоборотъ торговля велась главнымъ образомъ по Каспійскому морю; торговалъ съ нимъ Ховарезмъ [2]), но еще болѣе, навѣрное, торговали города каспійскаго побережья, а изъ южныхъ каспійскихъ портовъ восточноевропейскіе товары шли снова караванами на югъ въ Халифатъ и далѣе на западъ, какъ и изъ Ховарезма. Монеты южнаго каспійскаго побережья и Багдадскаго халифата встрѣчаются въ восточно-европейскихъ монетныхъ находкахъ въ большомъ количествѣ; на косвенныя торговыя связи съ болѣе далекими странами указываютъ довольно многочисленныя африканскія монеты. Эта морская, каспійская торговля, кто знаетъ, не была ли еще болѣе интенсивною, чѣмъ караванная: морской путь былъ тогда безопаснѣе, такъ какъ на сухомъ пути турецкія орды были такими же опасными врагами для ховарезмійскихъ карawановъ, ходившихъ въ Болгаръ, какъ и для русскихъ каравановъ, отправлявшихся въ Грецію или Хозарію. Важнымъ этапомъ этого транзита долженъ былъ служить южный хозарскій портъ Семендеръ. Походъ Руси на каспійское побережье 944—5 г. долженъ былъ тяжело отразиться на этой каспійской торговлѣ; походы Святослава дали рѣшительный ударъ всей торговлѣ съ востокомъ. Хаукаль, писавшій спустя всего около десяти лѣтъ послѣ этого погрома, говоритъ, что отъ Болгара, Итиля, Семендера и слѣдовъ не осталось, ихъ жители разбѣжались [3]). Итиль дѣйствительно захирѣлъ. Его мѣсто занимаетъ расположенный гдѣ то въ той же мѣстности Саксинъ [4]), и торговое значеніе послѣдняго—въ русской

[1]) Prairie d'or II с. 15 и сл., также ибнъ-Хаукаль у Гаркови с. 219.

[2]) Истахри у Гаркави с. 192.

[3]) У Гаркави с. 218, 220.

[4]) Вестбергъ въ своихъ Beiträge zur Klärung orientalischen Quellen (гл. XII) доказываетъ съ значительнымъ вѣроятіемъ даже, что Саксинъ нужно считать новымъ именемъ Итиля. Совершенно вѣро-

торговли спеціально, далеко не равнялось съ Итилемъ. Турецкій натискъ сдѣлалъ невозможнымъ правильное развитіе торговыхъ сношеній. „Они сильно терпятъ отъ Кипчакскихъ ордъ", говоритъ объ этихъ хозарскихъ городахъ писатель XII в. Болѣе безопасный отъ турецкихъ ордъ Болгаръ оправился лучше: уже въ 980-хъ гг. слышимъ снова о богатствѣ Болгаръ. Новымъ ударомъ для восточной торговли былъ упадокъ династій Саманидовъ въ концѣ X в.; Туркестаномъ завладѣли турецкія орды, и здѣсь начались смуты. Имѣются, правда, и болѣе позднія извѣстія о торговыхъ караванахъ ихъ Ховарезма въ Болгаръ, но это были лишь слабые отголоски той интенсивной торговли, какую мы видѣли въ X в.

§ 185. Внутренняя торговля. Заграничная торговля, направленія и характеръ которой мы постарались очертить, давала импульсъ внутреннему торговому обмѣну. Купцы расходились по всѣмъ областямъ, скупая нужные для вывоза мѣстные товары и взамѣнъ распространяли товары мѣстные и заграничные. Предметы заграничные имѣли спросъ главнымъ образомъ среди богатаго класса, но многое изъ этого заграничнаго ввоза проникало расходилось и въ очень широкія массы народа, напр. различныя стеклянныя украшенія, бусы, серебрянныя издѣлія. Насущное значеніе во внутренней торговлѣ имѣла соль и металлы, такъ какъ во всемъ остальномъ главнѣйшія потребности народной жизни удовлетворялись мѣстными продуктами и издѣліями. Соль изъ чужихъ странъ привозилась изъ Крыма и по Балтійскому морю въ Новгородъ; извѣстія, правда, относятся къ позднѣйшему времени, XIII—XIV в., но этотъ ввозъ необходимо принять и для болѣе ранняго времени. Своя соль шла изъ галицкихъ, а вѣроятно и трансильванскихъ соляныхъ жупъ. Эксплоатація соли въ Трансильваніи относится еще къ доисторическимъ временамъ; извѣстія о доставкѣ соли изъ Галиціи въ кіевскіе края имѣются въ разсказѣ о событіяхъ конца XI в.: въ Кіевѣ случился острый соляной голодъ, благодаря тому, что во время войны кіевскаго князя съ галицкимъ перестали пускать

ятно его предположеніе, что подъ Саксинами, упомянутыми въ лѣтописяхъ XIII в., нужно понимать остатки Хозаръ, групировавшихся около своей старой столицы.

купцовъ изъ Галича и изъ Перемышля, „и не стало соли во всей Русской землѣ [1]).

Что касается металловъ, то съ достовѣрностью можемъ констатировать у себя лишь эксплоатацію желѣза изъ болотной руды въ Древлянской землѣ. Въ источникахъ имѣется извѣстіе о торговлѣ свинцомъ (или оловомъ): аль-Бекри говоритъ, что этотъ металлъ (или оба) привозился изъ западной Европы, Джайгани— что изъ главныхъ русскихъ городовъ они развозились во всѣ стороны. Позднѣе (въ XIII в.) имѣется извѣстіе о доставкѣ въ Новгородъ нѣмецкими купцами желѣза, мѣди, свинца и олова. Безспорно, эти металлы привозились съ древнѣйшихъ временъ также и въ южныя земли.

Широкое распространеніе украшеній серебрянныхъ, бронзовыхъ (кольца, булавки, серги и проч.), фарфоровыхъ и стеклянныхъ (бусы и кольца), даже въ народныхъ массахъ, засвидѣтельствовано раскопками. Эти издѣлія также должны были служить предметомъ широкой внутренней торговли.

Торговымъ центромъ какъ для внутренней, такъ и для заграничной торговли былъ Кіевъ, расположенный на главномъ торговомъ пути—Днѣпрѣ. Находясь ниже устьевъ его главныхъ притоковъ—Припети и Десны, Кіевъ былъ сборнымъ пунктомъ для всего, что двигалось по Днѣпровской системѣ, а эта послѣдняя въ свою очередь собирала товары съ сосѣднихъ системъ, соединенныхъ съ нею небольшими волоками: Припеть соединяла систему Днѣпра съ системою Буга и Вислы, Сеймъ—съ системою Дона, Десна—съ системою Оки, верхній Днѣпръ сближался съ Западною Двиною, Волгою и системою озеръ. Въ Кіевѣ же перекрещивались съ водными важные сухопутные тракты: путь изъ Волыни и „изъ Ляховъ", шедшій обыкновенно на Пересопницу, Дорогобужъ, Корческъ, Звиждень, Бѣлгородъ, и болѣе южный, шедшій изъ Чехіи и Венгріи черезъ Галицію, на Володаревъ, Звенигородъ и Васильевъ [2]); путь на сѣверо-востокъ—на Курскъ, и на юго-востокъ—на Переяславль; на югъ же шли три классическихъ „пути" „Греческій, Солоный и Залозный" [3]).

---

[1]) Патерикъ с. 154.

[2]) Направленіе пути на Волынь видно изъ сравненія Ипат. с. 121, 170, 276, 284; путь на Галицію—Ипат. с. 278—9, 300, 342—3. [3]) См. выше с. 355.

Кіевъ былъ центромъ, гдѣ обмѣнивались товарами эти различные пути, гдѣ вѣчно кипѣла торговая работа, использывая политическую организацію Русскаго государства и, съ своей стороны, могущественно вліяя на нее; онъ былъ сердцемъ великой восточно-европейской равнины. Не даромъ именемъ Руси, бывшимъ спеціальнымъ именемъ Кіевской области, у заграничныхъ писателей (Константинъ, ибнъ-Русте и др.) называется спеціально купеческо-дружинный слой, державшій въ своихъ рукахъ восточно-европейскую торговлю.

§ 186. Югъ и сѣверъ. Монетные клады обращаютъ наше вниманіе еще на одинъ интересный фактъ. Между тѣмъ какъ Южная Русь, особенно Кіевская область играла главную роль въ тогдашней (IX—X в.) торговлѣ, монетными кладами того времени гораздо болѣе богаты сѣверныя земли—волжскія, новгородскія, балтійское побережье. При этомъ вездѣ арабскія монеты (иногда большими кладами) встрѣчаются гораздо чаще византійскихъ, главнымъ образомъ единичныхъ находокъ, и объяснять это одною лишь случайностью находокъ трудно. Невозможно принять голую статистику монетныхъ кладовъ за показатель дѣйствительныхъ торговыхъ отношеній; нужно допустить вліяніе иныхъ обстоятельствъ. Вѣроятно, сѣверныя земли главнымъ образомъ продавали свои продукты за наличныя деньги, югъ потреблялъ много заграничныхъ фабрикатовъ; изъ этого слѣдовалъ бы, во первыхъ, выводъ, что потребности южной жизни были выше, и художественныя издѣлія, предметы роскоши и экзотическіе продукты чужихъ странъ имѣли здѣсь большій спросъ, жизнь была болѣе культурная. Во вторыхъ—изъ трехъ ввозовъ очевидно самымъ большимъ по сравненію со своимъ вывозомъ былъ греческій; наименьшимъ арабскій, т. е. Арабы изъ всѣхъ культурныхъ народовъ, ведшихъ торгъ съ восточною Европой, ввозили наименьше по сравненію съ тѣмъ, сколько вывозили. Это могло быть причиною, почему арабскія деньги такъ сильно преобладаютъ надъ всякими иными въ монетныхъ находкахъ VIII—X вв., и эти деньги болѣе всего осѣдали въ сѣверныхъ, менѣе культурныхъ и менѣе интересовавшихся чужими издѣліями странахъ; эти страны вообще меньше покупали, чѣмъ продавали. Такъ можно объяснять разницу въ находкахъ монетъ [1]).

[1]) Приходится считаться еще и съ распространеніемъ монеты путемъ добычи.

Можно еще сдѣлать предположеніе: торговля на югѣ не пускала въ оборотъ большихъ массъ наличныхъ денегъ, такъ какъ существовалъ уже значительно развитой кредитъ. Кіевскіе юридическіе памятники XII в. показываютъ очень значительное развитіе кредита и очень заботливое отношеніе къ нему со стороны власти и права. Это явленіе могло имѣть за собою значительную давность въ виду развитія большихъ торговыхъ операцій въ Кіевѣ. Нормы кіевскаго права по этимъ вопросамъ нами разсматриваются въ другомъ мѣстѣ [1]). здѣсь отмѣтимъ лишь такія указанія напр., что купцы торговали часто въ кредитъ, или на занятыя деньги, и право дѣлало все возможное для облегченія кредитныхъ операцій. На кредитъ велись большія торговыя предпріятія: законы о банкротахъ касаются случаевъ, когда въ операціяхъ банкрота были капиталы заграничныхъ купцовъ и мѣстныхъ людей, и самого князя (весьма интересно это указаніе на участіе князей въ торговыхъ операціяхъ). При конкурсѣ устанавливается такой порядокъ: первыми подлежатъ удовлетворенію претензіи князя, послѣ него претензіи чужеземныхъ купцовъ, послѣдними подлежатъ удовлетворенію мѣстные кредиторы: законъ, очевидно, имѣетъ въ виду поддержаніе широкаго, заграничнаго кредита. Облегченіе кредитныхъ операцій имѣетъ цѣлью и другой законъ о банкротахъ, гдѣ различается банкротство безъ вины, благодаря несчастнымъ случаямъ (когда утонетъ корабль, уничтожитъ товаръ война или пожаръ): въ такомъ случаѣ кредиторы не имѣютъ права продавать имущество банкрота, должнику дается возможность погашать свои долги въ продолженіе извѣстнаго времени [2]).

---

[1]) Т. III гл. 4.

[2]) Карамзинскій кодексъ § 44—5, 47—8, 66—8.

V.

Населеніе и его общественный бытъ.

§ 187. Характеристика физическаго типа. Отъ той матеріальной среды, въ которой развивалась жизнь нашихъ племенъ, перейдемъ теперь къ самому человѣку, его физической и духовной физіономіи, его общественнымъ отношніемъ и структурѣ послѣднихъ.

Относительно физическаго типа нашихъ предковъ имѣется прежде всего классическое извѣстіе Прокопія о Славянахъ и Антахъ (гдѣ при этомъ онъ опредѣленно отмѣчаетъ, что обы эти вѣтви не различаются между собою своимъ внѣшнимъ видомъ): „Всѣ они высоки и необыкновенно крѣпки тѣломъ волосомъ не особенно свѣтлы или русы, но и не черны, а скорѣе красноваты“ [1]). То же самое говорятъ о Руси и Славянахъ Арабы. И имъ, жителямъ смуглаго юга, бросалось въ глаза румяное тѣло и русые волосы Славянъ, такъ что и своихъ русыхъ земляковъ они прозывали иногда „Славянами“. „Славяне пародъ краснаго цвѣта, съ русыми волосами“, характеризуетъ ихъ абу-Мансуръ, „крѣпкій тѣломъ“, добавляетъ Казвини. Русь спеціально характеризируется ими также, какъ крупные русые, красивые люди [2]).

---

[1]) Εὐμήκεις τε γὰρ καὶ ἄλκιμοι διαφερόντως εἰσὶν ἅπαντες, τὰ δὲ σώματα καὶ τὰς κόμας οὔτε λευκοὶ ἐς ἄγαν ἢ ξανθοί εἰσιν οὔτε πη ἐς τὸ μέλαν αὐτοῖς παντελῶς τέτραπται, ἀλλ' ὑπέρυθροι εἰσιν ἅπαντες—De bello. Got III. 14.

[2]) Древнѣйшее упоминаніе о русыхъ (или рыжеватыхъ) Славянахъ находится у персидскаго поэта VII в. Ахталя. Далѣе о во-

Съ этимъ совпадаютъ описанія нашихъ князей. Хотя возможно сомнѣніе, не имѣемъ ли мы дѣло съ чужимъ антропологическимъ типомъ, иноземной династіей, во всякомъ случаѣ интересно, что эти описанія вполнѣ сходятся съ общею характеристикой Славянъ и Руси. Напр. Левъ Діаконъ описываетъ Святослава такъ: онъ былъ средняго роста, не слишкомъ высокъ, но и не низокъ, брови имѣлъ густыя, глаза голубые, носъ короткій, борода была сбрита, на верхней губѣ густые и длинные волосы: голова совершенно брита [1]), съ одной стороны висѣлъ чубъ [2]), что означало знатность рода: шея сильная, плечи широкія, и вообще онъ былъ очень хорошо сложенъ. Въ этомъ интересномъ

лосахъ и румяной (красной) кожѣ Славянъ говорятъ Масуди, Казвини (XIII в.) и цитированные въ географическомъ словарѣ Якута абу-Амру и абу-Мансуръ; о Руси—ибнъ-Русте и ибнъ-Фадланъ. Арабскія названія волосъ значатъ и „рыжій“, и „русый“, „бѣлый“, поэтому хотя слова Фадлана переводятъ: „рыжій“, но скорѣе здѣсь надо понимать русыхъ. Тексты см. у Гаркави с. 2, 93, 138, 269 и 279, объясненія у него же с. 5—6, Iakob Welche[2] с. 14—5. Niederle O původu Slovanů с. 83 и сл.

Этимъ необычайнымъ для Арабовъ русымъ цвѣтомъ славянскихъ волосъ, вѣроятно, надо объяснить извѣстія нѣкоторыхъ Арабовъ, что Русь краситъ волосы—объ этомъ говоритъ уже Джайгани (нѣкоторые стригутъ себѣ волосы на головѣ, когда умретъ больной, или красятъ себѣ бороду), потомъ Хаукаль (нѣкоторые изъ Руси бреютъ бороду, нѣкоторые изъ нихъ свиваютъ ее, какъ конскую гриву и красятъ желтою (или черною) краскою) и позднѣйшіе писатели, какъ Идризи и Димешки—Гаркави с. 221 и 232 и Труды III съѣзда т. I с. 347. Съ другой стороны названіе Славянинъ, Саклабъ, Сакалиба въ оріентальныхъ кругахъ становится синонимомъ вообще бѣлой расы, и подъ названіе Славянъ подводятся и другіе бѣлые народы сѣверной Европы (доказательства этого собралъ недавно Вестбергъ въ статьяхъ Къ анализу восточныхъ источниковъ о восточной Европѣ Ж. Н. П. 1908, II, статья I).

[1]) Ἐψιλωμένος τὸν πώγωνα, τὴν κεφάλην πάνυ ἐψίλωτο—собственно съ голою бородою, головою: это можно переводить или бритый или остриженый, но πάνυ ἐψίλωτο, вѣроятно скорѣе указываетъ на бритье.

[2]) παρὰ δὲ θάτερον μέρος αὐτῆς βόστρυχος ἀπῃώρετο—здѣсь можетъ быть сомнѣніе, свѣшивался ли чубъ на обѣ стороны или только на одну, но послѣднее болѣе согласно съ обычною фразеологіей.

описаніи отмѣчаю пока только крѣпкое сложеніе и свѣтлые глаза Святослава. Изъ лѣтописей нашихъ укажемъ два описанія, одно—Мстислава Ярославича (XI в.), другое—Владиміра Васильковича (XIII в): „бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, чермьномъ лицемъ, великома очима“; „сий же благовѣрный князь Володимѣрь возрастомъ бѣ высокъ, плечима вѣликь, лицемь красенъ, волосы имѣя желты кудрявы, бороду стригый, руки же имѣя красны (красивыя) и ногы“. Такимъ образомъ опять имѣемъ русыя, румяныя, крѣпкія фигуры [1]). Изъ рисунковъ совершенно опредѣленно выступаетъ румяный и русый (можетъ быть рыжеватый) типъ на миніатюрѣ Ярополка Изяславича чивидальской псалтыри [2]).

§ 188. Антропологическій типъ. Собравъ письменныя извѣстія о Руси и Славянахъ, мы получили характеристику русыхъ, румяныхъ, большого роста людей [3]). Въ нѣкоторыхъ пунктахъ эти характеристики находятъ полное подтвержденіе въ иныхъ данныхъ, въ другихъ послѣднія оставляютъ еще много неяснаго. Что касается роста, то и теперешнее украинское населеніе довольно высоко (выше средняго роста), выше великороссійскаго, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ очень высокаго роста (Кубанцы, Гуцулы) [4]). Тоже обнаруживается измѣреніемъ костей изъ могилъ Украины IX—X вв. Могилы западной Волыни дали въ среднемъ 171 сантиметровъ для мужчинъ, 155 для женщинъ, могилы погоринскія—169 см. для мужчинъ, для женщинъ 158 см., могилы изъ порѣчья Тетерева—въ среднемъ 167 см. [5]).

---

1) Ипат. с. 105 и 605.

2) Копія въ краскахъ у Кондакова, Изображенія русской княжеской семьи.

3) Въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, взаимно покрываются характеристики Славянъ и „Руси“. Значитъ, было бы напрасно въ какомъ нибудь изъ этихъ признаковъ—русые волосы, высокій ростъ и т. д., видѣть доказательство норманства Руси, или русской династіи. Такіе выводы встрѣчаются въ современной литературѣ, но они неосновательны. Прокопій во всякомъ случаѣ не писалъ о Норманнахъ, а его характеристика совершенно соотвѣтствуетъ характеристикѣ Руси IX—X вв.

4) Характеристика современнаго украинскаго антропологическаго типа в 2 изд.; археологическо-антропологическая литература см. въ примѣчаніяхъ.

5) Курганы зап. Волыни, Раскопки въ землѣ Лучанъ, Раскопки въ странѣ Древлянъ, Ницаха 1. с.—см. с. 298.

Не такъ просто обстоитъ дѣло съ окраской кожи и волосъ. Археологическаго матеріала относительно нея не имѣется. а современное украинское населеніе не имѣетъ однороднаго типа, какъ и вся современная Славянщина вообще имѣетъ два различныхъ типа—свѣтлый и темный. Темный преобладаетъ на западѣ и югѣ, свѣтлый на сѣверо-востокѣ, и украинская территорія является къ переходной: на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ ея переоблядаетъ свѣтлый типъ, на западѣ (въ горномъ поясѣ) и югѣ—темный: варіаціи настолько значительны, что нельзя установить еще, какой типъ преобладаетъ среди Украинцевъ (матеріала до сихъ поръ собрано еще сравнительно немного). Принимая во вниманіе вышеприведенныя историческія извѣстія, можно бы придти къ выводу, что именно свѣтлый типъ былъ начальнымъ, основнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ появляется на древнѣйшихъ, наиболѣе законсервированныхъ частяхъ нашей территоріи—сѣверныхъ. Но въ сущности и для этого времени можемъ говорить только о преобладаніи того или другого типа, а не о его исконности и исключительности.

Также неясно стоитъ вопросъ и о краніологическомъ типѣ нашего населенія,—какъ и вообще о типѣ славянскомъ. Теперь рѣшительно преобладаетъ короткоголовый типъ, по крайней мѣрѣ въ собранномъ матеріалѣ (а онъ собранъ лишь для нѣкоторыхъ мѣстностей). Раскопки древнихъ кургановъ, X—XII в.—на Волыни, въ землѣ Древлянъ, Сѣверянъ, показываютъ, что среди древняго населенія типъ длинноголовый рѣшительно преобладалъ надъ короткоголовымъ. Такъ напр. курганы западной Волыни дали 14 длинноголовыхъ (долихо-и субдолихоцефаловъ) при 4 среднеголовыхъ и 2 суббрахицефалахъ (брахицифиловъ не было совершенно): въ болѣе многочисленномъ матеріалѣ изъ Погорыни оказалось 74 длинноголовыхъ (долихо-и субдолихоцефаловъ) при 11 среднихъ и 26 короткоголовыхъ (суб-и брахицефалахъ), курганы около Случи дали 4 длинноголовыхъ (долихо-и субдолихоцехфлы) и 2 среднеголовыхъ[1]). Раскопки въ окрестностяхъ Тетерева также дали очень мало сколько нибудь рѣзкихъ брахице-

---

[1]) Антоновичъ Курганы Зап. Волыни с. 136—7, Мельникъ ор. с. с. 490, Гамченко Раскопки въ бассейнѣ Случи с. 392.

фаловъ[1]). На 65 сѣверянскихъ череповъ было лишь 6 коротко-головыхъ. На 33 донецкихъ оказалось 26 длинноголовыхъ, 3 среднихъ, 4 короткоголовыхъ и т. д. [2]). Говорить на основаніи этихъ наблюденій объ эволюціи антропологическаго типа пока еще было бы преждевременно; вопросъ о начальномъ славянскомъ типѣ—былъ ли онъ короткоголовый или длинноголовый, остается открытымъ и рѣшить его при наличныхъ данныхъ нѣтъ возможности, а безъ этого и объ эволюціи восточно-славянскаго типа трудно говорить сколько-нибудь опредѣленно, и я ограничиваюсь лишь констатированіемъ этихъ фактовъ. Въ противовѣсъ длинноголовому типу древняго населенія лѣсной полосы можетъ указать пока два очага короткоголоваго и темнаго типа—одинъ въ западномъ, карпатскомъ, горномъ поясѣ, другой—на степномъ пути изъ Азіи, гдѣ короткоголовый типъ появляется впервые въ желѣзной культурѣ [3]). По скольку перемѣны типа головы сводятся къ вліянію смѣшенія типовъ, метисаціи, то изъ этихъ двухъ очаговъ могли выйти элементы короткоголоваго, темнаго типа. Но вообще относительно древняго антропологическаго типа нужно сказать, что о его однородности, о „расѣ“ въ VIII—X вв., очевидно, не можетъ быть и рѣчи, какъ и теперь; типъ этотъ только могъ быть тогда менѣе сложнымъ, менѣе смѣшаннымъ и менѣе разнообразнымъ, чѣмъ теперь.

Столько лишь можно сказать пока объ антропологическомъ типѣ, не пускаясь въ область гипотезъ и предположеній.

---

[1]) Въ измѣреніяхъ этихъ череповъ есть нѣкоторая неясность— Антоновичъ (Раскопки въ странѣ Древлянъ с. 11) и Талько-Гринцевичъ (с. 17—9) значительно различаются разультатами своихъ измѣреній: Антоновичъ считалъ большинство брахицефаловъ, 43 на 66, но со среднимъ показателемъ лишь 80.7, такимъ образомъ почти среднеголовымъ. Т.-Гринцевичъ не даетъ ни одного съ показателемъ выше 78. Антоновичъ имѣлъ больше скелетовъ, но такъ какъ ни у него, ни у Гринцевича скелеты не имѣютъ болѣе обстоятельной метрики, то нельзя оріентироваться въ этомъ противорѣчіи. Гамченко опубликовалъ 7 длинноголовыхъ, 3 среднеголовыхъ и 1 короткоголовый (Житомирскій могильникъ с. 111 и Городище на р. Корчеватый с. 133).

[2]) Богдановъ Антропол. выставка II с. 183, Ш с. 350, Поповъ с. 42.

[3]) См. выше с. 40—1, 55—6, 152.

§ 189. Нѣкоторыя частныя антропологическія черты. Можно указать кое-что интересное въ подробностяхъ внѣшности. Выше мы видѣли описаніе X в., приложимое по крайней мѣрѣ къ княжеской дружинѣ: большіе усы, бритая или низко остриженная борода и на бритой или низко остиженной головѣ—чубъ; видѣли мы остриженную бороду и у позднѣйшаго князя—Владиміра, XIII в. Княжескіе портреты на монетахъ вполнѣ опредѣленно подчеркиваютъ большіе усы, а что касается бороды, то на нѣкоторыхъ монетахъ съ именемъ Владиміра, золотыхъ и серебрянныхъ, совершенно отчетливо видно, что князь не имѣетъ бороды, на другихъ же нельзя хорошо разобрать, имѣетъ ли онъ небольшую бороду или же она острижена [1]). На такъ наз. монетахъ Святополка князь не имѣетъ бороды [2]). Ярославъ на древнихъ изображеніяхъ софійскихъ фересокъ имѣетъ короткую бороду. При всей условности монетныхъ изображеній отсюда можно бы было заключить, что общимъ обычаемъ нашихъ князей, а вѣроятно—и высшей дружины было въ тѣ времена запускать усы, а бороду стричь [3]). Но это не былъ, вѣроятно, общераспространенный обычай всего населенія; арабскіе писатели упоминаютъ, что нѣкоторые изъ Руси носятъ бороды, а другіе бреютъ; Русская Правда среди иныхъ поврежденій тѣла упоминаетъ о вырванномъ усѣ и бородѣ, а судя по насмѣшкамъ „Ляховъ“ надъ Даниловыми воинами: „поженемь на великыи бороды“ можно догадываться, что рядовая дружина и крестьяне XIII в. носили и болѣе длинныя бороды [4]). Что же касается волосъ, то мужчины семьи Святослава, а также Ярополкъ, имѣютъ волоса, очевидно, обстриженные, но не слишкомъ коротко—ихъ видно изъ-подъ шапки.

---

[1]) На этомъ основаніи покойный П. Лебединцевъ доказывалъ, что Владиміръ имѣетъ на монетахъ короткую бороду.

[2]) Прекрасныя копіи этихъ монетныхъ княжескихъ портретовъ въ нумизматическихъ изданіяхъ гр. Толстого.

[3]) Мода мѣнялась или же она не была одинакова на югѣ и на сѣверѣ: новгородскій князь Ярославъ Владиміровичъ (внукъ Мстислава Кіевскаго) на фрескѣ Нередицкой церкви конца XII в. имѣетъ длинную бороду и волоса (Прохорова, Русскія Древности, IV).

[4]) Ипат., стр. 535. Тексты Арабовъ приведены выше (стр.). Русск. Правда Акад. код. § 7.

Небезинтересны извѣстія о чистоплотности стараго населенія. Въ этомъ отношеніи о нашихъ предкахъ имѣемъ довольно нелестныя характеристики. Прокопій говоритъ о Славянахъ и Антахъ, что они очень грязны, а ибнъ-Фадланъ, разсказывая о русскихъ купцахъ, называетъ ихъ „самыми нечистоплотными тварями“, сравниваетъ ихъ съ дикими звѣрями и иллюстрируетъ это сравненіе разсказомъ о томъ, что русскіе купцы мылись въ одномъ ушатѣ, не перемѣняя воды и сморкаясь или плюя въ нее [1]). До нѣкоторой степени извѣстія эти могутъ быть справедливыми; любовь къ чистотѣ прививается культурой; но все-же эти старыя извѣстія требуютъ оговорки. Прокопій писалъ о менѣе культурной, авангардной части славянской колонизаціи, а ибнъ-Фадланъ въ своей характеристикѣ отправляется отъ факта отсутствія у Славянъ ритуальныхъ омовеній, какія существовали у Магометанъ, и подъ этими впечатлѣніями могъ кое-что и преувеличить въ своемъ разсказѣ. Подобнымъ же образомъ другой арабскій путешественникъ разсказываетъ о современныхъ ему Нѣмцахъ (вѣроятно X в.): „нѣтъ на свѣтѣ ничего болѣе нечистоплотнаго, чѣмъ они,—моются они въ теченіи года разъ или два—въ холодной водѣ“ [2])!

§ 190. Психофизическія черты. Прокопій въ своей знаменитой характеристикѣ такими чертами рисуетъ характеръ нашихъ предковъ: „Жизнь они ведутъ суровую и не культурную, и весьма не чистоплотны, но вовсе не злы и не ковары и въ простотѣ хранятъ гуннскій обычай“. Съ большими похвалами отзывается объ ихъ характерѣ такъ наз. Маврикій: „они ласковы съ чужеземцами (гостями), принимаютъ ихъ у себя, провожаютъ изъ одного мѣста въ другое, куда ему нужно, и даже если приключится гостю какая-либо бѣда по винѣ хозяина, то тотъ, кто принялъ послѣ него гостя, выступаетъ противъ нерадиваго, считая честью для себя вступиться за гостя. Своихъ рабовъ не задерживаютъ въ неволѣ навсегда, какъ другіе народы, но назначаютъ имъ опредѣленное время (службы) и потомъ предоставляютъ на выборъ—вернуться ли на родину съ извѣстнымъ вознагражденіемъ, или остаться у нихъ въ качествѣ свободныхъ то-

---

[1]) Прокопій l. c. Ибнъ-Фадланъ въ изд. Гаркави, стр. 91.
[2]) Iacob, Ein arabischer Berichterstatter [2], стр. 12.

варищей (ἐλεύθεροι καὶ φίλοι). Женщины ихъ цѣломудренны выше всякаго вѣроятія, такъ что большинство ихъ считаютъ смерть своихъ мужей своей собственной смертью и добровольно удавливаютъ себя, потому что для нихъ вдовство—ужь не жизнь". Высоко ставитъ онъ также ихъ любовь къ свободѣ („не хотятъ никому служить или быть подъ властью"), ихъ выносливость при всякихъ лишеніяхъ—жарѣ, холодѣ, дождѣ, недостаткѣ одежды и пищи. Но ставитъ въ укоръ отсутствіе согласія (μισάλληλα), упрямство и нежеланіе подчиняться въ своихъ взглядахъ мнѣнію большинства, слѣдствіемъ чего являются кровавыя столкновенія: далѣе—несоблюденіе договоровъ и вообще ненадежность: по его словамъ легче удержать ихъ страхомъ или подарками чѣмъ договорами [1]).

Эти характеристики цѣнны для насъ тѣмъ, что имѣютъ въ виду не только Славянъ, но и Антовъ, и хорошо передаютъ черты славянскаго характера, наиболѣе бросавшіяся въ глаза чуземцамъ. Славянское гостепріимство еще до послѣдняго времени было притчею во языцѣхъ. Западные—нѣмецкіе писатели въ особенности превозносятъ его: „нѣтъ народа болѣе гостепріимнаго и привѣтливаго, чѣмъ они", замѣчаетъ Адамъ Бременскій о Поморскихъ Славянъ [2]). Арабскій источникъ IX в. разсказываетъ также о Руси, что она чтитъ чужеземца и привѣтливо обходится съ отдающимися подъ ея попеченіе, либо часто бывающими у нея и охраняетъ ихъ отъ всякихъ приключеній [3]), а нашъ древнѣйшій savoir vivre—Поученіе Маномаха учитъ „особенно чтить гостя" [4]). Вѣрность и преданность славянскихъ женщинъ также была предметомъ общаго удивленія (характеристика эта впрочемъ не имѣетъ большого значенія, такъ какъ главнымъ образомъ исходитъ изъ ритуальнаго обычая самоубійства вдовъ). Любовь Сла-

---

[1]) Маврикій XI, 5. Характеристику Маврикія повторяетъ въ главныхъ чертахъ и Тактика Льва.

[2]) Ибнъ-Дастъ, стр. 36—7.

[3]) Gesta Hammab. eccl. II, 19, другія извѣстія см. у Крека [2] стр. 357—8, Котляревскаго, Сочиненія III стр. 442.

[4]) И боле же чтите гость, откуду же к вамъ придеть, или простъ, или добръ или солъ"—Лавр., стр. 237; утилитаристъ авторъ при этомъ однако не приминулъ указать на утилитарную сторону этой пародной добродѣтели: „ти бо мимоходячи прославлять человѣка по всѣмъ землямъ".

вянъ къ свободѣ имѣли случай лучшею всего оцѣнить Нѣмцы во время ихъ борьбы за независимость. Но вмѣстѣ съ тѣмъ бросалось всѣмъ въ глаза яркое отсутствіе солидарности. Мы уже видѣли характеристику Маврикія. Ибнъ-Якубъ замѣчаетъ, что Славяне народъ отважный и воинственный, и никто не сравнился бы съ ними въ силѣ, если бы не разрозненность ихъ многочисленныхъ, обособленныхъ племенъ [1]). Здѣсь проявляла себя причина и вмѣстѣ съ тѣмъ результатъ слабости ихъ политической организаціи, ихъ нежеланіе повиноваться чьей-либо власти и подчиненіе голосу всенароднаго вѣча всякаго иного авторитета.

§ 191. „Веселіе“. Съ ласковою привѣтливостью и искренностью характера, отмѣченнаго Прокопіемъ, соединялись черты поэтическаго, веселаго, склоннаго къ развлеченіямъ темперамента. Любовь къ пѣнію и музыкѣ засвидѣтельствована многими извѣстіими съ весьма древнихъ временъ. Пѣсня и музыка были неразлучными товарищами всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся моментовъ жизни. „С плясаньемь и гуденьемь и плесканьемь“ совершала языческую свадьбу Русь, уже послѣ крещенія [2]); „долгими пѣснями“ прощается съ жизнью дѣвушка въ описанномъ ибнъ-Фадланомъ русскомъ погребеніи и свадьбѣ мертвеца. „Игрища межю селы“ и на нихъ „плясанья“ и „вся бѣсовськыя пѣсни“, о которыхъ разсказываетъ Повѣсть, какъ объ извѣчныхъ обычаяхъ Сѣверянъ и нѣкоторыхъ другихъ племенъ, были, несомнѣнно, общимъ явленіемъ и въ языческое время и позже. Музыка была обычнымъ развлеченіемъ князя и вообще знатнаго человѣка: войдя однажды къ князю Святославу Ѳеодосій Печерскій засталъ „многая играющи прѣдъ нимь: овы гусльныя гласы испущающе, другыя же оръганьныя гласы поюще, и инемъ замарьныя пискы гласящемъ, и тако всѣмъ играющемъ и веселящемъся, якоже обычай есть прѣдъ княземь“. О томъ, что всякія игрища, скоморшества, музыка, пѣніе, были обычнымъ развлеченіемъ народа, свидѣтельствуютъ нападки позднѣйшихъ христіанскихъ проповѣдниковъ [3]).

---

[1]) Изд. Розена, стр. 53. [2]) Правила м. Іоанна § 30.

[3]) Житіе Ѳеодосія, л. 26, ср. Ипат., стр. 120 (мѣстное происхожденіе этой проповѣди сомнительно, но такъ какъ она употреблялась противъ развлеченій на Руси, то это свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ объ ихъ распространенности здѣсь). Далѣе—

Византіецъ Скилица, описывая болгарскій походъ Святослава, говоритъ, что его воины не помнили объ осторожности, пьянствуя по цѣлымъ ночамъ и упиваясь, веселясь музыкой и танцами [1]). „Игранье, плясанье и гуденье (музыка)“, „бѣсовьское пѣнье и блудное глумленье“ (вѣроятно—нескромныя пѣсны или шутки) были обычной принадлежностью пира или бесѣды [2]).

При всемъ этомъ любили выпить. Не даромъ сладкій опьяняющій напитокъ изъ меда восходитъ еще къ праиндоевропейскому времени. Славяне имѣли время втянуться въ его употребленіе на своей прародинѣ. Склонность Руси къ бражничанью бросилась въ глаза уже ибнъ-Фадлану; описывая русскихъ купцовъ, онъ говоритъ: „они весьма склонны къ вину (повидимому однако, рѣчь здѣсь не о винѣ, а о медѣ), пьютъ его днемъ и ночью, такъ что случается имъ иногда и умирать съ кружкой въ рукахъ“. Книжникъ XI в. вложилъ въ уста Владимира извѣстный афоризмъ что Русь не можетъ жить безъ бражничанья: „Руси есть веселье пити, не можемъ безъ того быти“, и это убѣжденіе поддержали веселые Владимировы пиры, гдѣ главнымъ ингредіентомъ былъ медъ, потреблявшійся въ огромномъ количествѣ. Что всего этого нельзя относить къ одной варяжской дружинѣ, указываютъ другія подробности Владимировой легенды. Медъ былъ такой необходимой жизненной потребностью, что при Владимирѣ, разсылая по городу припасы для убогихъ и нищихъ, возили и „медъ въ бочкахъ“ [3]).

Кириллъ Туровскій въ изд. Сухомлинова, стр. 140. Поученіе Георгія Зарубскаго—Срезневскаго, Свѣдѣнія и замѣтки VII стр. 56, Лѣтописи русск. литературы (Тихонравова) IV стр. 90, 92, 110 и и новое собраніе проф. Владимирова въ III т. Памятниковъ церковно-учит. лит. (1897). Ср. съ лѣтописнымъ разсказомъ объ игрищахъ (Ипат. стр. 8) описаніе праздниковъ у языческихъ Поморянъ: erat enim nescio quis festus dies paganorum, quem lusu, luxu, cantuque gens vesana celebrans, vociferatione alta nos reddidit attonitos—Herbordi Dial. II, 14, cp. Ebbonis Vita III, 1.

[1]) Αὐλοῖς καὶ κυμβάλοις, свирѣлями и бубнами—Cedreni II p. 385 ed. Bonn. Правда, съ Святославомъ, по словамъ Скилицы, были тогда также Болгары, Печенѣги и Венгры, но вышеприведенный разсказъ его относится къ Руси, если не больше, то покрайней мѣрѣ не меньше, чѣмъ къ ея союзникамъ.

[2]) Правила м. Іоанна, § 16 и 24.

[3]) Ипат.. стр. 56 и 86.

Арабскій источникъ говоритъ о Славянахъ (восточныхъ), что у нихъ много вина и меда, у одного человѣка бываетъ по сто жбановъ „вина изъ меда" [1]). Языческіе празднества не обходились безъ попойки; по согласному свидѣтельству источниковъ нашихъ (месть Ольги надъ Древлянами) и чужихъ (ибнъ-Росте и другихъ о Славянахъ) тризну по покойникѣ совершали съ пирами и попойками. „Черезъ годъ по смерти покойника, говоритъ арабскій источникъ, берутъ кружекъ около 20 меда, несутъ на могилу, собирается семья умершаго, ѣдятъ, пьютъ и потомъ расходятся". Этотъ обычай былъ перенесенъ впослѣдствіе на христіанскіе праздники—начиная съ праздниковъ Владимира. Къ празднику въ Василевѣ при Владимирѣ варили 300 переваровъ меда. Митрополитъ Іоаннъ въ своихъ драгоцѣнныхъ „Правилахъ" (XI в.) нападаетъ на распространенный обычай мірянъ устраивать пиры въ монастыряхъ, хвастаясь одинъ передъ другимъ, кто угоститъ лучше, и упиваясь на этихъ пирахъ; церковныя празднества соединялись съ попойками, лишь прикрывавшимися различными обрядовыми предлогами, и т. т. п. [2]).

Интересно впрочемъ, что въ нашей старой письменности принятъ деликатный терминъ для обозначенія пьянаго — „веселъ" [3]). Это можетъ указывать, что пили не до потери сознанія, а больше до состоянія „на веселѣ", и такое хмельное состояніе было дѣло обычнымъ [4]). Но что такимъ сравнительно невиннымъ похмельемъ дѣло не кончалось, само собою разумѣется; стоитъ только вспомнить популярное обличеніе пьянства: „піянство—вольный бѣсъ, піянство—дщи діавола, піянство—уму смерть, погубивый бо умъ скотины пущи есть", въ отвѣтъ на мирской вглядъ, что въ пьянствѣ нѣтъ ничего худого—„въ піанствѣ ничтоже зла творимъ".

Этотъ снисходительный къ пьянству взглядъ, съ какимъ приходилось бороться христіанскому духовенству, также очень характеренъ для тогдашняго человѣка.

---

[1]) Кардизи, l. c. стр. 123.

[2]) Ипат. стр. 86, Правила м. Іоанна § 13, а также см. т. III гл. 4.

[3]) О Вячеславѣ Ипат. стр. 325: сее ночи былъ веселъ съ своею дружиною, вмѣсто того Воскр. I стр. 61—62: пилъ бѣ.

[4]) Ипат., стр. 288), 336 и т. д.

§ 192. Общія характеристики. Вышеприведенныя черты даютъ въ общемъ итогѣ, какъ видимъ, характеръ привѣтливый, благодушный, искренній, веселый, съ поэтическою окраскою. Въ дополненіе этой характеристики можно было бы отмѣтить, что древнерусское обычное право не отличалось суровостью, не знало жестокихъ тѣлесныхъ наказаній и, допуская кровавую месть, не имѣло смертной казни по суду; наибольшимъ наказаніемъ былъ „потокъ (изгнаніе) и разграбленіе“ (конфискація имущества). Съ это стороны характеристика Полянъ, данная въ Повѣсти: „Поляне бо своихъ отецъ обычаи имяху тихъ и кротокъ“ [1]) можетъ быть въ извѣстной степени принята. Не слѣдуетъ только, конечно, преувеличивать эту кротость. „Тихая и кроткая“ Русь умѣла показать себя и съ другой стороны.

Вообще въ славянскомъ характерѣ не было недостатка въ энергіи. Выше я привелъ отзывъ ибнъ-Якуба: „Славяне народъ храбрый и воинственный и при единодушіи могли бы господствовать надъ всякимъ инымъ“. Славянскія нападенія на Византію въ VI—VII вв. или борьба балтійскихъ Славянъ съ Нѣмцами, начиная съ VIII в., полна фактовъ славянской отваги и воинственности; недоставало при этомъ лишь политической организаціи и солидарности. На Русь, начиная съ IX в. встрѣчаемъ у чужеземныхъ писателей массу жалобъ—на воинственность, суровый и безчеловѣчный ея характеръ: „народъ, какъ это всѣмъ извѣстно, весьма жестокій и немилостивый, не имѣющій и малѣйшаго слѣда милосердія къ людямъ; похожіе на звѣрей по своему характеру, безчеловѣчные по своимъ поступкамъ, самымъ внѣшнимъ видомъ выказываютъ они любовь къ убійству“,—описываетъ Русь греческій риторъ 1-й пол. IX в. „Они отважны и смѣлы: напавъ на другой народъ, до тѣхъ поръ не отступятъ, пока не уничтожатъ совершенно, а одолѣвъ угнетаютъ, какъ рабовъ“—характеризуетъ Русь арабскій источникъ того-же времени [2]). Подробности русскихъ походовъ—напр. Игоря на Византію и на Каспійское море, или Святослава на Болгарію подтверждаютъ эту характеристику. Правда, съ норманистской точки зрѣнія все это

[1]) Ипат., стр. 7.

[2]) Житіе Георгія Амастридскаго, гл. 43, ибнъ-Дастъ—изд. Хвольсона, стр. 38—9, сравни далѣе характеристики Фотія, Каганкатаваци и др.

относится къ Норманнамъ, но во всякомъ случаѣ войска Игоря и Святослава въ большинствѣ состояли не изъ Норманновъ, а Славянъ; да и русскія войны и усобицы XI—XII вв. ясно показываютъ, что нѣтъ причины сваливать всю вину суровости и жестокосердія на однихъ Норманновъ. Очевдно à la guerre comme à la guerre, психологія и обычаи войны нигдѣ не отличаются гуманностью, и нѣтъ основанія удивляться этимъ отзывамъ, и если я отмѣчаю ихъ, то лишь только въ виду тенденціи старыхъ славянофиловъ представить Славянъ, въ противоположность забіякамъ Нѣмцамъ, тихимъ и идиллически-мирнымъ народомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—элементомъ пассивнымъ, лишеннымъ всякой политической инициативы[1]). И то и другое—одинаково преувеличено.

§ 193. Міровоззрѣніе и религія. Міровоззрѣніе нашихъ племенъ въ дохристіанскомъ періодѣ имѣло въ своей основѣ культъ природы, предъ которымъ отступилъ и поблѣднѣлъ старый культъ предковъ. Однако и культъ природы не вышелъ изъ примитивныхъ, слабо разработанныхъ формъ. Русско-славянская миѳологія вообще блѣдна, неясна, не только благодаря бѣдности нашихъ извѣстій о ней, но и благодаря собственной ея слабости: судя по всему, славянское племя не имѣло особой склонности къ религіозному творчеству[2]).

[1]) Обзоръ этихъ теорій и рѣзкая ихъ критика въ книгѣ Собѣстіанскаго, Ученія о національныхъ особенностяхъ Славянъ 1892; обширная критика ея въ Кіевской Старинѣ 1892, X—XII.

[2]) Для оріентированія въ болѣе старой литературѣ по славянской миѳологіи Крекъ[2], стр. 378 и слѣд. Здѣсь я упомяну лишь: Jagić, Mythologische Skizzen—Archiv für sl. Ph. IV и V, Brückner, Mythologische Studien, ib. VI, IX и въ особенности XV. Далѣе, Фаминцынъ, Божества древнихъ Славянъ, 1884. Кирпичниковъ, Что мы знаемъ достовѣрнаго о личныхъ божествахъ Славянъ, Ж. М. Н. Пр. 1885, IX. Сырку, Славянско-румынскіе отрывки, Ж. М. М. Пр. 1887, V. Шеппингъ, Наши письменные источники о языческихъ богахъ русской миѳологіи—Филологическія Записки, 1888, VI. Мочульскій, О мнимомъ дуализмѣ въ миѳологіи Славянъ, Рус. Филол. Вѣстникъ, 1889, II. Сумцовъ, Культурныя переживанія, 1890. Machal, Nákres slóvanskeho bájeslovi, 1891 и новая (популярная) переработка: Bájesloví slovanské, 1907. M. K., O religii pogańskich Słowian, 1894. Богдановичъ, Пережитки древняго міросозерцанія у Бѣлоруссовъ, 1895. Владиміровъ, Введеніе въ исторію рус-

Классическое свидѣтельство и здѣсь даетъ намъ Прокопій. Онъ разсказываетъ о Славянахъ и Антахъ, что они имѣютъ одинаковыя религіозныя воззрѣнія. „Единаго бога, содѣтеля молніи [1]), считаютъ они владыкой всѣхъ и приносятъ ему въ жертву коровъ и всякаго рода жертвы. Не знаютъ рока и совершенно не признаютъ, что онъ имѣетъ какую либо власть надъ людьми; если кому грозитъ очевидная смерть, въ болѣзни ли, или на войнѣ, онъ обѣщаетъ за свою душу, если не погибнетъ, жертву богу, и спасшись приноситъ въ жертву обѣщанное и думаетъ, что этой жертвой спасъ себѣ жизнь. Почитатаютъ они рѣки, нимфъ

ской словесности, 1896, гл. II и III, и Поученія противъ древнерусскаго язычества и народныхъ суевѣрій (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, III, 1897). Аналогичная работа—Азбукинъ, Очеркъ литературной борьбы представителей христіанства съ остатками язычества въ русскомъ народѣ (Русскій Филолог. Вѣстникъ, т. 35 и 37—39, гл. образомъ т. 35). Леже—рядъ статей подъ за главіемъ Etudes de mythologie slave (съ 1896 г. печатались въ журналѣ Revue d'histoire de religions и выходили выпусками)—обработаны и изданы вмѣстѣ подъ заглавіемъ La Mythologie Slave par Luis Léger, 1901 (моя рецензія въ Запискахъ, т. IX). A. Léfèvre, Mythologie de Slaves et des Finnois (Revue de l'Ecole d'anthropologie, 1897—популяризація основанная въ значительной части на Леже). Яворскій—статьи о домовыхъ, упыряхъ и т. п. въ галицко-украинскомъ фольклорѣ—Живая Старина, 1897. Černý Mythiske bytosće lužiskich Serbov, 1898, Будишинъ. Милорадовичъ, Замѣтки о малорусской демонологіи (К. Старина, 1899, VIII). Гальковскій, Миѳологическій элементъ въ сербской народной поэзіи (Филологическія Записки, 1900 и сл.). Rożniecki, Perun und Thor (Archiv f. sl. Phil. т. XXIII). Ивановъ, Культъ Перуна у южныхъ славянъ (Изв. отд. русск. яз. 1903, IV). М. Дикаревъ, Уривки з греко-славяньської мітольоґії и другія статьи по миѳологіи (Збірник фільольоґічної секції Наук. тов ім. Шевченка, VI, 1903). Петръ, Объ этимогическомъ значеніи слова „Стрибогъ"—Изборникъ Кіевскій, 1904. F. Krauss, Slawische Volksforschung, Лейпцигъ 1908 (пережитки старыхъ вѣрованій у южныхъ Славянъ). Zaborowski, Origines de la mythologie ancienne des Slaves (Revue de l'école d'anthrop. 1907). Ветуховъ, Заговоры, заклинанія, обереги, 1907. Mansikka, Über russische Zauberformeln, 1909, Гельсингфорсъ. Borchling, Aus der slawischen Mythologie (Prähist. Ztschr., 1909). А. Погодинъ Лингвистическія и историческія замѣтки о богахъ Владиміра Вел. (отт. изъ сборника въ честь ак. Соболевскаго).

[1]) ἀστραπῆς δημιουργόν, De bello Got. III, 14.

и нѣкоторыя другія божества (δαιμόνια), приносятъ имъ всяческія жертвы и по этимъ жертвамъ гадаютъ“.

Въ этомъ чрезвычайно важномъ извѣстіи можно отмѣтить два главныхъ момента славянской религіи: единый богъ, единый владыка міра, съ которымъ непосредственно связываются различныя метеорическія явленія (какъ въ нашемъ текстѣ молнія), и наряду съ нимъ—многочисленныя болѣе мелкія божества и вообще сверхъестественныя существа (говоря современнымъ языкомъ) съ второстепеннымъ значеніемъ.

§ 194. Божество неба и его спеціализаціи. Извѣстія Прокопія подтверждаются другими свидѣтельствами какъ вообще о Славянахъ, такъ и въ частности о Славянахъ восточныхъ. Такъ Гельмольдъ (XII в.), разсказывая о религіи балтійскихъ Славянъ, говоритъ, что наряду съ многочисленными второстепенными божествами они признаютъ единаго великаго бога, который является вмѣстѣ съ тѣмъ спеціально небеснымъ богомъ[1]). Спеціальныя извѣстія о Славянахъ восточныхъ указываютъ, что первое мѣсто въ ея культѣ занимало метеорическое божество—владыка грома и молніи.

Этотъ богъ въ X—XI в. у восточныхъ Славянъ носитъ имя Перуна (лит. Perkúnas). Это богъ грома, какъ показываетъ его имя (пьрати—бить). Однако у другихъ Славянъ, кромѣ восточныхъ, мы не находимъ вполнѣ ясныхъ указаній на существованіе этого имени: хотя слово это извѣстно у нихъ и часто встрѣчается въ проклятіяхъ и различныхъ названіяхъ, но можетъ обозначать просто громъ небесный. Объясняется это тѣмъ, что богъ грома Перунъ былъ, по всей вѣроятности, сравнительно болѣе поздней спеціализаціей нѣкоторыхъ метеорическихъ проявленій силы того великаго славянскаго бога, о которомъ говоритъ Прокопій, подобно тому, какъ спеціализировались въ отдѣльныя божества солнце и огонь—элементы, находящіеся въ весьма близкомъ родствѣ съ небеснымъ огнемъ—молніею. Въ болѣе отдаленное время этотъ главный верховный богъ выступалъ, повидимому, подъ инымъ именемъ.

Въ Кіевской лѣтописи подъ 1114 г. приведенъ миѳологи-

---

[1]) Гельмольдъ, I гл. 83. Нѣкоторыя скептическія замѣчанія на его извѣстія—Nehring, Der Name bělbog, Archiv, XXV.

ческій отрывокъ изъ греческаго хронографа Малалы о Гефестѣ и сынѣ его Геліосѣ, при чемъ дано объясненіе, что Гефестъ—это Сварогъ, а Геліосъ—„сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ". Позднѣйшіе обличенія язычества (извѣстныя въ нѣсколькихъ варіантахъ XIV в. и въ основѣ своей, очевидно, значительно болѣе древнія) упрекаютъ людей, что они „огневѣ молятся, зовуще его Сварожичемъ"[1]). Богъ Сварожичъ извѣстенъ намъ и у балтійскихъ Славянъ[2]). Имя Сварога могло указывать, что это богъ неба и свѣта: его связываютъ съ инд. svar—небо, солнце, солнечный свѣтъ[3]). Довольно правдоподобна догадка, что въ этомъ Сварогѣ имѣемъ мы того древняго главнаго, „единаго бога" творческой силы всей природы, который выступаетъ такъ опредѣлено еще у Прокопія[4]). Позже, по мѣрѣ того, какъ различныя, наиболѣе выдающіяся проявленія этого бога специализировались въ вѣрованіяхъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и стали обозначаться особыми именами, эти новыя индвидуализированныя проявленія, въ роли боговъ, замѣняли и вытѣсняли общую идею стараго единаго бога. Поэтому среди именъ боговъ, чтимыхъ на Руси въ X в. непосредственно передъ распространеніемъ христіанства, мы уже не встрѣчаемъ Сворога. За то выступаетъ Перунъ, богъ молніи и грома, Хорсъ-Даждьбогъ, богъ солнца, источникъ всякаго земного благополучія, Сварожичъ—огонь, и проч.[5]).

---

[1]) Ипат. стр. 200. Тихонравовъ, Лѣтописи русской литературы т. IV—Слова и поученія направленныя противъ языч. вѣрованій стр. 89, 92. Также Владиміровъ, Поученія противъ древне-русскаго язычества.

[2]) Thietmar, IV, 17. Письмо Брунона—Monum. Pol. hist I стр. 226.

[3]) Окончаніе ог—ga обозначаетъ небо и въ частности небо въ его движеніи, метеорическихъ перемѣнахъ.

[4]) Долженъ замѣтить, что взгляды на Сварога, какъ на первоначальнаго верховнаго бога у Славянъ, въ новѣйшее время былъ сильно поколебленъ. Ягичъ (Archiv IV) рѣшительно выступилъ противъ нихъ, и аргументы его произвели сильное впечатлѣніе. Фаминцынъ (143), Махаль (стр. 2121), Леже (стр. 235) скептически смотрятъ на его существованіе. Защищалъ его Крекъ [2], стр. 379 и слѣд., и я думаю, что онъ тутъ болѣе правъ: отрицатели пошли слишкомъ далеко въ своемъ гиперкритицизмѣ. Подробнѣе во 2 изд.

[5]) Нѣкоторые изслѣдователи устраняя изъ славянской миѳологіи Сварога, оставляютъ открытымъ вопросъ объ имени верховнаго бога, либо выдвигаютъ на эту позицію какого-либо изъ другихъ боговъ, ли-

§ 195. Перунъ, Даждьбогъ, Сварожичъ. Какъ ни обстояло дѣло съ именемъ, можно принять съ полнымъ вѣроятіемъ, что развитіе миѳологическихъ идей шло именно этимъ путемъ—отъ „единаго“ бога неба и свѣта, общаго вообще всѣмъ индоевропейскимъ народамъ, къ частнымъ натуралистическимъ божествамъ, какими были Перунъ, Даждьбогъ-Хорсъ, Сварожичъ и др.[1]). Спеціализація божествъ развилась, по крайней мѣрѣ въ значительной части, уже на восточно-славянской почвѣ: отдѣльныя славянскія вѣтви шли въ этой эволюціи каждая своимъ путемъ.

бо, наконецъ, допускаютъ что назывался онъ просто „богомъ“. Такой взглядъ, высказанный уже раньше, поддерживалъ Фаминцынъ (стр. 141) и къ нему же склоняется Леже (стр. 50—1). Однако гипотеза эта весьма слабо обставлена. Упоминанія въ фольклорномъ матеріалѣ о „вышнемъ богѣ“ или „богѣ-пребогѣ“ не имѣютъ въ себѣ ничего характернаго. Кромѣ нихъ указываютъ еще на тексты договоровъ Руси съ Греками: „да будетъ проклятъ от Бога и отъ Перуна“ (стр. 33), „отъ бога въ него же вѣруемъ, в Перуна и в Волоса бога скотья“ (стр. 48); но въ первомъ текстѣ рѣчь идетъ, очевидно, о христіанскомъ Богѣ, имѣя въ виду крещеную Русь, во второмъ „богъ“ можетъ былъ истолкованъ, какъ общее понятіе, Перунъ и Волосъ—какъ спеціальныя обозначенія. Изъ другихъ божествъ, выдвигаемыхъ на первое мѣсто, упомяну о теоріи Рожнецкаго (Perun und Thor), что въ то время, какъ культъ Перуна развился подъ норманскимъ вліяніемъ, домашнимъ славянскимъ богомъ былъ прежде всего Волосъ—Велесъ. При договорахъ Олега 907 и Святослава 971 г., по мнѣнію его, Норманы клянутся Торомъ подъ именемъ Перуна, а Русь славянская—Велесомъ; однако эта замѣна Перуна Торомъ не выдерживаемъ критики (ср. замѣчанія Тіандера въ Извѣстіяхъ отд. русск. яз. 1903, III), а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и такая исключительная роль Волоса. Развивая аргументы въ пользу существованія на Руси культа Тора, Рожнецкій толкуетъ упоминаніе Кіевской лѣтописи о „Туровой божницѣ“ въ Кіевѣ (Ипат. стр. 229), какъ „капище Тора“. Есть еще и другое толкованіе, видящее въ немъ „храмъ бога Тура“. Но совершенно невѣроятно, чтобы христіанская церковь называлась храмомъ Тора или Тура (приводимыя при этомъ аналогіи не доказывательны, такъ какъ нельзя указать христіанскаго дублета для Тора или Тура, подъ покровомъ котораго могло-бъ держаться имя Тура ими Тора, какъ напр. держалось имя Волоса подъ именемъ св. Власія).

[1]) Ср. очеркъ развитія религіозныхъ идей Индоевропейцевъ у О. Шрадера, Reallexicon, стр. 669.

Перунъ несомнѣнно занималъ первое мѣсто въ русскомъ культѣ X в.: нѣсколько разъ перечисляются боги въ лѣтописи и—что еще важнѣе—въ договорахъ съ Греками, и вездѣ Перунъ стоитъ на первомъ мѣстѣ.[1]) Въ договорѣ 944 г. крещенная Русь должна присягать передъ Богомъ въ церкви св. Иліи, занявшаго въ воззрѣніяхъ Руси мѣсто Перуна, а языческая—передъ Перуномъ. Въ договорѣ Святослава на нарушителей его призывается проклятіе „отъ бога, въ негоже вѣруемъ—въ Перуна и въ Волоса бога скотья", а лѣтопись перечисляетъ идолы, поставленные Владиміромъ въ Кіевѣ, въ такомъ порядкѣ: „Перуна и Хоръса и Дажьбога[2]) и Стрибога и Сѣмарьгла и Мокошь". При уничтоженіи языческихъ святынь въ особенности поносили Перуна—очевидно какъ наиболѣе почитаемое божество.[3]) Это соотвѣтствуетъ словамъ Прокопія, что среди метеорическихъ проявленій божества первое мѣсто занимала молнія (очевидно неразрывно съ громомъ). Что Перунъ былъ богомъ грома и молніи, на это указываетъ кромѣ самого его названія, значеніе это слова у западныхъ Славянъ (громъ) и аналогія съ литовскихъ Перкунасомъ. Перунъ—это небесный богъ, спеціальный владыка неба, сила грозная, но вмѣстѣ съ тѣмъ творящая, оживляющая, дающая природѣ новыя силы благодатнымъ дождемъ и прогоняющая своими ударами враждебные жизни элементы засухи, жары, смерти. Его признаки были впослѣдствіе въ извѣстной степени перенесены на св. Илію, у Славянъ и у Грековъ надѣленнаго атрибутами Перуна, какъ повелителя грома и молніи, и старымъ культомъ небеснаго божества[4]).

---

[1]) Рожнецкій высказалъ довольно правдоподобное мнѣніе, что на Руси въ придворныхъ и дружинныхъ кругахъ X в., когда такую выдающуюся роль играли Варяги, на развитіе культа Перуна повліяло его сходство съ скандинавскимъ Торомъ. Это довольно правдоподобно, хотя доказательства Рожнецкаго въ пользу существованія въ Кіевѣ культа Тора, подъ именемъ ли Перуна или независимо, всѣ очень слабы.

[2]) Такъ въ южной и новгородской версіи (1 Новг.), а изъ суздальскихъ въ Академическомъ (Троицкомъ) и Переяславльскомъ—Хоръса *и* Дажбога, въ Лаврентьевскомъ и Радзивиловскомъ (Кенигсбергскомъ) безъ *и*; трудно рѣшить, такъ какъ послѣднее—lectio difficilior. [3]) Ипат. стр. 33—4, 48, 52, 80.

[4]) На замѣну Иліею Геліоса и Зевса Акрейскаго указалъ

Въ вышеприведенномъ лѣтописномъ перечисленіи боговъ въ большинствѣ кодексовъ Хорсъ и Даждьбогъ стоятъ какъ два отдѣльныхъ божества, точнѣе—какъ два идола. Трудно рѣшить, принялъ ли здѣсь авторъ за давностью по ошибкѣ два имени одного и того же бога за два особыхъ божества, или дѣйствительно солнечное божество раздвапвалось въ воззрѣніяхъ языческой Руси; послѣднее также весьма возможно. Что и Даждьбогъ и Хорсъ обозначаютъ солнечнаго бога, это ясно изъ сопоставленія упомянутой выше глоссы Кіевской лѣтописи о солнцѣ—Дождьбогѣ съ „великимъ Хорсомъ" Слова о полку Игоровѣ, тоже обозначающемъ не что иное, какъ солнце [1]) и въ славянскихъ переводахъ замѣняющемъ иногда греческаго Аполлона [2]). Оба имени неизвѣстны намъ въ миѳологіи другихъ славянскихъ группъ; имя Хорса остается загадочнымъ, имя Дождьбога по всей вѣроятности происходитъ отъ дати (даждь, повелит. накл.) и бог—добро, богатство, слѣдовательно обозначаетъ подателя всякаго блага. [3]) Можно догадываться, что въ то время, какъ Хорсъ указывалъ

Политъ (Ὁ Ἥλιος κατὰ τοὺς δημώδεις μύθους, ὑπὸ Ν. Γ. Πολίτου) и за нимъ Веселовскій, Разысканія въ области духовнаго стиха, VII (Записки Петербургской акад, т. 45) и Леже въ изслѣдованіи Peroun et Saint Elie (Etudes, I). При этихъ параллеляхъ новогреческаго и славянскаго фольклора къ сожалѣнію остается обыкновенно невыясненнымъ: что̀ именно имѣемъ мы здѣсь заимствованнаго изъ античной греческой традиціи, и что слѣдуетъ считать заимствованнымъ Греками (какъ и Румынами, Албанцами) у Славянъ; въ особенности это желательно было бы выяснить относительно языческихъ праздниковъ.

[1]) Всеславъ въ ночь влъкомъ рискаше, изъ Кыева дорискаше до куръ Тьмутараканю, великому Хръсови влъкомъ путь прерискаше—XI.

[2]) Древности моск. археол. общ. I. Матер. для арх. слав. стр. 1.

[3]) Слѣдовательно dans divitias, Spender des Wolstandes, какъ толкуетъ Миклошичъ и Крекъ. Ягичъ (Archiv, V) переводитъ deus dans, der gebende Gott. Другое объясненіе (Срезневскаго, Буслаева, Афанасьева) отъ корня dagh, инд. dah, dáhati—горѣть, слѣд. богъ огня. Противъ этого Крекъ указывалъ на форму Даждьбогъ (op. c., 391), но здѣсь возможно вліяніе народной этимологіи; важнѣе другое обстоятельство, что богъ въ этихъ composita можетъ обозначать не божество, а имѣть первоначальное значеніе—добра, богатства.

на солнце, какъ небесное свѣтило, Дождьбогъ обозначалъ его роль какъ покровителя земной жизни, человѣческаго рода, и потому пѣвецъ Игорева полка называетъ своихъ земляковъ Дажьбожьими внуками. Наконецъ Сварожичъ — огонь упоминается у восточныхъ Славянъ только въ позднѣйшей религіозной литературѣ; но параллельная традиція у Славянъ балтійскихъ указываетъ, что образъ этого божества сложился еще до христіанское время.

§ 196. Велесъ. Къ той сторонѣ солнечнаго культа, какая представлена Даждьбогомъ, приближается другой весьма чтимый богъ—Велесъ или Волосъ, „скотій богъ". Имя его неясно, традиція у другихъ славянскихъ группъ слаба[1]); въ лѣтописномъ перечисленіи кіевскихъ идоловъ онъ пропущенъ, но зато выступаетъ въ разсказѣ о присягѣ подъ 907 г. и въ договорѣ Святослава, вмѣстѣ съ Перуномъ[2]), а связанныя съ нимъ многочисленныя топографическія названія и упоминанія въ позднѣйшей традиціи указываютъ на его широкую популярность. Значеніе его объясняютъ намъ слова лѣтописи, что это былъ „скотій богъ", и это подтверждается тѣмъ фактомъ, что его христіанскій тезка св. Власій замѣнилъ его въ роли покровителя скота. Итакъ, это богъ богатства, благосостоянія (скотъ и деньги въ тѣ времена—синонимы), покровитель хозяйства, близко напоминающій Даждьбога. Обыкновенно думаютъ, что онъ былъ также солнечнымъ богомъ, указывая на аналогіи Аполлона и Марса въ такой двойной роли—божествъ солнца и покровителей скота. Это довольно правдоподобно, и разъ ужь имѣемъ одинъ дублетъ для

[1]) Указываютъ только у Чеховъ, но и то позднія и малозначущія реминисценціи, см. Крекъ[2] стр. 454. Впрочемъ нѣкоторые ученые хотѣли вычеркнуть Велеса изъ среды славянскихъ боговъ цѣликомъ, на томъ основаніи, что это христіанскій св. Власій, подобно тому какъ въ Святовитѣ видѣли паганизированнаго св. Вита. Защитѣ Велеса посвященъ у Крека[2] (стр. 446—473) пространный и основательный экскурсъ. Спеціальная статья о немъ Tobolka, Boh Veles.

[2]) Ипат., стр. 18 и 48. Слова: „бога скотья" въ этомъ договорѣ могутъ быть болѣе позднею глоссой, но во всякомъ случаѣ древней, такъ какъ она имѣется въ различныхъ версіяхъ лѣтописи.

обозначенія солнца, то можетъ быть и другой; но возможно и иное— что здѣсь до значенія первостепеннаго бога возвысился какой-либо низшій „демонъ“.

Въ словѣ о Полку Игоревѣ Боянъ называется „Велесовымъ внукомъ“, что можетъ указать на какую-то связь между Велесомъ и пѣснею, поэзіею; аналогія съ Аполлономъ такъ близка, что возбуждаетъ подозрѣніе въ простомъ заимствованіи здѣсь греческаго воззрѣнія и приспособленіи поэтомъ миѳа объ Аполлонѣ къ славянской миѳологической традиціи [1]).

§ 197. Вопросъ о дуализмѣ. Перечисленные образы— Перунъ, Хорсъ-Даждьбогъ, Велесъ, Сварожичъ—это „боги“ въ собственномъ значеніи этого слова. Слово *богъ* (санскр. bhága), богачъ, податель добра, зенд. baga — богъ [2]), дорійскій

---

[1]) Изъ другихъ предполагаемыхъ славянскихъ солнечныхъ божествъ упомяну о Турѣ—что-то въ родѣ греческаго Пріапа, какъ принимаютъ. См. о немъ спеціальное изслѣдованіе покойнаго Голубовскаго, Нѣсколько соображеній къ вопросу о кн. Турѣ (К. Старина, 1891, V) статья очень остроумная, но доказательства, приведенныя здѣсь, довольно слабы и неубѣдительны; въ частности о Туровой божницѣ интересное новое толкованіе даетъ ак. Шахматовъ въ статьѣ „Какъ назывался первый русскій св. мученикъ?“. Другой столь же сомнительный солнечный богъ—Ярило. Его, какъ и Тура, считаютъ образомъ лѣтняго расцвѣта творческихъ силъ природы подъ вліяніемъ солнца. Гипотеза объ Ярилѣ имѣемъ за себя народную традицію, главнымъ образомъ у Великороссовъ (см. впрочемъ Афанасьева, ор. с. III, стр. 728). Онъ соотвѣтствуетъ такимъ символамъ лѣтняго солнца, какъ Кострубъ, Купало; въ древнерусской традиціи не упоминается, какъ и они. Благодаря слабой индивидуализаціи русско-славянскихъ божествъ, провести точную границу, какъ это пытаются сдѣлать (напр. Махаль стр. 200 и слѣд.), между этими „моментами лѣтняго поворота солнца“ и дѣйствительными божествами, очень трудно. Но въ виду того, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ поздними (XVII—XIX в.) народными образами, изъ древнихъ источниковъ неизвѣстными, лучше не втискивать ихъ въ рядъ древнихъ миѳологическикихъ образовъ.

[2]) Этотъ славяно-иранскій параллелизмъ вызвалъ предположеніе, что славянское слово заимствовано при посредствѣ Скиѳовъ у Иранцевъ; см. Berneker Slav. etym. Wörterbuch, подъ словомъ богъ. Но вѣроятно корни этого культа идутъ глубже. См. Schroeder, Über die Glauben an ein höchstes gutes Wesen bei den Ariern (Wiener Zeitschhr. f. Kunde Morgenl. 1904).

Ζεὺς Βαγαῖος) обозначаетъ первоначально добро, благо (отсюда—богатый, богатство, збіже, въ отрицательной формѣ—*убогій*), затѣмъ — это благодѣтельная сила, податель добра. Слѣдовательно боги—это добрыя силы, расположенныя къ человѣческой жизни и счастью. Соотвѣтствовали ли имъ въ міровозрѣніи нашихъ предковъ силы темныя, существа враждебныя „жизни Даждьбожьяго внука", въ формѣ также особыхъ божествъ? Сколь-нибудь выработаннаго дуализма въ славянскомъ религіозномъ міровоззрѣніи мы не замѣчаемъ. И хотя среди низшихъ божескихъ существъ встрѣчаемъ опасныя для человѣка силы, но и онѣ только опасны, но не злы по существу, и на славянскомъ Олимпѣ нельзя указать съ достовѣрностью какихъ-либо представителей темнаго, злого принципа[1]). Съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ можно еще считать таковымъ Стрибога, выводя его имя изъ *стрити* уничтожать. слѣд. уничтожитель добра, богъ непогоды: въ Словѣ о Полку Игоря вѣтры называются „Стрибоговыми внуками". Но неизвѣстно, дѣйствительно ли этотъ Стрибогъ былъ вполнѣ враждебной силой, злымъ существомъ, а не простымъ олицетвореніемъ извѣстныхъ атмосферныхъ явленій.

§ 198. Теоморфизмъ и антропоморфизмъ. Выше перечисленные главные, верховные боги нашихъ предковъ, о которыхъ можно сказать что-либо достовѣрное (нѣкоторыя другія имена остаются совершенно неясными либо сомнительными)[2]) въ нашей традиціи

---

[1]) См. спеціальное изслѣдованіе Мочульскаго, О мнимомъ дуализмѣ у Славянъ, а также Крекъ[2], стр. 404, Махаль, op. c., стр. 36—8, Брикнеръ—Archiv f. Sl. Ph. V стр. 163, Нерингъ ibid. XXV.

[2]) О лѣтописномъ Семарьглѣ, напр., довольно распространено мнѣніе, что это библейскіе идолы Ἐργελ и Ἀσιμαθ (Царствъ IV, 17); Гедеоновъ видѣлъ здѣсь египетскаго Σεμ - Ἡρακλῆς. Новѣйшіе миѳологи считаютъ эти выводы сомнительными и не находятъ возможнымъ видѣть здѣсь какого-либо славянскаго бога. За то Виртъ (Geschichte Asiens с. 182 и др.) видитъ тутъ доказательство вавилонскихъ вліяній на славянскую культуру! Мокошь остается загадкой; въ церковной литературѣ этимъ словомъ пореводится греческое „μαλακία", „иже есть роучныи блудъ". См. Крекъ[2], стр. 405—6, Ягичъ въ Архивѣ, V, стр. 6—7. Кромѣ лѣтописи эти имена упоминаются еще въ упомянутыхъ выше позднѣйшихъ обличеніяхъ язычества (Тихонравовъ и Владиміровъ, op. c.).

являются въ извѣстной степени индивидуализированными или персонифицированными. На это прежде всего указываетъ существованіе такихъ отвлеченныхъ именъ, какъ Даждьбогъ, Стрибогъ, существованіе идоловъ и возможность такихъ поэтическихъ образовъ Слова о Полку Игоревѣ, какъ Даждьбоговъ внукъ, Велесовъ внукъ и т. п. Слѣдовательно существовали извѣстные элементы теоморфизма. Лѣтописное описаніе идола Перуна, а также разсказъ ибнъ-Фадлана указываютъ на начатки антропоморфизма: лѣтопись разсказываетъ, что при Владимирѣ поставленъ былъ въ Кіевѣ идолъ Перуна—деревянный съ серебряною головой и золотыми усами; ибнъ-Фадланъ разсказываетъ, что русскіе купцы молились предъ деревяннымъ идоломъ, съ вырѣзаннымъ лицомъ, похожимъ на человѣческое [1]). Но это были только слабые зачатки антропоморфизма, вообще же индивидуальность славянскихъ боговъ была еще весьма слабо развита. Мы напр. не находимъ никакихъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ слѣдовъ генеалогіи боговъ; глосса Кіевской лѣтописи, называющая солнце—Даждьбога сыномъ Сварога, подсказана по всей вѣроятности текстомъ хронографа, называющаго Геліоса сыномъ Гефеста. Авторъ Слова о Полку Игоревѣ, употребляя такія выраженія, какъ Даждьбоговъ внукъ, Велесовъ внукъ, Стрибоговы внуки, очевидно не влагаетъ въ нихъ никакого реальнаго содержанія, не исходитъ изъ какихъ-либо генеалогій, а даетъ только метафоры, поэтическіе образы близости къ человѣку того или другого божества, любимости его т. п. Важное значеніе съ этой точки зрѣнія имѣетъ для насъ отсутствіе богинь въ нашей миѳологіи: мы не можемъ указать съ достовѣрностью ни одной [2]). Очевидно, русско-славянскіе боги еще въ очень слабой степени персонфицировались и не утратили первоначальнаго натуралистическаго характера—силъ природы, метеорическихъ явленій.

§ 199. Низшія божества. Кромѣ главныхъ „боговъ“, древній Славянинъ видѣлъ въ природѣ вокругъ себя множество

---

[1]) Ипат., стр. 52. Гаркави, стр. 95.

[2]) Всякія Весны, Лады, Мораны и проч. основаны отчасти на недоразумѣніи, отчасти на очень ненадежныхъ извѣстіяхъ; сомнительна даже Жива, хотя опирается на словахъ Гельмольда—см. Крекъ [2], стр. 403 и въ особенности Брикнеръ, op. c.—Archiv, XIV, стр. стр. 164 и слѣд.

второстепенныхъ существъ. Не знаемъ, назывались ли они общимъ именемъ бѣсовъ—древнимъ славянскимъ словомъ, замѣняющимъ въ переводахъ греческое δαίμων, δαιμόνια, и впослѣдствіе, подъ вліяніемъ христіанства перешедшимъ въ обозначеніе злыхъ духовъ. Но каково бы ни было имя, самый фактъ существованія въ славянскомъ міровоззрѣніи такихъ низшихъ божествъ, сверхъестественныхъ существъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ вышеприведенномъ текстѣ Прокопія мы видѣли упоминаніе о „нимфахъ и нѣкоторыхъ другихъ божествахъ". Такими нимфами были юго-славянскія вилы и наши русалки, точнѣе одна только, собственная категорія русалокъ (такъ какъ подъ этимъ именемъ подразумѣвали впослѣдствіи не только водяныхъ нимфъ, но и утопленицъ и некрещенныхъ дѣтей,—мавокъ, навокъ, отъ навь—мертвецъ). Самое слово русалка—позднѣйшаго происхожденія, оно произошло отъ лат. rosalia и закрыло первоначальное имя; но вѣрованіе въ водяныхъ и лѣсныхъ нимфъ, несомнѣнно, восходитъ къ праславянскимъ временамъ [1]).

Разныя таинственныя существа жили въ болотахъ, лѣсахъ, горахъ, поляхъ. О почитаніи источниковъ, болотъ, рощъ—т. е. божествъ, жившихъ въ нихъ, упоминаютъ литературные памятники съ XI в. Митр. Іоаннъ упоминаетъ о тѣхъ „еже жруть бѣсомъ и болотомъ и кладеземъ". Церковный уставъ Владимира среди проступковъ перечисляетъ: „или кто молиться подъ овиномь или въ рощеньи, или у воды" [2]). До настоящаго времени сохрани-

---

[1]) Прежде выводили русалокъ то отъ рус-ло, то отъ ру-сый, но Миклошичъ (Sitzungsberichte вѣнской акад.наукъ, историко-фил. отд., т. XVI), а послѣ Томашекъ (ibid. т. LX), Веселовскій (Ж. М. Н. Пр. 1885, перепечатано въ Разысканіяхъ въ области русскаго духовнаго стиха, V), обратили вниманіе на латинскій весенній праздникъ rosalia (новогреческое ρουσάλια), приходящійся на время русальихъ праздниковъ у Славянъ, и подобно тому, какъ это произошло съ calendae, это названіе легко могло перейти въ славянскій каленарь, а потомъ и на самихъ водяныхъ нимфъ, которымъ было посвящено празднество—см. Крекъ [2] стр. 407, Махаль стр. 123.

[2]) Правила § 15, Уставъ—Чтенія кіевск. II стр. 66 (XIII в.); также у Тихонравова и Владиміровa ор. с. Въ томъ же духѣ дана характеристика Полянъ въ 1-й Новг. л.: „бяху же погани, жруще озеромъ и кладяземъ и рощениемъ, якоже прочіи погани", изъ книжнаго источника, очевидно.

лись въ народѣ образы водяника, водяного, живущаго въ водѣ, лисовика или полисуна, врус. лѣшаго въ лѣсу, и всякихъ вообще „дїдькiв“—домашнихъ, болотныхъ, лѣсныхъ, при всѣхъ позднѣйшихъ отличiяхъ ведущихъ свое начало изъ дохристiанскихъ временъ. Эти „дїдьки“, сидящiе въ болотѣ, въ дуплистыхъ деревьяхъ, въ старыхъ заброшенныхъ строенiяхъ, мельницахъ и т. п. заняли мѣсто древнихъ дохристiанскихъ „бѣсовъ“. Почитанiе источниковъ сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень живо [1]).

Существовали также разныя категорiи людей съ сверхъестественными свойствами. Таковы вовкулаки—люди могущiе превращаться въ волковъ. Упыри, выходящiе послѣ смерти изъ могилъ и высасывающiе кровь у людей. Сюда же въ извѣстной степени относятся волхвы—кудесники и новѣйшiе вѣдьмы и вѣдьмаки (отъ *вѣдати*, тоже что знахарь, знатокъ)—люди обладающiе магическимъ знанiемъ, влiяющимъ на явленiя природы, знающiе скрытое. Всѣ эти вѣрованiя принадлежатъ вполнѣ къ дохристiанскому мiровоззрѣнiю.

§ 200. Культъ. Благоволенiе высшихъ и низшихъ божествъ снискивалось молитвами, обѣтами и жертвоприношенiвми. Это было естественнымъ послѣдствiемъ теоморфической стадiи религiозныхъ воззрѣнiй, олицетворенiя естественныхъ силъ и явленiй, и зачатки этихъ формъ культа относится еще къ праиндоевропейскому времени [2]). Мы видѣли уже выше извѣстiе Прокопiя, что Славяне и Анты приносили жертвы верховнему богу и разнымъ низшимъ „демонамъ“ разнаго рода животныхъ и обѣщанiемъ жертвъ считали возможнымъ искупить свою душу въ крайней опасности. Константннъ Порфирородный разсказываетъ о жертвоприношенiяхъ русскихъ купцовъ на Днѣпровскомъ островѣ св. Георгiя (Хортицѣ): тамъ подъ особочтимымъ громаднымъ дубомъ приносили они въ жертву живыхъ птицъ, хлѣбъ, мясо и кто что имѣлъ; относительно птицъ бросался жребiй—зарѣзать ли ихъ, или пустить живыми. Ибнъ-Фадланъ разсказываетъ о молитвахъ и жертвахъ русскихъ купцовъ слѣдующее: купецъ, прiѣхавъ въ городъ, приноситъ идоламъ

---

[1]) О современномъ культѣ колодезей на Украинѣ см. замѣтку Литвиновой К. Старина 1884, IV.

[2]) Schrader, Sprachvergleichung [3] II, стр. 446 и слѣд., Reallexicon стр. 597.

всякаго рода пищу: хлѣбъ, мясо, молоко, напитки, и молитъ главнаго бога, чтобы онъ послалъ ему хорошій торгъ; если торговля идетъ плохо, купецъ повторяетъ свои жертвы, обращается за покровительствомъ къ меньшимъ идоламъ, съ подарками и поклонами; если же торгъ идетъ хорошо, онъ считаетъ своимъ долгомъ отблагодарить бога: убиваетъ нѣсколько штукъ скота, раздаетъ часть бѣднымъ, а остальное приноситъ въ жертву идоламъ, рвзвѣшивая головы убитыхъ животныхъ на вкопанныхъ вокругъ кольяхъ. Интересную молитву „Славянъ" (восточныхъ) приводитъ арабскій источникъ IX в. (у ибнъ-Русте и др.): во время жатвы, говоритъ онъ, берутъ просо въ ковшѣ, поднимаютъ къ небу и говорятъ: „Господи, дающій намъ пропитаніе, ущедри насъ имъ и теперь" [1])!

Какъ видимъ, Константинъ разсказываетъ, что Русь молилась и приносила жертвы подъ большимъ, спеціально почитаемымъ дубомъ. Спеціальное почитаніе деревьевъ, какъ священныхъ мѣстъ, гдѣ обитаетъ божество—явленіе общеизвѣстное у индоевропейскихъ народовъ; нѣтъ ничего удивительнаго, если и у Славянъ деревья замѣняли храмы или изображенія божествъ. Для молитвы, жертвъ, вообще культа обыкновенно служили тѣ мѣста, гдѣ человѣкъ особенно живо воспринималъ впечатлѣнія природы, чувствовалъ дуновеніе таинственной силы, проникающей ее и служившей настоящимъ предметомъ культа,—гдѣ онъ считалъ возможнымъ приблизиться къ этой таинственной силѣ какъ можно ближе. Въ картинѣ, нарисованной арабскимъ источникомъ, Славянинъ молится небу, подателю пищи, на полѣ, среди обстановки жатвы. Въ вышеприведенныхъ мѣстахъ Правила м. Іоанна или Владимирова устава онъ приноситъ жертвы таинственнымъ силамъ природы у источниковъ и болотъ, молится въ лѣсу либо у воды.

Но наряду съ такими нерукотворными святилищами видимъ и рукотворныя. Храмовъ, правда, у Славянъ не находимъ, кромѣ балтійскихъ (и то въ позднѣйшее время), но упоминаются идолы боговъ. Наиболѣе раннее извѣстіе для Руси имѣемъ подъ 945 г.: Игорь съ дружиною присягаетъ въ присутствіи греческихъ пословъ,—„иде на холъмы, кде стояше Перунъ". Потомъ, раз-

[1]) Константинъ, De adm., 9. Гаркави, с. 95. Ибнъ-Русте въ изд. Хвольсона, стр. 30—1, тоже у Кардизія.

сказывая о Владимирѣ, лѣтопись говоритъ, что онъ поставилъ въ Кіевѣ на горѣ, возлѣ княжьяго двора, идолы Перуна, Даждьбога, Стрибога и др.; что Добрыня, посланный Владимиромъ въ качествѣ намѣстника въ Новгородъ, поставилъ тамъ надъ р. Волховымъ идолъ Перуна. Иларіонъ и монахъ Іаковъ, говоря о заслугахъ Владимира для христіанства, также упоминаютъ объ уничтоженныхъ языческихъ идолахъ и капищахъ (жертвенныхъ мѣстахъ) на Руси. Іаковъ говоритъ даже о „храмахъ идольскихъ", но это единственное въ своемъ родѣ извѣстіе вѣроятно только риторическая фраза [1]). Много нашумѣлъ въ недавнее время слухъ объ открытіи стараго капища у княжьяго двора въ Кіевѣ, подъ холмомъ Десятинной церкви; однако нельзя опредѣленно сказать, была ли это куча камней (открытая и потомъ снова засыпанная) [2]) вообще какимъ либо сооруженіемъ,—тѣмъ менѣе можно говорить о ея назначеніи.

Слова лѣтописи, повѣствующей, какъ Владиміръ ставилъ идолы, наводили на предположеніе, что эти идолы были новостью на Руси, что Владимиръ только начиналъ вводить эту форму культа подъ чужимъ вліяніемъ (поморскимъ или варяжскимъ). Но такой взглядъ несостоятеленъ; лѣтописный разсказъ имѣетъ спеціальную цѣль—представить контрастъ его языческаго безбожія и христіанскаго благочестія, и съ этой цѣлью подчеркиваетъ его преданность языческому культу. Другія произведенія XI в., говоря о Владимирѣ, ничего не знаютъ о какихъ либо спеціальныхъ мѣропріятіяхъ для подъема язычества. Впрочемъ идолъ Перуна видимъ мы еще во времена Игоря; о русскихъ идолахъ упоминаетъ и ибнъ-Фадланъ. Конечно, это могли быть первые зачатки высшей стадіи языческаго культа—почитанія боговъ въ видѣ антропоморфическихъ образовъ; возможно, что эти идолы появлялись только въ крупныхъ центрахъ тогдашней жизни, въ

---

[1]) Ипат. стр. 33—4, 52—3. Иларіонъ въ Чтеніяхъ кіевск., стр. 55, ср. 52—3. Іаковъ ibid., стр. 20 – 21. Интересенъ анализъ лѣтописныхъ текстовъ о языческомъ культѣ у Рожнецкаго, стр. 503 и слѣд. Основные тексты и добавленія лѣтописи имѣютъ однако здѣсь одинаковую цѣнность, такъ какъ восходятъ болѣе или менѣе къ одному и тому же времени.

[2]) Модель ея въ кіевскомъ городскомъ музеѣ; настолько она точна—не констатировано.

то время какъ народная масса могла оставаться при старыхъ жертвоприношеніяхъ и молитвахъ у деревьевъ и источниковъ. Можно при желаніи усмотрѣть здѣсь и слѣды норманскаго вліянія, но очевидно какой нибудь послѣдней новостью, занесенной на Русь за нѣсколько лѣтъ до ея крещенія, появленіе идоловъ считать трудно.

§ 201. **Вопросъ о человѣческихъ жертвахъ.** Лѣтопись, разсказывая о всяческихъ ужасахъ безбожія передъ крещеніемъ Владимира, говоритъ что въ Кіевѣ приносили тогда въ жертву людей. Общее упоминаніе ея имѣетъ небольшую цѣнность: „и жряху имъ (этимъ Владимировымъ идоламъ), наричуще я богы, и привожаху сыны своя и дъщеры, и оскверняху землю требами (жертвами) своими, и осквѣрнися кровьми земля Русская и холмъ-тъ“. Отсюда могло бы вытекать, что Кіевляне приносили въ жертву богамъ своихъ дѣтей („привожаху“—очевидно для жертвы): но весь текстъ взятъ изъ св. Писанія и могъ быть употребленъ риторически безъ всякаго реальнаго значенія [1]). Точно также сомнительны подобныя же выраженія у Иларіона [2]). Важнѣе были бы конкретные факты. Одинъ такой фактъ приводитъ лѣтопись: Владимиръ, возвратившись изъ счастливаго похода на Ятвяговъ, со своей дружиной „творяше требу“ (приносилъ жертвы), но „старци и бояре“ рѣшили ознаменовать удачный походъ болѣе значительною жертвою: бросить жребій на отрока и дѣвицу и принесть ихъ въ жертву богамъ. Жребій палъ на сына Варяга-христіанина, и тотъ не только не выдалъ сына на жертву, но и поносилъ при этомъ языческихъ боговъ; масса народа бросились на его дворъ, разрушила домъ и убила его вмѣстѣ съ сыномъ [3]). Разсказъ опирается на мѣстной традиціи и потому въ основѣ своей заслуживаетъ довѣрія, но можетъ быть вопросъ въ томъ, точно ли переданъ этотъ эпизодъ жертвоприношенія: не было ли здѣсь первоначально только воспоминанія объ убіеніи Варяга за поно-

---

[1]) Ипат., стр. 52, ср. 61—2.

[2]) „Уже не закалаемъ бѣсомъ другъ друга, но Христосъ за ны закалаемъ бываетъ“, стр. 52. Тутъ общая картина перехода языческаго міра къ христіанству, слѣдовательно детали ея нельзя считать непремѣнно мѣстными.

[3]) Ипат., стр. 54—5.

шеніе языческихъ боговъ и не явилось ли отсюда жертвоприношеніе лишь въ результатѣ литературной обработки, подъ вліяніемъ книжныхъ образцовъ?

Кромѣ лѣтописи о человѣческихъ жертвахъ разсказываетъ арабскій источникъ и Левъ Діаконъ. Ибнъ-Русте говоритъ: у Руси есть знахари, имѣющіе большое вліяніе на князя; что скажутъ они принесть въ жертву богу, то должно быть принесено; „знахарь беретъ человѣка или животное, набрасываетъ ему на шею петлю, вѣшаетъ жертву на дерево и ждетъ, пока она задохнется, тогда говоритъ: вотъ жертва богу“ [1]). Это извѣстіе имѣетъ однако ту слабую сторону, что весьма близкій къ нему разсказъ находимъ у ибнъ-Фадлана о Болгарахъ [2]), вслѣдствіе чего возникаетъ вопросъ, не приложено ли оно къ Руси по недоразумѣнію? Левъ Діаконъ разсказываетъ, что Русь въ Доростолѣ, сожигая своихъ покойниковъ, „приносила за умершихъ жертвы: топила въ Дунаѣ дѣтей и пѣтуховъ, бросая ихъ въ рѣку“. Но и здѣсь является сомнѣніе, не ошибался ли Левъ относительно этихъ жертвоприношеній дѣтей за умершихъ? Аналогичныхъ жертвъ за умершихъ мы болѣе нигдѣ въ нашихъ источникахъ не встрѣчаемъ. Въ концѣ концовъ существованіе на Руси IX—X в. обычая приносить въ извѣстныхъ, болѣе важныхъ случаяхъ человѣческія жертвы кажется мнѣ все таки сомнительнымъ, хотя существованіе человѣческихъ жертвъ въ болѣе отдаленномъ индоевропейскомъ прошломъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію [3]).

§ 202. Магическое знаніе. Интересно, что въ вышеприведенныхъ разсказахъ лѣтописи о присягѣ, приносимой передъ Перуномъ, о жертвоприношеніяхъ богамъ и т. п. нигдѣ не выступаетъ особый классъ жрецовъ. Вообще они нигдѣ не упоминаются на Руси, какъ и у другихъ Славянъ (кромѣ позднѣйшихъ балтійскихъ, съ ихъ значительно болѣе развитымъ языческимъ культомъ), и можно

---

[1]) Стр. 38, также у Кардизи.

[2]) „Когда они видятъ человѣка расторопнаго и сообразительнаго, то говорятъ: этому человѣку надлежало бы служить богу, и для этого ловятъ его, набрасываютъ ему на шею петлю и вѣшаютъ на деревѣ, пока не распадется“, см. изд. Гаркави, стр. 91.

[3]) Ср. Шрадера Reallexicon, Opfer, также цитированную работу Рожнецкаго, 1. с.

съ полной увѣренностью сказать, что ихъ у насъ не было. И это вполнѣ естественно при тѣхъ слабо разработанныхъ формахъ религіи и культа, какія мы констатировали. Публичныя жертвы, отъ имени государства или народа, приноситъ князь или представители общины—бояре и старцы вышеприведеннаго разсказа лѣтописи. Частныя жертвы и молитвы приноситъ каждый за себя или за свою семью, какъ напр. въ разсказѣ ибнъ-Фадлана о русскихъ купцахъ. Роль главы семьи, какъ представителя ея передъ богами, иллюстрируютъ современные, христіанизированные уже обряды—напр. во время ритуальной рождественской вечери, когда отецъ или другой старшій въ семьѣ совершаетъ молитву и различныя религіозныя церемоніи при благоговѣйномъ, молчаливомъ соучастіи домочадцевъ.

При всемъ томъ, если не было особаго класса жрецовъ, то были всеже люди, считавшіе себя и считавшіеся спеціалистами въ различнаго рода религіозныхъ вопросхъ. Это были именно упомянутые выше волхвы, маги-вѣдуны, извѣстные еще со временъ пра-индоевропейскихъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Съ такими „волхвами-кудесниками" (чудотворцами) знакомятъ насъ наши источники. Вѣщій Олегъ, говоритъ легенда, спросилъ волхвовъ, отъ чего онъ умретъ, и волхвы прорекли, что смерть приметъ онъ отъ своего коня: Олегъ оставилъ коня, но все таки умеръ, по словамъ легенды, отъ укушенія змѣи, вылѣзшей изъ черепа издохшаго уже коня. Съ такими волхвами совѣтывалась въ Полоцкой землѣ, уже послѣ крещенія Руси, мать извѣстнаго Всеслава относительно своего сына, родившагося съ „язвеномъ" на головѣ: волхвы посовѣтовали, чтобы онъ носилъ это язвено на себѣ, и вслѣдствіе того онъ былъ „немилостивъ на кровопролитье". Въ Кіевѣ, уже во 2-й пол. XI в. проявился волхвъ, разсказывавшій, что ему явилось пять боговъ и предрекли большія перемѣны на свѣтѣ, и т. под. [1])

Эти волхвы, предки позднѣйшихъ вѣдуновъ—чародѣевъ и вѣдьмъ, обладаютъ сверхчеловѣческимъ знаніемъ тайнаго, сокровеннаго, вслѣдствіе чего они „вѣщии" (или „вѣдущии"). Они, очевидно, лучше чѣмъ кто либо могли знать то, чего никто не могъ знать,—какъ повліять на таинственныя силы природы, прі-

[1]) Ипатск., стр. 23, 109, 127.

обрѣсть ихъ расположеніе и отвратить бѣду. Но и ихъ магическія средства ограничены; первобытныя вѣрованія во всемогущество магическихъ средствъ уступили болѣе новымъ идеямъ о непреложности божественнаго „суда“. Волхвы не могутъ противостать непреодолимому вліянію рока. Олега звали люди „вѣщимъ“, но волхвы угадали грозящую ему смерть отъ коня, и всѣ старанія избѣгнуть ея были напрасны. И вѣщій Всеславъ, хотя былъ кудесникомъ, но и онъ „часто бѣды страдаше“...

§ 203. Фатализмъ. Мы видѣли выше извѣстіе Прокопія, что Славяне и Анты не признавали рока. Повидимому, Прокопій исходилъ здѣсь изъ того отмѣченнаго имъ факта, что Славяне и Анты считали возможнымъ посредствомъ жертвъ и обѣтовъ избавиться отъ бѣдствія или смерти, слѣдовательно не признавали какой-либо непреложной силы судьбы, а подчиняли ее свободному божьему изволенію. Но если не рокъ, то послѣднее господствуетъ надъ человѣкомъ всевластно и не можетъ быть ничѣмъ отвращено. Вѣщій Боянъ, стоявшій, повидимому, еще вполнѣ на почвѣ языческаго міровоззрѣнія, выразилъ это въ афоризмѣ:

Ни хытру, ни горазду
Ни птичю горазду
Суда божия не минути... (Слово о полку Иг. XI).

Волю божью изображаетъ онъ, соотвѣтственно народнымъ воззрѣніямъ, въ видѣ суда, приговора. „Прійти на судъ“ значитъ умереть, подпасть послѣднему рѣшенію. Тоже видимъ и въ народномъ языкѣ: дѣвушка выходитъ за „суженаго“ ей рокомъ или богомъ. У Украинцевъ и у Великороссовъ, у южныхъ и западныхъ Славянъ, еще свѣжи вѣрованія въ судильницъ, судинушекъ, сужденицъ, судичекъ, правящихъ человѣческой жизнью. Съ ними сближаютъ „рода и рожаницу“, извѣстныхъ въ восточнославянской книжной литературѣ XII в.: каноническія записки Кирика упоминаютъ о людяхъ „крающихъ хлѣбъ, сыръ и медъ роду и рожаницѣ (рожяница)“ и „пьющихъ въ честь рожаницы“ [1]). Судя по названію, тутъ нужно видѣть судьбу прирожденную, въ противоположность южнославянской случайной „встрѣчѣ“ (срѣча). Каждый имѣетъ свою долю, олицетворенную въ особомъ

[1]) Русская ист. библіотека VI, стр. 31, Тихонравовъ l. c. стр. 89—90, 92; 94 и др.

существѣ, и эти доли предназначаются богомъ либо особенной высшею силою („Усудъ“ сербскихъ сказокъ [1]).

Персонифицируются равнымъ образомъ и такія идеи, какъ Лихо, Злыдни (нищета)—начало этого видимъ уже въ Словѣ о полку Игоревѣ въ образахъ Обиды, Нужды: но эти образы еще не облеклись такъ сказать костьми и плотью конкретныхъ существъ: это нѣчто среднее еще между поэтическимъ образомъ и реальнымъ существомъ. А „родъ“ и „рожаница“, совмѣщая въ себѣ идею судьбы съ идеей опекуновъ, покровителей рода, подаютъ уже руку культу предковъ—умершихъ.

§ 204. Идеи загробной жизни. По вѣрованіямъ Славянъ и въ частности Руси жизнь человѣка не оканчивается со смертью. Объ этомъ имѣемъ и непосредственныя литературныя извѣстія, а еще больше косвенныхъ. Русь, присягая при заключеніи договора 944 г., на случай несоблюденія договора заклинала себя между прочимъ, „да будуть раби в сий вѣкъ и въ будущий“ [2]). Это заклятье, хотя по стилизаціи договора вложено въ уста христіанской Руси, составлено очевидно сообразно взглядамъ Руси языческой. Подробнѣе развиваетъ ея взгляды Левъ Діаконъ. Русь, говоритъ онъ, никогда не отдается въ плѣнъ, они скорѣе сами себя убиваютъ, такъ какъ вѣрятъ, что убитые врагами на войнѣ служатъ на томъ свѣтѣ своимъ убійцамъ; боясь такого рабства, они сами себя убиваютъ, не желая служить тѣмъ, кто ихъ убьетъ [3]). Для насъ въ этомъ разсказѣ важно вѣрованіе въ загробную жизнь, хотя Левъ, несомнѣнно, тутъ кое-что напуталъ: Русь, очевидно, вѣрила, что бывшіе рабами въ этой жизни, будутъ ра-

---

[1]) Важнѣйшая литература: Срезневскій, Роженицы у Славянъ и другихъ языческихъ народовъ. Valjavec, O Rodjenicach ili Sudjenicach (Književnik, II). Аѳанасьевъ, ор. с. III, гл. XXV. Потебня, О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ, Труды моск. археол. общ. т. I. Крекъ[2], стр. 408—9. Krauss, Sreća, Glück und Schicksal im Volksglauben der Südslaven, 1886. Веселовскій, Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, V (Сборникъ II отд. петерб. акад. т. 46). Machal, гл. V. Гальковскій Миѳологическій элементъ—II. Усудъ (Филол. Зап. 1900—1). Сонни, Горе и Доля въ народныхъ сказкахъ (Eranos 1906). Тексты о роженицахъ—Матеріалы для словаря Срезневскаго.

[2]) Ипатск., ст. 33. [3]) IX, 8.

бами и по смерти, и потому не отдавалась въ неволю. Въ разсказѣ ибнъ-Фадлана о погребенiи русскаго купца, одинъ изъ присутствующихъ выражаетъ убѣжденiе, что покойникъ, по сожженiи его тѣла, переходитъ прямо въ рай, а убиваемая на его похоронахъ дѣвушка въ экстазѣ видитъ своихъ родственниковъ и своего покойнаго господина „въ прекрасномъ зеленомъ саду" (раю) и слышитъ какъ онъ зоветъ ее къ себѣ [1]).

Существованiе вѣры въ загробную жизнь подтверждаютъ и такiе факты, какъ обычай снабжать мертвеца при погребенiи всякаго рода вещами, которыя были нужны ему при жизни, и могутъ понадобится при ея загробномъ продолженiи [2]), какъ культъ духовъ предковъ, убѣжденiе, что мертвецы могутъ появляться среди живыхъ, а душа человѣческая въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ перейти въ растенiе либо звѣря,—вѣрованiя, сохранившiяся въ нашей народной словесности и доселѣ. Такъ какъ погребальные обряды очень хорошо иллюстрируютъ эти вѣрованiя, мы приведемъ тутъ извѣстiя о нихъ, тѣмъ болѣе, что наши свѣдѣнiя объ этихъ обрядахъ составляютъ исключительно богатую страницу культурной исторiи нашихъ предковъ, благодаря тому, что мы кромѣ многочисленныхъ письменныхъ извѣстiй располагаемъ еще и обильнымъ археологическимъ матерiаломъ [3]).

---

[1]) Гаркави, стр. 99.

[2]) Кромѣ этого соображенiя въ основанiи этого обычая лежитъ, вѣроятно, и другое, вытекающее изъ идеи магической силы: тотъ кто завладѣлъ бы вещами мертвеца, получилъ бы тѣмъ самымъ могическую силу надъ нимъ самимъ (по принципу, что владѣнiе частью даетъ власть надъ цѣлымъ); по этому пiетизмъ къ покойнику требуетъ, чтобы ближайшiе предметы его обихода были уничтожены, изъяты изъ употребленiя—дабы покойникъ не могъ подвергнуться такой страшной опасности.

[3]) Главнымъ трудомъ по этому вопросу является написанная сорокъ лѣтъ тому назадъ монографiя А. Котляревскаго, О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ, 1868, перепечатанная въ III т. его собранiя сочиненiй (Сборникъ II отд. спб. академiи, т. XLIX, 1891). Выдающiяся достоинства этой работы и богатый собранный въ ней фактическiй матерiалъ были причиною того, что послѣ нея славянскiй погребальный ритуалъ мало обращалъ на себя вниманiе изслѣдователей. Однако работу Котляревскаго необходимо дополнить новѣйшимъ археологическимъ матерiаломъ (въ то время почти не существовавшимъ). Наиболѣе

§ 205. Погребальный обрядъ. Разсказъ ибнъ-Фадлана. Богатствомъ содержанія обращаетъ на себя вниманіе прежде всего разсказъ ибнъ-Фадлана [1]). Онъ присутствовалъ при погребеніи богатаго русскаго купца въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ (Итилѣ либо Болгарѣ) въ 922 г. и описываетъ это погребеніе такимъ образомъ. Покойника временно положили въ могилу и поставили возлѣ него напитокъ (по всей вѣроятности—медъ), фрукты и гусли (или вообще струнный инструментъ), а сами занялись приготовленіемъ для него одежды и всего необходимаго. Это продолжалось десять дней. Имущество покойнаго „по обыкновенію" раздѣлили на три части: треть даютъ семьѣ, треть употребляютъ на приготовленіе одежды покойнику, треть на напитки, которые пьютъ во время похоронъ. Спросили дѣвушекъ, рабынь покойнаго, кто изъ нихъ хочетъ быть погребенной съ нимъ; одна вызвалась и ее съ тѣхъ поръ зорко стерегли, а дѣвушка во всѣ эти дни пила и веселилась.

важные публикаціи изслѣдованій могилъ указаны выше, стр. 298. См. также: Яроцкій, Краткій отчетъ о раскопкѣ кургановъ Рѣчицкаго могильника (возлѣ Овруча)—Труды об—ства изслѣдователей Волыни, I; его же, Могильники по среднему теченію р. Уборти—Археологическая Лѣтоп. Южн. Р. 1903, тамъ же на стр. 329 краткій рефератъ его же о раскопкахъ на водораздѣлѣ Уши и Уборти. Еременко, Раскопки кургановъ Новозыбковскаго уѣзда—Труды отд. слав. археол. т. I. Самоквасовъ, Сѣверянскіе курганы—Труды XI съѣзда т. I. Бобринскій II, стр. 179. Сперанскій, Раскопки кургановъ въ Рыльскомъ уѣздѣ—Археолог. извѣстія и замѣтки, 1894; Дневники раскопокъ Антоновича въ окр. Любеча—въ трудахъ Черниговск. предвар. комитета. Объ изслѣдованіяхъ на дреговичской территоріи—А. Грушевскій, Пинское Полѣсье, I, стр. 4 и слѣд. Общія характеристики у Спицына, Обозрѣніе губерній въ археолог. отношеніи (Труды отд. слав. археол. т. I, II, IV) и Разселеніе древнерускихъ племенъ по археологическимъ даннымъ (Ж. М. Н. Пр. 1899, VIII). О пережиткахъ древняго похороннаго обряда въ современномъ быту —Ящуржинскій, Остатки языческихъ обрядовъ сохранившіеся въ малорускомъ погребеніи („Кіевск. Стар". 1890, I).

[1]) Повторяю сказанное выше (с. 331) по поводу скептическихъ замѣчаній относительно принадлежности этого разсказа къ Славянской Руси (Замѣтки о Русахъ ибнъ-Фадлана и другихъ арабскихъ писателей, Ж. М. Н. Пр. 1881, VIII, Спицынъ, ор. с.): изъ круга матеріаловъ о славянской Руси во всякомъ случаѣ исключить этотъ разсказъ невозможно, какъ и другія арабскія извѣстія о Руси IX—X в.

Въ день погребенія вытащили лодку на берегъ, подперли ее, чтобы не упала, а вокругъ поставили идоловъ въ формѣ людей. На лодку поставили скамью, застлали ее коврами, греческими шелками и обложили шелковыми подушками, а вверху поставили балдахинъ. Все это дѣлала старуха, присматривавшая за всѣми погребальными приготовленіями, она же убиваетъ дѣвушку; зовутъ ее „ангеломъ смерти“. Покойника одѣли какъ можно богаче: въ парчевый кафтанъ съ золотыми пуговицами, на голову надѣли соболью шапку съ золотымъ верхомъ, посадили подъ балдахиномъ на скамьѣ и подперли подушками; возлѣ поставили напитокъ, фрукты, душистыя растенія и оружіе покойнаго; разрубили собаку и куски ея положили также возлѣ него; тоже сдѣлали съ двумя конями, сначала погонявши ихъ передъ нимъ, съ двумя коровами, пѣтухомъ и курицею.

Потомъ пришелъ чередъ дѣвушки. Ее поднимали трижды къ чему то, что Арабу показалось похожимъ на дверный карнизъ,—можетъ быть надъ колодцемъ. Она видѣла тамъ, въ экстазѣ, а можетъ быть и въ галлюцинаціи опьяненія, покойниковъ—своихъ родителей и родственниковъ и своего господина: „сидитъ онъ въ саду, а садъ прекрасный, зеленый; съ нимъ тамъ мужчины и юноши, онъ зоветъ меня, ведите же меня къ нему“, передаетъ слова дѣвушки ибнъ-Фадланъ. Тогда ее повели къ лодкѣ покойника; она раздала свои украшенія прислужницамъ и съ кубкомъ въ рукахъ, пѣснями прощалась съ жизнью; послѣ того ее увели подъ балдахинъ и тамъ ее задушили, а кромѣ того старуха—устроительница похоронъ проколола ее еще ножемъ.

Между тѣмъ подъ лодку подложены дрова. Старшій родичъ покойника поджегъ теперь ихъ, и другіе также стали послѣ него бросать зажженныя щепки. Въ одинъ часъ все сгорѣло. Тогда на томъ мѣстѣ насыпали могилу, посерединѣ ея поставили деревянный столбъ и написали на немъ имена покойника и его князя.

Одинъ изъ присутствовавшай Руси во время церемоніи сожженія сказалъ ибнъ-Фадлану: „вы, Арабы, глупы, если бросаете самаго дорогого и уважаемаго у васъ человѣка въ землю, гдѣ его ѣдятъ гады и черви! вотъ мы сожигаемъ его въ одно мгновеніе, и онъ тотчасъ же идетъ въ рай“.

Въ этомъ разсказѣ интересны упоминанія о загробной жизни

умершихъ въ раю. „въ прекрасномъ зеленомъ саду“, послѣ того какъ тѣла ихъ погибли. На вѣру въ загробное существованіе указываютъ также и всѣ подробности погребенія: покойникъ переходитъ на тотъ свѣтъ со всѣмъ инвентаремъ: лодкой, лошадьми, скотомъ, питьемъ и пищей, даже съ женой. Значеніе этого эпизода, какъ онъ описанъ ибнъ-Фадланомъ, объясняютъ слова Масуди: „когда умретъ мужчина, то вмѣстѣ съ нимъ сожигаютъ его жену: когда умретъ женщина, то мужа не сожигаютъ; а если умретъ не женатый, то его женятъ послѣ смерти“ [1]). У ибнъ-Фадлана, очевидно, описывается такая женитьба послѣ смерти.

§ 206. Данныя раскопокъ объ обрядѣ сожженія. Описанный ибнъ-Фадланомъ похоронный обрядъ подтверждается особенно живо раскопками черниговскихъ могилъ. Вотъ какъ представляется на основаніи ихъ мѣстный похоронный ритуалъ: дѣлалось земляное возвышеніе (такъ наз. „точокъ“), на немъ раскладывался большой костеръ дровъ, скрѣпленный желѣзными гвоздями: на костеръ клали покойника и возлѣ него оружіе, различныя вещи его обихода, зерно, домашнихъ животныхъ; въ нѣкоторомъ разстояніи клали трупъ жены: костеръ зажигали и послѣ сожженія засыпали землей [2]).

Это были похороны людей богатыхъ, аристократовъ, въ значительной части, вѣроятно, пришлыхъ Варяговъ. Но похороны обыкновенные, туземные, описанные въ арабскомъ источникѣ IX в. отличаются отъ нихъ лишь меньшими размѣрами и меньшимъ великолѣпіемъ. Славяне покойниковъ сожигаютъ, говорятъ ибнъ-Русте и Кардизи,—женщины въ знакъ горя раздираютъ себѣ ножемъ лицо и руки: а если кто изъ женъ покойнаго изъ особенной любви къ нему захочетъ умереть съ нимъ, ее вѣшаютъ возлѣ трупа покойника и также сожигаютъ: на другой день послѣ сожженія покойника идутъ къ костру, собираютъ пепелъ, складываютъ въ сосудъ и ставятъ на холмѣ: по истеченіи года собирается туда семья покойнаго, приносятъ кружекъ двадцать меду, ѣдятъ, пьютъ и послѣ этого расходятся. Тоже самое разсказываетъ и Повѣсть о Сѣверянахъ, Радимичахъ, Вятичахъ и Кривичахъ: „аще кто умряше, творяху трызну надъ нимъ и по

---

[1]) Гаркави стр. 129.
[2]) Труды III съѣзда, I, стр. 205—6.

семъ творяху краду велику (костеръ), и възложатъ на кладу мертвѣца, и съжигаху, у по семъ събравше кости, вложаху въ ссудъ малъ и поставляху на столпѣ“ [1]). Дѣйствительно, въ Сѣверщинѣ, наряду съ грандіозными аристократическими могилами, встрѣчаются погребенія болѣе обычные, гдѣ на „точкѣ“ помѣщается сосудъ съ остатками покойника и мелкихъ животныхъ, сожженныхъ, очевидно, въ иномъ мѣстѣ и послѣ уже сложенныхъ въ этотъ сосудъ, и затѣмъ этотъ горшокъ засыпанъ землей [2]). Подобныя же погребенія найдены и на Волыни; широко распространенъ такой типъ погребенія и въ землѣ Кривичей и др.

§ 207. Погребеніе. Въ вышеприведенномъ разсказѣ ибнъ-Фадлана Русинъ смѣется надъ Арабами, что они погребаютъ въ землѣ своихъ покойниковъ. Между тѣмъ у самой Руси былъ другой похоронный типъ—погребеніе въ землѣ, и то какъ разъ у Руси κατ᾽ἐξοχήν—Полянъ, а также у Древлянъ, Дреговичей, отчасти и у Сѣверянъ. Повѣсть, укоряя другія племена въ нечестивомъ обрядѣ сожженія, не упоминаетъ о погребальномъ обрядѣ Славянъ на правомъ берегу Днѣпра, очевидно потому именно, что практиковавшееся здѣсь погребеніе мертвеца въ землѣ болѣе приближалось къ позднѣйшему христіанскому обряду. Изслѣдованія послѣднихъ десятилѣтій познакомили насъ съ нимъ довольно подробно. Замѣтны въ немъ отличія и варіанты, часто въ одной и той же мѣстности, въ могилахъ одного и того же поселенія; но можно отмѣтить и нѣкоторыя общія черты, популярныя въ той или другой области или извѣстномъ поселеніи. Въ правобережной Украинѣ—въ порѣчьяхъ Тетерева, Случи, Горыни мертвеца чаще всего хоронятъ въ ямѣ, рѣже кладутъ на поверхности земли или на возвышеніи изъ земли; за Припетью, напротивъ, преобладаетъ погребеніе на поверхности земли [3]). До-

---

[1]) Котляревскій (О погребальныхъ обычаяхъ—собр. соч. III, стр. 124 —6) толковалъ это выраженіе въ связи съ санскр. stûp—какъ холмъ, могила.

[2]) Труды III съѣзда I, стр. 206, Антоновича цит. дневникъ.

[3]) Въ порѣчьи Тетерева Антоновичъ констатировалъ изъ 282 могилъ 164 погребенія въ ямѣ, 70 на поверхности земли, 48 на возвышеніи. Въ порѣчьяхъ Горыни и Случи г-жа Мельникъ на 252 могилы нашла 164 случая погребенія въ ямѣ, 54 на поверхно-

вольно часто при этомъ встрѣчаются остатки огня: на приготовленномъ для погребенія мѣстѣ разводили сначала огонь — быть можетъ для ритуальнаго очищенія могилы огнемъ, и покойника клали на кострище, либо обсыпали пепломъ [1]). Иногда дно могилы посыпали пепломъ, бѣлой глиной или другой подсыпкой. Покойника клали либо прямо на эту подсыпку и обкладывали брусьями, либо возводили надъ нимъ деревянный срубъ; иногда дѣлали помостъ, на которомъ клали покойника и затѣмъ задѣлывали его въ срубъ. Встрѣчаются погребенія и въ гробу. Гробъ имѣетъ различныя формы. Иногда это выдолбленная въ серединѣ (либо выжженная огнемъ) колода, либо двѣ колоды—одна въ качествѣ гроба, другая—въ качествѣ крышки; иногда нѣчто похожее на гробъ сколачивается изъ брусьевъ желѣзными гвоздями; либо наконецъ дѣлаютъ гробъ изъ досокъ. Такіе гробы незамѣтно переходятъ затѣмъ въ формы гроба, принятыя въ христіанское время, такъ что не всегда даже ихъ можно отличить.

Покойника хоронили одѣтымъ въ полный костюмъ и обыкновенно клали съ нимъ различные предметы хозяйственнаго обихода: ножъ, огниво, кремни для высѣканія огня, желѣзныя орудія, деревянную и глиняную посуду, иногда съ явственными слѣдами пищи; но вещей вообще немного и обстановка обыкновенно довольно бѣдная. Обычно въ могилѣ лежитъ только одинъ покойникъ. Лицемъ онъ обращенъ къ востоку, головой на западъ. Надъ нимъ насыпали курганъ—обыкновенно сравнительно небольшой, $1^1/_2$—2 метра высоты [2]). Въ насыпи довольно часто встрѣчаются слѣды пепла—остатки костра, и можно замѣтить, что могила была насыпана не сразу, а въ нѣсколько пріемовъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Вѣроятно поминки по покойникѣ соединялись съ досыпаніемъ могилы.

сти земли, 33 на возвышеніи. За Припетью погребеніе на поверхности даетъ 70%, при чемъ чѣмъ далѣе отъ Припети, тѣмъ болѣе преобладаетъ этотъ типъ. Въ южной Сѣверщинѣ преобладаетъ погребеніе въ ямѣ, въ сѣверной—на поверхности земли.

[1]) Объ этомъ обрядѣ и его современныхъ пережиткахъ (сжиганіи свято-ивановской травы при погребеніи и т. п.) см. въ Трудахъ XI съѣзда, т. II, стр. 128.

[2]) Невысокія насыпи и бѣдный инвентарь могилъ рѣзко отличаютъ эти похороны отъ могилъ такъ наз. скиѳской эпохи.

Изъ литературныхъ источниковъ любопытное извѣстіе находимъ у ибнъ-Русте и др. У „Славянъ“, какъ уже мы видѣли, этотъ источникъ констатируетъ сожженіе мертвецовъ; у Руси—погребеніе въ землѣ: „когда умретъ кто нибудь изъ знатныхъ, роютъ ему могилу величиной съ большой домъ, кладутъ его туда и вмѣстѣ съ нимъ одежду и золотые браслеты, которые онъ носилъ, ставятъ много съѣстныхъ припасовъ, сосуды съ напитками и деньги, наконецъ живой кладутъ въ могилу любимую жену покойнаго; выходъ изъ могилы закладываютъ, и женщина умираетъ въ заперти“. Должно однако замѣтить, что этотъ разсказъ внушаетъ нѣкоторыя подозрѣнія своей близостью къ разсказу Масуди о Болгарахъ [1]).

Наша лѣтопись говоритъ только о языческомъ обычаѣ насыпать могилу надъ покойникомъ и сообщаетъ нѣкоторыя подробности о тризнѣ на могилѣ. Когда Ольга заявила свое желаніе устроить тризну надъ могилою своего мужа, Древляне „слышавше, свезоша меды многы зѣло“. Ольга поплакала надъ гробомъ своего мужа, затѣмъ приказала насыпать высокій курганъ; когда его насыпали, „повелѣ трызну творити“; тогда Древляне сѣли пить, пока не упились [2]). Эта картинка близко напоминаетъ разсказъ арабскаго источника о годовыхъ поминкахъ, совершаемыхъ на могилѣ, съ пиромъ и медомъ. Въ черниговскихъ могилахъ на первомъ слоѣ земли, покрывающемъ сожженные трупы, находились сосуды съ сожженными остатками барана—вѣроятно принесенной на могилѣ жертвы, при нихъ различное оружіе; можетъ быть, это остатки тризны на могилѣ, покрытые затѣмъ новымъ слоемъ земли.

Но тризна не ограничивалась самимъ пиршествомъ на могилѣ; слово это обозначаетъ борьбу, битву, и можно думать, что по крайней мѣрѣ при погребеніи богатыхъ и знатныхъ людей здѣсь устраивались въ честь покойнаго бои или игры. Эти воинственныя церемоніи, извѣстныя у очень многихъ народовъ, первоначально имѣли цѣлью устрашить непріязненныхъ духовъ и отогнать ихъ отъ покойника, затѣмъ переходятъ въ военныя игры въ честь его, и такія военныя игры именно носили имя тризны.

---

[1]) Ибнъ-Русте стр. 4Ͻ, Гаркави стр. 127.
[2]) Ипат. стр. 36.

Они имѣли мѣсто передъ погребеніемъ, непосредственно по смерти: „аще кто умряше, творяху трызну надъ нимь“ и потомъ сожигали—такъ разсказываетъ Повѣсть о языческихъ обычаяхъ Сѣверянъ и иныхъ племенъ [1]); и уже затѣмъ это названіе переносится на поминки послѣ похоронъ.

§ 208. Души умершихъ и культъ прэдковъ. Не погибая со смертью, покойники—*навье* могутъ появляться среди живыхъ и послѣ смерти. Во второй полов. XI в. ходилъ по Руси слухъ, что въ Полоцкѣ по ночамъ появляются мертвецы, невидимые глазу: только слышать ихъ можно было, и слѣды отъ ихъ лошадей оставались на землѣ, а кто выходилъ изъ дому, чтобы увидѣть ихъ, тѣ умирали [2]). Для прокормленія покойниковъ оставляли пищу на могилахъ и въ жилищахъ при поминкахъ. Относительно того, гдѣ пребываютъ души помершихъ послѣ смерти, представленія расходились—и такое расхожденіе вообще замѣтно и у разныхъ другихъ народовъ. Съ одной стороны, всѣмъ Славянамъ обще первоначальное, исконное вѣрованіе, что предки—дѣды живутъ въ своемъ бывшемъ жилищѣ, становятся здѣсь домашними духами; съ другой стороны—существуетъ убѣжденіе, что души живутъ въ другомъ мірѣ, въ раю. Мы видѣли выше у ибнъ-Фадлана воззрѣнія Руси, что покойники пребываютъ въ „прекрасномъ зеленомъ саду“ [3]). *Рай*—слово праславянское (съ нимъ связываютъ слово „ирий“, и „вирий“, страна тепла и свѣта, куда на зиму улетаютъ птицы), оно обозначаетъ мѣсто красивое, уютное, съ обильной растительностью: но едва ли оно спеціализировалось уже въ дохристіанское время для обозначенія мѣста пребыванія покойниковъ. Противъ этого говоритъ обстоятельство, что и позже, во времена христіанскія, слово рай обозначало вообще красивую, пріятную мѣстность, и князья, устраивая себѣ загородные дворы, называли ихъ „раями“ [4]): это указываетъ, что съ этимъ словомъ продолжало связываться представленіе о прекрасной природѣ, рощахъ, садахъ, привольи. Едва ли могло оно прилагаться

---

[1]) Ипат., стр. 7. [2]) Ипат., стр. 150.

[3]) Такъ объясняетъ это слово еще Берында: „цвѣтникъ или садъ“.

[4]) Ипат. стр. 336, 593 (ср. 549), припомнимъ также и многочисленные наши Рай-городы и городки.

къ такимъ пріютамъ веселаго времяпрепровожденія, если бы было техническимъ названіемъ мѣстопребываніемъ умершихъ, тѣмъ болѣе что понятіе блаженнаго пребыванія душъ, какое имѣетъ идея христіанскаго рая, было чуждо язычеству.

Идею такой блаженной загробной жизни принесло уже христіанство. Въ славянскомъ міросозерцаніи не находимъ никакихъ слѣдовъ идеи нравственнаго воздаянія по смерти, контраста судьбы добрыхъ и злыхъ. Загробная жизнь—это предолженіе здѣшней. Какъ мы видѣли выше, по языческимъ воззрѣніямъ,—кто господствовалъ на этомъ свѣтѣ, тотъ будетъ господствовать за гробомъ; кто былъ рабомъ здѣсь, будетъ имъ и тамъ. Идея загробной награды или загробнаго наказанія принесена христіанствомъ. Хотя „пекло" (отъ пеку—огненное мѣсто) слово праславянское, но свое позднѣйшее значеніе пріобрѣло безъ сомнѣнія уже подъ вліяніемъ христіанства [1]).

О культѣ предковъ располагаемъ весьма скудными данными. Онъ поблѣднѣлъ и ослабѣлъ въ эту эпоху, отступилъ на второй планъ предъ культомъ естественныхъ, метеорическихъ явленій. Можемъ отмѣтить собственно говоря два интересныхъ факта, одинъ—это тризны въ извѣстные сроки по смерти покойника и общія поминки мертвыхъ, другой—это культъ домашнихъ духовъ. Что касается культа, намъ приходится оперировать исключительно фактами современной этнографіи; лишь въ древнемъ культѣ рода и рожаницы можно видѣть элемента культа предковъ, представителей рода [2]). Въ украинскомъ этнографическомъ матеріалѣ почитаніе предковъ выступаетъ слабо, гораздо слабѣе, напр., чѣмъ у сосѣднихъ Бѣлоруссовъ, гдѣ души предковъ, „дѣды" вполнѣ сохранили еще свой родовой характеръ и служатъ предметомъ ясно выраженнаго культа [3]). Правда, этнографическаго матеріала изъ

[1]) Миклошичъ, Christliche Terminologie, стр. 49, Крекъ [2] стр. 422, Котляревскій ор. с. стр. 204.

[2]) См. Аѳанасьевъ II, стр. 67 и слѣд., Махаль, гл. VI, Веселовскій, ор. с. гл. XIII.

[3]) Матеріалы Шейна въ LI т. Сборника II от. акад. На Бѣлорусско-украинскомъ пограничьѣ съ Литвою былъ записанъ и классическій обрядъ кормленія предковъ Менеція въ его De sacrificiis et ydolatria veterum Borussorum, Livonum aliarumque vicinarum gentium (Scriptores rerum Livonicarum II c. 394): приведенные здѣсь обрядовые возгласы совершенно опредѣленно указываютъ на славянство населенія. Ср. Котляревскаго О погреб. обычаяхъ с. 149.

украинскаго Полѣсья, наиболѣе консервативнаго, имѣемъ немного, а онъ могъ бы дать намъ болѣе колоритную картину этого культа. Въ старыхъ запискахъ изъ пинскаго Полѣсья имѣется очень интересное описаніе кормленія душъ умершихъ, которое происходитъ при отворенныхъ окнахъ, чтобы души могла явиться безпрепятственно [1]); къ сожалѣнію не имѣемъ болѣе новыхъ и точныхъ записей этого обряда. Въ другихъ же частяхъ Украины „дїдьки“ уже утратили свой родовой характеръ и смѣшались съ различными мѣстными духами: дїдьки домовые, долженствовавшіе, собственно говоря, представлять духовъ предковъ, стали на одну доску съ дїдьками мельничными, водяными, болотными и т. п., стали капризными, скорѣе злыми духами, на ряду съ бѣсами и чертями, чѣмъ благорасположенными духами покровителями. Это явленіе, замѣчаемое и у иныхъ народовъ, объясняется кромѣ вліянія христіанства, сводившаго все къ одному бѣсовскому знаменателю, также вообще подозрительнымъ и боязливымъ чувствомъ, какое вызываетъ у первобытнаго человѣка мертвецъ. Культъ предковъ ограничивается большею частью праздничнымъ кормленіемъ покойниковъ на могилахъ въ спеціальные дни, въ настоящее время связанные уже съ христіанскими праздниками, а прежде—съ праздниками натуралистическими.

§ 209. Праздники. Какъ вообще религіозныя вѣрованія эпохи по разселеніи, такъ въ частности и восточно-славянскіе праздники и весь языческій календарь имѣлъ главнымъ образомъ натуралистическій характеръ, исходя изъ главныхъ моментовъ обращенія земли вокругъ солнца и связаннаго съ нимъ развитія и упадка земной жизни. Однако при этомъ видимъ уже нѣкоторые зачатки олицетворенія этихъ моментовъ и даже антропоморфическаго ихъ изображенія. Хотя многое изъ наличнаго можно отнесть на счетъ позднѣйшей, тысячелѣтней эволюціи народныхъ воззрѣній, но безспорно, зачатки такихъ антропоморфическихъ представленій должны принадлежать еще къ дохристіанскому времени. Укажемъ наиболѣе важное и опредѣленное, опуская неясное и сомнительное и пользуясь и тутъ главнымъ образомъ данными современной этнографіи, такъ какъ литературныя извѣстія имѣемъ лишь изъ позднѣйшаго времени, XVI—XVII вв., и то чрезвычайно скудныя.

[1]) O uroczyskach i zwyczajach ludu Pińskiego (1853) c. 31.

За Корочуномъ—самымъ короткимъ днемъ года, наступаетъ, съ зимнимъ поворотомъ солнца, праздникъ новаго астрономическаго солнечнаго года. Онъ слился съ христіанскимъ Рождествомъ, которое само было (въ античномъ мірѣ) отнесено къ этому времени для христіанизаціи языческихъ праздниковъ новорожденнаго солнца. На Рождество благодаря этому перешло названіе Корочюна [1]). Древнее же языческое празднество съ его обрядностью получило, подъ вліяніемъ греко-римской культуры и ея новогодныхъ празденствъ, позднѣйшее названіе коляды (римскія calendae) [2]). Оно оставило богатые слѣды въ современномъ праздновании Рождества, Новаго Года, Крещенія (Йордана); эти слѣды явственно указываютъ на земледѣльческій, хозяйственный характеръ праздника: вечеря среди сноповъ, передъ нагроможденной кучей хлѣбовъ; пожеланія и ворожба урожая и приплода на будущій годъ, приглашеніе мороза на кутю—вполнѣ опредѣленно носятъ этотъ характеръ.

Приходъ весны привѣтствуется веснянками и весенними играми, тянущимися до „зеленыхъ праздниковъ" Тройцы. На этихъ праздникахъ сошлось нѣсколько языческихъ празденствъ. Вопервыхъ, праздникъ расцвѣта природы, когда встрѣчается съ лѣтомъ весна, олицетворяемая по мѣстамъ въ молодой дѣвушкѣ („тополя"). Во-вторыхъ, русалья недѣля; эта недѣля часто упоминается уже въ Кіевской лѣтописи: въ это время русалки выходятъ изъ воды и гуляютъ по берегамъ. При этомъ смѣшивается праздникъ собственно русалокъ съ праздникомъ покойниковъ: четвергъ послѣ Тройцы является одновременно и „навскимъ" (мавським) или мертвецкимъ „великоднемъ" и русальимъ днемъ. „Навскій день" пріурочивается однако къ различнымъ днямъ: кромѣ четверга послѣ Тройцы также къ первому понедѣльнику великаго поста, то къ „правой середѣ" (Преполовенію) [3]). Вѣроятно, здѣсь имѣемъ память нѣсколькихъ праздниковъ предковъ.

---

[1]) Новг., стр. 134.

[2]) Параллели славянской коляды съ римскими празднествами—brumalia—saturnalia—calendae у Томашка, Brumalia und Rosalia, Веселовскаго, Разысканія VII—Записки акад. т. 45 (1883).

[3]) Русальная недѣля—Ипат., стр. 386, 409, 459. Вопросъ объ этомъ праздникѣ чрезвычайно сложенъ, такъ какъ здѣсь привходятъ вліянія rosalia, съ тѣмъ же смѣшеніемъ весенняго праздника и поминовенія покойниковъ, см. литературу о русалкахъ (стр. 399).

Лѣтній поворотъ солнца—наивысшій расцвѣтъ природы и вмѣстѣ съ тѣмъ предвѣстникъ уничтоженія, умиранія, празднуется подъ именемъ Купала, связаннаго съ христіанскимъ Ивановымъ днемъ (24 іюня). Онъ олицетворяется въ четѣ Купала и Морены. Эта ночь полная чудесъ, когда открываются и становятся доступными людямъ тайны природы, когда цвѣтетъ папоротникъ, когда можно слышать языкъ животныхъ, видѣть скрытые клады. Описаніе купальнаго обряда имѣемъ отъ XVII в. въ разсказѣ Густынской лѣтописи: „съ вечера собираются простая чадъ обоего полу и соплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомаго зелія или коренія и препоясавшеся быліемъ, возгнетаютъ огонь, индѣ же поставляютъ зеленую вѣтвь и емшеся за руцѣ около обращаются окрестъ оного огня, поюще своя пѣсни, преплетающе Купаломъ; потомъ презъ оный огнь прескакуютъ, оному бѣсу жертву себѣ приносяще“ [1]). Все это въ значительной степени сохраняется и до сихъ поръ.

Наконецъ изчезновеніе лѣтней жизни персонифицируется также въ образѣ „Коструба“: его хоронятъ во время лѣтняго поворота солнца [2]).

§ 210. Свадебный обрядъ. Лѣтописное преданіе. Какъ погребальные обряды тѣсно связаны съ религіознымъ міровоззрѣніемъ, такъ брачные обряды ведутъ насъ въ сферу отношеній семейныхъ и общественныхъ.

---

[1]) Полное собр. лѣтописей II, стр. 257.

[2]) Наиболѣе важная относящаяся сюда литература: Снегиревъ, Русскіе простонародные праздники. Максимовичъ, Дни и мѣсяцы украинскаго селянина.—Собр. Соч. II. Hanuš, Bájeslovny kalendář slovansky, 1860. Аѳанасьевъ, III, гл. XXVIII. Марковичъ, Обычаи, повѣрья и кухня Малороссіянъ, 1860. Галько, Народныя звычаи и обряды зъ надъ Збруча, 1861. Труды экспедиціи въ юго-западный край, т. II. Machal, op. c., гл. XIV. Владимировъ, Введеніе въ исторію русск. слов. К. М., O religii pogańskich Słowian. Зубрицький, Народний календар (звичаї й повірки з Старосамбірщини)—Матеріяли до укр.-рус. етнольоґії, III, 1900. Дикаревъ Народний календар Валуйського пов. ibid. VI. Народные календари другихъ славянскихъ народностей: Сборникъ за нар. умотв., т. XVI—XVII. Gloger, Rok polski w życiu, tradycyi i pieśni 1900. Коринфскій, Народная Русь, 1901 и др.

Классическое мѣсто Повѣсти такъ разсказываетъ о бракѣ у восточныхъ Славянъ [1]):

„Поляне бо своихъ отецъ обычай имяху [2]) тихъ и кротокъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ, и къ сестрамъ, и къ матеремъ своимъ [3]), и снохы къ свекровамъ своимъ и дѣверемъ велико стыдѣнье имуще, и брачные обычаи имѣаху: не хожаше женихъ [4]) по невѣсту, но прихожаху [5]) вечеръ, а заутра приношаху что на ней вдадуче. А Деревляни живяху звѣрськымъ образомъ живуще скотьскы: и убиваху другъ друга, ядуще все нечисто, и браченья [6]) въ нихъ не быша, но умыкаху у воды дѣвица. А Радимичи, и Вятичи, и Северо одинъ обычай имяху: живяху в лѣсѣ, якоже всякый звѣрь, ядуще все нечисто, и срамословье в нихъ предъ отци и предъ снохами; и браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы; и схожахуся на игрища, на плясанья и на вся бѣсовьскыя пѣсни, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто свѣщевашеся; имяхуть же по двѣ и по три жены“.

Подъ вліяніемъ теорій еволюціи первобытныхъ формъ половыхъ отношеній нѣкоторыя изслѣдователи усматривали въ этомъ разсказѣ существованіе у восточныхъ Славянъ безпорядочныхъ половыхъ отношеній уже въ историческія времена—стадный бракъ и похищеніе женщинъ [7]). Но этого отнюдь нельзя вы-

---

[1]) Цитирую по Ипат. л., стр. 7, давая въ примѣчаніяхъ варіанты Лавр. [2]) имуть. [3]) и къ родителямъ своимъ. [4]) зять. [5]) приводяху, привожаху. [6]) брака.

[7]) Болѣе старая литература брачныхъ и половыхъ отношеній у Славянъ и древней Руси указана въ 2-мъ изданіи. Тутъ упомяну только: Bogišić, Pravni običaje u Slovena, 1867 и его же Zbornik zadašnjich pravnich odičaja u južnich Slovena, 1874. Забѣлинъ, Бытъ русскихъ царицъ, 1869 (вступленіе). Шпилевскій, Семейныя власти у древнихъ Славянъ и Германцевъ, 1869. Шашковъ, Очеркъ исторіи русской женщины, 1871 (перепечатано въ Собраніи сочиненій, т. I, 1898). Hanel Věno v právu slovanském (Pravnik, 1871). Статьи Смирнова объ обычномъ восточнославянскомъ семейномъ правѣ и бракѣ: Очерки семейныхъ отношеній, 1878 и статьи въ Юридическомъ Вѣстникѣ 1878 (V и VII). Черновъ, Объ обычномъ семейственномъ и наслѣдственномъ правѣ крестьянъ въ Харьковской и Полтавской губ. (К. Унив. Изв. 1881, V). Krauss, Sitte und Brauch der Südslaven, 1885. М. Ковалевскій, Нѣкоторыя архаическія черты семейнаго и наслѣдственнаго права (Юридич. Вѣстн. 1885); его-же, Первобытное право (вып. I родъ, в. II. семья), 1886 и статьи о древнерусскихъ пережи-

весть изъ словъ Повѣсти. Монахъ лѣтописецъ считалъ настоящимъ бракомъ только отдачу невѣсты ея родителями жениху и съ этой точки зрѣнія одобрялъ родные ему полянскіе обычаи, а деревлянскую или сѣверянскую умычку не признавалъ бракомъ. Но изъ его же собственнаго разсказа вытекаетъ, что описаннымъ образомъ мужчины брали себѣ *женъ*, слѣдовательно супружескій союзъ существовалъ; отсутствіе „стыда" проявляется въ „срамословіи", и только; самое большее, въ чемъ можетъ упрекнуть лѣтописецъ Сѣверянъ и другихъ, заключается въ томъ, что они имѣли по нѣскольку женъ, а не то, что они не имѣли упорядоченныхъ супружескихъ отношеній. Правда, ссылаются еще на варіантъ Повѣсти въ Переяславльской лѣтописи, гдѣ этотъ разсказъ распространенъ въ томъ смыслѣ, что эти отношенія, завязывавшіяся на „игрищахъ", не вели къ прочному супружескому союзу: „иныхъ поимающе, а другыхъ поругавше метаху"; но дополненія этой лѣтописи носятъ явные признаки позднѣйшихъ моралистическихъ вставокъ—мудрствованій аскета-книжника, и не имѣютъ

ваніяхъ—переводъ въ журн. Всемірный Вѣстникъ, 1903. Ф. К. Волковъ (Volkov) Rites et usages nuptiaux en Ukraine (L'Anthropologie, 1891—2, передъ тѣмъ по болгарски: Свадбарскитѣ обреди на словянскитѣ народи, въ Сборникѣ за нар. умотворения, III—V, 1890—1). Желобовскій. Семья по воззрѣніямъ русскаго народа, 1892 (изъ Филолог. Записокъ). Krek, Zur Geschichte russischer Hochzeitsbräuche, 1893. Охримовичъ, Значеніе малорусскихъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ въ исторіи эволюціи семьи (Этнографическое Обозрѣніе, т. XI и слѣд., неоконченная статья), его же замѣтки въ журн. Життє і Слово 1895. Krauss, Die Zeugung in Sitte, Brauch und Glauben der Südslaven, I — III, 1898 — 1902 (изъ Κρυπτάδια); Rhamm der Verkehr der Geschlechten unter der Slaven (Globus, 1902). Мр. Г., Дитина в звичаях і віруваннях українського народа (Матеріалы до укр. етнол., т. VIII и X). Hnatiuk Die Brautkammer, eine Episode aus den ukrainischen Hochzeitbräuchen (Anthropophyteia, 1909). Das Geschlechtsleben des ukrainischen Bauernvolkes, folkloristische Erhebungen aus der russischen Ukraina (записи Тарасевскаго, съ предисл. В. Гнатюка и Ф. Краусса), Лейпцигъ 1909 (Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia, III). Кромѣ того сюда же относятся главы посвященныя семейному праву въ курсахъ исторіи русскаго права (въ особенности Леонтовича, В.-Буданова и Самоквасова—Изслѣдованія по ист. русск. права, I, 1896). Литература обычнаго права: Якушкинъ, Обычное право, т. I, 1875, т. II, 1896. О свадебномъ обрядѣ см. ниже, с. 427.

такого авторитета, чтобы мы могли ими исправлять или дополнять разсказъ Повѣсти[1]). Прочная связь мужа и жены, обязательная и неразрывная даже по смерти, засвидѣтельствованная различными источниками (обязательная или рекомендуемая смерть жены на могилѣ мужа, наказаніе за невѣрность и т. д.), не оставляетъ мѣста для стадныхъ, гетеристическихъ формъ и т. п. въ эту эпоху.

§ 211. Умычка и покупка жены. Разсказъ Повѣсти достаточно опредѣленно даетъ понять, что похищеніе дѣвушекъ, гдѣ оно еще практиковалось, было уже символомъ, обрядомъ, пережиткомъ: „умыкаху, съ нею же кто свѣщевашеся“, слѣдовательно согласіе дѣвушки предшествовало похищенію, сначала происходило сватовство, и затѣмъ слѣдовала эта символическая обрядовая умычка—отмица, какъ называютъ ее южные Славяне (у нихъ этотъ обрядъ мѣстами сохранился въ чрезвычайно свѣжей формѣ до XIX в.). Въ современномъ украинскомъ свадебномъ обрядѣ тоже удержались ея отголоски, хотя въ довольно слабой формѣ, въ видѣ защиты невѣсты ея родомъ отъ рода жениха, въ упоминаніяхъ свадебныхъ пѣсень о вооруженной борьбѣ между обоими родами и о погонѣ матери невѣсты и ея рода за невѣстой, захваченной боярами жениха, напр.:

Будемо бити да воєвати, Марієчки не давати,
или: Припадь, припадь, Марисуню, до стола

---

[1]) Въ Повѣсти противопоставляются нравственные обычаи Полянъ „звѣриной“ жизни другихъ племенъ; позднѣйшій книжникъ, работу котораго имѣемъ въ Переяславльской лѣтописи, не понявъ ли, или тенденціозно исказивши, даетъ совершенно иную картину: славянскіе народы прежде жили нравственно (эта нравственность характеризуется разсказомъ Повѣсти о Полянахъ), но позже „Латина“ (либо въ значеніи католиковъ, либо въ значеніи западноевропейцевъ), перенявъ безнравственные обычаи „от худыхъ Римлянъ, а не отъ витязѣй“, передала ихъ Славянамъ: „Словяне же отвращахуся ихъ, овіиж къ нимъ присташа мало“ (стр. 3). Послѣ этого слѣдуетъ описаніе безнравственности послѣднихъ: тутъ заодно разсказываются и всяческіе ужасы объ игрищахъ, и употребленіе косметиковъ (начаша друга прѣд другою червити лице и белимъ тръти). Въ итогѣ эти моралистическія нападки производятъ впечатлѣніе довольно позднихъ прибавленій, подкрашенныхъ фантазіями чернеца о всякихъ ужасахъ мірской жизни.

Обступили боярчики довкола—
Шабельками витинають, Марисунї шукають,[1]) и т. д.
Въ разсказѣ повѣсти объ умыканіи XI в. этотъ обрядъ выступаетъ въ гораздо болѣе реальной формѣ. Но онъ и въ то время былъ только обрядомъ. Самая обстановка, въ какой онъ выступаетъ (игрища между селами, гдѣ собирались сосѣдніе роды), указываетъ, что умычка утратила реальный характеръ, приспособилась къ извѣстнымъ обрядовымъ празденствамъ, религіознымъ церемоніямъ (какъ напр. праздникъ Купала): слѣдовательно за этимъ обрядомъ уже въ то время лежалъ долгій періодъ развитія [2]).

Точно также только въ переживаніяхъ держалась форма покупки жены мужемъ. „Вѣно", платившееся женихомъ, обозначаетъ собственно цѣну и являлось первоначально платой за жену ея роду, цѣной, которою женихъ нѣкогда совершенно реально выкупалъ свою жену и ея потомство для себя и своего рода. Но въ интересующую насъ эпоху у восточныхъ Славянъ оно выродилось въ простой свадебный подарокъ, дававшійся уже по совершеніи брака семьѣ жены. Владимиръ, женившись на Аннѣ, даетъ „за вѣно" „Корсунь Грѣкомъ царицѣ дѣля". Ярославъ, выдавъ сестру за польскаго князя Казимира, получаетъ отъ него „за вѣно" восемьсотъ рабовъ. Ибрагимъ ибнъ-Якубъ (X в.) также говоритъ, что у Славянъ женихъ даетъ отцу невѣсты значительный подарокъ [3]).

---

[1]) Труды экспед. въ юго-зап. край, IV, приб. № 61. Твори В. Навроцького, I, стр. 46.

[2]) Ковалевскій въ разсказѣ Повѣсти проводитъ различіе между Сѣверянами, Радимичами и Вятичами, у которыхъ умыканіе стало обрядомъ, и Древлянами, практиковавшими это умыканіе еще вполнѣ реально. Но это невозможно. Такое огромное культурное различіе у столь близкихъ между собой племенъ, какъ Древляне и Сѣверяне, вышедшихъ какія либо четыре столѣтія назадъ изъ общей прародины, совершенно невѣроятно. Внимательнѣе приглянувшись къ тексту Повѣсти, увидимъ, что авторъ не дѣлаетъ различія между этими племенами: разница стилистическая, а не реальная, и сказанное имъ о Сѣверянахъ и другихъ племенахъ только подробнѣе развиваетъ краткую характеристику Древлянъ; „одинъ обычай имѣаху" значитъ—„имѣли тотъ самый обычай" (какъ и Древляне). Противопоставляются только—„кроткій обычай" Полянъ и „звѣрскій образъ" ихъ сосѣдей.

[3]) Ипат. стр. 80, 108, аль-Бекри изд. Розена стр. 5.

Въ современномъ украинскомъ свадебномъ обрядѣ воспоминаніе о продажѣ жены ея родомъ выступаетъ еще весьма отчетливо. Родъ жениха торгуетъ дочь у ея матери и брата и покупаетъ ее за деньги и подарки:

Ой темно, темно в полї, темнїйше на дворі,
Там бояре ворітечка обняли.
Вийди, мати, і питай, коли торгують—то продай,
Чорниї чобіточки вимовляй..

О братѣ невѣсты:

Братчику, намисничку, сядь собі на крісличку,
Прав собі червоного від пана молодого,

или:

Хто нам червоним брязне, той собі дївку возьме...

и извѣстная пѣсня:

Татарин, братик, Татарин,
Продав сестру за таляр,
Русу косу за пятак,
Біле личко пішло й так [1]).

Но это воспоминаніе о реальныхъ фактахъ гораздо болѣе древнихъ чѣмъ XI вѣкъ. Въ разсказѣ Повѣсти о Полянахъ, кажется, видны даже зачатки приданаго—такъ повидимому слѣдуетъ понимать это „приношаху что по ней вдадуче“ [2]). Это было явленіе сравнительно очень позднее, а для положенія жены въ семьѣ мужа необыкновенно важное.

§ 212. Патріархальный строй и вопросъ о переживаніяхъ. Умычка и покупка жены являются вообще основными формами брака у индоевропейскихъ племенъ, и въ болѣе или менѣе сильныхъ переживаніяхъ сохранились у различныхъ народовъ въ историческія времена, такъ же какъ и у насъ (онѣ впрочемъ не были исключительнымъ достояніемъ Индоевропейцевъ и общеизвѣстны на всемъ земномъ шарѣ) [3]). Тотъ фактъ, что

---

[1]) Zbiór wiadomości, т. VII стр. 158, X стр. 29; Головацкій II стр. 109.

[2]) Часто объясняютъ это, какъ вѣно, выкупъ за жену. Но слова: „по ней“ скорѣе указываютъ на приданое.

[3]) См. параллели изъ различныхъ странъ и у различныхъ рассъ у Вестермарка, Geschichte der menschlichen Ehe, 1893, гл. XVII; Hildebrand, Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Culturstufen, стр. 9 и слѣд. О формахъ умыканія и покупки у

въ началѣ исторической жизни нашихъ племенъ мы видимъ ихъ лишь въ обрядовыхъ переживаніяхъ, само по себѣ заставляетъ насъ предоставлять себѣ бракъ и вообще семейную жизнь этого времени сравнительно уже въ весьма выработанныхъ формахъ. Дѣйствительно, на это указываютъ другія—историческія и лингвистическія данныя. Не только въ началѣ исторической жизни нашихъ племенъ, но даже во времена праславянскія мы видимъ уже прочно сложившуюся патріархальную семью и патріархальныя родовыя отношенія. Факты лингвистики показываютъ, что патріархальный бытъ господствовалъ уже въ эпоху передъ раздѣленіемъ индоевропейскихъ племенъ. Если допустить, что индоевропейскія племена дѣйствительно прошли такія формы брака и семейной жизни, какъ стадная и родовая общность женъ, общее сожительство братьевъ, матріархальный родъ, какъ принимаетъ это извѣстная школа соціологовъ,—то придется вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что эти формы во всякомъ случаѣ были прожиты предками индоевропейскихъ племенъ гораздо раньше ихъ раздѣленія, такъ какъ во времена непосредственно передъ раздѣленіемъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ терминологія родовыхъ отношеній, патріархальный строй вполнѣ преобладалъ.

Наличность переживаній у индоевропейскихъ племенъ такихъ формъ, какъ стадная общность женъ, общій бракъ братьевъ, или матріархатъ, остается вообще подъ вопросомъ. Извѣстная схема эволюціи брака, установленная упомянутою школою (Бахофена, Моргана, Макъ-Ленана и др.), считаютъ супружескую пару мужа и жены, съ патріархальнымъ главенствомъ мужа, конечнымъ звеномъ въ длинной цѣпи эволюціи брака, выходящаго изъ безпорядочныхъ, стадныхъ отношеній мужчинъ и женщинъ, чтобы затѣмъ чрезъ общность женщинъ родовую, братскую, вообще формы поліандрическія, характеризуемыя матріархатомъ, достигнуть въ концѣ концовъ формъ патріархальныхъ [1]). Но при всей цѣнности ея какъ типологической схемы, ея универсальность остается недо-

---

индоевропейскихъ племенъ—Schrader Reallexicon подъ словами: Brautkauf, Raubehe.

[1]) Bachofen, Mutterrecht, 1861, Antiquarisehe Briefe, 1880; Morgan, Ancient Society, 1877; Mac Lennan, Studies of Ancient History, 1886: Giraud Teulon, Les origines du mariage et de la famille, 1884, и др.

казанной, иначе говоря—о поліндрическихъ и матріархальныхъ формахъ семьи съ увѣренностью можно говорить только у тѣхъ племенъ, или рассъ, гдѣ имѣются вполнѣ ясныя доказательства существованія этихъ формъ, такъ какъ нельзя утверждать съ увѣренностью, что развитіе супружескихъ и семейныхъ отношеній необходимо переходило у всѣхъ племенъ черезъ всѣ эти формы [1]).

Относительно нашихъ племенъ и для славянскихъ народовъ вообще мы не имѣемъ такихъ вполнѣ ясныхъ и опредѣленныхъ указаній. Тѣ слѣды и переживанія, какія указываются въ современной этнологіи въ доказательство существованія у нихъ поліандрическихъ и матріархальныхъ фазъ брака, большею частью весьма слабы. Не нужно упускать изъ вида что супружескія отношенія подвергаются весьма сильному вліянію различныхъ экономическихъ, культурныхъ и религіозныхъ факторовъ, въ нихъ бываютъ движенія прогрессивныя и регрессивныя, и никоимъ образомъ нельзя безъ дальнѣйшихъ оговорокъ всякія проявленія ослабленія супружескаго союза и нравственной жизни считать пережитками первопачальнаго неупорядоченаго брака. Поэтому, напр., усматривать въ слабыхъ супружескихъ связяхъ у козаковъ остатки первоначальной стадной жизни, а въ „куницахъ“, платившихся помѣщику за разрѣшеніе вступить въ бракъ—выкупъ права сожительства принадлежавшаго патріарху по отношенію всѣхъ женщинъ рода, или въ великорусскомъ снохачествѣ—остатки этого права,—довольно опасно. Что было бы, если бы мы не знали, что ослабленіе супружества у нѣкоторыхъ великорусскихъ сектантовъ явилось подъ вліяніемъ новѣйшей религіозной доктрины, или напр. существованіе вполнѣ реальной покупки женщинъ у украинскихъ колонистовъ Таврической губ. возникло подъ очевиднымъ влі-

---

[1]) См. критику упомянутой схемы въ трудахъ: Starcke, Die primitive Familie in ihrer Entsehung und Entwickelung, 1888, Leipzig; Westermark, Geschichte der menschlichen Ehe 1893, Iena; Grosse, Die Formen der Familie und die Formen deo Wirtschaft, 1896, Freiburg. Спеціально о Индоевропейцахъ: Delbrück, Die indogermanischen Verwandschaftsnamen, 1889, Leipzig,—и Das Mutterrecht bei den Indogermanen (Preussische Iahrbücher, т. LXXXI, I), Schrader, Über Bezeichnungen der Heiratsverwandschaft bei den idg. Völkern (I. F. XVII) и Reallexicon подъ словами Polyandrie, Mutterrecht.

яніемъ татарскихъ примѣровъ—и захотѣли усматривать тутъ непосредственные пережитки прежнихъ формъ брака?

§ 213. Переживанія въ свадебномъ обрядѣ. Среди различныхъ указываемыхъ переживаній наиболѣе серіозное значеніе имѣютъ слѣды старинныхъ формъ брачныхъ и семейныхъ отношеній въ ритуалѣ свадьбы (украинскаго „весїля“). Но и ихъ слѣдуетъ разсматривать cum grano salis. Свадебный ритуалъ—это не окостенѣвшія обрядовыя схемы, переданныя намъ въ неприкосновенномъ видѣ изъ первобытныхъ временъ, а поэтическая переработка, амальгама обрядовъ, свободно восполнявшихся различными бытовыми подробностями, даже не связанными непосредственно съ свадебнымъ ритуаломъ (такимъ напр. слѣдуетъ считать инсценировку брака въ княжеской обстановкѣ—князь и княгиня, бояре, дружина жениха и т. д.)[1]). Поэтому если напр. въ „перезвѣ“ украинскаго весїля видятъ остатокъ первоначальнаго гетеризма (стаднаго брака), въ церемоніи потчиванія—отголоски фратрогаміи (общаго брака братьевъ), въ доминирующей роли матери и брата (не отца) невѣсты, распоряжающихся во вступительныхъ церемоніяхъ—картину матріархальныхъ отношеній[2]), то все это остается не болѣе, какъ весьма интересными гипотезами, пока ихъ не подтвердятъ другіе факты и указанія (какъ подтверждаются обряды умыканія и покупки, отношенія родовыя, и т. п.)[3]). Во всякомъ случаѣ, даже допуская слѣды такихъ

---

[1]) Кромѣ общихъ трудовъ, указанныхъ выше, упомяну еще: Сумцовъ, О свадебныхъ обрядахъ преимущественно русскихъ, 1881, Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы (К. Старина 1885, III), Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала (ibid. 1886, I), Ящуржинскій Свадьба малорусская какъ религіозно бытовая драма (ib. 1896, XI). Свадебный обрядъ Угорской Руси—Ж. Старина 1892, для Буковины—Ztschr. f. Volkskunde, 1901, свадебные ритуалы лѣвобережной Украины—Матеріяли до укр. етнольоґії, т. I и II, галицкіе—ibid. т. X. Литература свадебнаго обряда у индоевропейскихъ племенъ—Schrader, Sprachvergleichung[3] II, 333.

[2]) См. въ особенности упомянутыя выше (стр. 421) работы Охримовича и Волкова.

[3]) Съ значительной долею вѣроятія можно выдѣлить изъ современнаго украинскаго и инославянскаго брачнаго ритуала, какъ принадлежности древняго брачнаго обряда такіе моменты, какъ ри-

древнѣйшихъ формъ брака, слѣдуетъ ихъ признать пережитками быта гораздо болѣе стараго не только сравнительно съ праславянскою эпохою, но даже и эпохою индоевропейскаго разселенія. Если бы кого нибудь могла при этомъ смутить мысль, какъ отголоски эти удержались въ теченіе тысячелѣтій въ современномъ свадебномъ ритуалѣ, то нужно замѣтить, что это вполнѣ возможно. Мы видимъ, что обряды покупки и умычки, бывшіе *обрядами*, пережитками уже тысячу лѣтъ назадъ, удержались въ свадебномъ ритуалѣ до нашего времени въ довольно свѣжей формѣ, не смотря на весь ускоренный темпъ позднѣйшей культурной эволюціи. Такъ же могли удержатся и отголоски формъ отъ временъ до-индоевропейскихъ.

§ 214. Патріархальный бытъ по даннымъ языка. Какъ я уже упомянулъ, лингвистика вполнѣ опредѣленно указываетъ на господство патріархальныхъ отношеній въ эпоху, предшествовавшую раздѣленію индоевропейскихъ племенъ,—главенство отца въ семьѣ и преобладаніе его рода надъ родомъ матери [1]). Именъ *отца* имѣется нѣсколько: санскр. pitár—славянской формы не достаетъ, санскр. tàtás, укр. тато, великор. тятя, наконецъ греч. ἄττα, лат. и готск. atta, слав. отьць; имя *матери*—санскр. mātár, слав. мати, лат. mamma и наше мама; имя *сына*—санскр. sūnú, слав. сынъ; *дочери*—санскр. duhitár, слав. дъщи; *брата*—санскр. bhrātar, слав. братъ; *сестры*—санскр. svásar, сл. сестра; дяди по мужу—санскр. pítrvya, ирл. tīirya, слав. стрый [2])—всѣ они несомнѣнно принадлежатъ къ общему, праиндоевропейскому запасу.

Точно также находимъ рядъ именъ для обозначенія отношеній жены къ членамъ семьи ея мужа, въ которую она вступала: *свекра* и *свекрови* (санскр. çváçura и çvaçrū, греч. ἑκυρός и ἑκυρά, слав. свекръ и свекры), *деверя* (санскр. dēvár, старослав. дѣверъ, братъ мужа), для сестры мужа—*золовки*

туальный переводъ невѣсты изъ ея дома въ домъ жениха, прощаніе невѣсты со своимъ домомъ и домашними духами и вступительная жертва духамъ рода ея мужа, къ которому она приступаетъ, обрядовый хлѣбъ (каравай) и обрядовое деревцо (гильце) и т. п.

[1]) См. Delbrück, Indogerm. Verwandtschaftsnamen, Schrader, Über Bezeichnungen и Reallxicon sub vocibus Ehe, Heirat, Familie.

[2]) Объ этомъ рядѣ I. F. XXIII с. 124.

есть параллели въ европейскихъ языкахъ: греч. γάλως, общеслав. зълъва: для *ятрови*—жены мужнина брата санскр. yâtar, слав. ятры, жена деверя, *невѣстки*—санскр. snushâ, слав. и древнерусск. снъха.

Имена для родственниковъ по женѣ въ праиндоевропейскомъ запасѣ выражены гораздо слабѣе, также какъ и для родственниковъ по матери [1]). Фактъ многозначительный, такъ какъ такое совпаденіе явленій указываетъ, что жена входила въ родъ своего мужа, если не вполнѣ разрывая, то все же значительно ослабляя связи съ своимъ родомъ: родство признавалось главнымъ образомъ внутри отцовскаго рода, родъ матери оставался сравнительно чужимъ. Такимъ образомъ патріархальныя отношенія обозначаются достаточно опредѣленно.

Позже, отчасти въ кругу европейской группы, отчасти въ славяно-литовской нѣкоторыя изъ давнихъ общихъ опредѣленій родства специализируются для обозначенія родственниковъ по матери, какъ братъ матери—*уй* (лат. avus и avunculus), *нетий*, сынъ сестры (санскр.—nápat, обозначающее вообще потомка, сына, внука), также какъ специализировалось восточнославянское „племянникъ“ для сына брата или сестры, и т. д. Явленіе также интересное, какъ указаніе на позднѣйшій характеръ этихъ отношеній (возвратъ къ старому, если принимать существованіе стадіи матріархата).

Интересно также древнее названіе для мужа—санскр. páti—мужъ и господинъ, греч. πόσις, лит. pàts, для жены—санскр. gna, греч. γυνή, слав. жена, отъ gen—родъ, рождающая [2]). Общаго названія для родителей не было, какъ нѣтъ его и до сихъ поръ въ украинскомъ языкѣ (батько—матїр). Тутъ также отразились дѣйствительныя отношенія: мужъ и жена въ первобытной семьѣ величины несравнимыя, мужъ—господинъ семьи, назначеніе жены прежде всего—умножать и обезпечивать существованіе рода.

Славянскій терминъ для брака—*вести* („водимая“—законная жена) восходитъ также къ праиндоевропейскому времени.

---

[1]) Шрадеръ (ор. с.) настаивалъ даже на полномъ ихъ отсутствіи. Противъ этого выступаетъ Гиртъ (Untersuchungen zur indogermanischen Altertumskunde I. F. XXI), отстаивая для индоевроп. эпохи названія уя, зятя, швагра.

[2]) Въ этой близости выраженій „жена“ и „родъ“ тоже усматриваютъ также слѣды матріархата его защитники.

Въ различныхъ индоевропейскихъ діалектахъ получилъ онъ различныя значенія, связанныя съ бракомъ—санскр. vadhū (невѣста), греч. ἔδνον (свадебный подарокъ), лит. wedú (жениться и покупать). Онъ можетъ указывать на церемонію перевода жены изъ отцовскаго рода въ родъ мужа: выраженіе „вести жену“ въ различныхъ языкахъ удержалось для обозначенія брака (такое же значеніе имѣемъ и въ другомъ славянскомъ терминѣ—„сягати“, вести, отсюда укр. посаг, приданное); первоначально онъ могъ обозначать по просту выводъ жены изъ ея рода—тоже обособленіе отъ ея рода, какое отразилось въ выше приведенныхъ данныхъ языка и въ ритуальномъ вводѣ ея въ домѣ мужа, сохранившемся въ богатыхъ переживаніяхъ у разныхъ славянскихъ племенъ. Но одновременно этотъ терминъ пріобрѣтаетъ еще другое, характеристическое значеніе—покупки жены, засвидѣтельствованное въ различныхъ языкахъ совершенно опредѣленно, какъ вышеприведенное литовское wedú, славянское вѣно, вѣнити, покупать, англ. weotuma—выкупъ за жену и т. п.

§ 215. Власть мужа. Полное преобладаніе мужа, отмѣченное уже этими фактами языка, находитъ полное подтвержденіе и въ другихъ данныхъ. Уже въ самой ранней историко-литературной традиціи индоевропейскихъ племенъ всюду выступаетъ эта превалирующая позиція мужа и отмѣчается иногда очень рѣзко. У славянскихъ племенъ вообще и у нашихъ племенъ въ частности, въ въ древнѣйшихъ историко-литературныхъ и юридическихъ памятникахъ мужъ всегда стоитъ на первомъ планѣ. Въ этомъ направленіи вліяло впослѣдствіи и христіанство, но несомнѣнно оно не создало этого преимущества мужа. Все то, что уже сказано было выше и позже еще будетъ указано по этому вопросу, устанавливаетъ фактъ не подлежащій сомнѣнію, что христіанство уже при первомъ появленіи застало сложившуюся патріархальную семью, не какія-либо стадныя формы брака. Оно потомъ нестолько уже утверждало, сколько смягчало остроту власти отца надъ женой и дѣтьми, переданной языческой эпохой. Засвидѣтельствованный нашей древнѣйшей лѣтописью брачный обрядъ снимания женою обуви мужа указываетъ очень сильно на подчиненное положеніе жены [1]). Такое явленіе, какъ возможность убиванія жены послѣ смерти мужа,

[1]) Ипат., стр. 50.

свидѣтельствуетъ, что она считалась его собственностью, его инвентаремъ. То же понятіе лежитъ въ основѣ многоженства, широко-практиковавшагося нашими племенами въ языческія времена при полномъ отсутствіи поліандріи. Видимъ его и въ высокихъ требованіяхъ цѣломудрія отъ жены при широкой снисходительности, либо полной свободѣ половыхъ отношеній для мужа и т. п.

Выкупленная у ея рода или силою похищенная женщина первоначально была такой же собственностью мужа, такимъ же предметомъ его инвентаря, какъ и всякій другой. Если мужъ хотѣлъ имѣть больше женъ и у него хватало средствъ на пріобрѣтеніе и содержаніе большого количества ихъ, ничто не препятствовало имѣть ихъ больше. Отсюда вытекаетъ съ одной стороны полная свобода многоженства, а съ другой то обстоятельство, что это многоженство практиковалось только богатыми, знатью, между тѣмъ какъ масса съ незапамятныхъ временъ жила въ единобрачіи. Такъ бывало вообще въ условіяхъ патріархіальнаго быта, такъ было и у нашихъ племенъ. Повѣсть упрекаетъ Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей, что они имѣли по двѣ и по три жены. Но тоже самое практиковалось и въ Полянской землѣ. Исторія кіевской династіи даетъ этому много примѣровъ. Ярополкъ былъ женатъ на какой-то Грекинѣ, а сваталъ Рогнѣду. Владимиръ имѣлъ пять женъ оффиціально („водимыя"), кромѣ многочисленныхъ наложницъ. О многоженствѣ у Руси и Славянъ вообще говорятъ также Арабы; Ибрагимъ ибнъ-Якубъ разсказываетъ, что славянскіе короли держатъ въ заперти своихъ женъ; у одного человѣка бываетъ ихъ двадцать и болѣе [1]). Христіанство повліяло лишь въ томъ смыслѣ, что только одна жена считалась настоящей, вѣнчанной; другія звались „меньшцами", „наложницами"; многоженство не исчезало, а также не было проведено различіе между законными и незаконными дѣтьми. Какъ видимъ изъ Правила м. Іоанна, еще сто лѣтъ послѣ Владимірова крещенія было обыкновеннымъ явленіемъ, что нѣкоторые „безъ студа и бес срама 2 женѣ имѣютъ". Святополкъ Изясла-

[1]) Ипат., стр. 50 и 53, Аль-Бекри, стр. 54. Ср. также слова ибнъ-Русте: „если покойный имѣлъ три жены"... Пропускаю разсказъ ибнъ-Фадлана (стр. 101) о русскомъ королѣ, возсѣдающемъ на тронѣ со своими сорока наложницами, потому что едвали этотъ разсказъ относится къ Руси (быть можетъ къ Хозарамъ).

вичъ не дѣлалъ различія между законнымъ сыномъ Ярославомъ и незаконнымъ Мстиславомъ; галицкій Ярославъ передалъ свое княженіе незаконному сыну Олегу, минуя законнаго Владимира, и т. д. О практиковавшейся широкой свободѣ развода свидѣтельствуемъ того Правило м. Іоанна: „иже свое подружье оставить и поимая иную, такоже и жены“ [1]).

§ 216. Положеніе женщины. Славянскія жены имѣли репутацію высокой вѣрности—такіе отзывы имѣемъ отъ Византійцевъ, Нѣмцевъ и Арабовъ (Маврикій, Бонифацій, аль-Бекри) [2]). Очевидно, эта репутація создана въ значительной степени подъ вліяніемъ обычая, по которому жена убивала себя послѣ смерти мужа; но независимо отъ того эта традиціонная репутація все-таки отвѣчала дѣйствительности. О суровыхъ наказаніяхъ за нарушеніе супружеской вѣрности для жены и участника ея вины у западныхъ Славянъ говоритъ Титмаръ; Кардизи говоритъ о восточныхъ, что за интригу съ замужней женщиною виновника убиваютъ, „не принимая никакихъ оправданій“ [3]); наказаніе для жены подразумѣвается само собой. Въ нашихъ источникахъ мы не встрѣчаемъ ни одного упоминанія объ измѣнѣ жены и можемъ принять это въ качествѣ доказательства, что такіе факты были большой рѣдкостью; что они все-таки бывали, доказываютъ хотя бы „урѣканія“ Владимироваго устава.

Такія высокія требованія для жены рядомъ съ полной свободою конкубината для мужа не должны насъ удивлять: какъ уже я замѣтилъ, это были логическіе выводы изъ воззрѣнія, по которому жена является собственностью мужа, слѣдовательно не можетъ выйти изъ его воли и владѣнія, между тѣмъ какъ мужъ имѣетъ полную свободу распологать собою.

Въ этомъ воззрѣніи имѣлъ свое начало весьма долго сохранявшійся обычай сожиганія или вообще умерщвленія жены послѣ смерти мужа: если человѣкъ нуждался въ различныхъ вещахъ своего инвентаря на томъ свѣтѣ, и съ нимъ хоронили различныя

---

[1]) Правила м. Іоанна, §§ 6 и 21, Ипат., стр. 117, 442.

[2]) Стратегика Маврикія XI, 5, Льва Тактика XVIII, § 105. (у Миня, Ser. gr т. LXXXIX, № 760), аль-Бекри въ изд. Розена, стр. 18.

[3]) Отчетъ Бартольда, стр. 123.

наиболѣе употребительныя вещи: оружіе, орудія, убивали его коня,—было вполнѣ естественно сдѣлать тоже и съ его женою.

Позже этотъ жестокій обычай получилъ иное освѣщеніе: считался доказательствомъ похвальной любви жены къ своему мужу, объяснялся иными мотивами, какъ напр. тяжелая участь вдовы, и др. [1]). Онъ извѣстенъ у многихъ индоевропейскихъ народовъ и повидимому не исчезъ у Славянъ IX—X вв. Ибнъ-Фадланъ, какъ мы видѣли, былъ очевидцемъ, какъ одну изъ рабынь русскаго купца убѣдили умереть съ ея господиномъ, убили и сожгли вмѣстѣ съ нимъ; кромѣ свидѣтельства ибнъ-Фадлана мы имѣемъ объ этомъ множество извѣстій, начиная съ Маврикія (VI в.) и кончая рядомъ извѣстій X в. „Женщины ихъ цѣломудренны выше всякаго вѣрованія, такъ что большинство ихъ считаютъ смерть мужа своею собственною и добровольно удавливаются, не считая жизнью жизнь вдовы“, говоритъ Маврикій, и за нимъ повторяетъ это Левъ; о западныхъ Славянахъ свидѣтельствуетъ тоже Бонифацій (VIII в.) и Титмаръ (X в.), о восточныхъ арабскій источникъ IX в. (у ибнъ-Руста и Кардизи), а также Масуди [2]). Страннымъ кажется, что наша лѣтопись, изобличая другія темныя стороны языческой жизни, ничего не говоритъ объ этомъ дикомъ обычаѣ: можетъ быть, христіанскому аскету это самоотверженіе жены не казалось достойнымъ упрека, а еще вѣроятнѣе, что въ XI в. этотъ обычай совершенно вышелъ изъ употребленія, такъ что о немъ не осталось даже воспоминанія.

Масуди говоритъ о восточныхъ Славянахъ и Руси: „когда умретъ мужъ, жену сожигаютъ заживо; если умретъ жена, мужа не сожигаютъ; если умретъ не женатый, его женятъ послѣ смерти; женщины желаютъ быть сожженными, чтобы войти въ рай; это практикуется и у жителей Индіи, только у нихъ жену сожигаютъ тогда только, если сама она желаетъ этого“. Такою женитьбою послѣ смерти, упомянутой Масуди, былъ, по всей вѣроятности, обрядъ, описанный у ибнъ Фадлана. Въ немъ отразились тѣже мотивы, какіе вообще приводили къ практикѣ убиванія жены вмѣстѣ съ мужемъ: въ загробной жизни жена нужна мужчинѣ,

[1]) Цезарь даже мотивируетъ существованіе этого обычая у Галловъ безопасностью мужа, чтобы жена не свела его со свѣта.

[2]) Ибнъ-Дастъ стр. 30, Кардизи. Масуди у Гаркави стр. 129.

поэтому если покойникъ не былъ женатъ, необходимо его женить хотя бы послѣ смерти, чтобы у него была жена на томъ свѣтѣ [1]). Объясненіе, что это необходимо для женщины, такъ какъ она не могла бы иначе попасть въ рай, явилось либо вслѣдствіе недоразумѣнія либо въ результатѣ одной изъ упомянутыхъ мною выше болѣе позднихъ мотивировокъ этого обычая.

Изъ словъ того же Масуди можно бы было заключить, что жена должна была умирать обязательно; однако едвали это было такъ. Онъ самъ говоритъ, что женщины дѣлали это добровольно; изъ словъ Маврикія выходитъ, что не всѣ вдовы рѣшались на самоубійство, а у ибнъ-Русте и др. смерть жены характеризуется какъ актъ любви, къ которой, разумѣется, никого нельзя принудить: если у покойнаго было нѣсколько женъ (ибнъ-Русте говоритъ: три жены), то удавливаютъ ту изъ нихъ, которая заявляетъ, что больше всѣхъ любила покойнаго.

Такъ благородные мотивы подводились съ теченіемъ времени подъ этотъ вовсе не благородный обычай, какъ и весь циклъ супружескихъ отношеній вообще, выйдя изъ безчеловѣчно-реалистическихъ основъ, идеализировался, облагораживался съ теченіемъ времени, проникаясь все болѣе элементами симпатіи, уваженія, взаимнаго долга. Картину этихъ новыхъ отношеній, постепенно создававшуюся среди старыхъ пережитковъ, рисуетъ намъ напр. наше Слово о Полку Игоревѣ въ супружеской четѣ Игоря и его княгини Ярославны. Въ эпоху образованія русскаго государства (и вѣроятно еще значительно раньше) первоначальныя воззрѣнія на жену, какъ на собственность и слугу мужа, были вообще уже анахронизмомъ и сохранялись только въ переживаніяхъ. Древне-русское право признавало жену равноцѣнной съ мужемъ и за убійство жены (безъ вины съ ея стороны) мужъ платилъ такую же пеню, какъ и за всякое иное убійство [2]). Видимъ зачатки и экономической самостоятельности жены—зародышъ отдѣльнаго имущества ея.

Впрочемъ имущественныя права членовъ семьи при жизни

---

[1]) Мотивы и обычай широко распространены вообще на индоевропейской почвѣ, о немъ см. спеціальное изслѣдованіе О. Шрадера, Totenhochzeit, Iena, 1904.

[2]) Обзоръ правовыхъ нормъ въ т. III, гл. 4.

ея главы, мужа-отца, не нормируются правомъ, при чемъ однако имущество считается не исключительной собственностью отца, а общимъ имѣніемъ всей семьи: этимъ объясняется, что право распоряженія этимъ имуществомъ было ограничено для самого отца. Но въ отношенія членовъ семьи другъ къ другу, при жизни ея главы право вообще не вмѣшивается, признавая вполнѣ власть мужа относительно жены и дѣтей. Со смертью отца на первый планъ выступаетъ мать, какъ глава семьи. Разложеніе патріархальной родовой организаціи поставило ее непосредственно послѣ мужа; дѣти получаютъ опекуна только въ такомъ случаѣ, если мать выходитъ замужъ вторично. Обликъ матери-вдовы, разсудительной, полной чувства долга, умѣлой хозяйки и даже суровой домоправительницы рисуется въ нашей старой письменности, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. рѣзкими и сильными чертами. Онъ самъ по себѣ заставляетъ предполагать широкое участіе жены въ дѣлахъ ея семьи и при жизни мужа, и дѣйствительно мы имѣемъ и прямыя указанія относительно достаточно широкой сферы интересовъ и дѣятельности женщины и относительно довольно широкой свободы ея [1]).

§ 217. Родъ. Основанная на патріархальныхъ принципахъ семья входила нѣкогда въ составъ болѣе широкихъ родовыхъ организацій.

У различныхъ индоевропейскихъ племенъ въ началѣ ихъ исторической жизни, и еще позже, видимъ сильно развитой патріархально-родовой строй: семьи, связанныя традиціями родства (по отцу) и еще болѣе общими сакральными, религіозными связями [2]), образуютъ болѣе или менѣе прочныя группы, служащія основой экономическихъ и соціально-политическихъ отношеній. Славянскія и въ частности наши восточно-славянскія племена, несомнѣнно, также прошли черезъ подобную стадію. Украинскій свадебный ритуалъ выводитъ „роды“ жениха и невѣсты, слагающіеся изъ ближайшихъ и дальнихъ родственниковъ:

---

[1]) О семейныхъ отношеніяхъ и вліяніи христіанства на нихъ въ XI—XIII в. см. тамъ-же—т. III, гл. 4.

[2]) Новѣйшая соціологія усиленно подчеркиваетъ фактъ, что родовыя организаціи въ основѣ своей вовсе не были (или—не были необходимо) связаны родовыми узами, и эта связь иногда входитъ только позже въ представленіе ея членовъ.

„Ой роде, роде богатий, подаруй товарець рогатий:
„Ви дайте, таточку, волики, а вы, мамонько, корову,
„А ви дайте, братчики, баранцї, а ви дайте, сестрички, ягнички,
„Ви, далекий родочку, червоні...

или:

Бо наш рід великий, щоб було чим обділити,
У насъ роду много—не обділим всього... [1]).

Въ различныхъ проявленіяхъ быта въ историческую эпоху мы встрѣчаемъ слѣды патріархальнаго родового устройства, родовыхъ отношеній—какъ напр. идея патріархальнаго рода съ его общимъ имуществомъ въ княжескихъ отношеніяхъ кіевской династіи, какъ исключеніе дочерей отъ наслѣдства въ древне-русскомъ правѣ, и т. д. Мы чувствуемъ еще, такъ сказать, близость этихъ родовыхъ отношеній. Возможно, что этотъ родовой строй въ эпоху праславянскую и во времена славянскаго разселенія былъ еще вполнѣ живымъ и дѣйственнымъ. Но въ началѣ исторической жизни нашихъ племянъ мы видимъ его уже только въ остаткахъ и пережиткахъ, въ формахъ ослабленныхъ либо разбавленныхъ уже иными элементами и принципами.

Нужно отмѣтить, этотъ родовой строй племенъ славянскихъ и въ частности восточныхъ долго былъ и въ извѣстной степени и до сихъ поръ остается вопросомъ спорнымъ; но въ значительной мѣрѣ несогласія вытекаютъ изъ различнаго пониманія терминовъ. Все то, что выходитъ за границы болѣе тѣсной семьи (состоящей изъ отца, матери и дѣтей), конечно, еще не родъ непремѣнно, и группа родственниковъ, связанныхъ не родовыми, а какими либо иными (напр. экономическими) связями, также еще не будетъ группой родовой. Понимая родъ какъ такую организацію, гдѣ извѣстныя семьи связываются идеей самого родства

---

[1]) Zbiór wiadomości, X, стр. 51, XI, стр. 137. Этотъ родъ нѣкоторые изслѣдователи (Охримовичъ, op. c.) считаютъ матріархальнымъ Вопросъ объ этомъ оставляю въ сторонѣ (онъ находится въ связи съ вопросомъ о матріархатѣ у нашихъ племенъ вообще), беру только указанія на существованіе родовъ. Иныя указанія историческаго времени указываютъ на родъ патріархальный. Развился ли онъ изъ матріархальнаго, или образовался помимо него—это другой вопросъ. Точно также не касаюсь вопроса о генетическихъ отношеніяхъ рода и семьи (по теоріи стадныхъ и матріархальныхъ стадій семья выводится изъ рода, но это тоже большой и сложный вопросъ).

такъ, что эта связь имѣетъ вполнѣ реальное значенiе, мы должны признать, что въ историческое время у нашихъ племенъ мы видимъ только остатки подобныхъ отношенiй.

§ 218. Лѣтописный „родъ" и большая семья. Защитники родовой теорiи указывали на терминологiю нашей древнѣйшей лѣтописи. Дѣйствительно въ Повѣсти выступаетъ въ качествѣ основы древнерусскаго, вообще славянскаго быта „родъ": „Поляномъ же живущимъ особѣ и владѣющимъ роды своими, и живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ, володѣюще кождо родомъ своимъ (вар.: роды своими)"—говоритъ она[1]). Однако прежде, чѣмъ дѣлать какiе либо выводы изъ этого, необходимо присмотрѣться, какъ собственно понимаетъ это слово Повѣсть или Начальная лѣтопись. Оказывается, что это слово употребляется въ весьма общемъ значенiи. Оно обозначаетъ иногда весь народъ: „мы отъ

---

[1]) Этотъ текстъ лѣтописи о полянскихъ „родахъ" послужилъ фундаментомъ теорiи родового быта, какъ основы общественной организацiи древней Руси. Ее выдвинулъ подъ влiянiемъ исторiи германскаго права дерптскiй профессоръ Густавъ Эверсъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованiи Das älteste Recht der Russen, 1826. Впослѣдствiи эту теорiю талантливо развилъ, проводя чрезъ всю исторiю древней Руси, Соловьевъ въ своихъ статьяхъ О родовыхъ отношенiяхъ между князьями древней Руси, 1846 (вышли затѣмъ подъ названiемъ: Исторiя отношенiй князей Рюрикова дома, 1847), и послѣ въ исторiи Россiи (въ особенности т. I гл. 3 и т. II гл. 1). Другимъ влiятельнымъ представителемъ этой теорiи былъ Кавелинъ (его статьи собраны въ 1859 г. въ его Сочиненiяхъ, имѣется и новое изданiе). Далѣе слѣдуетъ назвать Чичерина (Опыты по исторiи русскаго права, 1858), Никитскаго (Внутренняя исторiя Пскова, 1873), отчасти Забѣлина (Исторiя русской жизни, 1876). Противъ теорiи родового быта выступили славянофилы, считая основною формою русскаго общественнаго строя общину. Особенное значенiе получаетъ критика родовой теорiи (какъ ее формулировалъ Соловьевъ) съ точки зрѣнiя общинной теорiи у К. Аксакова (Сочиненiя, т. I). Впослѣдствiи эта общинная теорiя была положена въ основанiе работъ славянофинской школы, какъ Лешкова, Русскiй народъ и государство, 1858, Бѣляева, Разсказы изъ русской исторiи, 1865. Въ качествѣ средняго воззрѣнiя между этими двумя теорiями явилась впослѣдствiи теорiя задружная или общинно-родовая. Она имѣла то преимущество, что опиралась на конкретный фактъ—аналогiяхъ быта юго-западныхъ Славянъ.

рода Рускаго“ [1]), иногда родъ имѣетъ значенiе династiи, поколѣнiя: „по сей братьѣ начаша дѣржати родъ ихъ княженiе въ Поляхъ“ [2]), иногда—просто семью: Кiй „съ родомъ своимъ“ (самъ одинъ, безъ братьевъ) хотѣлъ поселиться на Дунаѣ, но ему не дали тамъ устроиться [3]); въ древнѣйшей версiи лѣтописи Кiй поселяется на одной изъ кiевскихъ горъ „с родомъ своимъ“, а его братья живутъ на другихъ горахъ [4]). Очевидно, въ этомъ болѣе узкомъ смыслѣ семьи употреблено это слово и въ вышеприведенномъ классическомъ текстѣ лѣтописи о Полянахъ: каждый жилъ со своей семьей и управлялъ ею (вспомнимъ индоевропейское обозначенiе мужа, отца какъ господина, властителя). Только эта семья могла не быть непремѣнно семьей въ тѣснѣйшемъ, современномъ смыслѣ, состоящею изъ отца и малолѣтнихъ дѣтей, а гораздо болѣе широкой.

Въ земляхъ украинскихъ, бѣлорусскихъ и великорусскихъ, у Словаковъ, Болгаръ и болѣе всего—у западныхъ Сербовъ сохранились до послѣдняго времени большiя семьи, состоящiя изъ нѣсколькихъ болѣе тѣсныхъ семей, связанныхъ другъ съ другомъ родствомъ въ мужской линiи, съ общимъ имуществомъ, подъ управленiемъ своего старѣйшины—чаще всего, хотя не исключительно, старшаго въ родѣ. Въ настоящее время все болѣе принимается воззрѣнiе, дѣйствительно весьма правдоподобное, что въ этихъ семейныхъ союзахъ, соотвѣтствующихъ большой индiйской семьѣ (joint family, Grossfamilie) и аналогическимъ семьямъ, извѣстнымъ въ различное время у всѣхъ почти индоевропейскихъ племенъ, имѣемъ пережитокъ не только славянской, но и вообще индоевропейской древности. Впрочемъ въ извѣстныхъ экономическихъ условiяхъ (напр. тамъ, гдѣ земледѣлiе требуетъ большого числа рабочихъ рукъ) такiе союзы семей настолько практичны и вмѣстѣ съ тѣмъ столь елементарны, что диктуются самими условiями быта [5]). Не будучи такимъ сложнымъ и хрупкимъ институтомъ, какъ родовая организацiя, такiя сложныя семьи легче могли переносить всякiя общественныя и колонизацiонныя переломы, могли безконечно долго держаться какъ остатки родовыхъ организацiй, и даже образовываться независимо отъ нихъ.

[1]) Ипат., стр. 19. [2]) ibid., стр. 6. [3]) ibid., стр. 6.
[4]) 1 Новг., стр. 3.
[5]) Grosse, Die Formen der Wirtschaft, гл. IX.

§ 219. Задруга. Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, какъ я уже сказалъ, наиболѣе и чище всего сохранились эти большія семьи у западныхъ Сербовъ, вслѣдствіе чего именно здѣсь онѣ раньше всего обратили на себя вниманіе изслѣдователей и сдѣлались исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ наблюденій [1]). Въ литературѣ онѣ называются обыкновенно „задругами", хотя это названіе въ дѣйствительности встрѣчается лишь спорадически, и общепринятаго, техническаго названія сложная семья не имѣетъ. Впрочемъ имя здѣсь не имѣетъ значенія. Имъ обозначаютъ сложныя семьи, состоящія изъ нѣкотораго числа собственно семей, общаго происхожденія по мужской линіи—до третьяго, четвертаго иногда пятаго поколѣнія. Посторонніе лица также могутъ войти въ задругу путемъ женитьбы или договора, но вообще подобная чу-

---

[1]) Первый обратилъ вниманіе на общественное устройство западныхъ Сербовъ и использовалъ его для реконструкціи историческаго быта Славянъ вообще Г. Иречекъ, Slovanske právo v Čechach a na Moravě. Спеціально для освѣщенія еволюціи древне русскаго быта воспользовался ею Леонтовичъ—О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому Статуту сравнительно съ задругою юго-западныхъ Славянъ, Журналъ М. Н. Пр. 1867, потомъ въ статьѣ: Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Руси, Ж. М. Н. Пр. 1874 (статья неокончена, и авторъ въ ней дальше общихъ фразъ не пошелъ). Основныя идеи его были приняты Бестужевымъ Рюминымъ въ его Русской Исторіи I гл. I, 4, и впослѣдствіи встрѣчаемъ ихъ и у нѣкоторыхъ другихъ русскихъ изслѣдователей. Ту же задружную форму полагали въ основу общественой эволюціи изслѣдователи исторіи другихъ славянскихъ народовъ—напр. для Чеховъ Vacek, Vyvoj society a prava slovanského v Čechách (Aletheia, 1897), для Польши—Balzer, Rewizya teoryi o pierwotnem osadnictwie w Polsce (Kwartalnik hist. 1898) и др. Задружную теорію положилъ въ основу славянской хозяйственной жизни и колонизаціи и Мейценъ въ своей извѣстной книгѣ (A. Meizten, Siedelüng und Agrarwesen der Westgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven, II, 1895). При этомъ однако не обходилось безъ произвольныхъ натяжекъ задружной организиціи, вызывавшихъ неизбѣжные протесты. Такія натяжки напр. у Леонтовича и др. вызвала критику Ягича, Богишича, Собестіанскаго, Самоквасова. Въ самомъ дѣлѣ, задруга явилась золотоносной розсыпью для различныхъ строителей общественныхъ теорій, гдѣ каждый находилъ для себя то, что ему было желательно видѣть, восполняя пробѣлы фантазіею либо разными произвольными толкованіями. Поэтому такія

жеродная примѣсь незначительна и такія смѣшанныя задруги встрѣчаются рѣже,—это прежде всего группа кровная, связанная родствомъ по мужской линіи. Члены ея имѣютъ общее имущество, ведутъ сообща хозяйство и живутъ вмѣстѣ, въ жилищахъ, расположенныхъ вокругъ помѣщенія, гдѣ живетъ глава—домачинъ; въ среднихъ задругахъ бываетъ 15—20 душъ, исключительно большое число, достигаемое ими, это 50—60 душъ. Управляетъ задругой обыкновенно старшій лѣтами—отецъ или старшій въ родѣ, но это не обязательно; иногда „домачиномъ" бываетъ кто-нибудь изъ младшихъ, особенно способный къ тому; выбирается онъ задругой; если нѣтъ взрослыхъ мужчинъ, домачиномъ можетъ быть и женщина (въ особенности мать-вдова), даже дѣвушка. Домачинъ представляетъ задругу передъ всѣми посторонними, ру-

---

критическія предостереженія были вполнѣ умѣстны. Но нѣкоторые изслѣдователи бросились въ противоположную сторону и попытались выбросить задругу изъ исторіи древняго общественнаго устройства, какъ форму позднѣйшаго происхожденія. Первымъ выступилъ съ подобнымъ воззрѣніемъ сербскій ученый Новаковичъ въ статьѣ „Село" (Глас срп. акад. XXIV, 1891), усматривая въ задружной организаціи вліянія византійской и турецкой податной системы, слѣдовательно явленіе позднѣйшее. Впослѣдствіи развилъ его взгляды и пошелъ еще далѣе въ этомъ направленіи Peisker въ статьѣ Slovo o zádruze (Národopisny sbornik českoslovansky, 1899) и подробнѣе по нѣмецки Forschungen zur Social—und Wirtschaftsgeschichte der Slaven. 3. Die serbische Zadruga, Берлинъ, 1900 (Zeitschrift für Social—und Wirtschaftsgeschichte VII). Его поддержали также другіе изслѣдователи древнеславянскаго устройства какъ напр. V. Levec (Věstnik slov. starožitnosti II, и въ послѣдующихъ своихъ Pettauer Studien), Раммъ въ Globus, 1900, Zum Streite über altslavische Hausschipschaften „Zadruga". Но при нѣкоторыхъ цѣнныхъ оговоркахъ и замѣчаніяхъ, эта тенденція свести къ однимъ позднѣйшимъ фискальнымъ вліяніямъ семейно-общественныя формы, сохранившіяся между прочимъ въ задружной организаціи, конечно, была ошибочна. Критики, выступившіе противъ этого взгляда—какъ Balzer, O zadrudze słowiańskiej (Kwartalnik hist. 1899), Смирновъ—Очеркъ культурной исторіи южныхъ Славянъ (Записки казанскаго унив. 1900, V), Kadlec K „Slovu o zadruze" (Narodopisny Sbornik, 1900), Marković, Die serbische Hauskommunion, 1903, Лейпцигъ,—въ этомъ отношеніи стоятъ на почвѣ фактовъ. Но тамъ, гдѣ начинаются доказательства существованія задруги, это понятіе берется иногда слишкомъ широко, и подъ него часто подводятся явленія не относящіяся сюда.

ководитъ хозяйствомъ; однако права его ограничены: во всѣхъ наиболѣе важныхъ случаяхъ онъ не можетъ рѣшать самъ, а лишь вся задруга. Задруга имѣетъ свое имя, преимущественно патронимическое, и оно присоединяется къ именамъ ея членовъ. Разрастаясь она распадается на болѣе мелкія задруги или отдѣльныя семьи; дѣлежъ имущества производится различнымъ образомъ— по числу членовъ, по извѣстнымъ генеалогическимъ линіямъ, или въ соотвѣтствіи большому или меньшему количеству труда, вложенному въ общее имущество отдѣльными семьями. Цѣлаго села задруга никогда не составляетъ, а входитъ въ него какъ составная часть.

§ 220. Сложныя семьи и ихъ переживанія среди украинскаго населенія. Въ горныхъ мѣстностяхъ галицкой и угорской Руси сохранились до нашего времени аналогичныя съ задругой сложныя семьи, только менѣе многолюдныя, достигающія самое большее 25 человѣкъ, съ нераздѣленнымъ имуществомъ, подъ управленіемъ „ґазди“ или „завідції“, чаще всего—старшаго въ семьѣ, который руководитъ хозяйствомъ и является представителемъ семьи передъ посторонними. Такія же сложныя семьи встрѣчались, хотя и весьма рѣдко, и кое-гдѣ въ восточной Украинѣ, а въ XVIII ст. были здѣсь гораздо болѣе частыми[1]). Кромѣ того намъ

[1]) О сложныхъ семьяхъ на украинской территоріи: О. Франко, Карпатські Бойки і їх родинне житє—„Перший вінок“. Píč, Rodový byt na Slovensku a v uherské Rusi (Časopis musea král. Českeho, 1878). Лучицкій, Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи (Сѣверный Вѣстникъ 1889, I i II и отдѣльно, по нѣмецки въ Jahrbücher Шмоллера: Zur Geschichte der Grundeigenthumsformen in Kleinrussland). Ал. Ефименко, Изслѣдованія народной жизни, 1884. А. Щербина, Договорныя семьи (Сѣверный Вѣстникъ, 1888, IX). Самоквасовъ, Семейная община въ Курскомъ уѣздѣ (Записки геогр. общ. по отдѣлу этнографіи, т. IV, 1878). Для южной Славянщины главный матеріалъ даетъ сборникъ В. Богишича, Zbornik zadašnjich pravnich običaja и južnich Slovena 1874, далѣе его же— статью D'une forme particulière de la famille rurale chez les Serbes et les Croates (Revue de droit intern. XVI, 1884), Гешова, Задружно то владѣние и работание въ Болгария (Период. Списание, 1889), Иовановича, Историjски развитак српске задруга, 1896 (Бѣлградъ). Миличевича Задружна куча на селу, 1893. E. Miller, Die Hauskommunion der Südslaven (Iahrb. der intern. Verbin. für vgl. Rechtswissen. III). Бобчевъ, Българска челядна задруга, 1907

хорошо извѣстны формы, издавна развившіяся у насъ изъ этой первичной сложной семьи.

Въ различныхъ мѣстностяхъ Украины—въ Галиціи, на Подольи, на Волыни и въ Полѣсьи, также въ Бѣлорусіи встрѣчаемъ въ актахъ XIV—XVI в. такъ наз. „дворища"; болѣе обстоятельныя извѣстія о нихъ имѣемъ отъ XVI в., когда впрочемъ эти дворища (въ латинскихъ актахъ areae) были уже переживаніемъ прошлаго. Численностью своихъ членовъ дворище уступаетъ упомянутымъ выше большимъ задругамъ и приближается скорѣе къ горпымъ газдивствамъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ встрѣчаются болѣе крупныя дворища (какъ въ одномъ случаѣ—27 домохозяевъ). Въ основаніи дворищнаго союза лежитъ главнымъ образомъ кровная связь (на это указываютъ и ихъ имена, часто патронимическія, либо выведенныя изъ имени своихъ старшинъ); но чужеродная примѣсь тутъ болѣе части: встрѣчаемъ дворища, составленныя изъ двухъ семей разнаго происхожденія, имѣющихъ свои особыя прозвища. Относительно владѣнія имуществомъ членами дворища наши извѣстія весьма скудны; несомнѣнно, въ общемъ владѣніи оставались луга, лѣса и другія угодья, но пахатная земля въ XVI в., хотя еще не всюду была раздѣлена фактически, повидимому не была уже въ общемъ владѣніи: каждый имѣлъ свою, по крайней мѣрѣ идеальную, часть, соотвѣтствовавшую наслѣдственному дѣлежу, генеалогіи членовъ, а не общему числу членовъ въ данный моментъ. Несомнѣнно прежде всѣ вообще земли были общею собственностью дворища. Во внѣшнихъ отношеніяхъ дворище выступало, какъ нѣчто цѣлое; всякія повинности падали на дворище въ его цѣломъ, а не на отдѣльное хозяйство.

Аналогичное дворищу явленіе представляетъ также „посябрина", „себровство", союзъ „сябровъ". Это также группа хозяйствъ, связанныхъ преимущественно кровнымъ родствомъ, иногда вла-

---

(Сборникъ за нар. умотв. XXII). Dopsch, Die Südslavische Hauskommunionen (Oesterr. Rundschau, 1909). Для Словаковъ и Поляковъ цитированныя работы Пича и Бальцера. Литературу и матеріалъ о сложной семьѣ у Славянъ см въ книгѣ Кадльца (K. Kadlec), Rodinny nedíl čili zadruha v pravu slovanskim, 1898. Общая работа—G. Cohn, Gemeinderschaft und Hausgenossenschaft (Zeitschrift f. vergl. Rechtswiss XIII, 1899).

дѣющая нераздѣленной землей, иногда признающая за своими членами права на извѣстныя идеальныя части въ общихъ земляхъ и угодьяхъ. Въ лѣвобережной Украинѣ, гдѣ новая колонизація XVI—XVII вв. и послѣдующая соціальная революція дали случай народу, можно сказать, еще разъ пережить вновь всю эволюцію формъ собственности, эти посябрины крѣпки были еще въ XVIII в.

Какъ на пережитки подобнаго устройства укажу еще на села околичной шляхты на Подольѣ, въ Барской землѣ, гдѣ отдѣльные концы („части") селъ развились изъ такихъ дворищъ, и еще въ XVIII в. не имѣли фактически выдѣленныхъ надѣловъ[1]). Лѣвобережный хуторъ въ своей основѣ былъ собственно говоря также ничѣмъ инымъ, какъ старымъ дворищемъ[2]).

Дворища или посябрины извѣстны намъ ближе съ того времени, когда они уже приходили въ упадокъ и разлагались. Для болѣе ранняго времени мы должны допустить въ нихъ большее значеніе кровной связи и общаго владѣнія, такъ что эти формы встрѣчаются съ упомянутыми выше сложными семьями, и тѣ и другія являются преемниками „рода" нашей Повѣсти. Мы можемъ опредѣлить его какъ семейно-хозяйственный союзъ группы людей, обыкновенно связанныхъ кровнымъ родствомъ по отцу (рѣже—съ примѣсью чужеродцевъ), ведущихъ сообща хозяйство подъ руководствомъ своего старшины, или „старца", „владѣющаго" этимъ „родомъ". На размѣры этого древнерусскаго рода можетъ указывать постановленіе Русской Правды о мести: право мстить имѣютъ отецъ и сыновья, сыновья брата и сестры[3])—это и будетъ обычный составъ такого болѣе тѣснаго „рода".

§ 221. Племя. Память о родствѣ, конечно, шла далѣе этихъ узкихъ границъ. Но далеко не вездѣ и не всегда болѣе

---

[1]) См. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VIII, II, № 96.

[2]) Литература: Влад.-Буданова, Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ XVI в.—Кіевскій сборникъ 1892, Ефименко, Дворищное землевладѣніе въ Южной Руси, („Южная Русь", т. I, Спб. 1904), Любавскаго, Областное дѣленіе в. кн. Литовскаго, стр. 453—4, мое—Економічний стан селян на галицькім Поднїстровю (Жерела, т. I, стр. 3—4, о дворищахъ въ Галицкой Руси), Лучицкаго, Сябры и сябринное землевладѣніе.

[3]) Акад. код. § 1, варіанты у Калачова, стр. 178—9.

тѣсные роды или сложныя семьи связывались сознаніемъ самаго родства или симулирующими родство традиціями въ болѣе широкія организаціи, какія можно бы было назвать настоящими родами, въ собственномъ смыслѣ этого слова. Мы видимъ ихъ у западныхъ Сербовъ, гдѣ такія родовыя организаціи дожили до нашего времени подъ именемъ „братства" и „племени". Въ „братства" входятъ цѣлыя села, или отдѣльныя задруги различныхъ селъ, ведущія свой родъ отъ общаго предка и носящія общее имя; число такихъ членовъ братства иногда доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ, но они считаются родственниками и до послѣдняго времени не женились въ своемъ братствѣ [1]). Изъ братствъ составляется „племя"; впрочемъ разрастаясь братство само можетъ перейти въ племя [2]). Наши племена, судя по различнымъ пережиткамъ, также прошли чрезъ такую стадію, когда въ составъ рода входили не только ближайшіе родственники, но и „далекий родочок". Но въ древней Руси мы уже не встрѣчаемъ слѣдовъ какихъ либо крупныхъ родовыхъ организацій, хотя, конечно, встрѣчались часто группы „родовъ" и селъ, выводившихъ себя отъ общаго корня и считавшихъ себя родственными. Но „братщина" въ древнѣйшемъ восточно-славянскомъ матеріалѣ является уже союзомъ сосѣднихъ поселеній, освященнымъ религіозными, сакральными связями [3]). На традицію еще болѣе крупныхъ родовыхъ группъ указываетъ то общее славянскимъ племенамъ явленіе, что старыя племенныя имена весьма часто имѣютъ патронимическую форму на—*ичи*; такую форму принимаютъ и названія, имѣющія съ достовѣрностью не родовое, а территоріальное происхожденіе, какъ напр. наши Дреговичи (позже въ этой формѣ называется населеніе даже по имени своего города, какъ напр. Псковичи, Тверичи и т. д.). Фактъ этотъ, имѣющій аналогіи и у другихъ индоевропейскихъ народовъ (у Германцевъ напр. суффиксъ inga), указы-

---

[1]) Bogišič, Zbornik, стр. 511 и слѣд., Krauss, гл. III.

[2]) Тутъ племя обозначаетъ болѣе широкій родъ. Въ старославянской письменности оно, какъ и родъ, обозначаетъ родственниковъ, родъ, но также и народъ и φύλη, tribus (эти слова въ свящ. Писаніи переводятся чрезъ „племя"), и въ этомъ послѣднемъ значеніи употребляю его и я, противопоставляя „роду" (gens, γένος).

[3]) Объ этомъ и связанныхъ съ вопросомъ трудностяхъ см. т. VI с. 500—2.

ваетъ, что племена въ своей основѣ считались сначала группами родственныхъ людей общаго происхожденія. Тоже самое видимъ и въ употребленіи слова „родъ“ въ смыслѣ племени, народа— „мы отъ рода рускаго“. Но въ XI—X в. это было только неяснымъ отголоскомъ прошлаго. Старыя родо-племенныя организаціи, по всей вѣроятности, очень сильно ослабѣли или вовсе исчезли въ періодъ славянскаго разселенія и позднѣйшихъ колонизаціонныхъ пертурбацій. Тѣ племена, которыя выступаютъ передъ нами въ X—XI вв., слишкомъ велики, слишкомъ экстенсивны, чтобы у нихъ могла сохраниться традиція общей генеалогіи. Многія племенныя имена могли быть принесены съ прародины; старыя родо-племенныя организаціи могли даже лечь въ основу новыхъ племенныхъ группъ (въ особенности на территоріяхъ ближайшихъ къ прародинѣ, къ исходнымъ пунктамъ разселенія). Но на новой территоріи племенная группировка сложилась уже, несомнѣнно, подъ рѣшающимъ вліяніемъ географическо-колонизаціонныхъ условій, тѣмъ болѣе сильнымъ, чѣмъ далѣе отъ прародины стояло племя, а ближе къ колонизаціонной периферіи.

§ 222. Сельская община. Съ развитіемъ осѣдлой жизни на новыхъ территоріяхъ, при значительной экстенсивности новой колонизаціи, родовыя связи, очевидно, ослабѣвали все болѣе, и за предѣлами сложной семьи чувство родства все болѣе ограничивалось извѣстнымъ моральнымъ значеніемъ, безъ какихъ-либо болѣе реальнаго значенія. Надъ нимъ все болѣе берутъ перевѣсъ мотивы территоріальной близости, сосѣдства, территоріальной и экономической солидарности, принципъ общественный и съ другой стороны—принципъ индивидуальный. Иллюстраціей можетъ намъ послужить снова нашъ свадебный обрядъ, гдѣ мѣсто традиціоннаго рода занимаютъ въ концѣ концовъ сосѣди, члены сельской общины, совершенно не связанные родствомъ. Невѣста приглашаетъ на свадьбу всѣхъ сосѣдей, или все село, и эти сосѣди въ обрядовыхъ пѣснахъ именуются по традиціи родомъ.

Такой переходъ отъ отношеній семейныхъ и родовыхъ къ сосѣдскимъ и общественнымъ былъ тѣмъ легче, что эти сосѣдскія и общественныя отношенія развивались на основѣ отношеній семейныхъ и родовыхъ, или же со значительною ихъ примѣсью. Уже во время перваго разселенія очень часто, или даже обычно ближайшіе роды селились рядомъ другъ съ другомъ, и позже, когда

разростались и распадались сложныя семьи, на старыхъ заимкахъ обособлялись изъ нихъ новыя семьи, и составляли общину, сосѣдство, по большей части связанное между собою родствомъ.

Сложныя семьи въ различныхъ своихъ формахъ (задруга, гадзивство, дворище) обыкновенно никогда не держится вмѣстѣ столь долго, чтобы своимъ размноженіемъ образовать цѣлую, болѣе или менѣе крупную сельскую общину. Общее хозяйство оказывается возможнымъ вести только до извѣстныхъ предѣловъ. Расширять его въ рамкахъ сложной семьи до безконечности оказывается невозможнымъ, и когда веденіе хозяйства встрѣчается съ затрудненіями, сложная семья распадается на нѣсколько меньшихъ, поселяющихся на старыхъ участкахъ отдѣльно другъ отъ друга и начинающихъ вести обособленное хозяйство, и при нормальныхъ обстоятельствахъ эти семьи снова и снова разрастаются и дѣлятся. Такой обычай—селиться семьями или дворищами отдѣльно, среди своихъ участковъ—очевидно исконный общеславянскій обычай. Многолюдныя, тѣсныя села, какія видимъ въ настоящее время, были продуктомъ позднѣйшихъ хозяйственныхъ и всякихъ иныхъ условій. Старую практику представляютъ намъ украинскіе хутора, либо села, сохранившіяся безъ измѣнененій въ томъ видѣ, какъ они развились изъ отдѣльныхъ обособленныхъ дворищъ; таковы горскія села въ Карпатахъ, гдѣ отдѣльныя усадьбы стоятъ среди своихъ участковъ, такъ что село бываетъ разбросано, на нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ. Таковы села старой украинской околичной шляхты на Подольѣ. Этотъ же старый обычай—селиться отдѣльными семьями рисуетъ намъ и Прокопій въ своемъ классическомъ текстѣ о бытѣ Антовъ и Славянъ [1]), говоря, что они живутъ „разбросанными и обособленными поселеніями", „селясь далеко другъ отъ друга".

Группа такихъ семей-дворищъ, связанныхъ сосѣдствомъ, экономическими, а часто также и кровными связями, образовывала со временемъ село въ современномъ значеніи (въ древней Руси это слово не имѣло такого техническаго характера). Кровная связь или воспоминаніе о ней часто оставляли свой слѣдъ въ общемъ патронимическомъ названіи, прилагавшимся ко всей группѣ дворищъ: многочисленныя патронимическія названія посе-

---

[1]) De bello Got. III. XIV.

леній на нашей территоріи на *ичи, вичи, вци,* остались слѣдами такихъ родовыхъ воспоминаній. Память объ общемъ происхожденіи, о принадлежности къ одному роду въ такомъ случаѣ долго поддерживались среди членовъ такой группы, оживляя еще болѣе связи, вытекающія изъ территоріальной близости, сосѣдства и мотивовъ экономическихъ. Лѣса, сѣнокосы, воды долго оставались въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ этихъ родовъ—дворищъ, и только со временемъ (да и то не вполнѣ) индивидуализировалось. Такимъ образомъ и село представляло часто группу связанную семейно-экономическими узами, подобно дворищу, только эти связи были слабѣе, чѣмъ у сложной семьи и даже дворища; примѣсь чужеродцевъ здѣсь могла быть гораздо большею, чѣмъ въ дворищѣ. Но независимо отъ этой чужеродной примѣси, самый принципъ здѣсь другой—это уже не родъ, а община. Если даже въ сложной семьѣ не выдерживаются вполнѣ принципы патріархальныхъ отношеній, и привходятъ нѣкоторые элементы общественные (каковы—возможность избранія старѣйшины, ограниченіе его власти общимъ совѣтомъ членовъ рода, признаніе правъ на имущество всѣхъ членовъ, въ случаѣ нарушенія своихъ интересовъ со стороны старѣйшины могущихъ устранить его или требовать раздѣла)—то въ сельской группѣ семей родовой элементъ отходитъ совершенно на второй планъ. Это уже община, состоящая изъ юридически и экономически самостоятельныхъ хозяйствъ—дворищъ, которыя сами распоряжаются, сами за себя отвѣчаютъ и свои дѣла рѣшаютъ на собраніи старѣйшинъ отдѣльныхъ дворищъ.

Извѣстный родъ, по родовымъ традиціямъ или благодаря экономическому преобладанію, играющему вообще огромную роль въ такихъ отношеніяхъ, можетъ пользоваться особеннымъ почетомъ, особеннымъ вліяніемъ въ такой общинѣ; община можетъ предоставлять старѣйшинѣ этого рода представительство въ извѣстныхъ случаяхъ, можетъ передавать постоянныя функціи представительства или управленія,—но все таки источникъ власти находится въ рукахъ общины. Общее владѣніе сохранялось обыкновенно только въ отношеніи невоздѣланныхъ земель и угодій, либо имѣло характеръ переходной. Общиннаго земледѣлія съ передѣлами участковъ въ нашемъ югѣ не выработалось и великорусская земельная община должна считаться продуктомъ позднѣйшимъ.

Такой процессъ развитія общины изъ семьи можемъ наблюдать въ историческое время напр. въ селахъ мелкой украинской шляхты, имѣвшей всѣ условія для свободнаго развитія и при этомъ, благодаря своему привилегерованному характеру, доставляющей для исторіи своихъ околицъ документальный матеріалъ за нѣсколько столѣтій[1]). Этотъ же процессъ, въ основныхъ его чертахъ, мы можемъ съ полной вѣроятностью перенесть въ сферу древнерусской жизни: онъ вполнѣ совпадаетъ какъ съ аналогичными архаическими формами быта другихъ славянскихъ племенъ, такъ и съ фактами древнерусской жизни.

§ 223. Общинный строй. Сельской группѣ „родовъ"— дворищъ приблизительно соотвѣтствуетъ община Русской Правды— „вервь". Она съ одной стороны настолько не велика, что можетъ ручаться за своихъ членовъ и отвѣчать за преступленіе, совершенное на ея территоріи, съ другой стороны—это союзъ свободный, ея члены сами распоряжаются собою и заключаютъ между собой свободные договоры. Такъ изъ Русской Правды мы видимъ, что вервь платила за своихъ членовъ „дикую виру", если не желала выдать убійцу, или убійство было случайное; но платила только въ томъ случаѣ, если убійца принадлежалъ къ союзу верви,—когда онъ „вложился въ дикую виру"; если же не „вложился", то и самъ отвѣчалъ за себя[2]).

Для уразумѣнія внутренней жизни такой сельской общины за отсутствіемъ о ней извѣстій могутъ служить данныя городской жизни древней Руси: жизнь города была лишь дальнѣйшей ступенью въ развитіи сельской общины. Исключивъ позднѣйшіе элементы княжьей администраціи и дружиннаго строя, видимъ, что дѣлами общины въ городѣ правитъ совѣтъ—вѣче старцевъ (вѣче въ Бѣлгородѣ подъ 997 г., совѣщаніе кіевскихъ старцевъ подъ 983 г.). Самое названіе послѣднихъ указываетъ, что это старѣйшины семей-дворищъ, большей частью пожилые люди (у Болгаръ кое-гдѣ и до сихъ поръ такъ называются наиболѣе влiятельные домохозяева, числомъ около 10—20, правящіе селомъ)[3]). Такое

---

[1]) О нихъ см. въ т. VI с. 247—252.

[2]) Карамз. код. § 4 и 6, варіанты у Калачева, стр. 186—8; о верви въ обзорѣ общественнаго строя Кіевскаго государства см. т. III, гл. IV. [3]) Богишичъ, Zbornik, стр. 521.

же названіе часто имѣлъ глава общины: въ западно-русскихъ земляхъ весьма долго (еще въ XVI в.) встрѣчаемъ „старцевъ", соотвѣтствующихъ „тіунамъ" или „атаманамъ" общинъ въ другихъ мѣстностяхъ [1]): тогда они назначались властями, ранѣе бывали либо выбранными, либо наслѣдственными. Старѣйшинство въ общинѣ издавна могло болѣе или менѣе тѣсно связываться съ опредѣленнымъ родомъ: впрочемъ могли быть здѣсь разные варіанты, какіе видимъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ: въ западной Сербіи напр. въ однихъ общинахъ старѣйшину села выбираютъ, въ другихъ выборъ не практикуется, а старѣйшиною является домачинъ одной и той же, наиболѣе уважаемой задруги (кучи): если эта задруга начнетъ клониться къ упадку, а пріобрѣтаетъ большее значеніе другая, то старшинъ (или князей) берутъ изъ этой послѣдней, и т. д. [2]).

§ 224. Городъ. Территоріальный принципъ, лежащій въ основѣ такой общинной сельской организаціи, служитъ основаніемъ для всего дальнѣйшаго соціальнаго процесса. Исходнымъ пунктомъ болѣе сложной общественной организаціи въ немъ является городъ [3]).

Какъ показываетъ самое слово, городъ представляетъ огороженное, безопасное мѣсто. Территорія нашихъ племенъ, въ особенности болѣе густо и прочно населенная сѣверная половина покрыта многочисленными остатками такихъ городовъ-укрѣпленій, ембріонами города-поселенія, такъ называемыми „городищами" (терминъ этого встрѣчаемъ ужь на первыхъ страницахъ „Повѣсти": „городище Киевѣць" [4]). Эти городища насчитываются у насъ сотнями: напр. въ теперешней Кіевской губ. ихъ насчитываютъ свыше четырехсотъ (435), на Волыни до трехсотъ пятидесяти (348) и т. д., и значительная часть ихъ восходитъ къ достоисторическому или же раннему историческому времени. Недаромъ Норманы называли

---

[1]) См. о нихъ въ т. V ст. 365 и сл.

[2]) Богишичъ, Zbornik I. стр. 522—3.

[3]) О городахъ и городскомъ бытѣ см. Соловьева, т. I, гл. III. Пассекъ, Княжеская и докняжеская Русь, стр. 69 и слѣд., Самоквасова, Древніе города Россіи, 1873. Ключевскій, Боярская дума древней Руси. Русск. Мысль 1880 и короче въ отдѣльномъ изданіи этой работы, гл. I. Пичъ, Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage, стр. 148 и слѣд.

[4]) Ипат. стр. 6.

славянскія земли страною городовъ, Gardariki. Были попытки классифицировать наличныя городища хронологически[1]). Дѣйствительно среди нихъ можно выдѣлить болѣе позднія укрѣпленія, правильной четырехгранной формы, построенныя сообразно требованіямъ артиллерійской стрѣльбы, и затѣмъ оставляя въ сторонѣ загадочныя до сихъ поръ „розкопані могили“ или „городища-майданы“, имѣемъ еще два типа: городища круглыя, расположенныя часто на равнинѣ и окруженныя невысокимъ валомъ, а иногда рвомъ,—и городища на высокихъ, крутыхъ возвышеніяхъ, на мысахъ между рѣками и оврагами, защищенныя съ болѣе доступной стороны системою концетрическихъ валовъ[2]). Эта послѣдняя форма считается типичной для княжеско-дружиннаго періода, первая для древнѣйшаго. Эта классификація вѣроятна въ томъ отношеніи, что дѣйствительно первый типъ укрѣпленій стоитъ несомнѣнно выше второго съ точки зрѣнія инженернаго искусства[3]), а среди круглыхъ городищъ нѣкоторыя обнаруживаютъ слѣды еще каменной культуры: но считать на этомъ основаніи всѣ круглыя городища древнѣйшими было бы слишкомъ поспѣшно. Кромѣ валовъ городъ ограждался часто деревянными укрѣпленіями въ видѣ стѣнъ[4]). Если собственный городъ или замокъ не могъ помѣстить всѣхъ жителей, то „передгородье“ окружали деревянными палисадами (такъ наз. „острогъ“). Каменныя укрѣпленія въ древней Руси не были употребительны, даже каменныя ворота и башни упоминаются только изрѣдка и въ позднѣйшее время какъ нѣчто необыкновенное.

Городъ строился, очевидно, для защиты, убѣжища, чтобы было куда въ опасное время укрыть семью и имущество. Соотвѣтственно тому, въ какихъ условіяхъ жило то или другое пле-

---

[1]) См. Самоквасовъ, op. c., стр. 118 и слѣд., рефераты Антоновича (краткое содержаніе въ Чтеніяхъ кіевск. истор. об-ства, т. III, стр. 10 и слѣд. и въ Трудахъ X съѣзда, т. III, стр. 104). Исторія Сѣв. земли, стр. 52 и слѣд.

[2]) О нихъ см. статью Е. Н. Мельникъ-Антоновичъ въ III т. кіевскихъ „Записокъ“, гдѣ указана и литература о происхожденіи этого типа городища.

[3]) Въ качествѣ типическихъ городищъ этого типа можно указать, напр., городище вышгородское подъ Кіевомъ, въ Галиціи—городище у Звенигорода (повѣтъ Бибрка) надъ с. Подгородищемъ, на очень крутой горѣ, окруженное нѣсколькими линіями валовъ.

[4]) Объ этой фортификаціонной техникѣ см. въ т. III.

мя — болѣе или менѣе безопасныхъ,—оно нуждалось и въ болѣе или менѣе густой сѣти такихъ городовъ. Защита нужна была не только отъ далекаго врага: между мелкими волостями и племенами велись нерѣдко тоже ожесточенныя драки и войны и въ виду ихъ необходимо было имѣть безопасное убѣжище. Для группы нѣсколькихъ родовъ или селъ совершенно необходимымъ было имѣть свой городъ, и часто и болѣе мелкія группы населенія —отдѣльныя села или роды считали нужнымъ имѣть свой собственный городокъ. Насколько чувствительна была эта потребность, видно изъ начальныхъ легендъ Повѣсти (при всей своей легендарности дающихъ вполнѣ реальную картину быта): Кій, разсказываютъ онѣ, прійдя съ своимъ родомъ къ Дунаю, поставилъ для себя отдѣльный городокъ. Три кіевскихъ брата со своими родами-семьями сообща ставятъ себѣ городокъ для защиты. Разумѣется, соотвѣтственно тому, какая группа устраивала городокъ, таковъ и былъ этотъ городокъ. Рядомъ съ громадными городищами, занимающими нѣсколько десятинъ, встрѣчаемъ и очень небольшія, гдѣ могло умѣститься едва нѣсколько семействъ со своимъ имуществомъ.

Постройка и содержаніе въ исправности города создавали извѣстную связь между участниками. Тамъ, гдѣ населеніе жило рѣдкими и разбросанными поселеніями, устройство такого небольшого городка сосѣдними „родами“—дворищами на случай опасности могло послужить нерѣдко первымъ или однимъ изъ первыхъ толчковъ къ переходу сосѣднихъ поселковъ въ сплоченную группу, соотвѣтствующую нашему представленію о сельской общинѣ. Въ другихъ случаяхъ городокъ связывалъ бо́льшую массу поселеній, соотвѣтствующую группѣ сельскихъ общинъ. Въ обоихъ случаяхъ это была чисто территоріальная связь, независѣвшая отъ того, считали себя ли или не считали эти участники членами одного рода. Затѣмъ на ряду съ вопросами, связанными съ постройкою и содержаніемъ городка возникали иныя связи—общая защита во время войны, собираніе необходимыхъ средствъ на общія цѣли, поддержаніе общественнаго спокойствія, преслѣдованіе преступниковъ и нарушителей мира. Въ эпоху Литовскаго государства мы видимъ въ нашихъ земляхъ совершенно независимые отъ правительственной администраціи, очевидно чрезвычайно древніе союзы сосѣднихъ селъ-общинъ, въ извѣстныхъ территоріальныхъ

границахъ творившіе судъ въ уголовныхъ дѣлахъ своей территоріи на особыхъ „вѣчахъ“, на которыя сходились домохозяева изъ всѣхъ этихъ общинъ. Это такъ называемыя „копы“; въ XVI в. онѣ уже доживаютъ свои дни и возникновеніе этого института относится, очевидно, къ древнерусской эпохѣ [1]).

§ 225. Городскія поселенія и системы городовъ. Въ дальнѣйшей эволюціи общественныхъ отношеній, конечно, имѣли значеніе не города-укрѣпленія, а городскіе центры, связавшіе болѣе крупныя группы поселеній, и они пріобрѣтали значеніе тѣмъ большее, чѣмъ крупнѣе были эти группы и охваченныя ими территоріи. Въ этомъ отношеніи судьба и роль городовъ была весьма различна. Основанные для защиты во время опасности, одни городки оставались и впослѣдствіи только убѣжищемъ для небольшихъ группъ сосѣднихъ дворищъ или селъ, и въ мирное время стояли пусто. Другіе же со временемъ становились узлами сложныхъ и постоянныхъ общественныхъ и политическихъ отношеній не только для своей непосредственной окрестности, но и для сосѣднихъ городовъ и ихъ округовъ. Различныя обстоятельства могли вліять на созданіе такого выдающагося значенія. Въ однихъ случаяхъ оно могло быть дано предшествующею жизнью данной мѣстности и лишь принято и продолжено съ новымъ разселеніемъ, въ другихъ создалось новою еволюціею отношеній. Тамъ, гдѣ болѣе развитъ былъ элементъ родовой, городъ старѣйшаго рода въ извѣстномъ племени могъ естественно сдѣлаться центромъ для всѣхъ другихъ городковъ племени; у насъ, какъ уже я замѣтилъ, слѣдовъ такого болѣе широкаго развитія родового элемента незамѣтно въ историческое время; также точно можно лишь гадательно говорить о значеніи резиденцій племенныхъ князей и старѣйшинъ. Оставляя въ сторонѣ эти обстоятельства какъ возможныя только, укажемъ другія, чисто, территоріальныя причины, выдвигавшія тотъ или другой городъ. Такою причиною могло быть особенно прочное и надежное положеніе городка, либо его особенно важное стратегическое значеніе, дававшее ему значеніе ключа къ цѣлой территоріи и заставлявшее принимать участіе въ его защитѣ всѣ сосѣдніе округа; вообще интересы и нужды

[1]) Литературу „копъ“ и ихъ исторіи см. въ V т. стр. 629.

обороны могли играть здѣсь важную роль. Но не менѣе важное значеніе имѣли и торговые мотивы: городъ, расположенный на какомъ либо торговомъ пути, игралъ роль торговаго центра для болѣе обширной территоріи; въ немъ образовывалось постоянное торговое и промышленное населеніе и возникала необходимость особенной защиты его на случай войны. Затѣмъ выдвинувшійся по тѣмъ или инымъ причинамъ городъ все болѣе и болѣе привлекалъ къ себѣ постоянное населеніе, селившееся въ предѣлахъ городскаго укрѣпленія и вокругъ него, и такимъ образомъ выросталъ вокругъ него „острогъ“—огражденныя поселенія вокругъ настоящаго „города“. Вмѣстѣ съ тѣмъ такой городъ становился общепризнаннымъ, вліятельнымъ центромъ для болѣе или менѣе обширной территоріи: община его „гражанъ“ пріобрѣтала особенное вліяніе во всякаго рода дѣлахъ; голосъ ея имѣлъ рѣшающее значеніе для всего округа: она руководила всѣми дѣлами и давала тонъ: „что же старѣйшии сдумаютъ, на томъ же пригороди станутъ“ [1]), городъ рѣшаетъ дѣла и за свои пригороды, т. е. за общины и города, стоящіе подъ его политическимъ вліяніемъ, подъ его гегемоніею,—этотъ принципъ общественной жизни древней Руси, несомнѣнно, имѣлъ свое начало въ жизни такихъ мелкихъ группъ и отсюда уже былъ перенесенъ на болѣе крупныя. Во внѣшнихъ отношеніяхъ такая эволюція общественныхъ отношеній давала себя чувствовать порой тѣмъ, что населеніе округа, „тянувшее“ къ этому центральному городу, принимало его имя, замѣнявше и вытѣснявшее изъ употребленія старое племенное названіе. Такъ появлялись Бужане и Червняне на территоріи Дулѣбовъ, Полочане, Смольняне и Псковичи на территоріи Кривичей, и т. п.

Эти системы, гегемоніи городовъ послужили необыкновенно важнымъ моментомъ въ дальнѣйшей эволюціи соціально-политическихъ отношеній, но онѣ не вездѣ развились одинаково, въ зависимости отъ большей или меньшей интенсивности культурной и политической жизни, отъ большого или меньшаго развитія городского устройства. Между тѣмъ какъ въ однѣхъ земляхъ—напр. у Сѣверянъ, у Дулѣбовъ, у Полянъ эти городскія организаціи еще въ первыя времена исторической жизни занимаютъ мѣсто старой племенной организаціи, въ другихъ—у Древлянъ, Радимичей,

---

[1]) Лавр. стр. 358.

Вятичей не развились такіе сильные городскіе центры, земли эти долго сохраняютъ свое аморфное племенное устройство, и сами племенныя названія живутъ еще долгое время. Въ особенности слѣдуетъ это сказать о Вятичахъ, еще въ XII в. выступающихъ подъ своимъ племеннымъ названіемъ, въ томъ же аморфномъ состояніи, безъ какихъ либо болѣе значительныхъ политическихъ центровъ.

§ 226. Земли-волости. Городская—чисто территоріальная группировка встрѣчалась съ племеннымъ дѣленіемъ, и изъ сочетанія этихъ двухъ элементовъ возникали на мѣстѣ первоначальныхъ племенныхъ территорій-земель новыя земли-волости (волость—власть, подвластная территорія, организація). Территоріи племенъ съ слабо развитой городской жизнью, безъ сильныхъ городскихъ центровъ, были притянуты къ сосѣднимъ чужеплеменнымъ центрамъ—Древляне къ Кіеву, Радимичи и Вятичи къ Чернигову. Съ другой стороны сильное развитіе городскихъ центровъ приводитъ къ разложенію племенной территоріи на нѣсколько волостей-княжествъ: такъ Сѣверщина раздѣлилась на землю Черниговскую и Переяславльскую, Кривичская территорія—на Смоленскую и Полоцкую (или и Псковскую), Дреговичская на Туровскую и Пинскую волость. Надо только сдѣлать оговорку: на укрѣпленіе связей города съ пригородами, на преобразованіе этихъ связей въ формальную зависимость пригородовъ отъ города, несомнѣнно, повліяло самымъ рѣшительнымъ образомъ уже княжеско-дружинное устройство. Мы видимъ эти отношенія всюду въ томъ видѣ, какъ они сложились во времена развитія этого новаго политическаго элемента. Трудно сказать, была ли безъ него гегемонія города надъ пригородами чѣмъ либо большимъ, нежели моральный перевѣсъ, нравственное вліяніе. Возможно, что вполнѣ конкретной и реальной зависимость отъ „города“ его „пригородовъ“ стала уже тогда, когда въ городѣ явился князь, или его намѣстникъ, съ наличностью военной силы для поддержанія своего престижа. Поэтому дальнѣйшая политическая роль города входитъ уже въ исторію новаго княжеско-дружиннаго устройства, исторіею которою займемся въ слѣдующемъ томѣ.

Примѣчанія.

1. Греческая колонизація сѣвернаго берега Чернаго моря. О греческихъ поселеніяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря имѣется громадная литература, изъ которой называемъ лишь болѣе важное и новое (подробнѣе см. во 2 изданіи).

Общія работы: монографія Бека во II т. Corpus inscriptionum Graecarum (гл. XI). Koehler, Gesammelte Schriften I—II, 1850. Уваровъ, Изслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи, 1851 (также по французски 1855). Кене, Описаніе музеума кн. В. Кочубея I—II (также по французски 1857). E. Muralt, Les colonies de la côte nord-ouest de la mer Noire depuis le Danube jusqu'au Boug— Memoires de la société d'archéologie de St. Petersbourg, II. Беккеръ, Берегъ Понта Евксинскаго отъ Истра до Борисѳена—Записки одесскія, т. III. Thirion, De civitatibus quae a Graecis in Chersoneso Thaurica conditae fuerunt, 1884. Bürchner, Die Besiedelung der Küsten des Schwarzen Meeres durch die Milesier, 1884. G. Herzberg, Kurze Geschichte der altgriech. Colonisation, 1882 (Gütersloh). E. Meyer, Geschichte Alterthums, II, §§ 286—9, 419. Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, т. I. Кулаковскій, Прошлое Тавриды, 1906. Stern, Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschung (Klio 1909). Латышевъ, статьи въ сборникѣ *Ποντικά*. Спб. 1909.

Для Митридатовой эпохи специально: Meyer, Geschichte des Königreichs Pontos, 1879. Niese, Straboniana (Rheinisches Museum, 1887). Th. Reinach, Mithridat Eupator, нѣм. пер. Strazzula, Mitridate VI, gli Sciti e il regno Bosporano fino al 62 d. C., 1903, Мессина. Для римской эпохи: Domaszewski, Die Entwicklung der Provinz Moesia, N. Heidelb. Jahrb. 1891. Premerstein, Die Anfänge der Provinz Moesia (Jahreshefte d. öster. arch. Inst. 1898). Ростовцевъ, Римскіе гарнизоны на Таврическомъ полуостровѣ (Ж. М. Н. Пр. 1900, III), и въ другой редакціи: Römische Bestatzungen in der Krim und das Kastell Charax (Klio, 1902). B. Filow, Die Legionen der Provinz Moesia, 1906 Также Моммсенъ, Römische Geschichte, т. V, гл. VII.

Спеціальная литература для Тиры: Беккеръ, Гражданскій бытъ Тиритовъ, 1849. Брунъ, Черноморье, т. I. Фонъ-Штернъ, О послѣднихъ раскопкахъ въ Аккерманѣ (Записки одесскія, XXIII— выясняется вопросъ относительно мѣстоположенія древней Тиры). Кочубинскій, Тура (Турасъ)—Бѣлгородъ—Аккерманъ и его новая лапидарная надпись отъ 1454 г. (ibid.).

Для Ольвіи: Латышевъ, Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ Ольвіи, 1887. Hirst, The cults of Olbia, 1902, переводъ съ дополненіями Латышева въ Изв. арх. ком. XXVII. Ростовцевъ, Миѳридатъ Понтійскій и Ольвія, ibid. XXIII. О новѣйшихъ находкахъ и раскопкахъ кромѣ отчетовъ (см. ниже) еще отчеты проф. Штерна въ протоколахъ одесскаго историч. об-ства— Записки од. т. XXII, и Фармаковскаго въ Извѣстіяхъ археологической комиссіи, вып. III, VIII, XIII.

Для Херсонеса: Кене, Изслѣдованія объ исторіи и древностяхъ Херсонеса Тавр. 1848. Becker, Die Herakleotische Halbinsel, 1856. Rambaud, L'empire grec au X siècle—Constantin Porphyrogénète, 1570, экскурсъ о Херсонесѣ, стр. 484 и слѣд. Брунъ, Черноморье, т. I. Латышевъ, Эпиграфическія данныя о государственномъ устройствѣ Херсонеса Таврич. Ж. М. Н. Пр. 1884, VI. Статьи Мальмберга и Орѣшникова о раскопкахъ 1888 и 1889 г. въ Матеріалахъ по археол. Россіи, № 7. Бертье Делагардъ, Надпись времени императора Зенона, въ связи съ отрывками изъ исторіи Херсонеса—Записки одесскаго историч. общества, т. XVI, его же: Раскопки Херсониса, 1893 (Матеріалы по археологіи Россіи, изд. археол. ком. № 12), его же: О Херсонесѣ 1907 (Изв. археол. ком. XVI). Schneidewirth, Zur Geschichte von Cherson (Sebastopol) in Taurien, Берлинъ, 1897. Селивановъ, О Херсонесѣ Таврическомъ, Одесса, 1898. Brandys, Chersonesos, 1899. Бобринскій, Херсонесъ Таврическій, 1905. Памятники христіанскаго Херсонеса, т. I, 1905 (изд. Айналовъ), т. II, 1908 (изд. Шестаковъ). Отчеты о новѣйшихъ раскопкахъ Костюшко-Валюжинича въ Изд. археол. ком. гг. 1899—1907.

Для Пантикапея и Боспорскаго царства: Ашикъ, Воспорское царство, 1847. Antiquités du Bosphore Cimmérien, 1854, Леонтьевъ, Археологическія разысканія на мѣстѣ древняго Танаиса и въ его окрестностяхъ, 1854 (Пропилеи, IV). Герцъ, Археологическая топографія Таманскаго полуострова и Историческій обзоръ археолог. изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ—Собр. соч. т. I и II, 1898. Забѣлинъ, Объясненіе Страбоновыхъ свидѣтельствъ о мѣстностяхъ Воспора Кимм.—Труды III арх. съѣзда, т. II. Орѣшниковъ, Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ, 1884. Монографія Латышева, изданная въ вступленіи къ II т. Inscriptiones (1890), впослѣдствіи по русски (повторена въ его сборникѣ Ποντικά, 1909). Паначовний, Стародавні грецькі кольонії боспорські въ ме-

жах теп. Кубанськоï области—Записки Наук. тов. ім. Шевченка, т. II. Ortmann, De regno Bosporano Spartocidarum, 1894 (дисс., Галле). Мельниковъ - Разведенковъ, Воспоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ 1896 (Сборникъ для изученія мѣстностей и племенъ Кавказа, т. XXI). Кулаковскій, Къ исторіи Боспора Киммерійскаго въ концѣ VI в. (Византійскій Временникъ, 1896). Brandys, Bosporos, 1897 (Pauly-Wissowa, Realencyclopädie). О новѣйшихъ систематическихъ раскопкахъ древняго города см. отчеты Думберга и Шкорпила въ Извѣстіяхъ археол. комм.

О понтійской торговлѣ спеціально см. Preller, Ueber die Bedeutung des Schwarzen Meers für den Handel und Verkehr der alten Welt—Ausgewählte Aufsätze, heurausg. von Köhler, 1864. Спеціально о рыбномъ промыслѣ: Köhler, Τάριχος ou reherches sur l'histoire et sur les antiquités der pêcheries de la Russie méridionale (Nouveaux mémoires de l'Acad. de St. Petersbourg, VI, Sv. I), также Bonnel, Beiträge Zur Alterthumskunde Russlands, I, стр. 97—9, гдѣ указана и болѣе новая литература. О хлѣбной торговлѣ—многословное изслѣдованіе G. Perrot, La commerce des céréales en Attique au IV siècle avant notre ère—Athénes et le royaume du Bosphore Cimmérien, Revue historique 1877, IV. Мищенко, Торговыя сношенія Аѳинской республики съ царями Босфора—кіевск. Univer. Изв. 1878, а также у Латышева, Ольвія, гл. I.

Черноморской торговли касается отчасти извѣстная работа Садовскаго, Drogi handlowe, въ нѣмецкомъ переводѣ Кона: Die Handelsstrassen der Griechen und Römer durch das Flussgebiet der Oder, Weichsel, des Dnieper und Niemen an die Gestade des Baltischen Meeres (1877), но книга эта вообще ниже своей репутаціи, полна всякихъ неточностей и произвольныхъ сужденій.

Эпиграфическій матеріалъ собралъ Латышевъ въ Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini, I, II и IV, 1885—1901 и Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ, 1896; обширные коментаріи въ Матеріалахъ по археологіи Россіи, вып. 9, 17 и 23). Находки послѣднихъ лѣтъ—въ Извѣстіяхъ археол. ком. Тексты греческихъ и римскихъ авторовъ для нашего побережья собраны также Латышевымъ. Извѣстія древнихъ писателей о Скиѳіи и Кавказѣ (вышло 5 выпусковъ). Нумизматическій матеріалъ наиболѣе полно собранъ у Бурачкова, Общій каталогъ монетъ, принадлежащихъ эллинскимъ колоніямъ на сѣверномъ берегу Черноморья, 1884, болѣе новая работа—Подшиваловъ, Монеты царей Босфора Киммерійскаго, въ Запискахъ одесскаго историч. общества, т. XV. Керамика: Музей одесскаго общества исторіи т. I—II, терракоты Ѳеодосіи, Ольвіи и Пантикапеи, т. III, Ѳеодосія и ея керамика (1897—1906).

Много мелкихъ изслѣдованій и матеріаловъ въ одесскихъ Запискахъ, Трудахъ VI археол. съѣзда и въ Извѣстіяхъ археол. ком.

Болѣе подробную библіографію для Крыма см. въ указателѣ Маркевича, Taurica, I—II, для кавказскаго побережья въ болѣе старой работѣ Міансарова, Bibliographia caucasica et transcaucasica, 1874.

2. Литература Геродотовой Скиѳіи. Объясненіе Геродотовыхъ извѣстій о Скиѳіи и вообще скиѳскій вопросъ имѣетъ цѣлую литературу; назовемъ лишь наиболѣе важное или новое: Zeuss, Die Deutschen und die Nachbarstämme (1837); Ukert Geographie der Griechen und Römer, III. 2—Skythien (1846); Neumann, Die Hellenen in Skythenlande (1855); Древности Геродотовой Скиѳіи; т. I и II, 1865 и 1873; Забѣлинъ, Исторія русской жизни I, 1876; Bonnell, Beiträge Zur Alterthumskunde Russlands, I (1882); Sayce, The ancient Empires of the East. Herodotos I—III, 1883 (противъ его скептическихъ взглядовъ выступилъ Ф. Мищенко съ статьями: Былъ ли Геродотъ въ предѣлахъ Южной Россіи и Не въ мѣру строгій судъ надъ Геродотомъ, перепечатанными во II т. его перевода Геродота); Mair, Das Land der Skythen bei Herodot (Saaz, 1885); Лаппо-Данилевскій, Скиѳскія древности, 1887 (Записки спб. археологич. общества, т. IV); Миллеръ, Осетинскіе этюды, т. III (экскурсъ II); Tomaschek, Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden (Sitzungsberichte der Wiener Ak., т. 115 и 117); A. Hauvette, Géographie d'Hérodote (Revue de phil. 1889); Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, т. II (1889); Krauth, Das Skythenland nach Herodotos (Neue Jahrbücher für Phil., 1890, т. I) и Die Sieben Flüsse Skythiens nach Herodots Bericht, 1894 (Erfurt, Festschrift); Мищенка, кромѣ упомянутыхъ, статьи въ Журн. М. Н. Пр. 1896, кн. V и XII, Филолог. Обозрѣніи 1898 и слѣд.; Браунъ, Разысканія (экскурсъ о Скиѳіи, стр. 228 и слѣд., особенно подробно о Герросѣ); Niederle Slov. Starožitnosti I и II (1904); Westberg, Zur Topographie des Herodot (Klio 1904 и 1906). См. еще изд. 2-е.

Перечислять разные взгляды на національность Скиѳовъ было бы очень долго—и безполезно. Распространенный прежде взглядъ на Скиѳовъ, какъ народъ урало-алтайскій, представленный Нибуромъ, Бекомъ и Нейманномъ (главная работа этого направленія), подвергли критикѣ Шифнеръ въ Mélanges asiatiques петерб. академіи 1856, т. II и Всеволодъ Миллеръ въ III томѣ своихъ Осетинскихъ этюдовъ; изъ новѣйшихъ защитниковъ прежней теоріи см. работу Нодя (G. Nagy) о Скиѳахъ въ изд. венгерской академіи. Смѣшаннымъ населеніемъ считали Скиѳовъ Фр. Миллеръ, Вамбери, Мищенко, Латышевъ и отчасти самъ Всеволодъ Миллеръ. Иранское происхожденіе Скиѳовъ обстоятельно доказывалъ уже Цейсъ въ Die Deutschen und die Nachbarstämme, стр. 285 и слѣд., главнымъ образомъ на основаніи этнологическихъ сходствъ. Лингвистическая связь Скиѳовъ съ Иранцами доказана была обстоятельно работой Мюлленгофа Über Herkunft und Sprache der pontischen Skythen und Sarmaten въ Monatsberichte der Berliner

Akademie 1866 (перепечатана съ добавленіями въ III томѣ его Deutsche Altertumskunde). Дальнѣйшимъ важнымъ пріобрѣтеніемъ въ этой области являются изслѣдованія московскаго профессора Вс. Миллера, который исходилъ изъ спеціальныхъ изученій Осетинъ: Осетинскіе этюды, т. III, 1887, Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи, Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія 1886, IX (въ сокращенномъ видѣ вошла въ Осетинскіе этюды) и его же этнографическое изслѣдованіе: Черты старины въ преданіяхъ и бытѣ Осетинъ, ibid. 1882, VIII. Впрочемъ самъ Миллеръ навѣрное считаетъ Иранцами только Сарматовъ и западныхъ, осѣдлыхъ Скиѳовъ, а восточныхъ, кочевыхъ отдѣляетъ отъ нихъ, хотя всѣ доказательства ихъ урало-алтайства признаетъ несостоятельными. Факты исторіи культуры и искусства, указывающіе во всякомъ случаѣ на тѣсныя связи скиѳско-сарматскаго населенія съ Иранцами передней Азіи, отмѣчены въ упомянутомъ трудѣ Толстого и Кондакова, т. II. Далѣе должно упомянуть цитированное уже выше изслѣдованіе Томашека Kritik der ältesten Nachrichten ü. skythischen Norden и его же статью въ Ausland, 1883, № 36, Soltau, Zur Erklärung der Sprache der Skythen, Berlin, 1887, Соболевскаго, Einige Hypothesen über Die Sprache der Skythen und Sarmaten (Archiv XXVII, 1905).

3. Государство Германариха и Днѣпровскій городъ Готовъ. До сихъ поръ мало сдѣлано для историческаго освѣщенія Іордановой легенды о государствѣ Германариха. Правда, еще Кепке (Koepke, Deutsche Forschungen, стр. 104 и слѣд.), потомъ Бессель (l. c. c. 156—7) пробовали выдѣлить изъ этой легенды то, что принадлежитъ народной сагѣ, и то что привнесли въ нее литературныя переработки, Кассіодора и Іордана. Реестръ народовъ считали они позднѣйшимъ литературнымъ развитіемъ легенды, гласившей, что Германарихъ покорилъ множество сѣверныхъ народовъ: исключали отсюда только Геруловъ и Славянъ-Венедовъ, предполагая, что о нихъ могла упоминать и первоначальная сага. Къ сожалѣнію, этотъ здравый, критическій взглядъ на Германарихову легенду, также какъ и скептическія замѣчанія Гримма (Die deutsche Heldensage, стр. 8), Шафарика (I. 18.7), Палльмана (I стр. 46 и слѣд.), не получили дальнѣйшаго развитія въ наукѣ. Констатируя разныя несообразности, ученые все же не рѣшались распрощаться съ Германариховою легендою и самое большое—пробовали исправить ее при помощи различныхъ поправокъ и искусственныхъ толкованій; на такой почвѣ стоятъ напр. Витерсгеймъ II² стр. 2 sq., Мюлленгофъ II стр. 73, Данъ Urgeschichte I стр. 230, Кауфманъ, Deutshe Geschichte, I стр. 102—3, Браунъ, Разысканія, стр. 1, Marquart, Oesteurop. Streifzüge, стр. 378, Шмидтъ, Geschichte d. deut. Stämme, стр. 99 и слѣд. и новѣйшая Allg. Gesch. d. german. Völker, стр. 88 и проч. (Общій взглядъ на Германарихову легенду

и ея литературу см. Paul, Grundriss der germanischen Philologie, III[2], гл. XVI, § 39—43, Jireczek, Deutsche Heldensage, 1898).

Всѣ старанія изслѣдователей до сихъ поръ направлены почти исключительно на расшифрованіе ряда „искаженныхъ именъ“ побѣжденныхъ народовъ. Уже Цейссъ (ор. с. 688 и слѣд.) усмотрѣлъ названія Веси, Мери, Мордвы и Черемиссвъ въ Іордановыхъ Vasina, Merens, Mordens, Imniscaris, и окончанія ens, ans объяснялъ какъ готскіе суффиксы множественнаго числа. Этимъ путемъ пошли и позднѣйшіе изслѣдователи, принимая въ значительной степени толкованія Цейсса и стараясь реставрировать другія имена этого ряда. Такъ, Коскиненъ Tiudos in Aunxis толковалъ какъ Чудь на Aunus (Aunuksenmaa), между Ладожскимъ и Чудскимъ озеромъ,—толкованіе, принятое и Мюлленгофомъ, но отвергнутое Снельманомъ. Мюлленгофъ (II стр. 74 и слѣд.) въ Goltescytha видѣлъ Scuti Адама Бременскаго—славянскую Чудь, въ Broncas – Пермь (Біармію, гот. Bermans). Марквартъ Rogastadzans объясняетъ какъ готскій переводъ Птолемеевыхъ Ῥόβοσκοι—жителей Поволжья (Rha). Въ Navego видѣли нѣкогда даже Новгородъ.

Новый путь въ этомъ вопросѣ указалъ Теодоръ Гринбергъ въ своей статьѣ Ermanariks Völker (Zeitschrift für deutsches Altertum, m. 38, 1895). Онъ сталъ на той точкѣ зрѣнія, что этотъ рядъ, являясь отрывкомъ или цитатою изъ какой то пѣсни, содержитъ не имена, а поэтическіе эпитеты. Свои объясненія даетъ онъ болѣе для примѣра и такой же безпритязательный характеръ имѣетъ его попытка реставрированія ритмическаго цѣлаго этой цитаты:

scýthathiudos ínaxungis
uasinobrocans mérens mórdens
ímniscàns rógastádzans
áthalà ubegénascolda.

Это обозначало бы: „Скиѳскіе народы, ѣздящіе на возахъ, жителей луговъ—Мерянъ и Мордвянъ (или же и здѣсь Гринбергъ готовъ видѣть эпитеты), жителей равнинъ – пустынниковъ, народы обязанные военной помощью“. Впрочемъ самое истолкованіе отдѣльныхъ словъ – вещь второстепенная, но основная идея—свести большинство словъ этого рода къ эпическимъ названіямъ, а весь рядъ къ поэтическому отрывку, весьма цѣнна. При этомъ возникаетъ вопросъ, связывалась ли въ своемъ прототипѣ эта фраза съ Германарихомъ? Это возможно, но точно также могла она быть связана съ нимъ лишь въ литературной редакціи Германариховой легенды. Во вторыхъ, относительно тѣхъ реальныхъ именъ народовъ, какіе оказались бы въ этой фразѣ, на сколько можно полагаться на литературное преданіе, что они дѣйствительно когда либо находились подъ властью Готовъ, при Германарихѣ или въ другое время, или вошли сюда по крайней мѣрѣ благодаря воспо-

минаніямъ о какихъ либо войнахъ и конфликтахъ съ Остготами, а не взялись просто по наслышкѣ, совершенно случайно, какъ различные реальные и легендарные народы болѣе поздней Александровой легенды? Къ сожалѣнію новѣйшіе изслѣдователи не обращали вниманія на эти стороны вопроса и интересная попытка Гринберга не повліяла въ этомъ направленіи, точно также какъ и болѣе раннія указанія здраваго историческаго скептицизма. Признавая глубокія вліянія позднѣйшей поэтической обработки въ Іордановой версіи Германариховой легенды, изслѣдователи однако слѣпо придерживаются традиціи относительно огромнаго протяженія его политической власти и главное вниманіе обращаютъ на расшифровку народовъ, записанныхъ этой легендой въ качествѣ его подданныхъ, а не на критику самой традиціи съ исторической стороны.

О „Днѣпровской столицѣ“ Германариха болѣе всего говоритъ Hervarasaga; въ ней выступаетъ Глодъ, незаконный сынъ короля Гейдрека, властвовавшаго въ Рейдготіи вплоть до Harvadhafjöll (толкуютъ: Хорватскія или Карпатскія горы, вар. havada—отвѣсныя горы), а столицей его „Днѣпровскій городъ“. По смерти Гейдрека онъ требуетъ отъ его наслѣдника и сына, Ангантира, чтобы тотъ отдалъ ему половину отцовскаго достоянія: „половину великаго лѣса, называемаго Myrkividr (темный лѣсъ), святую могилу, лежащую у дороги (варіантъ: въ Готскихъ краяхъ), прекрасную скалу въ Днѣпровскихъ мѣстахъ, половину замковъ, обладаемыхъ Гейдрекомъ“. Но эта сага довольно поздняго происхожденія, быть можетъ XII—XIII в. (она имѣетъ различные варіанты, болѣе раннія и позднѣйшія части, точно время ея созданія не установлено, но позднѣйшій характеръ не подлежитъ сомнѣнію). Старая пѣсня объ Атиллѣ—Atlakvida, правда, также знаетъ „днѣпровскія мѣста славный лѣсъ, называемый людьми Темной дубравой“ но это мѣсто считается позднѣйшею интерполяціею, и для этого дѣйствительно имѣются причины. Позднѣйшая пѣсня о Hlod'ѣ и Angantheow-ѣ, основанная на Hervarasaga, объясняетъ эту фразу подробнѣе: „Славный лѣсъ, называющійся Темной дубровой, святая могила, что стоитъ въ Днѣпровскихъ мѣстахъ“. И здѣсь какъ видимъ, указанія не идутъ далѣе общихъ признаковъ, такъ что развѣ только гипотетически могутъ быть прилагаемы къ Кіеву, его пещерамъ и горамъ (Аскольдовой могилѣ, какъ хотятъ нѣкоторые изслѣдователи). Кромѣ того Вигфуссонъ поправлялъ въ Hamdismal, пѣснѣ, которая на его взглядъ по своему содержанію можетъ относиться къ VIII—IX в., хотя по языку принадлежитъ къ болѣе позднему времени, въ одномъ стихѣ слово diúpa (djupr—глубокій) на Danpar и читалъ: „они увидѣли дворецъ Готовъ и крутые берега Днѣпра“. Но эта поправка слишкомъ произвольна, чтобы могла имѣть какое либо значеніе.

Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ упоминанія о „Днѣ-

провскомъ городѣ“ слишкомъ общи, чтобы можно было видѣть въ немъ Кіевъ, а болѣе близкія (хотя все же весьма общія) указанія на Кіевъ имѣемъ въ памятникахъ поздних, отъ того времени, когда Кіевъ былъ міровимъ городомъ, и пѣвцы дѣйствительно могли разумѣть его подъ „Днѣпровскимъ городомъ“ и вносить новыя детали подъ вліяніемъ этого сближенія. (Добавлю, что грамматическій анализъ „Днѣпровскаго города“ указываетъ, что это собственно говоря не городъ на Днѣпрѣ, а городъ какого то миѳическаго лица, называемаго Danpar, или даже Danpr, и это имя къ Днѣпру могло быть отнесено позже даже по созвучію только).

Вслѣдствіе такой скудости традиціи въ литературѣ долго довольствовались общимъ упоминаніемъ о „Днѣпровскомъ городѣ“, не пытаясь обозначить ближе его мѣстоположеніе—Antiquités russes, I c. 112, Куникъ въ Mélanges russes, t. IV, 5 p. 520. И лишь готская теорія, стараясь связать Готовъ съ кіевской Русью, выдвинула здѣсь толкованіе о Кіевѣ: Куникъ, выставляя осторожно ее въ своихъ экскурсахъ въ Каспіѣ (стр. 55), выразилъ предположеніе, что можетъ быть въ Днѣпровскомъ городѣ слѣдуетъ видѣть Кіевъ (Danpstadir... Днѣпровскій городъ; Кіевъ?). За нимъ пошелъ Брунъ—Черноморье, II, стр. 289, ср. 291, Будиловичъ въ своемъ рефератѣ на VIII археологическомъ съѣздѣ, Антоновичъ—Публичныя лекціи по археол. и исторіи Кіева, стр. 36, Кулаковскій,—Карта Европ. Сарматіи, стр. 31, Браунъ, Разысканія, стр. 245—6, Prášek, Herodot a pravlast Slovanů (Čes. Museum 1901) стр. 60, Халанскій, Къ сказаніямъобъ Олегѣ вѣщемъ, I и др. Исландскій ученый Вигфуссонъ посвятилъ этому вопросу спеціальное изслѣдованіе (Place of the Hamtheow lay въ Grimm Centenary, 1886, изданномъ G. Vigfusson и F. Powell). Онъ доказывалъ, что Днѣпровскій городъ—это Кіевъ, что это была столица Гиферика и Германариха (разсказъ Іордана о государствѣ Германариха онъ принимаетъ полностью). Основательную критику его взглядовъ дали пок. Н. Дашкевичъ въ кіевскихъ Унив. извѣстіяхъ 1886—Приднѣпровье и Кіевъ по нѣкоторымъ памятникамъ древнесѣверной литературы, Ал. Веселовскій—въ Ж. М. Н. Пр. 1887, VI и Записки романо герм. отдѣленія филол. общ. I (Спб. 1888): Кіевъ—градъ Днѣпра, и Heinzel, Uber die Hewararsage (Sitzungsberichte вѣнской академіи, т. 114). Я остановился на этой гипотезѣ о Германариховой столицѣ главнымъ образомъ въ виду употребленія, сдѣланнаго изъ нея готской теоріей.

4. Анты. Антскому вопросу посвятилъ я особое изслѣдованіе въ Запискахъ Наук. тов. ім. Шевченка т. XXI (1898) подъ заглавіемъ „Анти“; главные выводы этого изслѣдованіе вошли впослѣдствіе въ первое изданіе моей Исторіи, и я безъ значительныхъ измѣненій повторяю ихъ и въ этомъ изданіи. Работы, появившіяся по этому вопросу за послѣднее десятилѣтіе и, въ томъ числѣ и новѣйшая попытка пересмотра его, данная Л. Нидерле (Antové, 1910).

не принесли ничего такого, что заставило бы отказаться отъ основныхъ точекъ зрѣнія упомянутаго моего изслѣдованія. Пересмотру вопроса посвящаю особую статью, имѣющую появиться въ непродолжительномъ времени, тутъ же ограничусь нѣсколькими замѣчаніями относительно двухъ главныхъ теорій,—изъ которыхъ одна усматриваетъ въ Антахъ терминъ политическаго характера, другая—терминъ этнографическій.

Мнѣніе что названіе Антовъ имѣло политическое значеніе, впервые выдвинулъ Куникъ въ книгѣ „Извѣстія Ал-Бекри", ч. I (1878), стр. 147: онъ говоритъ здѣсь весьма категорически, что Анты были династами азіатскаго, быть можетъ черкесскаго происхожденія, подчинившими себѣ черноморскихъ Славянъ, и поэтому послѣдніе отдѣляются отъ прочихъ Славянъ. Не смотря на полную голословность, благодаря своему категорическому тону эта догадка пошла въ ходъ: ее повторилъ, съ ссылкой на упомянутую статью Куника, Шиманнъ (Russland, Polen und Livland т. I, стр. 18—9, затѣмъ Дени (Lavisse et Rambaud, Histoire générale, I, стр. 691), заимствовавшій ее, очевидно, у Шиманна. Отъ Дени принялъ это мнѣніе Виртъ въ своей недавней „Исторіи Азіи и восточной Европы" (A. Wirth, Geschichte Asiens und Osteuropas, Галле, 1905, см. въ особенности стр. 249—250); не позаботившись вовсе познакомиться съ извѣстіями источниковъ объ Антахъ, онъ ограничился тѣмъ, что для этихъ гипотическихъ азіатскихъ Антовъ подыскалъ созвучное названіе въ Удахъ (въ которыхъ видитъ античныхъ Будиновъ, Οὖτιοι, Uti, позднѣйшихъ Utiguri, Uldini, Euduseni, и т. д.), что въ славянскомъ произношеніи должно было звучать какъ Анты, и Виртъ видитъ здѣсь уже не династію, а черкесское племя, переселившееся на западъ и покорившее Славянъ (стр. 147, 149, 182, 191—2, 251—3, 272—книга Вирта вообще имѣетъ необычайно фантастическій характеръ).

Съ такою безпочвенною фантазіею не приходится полемизировать, достаточно будетъ сказать, что византійскіе писатели совершенно опредѣленно называютъ Антовъ Славянами, похожими во всемъ на южныхъ Славянъ (Словенъ), ихъ старѣйшины носятъ характерныя славянскія имена, такъ что и о чуждой династіи трудно думать, и вообще о такой чужой династіи мы абсолютно ничего не знаемъ, а полная политическая аморфность, отсутствіе сильной власти, засвидѣтельствованное расказами Прокопія, не позволяютъ принимать этой теоріи даже въ болѣе скромной формѣ предположенія о политическомъ характерѣ антскаго имени (najprędzej polityczny jakiś związek kilku plemion" какъ выразился Потканьскій въ упомянутой работѣ Lachowe i Lechici, стр. 24),—мы не видимъ у Антовъ никакой политической концентраціи.

Вторая теорія имѣетъ за собой болѣе старую и почтенную исторію. Уже Цейссъ высказалъ мнѣніе, что дѣленіе на Славянъ и

Антовъ соотвѣтствуетъ дѣленію славянства по языку на двѣ главныя вѣтви: западную (или какъ онъ ее называетъ—сѣверо-западную) и сѣверо-восточно-южную (Russen und Südvölker), и въ качествѣ параллели указалъ на дѣленіе Повѣсти временныхъ лѣтъ на Славянъ и Ляховъ: „Словене и Ляхове противопоставлены здѣсь другъ другу совершенно такъ же, какъ въ древности Sclaveni и Antae, только тамъ Sclaveni (Славяне) живутъ на западѣ“ (Die Deutschen, стр. 602—4). Это мнѣніе принялъ Реслеръ (Zeitpunkt стр. 90) и позже Крекъ (Einleitung$_2$, стр. 205—6)[1]). Сообразно съ этимъ Анты означали бы Русь+южныхъ Славянъ, Словены—западныхъ. Но такое толкованіе не соотвѣтствуетъ фактамъ. Единственное обстоятельство, которое могло бы говорить въ пользу такого пониманія (на него указалъ Шафарикъ II, 25,7), это то, что Прокопій говоря о переселеніи Геруловъ въ Данію (De b. G. II. 15) называетъ племена къ сѣверу отъ средняго Дуная Словенами Σκλαβηνοί. Но это указаніе не имѣетъ большой силы, свидѣтельствуетъ только о томъ, что Прокопій считалъ этихъ сѣверныхъ Славянъ единоплеменными съ тѣми, которые занимали паннонское побережье Дуная (ближе ихъ онъ, разумѣется, знать не могъ).

Нѣкоторые изслѣдователи, отдѣляя отъ Антовъ Славянъ южныхъ, считаютъ антское имя терминомъ для всей восточной группы. Въ этомъ смыслѣ выразился въ одномъ мѣстѣ Крекъ (стр. 330), противопоставляя въ названіяхъ Антовъ и Словенъ Славянъ „русскихъ“ и западныхъ. Опредѣленнѣе поставилъ эту тезу (противъ моего взгляда) проф. А. Погодинъ, принимая, что Анты обозначаютъ вообще восточныхъ Славянъ (Изъ исторіи слав. передвиженій, стр. 27), и такой взглядъ въ концѣ концовъ принялъ и Марквартъ (Oesteurop. Streifzüge, XXV и XL).

Эти изслѣдователи не останавливаются при этомъ на затрудненіяхъ, связанныхъ съ толкованіемъ Антовъ, какъ цѣлой восточной вѣтви Славянства, хотя эти затрудненія чувствовалъ уже Шафарикъ (l. c.), отмѣчая, что мы не знаемъ, какъ далеко къ сѣверу простиралась антское имя. Византійцы едва ли мыслили подъ этимъ названіемъ все восточнославянское разселеніе, по всей вѣроятности и неизвѣстное имъ въ цѣломъ его объемѣ, и въ своихъ упоминаніяхъ объ Антахъ, вѣроятно, не имѣли въ виду сѣверныхъ племенъ восточнославянской вѣтви; тѣ Анты черноморскаго побережья, о которыхъ они говорятъ, были племенами южными только. Такое объясненіе принимаетъ и Нидерле въ послѣдней статьѣ, и лишь недоразумѣніемъ (непониманіемъ моихъ словъ?) можно объяснить, что онъ при этомъ считаетъ нужнымъ немного полемизировать со мною (стр. 11).

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ—стр. 330 онъ говоритъ немного иначе, см. ниже.

Наконецъ еще нѣсколько словъ о гипотезахъ Маркварта. Послѣдній посвятилъ много вниманія Антамъ въ своихъ послѣднихъ работахъ и выставилъ рядъ смѣлыхъ догадокъ и гипотезъ—отчасти совершенно новыхъ, отчасти высказанныхъ уже раньше,—не стараясь связать ихъ въ извѣстное цѣлое и часто даже противорѣча себѣ. Какъ уже было упомянуто выше, Іорданово извѣстіе о разселеніи Антовъ отъ Днѣстра до Днѣпра онъ считаетъ заимствованнымъ у Аблабія, полумиѳическаго источника Кассіодора, составленнаго будто бы въ началѣ VI в. По его мнѣнію при Аблабіи Анты дѣйствительно обитали только между Днѣстромъ и Днѣпромъ, но позже, при Прокопіи, простирались за Днѣпръ (Streifzüge, стр. XXV); они соотвѣтствуютъ Угличамъ, Тиверцамъ и Дулѣбамъ: эти племенныя названія замѣнили и вскорѣ вытѣснили названіе Антовъ (стр. 193—4). Останавливаясь надъ ихъ разселеніемъ, Маркавартъ готовъ думать, что на Черноморьи, до устья Днѣпра и Дуная Анты разселились уже по переходѣ Болгаръ въ Мизію, въ концѣ VII и въ VIII вв. (стр. 194). Воспоминанія лѣтописи о борьбѣ Дулѣбовъ съ Обрами Маркавартъ относитъ къ Антамъ; тождество именъ приводитъ его къ мысли, что Дулѣбы тогда перешли въ среднедунайскія области: онъ допускаетъ, что переговоры Юстиніана съ Антами окончились переселеніемъ ихъ въ Дакію, въ другомъ случаѣ кажется ему болѣе правдоподобнымъ, что Авары переселили нашихъ Дулѣбовъ на средній Дунай и тамъ эти Дулѣбы положили начало чешскому королевству (королевство Дулаба у Масуди) (Streif. стр. 123—7, Chronologie стр. 78). Сходство именъ Мезамира и Келагаста, антскихъ старѣйшинъ изъ времени аварскаго движенія, съ Безмеромъ и Гостуномъ, болгарскими старѣйшинами въ извѣстномъ реестрѣ болгарскихъ князей, приводитъ Маркварта къ тому мнѣнію, что Анты въ срединѣ VI в. (554—558), передъ приходомъ Аваровъ, господствовали надъ Оногундурами-Болгарами (Chron. 80, стр. 147); это должно было имѣть мѣсто на новыхъ дакійскихъ поселеніяхъ Антовъ. Болѣе того. Въ извѣстномъ государствѣ Валинана у Масуди и королѣ Маджакѣ Марквартъ видитъ также Мезамира и его Антовъ: Маджакъ—уменьшительная, ласкательная форма отъ Мезамира, а Валинана—это Волыняне, т. е. побужскіе Дулѣбы, позднѣйшее названіе Антовъ (Str. 147). Анты выступаютъ такимъ образомъ въ видѣ міровой силы, играютъ роль политическаго фермента. Ихъ князья господствуютъ надъ Болгарами, они даютъ начало позднѣйшей Чехіи; ихъ государство въ позднѣйшей арабской традиціи становится центральнымъ политическимъ узломъ, связывающимъ подъ своей властью всѣ славянскія племена. Все это весьма заманчиво, но виситъ на волоскѣ — Менандровой традиціи о Мезамирѣ. А Мезамиръ вовсе не подходитъ къ той роли, какую отводитъ ему Марквартъ. Во второмъ изд. моей Исторіи (с. 328) читатель

найдетъ анализъ разсказа Менандра о Мезамирѣ; тамъ указано, что это вовсе не могучій властелинъ, а просто вліятельный, способный человѣкъ, изъ родовитой династіи. Къ роли болгарскаго сюзерена, а тѣмъ болѣе—короля славянскихъ народовъ онъ совершенно не подходитъ. А вмѣстѣ съ этимъ всѣ заманчивыя фантазіи Маркварта разлетаются, какъ дымъ.

5. Литература восточно-славянскаго разселенія. Главнымъ и до сихъ поръ не утратившимъ своего значенія трудомъ по исторіи восточно-славянскаго разселенія въ эпоху „Повѣсти временныхъ лѣтъ" остается книга Н. Барсова (пок. профессора варшавскаго университета): Очерки русской исторической географіи, изд. 2, 1885. Онъ основывался прежде всего на внимательномъ изученіи лѣтописныхъ извѣстій, но наряду съ ними особенное значеніе придавалъ указаніямъ современной географической и хорографической терминологіи: названіямъ рѣкъ и поселеній, при чемъ однако часто увлекался весьма отдаленными и случайными сходствами. Это обстоятельство до нѣкоторой степени дискредитировало данный методъ, и изъ послѣдующихъ изслѣдователей только нѣкоторые обращались къ нему. Широко и искуссно пользуется этимъ хоро-топографическимъ методомъ проф. А. Корсаковъ въ цѣнной монографіи Меря и Ростовское княженіе, 1872; высоко цѣнитъ его Филевичъ въ своей Исторіи Древней Руси, т. I (единственный), 1896, и въ рефератѣ: О разработкѣ географической номенклатуры (Труды X съѣзда I, дискуссія ibid. III, стр. 89),—но самъ пользуется этимъ матеріаломъ довольно неудачно. Нѣкоторыя справедливыя предостереженія въ статьѣ Соболевскаго, Названія населенныхъ мѣстъ и ихъ значеніе для русской исторической этнографіи (Живая Старина, 1893).

Трудъ Барсова послужилъ исходнымъ пунктомъ для серіи кіевскихъ монографій по исторіи отдѣльныхъ земель, гдѣ исторіи древней колонизаціи отводилось довольно много мѣста; таковы монографіи: П. Голубовскаго, Исторія Сѣверской земли до пол. XIV в., 1881; Д. Багалѣя также: Исторія Сѣверской земли до пол. XIV; 1882. П. Голубовскаго, Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ—Исторія южнорусскихъ степей IX—XIII в. (занимается много южной, пограничной со степью, колонизаціей); Н. Молчановскаго, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 года, 1885; М. Андріяшева, Очеркъ исторіи Волынской земли до к. XIV в., 1887; мой Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до к. XIV в., 1891; М. Довнаръ Запольскаго, Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до к. XII ст., 1891; П. Голубовскаго, Исторія Смоленской земли до начала XV ст. 1895; П. Иванова, Историческія судьбы Волынской земли до к. XIV ст., 1895; В. Данилевича, Очеркъ исторіи Полоцкой земли до к. XIV ст., 1896; В. Ляскоронскаго, Исторія Переяславской земли до пол.

XIV ст. 1897 (новое изданіе 1903); А. Грушевскаго, Пинское Полѣсье, ч. I, XI—XIII вв. 1901. Среди этихъ двѣнадцати монографій были, разумѣется, и болѣе и менѣе удачныя, но въ общемъ историко-географическая сторона пользовалась особымъ вниманіемъ ихъ авторовъ и весьма часто представляетъ наиболѣе старательно и внимательно обработанный отдѣлъ, напр. въ монографіяхъ Андріяшева, Лясконскаго, Голубовскаго о Смоленской землѣ. При этомъ, подъ вліяніемъ покойнаго проф. Антоновича, инціативѣ котораго историческая литература обязана этой серіею монографій, авторы послѣднихъ, въ особенности въ 1890-хъ гг., дѣлали попытку использовать какъ вспомогательный матеріалъ при историко-географическихъ и этнографическихъ изслѣдованіяхъ, также результаты археологическихъ изслѣдованій. Этимъ путемъ пошелъ также кіевскій профессоръ (дух. академіи) Завитневичъ въ своихъ работахъ, начиная съ первой, такъ сказать программной: Область Дреговичей, какъ предметъ археологическаго изслѣдованія (Труды кіев. дух. акад. 1886, VIII) Но хотя я самъ былъ однимъ изъ пытавшихся воспользоваться археологическимъ матеріаломъ для опредѣленія племенныхъ границъ, однако долженъ сказать, что съ этимъ поторопился немного и я и другіе. То что мы готовы были принимать за характеристическіе этнографическіе признаки и на ихъ основаніи проводить этнографическія границы, при позднѣйшихъ археологическихъ изслѣдованіяхъ оказалось далеко не столь опредѣленнымъ; аналогическія формы стали обнаруживаться на различныхъ племенныхъ территоріяхъ, а такъ какъ изслѣдованія все же остались фрагментарными, несистематическими, то приходится сознаться, что толковать о племенныхъ похоронныхъ обрядахъ и племенныхъ культурно-этнографическихъ типахъ въ настоящее время еще нельзя. Лучше всего подтвердили это обзоры археологическихъ находокъ, въ 1890-хъ годахъ составленные А. Спицынымъ: Обозрѣніе нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи (Труды отдѣленія русской и славянской археологіи, кн. I, II и IV въ Запискахъ русск. археол. общ. 1896—1899) и Разселеніе древне-русскихъ племенъ по археологическимъ даннымъ (Ж. Мин. Н. Пр. 1899, VIII). Спицынъ самъ стоитъ на точкѣ зрѣнія племенныхъ типовъ, но на его же работѣ какъ нельзя лучше видно, какъ трудно провести эту племенную систему съ теперешнимъ археологическимъ матеріаломъ [1]).

Почти одновременно съ упомянутыми работами Спицына появилась другая попытка уясненія этнографической системы во-

---

[1]) Пробѣлы въ нашемъ матеріалѣ показываетъ составленная имъ карта—см. Труды отд. русск. и слав. арх., т. V, стр. 407. Но и среди заштрихованныхъ здѣсь областей многія изслѣдованы черезчуръ поверхностно.

сточнаго славянства—на основаніи фактовъ лингвистики, діалектологіи. Это была работа акад. Шахматова. „Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей“. Самая идея была не нова; соображеніе, что современные діалекты соотвѣтствуютъ у насъ древнему племенному дѣленію, высказано было довольно рѣшительно еще Чубинскимъ и Михальчукомъ въ изслѣдованіи: Нарѣчія, поднарѣчія и говоры южной Россіи (въ VII т. Трудовъ этнографической экспедиціи въ Югозападный край, 1874). Но труда, который поставилъ бы себѣ цѣлью детально прослѣдить, насколько племенныя территоріи отвѣчаютъ или не отвѣчаютъ современнымъ діалектическимъ группамъ, мы не имѣли, да и не имѣемъ до сихъ поръ. Ак. Шахматовъ въ своей работѣ даетъ собственную теорію, подводя подъ нее и современную діалектологію, и древнюю этнографію; его руководящая идея—это рѣшительное вліяніе политическихъ организацій, государствъ XIV и позднѣйшихъ вѣковъ, разбившихъ древнія племенныя группы и ставшихъ основой новыхъ народностей. Объ этой руководящей идеѣ см. мою рецензію въ VII т. Записокъ Наук. Тов. ім. Ш.

6. Теорія древней великоруссой колонизаціи на Поднѣпровьѣ. Теорія эта носитъ имя Погодина, давшаго ей окончательную формулировку, но въ его возрѣніяхъ находимъ лишь крайніе логическіе выводы изъ тѣхъ убѣжденій въ тѣсной связи Кіевской Руси съ Московскимъ государствомъ, какія издавна укрѣпились въ великорусскихъ кругахъ, въ великорусской книжной традиціи. Этимъ объясняется то обстоятельство, что и теорія Погодина и ея новая редакція—теорія Соболевскаго—среди великорусскихъ ученыхъ почти не встрѣтили оппозиціи, и борьбу съ ними вели почти исключительно украинскіе изслѣдователи.

Самъ Погодинъ говоритъ, что его къ этимъ выводамъ привели замѣчанія Срезневскаго и Лавровскаго, находившихъ, что въ древнерусскихъ памятникахъ нѣтъ признаковъ малорусскаго языка. Самъ онъ прежде, въ 1840-хъ г.г. (см. его Изслѣдованія III стр. 317) думалъ иначе, но подъ вліяніемъ авторитета филологовъ принялъ это мнѣніе и вывелъ изъ него заключеніе, что Кіевляне, слѣдовательно, и не были „Малороссіянами“, а въ доказательство этого ссылается на отсутствіе у Украинцевъ былинной поэзіи и на отсутствіе малороссійскихъ признаковъ (!) въ характерахъ южныхъ князей и боярства. Разрѣшаетъ онъ эту загадку при помощи догадки, что „кіевскіе Великороссы“ ушли на сѣверъ послѣ татарскаго погрома, а ихъ мѣсто заняли Малороссы „отъ Карпатскихъ горъ“, придя „послѣ Татаръ“—повидимому весьма скоро, хотя точнѣе времени этого передвиженія Погодинъ не обозначаетъ. Вообще его статья, въ которой онъ развилъ свою теорію (написанная въ 1851 г. въ видѣ письма къ Срезневскому и напечатанная въ 1856 г. въ V т. извѣстій Академіи подъ назв.: Записка о русскомъ языкѣ, въ томъ же

году въ VII томѣ его Изслѣдованій) имѣла характеръ ескиза, гдѣ онъ набрасывалъ только общіе взгляды, не стараясь вполнѣ согласовать ихъ между собою, и одновременно высказывалъ еще болѣе смѣлыя предположенія относительно начатковъ славянскаго языка вообще. Главная роль при этомъ отведена филологическимъ соображеніямъ (весьма дилетантскимъ и наивнымъ), историческую же сторону своей гипотезы онъ пробуетъ аргументировать, лишь отвѣчая Максимовичу на его критику.

Максимовичъ очень рѣшительно выступилъ противъ выводовъ Погодина въ двухъ серіяхъ статей (всѣ въ „Русской Бесѣдѣ"): „Филологическія Письма", 1856 г., и „Отвѣтныя письма", 1857 г., вызванныя уже отвѣтомъ Погодина. Здѣсь разбиралъ онъ главнымъ образомъ филологическіе взгляды Погодина, а его теоріи объ украинской миграціи посвятилъ статью „О мнимомъ запустѣніи Украины" (1857). На помощь ему пришелъ впослѣдствіи Ал. Котляревскій съ статьей „Были ли Малоруссы исконными обитателями Полянской земли или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV в." (Основа 1862, перепечатана въ I т. его Собранія Сочиненій), между тѣмъ какъ теорію Погодина попытался поддержать филологическими аргументами П. Лавровскій (одинъ изъ духовныхъ отцовъ теоріи) въ статьяхъ: „Обзоръ замѣчательнѣйшихъ особенностей нарѣчія малорусскаго въ сравненіи съ великорусскимъ" (Ж. М. Н. Пр. 1859) и „По вопросу о южно-русскомъ языкѣ" (Основа 1861). Максимовичъ отвѣчалъ на нихъ своими „Новыми письмами къ М. П. Погодину о старобытности малорусскаго нарѣчія (День, 1863, всѣ три серіи перепечатаны въ III т. Собранія Сочиненій), и этимъ закончилась первая стадія въ исторіи этого вопроса. Въ ней главнымъ образомъ выяснена была историческая сторона вопроса—безпочвенность гипотезы о переселеніи на сѣверъ кіевскихъ Великороссовъ; заслуга Максимовича заключается въ томъ, что располагая далеко не полнымъ матеріаломъ, онъ установилъ вѣрный взглядъ на вопросъ. За то филологическая сторона вопроса не была освѣщена надлежащимъ образомъ, такъ какъ обѣ стороны располагали еще слишкомъ скуднымъ матеріаломъ, да и славянская филологія находилась тогда еще въ зачаточномъ состояніи. Это было причиной, что теорія Погодина была снова выдвинута какъ разъ съ филологической стороны: сдѣлалъ это Ал. И. Соболевскій, тогдашній профессоръ кіевскаго университета, для того времени безспорно лучшій знатокъ своего предмета. Въ 1883 году онъ прочелъ въ кіевскомъ историческомъ обществѣ рефератъ; „Какъ говорили въ Кіевѣ въ XIV—XV вв."; въ немъ онъ исходилъ изъ наблюденія, что памятникахъ, какіе считалъ онъ кіевскими, отсутствуютъ украинскіе фонетическіе признаки (находимые имъ въ памятникахъ, отнесенныхъ имъ къ категоріи галицко-волынскихъ), и на этомъ основаніи онъ возстановилъ Погодинскую гипотезу. Но-

востью въ его рефератѣ была филологическая аргументація; историческую обстановку теоріи Соболевскій бралъ готовой отъ Погодина, съ тѣмъ различіемъ, что заселеніе Поднѣпровья Украинцами передвигалъ на XVI в.: это было послѣдовательно съ его точки зрѣнія, но это же сводило всю теорію ad absurdum (Погодинъ хорошо понималъ, что къ XVI в. оттягивать этой колонизаціи невозможно).

Рефератъ Соболевскаго вызвалъ цѣлую бурю въ кіевскомъ историческомъ обществѣ. Съ контррефератами выступили Антоновичъ, Житецкій, съ болѣе мелкими замѣчаніями—Науменко, Мищенко, О. Левицкій, Голубовскій, Лучицкій, Голубевъ (снова украинскіе изслѣдователи за исключеніемъ проф. Голубева). Къ сожалѣнію, и рефератъ Соболевскаго, съ тѣми добавленіями, какіе онъ дѣлалъ, отвѣчая оппонентамъ (его не поддержалъ никто), и контррефераты остались ненапечатанными, даны были лишь короткія резюме ихъ въ Чтеніяхъ Общества (т. II). На почвѣ филологіи XI—XII вв. Соболевскій былъ сильнѣе своихъ оппонентовъ, оперируя самостоятельно и внимательно, хотя и односторонне изученнымъ рукописнымъ матеріаломъ: оппоненты его этимъ не располагали. За то на исторической почвѣ теорія Соболевскаго потерпѣла сильные удары, въ особенности отъ Антоновича, который еще передъ тѣмъ выступилъ противъ мнѣнія объ запустѣніи Кіева и Кіевщины въ своемъ изслѣдованіи „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XVI по XVI столѣтіе“ (въ „Кіевской Старинѣ“ 1882, перепечатано въ I т. его Монографій). Отвѣчая на теорію Соболевскаго онъ указалъ на колонизаціонное направленіе съ сѣвера на югъ Украины, какъ оно обнаруживается въ люстраціяхъ съ средины XVI в. Однако Соболевскій остался при своемъ мнѣніи и развилъ его въ своихъ трудахъ: Очерки изъ исторіи русскаго языка, 1884, Лекціи по исторіи русскаго языка, 1888, и мелкихъ статьяхъ—Источникъ кіевскаго говора, 1885 (Ж. М. Н. Пр. II), Къ вопросу объ историческихъ судьбахъ Кіева, 1885 (кіев. Университет. Изв., VII), Населеніе Украйны въ XII вѣкѣ (Ж. Старина, 1895) и др.

Противъ филологической стороны теоріи Соболевскаго выступилъ въ то время акад. Ягичъ (Четыре критико-палеографическія статьи, 1884 - по поводу Очерковъ, Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка, 1889—по поводу Лекцій); его критика заставила Соболевскаго сдѣлать нѣкоторыя поправки въ своей теоріи. Важнаго союзника пріобрѣлъ онъ зато въ лицѣ А. А. Шахматова, который въ своей статьѣ: Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій (Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1894) рѣшительно присоединился къ теоріи древлянско-полянско-сѣверянскихъ Великоросовъ. Въ защиту украинства кіевскаго говора выступили ученики Ягича Мочульскій (теп. профессоръ одесскаго унив.) и Ол. Колесса (львовскаго) съ изслѣдованіями о Житіи Саввы (Мочульскій—Къ

исторіи малорусскаго нарѣчія: Житіе св. Саввы, 1894—Записки новорос. унив. т. 62, Колесса—Dialectologische Merkmale des südruss. Denkmales a. d. XIII Ihdte žitije sv. Savy, 1896,—Archiv für sl. Phil.. т. 18). Изъ бумагъ покойнаго Потебни опубликована была также его критика теоріи Соболевскаго (Извѣстія II отд. акад. 1896). Самъ Ягичъ возвратился еще впослѣдствіи къ этому вопросу въ своихъ Einige Streitfragen (1898, Archiv für sl. Phil. XX). Проф Крымскій въ Кіевской Старинѣ 1898—9 гг. напечаталъ обширную критическую статью (неоконченную): Филологія и Погодинская гипотеза, гдѣ собралъ довольно богатый матеріалъ по этому вопросу (въ отдѣльномъ изданіи статья вышла въ 1904 г.). Наконецъ, подъ вліяніемъ критики, повидимому—главнымъ образомъ подъ вліяніемъ послѣдней статьи Ягича, отступилъ отъ погодинской теоріи акад. Шахматовъ: въ новой обработкѣ упомянутаго своего изслѣдованія (Къ вопросу объ образованіи русскихъ народностей, Спб. 1899, изъ Ж. М. Н. Пр., IV) онъ признаетъ и Древлянъ и Полянъ южно-русскими племенами, и относительно Кіева не находитъ основаній для какихъ-либо сомнѣній, лишь допускаетъ, что въ самомъ Кіевѣ южно-русская стадія была значительно разбавлена другими элементами (стр. 25). Только самъ ак. Соболевскій ни въ чемъ не уступилъ изъ своей гипотезы.

Среди историковъ попытка Соболевскаго реставрировать Погодинскую теорію съ самаго начала не нашла сочувствія. Не только украинскіе изслѣдователи, но и иные, ближе занимавшіеся исторіею Поднѣпровья въ XIII—XV вв., исходили изъ противоположной точки зрѣнія: Зотовъ въ изслѣдованіи О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому Синодику и о черниговскомъ княжествѣ въ татарское время (написано еще въ 1884 г., но напечатано лишь въ 1893), Владимірскій-Будановъ, Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XIII до половины XV в., 1886 (въ ч. VII т. I Архива юго-западной Россіи—работа направлена противъ польскихъ теорій, но выступаетъ, хотя сдержаннѣе, также и противъ Погодинской), Лятскоронскій въ цитированной исторіи Переяславской земли, наконецъ въ послѣднее время А. А. Спицынъ въ своихъ Историко-археологическихъ розысканіяхъ (Ж. М. Н. П. 1909, I) подвергъ критикѣ нѣкоторыя предпосылки и аргументы переселенія поднѣпровскаго населенія на сѣверо-востокъ, главнымъ образомъ В. О. Ключевскаго, который въ своемъ курсѣ русской исторіи (I с. 344 сл.) выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ Погодинской теоріи. Детальный обзоръ этого вопроса и критику аргументовъ о запустѣніи Кіевской земли данъ былъ мною въ Очеркѣ исторіи Кіевской земли, 1891 (гл. VI Кіевская земля отъ монгольскаго нашествія до конца XIV в.); онъ остается и до сихъ поръ наиболѣе полнымъ обзоромъ вопроса съ исторической стороны, и къ нѣкоторымъ второстепеннымъ аргументамъ и деталямъ я отсылаю къ нему читателя и теперь. Общій взглядъ

на этотъ вопросъ читатели найдутъ во гл. 2-й III тома моей Исторіи. Здѣсь же я хочу сказать нѣсколько словъ о теоріи сѣверянскихъ Великороссовъ, выдвинувшейся въ послѣдніе годы на фонѣ теоріи Погодина-Соболевскаго и представленной авторитетными именами Ягича и Шахматова.

Этого мнѣнія, что Сѣверяне были Великороссами, я не могу разсматривать иначе, какъ послѣднюю уступку упомянутой теоріи. Вполнѣ ясно видно это у Ягича: отбрасывая мнѣніе о великороссизмѣ Полянъ на томъ основаніи, что трудно допустить такой великорусскій клинъ на правомъ берегу среди украинской колонизаціи (этотъ доводъ, повидимому, впослѣдствіи повліялъ и на Шахматова), онъ пишетъ: „За Днѣпромъ на широкомъ пространствѣ къ сѣверо-востоку могла имѣть свою арену уже иная юго восточная группа племенъ или діалектовъ—это я признаю охотно; Сѣверяне Древнѣйшей Лѣтописи могли и по языку отличаться отъ насельниковъ праваго берега Днѣпра“ (Einige Streitfragen, стр. 30). Какъ видимъ, авторъ не указываетъ для этого никакихъ мотивовъ, лишь допускаетъ возможность подобнаго предположенія, собственно говоря—по просту дѣлитъ спорную территорію между сторонниками и противниками Погодинской теоріи не приводя для этого никакихъ аргументовъ. Ак. Шахматовъ аргументировалъ, указывая на политическую независимость Сѣверянъ отъ Полянъ какъ на доказательство ихъ этнографической самостоятельности: „Допустить, чтобы Сѣверяне были одноплеменны Полянамъ и прочимъ южно-русскимъ племенамъ, мы не имѣемъ основанія: политическая исторія Чернигова—съ одной стороны, Переяславля, ставшаго отчиной владимірскихъ князей—съ другой, ясно, думаю, свидѣтельствуетъ, что Сѣверяне и Поляне никогда не могли создать общаго племеннаго центра, а позже—при распаденіи Руси на области, образовать одну общую область („Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій, стр. 25). Конечно, это аргументъ не особенно доказательный; политическая отдѣльность не доказываетъ принадлежности къ двумъ этнографическимъ группамъ; наилучшимъ примѣромъ служитъ тотъ же Переяславъ, все время стремившійся къ политической независимости отъ Сѣверянъ и съ этой цѣлью отдававшійся подъ покровительство суздальскихъ князей, съ которыми имѣли всегда пограничные счеты князья черниговскіе; его цѣль совершенно политическая: обособиться политически подъ управленіемъ династіи далекой, которая не присоединитъ его въ качествѣ придатка къ какому-либо изъ сосѣднихъ княжествъ (см. т. II гл. 5). Не болѣе убѣдительными считаю и другіе аргументы, приводимые авторомъ въ защиту теоріи сѣверянскихъ Великоросовъ. Я не буду разсматривать ихъ здѣсь, такъ какъ подробнѣе остановился на нихъ въ статьѣ: Спірні питаня староруської етноґрафії (Статьи по славяновѣдѣнію, I). (Ср. также мои замѣча-

нія, высказанныя г. Ягичу, въ письмѣ на его вопросы и приведенныя имъ въ его статьѣ Einige Streitfr., стр. 30, и изложенные въ моей рецензіи на эту статью—Записки т. XXVI. стр. 3).

Акад. Шахматовъ причислялъ при этомъ къ Сѣверянамъ все лѣвобережное населеніе. Въ новѣйшемъ своемъ изслѣдованіи о Вятичахъ (1907) онъ отступилъ отъ этого воззрѣнія, а вмѣстѣ съ этимъ не считаетъ уже нужнымъ поддерживать далѣе и гипотезы о среднерусскомъ происхожденіи Сѣверянъ. Полагаю что и другіе филологи, распрощавшись съ теоріею кіевскихъ Великороссовъ, оставятъ затѣмъ и сѣверянскихъ, а вмѣстѣ съ этимъ прекратитъ свосуществованіе вся эта гипотеза о заселеніи восточной части теперешней украинской территоріи племенами великорусской, или „среднерусской“ группы.

7. Литература западной границы восточно-славянской колонизаціи. Относительно польско-украинской границы въ Галиціи прежде всего нужно назвать старую, но еще не вполнѣ устарѣвшую (по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не замѣненную чѣмъ-либо лучшимъ) работу Зубрицкаго, Gränzen zwischen der russinischen und polnischen Nation in Galizien. 1849. Затѣмъ Czörnig, Ethnographie der österreichischen Monarchie I, стр. 49 и слѣд., его же: Ethnographische Karte, 1855 (листъ 2) и малое изданіе 1866. Головацкій, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, ч. I (введеніе). его же: Карпатская Русь, въ Ж. М. Н. Пр. 1875, VI (мало интересная въ научномъ отношеніи). А. Д.(обрянскій), О западныхъ границахъ Подкарпатской Руси со врем. св. Владиміра—ibid. 1880, III (для польско-украинской границы послѣ Зубрицкаго также немного новаго). I. Верхратськии—интересная монографія о „Замішанцях“ в Записках Наукового Товариства ім. Шевченка т. III. Potkański. Granice biskupstwa krakowskiego—Rocznik krakowski, IV (болѣе детальное обслѣдованіе польско-украинской границы авторъ обѣщалъ дать позже, но, къ сожалѣнію, умеръ, не исполнивъ этого обѣщанія).

О польско-украинской границѣ между Вислою и Бугомъ писалось много, но вредилъ примѣшивавшійся сюда публицистическій элементъ, который не разъ дискредитировалъ самые факты. Упомяну наиболѣе важное о сѣверной украинской границѣ. Для исторической этнографіи Барсовъ [2], т. V и VII; Крыжановскій, Русское Забужье—Собраніе Сочиненій, т. II; Лонгиновъ, Червенскіе города, 1885; Pleszyński, Bojarzy międzyrzeccy (Bibl. Wisły, XI); Площанскій, Холмская Русь, I—II, 1889; Филевичъ, Исторія древней Руси, I, стр. 239 и сл.; Potkański, Kraków przed Piastami, l. c. стр. 106 (объ этомъ соч. см. Записки Наук. Т-ва ім. Ш., т. XXVI, библіогр.); Д-ръ Г. Величко, Народописна карта України Руси; Михальчукъ, Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи (Труды этногр. экпедиціи VII); Григорьевъ, О малорусскихъ говорахъ Сѣдлецкой губ., (Древности. Труды славянск. ком. Моск. археолог. об-

щества, т. III); Соболевскій, Опытъ русской діалектологіи (Живая Старина, 1892, II); Карскій, Матеріалы для изученія сѣверномалор. и переходныхъ говоровъ (Изв. отд. русск. яз. 1898, III) и его же: Бѣлоруссы, т. I. Введеніе къ изученію языка и народной словесности, 1903 (Виленскій Временникъ, т. I); наконецъ новѣйшая литература о холмской территоріи: Францевъ, Карты русскаго и православнаго населенія Холмской Руси, 1909, Dziewulski, Statystyka ludności gub. Lubelskiej i Siedleckiej, 1909.

Объ украинской колонизаціи къ югу отъ Карпатъ, кромѣ упомянутыхъ уже, см. Срезневскій, Русь Угорская (Вѣстникъ русск. геогр. общ. 1852, IV); Biderman, Die ungarischen Ruthenen, I и II, 1862—7; Rösler, Rumänische Studien, гл. VII; Васильевскій, Византія и Печенѣги, Ж. М. Н. Пр. 1872, XII (прибавл. II); Успенскій, Образованіе второго Болгарскаго царства, 1879, приб. V; Кочубинскій, О русскомъ племени въ Дунайскомъ Залѣсьѣ (Труды VII съѣзда, т. II); Pič, Zur rumänisch-ungarischen Streitfrage, 1886 и въ особенности Die dacischen Slaven und csergeder Bulgaren (Sitzungsbericht der Böhmischen Gesellschaft den Wissenschaften, 1888); Филевичъ, Исторія древней Руси, I, стр. 143 и слѣд. и „Отчетъ" въ Варшавскихъ университетскихъ извѣстіяхъ 1896, VIII; Соболевскій, Какъ давно Русскіе живутъ въ Карпатахъ и за Карпатами (Живая Старина, 1924); Кулаковскій, Гдѣ находилась вичинская епархія константинопольскаго патріарха — Византійскій Временникъ 1897, стр. 327 и слѣд. (о дунайской Руси).

О современной Угорской Руси: Петровъ, Замѣтки по Угорской Руси (1892), повторено—подъ назв. „Матеріалы по исторіи Угорской Руси", IV, 1906 и новая работа: Предѣлы угрорусской рѣчи въ 1773 и по оффиц. даннымъ, Спб. 1909 (Сборникъ отд. русск. яз., т. 86), пока только карты—ихъ данныя собраны Томашивскимъ въ Записках Н. тов. ім. Ш. т. LXXXIX; В. Гнатюкъ, Hungaro-ruthenica, 1899 (оттискъ критическихъ замѣтокъ изъ XXVIII т. львовскихъ „Записокъ") и Rusini v Uhrách (Slov. Přehled, 1899), С. Томашівський, Угорські Русини в сьвітлї мадярської урядової статистики, 1903 (Записки Наук. тов. ім. Ш. т. LVI), Причинки до пізнаня етноґрафічної теріторії Угорської Руси, 1905 (ibid т. LXVII), Етноґрафічна карта Угорської Руси съ обширнымъ комментаріемъ, 1910 (Статьи по славяновѣдѣнію, III). Болѣе подробную литературу см. у Францева—Обзоръ важнѣйшихъ изученій Угорской Руси, 1899 (Русск. Филолог. Вѣстникъ, т. 44).

Большая литература образовалась въ послѣднее время спеціально о западной украинско-словацкой границѣ. Назову болѣе важное: Akej viery sú Slováci—статьи въ Slovenské Pohlady, 1895 и 1896; Соболевскій, О границѣ Русскихъ и Словаковъ въ Угорщинѣ (Жив. Стар. 1895); Ol. Broch, Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östl. Ungarn, 1897; В. Гнатюк, Ру-

сини Пряшівської епархії та їх говори (Записки Наук. т-ва ім. Ш. т. XXXV), Словаки чи Русини (ibid. т. XLII); Niederle, Národopisná mapa uherskych Slovaků na základě sčitani lidu z roku 1900. 1903 г., его же: K sporu o ruskoslovanské rozhrani v Uhrach (Slov. Přehled, 1903) и Ješte k sporu o ruskoslovenskou hranici v Uhrách (ibid. 1904); Будиловичъ, Къ вопросу о племенныхъ отношеніяхъ въ Угорской Руси, 1904; Czambel, Slovenska reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov, 1906.

За то ослабѣлъ въ послѣднее время интересъ къ вопросамъ о слѣдахъ украинской колонизаціи въ Трансильваніи, въ свое время сильно интриговавшей ученые круги и оказавшей свое вліяніе на теорію карпатской родины восточнаго славянства. Вопросъ возникъ съ брошюры Вольфа, De vestigiis Ruthenorum in Transilvania, вышедшей въ 1802 г.; въ ней описывались остатки Русиновъ въ селахъ Reussdorflein, Великій и Малый Cserged. Bongrad; Вольфъ насчиталъ всего 130 семействъ. Его референтъ въ Siebenbürg. Provinzialblätter 1807 увеличилъ это число до 200. Передъ Вольфомъ объ этихъ остаткахъ писали въ XVIII в. Белъ и Бенке и въ началѣ XIX в. Эдеръ (см. о нихъ у Филевича Отчетъ и Исторія, гл. 1, и у Кочубинскаго, въ Трудахъ, стр. 37 и слѣд.). Надеждинъ, побывавшій въ Семиградѣ въ началѣ 40-хъ гг. уже не засталъ этихъ Русиновъ, но указалъ на значеніе этихъ русскихъ поселеній для исторіи русской колонизаціи (О путешествіи по южн. славян. землямъ, Ж. М. Н. Пр., 1842, кн. IV—VI): „я убѣдился вполнѣ, неопровержимыми доказательствами, что русская стихія простаралась на юго-западъ, по обѣ стороны Карпата вплоть до Дуная, задолго до прихода Мадьяровъ въ Паннонію". Въ доказательство онъ указывалъ на исторію Руси въ Трансильваніи и этой подунайской Русью считалъ возможнымъ объяснить лѣтописныя легенды о миграціи Славянъ съ Дуная, о путешествіи Кія и т. п.—стр. 103—5. Однако норманизмъ устами Куника въ Berufung der Schwed. Rodsen (гл. V) изъялъ угорскихъ Русиновъ изъ исторіи древнерусской колонизаціи. Съ другой же стороны теорія Шафарика (II § 30), что семиградскіе Славяне были Болгарами, повліяла также на то, что эта русская колонизація Семиграда была оставлена безъ вниманія. Миклошичъ, опубликовывая впервые тексты изъ Черщеда (Denkschrift вѣнской академіи, т. VII, 1856), призналъ ихъ болгарскими, но впослѣдствіи отказался отъ этого взгляда и призналъ черцедскіе памятники языкомъ „дакійскихъ Славянъ": Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen (Denkschrift, т. XXXIV, стр. 125—6, здѣсь изданы тексты Эдера), также Vergleichende Grammatik, III, 201, Altslovenische Formenlehre, XXV. Затѣмъ въ 1859 г. въ своихъ „Славянахъ въ М. Азіи" выступилъ съ общими замѣчаніями противъ мнѣнія Куника Ламанскій. Но заинтересовалъ ученые круги этотъ вопросъ о загадочной русской колонизаціи Венгріи

только благодаря Ресслеру, когда въ 1871 г. вышли его Rumänische Studien; за нимъ выступили съ соображеніями о древней русской колонизаціи на Дунаѣ Васильевскій, Успенскій, Гротъ, а Кочубинскій и Пичъ пытались обосновать на фактахъ эти предположенія о русской колонизаціи Трансильваніи. Однако противъ русской теоріи выступила болгарская, признававшая единственнымъ славянскимъ элементомъ трансильванской колонизаціи Болгаръ и считавшая даже русское имя послѣднихъ представителей трансильванской Руси однимъ недоразумѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ не могъ не обескураживать фактъ, что языкъ послѣднихъ „Русиновъ" Трансильваніи оказывается болгарскимъ. Но все же вопросъ о русской колонизаціи Трансильваніи можно и даже слѣдуетъ трактовать независимо отъ этихъ остатковъ. Ягичъ, въ рецензіи сочиненія Филевича довольно скептически выразившійся о русской теоріи (Archiv, XIX, стр. 237), въ болѣе новомъ изслѣдованіи (Archiv, XX, стр. 22—3) считалъ фактомъ, что въ Трансильваніи встрѣчалась Русь съ Болгарами.

8. Данныя раскопокъ по вопросу объ антропологическомъ восточно-славянскомъ типѣ. Вопросомъ объ археологическомъ славянскомъ типѣ на основаніи археологическаго матеріала впервые серіозно занялся главнымъ образомъ Богдановъ. Онъ считалъ первичнымъ типомъ узколицый длинноголовый (лептопрозопный долихоцефализмъ); его статьи: Матеріалы для антропологіи курганнаго періода Московск. губ. (1867, Извѣстія моск. общ. любит. естествознанія, т. IV), Описаніе курганныхъ череповъ Смоленской губ. (Антропологическая выставка, II), Курганные черепа области древнихъ Сѣверянъ (области Псла, ibid.), Черепа изъ старыхъ московскихъ кладбищъ (ibid.), Древніе Кіевляне, по ихъ черепамъ и могиламъ (ibid. т. III), Курганные жители Сѣверянской земли (ibid.), Доисторическіе Тверитяне по раскопкамъ кургановъ (ibid.), Древніе Новгородцы по ихъ черепамъ (ibid.), Къ краніологіи смоленскихъ курганныхъ череповъ (ibid, т. IV); объ изслѣдованіяхъ его о черепахъ древнѣйшихъ временъ см. выше, стр. 41 и 56. Результаты изслѣдованій онъ свелъ и предложилъ въ своемъ рефератѣ Quelle est la race la plus ancienne de la Russie Centrale (Congrés international à Moscou, I). Слабою стороною его изслѣдованій было то обстоятельство, что они основаны нерѣдко на очень небольшомъ матеріалѣ, а главное, что онъ располагалъ черепами изъ чужихъ раскопокъ и, не будучи самъ археологомъ, мало останавливался на критеріи славянства тѣхъ могилъ, откуда были взяты его черепа; поэтому наиболѣе цѣнны его измѣренія сѣверянскихъ и кіевскихъ череповъ, такъ какъ славянство этого матеріала было наиболѣе достовѣрно. Его наблюденіе, что въ древнихъ сѣверянскихъ могилахъ преобладаетъ длинноголовый типъ, получило подтвержденіе въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ восточно-славянскихъ могилъ. Антропологическія измѣренія изъ интересующей насъ

территоріи, кромѣ помянутыхъ работъ Богданова, имѣются въ слѣдующихъ публикаціяхъ: Антоновичъ, Раскопки въ странѣ Древлянъ—(Матеріалы по археологіи Россіи, № 11), Раскопки кургановъ въ Западной Волыни (Труды IX съѣзда, т. II) и Раскопки въ бассейнѣ р. Случи (Труды XI съѣзда т. I); Мельникъ, Раскопки въ землѣ Лучанъ (ibid.); Покровскій, Антропологическія данныя о типѣ череповъ изъ волынскихъ кургановъ (ibid. т. II — резюме, результаты вошли въ статью г-жи Мельникъ); Talko-Hryncewicz, Przyczynki do poznania swiata kurhanowego Ukrainy (Materyały antropologiczno-archeologiczne, т. IV—здѣсь древлянскія и „полянскія“ могилы—измѣренія послѣднихъ испорчены тѣмъ, что сюда введены и нѣкоторыя черноклобуцкія погребенія); Поповъ, Анатомическое изслѣдованіе костей, найденныхъ при раскопкахъ кургановъ Харьковской губерніи, реф. II—кости изъ Ницахскаго могильника (Труды предварит. комитета XII съѣзда, т. I). Труды болѣе общаго характера, кромѣ упомянутаго реферата Богданова Niederle, O původu Slovanů. 1896, Slovanské Starožitnosti, I, 1902 (гл. 2); Sergi, De combien le type du crâne de le population actuelle de la Russie centrale différe-t-il du type antique de l'époque des courganes? (Compte-rendus du XII congrés international de medecine, II, 1899).

Упомянутая работа Нидерле O původu Sl. съ полной рѣшительностью объявила первоначальный славянскій типъ длинноголовымъ—на основаніи археологическо-антропологическаго матеріала, и свѣтловолосымъ—на основаніи историческихъ свидѣтельствъ. Обставленная довольно солидными аргументами, она вызвала живой обмѣнъ мнѣній по этому вопросу. Пересмотръ главныхъ моментовъ ея даетъ тотъ же Нидерле въ Slov. Star., стр. 87 и слѣд. Между аргументами contra, выдвинутыми въ этой полемикѣ, въ качествѣ важнѣйшихъ можно отмѣтить слѣдующіе: славянство длинноголовыхъ покойниковъ не доказано; могилы съ сожженными покойниками могутъ быть какъ разъ остатками короткоголоваго населенія. Что касается цвѣта, то обратили на себя вниманіе изслѣдованія Минакова—О цвѣтѣ и формѣ волосъ изъ кургановъ средней Россіи (Труды Моск. Антроп. Отд., т. XIX): онъ отмѣчаетъ, что остатки волосъ, имѣвшіяся у него (а имѣлъ онъ ихъ изъ 20 могилъ Московской, Ярославской и Костромской губерній) всѣ темные, а русыхъ среди нихъ не было совершенно; эти факты однако не имѣютъ достаточно доказательной силы: изслѣдованія Минакова основаны на матеріалѣ изъ финской территоріи. Что касается длинноголовости, то Нидерле, защищая свою теорію, справедливо указалъ, что рядомъ съ длинноголовымъ населеніемъ мы не видимъ какого-либо короткоголоваго типа, въ которомъ можно бы было усмотрѣть славянское населеніе. Дѣйствительно, если Славяне при своемъ разселеніи ассимилировали туземную длинноголовую расу, то они должны были выступить вполнѣ отчетливо,

какъ вторая раса, рядомъ съ нею въ могильныхъ находкахъ X—XI вв., а этого нѣтъ. Допустить, что все славянское населеніе сожжено, невозможно, потому что у Славянъ мы знаемъ оба похоронныхъ типа, и во всякомъ случаѣ, когда исчезъ обрядъ сожиганія, короткоголовое населеніе должно бы было выступить передъ нами сразу весьма сильно, если Славяне были короткоголовы. Вообще Нидерле довольно удачно защищаетъ свою теорію въ новомъ пересмотрѣ, но защищая ее, сводитъ вопросъ уже только къ статистическому перевѣсу русаго и длинноголоваго типа среди славянскаго населенія (резюме, стр. 108—9). Другими словами —мы никогда не знаемъ Славянъ какъ однообразный антропологическій типъ. Эволюція его при этомъ остается все же неясной. Переходъ отъ длинноголоваго, хотя бы и преобладающаго только, а не исключительнаго, къ современному короткоголовому типу остается и до сихъ поръ вопросомъ невыясненнымъ, нерѣшеннымъ, и въ этомъ лежитъ главное затрудненіе, связанное съ теоріею длинноголовости

Сокращенныя цитаты.

Іпат.—Іпатская лѣтопись, страницы по изд. 1871 г.

Лавр.—Лаврентьевская лѣтопись, изд. 1872 г.

Новг. или 1 Новг.—Новгородская лѣтопись т. назв. Первая, изд. 1888 г. (Новгородская лѣтопись по синодальному харатейному списку).

Софійская, Воскресенская, Никоновская, Тверская лѣтопись—по Полному собранію рус. лѣтописей.

Параграфы договоровъ Руси съ Греками по обычному дѣленію, какъ въ Христоматіи проф. Владимирскаго-Буданова.

Р. Правда—Русская Правда, Кар. и Ак.—Карамзинскій и Академическій кодексы, цифры обозначаютъ параграфы по принятому дѣленію, какъ въ изд. Калачева.

Правила м. Іоанна—по изд. Павлова (Русская историческая библіотека т. VI), съ его дѣленіемъ на параграфы.

Житіе Өеодосія—изд. Бодянскаго, цифры обозначаютъ листы этого изданія.

Поученія Мономаха—по Лаврентьевской лѣтописи 1872 г.

Слово о полку Игоревѣ—римскія цифры обозначаютъ дѣленіе на главы принятое въ изд. Огоновскаго (Львовъ, 1876).

Патерикъ—въ изд. Яковлева (Памятники русской литературы XII и XIII в.).

Inscr.—Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.

Plin.—Plinii Naturalis Historia, ed. Detlefsen.

Птолемей—дѣленіе на параграфы по изд. Ноббе.

Iord.—Iordanis Getica, изд. Моммзена.

Corpus scriptorum hist. Byz.—боннское изд., по этому изданію цитируются тексты Византійцевъ, не представленные болѣе новыми изданіями—какъ Historici graeci minores ed. Dindorf, Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti confecta ed. Boissevoin, de Boor, Büttner-Wobst, Өеофанъ и Никифоръ въ изд. de Boor, Прокопій въ изд. Haury.

Mon. Germ. h.—Monumenta Germaniae historica, серія Scriptores.

Mon. Pol. h.—Monumenta Poloniae historica, Львовъ, 1864 sq.

Гаркави—Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ.

Ибнъ-Дастъ, или ибнъ-Росте, ибнъ-Русте, какъ его теперь называютъ—въ изд. Хвольсона Извѣстія ибнъ-Даста, 1869.

Рюйсброкъ (Rubrucus) въ Recueil des voyages publié par la Société de géographie, IV, 1839.

Карамзинъ—Исторія россійская, изд. Эйперлинга, 1842.

Соловьевъ—Исторія Россіи, въ стереотипномъ изданіи тов. „Обществ. Польза".

Записки львов.—Записки Наукового Товариства імени Шевченка, Львовъ.

Записки кіев.—Записки Українського Наукового Товариства в Киïвi.

Записки одес.—Записки одесскаго общества исторіи и древностей.

Матеріали до етнол.—Матеріали до українсько-руськоï етнольоґiï, изд. Наук. тов. ім. Шевченка во Львовѣ.

К. Ст.—Кіевская Старина.

Чтенія кiев.—Чтенія Истор. общества Нестора.

Ж. Ст.—Живая Старина, изданіе русскаго географическаго Общества.

Krek [2]—G. Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, 2 изд.

Ж. М. Н. П.—Журналъ министерства народнаго просвѣщенія.

Изв. отд. рус. яз.—Извѣстія отдѣленія русскаго языка академіи наукъ, новая серія—1896 и сл.

Труды отд. сл. и рус. арх.—Записки императорскаго археол. общества, новая серія—Труды отдѣленія словянской и русской археологіи.

Archiv—Archiv für slavische Philologie.

I. F.—Indogermanische Forschungen.

Kwart. hist.—Kwartalnik historyczny, organ Towarzystwa historycznego, во Львовѣ.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе . . . . III—VIII

I. Территорія и ея прошлое . . . . 1—88

1. Общій видъ 1
2. Вліяніе физическихъ условій на историческую эволюцію . . 4
3. Прошлое территоріи 7
4. Начатки человѣческой жизни 14
5. Слѣды палеолитическаго человѣка въ юго-восточной Европѣ 18
6. Неолитическій человѣкъ 22
7. Культура неолитической эпохи 28
8. Погребальные типы; культурная дифференціація въ неолитической эпохѣ 33
9. Культура глиняныхъ мазанокъ (передмикенская) 38
10. Физическій типъ. 40
11. Начатки металлической культуры; мѣдь и бронза 41
12. Переходные типы; вопросъ о бронзовой культурѣ 43
13. Ранняя желѣзная культура въ сѣверной полосѣ 47
14. Типы желѣзной культуры въ степной и предстепной полосѣ 50
15. Новые элементы въ физическомъ типѣ населенія 55
16. Вопросъ этнографической принадлежности. Опыты лингвистическаго освѣщенія вопроса 57
17. Приблизительность результатовъ лингвистическаго изслѣдованія. Вопросъ объ индоевропейской прародинѣ. 59
18. Затрудненія, связанныя съ антропологическимъ типомъ . 62
19. Комбинированный историко-лингвистическій методъ . . . 64
20. Дифференціація индоевропейскихъ племенъ 65
21. Древнѣйшія дѣленія индо-европейской семьи 66
22. Славяно-литовская общность и ея разложеніе 68
23. Древнѣйшая славяно-литовская территорія 69

24. Западные предѣлы праславянской территорiи 70
25. Сѣверные и сѣверовосточные предѣлы праславянской территорiи 73
26. Славянская прародина 75
27. Другiя теорiи прародины славянства 77
28. Славянскiя имена 80
29. Славянскiя племена на прародинѣ и въ разселенiи 82
30. Общiй характеръ разселенiя; исходныя точки славянскаго заселенiя юго-восточной Европы 84
31. Границы разселенiя и границы культуры 85
32. Культурная эволюцiя славянской прародины 87

II. Передъ славянскимъ разселенiемъ . . . . 89—189

33 Греческая колонизацiя черноморскаго побережья, ея пропроисхожденiе и значенiе 89
34. Колонiи Милета и другихъ митрополiй 90
35. Общее развитiе греческой колонизацiи и торговли по археологическимъ даннымъ 91
36. Тира и побережье до Ольвiи 93
37. Ольвiя 94
38. Упадокъ Ольвiи 96
39. Херсонесъ 99
40. Внѣшняя исторiя Херсонеса 101
41. Херсонесъ въ римско-византiйскую эпоху 103
42. Южный берегъ Крыма и Босфоръ Киммерiйскiй 106
43 Босфорское государство въ римскую эпоху 109
44. Босфорскiя колонiи въ эпоху византiйскую 110
45. Черноморская торговля 111
46. Влiянiе греческой черноморской торговли на культуру материка 113
47. Древнѣйшiя извѣстiя о населенiи степей. Киммерiйцы . . . 116
48. Извѣстiя Геродота и малоазiатскихъ источниковъ о Киммерiйцахъ 117
49. Движенiе Скиѳовъ 120
50. Скиѳiя Геродота 121
51. Нацiональность Скиѳовъ 124
52. Бытъ Скиѳовъ 126
53. Скиѳскiй культъ 128
54. Политическiй строй Скиѳiи 130
55. Сѣверные сосѣди Скиѳовъ: Невры 130
56. Андрофаги 132

Стр.
57 Меланхлены и Будины 133
58. Движеніе Сарматовъ 135
59. Населеніе степей въ эпоху сарматскаго разселенія 137
60. Этнографія Сарматіи 139
61. Политическія отношенія 140
62. Аланы 142
63. Населеніе Подунавья и Прикарпатья. Ѳракійскія племена . . 145
64. Населеніе восточныхъ Карпатъ: Бессы, Костобоки, Карпы . 149
65. Національность карпатскихъ племенъ 151
66. Бытъ карпатскаго населенія 153
67. Остатки стараго населенія Карпатъ 154
68. Бастарны 155
69. Слѣды Кельтовъ 158
70. Разселеніе Бастарновъ 159
71. Движеніе восточно-германскихъ племенъ 161
72. Движеніе Готовъ 163
73. Готы на Черноморьѣ 165
74. Разселеніе Готовъ 167
75. Готскіе набѣги 168
76. Движеніе готскихъ племенъ въ Прикарпатье 170
77. Готскія традиціи о Германарихѣ 171
78. Недостовѣрность Германариховой легенды 173
79. Гунское движеніе—походъ урало-алтайскихъ ордъ . . . 174
80 Прошлое Гунской орды 176
81. Этнографическій составъ гунской орды 177
82. Гунны въ Европѣ. Разгромъ Готовъ 179
83. Движеніе готскихъ племенъ на западъ и ихъ остатки на Черноморьи 181
84. Дальнѣйшія судьбы гунской орды 182
85. Дальнѣйшее движеніе ордъ 184
86. Переселеніе Болгаръ на Дунай 185
87. Движеніе Аваровъ 187

III. Славянская колонизація и тюркскій натискъ 190—295

88. Слѣды движенія Славянъ на юго-западъ предъ разселеніемъ. 190
89. Общія условія славянскаго разселенія 192
90. Славянское разселеніе на западѣ и юго-западѣ 193
91. Славянское разселеніе на юго-востокѣ 195
92. Славяне за Дунаемъ 197
93. Славяне на среднемъ Дунаѣ 200

Стр.
94. Передвиженія на прародинѣ 201
95. Антская колонизація 203
96. Извѣстія объ Антахъ 205
97. Антская группа 208
98. Начало антскаго разселенія 210
99. Походы Антовъ на Византію 211
100. Война Антовъ со Словенами и союзъ съ Византіею . 212
101. Анты и Авары 214
102. Послѣднія извѣстія отъ Антахъ 216
103. Разселеніе на юго-востокѣ VII—IX вв. 218
104. Восточно-славянская колонизація X—XI в. Сѣверо-западъ . . 219
105. Полѣсье. Дреговичи 221
106. Заднѣпровье. Радимичи и Вятичи 226
107. Южная группа. Поляне 224
108. Полянская Русь 227
109. Сѣвера 230
110 Населеніе Подонья. 231
111. Вопросъ объ этнографическомъ составѣ поднѣпровскаго и заднѣпровскаго населенія 235
112. Западныя земли: Древляне 239
113. Уличи; лѣтописная традиція о нихъ 240
114. Переселеніе Уличей 244
115. Тиверцы 246
116. Дулѣбы. 247
117. Политическое дѣленіе дулѣбской территоріи 250
118. Хорваты 252
119. Бѣлая Хорватія и восточно-славянскіе Хорваты 253
120. Восточно-славянское разселеніе въ Прикарпатьи 257
121. Измѣненія западной границы 258
122. Первоначальное восточно-славянское разселеніе на западѣ . 261
123. Сѣверо-западная граница 262
124. Закарпатье 263
125. Трансильванія и нижнее Подунавье 265
126. Вопросъ о времени восточно-славянскаго разселенія въ Карпатахъ 267
127. Вопросъ о восточно-славянскомъ разселеніи на юго-западѣ. . 270
128. Общія условія развитія юго-восточной колонизаціи. Хозары 272
129. Происхожденіе хозарской орды. 274
130. Распространеніе хозарскаго верховенства. Быть Хозаръ . . 275
131. Культурное значеніе хозарской орды. Борьба съ тюркскимъ натискомъ 277

Стр.
132. Упадокъ хозарской орды 278
133. Движеніе Угровъ 280
134. Угры въ черноморскихъ степяхъ 283
135. Печенѣги 285
136. Разрушеніе славянской колонизаціи въ степяхъ 286
137. Отливъ степного населенія 288
138. Борьба съ тюркскимъ натискомъ 289
139. Укрѣпленіе пограничья 291
140. Остатки степной колонизаціи 294

IV. Культура восточно-славянскихъ племенъ эпохи разселенія и послѣдующей . . . . 296—375

141. Источники изученія древнѣйшаго быта 296
142. Источники археологическіе и историко-литературные . . . 298
143. Земледѣліе—по даннымъ языка 300
144. Хлѣбныя растенія и ихъ воздѣлываніе 301
145. Огородничество и садоводство 304
146. Историческія данныя 306
147. Мѣстныя данныя о земледѣліи 307
148. Скотоводство 309
149. Археологическія и историческія данныя о скотоводствѣ . . 311
150. Птицеводство и пчеловодство 313
151. Охота и рыбная ловля 315
152. Обработка продуктовъ—кожа и шерсть 317
153. Глина и дерево 319
154. Металлы 322
155. Мѣстная металлическая техника 323
156. Пища 324
157. Историческія свѣдѣнія о пищѣ 326
158. Одежда 328
159. Археологическіе остатки одежды 329
160. Историческія описанія костюма 330
161. Жилище 333
162. Историческія данныя. 335
163. Вооруженіе 336
164. Вооруженіе X—XI вв. 338
165. Музыкальные инструменты и предметы забавы 340
166. Иноземный ввозъ; древнѣйшіе слѣды 340
167. Главныя направленія иноземныхъ сношеній 341
168. Монетные клады 344

Стр.
169. Торговые пути IX—X вв. Путь „въ Греки“ 345
170. Черноморская торговля 348
171. Торговля съ Византіей 349
172. Торговыя привилегіи 352
173. Предметы руско-византійской торговли 352
174. Торговля съ Крымомъ и кочевниками 355
175. Сѣверная торговля 357
176. Западныя сношенія 358
177. Восточная торговля 361
178. Болгаръ. 362
179. Хозаръ 363
180. Арабы на Руси 364
181. Восточно-европейскій вывозъ 365
182. Арабскіе товары 368
183. Русскіе купцы въ характеристикѣ Арабовъ 369
184. Разцвѣтъ и упадокъ восточной торговли 370
185. Внутреняя торговля 372
186. Югъ и сѣверъ 374

V. **Населеніе и его общественный бытъ** . . . . 376—454

187. Характеристика физическаго типа 376
188. Антропологическій типъ 378
189. Нѣкоторыя частныя антропологическія черты 381
190. Психофизическія черты 382
191 „Веселіе“ 384
192. Общія характеристики 387
193. Міровоззрѣніе и религія 388
194. Божество неба и его спеціализація 390
195. Перунъ, Даждьбогъ, Сварожичъ 392
196. Велесъ 395
197. Вопросъ о дуализмѣ 396
198. Теоморфизмъ и антропоморфизмъ 397
199. Низшія божества 398
200. Культъ 400
201. Вопросъ о человѣческихъ жертвахъ 403
202. Магическое знаніе 404
203. Фатализмъ 406
204. Идеи загробной жизни 407
205. Погребальный обрядъ. Разсказъ ибнъ-Фадлана 409
206. Данныя раскопокъ объ обрядѣ сожженія 411

Стр.
207. Погребеніе 412
208. Души умершихъ и культъ предковъ 415
209. Праздники 417
210. Свадебный обрядъ. Лѣтописное преданіе 419
211. Умычка и покупка жены 422
212 Патріархальный строй и вопросъ о переживаніяхъ . . . 424
213. Переживанія въ свадебномъ обрядѣ 425
214 Патріархальный бытъ по даннымъ языка 427
215. Власть мужа. 430
216. Положеніе женщины 432
217. Родъ 435
218. Лѣтописный „родъ“ и большая семья 437
219. Задруга 439
220. Сложныя семьи и ихъ переживанія среди украинскаго населенія 441
221. Племя 443
222. Сельская община 445
223. Общинный строй 448
224. Городъ 449
225. Городскія поселенія и системы городовъ 452
226. Земли-волости 454

Примѣчанія . . . . 455—478

1. Греческая колонизація сѣвернаго берега Чернаго моря . . . 455
2. Литература Геродотовой Скиѳіи 458
3. Государство Германариха и Днѣпровскій городъ Готовъ . . 459
4. Анты 462
5. Литература восточно-славянскаго разселенія 466
6. Теорія древней великорусской колонизаціи на Поднѣпровьѣ 468
7. Литература западной границы украинской колонизаціи . . . 47
8. Данныя раскопокъ по вопросу объ антропологическомъ восточно-славянскомъ типѣ 476

Сокращенныя цитаты . . . . 479—480

Проспектъ „Історіи України-Руси“ автора.

Томъ первый, 2 изд. 1904, стр. 628.

I—IV гл. соотвѣтствуютъ настоящему тому „Кіевской Руси“.

V. Образованіе Русскаго государства: начатки политическаго строя: начало Кіевскаго государства; хронологическій обзоръ событій X вѣка.

VI. Эпоха Владиміра Вел.

I экскурсъ—о древнѣйшей лѣтописи.

II экскурсъ—о норманской теоріи.

Томъ второй, 2 изд. 1905, ст. 633.

I гл. Время Ярослава.

II. Разложеніе Кіевскаго государства въ XI—XII в.

III. Паденіе Кіева (до татарскаго погрома 1240 г.).

IV. Обзоръ земель—Кіевская земля (и въ прибавленіе—земля Турово-пинская): территорія, города, политическая и культурная жизнь.

V. Земля Черниговская и Переяславская.

VI. Волынь и Побужье.

VII. Прикарпатье: Галиція и Угорская Русь.

VIII. Степи: остатки славянской колонизаціи, тюркскіе насельники степи: Печенѣги, Торки, Половцы, Монголо-Татары.

Томъ третій, 2 изд. 1905, ст. 587.

I гл. Галицко-Волынское государство (XIII—XIV в.), образованіе его при Романѣ, время Даніла и его преемниковъ.

II. Поднѣпровье во второй пол. XIII и нач. XIV в., подъ татарскимъ верховенствомъ.

III. Политическій и общественный строй украинскихъ земель XI—XIII вв.: государственная система, княжескія отношенія, политическая организація земли, управленіе; церковный строй и его исторія; общественные классы.

IV. Бытъ и культура: економическія отношенія; право, какъ культурно-бытовое явленіе: отношенія семейныя; недостатки общества въ представленіяхъ современныхъ моралистовъ; картины быта; христіанство и его культурныя вліянія: искусство; школа и просвѣщеніе: книжность и литературное творчество; литература переводная и оригинальная.

Томъ четвертый, 2 изд. 1907, ст. 538.

I гл. Оккупація украинскихъ земель Литвою и Польшею; борьба за Галицко-волынскія земли.

II. Украинскія земли подъ властью Литвы и Польши на переломѣ XIV и XV вв.: борьба за Галицію, польско-литовская унія и вопросъ объ инкорпораціи земель в. кн. Литовскаго.

III. Украинскія земли подъ властью Литвы и Польши во второй пол. XV и нач. XVI вѣка: національное раздвоеніе и борьба въ в. кн. Литовскомъ; украинско-бѣлорусская ирредента.

IV. Перемѣны въ украинскихъ степяхъ, образованіе Крым-

ской орды, отношенія ея къ Литвѣ и Польшѣ, опустошенія украинскихъ земель.

V. Вопросъ объ уніи въ XVI в. и присоединеніе украинскихъ земель къ Польшѣ.

Томъ пятый, 1 изд. 1905, ст. 687.

I гл. Политическая и общественная эволюція украинскихъ земель подъ литовскимъ и польскимъ режимомъ, XIV—XVII в. (общій обзоръ).

II. Эволюція общественнаго строя—образованіе шляхетскаго и магнатскаго класса въ украинскихъ земляхъ.

III. Крестьянство—его категоріи, ограниченіе правъ, исторія обложенія.

IV. Мѣщане и украинскій элементъ въ городахъ. Духовенство черное и бѣлое.

V. Управленіе.

VI. Церковный строй и церковная жизнь XIV—XV вв.

VII. Исторія уніи.

Томъ шестой, 1 изд., 1907, ст. 670.

I гл.—Экономическая жизнь, торговля и городская промышленность XIV—XVII вв.

II. Сельское хозяйство: переживанія старого хозяйства, развитіе сельско-хозяйственнаго вывоза въ XV—XVI вв. и его вліянія.

III. Культурныя и національныя отношенія: національный составъ и національные элементы.

IV. Бытъ и культура: религіозныя и національныя традиціи, книжность, искусство, бытъ.

V. Культурное движеніе XVI в., прогрессивныя и консервативныя теченія, острожскій кружокъ и львовское братство.

VI. Унія и борьба за и противъ нея въ литературѣ, въ политической и общественной жизни.

Томъ седьмой, 1909, ст. 640.

I гл. Колонизаціонныя и бытовыя отношенія восточной Украины въ XV и XVI вв.

II. Старѣйшія извѣстія о козачествѣ.

III. Ростъ козачества и его организація во второй пол. XVI в.

IV. Козацкія войны 1590-хъ гг.

V. Восточная Украина и козачество въ нач. XVII в. Соціальное значеніе козачества, его строй и бытъ.

VI. Козачество и его отношенія къ польской рѣчи посполитой въ первыхъ двухъ десятилѣтіяхъ XVII в.

VII. Религіозно-національное движеніе въ восточной Украинѣ и участіе въ немъ козачества.

VIII. Отъ Хотина до Курукова (1621—1625).

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Літературно-Наукового Вістника въ Кіевѣ (Б.-Владимірская 28) и у Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ (Гостинный Дворъ № 19).